

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

3(53)'2015

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам European Reference Index for the Humanities (ERIH)
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 19.02.2010 №6/6

Екатеринбург 2015

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

PhD, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор В. М. БРИЦЫН (Киев, Украина)

PhD, профессор АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ (Лодзь, Польша)

PhD, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор, чл.-кор. РАН В. А. ВИНОГРАДОВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор Е. А. НАХИМОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор У АЙХУА (Пекин, Китай)

PhD, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

доктор филол. наук, профессор Е. В. ШУСТРОВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор ЯН КЭ (Гуанчжоу, Китай)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2015. – Вып. 3 (53). – 283 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Из истории политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш107

Благодарим РГНФ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 14-04-0268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2015
© Политическая лингвистика, 2015

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

3(53)'2015

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)
Vladimir N. Bazylev, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Britsyn V. M., Ph. D. (Kiev, Ukraine)
Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)
Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Andrzej de Lazari, Ph.D., Prof. (Lodz, Poland)
Elena A. Nakhimova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Elizaveta V. Shustrova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot, Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Lilyana Tsoneva, Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Viktor A. Vinogradov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)
Yang Ke, Ph.D., Prof. (Guangzhou, China)
Wu Aihua, Ph.D., Prof. (Beijing, China)

Ekaterinburg 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	10

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Беглова Е. И., Шмелёва О. Ю. Нижний Новгород, Россия	«Языковой код» политической коммуникации (на материале выступлений Президента России В. В. Путина 2012—2015 гг.)	12
Карасик В. И. Волгоград, Россия	Ценностные приоритеты в анекдотах о новых русских	17
Катермина В. В. Краснодар, Россия	Оценочные номинации политиков (на материале русской и английской субстандартной лексики)	26
Кретов А. А. Воевудская О. М. Титов В. Т. Воронеж, Россия	Ментальное членение языков Европы в зеркале эксклюзем	32
Меркулова Э. Н. Нижний Новгород, Россия	«Ай спик фром май харт», или А был ли Runglish?	42
Руженцева Н. Б. Екатеринбург, Россия	Имиджевое интервью-перформанс В. Жириновского: смена масок, эпатаж, технология примитива	50
Химик В. В. Санкт-Петербург, Россия	<i>Майдан</i> как феномен русской и восточнославянской языковой действительности	57
Шустрова Е. В. Екатеринбург, Россия	Ориентационные метафоры в американской карикатуре времен Великой депрессии	65

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Алферов А. В., Кустова Е. Ю. Пятигорск, Россия	Ксеностереотипы в языковой картине мира и в дискурсе Европейского парламента	74
Попова Г. Е. Астрахань, Россия		
Белюсов К. И. Ерофеева Е. В. Пермь, Россия	Семантические модели актуальных представлений о России (на материале психолингвистических экспериментов разных типов)	80
Ворошилова М. Б. Екатеринбург, Россия	«Дружба крепкая не сломается»: визуальные символы дружбы в советском политическом плакате	91
Гизатуллина А. Р. Гумерова М. И. Казань, Россия	Идеологемы постперестроечного периода как фактор формирования нового сознания: общая характеристика (на материале газеты «Известия»)	95
Горбачева Е. Н. Астрахань, Россия	Стратегическая перформативность в политическом дискурсе	102
Копцева В. А. Павлодар, Казахстан	Жанр интервью в политическом дискурсе Г. А. Зюганова	107
Корбо Беатриче Москва, Россия	Спортивно-игровая метафора в политическом дискурсе (на материале русского и итальянского языков)	116

Мальшев Д. А. Москва, Россия	Событие и нарратив в теленовостях, посвященных деятельности политиков 124
Матвеева Г. Г. Лесняк М. В. Зюбина И. А. Ростов-на-Дону, Россия	Персональность и коллективность в немецком парламентском дискурсе: особенности речевого воздействия в фокусе скрытой и функциональной прагмалингвистики..... 134
Морозова Н. Н. Нижегород, Россия	Внешняя политика как дискурсивная практика: к вопросу о конструировании политического сообщества..... 140
Немирова Н. В. Сыктывкар, Россия	Прецедентность политического прогнозирования в газетном дискурсе..... 148
Скворцова А. В. Пушкин, Россия	Реляционные имена в политике 156
Сковородников А. П. Королькова Э. А. Красноярск, Россия	Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») 160
Удальцова Н. М. Москва, Россия	Спортивная концептуальная метафора в англоязычном медиадискурсе 173
Ярославцева Я. А. Ульяновск, Россия Дубровская Т. В. Пенза, Россия	Конструирование межнациональных отношений в жанрах внешнеполитического дискурса (на примере России и США) 182

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Данкова Н. С. Пенза, Россия	Репрезентация судебной власти в дискурсе российских и английских печатных СМИ: стратегия оценки 192
Иванова М. Г. Алма-Ата, Казахстан	Особенности русского национального характера в контексте системы верований и языка 199
Катлишина Т. С. Пермь, Россия	Культурологический анализ структуры концепта «идентичность» в научном дискурсе..... 204
Коптякова Е. Е. Сургут, Россия	Особенности лингвистического анализа медиатекстов 213
Ложкова Т. А. Екатеринбург, Россия	Фанатская кричалка и политический дискурс: к вопросу о специфике бытования современного молодежного фольклора 216
Нестерова О. А. Нижегород, Россия	Психолингвистический анализ мотивационных ориентиров языковой личности как инструмент выявления социально-политических взглядов говорящего (на примере публицистического дискурса В. П. Астафьева)..... 220
Попова О. А. Тюмень, Россия	Мотивационно-интенциональный компонент авторского сознания в публицистическом тексте..... 226
Салахова А. Г.-Б. Челябинск, Россия	Лингвистические особенности немецкого религиозного медиадискурса (на материале сайтов Католической и Евангелической церкви Германии)..... 232
Тельминов Г. Н. Расказова Т. П. Екатеринбург, Россия	Апелляция к общеизвестным истинам как средство убеждения в текстах американской и российской интернет-рекламы 236

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Барабаш О. В. Пенза, Россия	Поляризация семантики термина «аукцион» в современном антимонопольном законодательстве 240
Доронина С. В. Барнаул, Россия	«Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам 245

РАЗДЕЛ 5. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Власенко С. В. Москва, Россия	Правовая лингвистика в США: научное наследие Питера М. Тиерсмы 250
Лоренс М. Солан США <i>Пер. с англ. С. В. Власенко</i>	Вспоминая Питера Тиерсму 257
Юзефович Н. Г. Хабаровск, Россия	«Кремль и народ» Дюранти в контексте двух эпох.....260
Игнатъева И. Г. Москва, Россия	
Дюранти У. США <i>Пер. с англ. И. Г. Игнатъевой и Н. Г. Юзефович</i>	Кремль и народ (фрагмент) 268

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Ерёмина С. А. Екатеринбург, Россия	Новые приемы характеристики креолизованного текста 274
Чудинов А. П. Нахимова Е. А. Екатеринбург, Россия	Метафорический антропоморфизм в социально-политической коммуникации.....276
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика» 280	

CONTENTS

Editorial principles of the journal “Political Linguistics”	10

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Beglova E. I., Shmeleva O. Y. Nizhny Novgorod, Russia	“Language code” of political communication (on the material of the speeches of President Vladimir Putin in 2012—2015).....	12
Karasik V. I. Volgograd, Russia	Value priorities in jokes about New Russians.....	17
Katermina V. V. Krasnodar, Russia	Evaluative nominations of politicians (based on Russian and English substandard vocabulary).....	26
Kretov A. A. Voevudskaya O. M. Titov V. T. Voronezh, Russia	Mental classification of european languages in terms of exclusive lexemes.....	32
Merkulova E. N. Nizhny Novgorod, Russia	«Ay spik from may khart», or Does Runglish really exist?.....	42
Ruzhentseva N. B. Ekaterinburg, Russia	Image interview-performance of V. Zhirinovskiy: change of guise, shock and primitivism technology	50
Khimik V. V. Saint Petersburg, Russia	<i>Maidan</i> as a phenomenon of Russian and East Slavic linguistic reality.....	57
Shustrova E. V. Ekaterinburg, Russia	<i>Up vs. Down</i> and <i>Forward vs. Backwards</i> oppositions in American political cartoon: the Great Depression period.....	65

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Alferov A. V., Kustova E. Y. Pyatigorsk, Russia Popova G. E. Astrakhan, Russia	Xeno-stereotypes in the linguistic worldview and the dicourse of European Parliament	74
Belousov K. I., Erofeeva E. V. Perm, Russia	Semantic models of popular images of Russia (based on psycholinguistic experiments of various kinds).....	80
Voroshilova M. B. Ekaterinburg, Russia	“A friend in need is a friend indeed”: visual symbols of friendship in the Soviet political poster	91
Gizatullina A. R. Gumerova M. I. Kazan, Russia	Post-perestroika ideologemes as a factor of formation of new consciousness: general characteristics (based on the materials of the «Izvestia»).....	95
Gorbacheva E. N. Astrakhan, Russia	Strategic performativity in political discourse.....	102
Koptseva V. A. Pavlodar, Kazakhstan	Genre of interview in Gennadiy Zyuganov's political discourse	107
Corbo Beatrice Moscow, Russia	Sports and games metaphor in political discourse in Russian and Italian.....	116
Malyshev D. A. Moscow, Russia	Event and narrative in TV-news dedicated to politicians' activities	124

Matveeva G. G. Lesnyak M. V. Zyubina I. A. Rostov-on-Don, Russia	Personality and collectiveness in the German parliamentary discourse: peculiarities of speech influence in the focus of implicit and functional pragmalinguistics.....	134
Morozova N. N. Nizhny Novgorod, Russia	Foreign policy as discursive practice: on the question of constitution of a political community.....	140
Nemirova N. V. Syktyvkar, Russia	Precedential character of political prediction in newspaper discourse	148
Skvortsova A. V. Pushkin, Russia	Relation names in politics.....	156
Skovorodnikov A. P. Korol'kova E. A. Krasnoyarsk, Russia	Speech tactics and language means of political information-psychological warfare in Russia: ethical-pragmatic aspect (based on the materials of the «Novaya Gazeta»).....	160
Udal'tsova N. M. Moscow, Russia	Conceptual sports metaphor in English media discourse.....	173
Yaroslavtseva Y. A. Ulyanovsk, Russia Dubrovskaya T. V. Penza, Russia	Constructing international relations in the genres of foreign policy discourse in Russia and the USA.....	182

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Dankova N. S. Penza, Russia	Representation of judicial power in Russian and English print media discourse: assessment strategy	192
Ivanova M. G. Almaty, Kazakhstan	Peculiar features of the Russian national character in the system of beliefs and language	199
Katlishina T. S. Perm, Russia	Culturological analysis of the structure of the concept of "identity" in scientific discourse	204
Koptyakova E. E. Surgut, Russia	Peculiarities of linguistic media text analysis	213
Lozhkova T. A. Ekaterinburg, Russia	Fan chants and political discourse: on the issue of the modern youth folklore's specifics of existence	216
Nesterova O. A. Nizhny Novgorod, Russia	Psycholinguistic analysis of linguistic personality motivating aims as an instrument of detection of the speaker's socio-political views (by the example of publicistic discourse of V. P. Astafyev).....	220
Popova O. A. Tyumen, Russia	Motivation-intentional component of the author's worldview in publicist text	226
Salakhova A. G.-B. Chelyabinsk, Russia	Linguistic features of the German religious media discourse (on the material of websites of German Catholic and Evangelical Church).....	232
Tel'minov G. N. Rasskazova T. P. Ekaterinburg, Russia	Reference to common knowledge as a means of persuasion in American and Russian internet advertising.....	236

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Barabash O. V. Penza, Russia	Polarization of semantics of the term "Auction" in modern antimonopoly legislation.....	240

Doronina S. V. Barnaul, Russia	«Let's agree, commander!»: The methods of discourse analysis in the linguistic examination of corruption speech crimes.....	245

PART 5. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Vlasenko S. V. Moscow, Russia	The US legal linguistics: Peter M. Tiersma's scholarly legacy	250
Lawrence M. Solan USA <i>Translated from English by S. V. Vlasenko</i>	Remembering Peter Tiersma	257
Ignat'eva I. G. Moscow, Russia Iuzefovich N. G. Khabarovsk, Russia	"The Kremlin and the People" through the lens of two epochs	260
Duranty W. USA <i>Translated from English by I. G. Ignateva, N. G. Iuzefovich</i>	The Kremlin and the People (fragment)	268

PART 6. REVIEWS. CHRONICLE

Eremina S. A. Ekaterinburg, Russia	New techniques of characterization of creolized text	274
Chudinov A. P. Nakhimova E. A. Ekaterinburg, Russia	Metaphorical anthropomorphism in socio-political communication	276
Manuscripts requirements.....		280

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». По результатам 2012 года мы прочно закрепились в числе 10 самых цитируемых лингвистических журналов в России. А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Из истории политической лингвистики», предназначенный для публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Из истории политической лингвистики»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

С уважением

и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'38(Путин В. В.)
ББК Ш141.12-55

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01; 23.00.02

Е. И. Беглова, О. Ю. Шмелёва
Нижний Новгород, Россия

«ЯЗЫКОВОЙ КОД» ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В. В. ПУТИНА 2012—2015 ГГ.)

АННОТАЦИЯ. В статье представлены результаты проведённого качественного контент-анализа выступлений президента РФ В. В. Путина. Особое внимание при анализе уделялось следующим аспектам текстов: 1) характеристики современного внутреннего и внешнего политического развития в интерпретации В. В. Путина (вызовы, риски, угрозы); 2) приоритеты и стратегические направления развития России в контексте обозначенных условий; 3) целевые установки президента как политического лидера; 4) оценочные суждения президента России по тому или иному вопросу. Для качественного контент-анализа целесообразно акцентировать внимание на речевых приемах и образных средствах речи, используемых в риторике Президента РФ: метафорах, сравнениях, а также приемах формирования образов, ценностных представлений. Выявлены доминирующие устойчивые обороты речи и лексемы в текстах выступлений президента России, создающие положительную и отрицательную оценку фактов или событий. Определено, что стратегия власти строится на традициях, являющихся инструментом консолидации общества, построения единого коммуникативного политического пространства. В качестве частотного средства политической коммуникации можно выделить использование метафор, исторических и национальных образов (например, образ медведя как национального символа России), событий прошлого. Выявлено, что основным приёмом создания образа в выступлениях В. В. Путина является контраст. Доказано, что «языковой код» политической коммуникации дихотомичен: с одной стороны, он обусловлен национальными традициями (используются понятия «традиция», «национальная идентичность», «общее прошлое», «история»), с другой — общечеловеческими ценностями («доверие», «обратная связь», «диалог», «уважение», «человеческий капитал», «человеческий ресурс»).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «языковой код» политической коммуникации; политическая коммуникация; инновационная модель управления; власть и общество; национальная традиция; качественный контент-анализ; лексема; устойчивые обороты речи; риторика; диалог.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Беглова Елена Ивановна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи, Нижегородская академия МВД Российской Федерации; адрес: 603950, г. Нижний Новгород, ГСП-268, ул. Анкудиновское шоссе, дом 3; к. 311; e-mail: beglova-elena@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Шмелёва Ольга Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры прикладного политического анализа и моделирования Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный национальный исследовательский университет им. Н. И. Лобачевского; адрес: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, дом 2, к. 308; e-mail: O_Shmeleva1977@mail.ru.

Целью данной статьи является исследование «языкового кода» политической коммуникации как совокупности языковых образований, обеспечивающих эффективный диалог между властью и обществом.

Для достижения цели нами был проведен качественный контент-анализ выступлений Президента РФ В. В. Путина за 2012—2015 гг. При этом метод качественного контент-анализа, ориентированный преимущественно на раскрытие идейно-смыслового наполнения текстов в сочетании с количественными показателями, представляется нам наиболее оптимальным. Следует отметить, что названный метод эффективен в тех случаях, когда необходимо определить интенции субъекта политической деятельности, выраженные эксплицитно или имплицитно. Непосредственно через специфику информационных обращений главы государства (выбор конкретных приемов, технологий и т. п.) можно понять цели, преследуемые разными сторонами в политической коммуникации.

В ходе исследования нами решались следующие задачи:

- проведение текстологического анализа источников с целью изучения языковых средств, обеспечивающих эффективную коммуникацию власти и граждан;
- выявление приемов подачи информации, соотношения традиционных и специфических лек-

сем, устойчивых речевых оборотов в риторике главы российского государства;

– установление степени их корреляции с инновационной моделью управления, представленной в модернизационной стратегии и официальных документах.

Проведенное исследование базировалось на следующей гипотезе: в риторике руководства страны под воздействием совокупности экзогенно-эндогенных факторов усиливается национально-патриотическая, консервативная тональность, находящая отражение в апелляции к традициям, истории; наблюдается позиционирование РФ как суверенного государства, равноправного партнера, которого следует уважать и с чьим мнением следует считаться.

В условиях изменения парадигмы государственного управления, апробации новой модели взаимоотношений «власть — общество» («dialogical politics»; «диалоговый тип политики») [Sakwa: 9], расширяющегося пространства политической коммуникации, на наш взгляд, актуальным представляется исследование особенностей риторики современных политических лидеров. Модернизация, в частности политическая, переход на новые принципы управления (гетерархии, общественного доверия, обратной связи и др.), нормативное и институциональное закрепление в общественно-политической практике новых ком-

муникативных форм сопровождается внедрением в политический лексикон новых терминов, речевых устойчивых оборотов и лексем типа *инновации, доверие, «обратная связь», диалог, общественная дискуссия, общественный контроль* и других, находящих отражение в официальных документах, выступлениях политических лидеров. Следует заметить, что именно современные политические лидеры задают вектор развития общества, и именно они должны выступать ценностным ориентиром, обеспечивая политическую коммуникацию между взаимодействующими сторонами. Следовательно, важно установить общезначимые как для общества, так и для российской элиты категории, ценности, которые будут способствовать эффективной политической коммуникации.

Вместе с тем ценностные представления элиты и рядовых россиян о траектории развития страны, принципах взаимодействия «общество — власть» не всегда коррелируют друг с другом.

Актуальность изучаемой нами проблемы заключается в отражении противоречия между характером российской политической культуры и выбранной стратегией развития РФ. Видя необратимые изменения как в мире, так и в России, осознавая неизбежность реформирования, большая часть российского общества (82,8 % опрошенных) поддерживает «решительные перемены», но в возможности их реализации сомневается, считая наиболее вероятным для реализации инерционный сценарий развития и выступая за «нерушимость патерналистской позиции» государства в социальной сфере [Презентация к выступлению...].

Значительный сегмент общества демонстрирует приверженность патерналистско-элитарной модели поведения, аполитичность или нежелание реагировать на происходящее в отношении «власть — общество» при отсутствии мотивации на политическое участие.

Приведенный нами выше тезис подтверждают данные социологических опросов: в частности, в 2014 г. 72 % респондентов так определили ведущий принцип взаимоотношений между государством и обществом: *забота государства о людях* [Общественное мнение: 46]; 72 % респондентов не интересовалось политикой; 77 % не желали участвовать в политической жизни даже на уровне своего города [Общественное мнение: 43—44]. Одним из основных мотивов подобного отношения определенной части россиян к политической жизни России и взаимоотношению *государства и общества* является уверенность 85 % опрошенных в том, что они не могут влиять на принятие государственных решений в стране [Общественное мнение: 47].

Данные статистики находят подтверждение и в современной политической практике. Так, на состоявшихся 21 июня 2015 года в Нижегородском регионе предварительных выборах кандидатов в депутаты городской думы от партии «Единая Россия» явка от списочного состава избирателей составила 9,4 % [Городской счётной комиссией...]. Активность населения в подобного рода мероприятиях, организуемых партией «Справедливая Россия» в регионе, оказалась еще ниже.

«Генный риск» часто является препоной на пути модернизации. Как показывает политическая практика, политическая элита модернизируется с трудом; власть не в полной мере заинтересована в развитии механизма обратной связи, сфера политического участия находится под патронажем государства.

Кроме того, в риторике современных политических лидеров мы наблюдаем разнонаправленные понятия, как то: *модернизация — политические традиции, абсолют государства — развитие гражданского общества, законность — коррупция* и др., что создает внутреннюю антиномию, часто демонстрируя противоречие в диалоге «власть — общество».

Итак, обратимся к качественному контент-анализу текстов-выступлений Президента РФ В. В. Путина за 2012—2015 гг.

В процессе контент-анализа нами было обработано 9 единиц текста: 141 единица информации — лингвистических элементов, выступающих индикаторами интересующей нас проблемы.

В качестве основных признаков для наблюдения нами были выделены следующие категории анализа текстов выступлений: 1) характеристики современного внутреннего и внешнего политического развития в интерпретации В. В. Путина (вызовы, риски, угрозы); 2) приоритеты и стратегические направления развития России в контексте обозначенных условий; 3) целевые установки президента как политического лидера; 4) оценочные суждения президента России по тому или иному вопросу.

По нашему мнению, для качественного контент-анализа целесообразно акцентировать внимание на речевых приемах и образных средствах речи, используемых в риторике Президента РФ: метафорах, сравнениях, а также приемах формирования образов, ценностных представлений и др.

Прикладная (эмпирическая) часть контент-анализа, содержащая единицы анализа текста с распределением по уровням, вынесена нами в приложение. Следующим этапом нашего исследования текстов выступлений В. В. Путина стало распределение текстовых элементов по матричному классификатору в соответствии с *позитивным/негативным* контекстом употребления речевых устойчивых оборотов и их смысловым наполнением (табл. 1).

Подвергнув полученные результаты математической обработке, мы получили итоги, представленные в виде таблицы (табл. 2).

Данные, полученные в процессе проведения качественного контент-анализа, позволили нам сделать ряд выводов.

ВЫВОДЫ

Во-первых, несмотря на общую демократическую позитивную тональность риторики В. В. Путина, на что указывает частотность использования устойчивых словосочетаний и лексем, семантически отражающих демократию и ее принципы, типа *диалог, доверие, общественная дискуссия, общественный контроль, конкуренция* и других, очевидной является критическая *пейоративная* оценка главой государства дея-

тельности политических режимов ряда демократических стран на внешней арене.

Во-вторых, контент-анализ выступлений Президента РФ позволяет говорить о том, что большое место в стратегии власти отводится традициям и традиционным ценностям, рассматриваемым как инструмент консолидации общества, построения единого коммуникативного политического пространства. Следовательно, речь идет о демократизации с учетом национальной, политико-культурной специфики российского общества, о консервативном варианте модернизации России как наиболее перспективном.

В-третьих, в материалах выступлений президента России В. В. Путина отчетливо прослеживается прием построения образов на контрасте, оппозициях (например, власти, партнера и другого субъекта).

В качестве частотного средства политической коммуникации можно выделить использование метафор, исторических и национальных образов (например, образ *медведя* как национального символа России), событий прошлого, что свойственно политической речи в целом [Чудинов: 90—113; 122—179].

Исходя из всего вышесказанного, можно утверждать, что «языковой код» политической коммуникации между властью и обществом на современном этапе дихотомичен: с одной стороны, он представлен такими понятиями, как *традиция, национальная идентичность, общее прошлое, история*, с другой — совокупностью общечеловеческих, демократических ценностей — *доверие, обратная связь, диалог, уважение, человеческий капитал, человеческий ресурс*.

Приложение 1. Эмпирическая часть контент-анализа

0 — уровень «А» — название текстовых материалов («языковой код» политической коммуникации: на материалах выступлений В. В. Путина)

I — уровень «В» — «тематический», где V_1 и V_2 — основные темы, выделенные нами на основе обобщения и анализа исследуемых текстовых материалов.

V_1 — внешнеполитические условия, угрозы, вызовы в интерпретации В. В. Путина.

V_2 — внутривнутриполитическое состояние страны глазами Президента РФ: проблемы, риски.

II — уровень «С» — «проблемный», где C_1 — C_{15} — проблемы, рассматриваемые главой государства в исследуемых нами текстах выступлений.

C_1 — «изменяющийся мир», «коренные трансформации в глобальной экономике, политике».

C_2 — «усложнение общества».

C_3 — «новые вызовы и угрозы».

C_4 — «исключительность США»; «доминирование одной страны и ее союзников»; «резкое усугубление дисбаланса», «момент однополярности».

C_5 — «новые правила игры»; «стремление навязать в качестве универсальных собственные рецепты».

C_6 — «цепочка интенсивных конфликтов локального характера».

C_7 — «внутренняя нестабильность государств как фактор риска».

C_8 — «новая холодная война».

C_9 — «тотальный контроль над глобальными СМИ».

C_{10} — «политически мотивированные санкции»; «силовые акции, экономическое и пропагандистское давление»; «вмешательство во внутренние дела».

C_{11} — «дефицит духовных скреп (патриотизма, милосердия...)».

C_{12} — «качество нашего государства отстает от готовности гражданского общества в нем участвовать».

C_{13} — «коррупция».

C_{14} — «несбалансированность объема ответственности и ресурсов муниципалитетов».

C_{15} — «неорганизованность и безответственность, привычка закапывать в бумагах исполнение принятых решений — это прямая угроза безопасности».

III — уровень «D» — «целевой», где D_1 — D_6 — положения, принципы стратегии действующей власти.

D_1 — «кооперация стран, общественный поиск коллективных ответов на множющиеся вызовы. Совместное управление рисками»; «равноправие, прагматизм и взаимоуважение».

D_2 — «суверенное, сильное государство»; «государственный суверенитет как необходимое условие существования России».

D_3 — «никогда не пойдём по пути изоляции»; «Россия была и будет неотъемлемой частью мировой цивилизации».

D_4 — «стабилизация внутривнутриполитической ситуации в стране».

D_5 — «прочная духовная, историческая основа», «консолидация общества на основе традиционных ценностей».

D_6 — «дальнейшее совершенствование институтов демократии и открытой экономики».

IV — уровень «E» — «атрибутивный», указывающий на конкретные характеристики, составляющие содержание проблемы.

E_1 — «разработка инструментов поддержки малого и среднего бизнеса».

E_2 — «здоровый консерватизм», стабильность.

E_3 — «опора на всё то, что помогает идентифицировать себя как многонациональную российскую нацию».

E_4 — «дебюрократизация.»

E_5 — «эволюция — вот что нам нужно».

E_6 — «традиционные ценности в сочетании с устремленностью в будущее».

- Е₇ — «политическая конкуренция».
 Е₈ — «общественный контроль, дискуссии».
 Е₉ — «персональная ответственность управленца»; «система эффективных контрактов».
 Е₁₀ — «обновление механизмов нашей демократии»; «поддержка гражданской активности».
 Е₁₁ — «патриотизм».

Приложение 2. Таблицы

Таблица 1. Матричный классификатор

Речевая модель В. В. Путина: устойчивые обороты речи (частотные лексемы) / риторика	Нейтральный/позитивный контекст выступлений	Негативный контекст
Демократическая риторика	С ₁ , С ₂ , D ₁ , D ₆ , E ₁ , E ₅ , E ₇ , E ₈ , E ₉ , E ₁₀	С ₃ , С ₄ , С ₅ , С ₆ , С ₇ , С ₈ , С ₉ , С ₁₀ , С ₁₂ , С ₁₄ , С ₁₅
Традиционно-консервативные обороты речи / устойчивые обороты речи (частотные лексемы)	D ₂ , D ₃ , D ₅ , E ₂ , E ₃ , E ₆	С ₁₁ , С ₁₃

Таблица 2

Речевая модель В. В. Путина (обороты/риторика)	Нейтральный/позитивный контекст выступлений	Критический (негативный) контекст	Всего
Демократическая риторика	10	11	21
Традиционно-консервативные обороты речи (частотные лексемы) / устойчивые обороты речи (частотные лексемы)	6	2	8

ИСТОЧНИКИ

1. Выступление В. В. Путина на торжественном приеме по случаю Дня России 12 июня 2015 г. URL: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49699 (дата обращения: 19.06.2015).
2. Стенограмма встречи В. В. Путина с руководителями российских промышленных предприятий в рамках XIX Петербургского международного экономического форума. URL: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49722 (дата обращения: 18.06.2015).
3. Выступление В. В. Путина на итоговой пленарной сессии XI собрания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 г. URL: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/46860 (дата обращения: 17.06.2015).
4. Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. URL: <http://кремль.президент.рф> (дата обращения: 21.06.2015).
5. Стенографический отчет о совместном заседании Государственного совета и Совета при Президенте по культуре и искусству 24 декабря 2014 г. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/47324 (дата обращения: 19.06.2015).
6. Путин В. В. Демократия и качество государства. 2012. 6 февр. URL: <http://www.putin-itogi.ru/2012/02/06statya-v-v-putina-demokratiya-i-kachestvo-gosudarstva/> (дата обращения: 21.06.2015).

7. Послание Президента РФ Федеральному собранию. 2014. 4 дек. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/47173 (дата обращения: 19.06.2015).
8. Послание Президента РФ Федеральному собранию. 2012. 12 дек. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/17118 (дата обращения: 19.06.2015).
9. Послание Президента РФ Федеральному собранию. 2013. 12 дек. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/19825 (дата обращения: 19.06.2015).

ЛИТЕРАТУРА

10. Городской счетной комиссией подведены итоги Открытого предварительного голосования. URL: <http://nnov.er.ru/news/2015/6/25/podvedeny-oficialnye-itogi-otkrytogo-redvaritelnogo-golosovaniya> (дата обращения: 25.06.2015).
11. Общественное мнение — 2015. — М. : Левада-Центр, 2014.
12. Презентация к выступлению И. Бунина «Общественные настроения в поиске новой модели. 2011». URL: www.opes.ru/1361092.html (дата обращения: 02.04.2013).
13. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. 2-е изд., испр. — М. : Флинта : Наука, 2007.
14. Sakwa R. Axiological vs dialogical politics in contemporary Europe // Полис. 2014. № 2.

Е. И. Beglova, О. Y. Shmeleva
 Nizhny Novgorod, Russia

“LANGUAGE CODE” OF POLITICAL COMMUNICATION
 (ON THE MATERIAL OF THE SPEECHES OF PRESIDENT VLADIMIR PUTIN IN 2012—2015)

ABSTRACT. *The article presents the results of a qualitative content analysis of the speeches of the president of the Russian Federation V.V. Putin. Special attention is paid to the following aspects of the texts: 1) characteristics of the modern internal and external development in V.V. Putin's interpretation (challenges, risks and threats); 2) priorities and strategic directions of development of Russia in these conditions; 3) goals of the president as a political leader; 4) axiological statements of V.V. Putin on different questions. In order to conduct a qualitative content analysis it is necessary to concentrate attention on figures of speech and figurative language means used by the president: metaphors, similes and techniques of creation of images and value orientations. The article brings out the dominant stable expressions and lexemes in the texts of President Putin, which create a positive or a negative evaluation of facts or events. It is found out that the strategy of power is built upon traditions, which turn out to be an instrument of consolidating society and building a uniform communicative political*

environment. Among the most commonly used means of political communication one finds metaphors, historical and national images (e.g. the image of a bear as a national symbol of Russia) and past events. It is shown that contrast is the main method of image creation in the speeches of V.V. Putin. The article argues that the "language code" is characterized by a dichotomy: on the one hand, it depends on national traditions (the uses of the notions of "tradition", "national identity", "common past", "history", etc.), on the other hand, it is subject to influence of universal human values ("trust", "feedback", "dialogue", "respect", "human capital", "human resources", etc.).

KEYWORDS: "language code" of political communication, political communication, innovative management model, government and society, national tradition, qualitative content analysis, lexeme, stable expressions, rhetoric, dialogue.

ABOUT THE AUTHOR: Beglova Elena Ivanovna, Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Language and Speech Culture, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Shmeleva Olga Yur'evna, Candidate of History, Associate Professor of Department of Applied Political Analysis and Modeling, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

RESOURCES

1. Vystuplenie V. V. Putina na torzhestvennom prieme po sluchayu Dnya Rossii 12 iyunya 2015 g. URL: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49699 (data obrashcheniya: 19.06.2015).

2. Stenogramma vstrechi V. V. Putina s rukovoditelyami rossiyskikh promyshlennykh predpriyatiy v ramkakh XIX Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma. URL: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49722 (data obrashcheniya: 18.06.2015).

3. Vystuplenie V. V. Putina na itogovoy plenarnoy sessii XI sobraniya Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valday» 24 oktyabrya 2014 g. URL: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/46860 (data obrashcheniya: 17.06.2015).

4. Putin V. V. Rossiya i menyayushchiysya mir // Moskovskie novosti. URL: <http://kreml'.prezident.rf> (data obrashcheniya: 21.06.2015).

5. Stenograficheskiy otchet o sovmestnom zasedanii Gosudarstvennogo soveta i Soveta pri Prezidente po kul'ture i iskusstvu 24 dekabrya 2014 g. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/47324 (data obrashcheniya: 19.06.2015).

6. Putin V. V. Demokratiya i kachestvo gosudarstva. 2012. 6 fevr. URL: <http://www.putin-itogi.ru/2012/02/06statya-v-v-putina-demokratiya-i-kachestvo-gosudarstva/> (data obrashcheniya: 21.06.2015).

7. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu sobraniyu. 2014. 4 dek. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/47173 (data obrashcheniya: 19.06.2015).

8. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu sobraniyu. 2012. 12 dek. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/17118 (data obrashcheniya: 19.06.2015).

9. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu sobraniyu. 2013. 12 dek. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/19825 (data obrashcheniya: 19.06.2015).

REFERENCES

10. Gorodskoy schetnoy komissiey podvedeny itogi Otkrytogo predvaritel'nogo golosovaniya. URL: <http://nnov.er.ru/news/2015/6/25/podvedeny-oficialnye-itogi-otkrytogo-redvaritel'nogo-golosovaniya> (data obrashcheniya: 25.06.2015).

11. Obshchestvennoe mnenie — 2015. — M.: Levada-Tsentr, 2014.

12. Prezentatsiya k vystupleniyu I. Bunina «Obshchestvennye nastroyeniya v poiske novoy modeli. 2011». URL: www.opec.ru/1361092.html (data obrashcheniya: 02.04.2013).

13. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie. 2-e izd., ispr. — M.: Flinta: Nauka, 2007.

14. Sakwa R. Axiological vs dialogical politics in contemporary Europe // Полис. 2014. № 2.

Статью рекомендует к публикации д-р полит. наук, доц. М. И. Рыхтик.

В. И. Карасик
Волгоград, Россия

ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В АНЕКДОТАХ О НОВЫХ РУССКИХ

АННОТАЦИЯ. Рассматривается соотношение доминирующих ценностей в современной России применительно к богатству, социальному неравенству, справедливости и судьбе. Нувориши как социокультурный типаж получает в сознании носителей современной русской культуры преимущественно отрицательную оценку, однако можно установить условную оценочную шкалу, на одном полюсе которой — абсолютное неприятие этих людей, а на другом — скрытое отождествление с ними. В основном новые русские показаны в анекдотах как баснословно богатые, чудовищно невежественные и по-своему несчастные люди. Высмеивание новых русских представляет собой форму самозащиты большинства населения нашей страны. Критическое отношение к богачам в современных анекдотах соотносимо с советскими анекдотами о грузинах, но есть существенная разница: жители солнечного юга показаны не только как состоятельные, но и как жизнерадостные и импульсивные люди, в то время как в образе новых русских акцентируется их криминальная суть и невежество. Существует определенное возрастное различие в оценке новых русских: их безоговорочно осуждает преобладающая часть пожилого населения страны, а молодежь не столь категорично настроена против их образа жизни, отчасти потому, что эти персонажи сами достаточно молоды. Образ новых русских вызывает резкий протест у представителей интеллигенции, испытавшей разочарование по поводу основных результатов изменения ценностей в обществе: на смену бюрократической номенклатуре пришли представители криминального сообщества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ценности; лингвокультурология; картина мира; анекдот; новые русские.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет; адрес: 400066, г. Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, д. 27.

Авторизованный и дополненный перевод с английского статьи:

Karasik V. I. New Russians in Anecdotes // Russian Journal of Communication. 2009. Vol.2. Nos. 3—4. P.288—305.

Анекдоты в коммуникативной практике неоднократно привлекали к себе внимание исследователей [Raskin 1985; Курганов 1997; Гришаева 1998; Душенко 2000; Attardo 2001; Шмелёва, Шмелёв 2002; Норман 2003; Карасик 2004; Кулинич 2004; Слышкин 2004; Столович 2005]. Анекдот в современном понимании представляет собой смешное короткое повествование — такая трактовка шире исходного значения этого слова (смешной эпизод из жизни знаменитостей, букв. «неизданное»). Обычно анекдот — это шутка, которая хранится в памяти, а не возникает спонтанно. Современный анекдот относится к жанрам городского фольклора и в этом плане представляет собой несомненный интерес для изучения актуальных тем, которые волнуют людей. Он не подлежит цензуре и поэтому вполне может рассматриваться как инструмент для выявления общественного мнения.

В качестве фольклорного текста анекдот соответствует определенным признакам этого устного речевого жанра.

Во-первых, рассказчик понимает, какие темы, события и персонажи можно отнести к смешным. В русском языке есть слово «анекдотчик», обозначающее тех, кто владеет этим речевым жанром, и часто использовавшееся в годы идеологического контроля с импликацией «любитель рассказывать антисоветские анекдоты» (за это можно было попасть за решетку).

Во-вторых, известно, как нужно реагировать на анекдоты: поскольку эта разновидность шуток не предполагает спонтанного порождения, сложились определенные модели ответных реакций на подобные устные тексты (на лице у слушателя заранее появляется улыбка, участники общения тут же начинают готовить свой анекдот в качестве реплики на предыдущий, а в случае, если слушающий чувствует, что анекдот будет неуместен

либо неприятен, предпринимаются попытки сменить тему разговора).

В-третьих, существуют типичные жанровые разновидности анекдотов: собственно анекдоты как смешные повествования, забавные классификации, смешные загадки, анекдотические мини-спектакли:

(1) *Падает человек с двенадцатого этажа. Вдруг на седьмом этаже высовывается сильная рука и хватает его (говорящий показывает это). «Который час?» — «Девять!» — «Жаль». (Кулак разжимается.)*

(2) *Есть два типа людей: к первому относятся те, кто делит всех на два типа.*

(3) *Можно ли завернуть в газету слона? — Да, если в ней будет напечатана речь Хрущёва (первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущёв любил произносить длинные речи на официальных мероприятиях, и это вызывало у многих критическую оценку).*

(4) *«Петро, ты знаешь, как москаль называют наше пиво? Пиво! Повбывав бы!»* Словом «москаль» обозначен житель России, подчеркивается специфика украинского и русского произношения. Абсурдный комизм ситуации состоит в том, что разница в произношении не может быть причиной ненависти. Отмечу, что этот сравнительно безобидный анекдот прошлых лет приобрел иное звучание в условиях войны, вспыхнувшей весной 2014 г. на юго-востоке современной Украины.

В-четвертых, существуют типичные персонажи анекдотов, каждый из этих героев является воплощением некоторых смешных осуждаемых особенностей поведения и в этом плане обнаруживает сходство с персонажами итальянской комедии дель арте. Соответственно возникает типология сюжетов, сходная с известной функциональной типологией, разработанной В. Я. Проппа

пом (1928) для волшебной сказки (главный герой, его противник, помощник, ложный герой, трикстер и т. д.). Типичные герои русских анекдотов пришли из различных сфер действительности: тещи, гаишники, политические лидеры, дистрофики, обманутые мужья, представители различных этнических и профессиональных групп, блондинки и др. Многие из таких героев имеют собственные имена, демонстрируя комичные переосмысления известных реальных и фикциональных героев и обычных узнаваемых людей (Чапаев, Штирлиц, Абрам, Гиви). Анекдоты представляют собой карикатурные изображения человеческих типов, отражая потребность в самоидентификации и доказательстве себе и другим того, что имидж объекта повествования заслуживает осмеяния — объективное положение дел здесь особой роли не играет. Поскольку анекдоты отражают актуальные явления жизни, в период перехода к новой социально-экономической формации в России в годы перестройки и последнее десятилетие XX в., так называемые «лихие девяностые», закономерно возник типаж «новый русский». Это был образ нувориша, обычно молодого и самоуверенного, пришедшего из полукриминальной среды, малообразованного и ведущего себя экстравагантно. Об этих людях много говорили, и закономерно возникли шутки и анекдоты об их поведении, отражающие как существенные признаки их образа жизни, так и ценности русской картины мира, которые оказались несовместимыми с этими признаками. С тех пор прошло более десяти лет, данный персонаж в наши дни потерял актуальность, и многим молодым людям требуются комментарии при его упоминании.

Материал для данной работы был взят из Интернета и сборников анекдотов, опубликованных в нашей стране. В качестве объекта изучения был выбран класс анекдотов о новых русских. Новый русский как фольклорный персонаж рассматривался в статье Е. Я. Шмелёвой [Шмелёва 2003]. Специфика цикла таких текстов проанализирована П. А. Бородиным, выделившим 13 основных тем, формирующих сюжеты анекдотов, в которых фигурирует этот типаж (демонстрация богатства; пари; столкновение на дороге; авария с тяжелыми последствиями для «нового русского»; покупка (машины, яхты, виллы и т. п.); рассказ о заграничных впечатлениях; визит к врачу; одалживание денег; встреча с представителями власти или бандитами; встреча со сверхъестественным существом; встреча с панком; развод с женой; выбор места отдыха за границей) [Бородин 2008: 337]. Представляется, что этот типаж может быть описан как лингвокультурный концепт — трехмерное смысловое образование, в котором выделяются понятийная, образная и ценностная стороны [Карасик 2004].

Понятийное измерение данного типажа представляет собой определение его признаков, которые могут быть сформулированы в виде развернутой дефиниции. Важнейшие характеристики новых русских точно описаны в статье И. Г. Яковенко, опубликованной в электронной энциклопедии «Кругосвет» [Яковенко www]. Эта группа людей включает предпринимателей или высокооплачиваемых менеджеров с очень высо-

ким доходом и специфическим образом жизни. В общественном сознании новые русские отражены объективно и субъективно. С одной стороны, отмечается, что это — энергичные трудоголики, которые быстро и внезапно разбогатели, готовы идти на риск, часто хорошо образованные, ориентирующиеся на ценности западного общества потребления с его индивидуализмом и материалистическим отношением к жизни; соответственно, им завидует огромная масса бедного населения, их презирает интеллигенция, для которой значимы прежде всего моральные ценности; кроме того, новые русские связаны с криминальными структурами, используемыми для охраны и защиты («крышевания»). С другой стороны, новые русские осмысливаются как миф и отражаются в анекдотах в виде карикатурных образов экстравагантных малообразованных богачей, лишенных какой-либо морали, с золотыми массивными цепочками на накаченных шеях, одетых в малиновые пиджаки, разъезжающих в дорогих лимузинах, проводящих отпуск на престижных зарубежных курортах, использующих в общении тюремный сленг и жесты, характерные для мест заключения (прежде всего, распальцовку). Можно заметить, что объективные и субъективные характеристики новых русских лишь частично совпадают. При этом объективные признаки имеют рациональную природу, в то время как субъективные акцентируют эмоционально воспринимаемые особенности этого типажа. Суммируя понятийные характеристики новых русских, представим набор определяющих их признаков в следующем виде: 1) мужчины, 2) очень богатые, 3) внезапно разбогатевшие, 4) сравнительно молодые, обычно в возрасте около 30 лет, 5) занимающиеся бизнесом, 6) идущие на риск, 7) практичные, 8) не отличающиеся законопослушанием, 9) экстравагантно тратящие деньги, 10) стремящиеся произвести впечатление на всех своим образом жизни, 11) ведущие себя как преступники.

Образное измерение концепта — это описание перцептивных признаков соответствующего явления, полученных путем контекстуального анализа слов, обозначающих концепт, и с помощью ассоциативных экспериментов и опроса информантов. Контекстуальный анализ дает возможность установить диагностические комбинации слов, характеризующих рассматриваемое явление. Обозначение является диагностическим, если позволяет выявить суть объекта. Например:

(5) *Новый русский звонит своему приятелю, другому новому русскому:*

— *Привет! Как дела?*

— *Привет! Я тебе позже перезвоню. Я сейчас на кладбище.*

— *Да ты что! Кто же убил тебя?*

Этот контекст показывает сумбур в сознании персонажа, который думает, что говорит со своим убитым приятелем, что само по себе абсурдно, но реальным основанием для такого вывода являются факты — время от времени таких людей отстреливают. Вопрос в том, кто является заказчиком убийства. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что ежедневная жизнь нового русского включает вероятность быть внезапно уби-

тым. Это конкретизация понятийного признака «ведущие себя как преступники».

Частотным стилистическим приемом в анекдоте является гипербола. Во многих шутках о новых русских идея их баснословного богатства выражена гиперболически:

(6) *Два новых русских говорят о своих квартирах.*

— Ты помнишь мою квартиру?

— Конечно.

— Я там недавно проложил рельсы и пустил трамвай.

— Классно!

— Но когда приспичит в туалет, всё равно нужно заказывать такси.

Квартира настолько велика, что по ней можно ездить на трамвае, но и это в случае необходимости не помогает. Необходимо заметить, что большинство городских жителей нашей страны проживает в сравнительно маленьких муниципальных квартирах в многоэтажных домах, и поэтому обычная жилплощадь, представленная в виде большого поля, выглядит фантастически. Граждане современной России, имеющие высокий доход, часто проживают в собственных домах в пригороде, похожих на виллы, в которых живут состоятельные люди на Западе. В приведенном анекдоте конкретизируются признаки «очень богатые» и «экстравагантно сорящие деньгами».

Процедура ассоциативного эксперимента, состоящего в получении немедленных реакций на определенный стимул, позволила установить, что на стимул «новый русский» последовали реакции «бизнесмен», «богатый человек», «малиновый пиджак», «золотая цепь», «большой кошелек». Эти реакции иллюстрируют представления о типичной деятельности и внешности новых русских. Интервью с информантами включало задание завершить следующее предложение: «Когда я думаю о новых русских, следующие картины и ситуации возникают в моем воображении...». Типичными завершениями этой фразы были следующие: «люди, сидящие в дорогом ресторане», «мерседес, который столкнулся с простым автомобилем», «пляж на Канарах», «деловые переговоры». Важно отметить, что большинство людей, думая о новых русских, представляет себе их отдых, а не работу.

Ценностное измерение концепта (важнейшее для понимания сути рассматриваемого явления) представляет собой выявление и объяснение ориентиров поведения, норм и обыкновений, определяющих отношение носителей культуры к данному феномену [Воркачев 2013; Карасик 2014; Марьянич 2015]. Такие ориентиры поведения выявляются путем объяснительных трансформаций, позволяющих охарактеризовать модус и диктум в высказывании, содержащем информацию о новом русском («хорошо/плохо, что ...» или «Следует / не следует делать то-то»). Чтобы определить такие ценности, информантам были предъявлены тексты анекдотов. Например:

(7) *Новый русский покупает квартиру и задает вопрос риелтору:*

— А звукоизоляция здесь хорошая?

— Да, очень хорошая. Когда прежнего хозяина застрелили, никто и не услышал.

Отсюда следует, что у новых русских постоянно есть риск быть убитыми. Ценность, которая содержится в этом анекдоте, может быть выражена в перефразированном виде так: хотя быть богатым хорошо, богатые легко могут потерять жизнь, и поэтому не следует стараться стать очень богатым. Подобные процедуры перефразирования показаны в исследовании Ф. Сю [Hsu 1969]. Информантам также предлагалось завершить высказывания по образцу, предложенному О. А. Леонтович (2005):

Типичный новый русский всегда... (частотные ответы: *знает, чего он хочет, знает, как заработать деньги, готов заработать деньги, ведет себя нахально, ходит в церковь*).

Типичный новый русский никогда... (частотные ответы: *не платит налогов, не думает о средствах достижения цели, не делает того, чего не хочет делать, не уважает других людей, не помогает бедным*).

Ответы показывают, что новые русские в стереотипах наших современников — это люди с сильным характером, способные защитить себя, что является плюсом, но не имеющие моральных норм, не уважающие ни закон, ни других людей, что квалифицируется как минус. Отмечено, что эти нувориши часто ходят в церковь, и это вызывает недоумение у многих, при этом бытует мнение, что таким образом новые русские пытаются получить у Бога прощение за свои грехи.

Сам факт появления новых русских для многих наших соотечественников, выросших в Советском Союзе и принципиально не принимающих идею экономического неравенства людей, был шоком. Этот шок перешел в трагедию, когда большинство населения осознало, что находится на грани нищеты. И новые русские в этом плане стали восприниматься как воплощение зла.

Проанализированный материал осмысления аксиогенных ситуаций в анекдотах о новых русских позволил выделить три основных типа оценки этого типажа.

Первым признаком этих людей является их баснословное богатство. Большинство анекдотов о новых русских посвящено этой теме. Заметим, что высмеивается не богатство как таковое, а стремление людей поразить всех своим богатством. Например:

(8) *Новый русский сломал руку и приходит к хирургу.*

Хирург: «У вас перелом, требуется наложить гипс».

Новый русский: «Почему гипс? Кладите мрамор, я готов заплатить!»

Гипс воспринимается персонажем анекдота как недостаточно престижный материал, и поэтому герой готов приобрести более дорогой товар независимо от его функциональной принадлежности. Этот анекдот иллюстрирует искажение ценностей в поведении новых русских с точки зрения большинства людей.

В анекдотах о новых русских показана потеря этими людьми чувства реальности:

(9) *Новый русский влюбился в девушку, которая проходила на улице мимо его офиса каждый день. Он хотел с ней познакомиться и обратился к психологу за советом. Тот сказал,*

что лучший способ привлечь внимание девушки — это вести себя максимально естественно, например, задать ей обычный вопрос. На следующий день, когда девушка появилась перед окном, новый русский выбежал на улицу, встал перед ней, сорвал со своей руки золотые швейцарские часы, с размаху разбил их о мостовую и сказал: «Извините, Вы не скажете, какой час? У меня часы сломались».

Известно, что любовь может заставить людей вести себя странно, но соль данного анекдота состоит в понимании естественного поведения. Этот текст перекликается с прежними историями о сумасбродстве русских купцов. Они могли спьяну использовать банкноты для растопки печи, принимали ванны, наполненные шампанским. Несмотря на то, что поведение персонажа в приведенном примере выглядит смешно, прослеживается некоторое восхищение его поступком, смешанное с завистью.

Юмористический эффект иногда состоит в неожиданном проявлении богатства:

(10) *Сын нового русского приходит из школы позже обычного времени в грусти и печали. Отец спрашивает, что случилось.*

— Папа, ты всегда учил меня говорить правду.

— Да, сынок, я сам так всегда делаю и тебе советую.

— Знаешь, я хотел проводить мою одноклассницу Таню домой после школы. Она спросила, есть ли у меня малиновый пиджак, и я сказал: „Нет“. Потом она спросила, есть ли у нас „мерседес“ и двухэтажный дом, и я снова сказал: „Нет“. Я ответил честно, и она пошла с другим мальчиком, у которого есть кожаный пиджак, а я стоял и плакал.

— Сынок, ты правильно ответил, и ты вел себя хорошо, но ты мужчина и не должен плакать. Что ж, мы можем попросить нашего дворецкого дать тебе его малиновый пиджак, ты можешь продать старый „роллс-ройс“, который я подарил тебе на день рождения, и купить этот „мерседес“, но я не могу из-за каприза девочки разрушить верхние этажи нашего дома, чтобы в нем осталось только два этажа!»

Можно увидеть, что отец мальчика исключительно богат: его дворецкий (руководитель слуг в доме) облачен в символический малиновый пиджак, автомобиль его сына гораздо дороже, чем «мерседес», и, наконец, он владеет огромным особняком. Это стилистический прием обманутого ожидания. Подобные сюжеты часто используются в художественной литературе, например, в произведениях О. Генри. Приведенный анекдот показывает восхищение сказочным богатством. И отсюда следует, что распространенное мнение о презрении к материальному благосостоянию, якобы присущем русской ментальности, не вполне соответствует действительности.

В анекдотах есть примеры того, как с помощью демонстрации своего богатства можно удивить людей:

(11) *Инспектор ГАИ осматривает роскошный кабриолет нового русского и замечает странную красную кнопку на панели.*

Инспектор: „А это для чего?“

Новый русский: „Это от дождя. Нажимаешь, и...“

Инспектор: „Понимаю, и тогда поднимается откидной верх“.

Новый русский, улыбаясь: „Нет. Нажимаешь, и дождь прекращается“.

Этот анекдот показывает нового русского как бога, который может регулировать всё, включая погоду. В качестве нонсенса это вызывает улыбку, но такой нарратив иллюстрирует меняющееся в массовом сознании отношение к богатству.

Новые русские выглядят достаточно смешно, когда пытаются вести себя, как простые люди:

(12) *Престижный зарубежный курорт. Известные на весь мир грязевые ванны. Новый русский идет и кричит: „Чудо! Случилось чудо! Я снова хожу!“ Другой новый русский спрашивает: „Ты выздоровел?“ — „Нет, у меня джип украли“.*

Эти люди показаны в анекдотах как не вполне земные существа. Они превращаются в часть своего автомобиля. Видна аллюзия на библейский текст, и ее юмористический эффект состоит в бурлескной природе откровения: новому русскому нужно потерять автомобиль, чтобы вновь ощутить себя человеком.

Новые русские резко отличаются от обычных людей:

(13) *Можно ли определить, что перед вами сын нового русского с помощью одного вопроса? — Да, можно. Он не знает, что в Москве есть метро.*

Знаменитый Московский метрополитен всем известен в России. Этот текст гиперболизирует разрыв между обыденной жизнью москвичей, пользующихся метро, и детьми нуворишей, которые даже не знают о его существовании, поскольку передвигаются только на автомобиле. Раньше подобные истории рассказывали об аристократе, который никогда в жизни не пробовал простой воды. На вопрос о том, чем же такой субъект прополаскивает рот после чистки зубов, тот небрежно назвал сорт дорогого вина.

Новые русские живут в своеобразном перевернутом мире. Нормальные люди стремятся сэкономить и совершить покупки за более низкую цену, а нувориши хвастают друг перед другом своими переплатами:

(14) *Разговаривают два новых русских:*

— Знаешь, я купил вчера новый галстук за 3500 долларов.

— Тебя обманули! Ты мог бы купить такой же галстук недалеко от меня, за углом, за 5000 долларов.

Можно заметить, что новые русские любым способом стремятся подчеркнуть свое отличие от обычных людей, здравый смысл здесь не действует.

Иногда они чувствуют, что раздражают окружающих своим странным поведением, и пытаются сгладить впечатление:

(15) *Новый русский выходит из Эрмитажа и пожимает плечами. Все вокруг смотрят на него с негодованием. Он произносит с извинительным тоном: „Бедненько, зато чистенько“.*

Знаменитый музей расположен в Зимнем дворце, главной резиденции русских царей. Уменьшительные суффиксы демонстрируют пре-

зрение, которое этот персонаж испытывает к дворцу, подразумевая, что его собственное жилище гораздо богаче.

Новые русские в анекдотах могут всё купить:

(16) *Сын нового русского звонит своему папе: „Папа, пожалуйста, купи наш университет, они не ставят мне экзамен“.*

К сожалению, этот анекдот не вызывает улыбки у современных студентов, которые допускают возможность подобного развития событий. Подобные анекдоты циркулировали и в советское время:

Бабушка из Грузии пишет письмо внуку, который учится в Московском университете: „Я узнала, что ты часто берешь такси, чтобы не опоздать на занятия. Это некрасиво. Посылаю тебе немного денег, купи себе трамвай и пользуйся трамваем, как все“.

В те годы считалось, что жители Грузии гораздо богаче остальных граждан Советского Союза, и в этом старом анекдоте юмористически показаны их возможности, при этом обратим внимание на доминанту поведения советского человека — следует вести себя скромно. Новые русские в этом плане унаследовали некоторые качества своих анекдотических предшественников как исключительно богатых людей.

В некоторых анекдотах прослеживается открытый протест против появления типажа «новый русский»:

(17) *Новый русский приводит своего сына в зоопарк и обращается к директору зоопарка:*

— *Сколько стоит ваш зоопарк? Я бы купил его для моего сына.*

— *У меня лучшее предложение. Сколько стоит ваш сын? Я бы купил его для моего зоопарка.*

Новые русские показаны как существа, которых можно выставлять в зоопарке.

В некоторых анекдотах говорится о том, что новые русские насколько богаты, что даже рай не может сравниться с их жизнью на земле:

(18) *Умирает новый русский. У райских врат его встречает апостол Пётр.*

— *Здравствуйте, Сидор Никанорович! (Проверяя свои записи.) Так, у вас есть виллы на Гавайях на Канарах?*

— *Да.*

— *Так... Апартаменты в Лондоне, Париже и Нью-Йорке?*

— *Да.*

— *Квартира в Москве и дача на Рублёвке?*

— *Да, у меня это всё было. Я напряженно работал всю жизнь и платил налоги, между прочим.*

— *«Роллс-ройс», «порше» и «феррари»?*

— *Да, всё это у меня было. Но почему вы спрашиваете? Я могу войти?*

— *Да, войти можете, но боюсь, вам здесь не понравится.*

В тексте повторяются символы богатства — апартаменты в мировых столицах, дача в престижном пригороде Москвы и очень дорогие автомобили. В этом тексте видна аллюзия на типичные фигуры купцов XIX в.

Саркастическое отношение к новым русским отчётливо видно в следующей шутке:

(19) *Крем лаборатории „Виши“ для новых русских „От трещин на морде“.*

Соль этой шутки состоит в том, что богачи слишком много едят, их лица становятся похожими на большие пузыри, которые могут лопнуть. Этот образ соответствует карикатурам на богатых людей в начале XX в. Заметим, что в современном западном мире состоятельные люди обычно худощавы, соблюдают здоровую диету, занимаются спортом. Лишний вес — индикатор низкого социального статуса. Такого рода шутки рождаются в сообществах, испытывающих дефицит еды.

Таким образом, новые русские в анекдотах показаны как богатые сверх всяких рассудочных границ, и этот факт оценивается как странный, либо чудесный, либо недостойный.

Следующий признак новых русских, который повторяется во многих анекдотах, — это их чудовищный примитивизм.

Новые русские возникли для наших современников из ниоткуда, и поэтому они часто рассматриваются как абсолютно безграмотные примитивные существа. Они пришли в наш мир словно из джунглей:

(20) *Новый русский спрашивает приятеля:*

— *Слушай, кто эти чуваки Бах и Бетховен?*

— *Ну ты вообще! Они же пишут музыку для наших мобильных.*

Новые русские не имеют представления о мировой культуре.

В результате этого они иногда страдают из-за своего невежества:

(21) *Разговаривают два новых русских:*

— *Слышал, Серёгу недавно капитально оштрафовали в Петербурге. Он по пьяни врезался в мужика с лошадьё.*

— *Правда? Бедняга. Ну и как он?*

— *Вот так, „мерседес“ — вдребезги, а сам он в больнице.*

— *А мужик с лошадьё?*

— *Ему-то что, он бронзовый.*

Речь идет о знаменитой конной статуе Петра I, символу города. Фраза «мужик с лошадьё» — это просторечное словосочетание, обычно относящееся к крестьянину.

Мир новых русских ограничен их обыденным кухонным существованием, хотя они могут разъезжать по всем странам:

(22) *Новый русский возвращается домой из Франции. Его жена спрашивает:*

— *Ну, расскажи, что ты видел в Париже?*

— *Да ничего интересного... Нет, была одна вещь. Помнишь, у Васьки в кухне мы видели картину, там женщина такая, Джоконда? Теперь она висит в Лувере.*

Новому русскому не дано понять ценность вещи, шедевр мирового искусства для него то же самое, что и дешевая копия, висящая на кухне.

Баснословное богатство новых русских соединено с вопиющим невежеством:

(23) *Новый русский приходит в правительство и говорит: „Сколько стоит космодром Байконур? Я хочу купить его“. Ему вежливо отвечают: „Знаете, Байконур в Казахстане“. Следует долгое молчание. Новый русский и правительственный служащий смотрят друг на дру-*

га. И затем звучит вопрос: „А сколько стоит Казахстан?“.

Персонаж анекдота имеет смутное представление о политико-географических реалиях, полагая, что купить можно всё.

Манеры и способы поведения новых русских представляются странными и необъяснимыми для нормальных людей:

(24) В ресторане новый русский обращается к официанту: „Пять бутылок водки и салат“. Официант говорит: „Скажите, пожалуйста, Вы всегда заказываете салат, но никогда не едите его. Почему?“

— „А мне нужно, чтобы было что-то мягкое, куда можно упасть“.

Можно представить себе пьяного человека, уткнувшегося лицом в тарелку.

Новые русские не только невежественны и непредсказуемы, но и очень жестоки:

(25) Новый русский спрашивает кукушку, сколько ему осталось жить. Птичка отвечает: „Много, много, только шею мою отпусти!“

По традиции кукование воспринимается как предсказание. Этот анекдот иллюстрирует необычное для русского фольклора отношение к судьбе.

Новые русские любят принимать образ воплощенной судьбы:

(26) Новый русский заходит в мебельный магазин и говорит:

— Мне нужен хлеб.

— Здесь не продается хлеб. У нас покупают мебель. Вам нравится этот шкаф?

— Мне не нужен шкаф, мне нужен хлеб.

— Извините, у нас нет хлеба.

Новый русский приходит в ярость и сильно бьет продавца в ухо. На второй день происходит та же история. На третий день новый русский заходит в этот магазин, и продавец дрожащими руками кладет хлеб на стол:

— Вот, специально для вас, очень свежий...

— Нет, не нужно, я купил хлеб в аптеке. Мне нужна сметана.

Невозможно предугадать или изменить судьбу, и новый русский наслаждается своей абсолютной властью над людьми. Обратим внимание: продавец не оказывает сопротивления. Подобные анекдоты рассказывались о Сталине и КГБ. У многих рассказчиков и слушателей непредсказуемость поведения власти вызывает улыбку восхищения. Шутки такого типа выражают горький опыт столкновения с властью и содержат явный совет держаться от нее подальше. Новые русские показаны как хозяева жизни.

Впрочем, иногда они демонстрируют страх:

(27) В «Мерседес» врезается «Волга». Новый русский выходит из машины с бейсбольной битой, подходит к «Волге» и начинает ее крушить. Вдруг он замечает в автомобиле генерала милиции и говорит: „Извините, я вам стучу-стучу, а вы меня не слышите, я хочу заплатить за эту аварию“.

Этот анекдот представляет собой психологическую компенсацию, которая иллюстрирует ситуацию расплаты: хищника пожирает более сильный хищник.

Примитивизм новых русских, показанный в анекдотах, акцентирует их невежество и жестокость. Они выглядят как дикари и являются воплощением судьбы. Их варварство воспринимается как трагедия для страны. Вместе с тем грустный юмор по этому поводу позволяет народу принять сложившуюся реальность.

В большинстве случаев новые русские показаны в шутках как полулюди, но в ряде случаев прослеживается определенная жалость к ним, поскольку на самом деле они несчастны. Их никто не любит, и они не способны вести жизнь нормальных людей. Таковы анекдоты о семьях новых русских:

(28) Женщина в слезах вбегает в полицейский участок:

— Найдите моего мужа, я не могу без него жить!

— Когда он исчез?

— Десять дней назад.

— А почему вы только сейчас пришли к нам?

— У меня деньги кончились.

Женщине не нужен муж, нужны только его деньги.

Жизнь очень мало значит для новых русских. Они никогда не могут чувствовать себя в безопасности. Их финансовые проблемы часто решаются с помощью оружия:

(29) Телевизионное шоу „Что? Где? Когда?“. Ведущий говорит: „Уважаемые эксперты, поступил вопрос“. Новый русский: „Уважаемые эксперты, меня зовут Вован. Пару месяцев назад мой кореш Колян занял у меня тысячу баксов и не вернул мне деньги. Месяц назад он занял у меня полторы тысячи баксов и тоже не вернул их мне. Неделю назад он занял у меня пять тысяч и опять не вернул их мне. А теперь вопрос: кто лежит в том чёрном ящике?“

Описывается популярное в нашей стране шоу. Каждый может поставить перед экспертами вопрос, и если те не смогут дать верный ответ, то спросивший получает денежный приз. Ответ на вопрос в анекдоте очевиден: в ящике лежит несостоятельный должник. Характерны типичные имена, которые носят персонажи, — Вован и Колян, так часто обращаются к своим приятелям подростки. Эта же манера обращений принята у шпань.

Новые русские живут по определенному кодексу поведения, в полной мере соответствующему воровскому закону. Так, например, необходимо выполнить последнее желание друга и подельника:

(30) Новый русский оказал услугу своему приятелю — рэкетиру. Тот говорит: „Я у тебя в долгу. Скажи, чего ты хочешь?“ — „Ну не знаю... У меня всё есть. Единственное, чего я бы хотел, это чтобы меня похоронили на Красной площади“. Рэкетир достает пистолет, стреляет и обращается к своей охране: „Парни, похороните моего друга там, где он хотел лежать“.

На Красной площади у стены Кремля похоронены многие известные лидеры страны. Просьба исполнена, рэкетир подтвердил свою репутацию.

У новых русских, изображенных в анекдотах, фактически нет семьи, нет любимых, о которых бы они заботились:

(31) *Взорван офис нового русского. Приехали пожарные, милиция, из окон поднимается дым. В помещение входит новый хозяин конторы, встречает своего раненого охранника, и тот говорит: „Извини, шеф, когда был взрыв, твоя жена была здесь, ее убило...“ — „Ну и к черту ее. Мне нужен бухгалтер. Где мой бухгалтер?“*

Бухгалтер для нового русского гораздо важнее жены.

Дети таких людей не испытывают никаких теплых чувств к своим родителям:

(32) *Жена нового русского приходит навеситить своего мужа в тюрьме и говорит:*

— *Знаешь, дети начали задавать вопросы.*

— *Где папа?*

— *Нет, куда он спрятал деньги!*

У новых русских постоянно есть вероятность попасть за решетку, и народ одобряет суровые меры наказания для богачей. Это соответствует традиционному отношению к богатству в России: считается, что честным путем разбогатеть невозможно.

Новых русских беспокоят только вопросы их собственности:

(33) *Нувориш обедает дома. В комнату входит его сын: „Папа, это моя подруга Лена“. — „Хорошо, сынок. Хочешь жениться — женись, а если тебе нужен мой джип, чтобы покататься, это не пройдет!“*

Счастье детей мало что значит для рассматриваемого типажа. Его дети быстро учатся использовать нужные рычаги для оказания давления на него:

(34) *Сын нового русского приходит домой и говорит:*

— *Папа, помнишь, ты обещал мне тысячу баксов, если я сдам экзамен?*

— *Помню.*

— *Радуйся, я сэкономил для тебя эти большие деньги!*

Провал на экзамене подается как достойный поступок.

Для новых русских не существует объективных фактов:

(35) *Новый русский разговаривает со своим врачом: „Ну что, доктор, сообщай мне диагноз: или я буду жить, или ты не будешь“.*

Впрочем, эта идея уже была темой старого анекдота:

Два грузина сидят в ресторане.

— *Гиви, почему ты не пьешь вино?*

— *Гоги, мой доктор мне не разрешает.*

— *Что за челуха! У меня тоже язва, и доктор мне запретил пить вино. Я дал ему денег, и он сказал: „Пей на здоровье!“*

Задолго до появления новых русских грузины в советских шутках осмысливались как богачи, умеющие радоваться жизни.

Жены новых русских также фигурируют в анекдотах. Им не позавидуешь:

(36) *Жена нового русского жалуется: „Знаешь, я попросила мужа дать мне 200 баксов, чтобы сходить в салон красоты, он посмотрел на меня и дал мне 500, сволочь!“*

Видно, что персонаж шутки считает свою жену очень некрасивой и не стесняется показывать это.

Жены новых русских новых русских воспринимают друг друга как соперниц:

(37) *Звонит дверной замок. Жена нового русского открывает дверь. Перед ней представитель известной косметической фирмы: „Здравствуйте! Можно показать вам каталог нашей новейшей продукции, на которую, как сказала ваша соседка, у вас нет денег?“*

Самое худшее для такой женщины — уступить конкурентке.

Новые русские живут в искаженном абсурдном мире:

(38) *Тюрьма. „Эй, за что сидишь?“ — „За взятку“. — „А что, бесплатно нельзя было сесть?“*

Взятка в этом контексте воспринимается не как преступление, а как распространенный способ решения проблем.

Взятки открывают для новых русских любые двери:

(39) *Новый русский пытается купить билет на самолет. Он передает кассиру паспорт, в который вложена купюра: „Один до Москвы, пожалуйста!“ — „Все билеты на этот рейс проданы“. — „Мне очень нужно улететь!“ (добавляет ещё одну купюру). Кассир набирает номер на телефоне: „Пожалуйста, соедините меня с областным прокурором“. Бизнесмен думает, что он пропал и его сейчас посадят, но слышит следующее: „Товарищ областной прокурор, это из аэропорта. К сожалению, у нас нет мест на сегодняшний рейс. Вы летите завтра“.*

Even state authorities can be manipulated by clerks who have access to commodities in short supply. In such cases public opinion always supports those who are oppressed by the bureaucracy, including the New Russians. — В условиях дефицита всё решают бюрократы, имеющие доступ к распределению благ. Общественное мнение резко осуждает бюрократов, и если их жертвами становятся бизнесмены, то люди симпатизируют и бизнесменам.

Мысль о том, что богатые будут когда-нибудь наказаны за свои нечестные поступки, всегда близка тем, кто беден. Нуворишу не удается перехитрить Бога:

(40) *Молится новый русский:*

— *Господи, что для тебя миллион лет?*

— *Мгновенье!*

— *А миллион долларов?*

— *Копейка!*

— *Дай мне в подарок эту копейку!*

— *Хорошо, подожди мгновенье.*

Подчеркивается, что не всё можно купить за деньги.

В анекдотах о новых русских можно найти мысль о том, что им приходится платить большую цену за свой образ жизни и что на самом деле они глубоко несчастные люди:

(41) *Новый русский жалуется своему другу:*

— *Вчера купил ящик новогодних игрушек, а они все — фальшивые.*

— *Правда? Разбитые?*

— *Нет.*

— *Плохо раскрашены?*

— *Нет.*

— *А в чём дело?*

— *Не радуют.*

Проводится идея, что богатые теряют то, что есть у всех нормальных людей.

Новые русские в анекдотах часто изображены как несчастные люди, поскольку их не любят дома, им не дано любить что-либо кроме денег, им постоянно приходится рисковать жизнью, и вообще они живут в искаженном, уродливом мире. Такое отношение к ним сигнализирует о том, что нормальные люди способны подняться над абсурдностью современной несправедливой жизни и высмеять ее, и это внушает оптимизм.

Подведем основные итоги.

Анекдоты о новых русских отражают соотношение доминирующих ценностей в современной России применительно к богатству, социальному неравенству, справедливости и судьбе. Нувориш как социокультурный типаж получает в сознании носителей современной русской культуры преимущественно отрицательную оценку, однако можно установить условную оценочную шкалу, на одном полюсе которой — абсолютное неприятие этих людей, а на другом — скрытое отождествление с ними. В основном новые русские показаны в анекдотах как баснословно богатые, чудовищно невежественные и по-своему несчастные люди.

Анекдоты о богатых рассказываются бедными. Не случайно отсутствуют шутки богачей по поводу бедняков. Это означает, что высмеивание новых русских — это форма самозащиты большинства населения нашей страны. Критическое отношение к богачам в современных анекдотах соотносимо с советскими анекдотами о грузинах, но есть существенная разница: жители солнечного юга показаны не только как состоятельные, но и как жизнерадостные и импульсивные люди, в то время как в образе новых русских акцентируется их криминальная суть и невежество. Существует определенное возрастное различие в оценке новых русских: их безоговорочно осуждает преобладающая часть пожилого населения страны, а молодежь не столь категорично настроена против их образа жизни, отчасти потому, что эти персонажи сами достаточно молоды. Образ новых русских вызывает резкий протест у представителей интеллигенции, испытавшей разочарование по поводу основных результатов изменения ценностей в обществе: на смену бюрократической номенклатуре пришли представители криминального сообщества. В наши дни новый русский постепенно сошел с авансцены, а новый социокультурный образ как

доминирующая мишень для юмористического осмысления еще не оформился.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородин П. А. Специфика цикла анекдотов о «новом русском» // Человек смеющийся : сб. науч. ст. — М. : Гос. республ. центр русского фольклора, 2008. С. 332—340.
2. Воркачев С. Г. The kinds of lie: лукавство // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 17—29.
3. Габидуллина А. Р. Анекдот с точки зрения прагмалингвистики // Восточноукраинский лингвистический сборник. — Донецк : Донеччина, 2000. Вып. 6. С. 295—302.
4. Гришаева Л. И. Анекдот как способ фиксации социальных норм и морально-этических ценностей социума // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. — Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 1998. С. 107—118.
5. Душенко К. В. «Право на анекдот». Современный анекдот как социокультурный феномен // Человек: образ и сущность : ежегод. — М. : ИНИОН РАН, 2000. С. 132—160.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М. : Гнозис, 2004.
7. Карасик В. И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 65—75.
8. Кулинич М. А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка) : моногр. — Самара : Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2004.
9. Курганов Е. Я. Анекдот как жанр. — СПб. : Академический проект, 1997.
10. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения : моногр. — М. : Гнозис, 2005.
11. Марьянчик В. А. Оценочный вектор как инструментальная категория и компонент аксиологической структуры текста // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 39—43.
12. Норман Б. Ю. К анализу анекдота как жанра непрямого коммуникации // Прямая и непрякая коммуникация : сб. науч. ст. — Саратов : Колледж, 2003. С. 283—290.
13. Пропп В. Я. Морфология сказки. — Л. : Academia, 1928.
14. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : моногр. — Волгоград : Перемена, 2004.
15. Столович Л. Н. Анекдот и миф // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество. — М. : Академический проект : РИК, 2005. С. 476—484.
16. Шмелева Е. Я. «Новый русский» как фольклорный персонаж // Русский язык сегодня : сб. ст. / отв. ред. Л. П. Крысин. — М. : Азбуковник, 2003. Вып. 2. С. 565—575.
17. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. — М. : Языки славянской культуры, 2002.
18. Яковенко И. Г. Новые русские // Кругосвет : электронная энцикл. URL: www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/novie_russkie.html.
19. Attardo S. Humorous Texts: A semantic and pragmatic analysis. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2001.
20. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. — Dordrecht : Reidel, 1985.
21. Hsu F. L. K. The Study of Literate Civilizations. — New York : Holt, Rinehart and Winston, 1969.

V. I. Karasik
Volgograd, Russia

VALUE PRIORITIES IN JOKES ABOUT NEW RUSSIANS

ABSTRACT. *The article deals with values correlation in modern Russia concerning wealth, social inequality, justice and fate. A nouveau riche as a cultural personality type is mostly negatively evaluated in modern Russian culture, but it is possible to make a tentative values scale with two polar positions — people who feel antagonistic to New Russians and people who implicitly identify themselves with them. New Russians in jokes are exposed mostly as fabulously rich, strikingly illiterate and in a way desperately unhappy people. New Russians are ridiculed in jokes because it is a way of self-defense for the majority of the population of our country. A critical attitude to the rich is comparable to that which was common in the jokes circulating in the Soviet Union about the Georgians, but there is a drastic difference both in the mood and in accents of ridicule: the Georgians are shown not only as very affluent but also very cheerful and impulsive people whereas new Russians are exposed as illiterate criminals. A certain age difference in perception of the nouveau riche is also important to mention: they are categorically condemned by the people of advanced age whereas the young are not so categorical, partially due to the fact that New Russians are also rather young. The image of a new Russian is mostly painful to the Russian intelligentsia who feel frustration after ruined hopes concerning the results of the change of values in our society: the bureaucratic nomenclature rule was exchanged for criminal community reign in the state.*

KEYWORDS: *values; linguocultural studies; mapping of the world; joke; new Russians.*

ABOUT THE AUTHOR: *Karasik Vladimir Il'ich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd, Russia.*

REFERENCES

1. Borodin P. A. Spetsifika tsikla anekdotov o «novom russkom» // *Chelovek smeyushchiysya* : sb. nauch. st. — M. : Gos. respubl. tsentr russkogo fol'klora, 2008. S. 332—340.
2. Vorkachev S. G. The kinds of lie: lukavstvo // *Politicheskaya lingvistika*. 2013. № 4 (46). S. 17—29.
3. Gabidullina A. R. Anekdot s tochki zreniya pragmalingvistiki // *Vostochnoukrainskiy lingvisticheskiy sbornik*. — Donetsk : Donechchina, 2000. Vyp. 6. C. 295—302.
4. Grishaeva L. I. Anekdot kak sposob fiksatsii sotsial'nykh norm i moral'no-eticheskikh tsennostey sotsiuma // *Voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov*. — Omsk : Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 1998. S. 107—118.
5. Dushenko K. V. «Pravo na anekdot». *Sovremennyy anekdot kak sotsiokul'turnyy fenomen* // *Chelovek: obraz i sushchnost'* : ezhegod. — M. : INION RAN, 2000. S. 132—160.
6. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs*. — M. : Gnozis, 2004.
7. Karasik V. I. *Aksiogennaya situatsiya kak edinita tsennostnoy kartiny mira* // *Politicheskaya lingvistika*. 2014. № 1 (47). S. 65—75.
8. Kulinich M. A. *Lingvokul'turologiya yumora (na materiale angliyskogo yazyka)* : mo-nogr. — Samara : Izd-vo Samar. gos. ped. un-ta, 2004.
9. Kurganov E. Ya. *Anekdot kak zhanr*. — SPb. : Akademicheskii proekt, 1997.
10. Leontovich O. A. *Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniya* : monogr. — M. : Gnozis, 2005.
11. Mar'yanchik V. A. *Otsenochnyy vektor kak instrumental'naya kategoriya i komponent ak-siologicheskoy struktury teksta* // *Politicheskaya lingvistika*. 2015. № 1 (51). S. 39—43.
12. Norman B. Yu. *K analizu anekdota kak zhanra nepryamoy kommunikatsii* // *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* : sb. nauch. st. — Saratov : Kolledzh, 2003. S. 283—290.
13. Propp V. Ya. *Morfologiya skazki*. — L. : Academia, 1928.
14. Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnye kontsepty i meta-kontsepty* : monogr. — Volgograd : Peremena, 2004.
15. Stolovich L. N. *Anekdot i mif* // *V perspektive kul'turologii: povsednevnost', yazyk, obshchestvo*. — M. : Akademicheskii proekt : RIK, 2005. S. 476—484.
16. Shmeleva E. Ya. «Novyy russkiy» kak fol'klornyy personazh // *Russkiy yazyk segodnya* : sb. st. / otv. red. L. P. Krysin. — M. : Azbukovnik, 2003. Vyp. 2. S. 565—575.
17. Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkiy anekdot: tekst i rechevoy zhanr*. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002.
18. Yakovenko I. G. *Novye russkie* // *Krugosvet: elektronnyy entsikl.* URL: www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/novie_russkie.html.
19. Attardo S. *Humorous Texts: A semantic and pragmatic analysis*. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2001.
20. Raskin V. *Semantic Mechanisms of Humor*. — Dordrecht : Reidel, 1985.
21. Hsu F. L. K. *The Study of Literate Civilizations*. — New York : Holt, Rinehart and Winston, 1969.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

В. В. Катермина
Краснодар, Россия

ОЦЕНОЧНЫЕ НОМИНАЦИИ ПОЛИТИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКИ)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются оценочные номинации политиков США и России на материале субстандартной лексики. Считается, что сленг является неотъемлемой частью любого развитого естественного языка и возникает как неизбежное следствие кодификации национального языка. Являясь наиболее динамичным пластом лексико-семантической системы языка, он очень быстро обновляется, поэтому представляет в концентрированном виде базовые концепты, своего рода лингвистический полигон, на котором проверяются многие новые элементы языка, затем частично усваиваемые стандартным, литературным языком. В статье отмечается, что через вербальные оценки происходит отражение языковой личности в лексико-семантической системе. Оценка является собственно человеческой категорией, касается человека и всего того, что каким-либо способом связано с ним, затрагивает его физическую, психическую и социальную сущность. Оценка представляет человека как цель, на которую обращен мир. В качестве единицы анализа автором избраны номинанты (единицы номинации), понимаемые как коннотативно осложненные лексические и фразеологические единицы, называющие человека по каким-либо признакам, качествам, свойствам. Наиболее частотными средствами создания оценки выступают образный компонент, гендерный компонент, прецедентные имена, ключевые слова, относящиеся к политической тематике. В статье подчеркивается, что анализ английской и русской субстандартной лексики способствует выявлению видения языковой личностью типичных и специфических особенностей своего народа, а в результате описания культурной интерпретации образного основания единиц номинации выявляются концептуальные ценности данных народов с опорой на их менталитет, типичные черты этноса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: оценка; номинация; субстандартная лексика; номинация политиков; метафора; прецедентное имя.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет; адрес: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ауд. 325; e-mail: katermina_v@mail.ru.

Обозначения лица занимают важное место в системе языка. Это естественно, поскольку человек образует одну из центральных систем объективной действительности. Язык, являясь продуктом человеческого мышления и познания, в свою очередь, направлен на отражение объективной действительности, и потому в нем находят свое опосредованное выражение знания человека об окружающем нас мире, в частности знания о самом человеке.

Важность номинации, поиска вербального соответствия тому или иному факту действительности для познания окружающего мира и осознания себя в нем переоценить трудно. Человек понимает и осознает лишь то, что может адекватно назвать, и в зависимости от того, как называет, определенным образом воспринимает мир и себя как часть этого мира.

По утверждению отечественных лингвистов, человек представляет собой центральное и универсальное понятие как в концептуальной, так и языковой модели мира.

Наименование лица, как свидетельствует анализ его семантики и функционирования, занимает особое положение в системе языка, так как оно номинирует субъект языкового общения.

Под единицей номинации / номинантом в данной работе понимаются коннотативно осложненные лексические и фразеологические единицы, называющие человека по каким-либо признакам, качествам, свойствам [Катермина 2004].

Язык — сложный общественный феномен. Он является средством человеческой коммуникации и находится в постоянном движении. Как отмечают исследователи, язык — зеркало общества. Развитие общества отражается в многочисленных лексических единицах, определяющих «общественные отношения и изменения, которые неизбежно влекут за собой лексические иннова-

ции и преобразования в языке» [Михеева 2005: 3]. В наш век индустриализации, научно-технического прогресса, интенсивной общественно-политической жизни, полной событиями международного значения, все время идет процесс лексического обогащения языка. Все изменения и процессы, происходящие в общественной жизни, находят непосредственное отражение в языках всех стран мира.

Как отмечает А. А. Уфимцева, «язык фиксирует концептуальный мир человека, имеющий своим первоначальным источником реальный мир и деятельность в этом мире. При помощи лексических единиц номинации человек осуществляет репрезентацию объектов реального мира. В словах как номинативных единицах языка хранятся определенные знания о действительности, достаточные для того, чтобы идентифицировать обозначаемые словами реальные или идеальные сущности» [Уфимцева 1968: 120].

Сленг — важнейший из пластов субстандартной лексики. По определению В. А. Саляева, «сленг представляет собой особый лексико-фразеологический слой, который включает слова и выражения, некогда бывшие достоянием ограниченной сферы употребления, но впоследствии перешедшие в общий обиход, где подверглись семантической и экспрессивно-стилистической обработке, понятийная неопределенность сленга неким образом стирается» [Саляев 2002: 105].

В связи с развитием общества возрастает роль социального контроля или, другими словами, культуры и ее влияния на человека, в основе которого все больше преобладает взаимодействие мира реального, мира информационного и мира символического [Тоффлер 1992: 75]. Это значит, что о событии станет известно определенной аудитории только тогда, когда оно станет элементом информационного мира, иначе оно останется незамеченным и не сможет оказать

какого-либо влияния на дальнейшее развитие общества, нации, мира. Поэтому тот, кто владеет информацией, управляет обществом.

Человек живет в обществе и неизбежно взаимодействует с ним, подвергается влиянию: сотрудничает или противостоит, одобряет или не приемлет. Все эти взаимодействия контролируются властью государства. Власть — это также «один из важнейших видов социального взаимодействия, специфическое отношение по крайней мере между двумя субъектами, один из которых подчиняется распоряжениям другого, в результате этого подчинения властвующий субъект реализует свою волю и интересы» [Василик 2004: 76]. Наиболее важным видом власти считается власть политическая, которая характеризуется социальным господством, ведущей ролью в обществе, руководством социальными группами. Власть политическая — это «функция управления обществом, которая состоит во внедрении важных решений» [Оберемко 1994]. Это реальная способность данного класса, группы, индивида проводить свою волю в политике и правовых нормах. Источники управления власти могут варьироваться в зависимости от ситуации, целей субъекта власти и непосредственно от сущности объекта управления.

Одним из аспектов изучения человека является рассмотрение и систематизация языковых оценок, которые представляют собой специфическую разновидность познавательной деятельности и строятся на основе как научных знаний, так и фактах обыденного сознания, являющихся осмыслением познавательного опыта определенной национально-исторической общности людей. В обыденном сознании универсальные оценочные категории реализуются вместе с «наслоениями» национальной психологии, национального видения мира. Посредством преломления через национальную психологию и культуру они приобретают ценностную значимость и эмоциональную окрашенность [Богуславский 1994].

Названная специфика преломления этих категорий находит отражение и выражение в языке, оценочных пластах его лексики и фразеологии.

Изучая языковые оценки человека, мы тем самым пытаемся осмыслить, систематизировать и описать их как факты обыденного сознания и национально-образного мышления в универсальных категориях так, как они представлены в языке, в значениях единиц номинации, воссоздав тем самым фрагмент картины мира в сознании языковой личности.

Принято считать, что существование в обществе ценностных критериев обуславливает определенное отношение субъекта к объекту речи, поэтому номинацию человека мы будем рассматривать как оценку, которая, хотя и может иметь сугубо индивидуальный характер, но чаще всего соотносится с системой заложенных в социуме ценностей. Оценочный аспект взаимодействия действительности и человека различными способами отражается в языке. Это значит, что оценочное значение проявляется посредством языковых средств, которые фиксируют итог оценивания человеком фактов действительности. Результатом этого в коммуникации становится оце-

ночное высказывание. Язык на всех уровнях располагает средствами, которые дают возможность говорящему адекватно выражать свое оценочное отношение к предметам и явлениям объективной действительности.

Как свидетельствует анализ языкового материала [Spears 2007; Моченов 2003], в основе американских сленговых единиц, номинирующих политиков, лежит отрицательная оценка.

Данный вид оценки выражается следующими способами:

1. Образный компонент (*whip — a politician appointed by a party to keep other party members united in support of the party's agenda; lame duck — a politician who is still in office but who is either not eligible for another term or has already lost the election for the upcoming term; dark horse — a candidate who unexpectedly emerges as the front runner in a field of candidates; mossback — an old-fashioned, conservative politician*). Как свидетельствуют примеры, наличие отпредметного, зооморфического и соматического компонента не является случайным. Зооморфические образы, например, будучи неотъемлемой частью сверхобщности, способствуют выражению чувств, реакций, проявлению эмоциональной жизни человека в целом. Кроме того, они «формируют ценностную картину мира, поскольку дают оценку предметов по этическим и эстетическим нормам данного языкового коллектива» [Киприянова 1999: 3]. Что касается соматического компонента, наличие данных единиц обусловлено степенью осознания человеком в прошлом необходимости тех или иных органов для своей жизни. Источником единиц с отпредметным компонентом, видимо, служат метафорические переосмысления предметов, тесно связанных с жизнью человека в тот или иной период развития общества, их персонификация и отражение в языке.

Как считают ученые, «обращение к метафоре с целью постижения и представления „духа времени“, ментальности соответствующего социума вполне закономерно. Метафора — это своего рода **зеркало**, в котором вне зависимости от чьих-либо симпатий и антипатий отражается национальное сознание на определенном этапе развития общества» [Будаев, Чудинов 2008: 9]. Метафора предстает как ключ к пониманию основ мышления и процессов сознания национально-специфического видения мира [Арутюнова 1999]. План содержания метафоры, а также закрепленные за ней коннотации сами становятся знанием, т. е. источником когнитивного освоения. Именно поэтому образно-мотивированные слова (метафоры) становятся экспонентами культурных знаков [Маслова 2001]. Метафора по своей природе антропометрична: создавая новое знание, она соизмеряет разные сущности, пропуская их через человека, соизмеряя мир с человеческим масштабом знаний и представлений, с системой культурно-национальных ценностей; она отражает фундаментальные культурные ценности, ибо основана на культурно-национальном видении мира [Маслова 2001: 91].

Метафора понятна культурно-национальной личности, иностранец зачастую испытывает определенные трудности ввиду того, что «на вход

метафоры поступают различные виды идеально-го — эмоции, экстралингвистические знания, житейский опыт носителей языка, иногда случайные впечатления, наблюдения, утилитарные оценки» [Арутюнова 1979: 173].

Рождение метафоры, как правило, связано с концептуальной системой носителей языка, с их стандартными представлениями о мире, с системой оценок, которые существуют в данной лингвокультуре и лишь вербализуются в языке. Эффект метафорического использования апеллятивов применительно к человеку состоит не только в выявлении экспрессивных и эмоциональных оттенков значения слова посредством контекстов разного объема, но и в актуализации соответствующей системы общепринятых ассоциаций в данной лингвокультуре

Действительно, «хромая утка» (*lame duck*) не может не вызвать в сознании человека образ политика, все еще находящегося у власти, но не имеющего никаких надежд на переизбрание. Дерогативность подчеркивается также компонентом *lame* (ср. первичное и переносное значения: *lame* — *a lame animal cannot walk very well because its leg or foot is damaged // pathetically lacking in force or effectiveness*).

Образ «темной лошади» (*dark horse*) — любимый образ не только в политике, но и в спорте. Необходимо отметить, что в данном случае образность, выраженная зоокомпонентом, усиливается и цветовым компонентом: *dark* — *morally bad, dangerous, or frightening*. Нельзя не упомянуть тот факт, что поскольку цвет является компонентом культуры, то он окружен системой ассоциаций, смысловых значений, толкований, цвет становится воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей. Кроме того, цвет может служить своеобразной моделью развития, отображающей пути формирования, освоения, закрепления в культурной памяти не только общих, но и национально окрашенных культурно-значимых концептов» [Жаркинбенкова 1999: 109]. В цвете может выражаться отношение человека к явлениям окружающей природы. Цвет выступает в качестве содержательного элемента культуры, с помощью которого можно охарактеризовать, систематизировать предметы, социальные установки и нравственно-эстетические понятия.

Принято считать, что для соблюдения порядка необходима дисциплина. В американском политическом сленге данную роль выполняет *whip* («человек-кнут»), следящий за соблюдением правил в политической организации (*whip* — *a long thin piece of leather with a handle on one end, used for making horses move faster or for hitting someone*).

Еще одним интересным примером, указывающим на отношение к политике, является сленговая единица *mossback* («поросший мхом»). Данная лексема состоит из двух образных компонентов — *moss* («мох») и *back* («спина»). В дефиниции на отрицательную оценочность указывают слова *old-fashioned* — *used in a negative way to refer to methods, attitudes, or machines that are no longer useful or appropriate in the modern world and conservative* — *not willing to accept much change, especially in the traditional values of society*.

2. Ключевое слово *political* (*politico* — *a person involved in politics; politainer* — *a politician who originally became well-known as an entertainer*). Следует отметить сему *entertain* в структуре лексемы *politainer*. Данный компонент также зафиксирован и в других сленговых единицах, обозначающих людей творческих профессий, которые активно интересуются политикой (*actorvist* — *a politically active actor; raptivist* — *a politically active rap artist*). Данное «пристрастие» к миру политики позволяет говорить об особенностях американской языковой личности. Примечательно, что «профессиональная» заинтересованность в политике отмечается также и в сленговой единице *barking head* — *a loud, opinionated political commentator*.

3. Номинация политиков через название политических партий — в ходе исследования нами было выявлено несколько сленговых единиц, образованных телескопическим образом. Они называют две главные политические партии США — республиканцев и демократов:

Demican or Demopublicrat — *a Democrat said to be acting like a Republican, or vice-versa.*

Republicrat or Republocrat — *1) a politician of one of the two largest political parties who is said to act as though she or he were a member of the other party (can be derogatory).*

Негативная окраска в данном случае достигается при помощи выражения *to be acting like, as though*, что вызывает отрицательную коннотативную окраску у всей единицы. Более того, словарная помета (*derogatory* — *showing that you have a bad opinion of something or someone, usually in an insulting way*) способствует закреплению данного эффекта.

В ходе анализа русской субстандартной лексики, номинирующей политиков, были выделены следующие способы.

1. Ключевые слова «политик, политический, хозяйственник», встречающиеся в сочетании с лексемами, придающими единице как положительное, так и отрицательное значение (*виртуальный политик* — *нереальный, виртуальный образ политического деятеля, формируемый в СМИ и навязываемый обществу; тефлоновый политик (заимствовано из американского политического жаргона)* — *политик, к которому не пристает («не пригорают») никакая критика. Политик, видный государственный чиновник, сохраняющий политическое положение (рейтинг), несмотря на совершаемые им ошибки в политическом, управленческом плане; политический пенсионер* — *политический деятель, отправленный в отставку либо утративший политический вес и влияние; политический тяжело-вес* — *политик, долгое время занимающий руководящие посты и пользующийся значительным влиянием; крепкий хозяйственник* — *лицо на значимой политической должности, обладающее большим опытом работы на хозяйственных должностях, позиционирующее свою деидеологизированность, сосредоточенность на решении экономических и социальных проблем, а не на выполнении программных установок и лозунгов какой-либо политической организации*).

В номинантах «виртуальный политик» и «политический пенсионер» дерогативная оценка про-

является за счет коннотаций лексем «виртуальный» и «пенсионер» (ср. *виртуальный* — *кажущийся, ирреальный, иллюзорный*; *пенсионер* — *лицо, получающее пенсию*). Семы «нереальности», «иллюзорности», с одной стороны, и «старости», «потери политического влияния», с другой, указывают на негативное отношение к политике.

Единица «политический тяжеловес» — одна из немногочисленных лексем, которая обладает мелиоративной оценочностью. Образ «тяжелове-са» — человека, способного преодолевать большое количество трудностей — создается при помощи сем «вес», «выносливость», «сила» (о спортсмене тяжелого веса, а также от названия лошади, способной перевозить большие грузы).

Нами не случайно были выделены и объединены ключевые слова «политик и хозяйственник», так как мы считаем, что любой политик, человек, который управляет государством, должен уделять большое внимание экономическим и социальным проблемам. В связи с этим номинант «крепкий хозяйственник» обладает ярко выраженной мелиоративной окраской, имея в своем составе положительную лексему «крепкий» (*крепкий* — *выносливый, здоровый, сильный*).

2. Использование прецедентных имен (*анти-Путин* — *обобщающая оценка политика, обладающего качествами, противоположными качествами В. Путина; верный путинец* — *политик, своими поступками или заявлениями демонстрирующий лояльность президенту РФ В. Путину; кремлевские кукловоды* — *применяется в основном левой прессой в отношении президента, ключевых фигур в его администрации и влиятельных общественных деятелей. Термин подразумевает, что депутаты, губернаторы, чиновники, политические силы используются как марионетки для достижения каких-либо целей*).

Интерес лингвистов к явлению прецедентного имени обусловлен повышенным вниманием к проблемам развития языковых контактов, вопросам взаимодействия языков и культур — процесс межкультурной коммуникации, представляющий общение языковых личностей, принадлежащих различным лингвокультурным сообществам, эффективен в условиях преодоления не только языкового барьера, но и барьера культурного. В то же время для эволюционного процесса становления человека в качестве *homo sapiens* важнейшим рубежом стало возникновение имени как закрепление формирования человеческой личности, развития личностного самосознания.

Так, отрицательная окраска лексемы «анти-Путин» создается при помощи негативной приставки анти- (*анти-* — приставка, употр. при многих сущ. и прил. для выражения противоположности или враждебности, соответствует приставке *против*). Но главное, на что следует обратить внимание — это само имя собственное, которое создает определенный образ в сознании народа.

Единица «верный путинец» была образована по аналогии с единицей «верный ленинец», также имеющей в своем составе прецедентное имя. Семантика лексемы «верный» придает номинанту положительную коннотацию и способствует возникновению исторических ассоциаций, основанных на фоновых знаниях и вертикальном контексте.

Номинант «кремлевские кукловоды» вызывает в сознании читателя/слушателя образы, связанные с людьми, вершащими судьбы других в Кремле (данную единицу можно назвать прецедентной, так как она используется в данном контексте не для обозначения конкретной местности, а в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий).

Отрицательная окраска создается за счет лексемы «кукловоды», обладающей ярко выраженной негативной оценочностью (*кукловод* — *тот, кто руководит чьими-либо действиями*).

3. Гендерный компонент «социальный статус лица».

Гендер, понимаемый как культурно обусловленный и социально воспроизводимый феномен [Кирилина 2002: 135], представляет собой один из параметров человеческой личности, отражающийся в языке и служащий затем средством конструирования идентичности.

Гендерный подход к языковому материалу предполагает макро- и микроуровни анализа. Последний дает возможность сосредоточиться на соотношении грамматической категории рода с идеей биологического и социального пола, на способах представления этих смыслов языковыми средствами, на разного рода коннотациях и семантических приращениях, которые сопутствуют номинациям мужского и женского рода.

Языковой материал позволил выделить единицы номинации, в структуре которых присутствуют компоненты, номинирующие определенное социальное положение лица (гендерный компонент «социальный статус»).

Данная группа включает в себя следующие единицы: *капитаны российского бизнеса* — *эфемеризм, которым принято обозначать лиц, называемых олигархами. В более широком смысле — директора крупных предприятий, крупные собственники, успешные менеджеры; нефтяные генералы* — *директора предприятий нефтедобывающего комплекса, занявшие руководящие должности еще в советские времена; региональные бароны* — *главы регионов, обладающие почти абсолютной властью на своей территории*.

Прежде всего надо отметить, что в данную группу входят единицы, обозначающие группу людей, а не отдельную личность, что, вероятно, связано с распространенностью данного явления, его типичностью.

Термин «капитаны российского бизнеса» стал использоваться в СМИ в 1997 г., однако в широкое употребление вошел лишь с 2000 г. Это, по-видимому, связано с тем, что понятие «олигарх» к 2000 г. приобрело резко негативный оттенок, и заинтересованные круги начали кампанию по его замещению и вытеснению из языка СМИ новым термином. Можно предположить, что в новом значении ключевое слово «капитан» (капитан — офицерское звание или чин в армии и военно-морском флоте) приобретает приращенное контекстуальное значение, и положительная оценка достигается за счет актуализации значения семы «руководитель», «человек, ответственный за судьбы людей».

Номинанты «нефтяные генералы» и «региональные бароны» содержат важный чин или ти-

тул (генерал — воинское звание или чин высшего командного состава в армии; барон — дворянский титул [введен в Российском государстве при Петре I для высшего слоя обычно прибалтийского дворянства немецкого происхождения]), а в сочетании с лексемами «нефть» и «регион» имплицитно означают занятия, поведение и характер людей, которые очень часто игнорируют законодательство и предписания верховной государственной власти.

Таким образом, исследование понятия языковой оценки дает возможность предположить, что познавательно-классифицирующая деятельность человека находит отражение в языковых единицах, в частности, в словах, закрепляющих наряду с результатами познавательной деятельности человека и отношение познающего субъекта к познанным действительности; таким образом, оценочный компонент выступает как обязательный семантический компонент значения слова.

Номинация лица может рассматриваться как база для проникновения в языковое национально-культурное сознание русского и американского народов, как отражение ментальных особенностей развития языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. — М.: Наука, 1979. С. 147—173.
3. Богуславский В. М. Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка. — М.: Космополис, 1994.
4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2008.
5. Василек М. А. Политология. — М.: Гардарики, 2004.

V. V. Katermina
Krasnodar, Russia

EVALUATIVE NOMINATIONS OF POLITICIANS (BASED ON RUSSIAN AND ENGLISH SUBSTANDARD VOCABULARY)

ABSTRACT. *The article is devoted to the analysis of evaluative nominations of politicians in the USA and Russia based on the material of substandard vocabulary. Slang is considered to be an integral part of any developed language and it emerges as an inevitable consequence of codification of a national language. Being the most dynamic layer of a lexico-semantic system of a language, slang updates very quickly; therefore it represents in a concentrated form basic concepts, i.e. it functions as a linguistic ground, upon which new elements of a language are verified and later become phenomena of a standard literary language. It is noted in the article that by means of verbal evaluations the reflection of a language personality in a lexico-semantic system takes place. Evaluation in itself is a personal category, it concerns a person and everything which is somehow connected with him/her, and it affects the physical, mental and social entity of a person. Evaluation represents a person as an aim to which the whole world is turned. As a unit of the analysis the author chooses nominants (units of nomination) which are understood as connotatively charged lexical and phraseological units naming a person based on certain attributes, qualities, features. The most frequent means of creating evaluation are a figurative component, a gender component, precedent names, and key words relating to politics. The article underlines that the analysis of substandard English and Russian vocabulary contributes to the understanding of typical and specific peculiarities of their people by linguistic personalities, and as a result of description of the cultural interpretation of the figurative basis of the units of nomination, conceptual values of these peoples based on their mentality and typical traits of an ethnos can be singled out.*

KEYWORDS: *evaluation; nomination; substandard vocabulary; nomination of politicians; metaphor; precedent name.*

ABOUT THE AUTHOR: *Katermina Veronika Viktorovna, Doctor of Philology, Professor of Department of English Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.*

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka. — M.: Yazyki russkoy kul'tury, 1999.
2. Arutyunova N. D. Yazykovaya metafora // Lingvistika i poetika. — M.: Nauka, 1979. S. 147—173.
3. Boguslavskiy V. M. Chelovek v zerkale russkoy kul'tury, literatury i yazyka. — M.: Kosmopolis, 1994.
4. Budaev E. V., Chudinov A. P. Zarubezhnaya politicheskaya metaforologiya: monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2008.
5. Vasilik M. A. Politologiya. — M.: Gardariki, 2004.
6. Zharkynbekova Sh. K. Modelirovanie kontsepta kak metod

6. Zharkynbekova Sh. K. Modelirovanie kontsepta kak metod vyavleniya etnokul'turnoy spetsifiki // Materialy 9 kongressa MAPRYAL. — Bratislava, 1999. S. 32—40.

7. Katermina V. V. Nominatsii cheloveka: natsional'no-kul'turnyy aspekt (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov): monogr. — Krasnodar: KubGU, 2004.

8. Kipriyanova A. A. Predislovie // Opyt tematicheskogo slovarya frazeologizmov i paremiy s komponentom-zoomorfizmom (na materiale russkogo, angliyskogo, frantsuzskogo i novogrecheskogo yazykov). — Krasnodar: KubGU, 1999. S. 3—7.

9. Kirilina A. V. Semantika lichnykh imen: gendernyy aspekt // Aksiologicheskaya lingvistika: problemy izucheniya kul'turnykh konceptov i etnosoznaniya. — Volgograd: Kolledzh, 2002. S. 135—141.

10. Maslova V. A. Lingvokul'turologiya. — M.: Akademiya, 2001.

11. Mixeeva E. I. Neologizmy sovremennoy nemetskoy yazyka: integrativnyy aspekt (na materiale imen sushchestvnykh): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Kursk, 2005.

12. Mochenov A. V. Slovar' sovremennoy zhargona russkiykh politikov i zhurnalistov. — M.: Olma-Press, 2003.

13. Oberemko O. A. Chikagskaya traditsiya i politicheskaya nauka Garol'da Lassuzella // Sotsiologicheskii zhurnal. 1994. № 1. S. 113—123.

14. Salyev V. A. Dva istochnika i dve sostavnyye chasti russkogo slenga // Sotsialnyye varianty yazyka: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (N. Novgorod, 25—26 apr. 2002 g.). — N. Novgorod, 2002. S. 105—108.

15. Toffler Э. Мои мысли о природе власти (предположения). Заключительный раздел книги «Сдвиг власти. Знание, богатство и насилие на пороге 21-го века» // США: экономика, политика, идеология. 1992. № 6. С. 91—92.

16. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. — М.: Наука, 1968.

17. Reid Luc Talk the Talk: The Slang of 65 American Subcultures. — Cincinnati, Ohio: Writer's Digest Books, 2006.

18. Spears Richard A. American Slang Dictionary. — USA: McGraw Hill, 2007.

vyavleniya etnokul'turnoy spetsifiki // Materialy 9 kongressa MAPRYAL. — Bratislava, 1999. S. 32—40.

7. Katermina V. V. Nominatsii cheloveka: natsional'no-kul'turnyy aspekt (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov): monogr. — Krasnodar: KubGU, 2004.

8. Kipriyanova A. A. Predislovie // Opyt tematicheskogo slovarya frazeologizmov i paremiy s komponentom-zoomorfizmom (na materiale russkogo, angliyskogo, frantsuzskogo i novogrecheskogo yazykov). — Krasnodar: KubGU, 1999. S. 3—7.

9. Kirilina A. V. Semantika lichnykh imen: gendernyy aspekt // Aksiologicheskaya lingvistika: problemy izucheniya

kul'turnykh kontseptov i etnosoznaniya. — Volgograd : Kolledzh, 2002. S. 135—141.

10. Maslova V. A. Lingvokulturologiya. — M. : Akademiya, 2001.

11. Mikheeva E. I. Neologizmy sovremennogo nemetskogo yazyka: integrativnyy aspekt (na materiale imen sushchestvitel'nykh) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Kursk, 2005.

12. Mochenov A. V. Slovar' sovremennogo zhargona rossiyskikh politikov i zhurnalistov. — M. : Olma-Press, 2003.

13. Oberemko O. A. Chikagskaya traditsiya i politicheskaya nauka Garol'da Lassuella // Sotsiologicheskij zhurnal. 1994. № 1. S. 113—123.

14. Salyaev V. A. Dva istochnika i dve sostavnye chasti russkogo slenga // Sotsial'nye varianty yazyka : materialy

Mezhdunar. nauch. konf. (N. Novgorod, 25—26 apr. 2002 g.). — N. Novgorod, 2002. S. 105—108.

15. Toffler E. Moi mysli o prirode vlasti (predpolozheniya). Zaklyuchitel'nyy razdel knigi «Sdvig vlasti. Znanie, bogatstvo i nasilie na poroge 21-go veka» // SShA: ekonomika, politika, ideologiya. 1992. № 6. S. 91—92.

16. Ufimtseva A. A. Slovo v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka. — M. : Nauka, 1968.

17. Reid Luc Talk the Talk: The Slang of 65 American Subcultures. — Cincinnati, Ohio : Writer's Digest Books, 2006.

18. Spears Richard A. American Slang Dictionary. — USA : McGraw Hill, 2007.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. С. В. Лескина.

А. А. Кретов, О. М. Воеводская, В. Т. Титов
Воронеж, Россия

МЕНТАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ЯЗЫКОВ ЕВРОПЫ В ЗЕРКАЛЕ ЭКСКЛЮЗЕМ

АННОТАЦИЯ. Цель статьи — исследовать уникальные лексические смыслы ядерной лексики 35 государственных языков Европы, выявляемые при их попарном сравнении, и ранжировать языки Европы по этому параметру. С помощью метода параметрического анализа выявлена ядерная лексика европейских языков, проводится классификация и взвешивание полученных пар языков по количеству эксклюзем, определяется степень аттрактивности языков.

Достижение цели предполагает ряд шагов: 1) от словаря — к компьютерной базе данных, 2) от компьютерной базы данных каждого из языков — к параметрическому ядру лексики, 3) от параметрических ядер лексики — к их семантическому сопоставлению, 4) от семантического сопоставления — к взвешиванию значений по количеству межъязыковых пар, 5) выделение смыслов, уникальных для данной пары языков, — эксклюзем, 6) классификация и взвешивание полученных пар языков по количеству эксклюзем, которым измеряется сила связи между языками.

Главным результатом исследования является вывод о том, что в зеркале эксклюзем центром и доминантой ментального пространства Европы видятся германские языки, обладающие максимальной внутренней сплоченностью и высокой аттрактивностью: вне их влияния всего один язык — португальский.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эксклюзема; аттрактивность; ментальное пространство; ядерная лексика; параметрический анализ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Кретов Алексей Александрович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Воронежский государственный университет; адрес: 394006, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1; e-mail: tipl@rgph.vsu.ru.

Воеводская Оксана Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Воронежский государственный университет; адрес: 394006, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1; e-mail: oxaovoev@mail.ru.

Титов Владимир Тихонович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Воронежский государственный университет; адрес: 394006, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1; e-mail: titov@vsu.ru.

В предыдущей статье [Кретов 2015] нами были исследованы лексические смыслы (концепты), объединяющие языки Европы.

Цель этой статьи — исследовать уникальные лексические смыслы, общие только для какой-то одной пары языков и в силу этого членящие лингвоментальное пространство Европы. Если бы мы исследовали формы слов — лексемы (в понимании терминов лексема (как означающее слова) и семема (как означаемое слова) мы следуем за акад. Н. И. Толстым [Толстой 1963]), предметом нашего исследования были бы эксклюзивные изоглоссы, но мы исследуем смыслы — эксклюзивные семемы, для которых пользуемся компресси-вом эксклюземы. Таким образом, цель статьи — установить, как эксклюземы членят европейское ментальное пространство средствами лексики.

Поскольку эксклюзивность этих смыслов не абсолютна, ее следует пояснить.

Объектом нашего исследования являются словари 35 государственных языков Европы — албанского, английского, белорусского, болгарского, венгерского, греческого, датского, ирландского, исландского, испанского, итальянского, каталанского, латинского, латышского, литовского, македонского, немецкого, нидерландского, норвежского, польского, португальского, румынского, русского, сербохорватского, словацкого, словенского, турецкого, украинского, фарерского, финского, французского, фризского, чешского, шведского, эстонского (список словарей-источников приводится в конце работы).

Метод исследования — параметрический анализ лексики, обоснованный, описанный и ап-

робированный в ряде публикаций [Титов 2002; 2004; Кретов 2011].

Для выявления типологически существенных черт лексико-семантической системы предполагается достаточным проанализировать тысячу наиболее «весомых» ее единиц. Выделение этой «ядерной тысячи» и составляет задачу количественной лексикологии.

Берется двуязычный (если есть, то иностранно-русский) словарь. Все слова этого словаря исследуются по 4 параметрам: 1) длине (в звуках; для перевода длин слов из букв в звуки используется практическая транскрипция, в которой число символов равно числу звуков); при этом предполагается, что вес слова обратно пропорционален его длине: чем короче слово, тем оно весомей; 2) многозначности (числу значений у данного слова в словаре); чем больше значений у слова, тем оно весомей; 3) богатству синтагматики — количеству устойчивых фразеосочетаний (ФС) с данным словом или (в случае бедности такой информации) — количеству всех речений с данным словом в словарной статье; при этом предполагается, что количество примеров с данным словом в словарной статье прямо пропорционально богатству его синтагматических связей в языке; 4) синонимичности (каждым из своих значений слово может входить в синонимический ряд; длина этих рядов различна: от двух слов до десятков; самый длинный синонимический ряд, в который входит данное слово, и определяет его парадигматический вес: чем больше слов в таком синонимическом ряду, тем больше вес слова).

Статья основана на результатах НИР «Исследование единства Европы по данным лек-сики», выполнявшейся в Воронежском государственном университете в рамках государственного задания в 2012—2013 гг. Код ГРНТИ — 16.21.47; 16.41.21; номер госрегистрации — 01201263908. Анализ романских языков, кроме каталанского, осуществлен В. Т. Титовым, каталанского — Е. В. Долбиловой, германских — О. М. Воеводской, славянских — И. А. Меркуловой, прочих языков — А. А. Кретовым, Д. С. Воеводским и О. М. Воеводской.

По каждому из параметров для каждого слова определяется его вес по формуле:

$$Pr_i = \frac{\sum r - R_{1-i}}{\sum r}$$

где $\sum r$ — сумма единиц всех рангов, R_{1-i} — сумма единиц от первого до данного, а Pr_i — вес i -го ранга.

При этом вес каждого слова располагается в интервале от 0 до 1 и зависит от характеристик всех остальных слов словаря.

По каждому из параметров все слова получают вес ранжируются в порядке убывания весов. Для каждого слова определяется его суммарный, т. е. *параметрический вес* по всем четырем параметрам, располагающийся в интервале между 0 и 4. Все слова ранжируются в порядке убывания параметрического веса и образуют 4 множества: 1) слова с весом более 3 (малое ядро), 2) слова с весом более 2, но менее 3 (малая периферия), 3) слова с весом более 1 и менее 2 (большая периферия), наконец, 4) слова с весом менее 1, но более 0.

Албан.	Значение албанского слова	Англ.	Значение англ. слова	Доля	Общ. зн.
hedh	выбросить; бросать, кидать; метать (тж. спорт.);	chuck 4 v	бросать, швырять	0,5	'бросать'
hedh	выбросить; бросать, кидать; метать (тж. спорт.);	throw 2 v	бросать, кидать; метать; набрасывать (тж. ~ on)	1	'бросать* кидать'
hedh	выбросить; бросать, кидать; метать (тж. спорт.);	cast 2 v	бросать, кидать, швырять; метать; отбрасывать	1	'бросать* кидать'

Границей дефиниции считается знак точка с запятой. В данном фрагменте представлено три албанско-английские пары. При этом двумя парами представлены значения 'бросать*кидать' и одной парой — значение 'бросать'. Для двух пар доля совпадений метаслов в дефиниции равна 1. И только для пары *hedh* 'бросать, кидать' — *chuck* 4 v 'бросать, швырять' сила связи между значе-

Первая 1000 слов с максимальным весом составляет параметрическое ядро лексики данного языка — при условии, что это аппеллятивы: существительные, прилагательные или глаголы.

В параметрическом ядре каждое слово оказывается со своим первым значением.

Предметом нашего исследования являются значения слов 35 европейских языков с весом более 2 (т. е. слова 1 и 2-го множеств, составляющие *большое ядро* лексики).

Что представляет собой единица подсчета?

Это пара слов, принадлежащих разным языкам, у которых совпало не менее 20 % метаслов, составляющих дефиницию. Метаязыком в нашем исследовании выступает русский язык, что естественно для лингвистов, являющихся носителями русского языка (в отсутствие иностранно-русских словарей использовались иностранно-английские, дефиниции которых были переведены О. М. Воеводской на русский язык). Пример такой пары приведен ниже:

ниями, измеряемая долей совпадающих метаслов, равна 0,5, потому что из двух метаслов обеих дефиниций общим является одно: 'бросать'. Как видим, если одним значением (семмой) объединяются разные лексемы, они составляют новую пару.

Таких пар в исследуемом материале 1525. Их распределение представлено в таблице 1.

Таблица 1

Распределение эксклюзем по доле общих метаслов

Доля общих метаслов	Пар	Доля, %	Накопл., %
1,00	1254	82,2%	82,2%
0,75	3	0,2%	82,4%
0,70	24	1,6%	84,0%
0,50	208	13,6%	97,6%
0,30	30	2,0%	99,6%
0,25	3	0,2%	99,8%
0,20	3	0,2%	100,0%

Как видим, 97,6 % всех пар имеет не менее 0,5 общих метаслов в дефинициях, а для 82,2 % пар дефиниции совпадают полностью.

Путь к достижению цели исследования предполагает много шагов: 1) от словаря к компьютерной базе данных, 2) от компьютерной базы данных каждого из 35 языков — к параметрическому ядру лексики, 3) от параметрических ядер лексики — к их семантическому сопоставлению, 4) от семантического сопоставления — к взвешиванию значений по количеству межъязыковых

пар, 5) выделение смыслов уникальных для данной пары языков — *эксклюзем*, 6) классификация и взвешивание полученных пар языков по количеству *эксклюзем*, которым измеряется сила связи между языками.

Рассмотрим, как ранжируются пары языков в порядке убывания связей между ними.

Предупредим возможное недоумение. Так, например, в нашем материале выделяется немецко-шведская эксклюзема *смарп*: нем. *Start n* 'смарп (спорт.)' швед. *start n* 'смарп'. Это не

значит, что в остальных европейских языках нет слов со значением 'старт'. Это означает, что по данным словарей-источников остальных европейских языков слова со значением 'старт' не набрали параметрического веса больше 2, достаточного для попадания в большое параметрическое ядро лексики этих языков. Таким образом, *эксклюземы* — не просто общие значения слов двух языков, а общие значения наиболее весомых в системном отношении (т. е. относящихся к лексико-семантическому ядру, коротко — *ядерных*) слов этих языков.

Стратификация пар языков Европы в порядке убывания общих ядерных смыслов — *эксклюзем* представлена в приложении.

Легко заметить, что в верхней части списка преобладают германские языки. Таблица 2, в которой суммированы все данные, позволяет определить аттрактивность (притягательность) каждого из языков в лексико-семантическом пространстве Европы. Мерой аттрактивности языка можно считать сумму его связей с другими языками, которая будет равна сумме пар слов данного и других языков с общими для них значениями.

На рисунке 1 данная информация представлена наглядно.

Шкала языков начинается германскими языками и заканчивается романскими. Между ними (ближе к романским) располагаются славянские языки. Финно-угорские языки — венгерский, финский, эстонский — размещаются в средней части шкалы. Латышский язык тяготеет к германской части шкалы, а литовский — к славянской.

Можно сказать, что латышский язык — самый германизированный язык Европы. На втором месте — македонский, на третьем — албанский. Из романских языков самым германизированным предстает каталанский, из финно-угорских — венгерский.

Германские языки демонстрируют еще одну закономерность: языки, расположенные на островах (английский, исландский, фарёрский), полуостровах (датский, норвежский, шведский) и в гористой местности (верхненемецкие говоры), обладают большей аттрактивностью, чем языки, расположенные на равнине (нижненемецкие говоры, фризский, нидерландский) и контактирующие с другими языками.

По силе аттрактивности германские языки (Герм.) противопоставлены остальным языкам

Европы (назовем их прочими и условно обозначим сокращением «Проч.»). Соответственно, возможны 3 типа связей между языками: *герм.-герм.*, *проч.-проч.* и *герм.-проч.*

Соотношение этих множеств наглядно представлено на рисунке 2.

Как видим, внутригерманские *эксклюземы* составляют 31 %, а негерманские (прочие) *эксклюземы* — 24 %. Соотношение *эксклюзем* с участием германских языков (76 %) и без участия германских языков (24 %) еще красноречивее.

Хотя германские языки составляют всего 9 из 35 государственных языков Европы, т. е. чуть больше $\frac{1}{4}$, на их долю приходится более $\frac{3}{4}$ *эксклюзем*.

Если общее количество *эксклюзем* разделить на количество разных пар, то полученная величина (среднее количество *эксклюзем* на пару языков) окажется мерой силы связи между языками. Наглядно соотношение силы связи между германскими и прочими языками представлено на рисунке 3.

Сила связи германских языков более чем в 5 раз превышает силу связей между прочими языками. Сила же связи германских языков с прочими близка к средней и почти в 2 раза больше, чем внутренние связи между прочими языками. Из этого с очевидностью следует, что ядро и доминанту ментального пространства Европы составляют германские языки.

Сравним внутреннюю силу связи германских языков с внутренней силой связи славянских, романских, финно-угорских и балтийских языков.

Соответствующие данные представлены в таблице 4 и на рисунке 4.

Подведем итоги. Главным результатом нашего исследования является вывод о том, что в зеркале «ядерных» *эксклюзем* центром и доминантой ментального пространства Европы видятся германские языки, обладающие беспрецедентной внутренней сплоченностью, в четыре раза превышающей внутреннюю сплоченность славянских языков, и высокой аттрактивностью: вне их влияния оказался всего один язык из 26 возможных — португальский.

Ближайшей перспективой данного исследования представляется подробный анализ связей каждого из 35 исследованных государственных языков Европы.

Таблица 2

Эксклюзивные семантические связи между «ядерной» лексикой государственных языков Европы

ЯЗ	Ал	Ан	Бе	Бо	Ве	Гр	Да	Ир	Ис	Ип	Ит	Ка	Лт	Лш	Ли	Ма	Не	Нл	Но	Пл	Пг	Рм	Ру	Се	Сц	Сн	Ту	Ук	Фа	Фи	Фц	Фз	Че	Шв	Эс	Σ
Ал	8	7	3	4	3	5	6	9	1	2	1	7	1	7	4	5	1	10	5	3	1	1	1	3	1	1	1	2	7	6	3	2	13	1	121	
Ан	8	2	3	7	2	15	6	11	2	1	7	11	16	11	12	8	25	7	4	1	4	3	1	4	3	9	16	4	2	12	23	2	230			
Бе	7	2				2	1	3			3	1	6	5	3	2	7	4		2			3	2	1	8	2	2	1	3	1	8	3	80		
Бо	3	3				1		2	1		1	1	1	4	1	1	3	1		1					1	1	1	2	1				11	1	39	
Ве	4	7				3	2	7	1		3	5	3	3	4	4	5	3		1			1	3	1	3	1	10	2	4	2		14		91	
Гр	3	2	1			3	1		2		2	1	2	1	2	3	1	2		1			1	1	1	6	1	2	1	2		4		45		
Да	5	15	2			3	3	6	13		5	4	9	11	12	4	50	3		3			3	1	1	3	9	4	5	1	29	2	203			
Ир	6	6	1			2	1	6	8		1	4	4	2	4	1	8	4		1					7	7	1	4			11	1	86			
Ис	9	11	3	2	7	13	8			1	1	4	6	11	1	7	8	2	21	3			2	1	1	1	8	13	4	3		16	1	168		
Ип	1	2				1		1		1							1					3													14	
Ит	2	1				1		1	1			1				1						3													15	
Ка	7	3	1	3	2	5	1	4					2	2	6	9	2	1		1		1				4		2	1	1	2	10	2	72		
Лт	1	11	1	5	1	4		6		1			1	2	3	4					1				1	6	2		2		6	1	59			
Лш	7	16	6	1	3	2	9	4	11		2	1		9	11	5	3	14	4						1	4	7	3	4	3	20	3	153			
Ли						1		1					9		3	1	2	1				1				3					4	1	29			
Ма	4	11	5	4	3	2	11	2	7		2	2	11	3	5	3	9	5		9	8	2	3	10	6	2	1	2	1	14		147				
Не	5	12	3	1	4	3	12	4	8		1	6	3	5	1	5	4	17	3			2	6	5	5	6	1	7	1	16	3	149				
Нл	1	8	2	1	4		4	1	2	1			3	3	4	3	2							1		1	2			1	14	3	60			
Но	10	25	7	3	5	1	50	8	21		9	4	14	2	9	17	3	9				1	1	2	2	4	8	7	1	9	2	28	5	266		
Пл	5	7	4	1	3	2	3	4	3		2	2	4	1	5	3	2	9				1	1	2	1	1	3	4	2	3	1	6	2	85		
Пг											1															1		1							5	
Рм								1		3	3	1	1		1																				16	
Ру											1			1		2																			15	
Се	3	1				1	3		2				1	9	6	1	2	1				1	1	2	2			1		3	1	1	41			
Сц	1	4	2			3	1	1	1		1			8		2	5					2	2											33		
Сн	1	3				1	1		1				1	2	5	2	2					2	2					1	2					27		
Ту	1					1		1					1		3	1	1											2							16	
Ук	2	9	8	1	10	6	3	7	8		4	6	4	3	10	5	4	3	1			1	1	2	2	2	2	2	2	1	16	2	121			
Фа	7	16	2	2	2	1	9	7	13	1		2	7	6	6	2	8	4				1		1	2	2	2	3	8	12				123		
Фи	6	4	2	1	4	2	4	1	4		2	3	3	2	1	7	2	1				1	1	1	1	2	3	2	2	5	1	62				
Фц	2	1				1				1	1	2			1							2													13	
Фз	3	12	3		2	2	5	4	3		1		4	2	7	9	3					1	3	1	1	8	2	2	2	4	1	83				
Че	2					1				1	2		3	1	1	1	2	1				2													28	
Шв	13	23	8	11	14	4	29	11	16		2	10	6	20	4	14	16	14	28	6	1	1	2	1	3	3	2	16	12	5	1	4	6	312		
Эс	1	2	3	1				2	1	1		2	1	3	1	3	3	5	2							1	2	1	2	1					43	

Ал — албанский, Ан — английский, Бе — белорусский, Бо — болгарский, Ве — венгерский, Гр — греческий, Да — датский, Ир — ирландский, Ис — исландский, Ип — испанский, Ит — итальянский, Ка — каталанский, Лт — латинский, Ли — литовский, Лш — латышский, Ма — македонский, Не — немецкий, Нл — нидерландский, Но — норвежский, Пг — португальский, Рм — румынский, Ру — русский, Се — сербский, Сц — словацкий, Сн — словацкий, Ту — турецкий, Ук — украинский, Фа — фарерский, Фи — финский, Фц — французский, Фз — фризский, Че — чешский, Шв — шведский, Эс — эстонский.

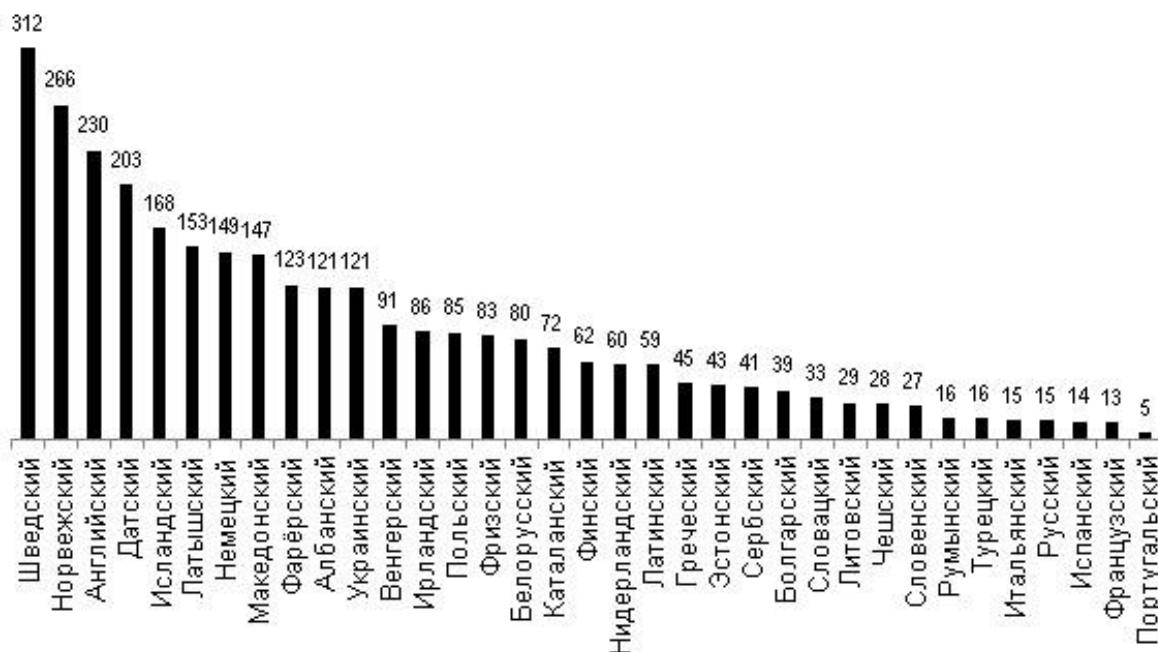

Рис. 1. Распределение языков Европы по мере attractiveness

Таблица 3

Соотношение германских и негерманских смыслов в языках Европы

Множества	Сила связи языков	Пар языков	Пар смыслов
Герм	12,3	19	233
Герм-Проч	4,2	82	342
Проч	2,5	76	187
Средн	4,3	177	762

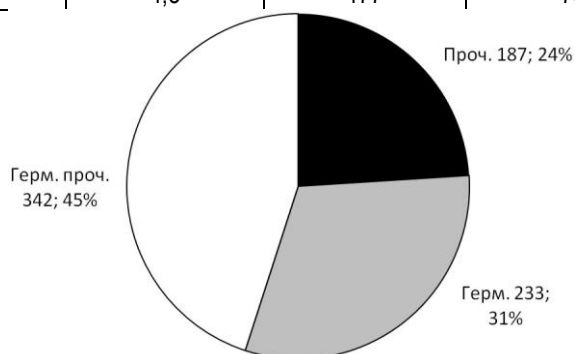

Рис. 2. Соотношение эксклюзем в государственных языках Европы

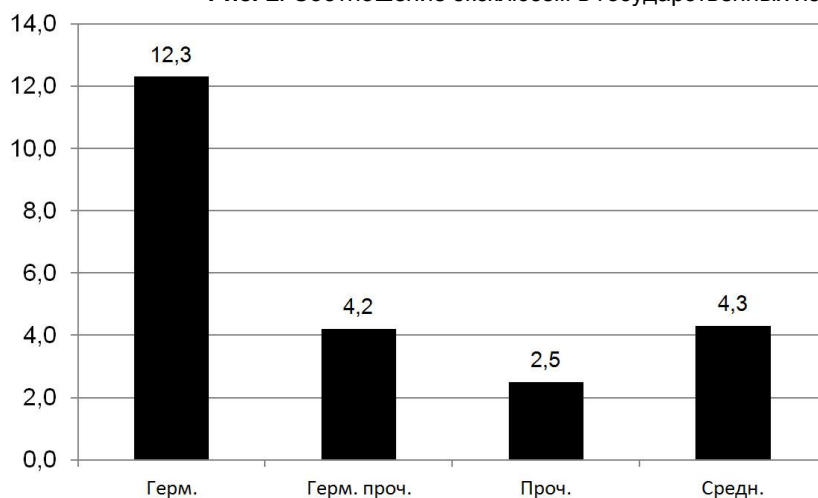

Рис. 3. Соотношение силы связи между германскими и прочими языками

Таблица 4

Сила связи внутри семей языков Европы

Семья языков	Сила связи языков	Пар языков	Пар смыслов
Германская	12,3	19	233
Славянская	3,0	27	82
Финно-угорская	2,0	2	4
Романская	1,5	11	17
Балтийская	1,0	1	1

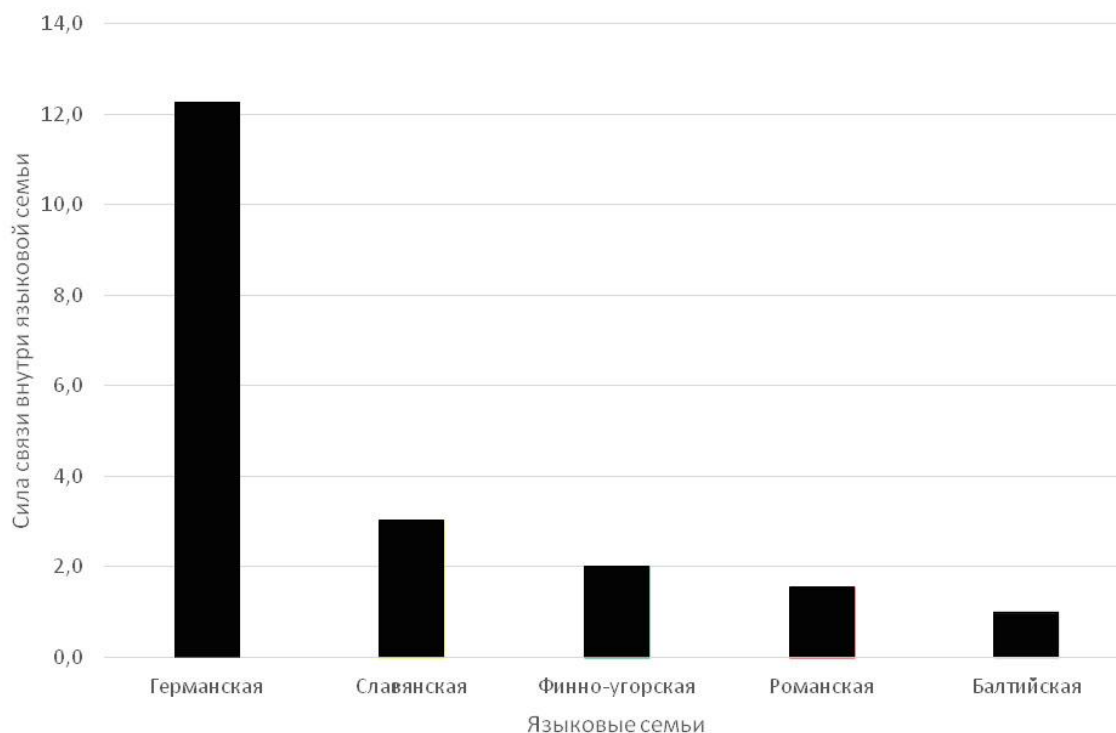

Рис. 4. Сила связи внутри семей языков Европы

ЛИТЕРАТУРА

1. Кретов А. А., Меркулова И. А., Титов В. Т. Проблемы количественной лексикологии славянских языков // Вопросы языкознания. — М.: РАН, 2011. № 1. С. 52—65.
2. Кретов А. А., Воеводская О. М., Титов В. Т. Лексическая составляющая понятия «среднеевропейский языковой стандарт» // Вестн. ВГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2015. № 3. С. 5—16.
3. Титов В. Т. Общая количественная лексикология романских языков: моногр. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002.
4. Титов В. Т. Частная количественная лексикология романских языков: моногр. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004.
5. Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. I // ВЯ. 1963. № 1.

СЛОВАРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

6. Англо-русский словарь: 40000 сл./ сост. В. К. Мюллер, С. К. Боянус. — М.: Локид, 2000.
7. Андрианов Б. А. Карманный румынско-русский словарь: ок. 8000 слов / сост. Б. А. Андрианов. Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Советская энцикл., 1964.
8. Барщевский Л., Железко Ю., Нурданг А. Норвежско-русский, русско-норвежский словарь: 27 тыс. слов. — М.: Мартин, 2004.
9. Белорусско-русский словарь: ок. 90000 слов / под ред. К. К. Крапивы. — М.: Изд. иностр. и нац. словарей, 1962.
10. Берков В. П. Исландско-русский словарь: 35 000 сл. / В. П. Берков; с прилож. краткого очерка грамматики исландского языка, сост. А. Бедварссоном. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1962.
11. Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь: ок. 58 000 сл. / С. Б. Бернштейн. Изд. 2-е, стер. — М.: Русский язык, 1975.

12. Большой нидерландско-русский словарь: ок. 180 000 сл. и словосочетаний / С. А. Миронов, В. О. Белоусов, Л. С. Шечкова и др.; под рук. С. А. Миронова. 3-е изд., испр. — М.: Живой яз., 2006.
13. Бондаренко А. В. Новогреческо-русский и русско-новогреческий словарь общепотребительной и деловой лексики. — М.: АСТ: Астрель, 2002.
14. Вахрос И., Щербак А. Финско-русский словарь: 82 000 сл. / ред. В. Олльхайнен, И. Сало. — М.: Рус. яз., 1975.
15. Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь: ок. 70 000 сл. 4-е изд. — М.: Рус. яз., 1998.
16. Ганич Д. И., Олейник И. С. Русско-украинский и украинско-русский словарь: 12 000 сл. 6-е стер. изд. — Киев: Феникс, 1992.
17. Грабчиков С. М. Белорусско-русский словарь / под ред. А. Е. Баханькова / 2-е изд., перераб. — Минск: Нар. Света, 1975.
18. Гудков В. П., Иванович С. Сербско-русский и русско-сербский словарь = Српско-русски и руско-српски речник: 20 000 слов. 6-е изд., стер. — М.: Рус. яз. Медиа, 2007.
19. Гуськов А. П. Венгерско-русский словарь. — М.: Рус. яз.: Медиа, 2005.
20. Датско-русский и русско-датский словарь / под ред. Е. В. Бабушкиной-Лорентцен. — 6-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 2002.
21. Длуги Д. А., Раевский Б. Г., Буравцева Н. Р. Чешско-русский словарь: ок. 11 000 сл. 2-е стер. изд. — М.: Советская энциклопедия, 1973.
22. Ефремова В. В. Шведско-русский и русско-шведский словарь / под ред. К. Давидсон. — М.; СПб.: Дельта: М. Г. В., 2003.
23. Загнітко А. П., Вінтонів М. О., Данилюк І. Г. Великий українсько-російський і російсько-український словник: ок. 22 000 сл. — Донецьк: ТОВ ВКФ «БАО», 2007.

24. Зорько Г. Ф., Майзель Б. Н., Скворцова Н. А. Большой итальянско-русский словарь = Grande dizionario italiano-russo : ок. 300 000 слов и словосочетаний. 7-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 2004.

25. Иоанидис А. А. Новогреческо-русский словарь : ок. 40 000 сл. / под ред. А. А. Белецкого. — М. : ГИИНС, 1961.

26. Кавецкая Р. К., Кретов А. А. Обратный частотный словарь поэтических произведений А. В. Кольцова. — Воронеж, 1997.

27. Карманный словацко-русский и русско-словацкий словарь / сост. Д. Коллар. 4-е изд., испр. и доп. — М. : Русский язык, 1982.

28. Косухин В., Либерис А. Литовско-русский словарь : ок. 22 000 сл. / под ред. Х. Лемхена. — Вильнюс : Гос. Изд-во политехнич. и науч. лит-ры Литовской ССР, 1956.

29. Котник Я. Словенско-русский словарь / сост. Янко Котник. 2-е изд. — Любляна : Гос. издание Словении, 1967.

30. Кочи Р. Д. Краткий албанско-русский словарь: 13000 слов / сост.: Р. Д. Кочи [и др.]; ред. А. Косталлари, с прил. краткого очерка грамматики албанского языка сост. Б. А. Серебренниковым. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1951. — 547 с.

31. Красова Г. А. Карманный итальянско-русский словарь = Dizionario Tascabile Italiano-Russo : ок. 12 000 сл. / Г. А. Красова, Г. Дзаппи. 2-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 1993.

32. Кретов А. А., Матыцина Л. Н. Морфемно-морфологический словарь языка А. С. Пушкина / Воронеж. гос. ун-т., фак. романо-германской филологии, науч.-метод. центр по компьютерной лингвистике. — Воронеж, 1999.

33. Латышско-русский словарь : в 2 т. : ок. 53 000 сл. / М. Бейтиня, А. Дарбиня, Ф. Марцинкевич и др. — Рига : Лиесма : Авотс, 1979—1981.

34. Леонидова М. А. Карманный болгарско-русский словарь = Джебен българско-руски речник : 10 600 сл. 8-е изд., стер. — М. : Русский язык, 1980.

35. Либерис А. Литовско-русский словарь. 3-е изд. — Вильнюс : Mokslas, 2001.

36. Маршишевская К. А. Карманный испанско-русский словарь : 11 000 сл. 3-е изд., стер. — М. : Русский язык, 1974.

37. Митронова И. Н., Синицына Г. В. Карманный польско-русский и русско-польский словарь = Słownik Kieszonkowy Polsko-Rosyjski i Rosyjsko-Polski. Изд. 21-е, испр. — М. : Русский язык, 1989.

38. Новый большой норвежско-русский словарь = Ny stor norsk-russisk ordbok : в 2 т. : свыше 300 000 словарных статей, значений слов и выражений / рук. проекта и отв. ред. В. Берков ; ред. Х. Харальдсон, С. Коттум. — М. : Живой язык, 2006.

39. Новый большой шведско-русский словарь / координатор проекта Б.-М. Берглунд, рук. проекта и отв. ред.

У. Биргерд, отв. ред. Э. Маркклунд-Шарапова. — М. : Живой язык, 2007.

40. Новый немецко-русский словарь / под ред. М. Я. Цвиллинга. — М. : ОНИКС 21 век, 2005.

41. Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 70 000 сл. / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. — М. : Русский язык, 1990.

42. Раевская О. В. Французско-русский и русско-французский словарь (краткий). — М. : Рус. яз., 1995.

43. Розвадовская М. Ф. Польско-русский словарь : ок. 50 000 слов и выражений. Изд. 7-е. — М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963.

44. Тамм Й. Эстонско-русский словарь. — Таллин : Валгус, 1974.

45. Толковый словарь русского языка : более 2 500 000 сл. / сост. и ред. Д. Н. Ушаков. — Электрон. версия 4-томн. словаря. Электрон. текстовые дан. — М. : ЭТС, 1999. 1 электрон. опт. диск (CD).

46. Толовски Д. Македонско-русский словарь : 30 000 сл. : с прил. краткого грамматического справочника, сост. В. М. Иллич-Свитычем. — М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963.

47. Трофимович К. К. Верхнелужицко-русский словарь : 36 000 сл. / под ред. Ф. Михалка, П. Фелькеля. — М. : Рус. яз., 1974.

48. Хориков И. П., Малев М. Г. Новогреческо-русский словарь : ок. 67 000 сл. — М. : Русский язык, 1980.

49. Шалагина И. Н. Карманный португальско-русский словарь = Dicionário de bolso Portugues-Russo : 9000 сл. 3-е изд., испр. и доп. — М. : Русский язык, 1987.

50. Шibaков А. В. Ирландско-русский словарь. — Tristamson, 2006.

51. Щербинин В. Г. Краткий турецко-русский словарь : ок. 10 000 сл. — М. : Русский язык, 1977.

52. Bank S., Szmídt D., Zgustová M. Diccionari rus-català y català-rus. — Barcelona : Enciclopèdia Catalana, 1999.

53. Dykstra A. Frisian-English Dictionary / Fryske Akademy. — Afûk ; Ljouwert ; Leeuwarden, 2000.

54. Ramułt S. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego // Naładem Akademii umiejętności. Śład główny w księgarńy spółki wydawniczej polskiej, 1893.

55. Slovník českých synonym a antonym. URL: <http://www.sochorek.cz/slovník-synonym-a-antonym-online.htm>.

56. Ramułt M. Dolnosorbisko-němski słownik: šulski słownik dolnosorbiskeje řečy // Niedersorbisch-deutsches Wörterbuch. — Gesamtherstellung : Interdruck Graphischer Großbetrieb. Leipzig, Betrieb der ausgezeichneten Qualitätsarbeit, III/18/19. — Redaktionsschluss 30.11.1984.

57. Young G. V. C., Clewer C. R. Faroese-English Dictionary. — Republic of Ireland, 1985.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Стратификация пар государственных языков Европы по количеству эксклюзов

Датский — норвежский 50; датский — шведский 29; норвежский — шведский 28; английский — норвежский 25; белорусский — норвежский 23; исландский — норвежский 21; латышский — шведский 20; немецкий — норвежский 17; английский — латышский 16; английский — фарерский 16; исландский — шведский 16; немецкий — шведский 16; украинский — шведский 16; латышский — шведский 15; английский — латышский 14; венгерский — шведский 14; латышский — норвежский 14; македонский — шведский 14; албанский — шведский 13; венгерский — шведский 13; украинский — шведский 13; албанский — шведский 12; английский — латинский 12; латышский — норвежский 12; македонский — шведский 12; английский — латинский 11; английский — македонский 11; английский — македонский 11; болгарский — шведский 11; датский — македонский 11; ирландский — шведский 11; исландский — латышский 11; латышский — македонский 11; албанский — норвежский 10; венгерский — украинский 10; каталанский — шведский 10; македонский — украинский 10; албанский — исландский 9; английский — украинский 9; болгарский — шведский 9; датский — латышский 9; датский — македонский 9; ирландский — шведский 9; латышский — литовский 9; македонский — норвежский 9; македонский — сербский 9; норвежский — польский 9; албанский — английский 8; албанский — исландский 8; албанский — норвежский 8; английский — украинский 8; белорусский — украинский 8; белорусский — шведский 8; ирландский — исландский 8; ирландский — норвежский 8; исландский — латышский 8; каталанский — шведский 8; македонский — словацкий 8; албанский — белорусский 7; албанский — латышский 7; албанский — фарерский 7; английский — венгерский 7; английский — каталанский 7; английский — польский 7; белорусский — норвежский 7; венгерский — исландский 7; датский — латышский 7; ирландский — украинский 7; ирландский — фарерский 7; исландский — македонский 7; латышский — фарерский 7; норвежский — финский 7; албанский — ирландский 6;

албанский — финский 6; английский — ирландский 6; белорусский — латышский 6; греческий — украинский 6; датский — ирландский 6; исландский — латинский 6; каталанский — немецкий 6; латинский — украинский 6; латинский — шведский 6; македонский — норвежский 6; македонский — фарерский 6; немецкий — сербский 6; польский — шведский 6; чешский — шведский 6; шведский — эстонский 6; албанский — английский 5; албанский — датский 5; албанский — немецкий 5; албанский — польский 5; белорусский — македонский 5; венгерский — латинский 5; венгерский — норвежский 5; датский — каталанский 5; македонский — немецкий 5; македонский — польский 5; немецкий — словенский 5; немецкий — украинский 5; норвежский — польский 5; норвежский — эстонский 5; финский — шведский 5; албанский — венгерский 4; албанский — македонский 4; английский — словацкий 4; английский — финский 4; белорусский — польский 4; белорусский — шведский 4; болгарский — македонский 4; венгерский — немецкий 4; венгерский — нидерландский 4; венгерский — финский 4; греческий — шведский 4; датский — латинский 4; датский — финский 4; ирландский — исландский 4; ирландский — латышский 4; ирландский — немецкий 4; ирландский — норвежский 4; ирландский — польский 4; ирландский — фризский 4; исландский — каталанский 4; исландский — финский 4; каталанский — украинский 4; латинский — норвежский 4; латышский — польский 4; латышский — украинский 4; латышский — фризский 4; литовский — шведский 4; норвежский — украинский 4; польский — фарерский 4; албанский — болгарский 3; албанский — греческий 3; албанский — сербский 3; албанский — фарерский 3; албанский — фризский 3; английский — болгарский 3; английский — венгерский 3; английский — словенский 3; белорусский — исландский 3; белорусский — каталанский 3; белорусский — немецкий 3; белорусский — русский 3; белорусский — фризский 3; белорусский — эстонский 3; болгарский — норвежский 3; венгерский — датский 3; венгерский — каталанский 3; венгерский — латышский 3; венгерский — македонский 3; венгерский — польский 3; венгерский — словацкий 3; греческий — датский 3; греческий — немецкий 3; датский — польский 3; датский — сербский 3; датский — украинский 3; исландский — польский 3; испанский — румынский 3; итальянский — румынский 3; латинский — немецкий 3; латышский — нидерландский 3; латышский — финский 3; латышский — чешский 3; латышский — эстонский 3; литовский — македонский 3; литовский — украинский 3; македонский — нидерландский 3; македонский — турецкий 3; немецкий — польский 3; немецкий — эстонский 3; нидерландский — эстонский 3; польский — украинский 3; польский — фризский 3; сербский — фризский 3; словацкий — шведский 3; словенский — шведский 3; фарерский — финский 3; албанский — итальянский 2; албанский — украинский 2; албанский — чешский 2; английский — белорусский 2; английский — греческий 2; английский — испанский 2; английский — каталанский 2; английский — польский 2; английский — французский 2; английский — эстонский 2; белорусский — датский 2; белорусский — нидерландский 2; белорусский — словацкий 2; белорусский — фарерский 2; белорусский — финский 2; болгарский — исландский 2; болгарский — фарерский 2; венгерский — ирландский 2; венгерский — фарерский 2; венгерский — фризский 2; греческий — испанский 2; греческий — каталанский 2; греческий — латышский 2; греческий — македонский 2; греческий — польский 2; греческий — финский 2; греческий — фризский 2; датский — эстонский 2; ирландский — македонский 2; исландский — сербский 2; итальянский — шведский 2; каталанский — латышский 2; каталанский — македонский 2; каталанский — польский 2; каталанский — финский 2; каталанский — чешский 2; каталанский — эстонский 2; латинский — македонский 2; латинский — фарерский 2; латинский — французский 2; литовский — норвежский 2; македонский — словенский 2; македонский — финский 2; македонский — фризский 2; немецкий — русский 2; нидерландский — польский 2; норвежский — словацкий 2; норвежский — словенский 2; норвежский — чешский 2; польский — сербский 2; польский — финский 2; польский — эстонский 2; румынский — французский 2; русский — чешский 2; русский — шведский 2; сербский — словацкий 2; сербский — словенский 2; словенский — фарерский 2; турецкий — украинский 2; турецкий — шведский 2; украинский — фарерский 2; украинский — финский 2; украинский — эстонский 2; финский — фризский 2; фризский — чешский 2; албанский — испанский 1; албанский — латинский 1; албанский — нидерландский 1; албанский — словацкий 1; албанский — словенский 1; албанский — турецкий 1; албанский — эстонский 1; английский — итальянский 1; английский — сербский 1; белорусский — ирландский 1; белорусский — латинский 1; белорусский — турецкий 1; белорусский — французский 1; белорусский — чешский 1; болгарский — греческий 1; болгарский — испанский 1; болгарский — каталанский 1; болгарский — латышский 1; болгарский — немецкий 1; болгарский — нидерландский 1; болгарский — польский 1; болгарский — турецкий 1; болгарский — украинский 1; болгарский — финский 1; болгарский — эстонский 1; венгерский — испанский 1; венгерский — русский 1; венгерский — словенский 1; греческий — ирландский 1; греческий — латинский 1; греческий — литовский 1; греческий — норвежский 1; греческий — сербский 1; греческий — словацкий 1; греческий — словенский 1; греческий — фарерский 1; греческий — французский 1; датский — словацкий 1; датский — словенский 1; датский — чешский 1; ирландский — каталанский 1; ирландский — нидерландский 1; ирландский — румынский 1; ирландский — финский 1; ирландский — эстонский 1; исландский — испанский 1; исландский — итальянский 1; исландский — словенский 1; исландский — турецкий 1; исландский — эстонский 1; испанский — итальянский 1; испанский — нидерландский 1; испанский — фарерский 1; итальянский — латинский 1; итальянский — немецкий 1; итальянский — словенский 1; итальянский — французский 1; итальянский — чешский 1; каталанский — португальский 1; каталанский — румынский 1; каталанский — словацкий 1; каталанский — французский 1; каталанский — фризский 1; латинский — латышский 1; латинский — румынский 1; латинский — турецкий 1; латинский — эстонский 1; латышский — словенский 1; литовский — немецкий 1; литовский — польский 1; литовский — румынский 1; литовский — русский 1; литовский — сербский 1; литовский — эстонский 1; македонский — французский 1; македонский — чешский 1; немецкий — финский 1; немецкий — чешский 1; нидерландский — турецкий 1; нидерландский — чешский 1; норвежский — сербский 1; норвежский — французский 1;

польский — румынский 1; польский — русский 1; польский — словацкий 1; польский — турецкий 1; польский — чешский 1; португальский — украинский 1; португальский — финский 1; португальский — чешский 1; португальский — шведский 1; румынский — сербский 1; румынский — финский 1; румынский — шведский 1; русский — сербский 1; русский — украинский 1; русский — фризский 1; сербский — фарерский 1; сербский — шведский 1; сербский — эстонский 1; словацкий — финский 1; словацкий — фризский 1; словацкий — чешский 1; словенский — украинский 1; турецкий — финский 1; турецкий — эстонский 1; украинский — фризский 1; финский — эстонский 1; французский — шведский 1; фризский — эстонский 1.

A. A. Kretov, O. M. Voevudskaya, V. T. Titov
Voronezh, Russia

MENTAL CLASSIFICATION OF EUROPEAN LANGUAGES IN TERMS OF EXCLUSIVE LEXEMES

ABSTRACT. *The aim of the article is to study the unique lexical meanings of the kernel lexemes of 35 European state languages distinguished through their pairwise comparison and to classify the European languages according to this parameter. The article reveals the kernel lexemes of European languages, classifies and compares the obtained pairs of languages in accordance with the number of exclusive lexemes and defines the degree of attractiveness of languages by means of the method of parameter analysis.*

The undertaken analysis presupposes the following steps: 1) from vocabulary — to computer database, 2) from the computer database of each language — to the parameter kernel of the lexis, 3) from the parameter kernel of the lexis — to their semantic comparison, 4) from the semantic comparison — to comparison of meanings in accordance with the number of interlinguistic pairs, 5) distinguishing the meanings unique for the given pair of languages — of exclusive lexemes, 6) classification and comparison of the obtained pairs of languages in accordance with the number of exclusive lexemes, which serves to measure the degree of connection between the languages.

The main result of the study is the conclusion that in terms of exclusive lexemes the central and dominant position in the mental space of Europe is occupied by Germanic languages, which possess maximum inner consolidation and high attractiveness: only one language is out of the sphere of their influence — the Portuguese.

KEYWORDS: *exclusive lexeme; attractiveness; mental environment; kernel lexis; parameter analysis.*

ABOUT THE AUTHORS: *Kretov Aleksey Aleksandrovich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Voronezh State University, Voronezh, Russia.*

Voevudskaya Oksana Mikhaylovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Voronezh State University, Voronezh, Russia.

Titov Vladimir Tikhonovich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Romance Philology, Voronezh State University, Voronezh, Russia.

REFERENCES

1. Kretov A. A., Merkulova I. A., Titov V. T. Problemy kvantitativnoy leksikologii slavyanskikh yazykov // Voprosy yazykoznaneya. — M.: RAN, 2011. № 1. S. 52—65.
2. Kretov A. A., Voevudskaya O. M., Titov V. T. Leksicheskaya sostavlyayushchaya ponyatiya «sredneevropeyskiy yazykovoy standart» // Vestn. VGU. Ser. «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya». 2015. № 3. S. 5—16.
3. Titov V. T. Obshchaya kvantitativnaya leksikologiya romanskikh yazykov : monogr. — Voronezh : Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2002.
4. Titov V. T. Chastnaya kvantitativnaya leksikologiya romanskikh yazykov : monogr. — Voronezh : Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2004.
5. Tolstoy N. I. Iz opytov tipologicheskogo issledovaniya slavyanskogo slovarnogo sostava. I // VYa. 1963. № 1.
6. Anglo-russkiy slovar' : 40000 sl./ sost. V. K. Myuller, S. K. Boyanus. — M.: Lokid, 2000.
7. Andrianov B. A. Karmanny rumynsko-russkiy slovar' : ok. 8000 slov / sost. B. A. Andrianov. Izd. 3-e, ispr. i dop. — M.: Sovetskaya entsikl., 1964.
8. Barshchevskiy L., Zhelezko Yu., Nurdang A. Norvezhsko-russkiy, russko-norvezhskiy slovar' : 27 tys. slov. — M.: Martin, 2004.
9. Belorussko-russkiy slovar' : ok. 90000 slov / pod red. K. K. Kravitsy. — M.: Izd. inostr. i nats. slovarey, 1962.
10. Berkov V. P. Islandsko-russkiy slovar' : 35 000 sl. / V. P. Berkov; c prilozh. kratkogo ocherka grammatiki islandskogo yazyka, sost. A. Bedvarssonom. — M.: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarey, 1962.
11. Bernshteyn S. B. Bolgarsko-russkiy slovar' : ok. 58 000 sl. / S. B. Bernshteyn. Izd. 2-e, ster. — M.: Russkiy yazyk, 1975.
12. Bol'shoy niderlandsko-russkiy slovar' : ok. 180 000 sl. i slovosochetaniy / S. A. Mironov, V. O. Belousov, L. S. Shechkova i dr.; pod ruk. S. A. Mironova. 3-e izd., ispr. — M.: Zhivoy yaz., 2006.
13. Bondarenko A. V. Novogrechesko-russkiy i russko-novogrecheskiy slovar' obshchepotrebitel'noy i delovoy leksiki. — M.: AST : Astrel', 2002.
14. Vakhros I., Shcherbakov A. Finsko-russkiy slovar' : 82 000 sl. / red. V. Ollykaynen, I. Salo. — M.: Rus. yaz., 1975.
15. Gak V. G., Ganshina K. A. Novyy frantsuzsko-russkiy slovar' : ok. 70 000 sl. 4-e izd. — M.: Rus. yaz., 1998.
16. Ganich D. I., Oleynik I. S. Russko-ukrainskiy i ukrainsko-russkiy slovar' : 12 000 sl. 6-e ster. izd. — Kiiv : Feniks, 1992.
17. Grabchikov S. M. Belorussko-russkiy slovar' / pod red. A. E. Bakhan'kova / 2-e izd., pererab. — Minsk : Nar. Sveta, 1975.
18. Gudkov V. P., Ivanovich S. Serbsko-russkiy i russko-serbskiy slovar' = Srpsko-russki i rusko-srpski rechnik : 20 000 slov. 6-e izd., ster. — M.: Rus. yaz. Media, 2007.
19. Gus'kov A. P. Vengersko-russkiy slovar'. — M.: Rus. yaz. : Media, 2005.
20. Datsko-russkiy i russko-datskiy slovar' / pod red. E. V. Babushkinoy-Lorenttsen. — 6-e izd., ster. — M.: Rus. yaz., 2002.
21. Dlugi D. A., Raevskiy B. G., Buravtseva N. R. Cheshsko-russkiy slovar' : ok. 11 000 sl. 2-e ster. izd. — M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1973.
22. Efremova V. V. Shvedsko-russkiy i russko-shvedskiy slovar' / pod red. K. Davidson. — M.: SPb.: Del'ta : M. G. V., 2003.
23. Zagnitko A. P., Vintoniv M. O., Danilyuk I. G. Velikiy ukrains'ko-rosiyskiy i rosiys'ko-ukrainskiy slovar' : ok. 22 000 sl. — Donetsk : TOV VKF 'BAO', 2007.
24. Zor'ko G. F., Mayzel' B. N., Skvortsova N. A. Bol'shoy ital'yansko-russkiy slovar' = Grande dizionario italiano-russo : ok. 300 000 slov i slovosochetaniy. 7-e izd., ster. — M.: Rus. yaz., 2004.
25. Ioanidis A. A. Novogrechesko-russkiy slovar' : ok. 40 000 sl. / pod red. A. A. Beletskogo. — M.: GIINS, 1961.
26. Kavetskaya R. K., Kretov A. A. Obratnyy chastotnyy slovar' poeticheskikh proizvedeniy A. V. Kol'tsova. — Voronezh, 1997.
27. Karmanny slovatsko-russkiy i russko-slovatskiy slovar' / sost. D. Kollar. 4-e izd., ispr. i dop. — M.: Russkiy yazyk, 1982.
28. Kosukhin V., Liberis A. Litovsko-russkiy slovar' : ok. 22 000 sl. / pod red. Kh. Lemkhena. — Vil'nyus : Gos. Izd-vo politekhnich. i nauch. lit-ry Litovskoy SSR, 1956.
29. Kotnik Ya. Slovensko-russkiy slovar' / sost. Yanko Kotnik. 2-e izd. — Lyublyana : Gos. izdanie Slovenii, 1967.
30. Kochi R. D. Kratkiy albansko-russkiy slovar' : 13000 slov / sost.: R. D. Kochi [i dr.]; red. A. Kostallari, s pril. kratkogo ocherka grammatiki albanskogo yazyka sost. B. A. Serebrennikovym. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1951. — 547 s.
31. Krasova G. A. Karmanny ital'yansko-russkiy slovar' = Dizionario Tascabile Italiano-Russo : ok. 12 000 sl. / G. A. Krasova, G. Dzappi. 2-e izd., ster. — M.: Rus. yaz., 1993.

32. Kretov A. A., Matytsina L. N. Morfemno-morfologicheskiy slovar' yazyka A. S. Pushkina / Voronezh. gos. un-t., fak. romano-germanskoj filologii, nauch.-metod. tsentr po komp'yuternoy lingvistike. — Voronezh, 1999.
33. Latyshsko-russkiy slovar' : v 2 t. : ok. 53 000 sl. / M. Beytina, A. Darbina, F. Martsinkevich i dr. — Riga : Liesma : Avots, 1979—1981.
34. Leonidova M. A. Karmannyi bolgarsko-russkiy slovar' = Dzhoben b'lgarsko-ruski rechnik : 10 600 sl. 8-e izd., ster. — M. : Russkiy yazyk, 1980.
35. Liberis A. Litovsko-russkiy slovar'. 3-e izd. — Vil'nyus : Mokslas, 2001.
36. Martsishevskaya K. A. Karmannyi ispansko-russkiy slovar' : 11 000 sl. 3-e izd., ster. — M. : Russkiy yazyk, 1974.
37. Mitronova I. N., Sinityna G. V. Karmannyi pol'sko-russkiy i rusko-pol'skiy slovar' = Słownik Kieszonkowy Polsko-Rosyjski i Rosyjsko-Polski. Izd. 21-e, ispr. — M. : Russkiy yazyk, 1989.
38. Novyy bol'shoy norvezhsko-russkiy slovar' = Ny stor norsk-russisk ordbok : v 2 t. : svyshe 300 000 slovarnykh statey, znacheniy slov i vyrazheniy / ruk. proekta i otv. red. V. Berkov ; red. Kh. Kharal'dson, S. Kottum. — M. : Zhivoy yazyk, 2006.
39. Novyy bol'shoy shvedsko-russkiy slovar' / koordinator proekta B.-M. Berglund, ruk. proekta i otv. red. U. Birgegord, otv. red. E. Marklund-Sharapova. — M. : Zhivoy yazyk, 2007.
40. Novyy nemetsko-russkiy slovar' / pod red. M. Ya. Tsvilinga. — M. : ONIKS 21 vek, 2005.
41. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka : ok. 70 000 sl. / S. I. Ozhegov ; pod red. N. Yu. Shvedovoy. 22-e izd., ster. — M. : Russkiy yazyk, 1990.
42. Raevskaya O. V. Frantsuzsko-russkiy i rusko-frantsuzskiy slovar' (kratkiy). — M. : Rus. yaz., 1995.
43. Rozvadovskaya M. F. Pol'sko-russkiy slovar' : ok. 50 000 slov i vyrazheniy. Izd. 7-e. — M. : Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1963.
44. Tamm Y. Estonsko-russkiy slovar'. — Tallin : Valgus, 1974.
45. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : bolee 2 500 000 sl. / sost. i red. D. N. Ushakov. — Elektron. versiya 4-tomn. slovarya. Elektron. tekstovye dan. — M. : ETS, 1999. 1 elek-tron. opt. disk (CD).
46. Tolovski D. Makedonsko-russkiy slovar' : 30 000 sl. : s pril. kratkogo grammaticheskogo spravochnika, sost. V. M. Illich-Svitychem. — M. : Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1963.
47. Trofimovich K. K. Verkhneluzhitsko-russkiy slovar' : 36 000 sl. / pod red. F. Mikhalka, P. Fel'kelya. — M. : Rus. yaz., 1974.
48. Khorikov I. P., Malev M. G. Novogrechesko-russkiy slovar' : ok. 67 000 sl. — M. : Russkiy yazyk, 1980.
49. Shalagina I. N. Karmannyi portugal'sko-russkiy slovar' = Dicionario de bolso Portugues-Russo : 9000 sl. 3-e izd., ispr. i dop. — M. : Russkiy yazyk, 1987.
50. Shibakov A. V. Irlandsko-russkiy slovar'. — Tristamson, 2006.
51. Shcherbinin V. G. Kratkiy turetsko-russkiy slovar' : ok. 10 000 sl. — M. : Russkiy yazyk, 1977.
52. Bank S., Szmidt D., Zgustová M. Diccioniari rus-català y català-rus. — Barcelona : Enciclopèdia Catalana, 1999.
53. Dykstra A. Frisian-English Dictionary / Fryske Akademy. — Afûk ; Ljouwert ; Leeuwarden, 2000.
54. Ramułt S. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego // Nacladem Akademii umiejętności. Sclad główny w księgarny spółki wydawniczej polskiej, 1893.
55. Slovník českých synonym a antonym. URL: <http://www.sochorek.cz/-slovník-synonym-a-antonym-online.htm>.
56. Starosta M. Dolnosorbisko-němski słownik: šulski słownik dolnosorbiskeje rěcy // Niedersorbisch-deutsches Wörterbuch. — Gesamtherstellung : Interdruck Graphischer Großbetrieb. Leipzig, Betrieb der ausgezeichneten Qualitätsarbeit, III/18/19. — Redaktionsschluß 30.11.1984.
57. Young G. V. C., Clewer C. R. Faroese-English Dictionary. — Republic of Ireland, 1985.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Э. Н. Меркулова
Нижний Новгород, Россия

«АЙ СПИК ФРОМ МАЙ ХАРТ», ИЛИ А БЫЛ ЛИ RUNGLISH?

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается возможность постулировать наличие такого явления, как «русский английский», под которым понимается результат взаимодействия глобального английского с русским языком. С одной стороны, это влияние рассматривается как массированное воздействие английского языка на русский, проявляющееся в появлении большого количества английской дублетной ксенолексики в речи носителей русского языка, а также в отдельных изменениях, затрагивающих морфологическую и синтаксическую системы русского языка, с другой — происходит интерференция русского языка и изучаемого английского, в результате которой возникает культурно-специфичный вариант глобального английского, приобретенный носителями русского языка в искусственных условиях педагогического дискурса. В статье анализируется смысловое наполнение неологизма «RunGLISH» и рассматривается возможность его включения в понятийный аппарат лингвистики и лингводидактики.

Правомерность размещения «русского английского» в ряду других вариантов английского языка (World Englishes) доказывается посредством сравнения RunGLISH с такими признанными в академических кругах вариантами английского языка, как Singlish и Hinglish. Выявляются отличительные признаки, не позволяющие выделить RunGLISH в качестве нового варианта английского языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: рунглиш; ксенолект; русский идиом английского языка; глобальный английский; диалект.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Меркулова Эдита Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород); адрес: 603155, Н. Новгород, Б. Печерская, 25/12; e-mail: edmerk@inbox.ru; emerkuлова@hse.ru.

Очередное интервью министра спорта России на английском (?) языке, связанное с обсуждением коррупционного скандала в Международной федерации футбола (ФИФА), несколько дней оставалось в центре дискуссий во Всемирной сети и послужило поводом для создания ряда остроумных креативов. Одновременно с этим само интервью и последующая дискуссия заставили задуматься как минимум над двумя вопросами. Один из них вновь отсылает нас к статусу английского языка в глобальном медийном пространстве и, шире, в глобализированном мире. Второй связан с рядом номинаций, не имеющих пока лингвистического статуса, такими как «русланг», «рунглиш», «рунглийский» и прочие именованья русского языка, подверженного влиянию английского, или плохого английского языка в «исполнении» носителей русского языка.

Ситуация, в которой оказался российский министр, сама по себе не нова. Европейская общественность (как выяснилось, наша тоже) ожидает от европейских чиновников высокого ранга хорошего уровня владения английским языком. В литературе описаны подобные неудобные для чиновников случаи. Например, в похожую ситуацию попадали в свое время министр иностранных дел Германии Гвидо Вестервилле и еврокомиссар Гюнтер Оттингер. Первый не понял адресованный ему на пресс-конференции вопрос, содержащий идиоматическое выражение, и отказался отвечать: «What will Germany look like with you at the helm?». Второго критиковали за его ярко выраженный немецко-швабский акцент и дословный перевод с родного языка, например: «In my homeland Baden-Wuerttemberg we are all sitting in one boat» [Цит. по: Fiedler 2011: 87] (ср. «Ай спик фром май харт»). В деловом английском языке имеется идиома «to be in the same boat», схожая по смыслу. Использование неправильной коллокации, связанной с заменой одного слова в устойчивом выражении, привело к буквальному переводу с созданием последующего комического эффекта, что явно не входило в коммуникативный замысел выступающего.

Несмотря на достаточно популярную в настоящее время точку зрения, согласно которой «A language belongs to whoever uses it, and it is not the sole property of its native speakers» [Sridhar 1980: 293] («Язык принадлежит тем, кто пользуется им, а не является исключительной собственностью носителя языка»), приведенные примеры, вызвавшие широкий общественный резонанс, подтверждают, что «the wider public is not ready to accept non-native speaker-like norms of English» [Цит. по: Fiedler: 87] («...широкая публика не готова принять нормы не носителей языка»).

Также очевидно, что столь массовая негативная реакция интернет-сообщества обусловлена типом дискурса и такой его характеристикой, как институциональность. Выступая в качестве участника политической коммуникации, «которая посвящена политическим проблемам или в которой политические субъекты выступают в качестве автора политического текста или его адресата» [Чудинов 2012: 53], говорящий «выступает как представитель определенного социального института и носитель определенного социального статуса. Это предопределяет соблюдение установленных статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных норм» [Там же: 56]. В этой связи следует отметить, что негодование по поводу плохого знания английского языка и сопровождающее его порицание последовали не со стороны иностранных журналистов, непосредственных участников этой коммуникативной ситуации, а прежде всего со стороны соотечественников. Высказывания министра не соответствовали статусно-ролевым ожиданиям многих россиян, для которых важно, чтобы чиновник высокого ранга достойно представлял страну в подобных публичных ситуациях, позиционировал себя как профессионал высокого уровня, одной из составляющих профессиональной компетенции которого является, по их мнению, хорошее знание языка межнационального общения. В комментариях довольно часто в качестве характеристики результата речевого творчества использовалось слово RunGLISH.

Основной вопрос статьи связан с определением содержательного наполнения понятия Runglish/рунглийский в сравнении с другими, например Hinglish, Singlish, получившими статус лингвистических терминов в качестве обозначений диалектов английского языка, а также с возможностью использовать Runglish в качестве параллельного термина к существующим терминам «ксенолект» и «русский идиом английского языка».

Неологизм Runglish/рунглийский был зарегистрирован американским словарем «Merriam-Webster Open Dictionary» в 2009 г. В качестве определения и примеров, иллюстрирующих эту лексическую единицу, приводятся следующие: «Runglish — a combination of Russian and English as in: “What kind of sok do you want: apelsinovy or apple?” or “Were the hell is my zont?”».

В статье, посвященной распространению англоязычных заимствований в русском языке, опубликованной в британской газете «Daily Telegraph», Runglish определяется как «жаргон „культурного“ поколения молодых россиян, пропитанный англицизмами». Они шлют своим «френдам» приглашения на «дринк» в «паб» при помощи СМС или Интернета [Цит. по: Шенаева 2013: 53]. В первом случае речь идет об английском языке с русскими вкраплениями, а во втором — о русском языке, в который включены отдельные английские слова.

В настоящий момент существует большое количество наименований для национальных языков, подвергающихся массивному воздействию английского языка. В качестве примера можно привести Denglish, Frangle (Franglais), Ingrish, Manglish, Hinglish, Singlish и т. п. Это достаточно продуктивная словообразовательная модель, по которой можно образовывать новые названия для языков, на чьи системы оказывает воздействие английский язык. Однако приведенные примеры наглядно показывают, что эти термины обозначают существенно отличающиеся проявления влияния английского языка на национальные: и степень, и механизм воздействия существенно отличаются друг от друга. Начнем с того, что здесь в одном ряду присутствуют варианты, наделенные разным социолингвистическим статусом: Singlish, Manglish и Hinglish — это названия диалектов, которые имеют устоявшийся лингвистический статус. По известной классификации Баджа Качру они относятся к внешнему кругу (во внутренний круг входят страны, где английский язык является родным), и, хотя они и не являются родными языками для большинства населения и сфера их употребления, как правило, ограничена официальной, эти языки/варианты имеют оформленные нормы: «...their own local histories, literary traditions, pragmatic contexts, and communicative norms» [Kachru 1992: 359] («...свою собственную историю, литературные традиции, прагматические контексты и коммуникативные нормы»).

«Denglish» — это шутливо-ироничное название немецкого языка, на который оказывает массивное воздействие английский. Ситуация с разнообразными другими «nglishes» тоже не является тождественной для разных европейских

языков. Степень и механизмы проникновения англоамериканизмов в разные языки определяются способом контакта с английским языком, продолжительностью и интенсивностью взаимодействия, языковой политикой государства и, наконец, настроениями и отношением общества к иноязычному влиянию на родной язык. Что касается феномена, который определяется как Runglish, то он, безусловно, не сводится к явлению, которое иллюстрируется примером «Were the hell is my zont?», и не является простой заменой отдельных бытовых слов в русском предложении английскими (или наоборот).

Подобные цитированным выше языковые проявления, также представленные и грамматикализацией английских слов в русском предложении, на протяжении уже нескольких десятилетий известны как Odessa-American-Russian. Этот особый гибридный язык сформировался и продолжает существовать в условиях достаточно замкнутого сообщества эмигрантов из бывшего СССР, которые не имели формального языкового образования, в основном общались и вели дела со своими соотечественниками, читали советскую, позже российскую прессу, слушали и смотрели местные русскоязычные, а также российские каналы. В результате тесного взаимодействия языков родились такие и им подобные речевые образцы: «В Торонто рентуешь кар, что-нибудь смол... выедешь на хайвей, там тейкаешь шестой экзит, проедешь ровно две майлз, на шулдере увидишь голубой „Шевролет“. На крыше антенна, на бэк гласс блайндс, плейт замазан грязью. Фолуй этот „Шевролет“, не едь клоуз, но из виду не выпускай. Зетс ит!» [См.: Teeter 2013]. Приведенный пример содержит как слова, называющие специфично американские реалии, так и слова, которые имеют русские эквиваленты. Желание эмигрантов пользоваться отдельными английскими словами отмечается владельцем продуктового магазина на Брайтон-Бич, который, например, просьбу «наслайсать полпаунда чиза» в различных источниках объясняется тем, что английский язык более экономичный, поскольку английские слова короче русских. Также отмечается, что подобный способ общения характеризует старшее поколение, а более молодые люди могут пользоваться этим вариантом при общении со своими старшими родственниками. Действительно, представители второго поколения эмигрантов, получающие образование в новой стране, как правило, владеют языком на таком уровне, что ничего в их речи уже не выдает их происхождения [См.: Feuer 2005].

Ниже приводится выдержка из ироничного эссе, посвященного Runglish, демонстрирующая, какое впечатление гибридный русско-английский производит на носителей английского языка: «Рунглиш — это язык „вольного стиля“, не имеющий никаких структур, форматов или правил его базовых языков. Изъясняющихся на рунглише зачастую не понимают даже его самые красноречивые носители. Очень немногие, кроме представителей народов, породивших рунглиш, могут понять его сложную простоту и овладеть рунглишем в достаточной мере, чтобы вписаться в их общество... Только словами английского языка

невозможно описать его красоту». — «Runglish is a “free style” language, not having any of the structures, formats, or rules of its base languages, and those who speak it often can't even be understood by the most eloquent Runglish speakers. Very few outside of the descendants of the original tribes that the language originated from can ever grasp its complex simplicity to be able to speak it fluently enough to fit into their society....English words alone cannot describe its beauty» [On Runglish]. Сравните с другой точкой зрения, когда не говорящие по-русски иностранцы утверждают, что они могут следить за ходом беседы, понимая в общих чертах, о чем идет речь, за счет включения их собеседниками в речь англоязычных вкраплений. Особенно такая ситуация характерна для профессиональных дискурсов.

Хотя «русский английский», существующий в эмигрантской среде, с полным основанием может называться Runglish, в настоящей статье мы не рассматриваем это явление, поскольку русский язык за рубежом — это отдельно существующая форма языка, развивающаяся в специфических для каждого отдельного случая условиях, которая должна изучаться в рамках собственного контекста.

Применительно к русскому языку в России термин «рунглишский», или Runglish, используется в двух значениях. В первом значении под Runglish понимается вкрапление отдельных англицизмов в ткань русского текста, часто сопровождающееся их частичной ассимиляцией, или же различные изменения в морфологической и синтаксической системах русского языка, которые, как считается, связаны с воздействием английского языка на русский. Во втором значении Runglish — культурно-специфичный вариант глобального английского.

При обращении к первому значению слова «Runglish» сложно найти различия между вариантами словотворчества, произносимыми жителем Брайтон-Бич, с его просьбой «наслаивать чизу», и речью одного из руководителей престижного московского высшего учебного заведения, который, выступая перед трудовым коллективом и говоря о трех ипостасях современного преподавателя (собственно преподавательской, научно-исследовательской и административной), заявил о том, что «неплохо, если при этом человек еще и „сидит в разных бордах“», имея в виду членство во всякого рода комитетах, издательских советах и редакционных коллегиях.

Явление, связанное с включением в русскую речь англоязычных варваризмов, принявшее в настоящий момент достаточно массовый характер и характеризующее речь большого количества россиян, независимо от уровня образованности и степени владения английским языком, уже привлекало наше внимание в бытность работы в Нижегородском лингвистическом университете. Тогда, пятнадцать лет назад, была предпринята попытка проанализировать это явление в дипломной работе, написанной студенткой пятого курса И. П. Исаевой под руководством автора настоящей статьи. В дипломной работе «Английские заимствования в речи студентов и преподавателей факультета английского языка НГЛУ», в

частности, было отмечено, что как студенты, так и преподаватели указанного вуза интенсивно используют англоязычные калькированные слова и выражения. На основе собранного языкового материала была создана классификация заимствований в зависимости от степени ассимиляции и осуществляемых ими функций и высказывалось мнение о существовании субъязыка для выделенного языкового профессионального сообщества.

Тогда мы выразили тревогу в связи с нашестием немотивированных английских заимствований в масштабах, превышающих допустимый уровень. Одновременно с этим оправдывалось обильное употребление заимствований в профессиональной сфере (лекции, семинары по лингвистическим дисциплинам), где заимствования нейтрального характера были только частью репертуара языковых и паралингвистических средств, которые способствовали соблюдению таких характеристик академического дискурса, как системность, терминологичность и академичность.

В целом ситуация в НГЛУ характеризовалась как учебно-игровой билингвизм и, очевидно, не соответствовала определению собственно билингвизма. Наблюдаемые явления были результатом долгого и специфического процесса формирования корпоративной культуры в Горьковском институте иностранных языков (позднее НГЛУ), который на протяжении большей части своей истории находился в закрытом городе, где для большинства его выпускников не имелось возможности участвовать в реальном общении на английском языке, где ситуация общения всегда была условно-игровой. Для данного микросоциума использование английских заимствований было и средством самоидентификации и отмежевания от не говорящих на английском языке людей.

Эти выводы были позже подтверждены эмпирически. Перейдя на другое место работы, автор не отмечал подобные описанным ранее явления в речи своих коллег (несмотря на то что абсолютное их большинство являлись выпускниками указанного вуза). Более того, и у автора данной статьи существенно снизилась частота употребления калькированных слов и выражений как в разговоре со студентами, так и при общении с коллегами. Это наблюдение подтверждает вывод Донны Наполи о том, как формируются языковые предпочтения и модные языковые тенденции: устойчивые языковые привычки оказывают влияние на тех людей, которые присоединяются к существующему языковому сообществу, в то время как «the language of isolated individuals does not have effects on language communities» [Napoli 2010: 129] («...язык отдельных индивидуумов не оказывает влияние на языковые сообщества»). Другими словами, на качество и определенные количественные характеристики того или иного языкового варианта оказывает влияние количество говорящих на нем людей.

Последнее замечание справедливо не только для вариантов одного языка, но, как оказалось, даже для родных для коммуникантов языков. Они подвергаются модификации, если говорящие оказываются в окружении не носителей языка. Ан-

лофоны при продолжительном контакте с теми, кто говорит на том или ином варианте неродного для них английского языка, в той или иной степени адаптируют собственный язык. Так, дипломаты и служащие, работающие в различных органах Евросоюза в Брюсселе, отмечают, что их собственный английский “is being pulled in the direction of these foreign-language patterns” [Cristal 2003: 182] («...растаскивается в направлении этих иностранных языковых моделей»). Ими отмечаются такие явления, как изменение ритмических образцов, упрощение грамматических конструкций, отказ от идиоматических конструкций через их замену неидиоматическими эквивалентами, отказ от разговорных выражений, более замедленный темп речи, более четкое произношение и пр. Об этом же явлении пишет носитель американского варианта английского языка Полли Баркс, прожившая в России 5 лет. На своем сайте в статье “Being an Expat: Speaking Runglish” [Being an Expat] Полли Баркс отмечает факт ухудшения собственного английского под воздействием того, что она называет Runglish, также Standard Russian English. По ее наблюдениям, изменения касаются лексической, фонетической и грамматической сфер. В лексической сфере, в частности, отмечается факт влияния британского английского, поскольку большинство из ее собеседников изучали именно этот вариант, а также появление отдельных лексических единиц, которых нет ни в британском, ни в американском вариантах английского языка и функционирование которых связано с интерференцией родного языка. Таким образом в лексикон автора статьи вошли слова «flat» вместо «apartment», «university» вместо «college» и «gas water» вместо «carbonated» или «sparkling water», а также «toilet» для обозначения помещения, а не санитарно-технического приспособления. В фонетической сфере П. Баркс наблюдает «русификацию» отдельных гласных звуков родного языка, а в сфере грамматики — избыточное для американского варианта английского языка употребление времени Present Perfect там, где следовало бы ожидать Past Simple. Последнее также связано с тем, что подавляющее большинство россиян ранее изучало британский вариант английского языка в качестве иностранного.

Это, конечно, может показаться странным преподавателю английского языка с большим стажем работы, понимающему, как далеко не только от совершенного, но даже от просто хорошего владения языком находится абсолютное большинство населения России. Однако, если судить по характеру заимствований (очень часто заимствуется дублетная ксенолексика) и механизму процесса заимствований, то ситуация в современной России по многим параметрам напоминает ситуацию билингвизма.

Остановимся подробнее на английской дублетной ксенолексике в речи носителей русского языка, поскольку в настоящий момент она является одной из ярких примет времени и часто получает негативное название «Runglish».

Дублетная ксенолексика — это особого вида заимствования, варваризмы и англоязычные вкрапления, имеющие исконно русские или заимствованные ранее дублеты. Характерной особен-

ностью дублетной ксенолексики является социальная детерминированность ее употребления: ксенолексика, как правило, регулярно встречается только в речи определенных групп образованных носителей литературного русского языка. Эти лексические единицы не осуществляют присущую большинству заимствований функцию заполнения «в культурноязыковом слое принимающего этноса номинационных лагун» [Щитова 2012: 280]. Следовательно, они избыточны по своей природе, и им не должно быть места в принимающем языке.

Для иллюстрации сказанного приведем несколько примеров. В своем интервью на радиостанции «Эхо Москвы» главный редактор «Независимой газеты» К. Ремчуков довольно часто прибегает к использованию дублетной ксенолексии. Например, рассказывая о том, как обсуждалась с председателем правительства А. Медведевым возможность публикации его статьи в газете, К. Ремчуков говорит: «...сказал он очень скромно, как сейчас говорят, “**humbly**”, по-английски...».

В другом интервью К. Ремчуков комментирует высказывание секретаря Общественной палаты РФ А. Бренчалова о наращивании инвестиций в реальный сектор экономики за счет сокращения расходов на исследования и консалтинг: «...вот в этом айфоне что реальный сектор, это по Бренчалову получается, сборка в Китае. А без “**research**” разве можно создать айфон и его совершенствовать?» Следующий пример прозвучал в утренней программе на радиостанции «Серебряный дождь». Ее ведущий Юрий Пронько предлагает радиослушателям звонить ему и сообщать им номер телефона, добавив, что «**префикс Москвы** — 495». Традиционное словосочетание «код Москвы» заменено на «префикс», который зафиксирован во всех словарях как лингвистический термин для обозначения морфемы, стоящей перед корнем. В высказывании актуализируется новое значение слова, которое используется в подъязыках информатики и радиосвязи для обозначения набора символов в начале каково-нибудь ряда и которое еще не зафиксировано даже в специальных словарях.

Подобная «массовая колонизация» языкового сознания русскоязычных коммуникантов была вначале отмечена в профессиональной сфере [Власенко 2007: 81]. В научной литературе описывалось как просто положительное отношение специалистов к заимствованиям в их профессиональной сфере, связанное со стремлением унифицировать термины, экономить усилия или именовать лагунарные для русского языка понятия [Балакина, Висилицкая 2014: 29—34], так и желание «„конвертировать“ не только свои дипломы и иные свидетельства о получении профессионального образования, но и мысли и манеру именовать события, явления и т. п. в век глобализации» [Власенко 2007: 87]. В настоящий момент выявленная тенденция вышла далеко за пределы профессиональной коммуникации (хотя она и может играть определенную роль в формировании языковых пристрастий) и связана в основном с тем, каким образом языковая личность себя идентифицирует. Выделился особый тип гло-

бальной идентичности — метроэтничность, характерная для «жителя крупного города, ориентированного лишь на „индивидуальный жизненный проект“ с гедонистическим уклоном и не отягощенного национальной идентичностью» [Кирилина 2013: 141]. Этим людей формировала сходная речевая среда, оказавшая большое влияние на становление их языковых и речевых навыков, вкуса и манеры общения [Сиротина 2011: 167—168].

При этом круг участников коммуникации в подобном коммуникативном ключе довольно ограничен. Носители метроэтничности являются жителями больших городов. Это тот случай, когда «наступление английского языка захлебнулось на подступах к российской глубинке» [Макаров 2013: 151]. Однако последнее замечание не исключает, что подобный стиль общения может иметь своих сторонников и в российской провинции.

Определяя речь, насыщенную дублетной ксенолексикой, как «рунглийский» или «Runglish», носители русского языка выражают свое негативное отношение к тому, что говорящий не стремится сделать коммуникативное усилие по адекватному переводу английских слов и, будучи, как правило, образованным и грамотным носителем русского языка, сознательно игнорирует языковую норму. Не говоря уже о том, что, включая в свою речь иноязычный элемент, говорящий, находясь в рамках публичного общения, исключает из круга общения большую часть своих соотечественников, не владеющих английским языком. В этом смысле номинация «Runglish» не является лингвистическим термином, поскольку явление не было достаточно изучено для того, чтобы образовалось понятие с определенным смысловым наполнением. В обыденной речи номинация «Runglish» служит индикатором того, что, с точки зрения адресата, адресант злоупотребляет англоязычными вкраплениями.

В лингвистической литературе подобные словоупотребления объясняются модой, престижностью иностранных вкраплений, а также ленью. Однако, исходя из того что «язык не терпит излишеств» и всякая избыточность, даже ничем, на первый взгляд, не обоснованная, всегда служит какой-то цели, можно предположить, что в случае с дублетной ксенолексикой последняя не воспроизводилась бы так последовательно на протяжении нескольких десятилетий, если бы не осуществляла ряд необходимых функций. В частности, анализ речевых дискурсов, содержащих дублетную ксенолексику, позволяет сделать вывод о том, что иностранные лексические единицы в русском языке могут осуществлять функцию увеличения социальной дистанции или, напротив, солидаризации, по параметру «свой/чужой». Дублетная ксенолексика выполняет креативную функцию, поскольку каждый раз, находясь в ситуации выбора, коммуникант делает творческий выбор в пользу той или иной единицы. Дальнейшее изучение функций дублетной ксенолексии представляется перспективным исследовательским направлением.

Слово «Runglish» также встречается в работах, в которых высказывается мнение о том, что воздействие английского языка на русский не

ограничивается лексическими влияниями, а распространяется на всю языковую систему. Сразу оговоримся, что случаи подобного воздействия сводятся буквально к нескольким фактам, таким как появление новых аффиксов, аналитических словообразовательных моделей и замене беспредложного управления предложным [Воробьева 2009; Бернацкая 2015], которые можно считать проявлением определенной тенденции развития языка. Представляется, что эти немногочисленные случаи не могут служить поводом для именования русского языка словом «Runglish».

Как видно из сказанного, понимая под Runglish в самом широком смысле смешение русского и английского языков, мы имеем дело с явлениями разных порядков: в одном случае, несмотря на присутствие большего или меньшего количества «ломаных» английских лексических единиц или русских единиц с иностранными аффиксами (реже могут быть использованы английские грамматические конструкции с русским лексическим наполнением), мы все-таки имеем дело с общением на русском языке. В другом случае коммуникация осуществляется на английском языке, подвергаясь в той или иной степени воздействию родного языка. В языковом плане чем ниже уровень владения иностранным языком, тем сильнее фонетическая, грамматическая и лексическая интерференция.

В теории языка имеется термин, который обозначает язык неносителя в совокупности его структурных и системных особенностей — ксенолект. Под ксенолектом понимается «неродной язык в структуре языковой личности, который характеризуется несвойственными нормативному варианту структурами, упрощенным словарем и развитым в недостаточной степени чувством данного языка» [Калиновская 2011: 5]. В зависимости от степени освоенности языка-цели выделяются три уровня:

- начальный уровень, который характеризуется определенной, но недостаточной освоенностью языка-цели;
- средний уровень, на котором система языка-цели достаточно освоена;
- пороговый уровень, на котором в достаточной степени освоены система и нормы языка-цели и происходит приобщение к узусу [Там же: 7].

Нарушения языковой нормы наблюдаются на всех языковых уровнях. На фонетическом уровне нарушения связаны с различиями в английской и русской фонетических базах и детально описаны в учебниках по практической фонетике. На лексическом уровне выделяются формально-семантические с примыкающими к ним паронимическими и омонимическими ксенолектные употребления; стилистические, ассоциативно-семантические употребления, обусловленные когнитивно-семантическим сдвигом и аномалиями категоризации; ситуативные и лингвокультурологические отклонения от аутентичности [Там же]. Последние получили достаточно исчерпывающее описание в известной книге Линн Виссон [Виссон 2005]. Типичные отклонения в сфере синтаксиса и морфологии достаточно плодотворно исследуются Н. В. Щенниковой, при этом в качестве ис-

ходного используется термин «русский идиом английского языка» [Щеникова 2011, 2013, 2014].

С точки зрения лингводидактики специфические характеристики ксенолектов разного уровня или русского идиома английского языка называются фонетическими, лексическими, грамматическими трудностями, которые, как правило, служат причиной формирования соответствующих ошибок. Они выявляются, анализируются, а затем разрабатываются методики для их устранения. Следует ли рассматривать эти ошибки в качестве лингвистически и национально-специфических характеристик носителя русского языка, говорящего по-английски? Или, может быть, они являются поводом для пересмотра учебных материалов и собственных методов работы с тем, чтобы постараться минимизировать их количество?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, вкратце рассмотрим два варианта английского языка, функционирующих в Индии и Сингапуре, которые называются соответственно Hinglish и Singlish. Сравним их основные параметры, которые, возможно, позволят нам доказать обоснованность термина Runglish для наименования имеющихся отклонений от стандартного английского в речи носителей русского языка.

Функционирование индийского английского имеет длительную историю, уходящую корнями в колониальное прошлое Индии, и его начало связано с деятельностью Вест-Индской компании. В настоящий момент этот диалект представлен несколькими функциональными разновидностями, характеризующимися собственными орфографическими, фонетическими, грамматическими и фразеологическими отклонениями от стандартного британского варианта английского языка. Они обладают разной степенью нормативности и престижности [Курченкова 2014: 104—108]. Разновидности английского языка в Индии выполняют ряд функций, которые выходят за рамки официальной сферы общения. Многообразие языков местного населения Индии делает актуальным функционирование на ее территории английского языка как лингва франка, в силу чего английский язык, в той или иной разновидности, функционирует во всех социальных слоях общества. Именно в силу массовой распространенности в Индии английского языка в настоящий момент там происходит формирование собственных языковых норм, отличных от норм британского варианта английского языка: «...системные изменения в языке происходят под влиянием изменений в речи, когда последние принимают массовый и долговременный характер» [Сковородников 2013: 213].

Сингапурский английский также является одним из вариантов с признанным в академических кругах статусом: «...it is formally recognized as an autonomous, distinct language variety worthy of a name that is more than just a description» [Wong 2014: 6] («...он имеет официальное признание в качестве независимого, отличного от других языкового варианта, который имеет право на собственное имя, а не просто описания»). Статус лингва франка (три официальных языка представляют основные этнические группы), так же как и в Индии, позволил сингапурскому английскому проникнуть во все сферы общественной жизни, об-

служивая все слои населения: 3/4 жителей Сингапура пишут по-английски. Сингапурский английский имеет несколько вариантов. Быстрое формирование разновидностей сингапурского варианта английского языка с закреплением собственных норм, связанных с культурно-языковой интерференцией родных для сингапурцев языков, привело к созданию поддерживаемого правительством страны движения «Speak Good English», призванного способствовать распространению и закреплению норм британского английского. Основным доводом в поддержку «правильного английского» является необходимость взаимного понимания (*mutual intelligibility*) [Там же: 12], а также высокий престиж стандартного английского языка. С последним связано как финансовое благополучие страны, не имеющей собственных природных ресурсов и рассчитывающей только на человеческие, так и личное благосостояние каждого, поскольку владение английским позволяет строить успешную карьеру.

Даже без детального сравнения вариантов Hinglish и Singlish с претендующим на статус разновидности английского Runglish'ем очевидно, что Runglish не имеет социальной базы для того, чтобы встать в один ряд с данными феноменами. Будучи разновидностью английского, сформировавшейся в школе, он, по сути, там и остался. Мы можем наблюдать и анализировать английскую речь, которая существует в условиях искусственного педагогического дискурса. Практически нет ситуаций, вызывающих потребность у носителей русского языка общаться с кем-либо на английском языке. Зоны двуязычия в современной России по-прежнему представляют собой чрезвычайно редкое явление, причем каждая может обладать собственной лингвистической спецификой. Другой характерной причиной развития диалектов Hinglish и Singlish, кроме их массовости и разнообразия выполняемых функций, является отмечаемый практически всеми исследователями низкий уровень преподавания. Многие языковые ошибки, позднее ставшие специфическими чертами диалектов, связаны со слабой языковой и методической подготовкой учителей английского языка. Ситуация в России, с общедоступностью среднего образования, введением новых ФГОС, которые существенно повышают роль иностранного языка в школе, наличием мощной отечественной теоретической методической базы, традиционным интересом к иностранным языкам со стороны населения [см., напр.: Тер-Минасова 2014], не позволяет рассматривать Runglish в качестве одного из вариантов глобального английского. Главным образом из-за того, что за этим просматривается поощрение к фоссилизации ксенолекта вместо движения в сторону его развития и совершенствования. Возвращаясь к используемому нами в качестве варианта для сравнения индийскому диалекту английского языка, на котором внутри страны говорят по крайней мере 125 миллионов человек, а в течение этого десятилетия эта цифра предположительно может увеличиться в четыре раза, отметим, что такие высказывания, как «Head is paining» (*a headache*) и «Mother serious» (*Mother is very ill*) рассматриваются в разговорном варианте индийского ан-

лийского в качестве нормы [Masani 2012]. Вряд ли нам следует стремиться к подобным образцам и фиксировать их в качестве нормы.

Ограниченность сфер функционирования и недостаточно репрезентативный корпус материала для изучения специфики того, что со временем может быть очерчено и осмыслено в качестве разновидности английского языка Runglish, не позволяют нам в настоящий момент «считать русифицированный английский («русский английский») не отклонением от нормы, а культурно специфичным вариантом глобального английского» [Алешинская, Гриценко 2014: 192].

Подводя итоги, отметим, что неологизм Runglish (рунглийский) и его варианты имеют право на существование в языке и, как любые факты речевого творчества, могут рассматриваться с точки зрения их вклада в русский язык по таким параметрам, как, например, «новизна, неожиданность, оригинальность, полезность, целесообразность, выразительность, запоминаемость, благозвучие, легкость для воспроизведения и некоторые другие» [Копнина 2013: 114]. Однако мы не обладаем достаточной эмпирической базой, позволяющей сделать необходимые теоретические обобщения для включения этих номинаций в понятийный аппарат лингвистики по аналогии с существующими терминами для многих World Englishes.

Что касается ответов на вопросы журналистов одного российского министра («World cup is Russian? No problem... It's a very good temp, open new stadium, no problem. Criminality? No criminality. Russian bidding is open and no problem. ...Tomorrow this meeting будет euro association, может, будет nationalization, recommendation, euro» [Мутко поразил западных журналистов английским...]), с которых мы начали нашу статью, то на вопрос о языке, на котором говорит интервьюируемый, можно дать следующий ответ: это не рунглийский и не Runglish, это английский, над которым необходимо еще очень много работать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешинская Е. В., Гриценко Е. С. Английский язык как средство конструирования глобальной и локальной идентичности в российской популярной музыке // Вестн. ННГУ. 2014. № 6. С. 189—193.
2. Балакина Ю. В., Висилицкая Е. М. Англоязычные заимствования экономической тематики в вербальном лексиконе русской языковой личности в период глобализации // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2014. № 2. С. 29—34.
3. Бернацкая А. А. Об одном проявлении тренда к анализу в современном русском языке // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. С. 14—22.
4. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. Изд. 3-е, стер. — М.: Р. Валент, 2005.
5. Власенко С. В. Массовая «колонизация» англицизмами языкового сознания русскоговорящих как проблема когнитивной фильтрации // Вопросы психолингвистики. 2007. № 6. С. 81—89.
6. Воробьева С. В. Грамматическая ассимиляция новейших англицизмов в русском языке // Вестн. Мин. гос. лингвист. ун-та. 2009. № 5. С. 178—186.
7. Калиновская Е. А. Ксенолект как лингвокогнитивный феномен: лексическое измерение: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ставрополь, 2011.
8. Кирилина А. В. Глобализация и судьбы языков // Вопросы психолингвистики. 2013. № 17. С. 136—141.

9. Копнина Г. А. Лингвоэкологическая оценка фактов речевого творчества // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. С. 108—116.

10. Курченкова Е. А. Функциональные разновидности индийского английского языка // Изв. ВГПУ. 2014. № 10 (95). С. 104—108.

11. Макаров М. Заноза не в английском // Вопросы психолингвистики. 2013. № 17. С. 151—152.

12. Мутко поразил западных журналистов английским... URL: <https://youtu.be/VWnadrDcIiw> (дата обращения: 10.06.2015).

13. Сиротинина О. Б. Речевая среда // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А. П. Сковородникова. 2011. Т. 12 (20). С. 167—168.

14. Сковородников А. П. О предмете эколлингвистики применительно к состоянию современного русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 194—222.

15. Тер-Минасова С. Г. Преподавание иностранных языков в современной России. Что впереди? // Вестн. Моск. ун-та. 2014. № 2. С. 31—41.

16. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2(40). С. 53—59.

17. Шенаева О. В. Рунглиш в языковой среде современной России // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 7. С. 53—55.

18. Щенникова Н. В. Грамматический идиотизм русского идиома английского языка // Изв. ПГПУ. 2011. № 23. С. 299—305.

19. Щенникова Н. В. Специфика построения некоторых словосочетаний на русском идиоме английского языка // Изв. ВГПУ. 2013. № 4 (79).

20. Щенникова Н. В. Специфика английской речи носителей русского языка: когнитивный аспект // Вестн. БФУ им. И. Канта. 2014. № 2. С. 107—116.

21. Цитова О. Г. Новейшая ксенолексика в русской речи XXI века: к определению объема понятия // Вестн. науки Сибири. 2012. № 1 (2). С. 278—286.

22. Being an Expat: Speaking Runglish // A Girl & Her Travels. URL: <http://agirlandhertravels.com/2013/11/speaking-runglish> (date of access: 18.06.2015).

23. Crystal D. English as a Global Language: 2nd Edition. — Cambridge, UK: Cambridge Univ. Pr., 2003.

24. Feuer A. For the Thirsty Runglish Speaker: Try an Ized Cyawfeh // The New York Times. 2005. 14 Jun. URL: <http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9E01E3DD133EF937A25755C0A9639C8B63> (date of access: 20.06.2015).

25. Fiedler S. English as lingua franca — a native- culture-free code? Language of communication vs. language of identification // Apples: Journ. of Applied Language Studies. 2011. № 3. С. 79—97.

26. Kachru B. B. The Other Tongue: English across Cultures. 2nd ed. — Illinois: Urbana, 1992.

27. Masani Z. English or Hinglish — which will India choose? // BBC News. 2012. 27 Nov. URL: <http://www.bbc.com/news/magazine-20500312> (date of access: 18.06.2015).

28. Muto porazil zapadnykh zhurnalistov angliiskim... URL: <https://youtu.be/VWnadrDcIiw>.

29. Napoli D. J. Lee-Schoenfeld V. Language Matters: A Guide to Everyday Questions About Language. — Oxford: Oxford Univ. Pr., 2010.

30. On Runglish. URL: <http://arctic.elay.org/index.php?option=viewlog&logid=45> (date of access: 17.06.2015).

31. Sridhar S. N. Non-Native English Literatures / Kachru B. (ed.) // The Other Tongue: English Across Cultures. 1992. P. 291—306.

32. Teeter M. H. Can you wrangle with Runglish? // The Moscow News. 2013. № 35. URL: http://themoscownews.com/extreme_english/20130911/191914522/Can-you-wrangle-with-Runglish.html (date of access: 17.06.2015).

33. Wong J. O. The Culture of Singapore English. — UK: Cambridge Univ. Pr., 2014.

E. N. Merkulova
Nizhny Novgorod, Russia

«AY SPIK FROM MAY KHART», OR DOES RUNGLISH REALLY EXIST?

ABSTRACT. *The article considers the possibility to postulate the existence of such a phenomenon as “Russian English”, which is understood as a result of interaction of global English with Russian. On the one hand, this influence is viewed upon as a multiple impact of English on Russian, which is manifested in appearance of a large number of English xeno-doublets in the speech of native speakers of Russian and in certain changes in Russian morphology and syntax; on the other hand, we observe interference of Russian and English, in the result of which there appears a culturally specific variant of global English acquired by the speakers of Russian in the conditions of specially created pedagogical discourse. The article analyzes the meaning of the neologism “Runglish” and regards the possibility of its inclusion into the notional apparatus of linguistics and linguo-didactics.*

The appropriateness of placing “Russian English” alongside with other variants of English (World Englishes) is proved by comparing Runglish with such universally accepted variants of English as Singlish and Hinglish. The author defines the distinguishing features, which do not allow distinguishing Runglish as a new variant of English.

KEYWORDS: *Runglish; xenolect; Russian idiom of the English language; global English; dialect.*

ABOUT THE AUTHOR: *Merkulova Edita Nikolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia.*

REFERENCES

1. Aleshinskaya E. V., Gritsenko E. S. Angliyskiy yazyk kak sredstvo konstruirovaniya global'noy i lokal'noy identichnosti v rossiyskoy populyarnoy muzyke // Vestn. NNGU. 2014. № 6. S. 189—193.
2. Balakina Yu. V., Visilitskaya E. M. Angloyazychnye zaimstvovaniya ekonomicheskoy tematiki v verbal'nom leksikone russkoy yazykovoy lichnosti v period globalizatsii // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser. «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya». 2014. № 2. S. 29—34.
3. Bernatskaya A. A. Ob odnom proyavlenii trenda k analitizmu v sovremenном russkom yazyke // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2015. S. 14—22.
4. Visson L. Russkie problemy v angliyskoy rechi. Slova i frazy v kontekste dvukh kul'tur. Izd. 3-e, ster. — M.: R. Valent, 2005.
5. Vlasenko S. V. Massovaya «kolonizatsiya» anglitsizmami yazykovogo soznaniya russkogovoryashchikh kak problema kognitivnoy fil'tratsii // Voprosy psikholingvistiki. 2007. № 6. S. 81—89.
6. Vorob'eva S. V. Grammaticheskaya assimilatsiya noveyshikh angli-tizmov v russkom yazyke // Vestn. Min. gos. lingvist. un-ta. 2009. № 5. S. 178—186.
7. Kalinovskaya E. A. Ksenolekt kak lingvokognitivnyy fenomen: leksicheskoe izmerenie : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Stavropol', 2011.
8. Kirilina A. V. Globalizatsiya i sud'by yazykov // Voprosy psikholingvistiki. 2013. № 17. S. 136—141.
9. Kopnina G. A. Lingvoekologicheskaya otsenka faktov rechevogo tvorchestva // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2013. S. 108—116.
10. Kurchenkova E. A. Funktsional'nye raznovidnosti indiy-skogo angliyskogo yazyka // Izv. VGPU. 2014. № 10 (95). S. 104—108.
11. Makarov M. Zanoza ne v angliyskom // Voprosy psikholingvistiki. 2013. № 17. S. 151—152.
12. Sirotnina O. B. Rechevaya sreda // Rechevoe obshchenie : spetsializirovanny vestnik / pod red. A. P. Skovorodnikova. 2011. T. 12 (20). S. 167—168.
13. Skovorodnikov A. P. O predmete ekolingvistiki primenitel'no k sostoyaniyu sovremenного russkogo yazyka // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2013. № 1. S. 194—222.
14. Ter-Minasova S. G. Prepodavanie inostrannykh yazykov v sovremenной Rossii. Chto vpered? // Vestn. Mosk. un-ta. 2014. № 2. S. 31—41.
15. Chudinov A. P. Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 2(40). S. 53—59.
16. Shenaeva O. V. Runglish v yazykovoy srede sovremenной Rossii // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. 2013. № 7. S. 53—55.
17. Shchennikova N. V. Grammaticheskiy idioetnizm russkogo idioma angliyskogo yazyka // Izv. PGPU. 2011. № 23. S. 299—305.
18. Shchennikova N. V. Spetsifika postroeniya nekotorykh slovosochetaniy na russkom idioeme angliyskogo yazyka // Izv. VGPU. 2013. № 4 (79).
19. Shchennikova N. V. Spetsifika angliyskoy rechi nositeley rus-skogo yazyka: kognitivnyy aspekt // Vestn. BFU im. I. Kanta. 2014. № 2. S. 107—116.
20. Shchitova O. G. Noveyshaya ksenoleksika v russkoy rechi XXI veka: k opredeleniyu ob'ema ponyatiya // Vestn. nauki Sibiri. 2012. № 1 (2). S. 278—286.
21. Being an Expat: Speaking Runglish // A Girl & Her Travels. URL: <http://agirlandhertravels.com/2013/11/speaking-runglish> (date of access: 18.06.2015).
22. Crystal D. English as a Global Language: 2nd Edition. — Cambridge, UK : Cambridge Univ. Pr., 2003.
23. Feuer A. For the Thirsty Runglish Speaker: Try an Ized Cyawfeh // The New York Times. 2005. 14 Jun. URL: <http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9E01E3DD133EF937A25755C0A9639C8B63> (date of access: 20.06.2015).
24. Fiedler S. English as lingua franca — a native- culture-free code? Language of communication vs. language of identification // Apples : Journ. of Applied Language Studies. 2011. № 3. C. 79—97.
25. Kachru B. B. The Other Tongue: English across Cultures. 2nd ed. — Illinois : Urbana, 1992.
26. Masani Z. English or Hinglish — which will India choose? // BBC News. 2012. 27 Nov. URL: <http://www.bbc.com/news/magazine-20500312> (date of access: 18.06.2015).
27. Napoli D. J. Lee-Schoenfeld V. Language Matters: A Guide to Everyday Questions About Language. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2010.
28. On Runglish. URL: <http://arctic.elay.org/index.php?option=viewlog&logid=45> (date of access: 17.06.2015).
29. Sridhar S. N. Non-Native English Literatures / Kachru B. (ed.) // The Other Tongue: English Across Cultures. 1992. P. 291—306.
30. Teeter M. H. Can you wrangle with Runglish? // The Moscow News. 2013. № 35. URL: http://themoscownews.com/extreme_english/20130911/191914522/Can-you-wrangle-with-Runglish.html (date of access: 17.06.2015).
31. Wong J. O. The Culture of Singapore English. — UK : Cambridge Univ. Pr., 2014.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. С. В. Постникова.

Н. Б. Руженцева
Екатеринбург, Россия

**ИМИДЖЕВОЕ ИНТЕРВЬЮ-ПЕРФОРМАНС В. ЖИРИНОВСКОГО:
СМЕНА МАСОК, ЭПАТАЖ, ТЕХНОЛОГИЯ ПРИМИТИВА**

АННОТАЦИЯ. В статье характеризуются речевые и текстовые средства репрезентации юмора в имиджевом политическом интервью. Автор представляет идентификацию имиджевого политического интервью как вторичной жанровой формы, сочетающей в себе черты интервью-беседы, портретного интервью, звездного интервью и политического перформанса, включающего в себя театрализованные компоненты, способствующие привлекательности текста интервью и образа политика для потенциального читателя. Материал статьи вскрывает связь юмора как формы комического с типами имиджа В. Жириновского («Актер», «Понтер», «Скандалист» и др.). Даются типы речевых масок политика, обеспечивающих театрализованный эффект его ответов на вопросы интервьюера. Это маска обывателя, апеллирующего к устоявшимся в массовом сознании представлениям, ценностям, пресуппозициям; маска правдолюбца, демонстрирующего предельную откровенность суждений и оценок; маска великого человека — уникальной личности, противостоящей всему миру; маска обиженного политика, который постоянно подвергается нападкам СМИ. Автор статьи обращается к эпатажным высказываниям В. Жириновского и технике примитива, реализуемой в речи политика на уровнях языка, речи и текста и сочетающей в себе использование разговорной, просторечной и грубо-просторечной лексики; разговорного синтаксиса, упрощенных, приближенных к разговорной речи конструкций; перевода серьезных политических проблем на язык, понятный массовому адресату, и придание этим проблемам утилитарного характера. В ключевой части обобщаются жанровые признаки имиджевого интервью-перформанса как разновидности политического интервью, а также функции юмора, релевантные для данной разновидности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, В. Жириновский, юмор, самопрезентация, имидж, перформанс, интервью, речевые маски, эпатаж, технология примитива.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: verbalis@mail.ru.

Интервью давно привлекает внимание исследователей дискурса СМИ и политического дискурса ввиду очень высокой степени авторизованности текстов и репрезентации в них авторского начала [Голанова 2000; Грабельников 2004; Дускаева 2004; Иванова 2009; Иньиго-Мора 2008; Кашкин 2009; Лавринова 2010; Лукина 2005; Майданова 1987 и др.].

Интервью является очень действенной жанровой формой самопрезентации политика, поэтому остановимся подробнее на его жанровых признаках и специфике в рамках политического дискурса.

Интервью «представляет собой беседу журналиста с одним или несколькими лицами, имеющую общественный интерес, предназначенную для передачи по каналам средств массовой информации. Изложение фактов, высказывание о событиях ведется от имени человека, которого интервьюируют» [Грабельников 2004: 218]. Этот же автор выделяет следующие виды интервью: «интервью-диалог, представляющий собой беседу в форме вопросов и ответов; интервью-монолог; интервью-сообщение, интервью-зарисовку; интервью-мнение, коллективное интервью и анкету» [Там же: 219].

Характеризуя интервью-беседу (жанровую разновидность, наиболее близкую к политическому интервью), Л. М. Майданова пишет: «Интервью-беседа — текст, пользующийся логической схемой описательного или событийного типа и различной глубины. Есть интервью с логической схемой средней глубины. Они обычно небольшого объема, выступают как средство передачи подчеркнута актуальной, свежей информации, получаемой из первых рук и поэтому ценной именно своей новизной, а не глубиной» [Майданова 1987: 52].

Политическое интервью имеет свою специ-

фику. Рассматривая политическое интервью с точки зрения отнесенности этой жанровой разновидности к конфликтному или кооперативному типу дискурса, Н. Н. Кокшарова акцентирует внимание на «асимметричном распределении коммуникативных ролей партнеров» [Кокшарова 2015: 28]. В рамках конфликтного дискурса «сдвиг» коммуникативных ролей идет в сторону интервьюера, который «не всегда лишен права выражать свое мнение. В некоторых случаях, излагая свою точку зрения по тому или иному вопросу, комментируя высказывание собеседника, интервьюер провоцирует интервьюируемого на конфликтный диалог, тем самым воздействуя на целевую аудиторию... В случае нарушения асимметрии коммуникативных ролей в сторону интервьюируемого речь идет о кооперативном дискурсе» [Там же: 28—29].

Мы считаем, что колебательное распределение коммуникативных ролей (то в сторону интервьюера, то в сторону интервьюируемого) дает место (освобождает пространство) для комического. В случае принадлежности интервью к конфликтному дискурсу это, скорее, ирония, а в случае принадлежности к кооперативному дискурсу — юмор; примером может служить фрагмент из интервью В. Путина, в котором легкий юмористический эффект с целью инициации контакта перед обсуждением достаточно серьезных вопросов достигается и журналистскими вопросами, и ответами президента:

Владимир Путин

Мы сильнее, потому что правы

Президент России рассказал в спецпроекте ТАСС „Первые лица“ о здоровом образе жизни, пятой колонне, заговоре вокруг цен на нефть.

— Как здоровье, Владимир Владимирович?

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

— Не дождетесь!
 — Враги клеветают...
 — Да? Впервые слышу. И что говорят? Выдают желаемое за действительность?
 — Ну, пересказывать не буду. Собственно, я и пришел к первоисточнику.
 — Пускай они так думают. Это будет их расслаблять. Нам с вами это только на пользу.

В рамках прагматической организации текста политического интервью Н. Н. Кокшарова выделяет ряд коммуникативных тактик. Конфронтационную стратегию реализуют:

– тактики интервьюера: тактика цитирования мнения третьей стороны; тактика описания собственных чувств и эмоций как не совсем удовлетворяющих определенным стандартам; тактика критики действий своего собеседника и руководимой им страны; тактика провоцирования; тактика защиты; тактика принятия нейтралитета;

– тактики интервьюируемого: тактика провоцирования; тактика защиты; тактика согласия; тактика несогласия; тактика красноречивого умалчивания.

Кооперативный дискурс, в свою очередь, реализуется через кооперативную стратегию, а к основным его тактикам относятся:

– тактики интервьюера: тактика просьбы, тактика уточнения, тактика извинения, тактика согласия, тактика комплиментации;

– тактики интервьюируемого: тактика просьбы, тактика уточнения, тактика извинения, тактика согласия, тактика комплиментации, тактика умалчивания, тактика принятия нейтралитета и тактика уклонения от ответа» [Там же: 30].

С нашей точки зрения, в политическом интервью может активно использоваться еще одна тактика, которая может быть и тактикой интервьюера, и тактикой интервьюируемого, — это тактика формирования имиджа политика, реализующая функции самопрезентации и одновременно позиционирования.

Реализацию этой тактики мы наблюдаем прежде всего в такой разновидности интервью-беседы, как портретное интервью. В интервью портретного типа «предмет речи тоже один — человек, с которым ведется беседа. Здесь все направлено на раскрытие личности собеседника: его характера, отношения к делу» [Майданова 1987: 53].

Портретное политическое интервью, в свою очередь, пересекается с такой разновидностью жанра, как «звездное интервью».

Попытаемся сопоставить «звездное интервью» с политическим и указать место юмора в его жанровой структуре.

1. «Чем обусловлена необходимость выделения и описания такого поджанра интервью, как „звездное“? Первая причина заключена в самом определении: „беседа, представляющая общественный интерес...“. „Звезда“ — это коммуникативная и социальная роль. Именно спецификой этой роли и глубже — личности, скрывающейся за ней, а значит, и выбором особых тактик в общении с такой персоной, объясняется специфика „звездного интервью“, которое, без сомнения, призвано служить поддержкой имиджа „звезды“ [Макурина, Кротова 2003: 35—36].

Политик, особенно известный, — это такая же, а то и гораздо большего масштаба «звезда», как любой представитель области искусства, шоу-бизнеса и иных сфер, в которых традиционно используется атрибуция личности — «звезда». Политик — это в первую очередь коммуникативная и социальная роль, и читателям интересна прежде всего его личность, зачастую скрытая за тщательно создаваемым и поддерживаемым имиджем. Поэтому политическое интервью в его портретной разновидности можно с полным правом назвать имиджевым политическим интервью.

2. «Ситуация игры в „звездном интервью“ создается с целью удовлетворения запросов массового адресата, мышление которого требует отвлечения от банальности... Аудиторию это не привлекает. Очень часто, чтобы ее привлечь максимально, в ситуацию „интервью-игры“... вплетаются так называемые „риторические уловки“, которые служат эмоциональными возбудителями и определяют (формируют) психологическое состояние: интересно, полезно, необычно, занимательно с точки зрения массового адресата. Это „зацепы“, актуализирующие человеческое сознание с целью формирования нужной эмоциональной тональности, умственной напряженности, а в целом — речевого эффекта. К их числу следует отнести: первые фразы, чтобы привлечь внимание читателя... квантовый выброс информации (принцип россыпи новизны)... прием аргументации... прием аналогии... прием релаксации (юмор как консолидатор людей)... прием предположения, догадки» [Там же: 37].

Сказанное относится и массовому адресату политического дискурса, который не любит банальностей, штампов, в то время как корпус политических текстов просто изобилует ими, ср. ироническое высказывание Д. Ольшанского: «В современной российской политике поражает предельно убогое однообразие и обилие штампов в жизнеописаниях кандидатов на выборные посты. „Родился... Крестился... Окончил вуз... Прошел славный трудовой путь... Женат, имеет детей“. Это не политические биографии, а канцелярские справки из отдела кадров. Или некрологи, в которых пока просто не хватает известных заключительных слов: „Спи спокойно, дорогой товарищ — мы продолжим твоё дело“. Все это обычно тиражируется вместе с плохо отпечатанными фотографиями, взятыми то ли из личного, то ли из розыскного дела, очень напоминающими листовки на стенде „Не проходите мимо“ у районного отделения милиции» [Ольшанский 2003: 364].

Как следствие, можно с уверенностью предположить, что юмор в имиджевом политическом интервью является той самой «зацепой», посредством которой преодолевается банальность представления облика политика, а сам политик делается привлекательным для массового адресата.

3. Жанровые признаки «звездного интервью»: «коммуникативная цель — поддержка имиджа „звезды“; автор и адресат как носители определенной модели поведения и определенного типа языковой культуры; игровое начало „звездного“ интервью, композиционная организация собираемого материала — модель опрокинутой воронки» [Макурина, Кротова 2003: 39].

Мы считаем, что по крайней мере два из названных признаков, — «поддержка имиджа» и «игровое начало „звездного“ интервью», предполагающее достижение юмористического эффекта с целью преодоления стандарта в презентациях политиков, можно с полным правом отнести к политическому интервью в его портретной разновидности.

Немного коснемся вопроса об имидже политиков.

«Избиратель не доверяет абстрактным инципитивам: требуется, чтобы они выросли из жизни и специфического опыта кандидата, соответствовали его характеру и конкретному облику, сложившемуся или складывающемуся в общественном мнении. Имидж кандидата должен быть одновременно и оригинален, и типичен, он должен быть как все и вместе с тем выделяться из толпы. Имидж кандидата является своеобразным свидетельством „истинности“ или „неистинности“ самого кандидата» [Амелин, Пешков 2001: 46].

Разные авторы дают различные типологии имиджей (ролей) политиков:

1. «Для того чтобы закрепиться в сознании избирателей, политику приходится играть четко заданную роль, которую диктует ему само население, и, чтобы выжить, он просто обязан ее исполнять, ибо именно таким населению видится идеальный президент, министр, мэр, директор. Отклонение политика от этого имиджа будет только мешать людям позитивно оценивать его. Существует следующий набор ролей: РЫЦАРЬ, ХОЗЯИН, АСКЕТ, МЫСЛИТЕЛЬ, РОМАНТИК И ПРОФИ» [Зарецкая 2002: 543].

2. «Основываясь на анализе современной политико-психологической реальности России, Е. Коблянская и Н. Лабковская описали несколько основных типов лидеров и их имиджей. Один из самых распространенных типов — „Хозяин“ (другие названия: „Властелин“, „Сталин“)...

Третий тип — „Отличник“...

Четвертый тип — „Сподвижник“ или „Боярин“...

Наконец, пятый тип — „Одиночка“» [Ольшанский 2003: 365—366].

Что касается имиджа В. В. Жириновского, Д. В. Ольшанский, ссылаясь на разных авторов, приводит разные его трактовки:

«Г. Лассуэлл, делая упор на имиджевые характеристики, выделил типы „Агитатора“, „Администратора“ и „Теоретика“. В сегодняшней российской действительности это В. Жириновский (в меньшей степени Г. Зюганов), В. Путин и Г. Явлинский» [Там же: 364].

Со ссылкой на Е. Коблянскую и Н. Лабковскую тот же автор сообщает: «Второй по распространенности тип — „Артист“. Наиболее ярко его выражает В. Жириновский. Основные черты его имиджа достаточно очевидны. Это большой мастер перформансов» [Цит. по: Ольшанский 2003: 363].

В свою очередь, сам Д. В. Ольшанский пишет: «На основании анализа современной российской политики мы выделили такие типы, как „царь“ (Б. Ельцин), „партайгеноссе“ (Г. Зюганов), „печник“ (В. Лужков), „симулятор“ (А. Лебедь), „понтер“ (В. Жириновский), „домоуправ“ (В. Черномырдин), „умник“ (Г. Явлинский), „расстрига“ (М. Горбачев). Хотя понятно, что это конкретные,

не столько аналитические, сколько описательные типы» [Там же: 365].

Мы считаем, что имидж В. Жириновского является комплексным и совмещает в себе все указанные типы («Агитатор», «Артист», «Понтер», а также неоднократно отмечаемые исследователями политической речи черты типов «Скандалист» и «Шут»).

Этому комплексному имиджу соответствует и речь В. В. Жириновского, представляющая собой образцы популистской риторики, репрезентирующей и юмор (по отношению к себе и к партии ЛДПР), и иронию (по отношению к политическим противникам). В свою очередь, интервью политика с необходимостью реализует самопрезентационную интенцию, поэтому по отношению к самому себе политик использует либо юмор, либо легкую самоиронию.

Мы можем с уверенностью утверждать, что юмористический эффект (соответствующий комплексному имиджу В. Жириновского) достигается в его интервью комплексом речевых средств, ср. наблюдения М. Китайгородской и Н. Розановой за речью политика.

«Ярмарочное» время социальных перемен породило своих героев. Подобно актерам с яркой индивидуальностью, играющих всегда «самих себя», Жириновский выбрал одну речевую маску и оказался ее пленником. Он верен себе и, по сути, одинаков в разных ситуациях. Его речь с точки зрения словаря бедна, стилистически монотонна, но образна.

За счет чего же рождается впечатление ее высокой экспрессивности? Экспрессивна главным образом количественная сторона (говорит много, говорит без пауз), темп речи, громкость, эмоциональность. Экспрессия рождается на эпатаже, связана с нарушением постулатов общения (говори коротко, говори по делу, говори вежливо и т. д.). С точки зрения обработки и подачи информации в его речи наблюдается тенденция к предельному упрощению, примитивизму. Тексты в большом количестве содержат бездоказательные утверждения, заведомо ложные и нелепые доводы. Так, одну из последних своих скандальных выходов в Думе он объяснил „влиянием неблагоприятных метеоусловий“. Для него типична завышенная самооценка, в его речи много гипербол. Это своеобразная политическая „хлестаковщина“...

Несмотря на многословие, речь Жириновского нередко оказывается довольно бессвязной. Он часто „опускает“ логические связи, союзы, отдельные семантически необходимые для понимания участки текста. Он „нанизывает“ бессюжные конструкции одну на другую. Все это рождает эффект „разорванности сознания“.

Хотелось бы обратить внимание на то, что, несмотря на внешнюю „новизну“ речевого облика Жириновского, в нем можно обнаружить „родимые пятна“ тоталитарного языка. Он нередко использует типичные партийные клише... [Цит. по: Купина 1999: 134—135].

Со своей стороны, мы считаем, что сказанное о речи В. Жириновского соотносится не столько с его естественной речевой манерой или с одной речевой маской, сколько с его комплексным ре-

чевым имиджем, предполагающим юмористическую составляющую. **Юмор** в интервью В. Жириновского носит самопрезентационный характер, базируется на **смене масок, эпатаже и технике примитива** и соответствует имиджевым характеристикам политика, т. е. тому сложившемуся образу, к которому привык избиратель и который он хочет видеть (имиджи «Артист», «Скандалист», «Понтер», «Агитатор»).

Продемонстрируем сказанное на примере интервью В. Жириновского, опубликованного агентством «Vlasti.net» (автор интервью — Александр Новиков; <http://www.inter-view.org/>).

Юмористический эффект реализуется не только в тексте интервью, но и в его заголовочном комплексе. Установка на комическое заметна уже в системе «заголовок — внутренние заголовки» и задана автором, А. Новиковым, который втягивает читателя в стихию юмора своими вопросами и комментариями:

ЗАГоловок: *Интервью с Жириновским. «Жириновский и...»*

ВНУТРЕННИЕ ЗАГОЛОВКИ:

Жириновский и лишения

Жириновский и бедные родственники

Жириновский и счастье

Жириновский и старые песни о главном

Жириновский и вечность

АВТОРСКИЙ КОММЕНТАРИЙ: *Жириновский не только солнце. Жириновский — могучая полноводная река. В нее достаточно один только раз войти в любом случайном месте, и дальше она уже сама несет. Вам останется только изредка делать корректирующие гребки. А можно и не делать их. Нести будет все равно.*

ВОПРОСЫ ИНТЕРВЬЮЕРА:

А откуда у вас дома народ взялся?

А сейчас какой вес у вашего тела?

А рост какой у вашего тела?

Я поражаюсь, откуда у вас столько ума?

А вас действительно помощники моят?

И т. п.

Обратимся к таким средствам достижения юмористического эффекта, как смена масок, эпатаж и техника примитива, в ответах В. Жириновского.

МАСКИ ЖИРИНОВСКОГО (способствуют созданию имиджевых типов «Актер» и «Понтер»)

МАСКА ОБЫВАТЕЛЯ (апелляция к устоявшимся в массовом сознании представлениям, presupпозициям: «все воруют», «все пьют», «все ругаются» и т. д.):

А. Н. : *Какой чай пьете, Владимир Вольфович?*

Жириновский: *Плохой чай. Плохой! Бывает, очень редко, я вижу хороший чай, например, дарят мне иногда. Но у меня же все сразу **разговаривают**.*

А. Н. *Кто?*

Жириновский: *Дома. Я помню, из Индии мне чай подарили. Хороший такой. В коробке. Натуральный такой. Все хорошее... Привез домой, пару раз мне его дали, и больше я его не видел. **Воруем наш народ! Воруем, воруем...***

А. Н. : *А откуда у вас дома народ взялся?*

Жириновский: *У меня есть приходящая дом-*

*работница, повариха там, не знаю... Я же не слежу! Помощники мои приходят. Я лидер партии! Помимо депутатских, у меня полно помощников, не связанных с депутатской деятельностью. У меня большой штат. Охрана, водители. Кто-нибудь да **ворует**... А был хороший чай. Несколько коробок. Нету! Даже коробки **Украли!***

МАСКА ПРАВДОЛЮБЦА. Одной из ценностей массового национального сознания является честность, прямота. На протяжении всей российской истории национальный менталитет одобрял людей, способных «резать правду-матку», «резать правду в глаза», «рубить сплеча», и к этому В. Жириновский прибегает постоянно:

А. Н. *Ваша жена с вами счастлива?*

Жириновский: *Нет! Видите как **честно отвечаю**. Потому что я не для семьи создан, а для политической работы. Был бы рядовым юристом в издательстве — 200 рублей, квартирка, — можно было бы делать семейные дела. А так я только три раза в год внимание семье уделяю. Нет времени. Иран, Ливия...*

МАСКА ВЕЛИКОГО ЧЕЛОВЕКА (образ Жириновского — уникальной личности, противостоящей всему миру и внушающей страх, представлен в утрированной, гиперболизированной форме):

А. Н. *Вы просто какой-то уникум, я считаю.*

Жириновский: *Я просто исключение! Таких, как я, может быть, в стране тыщу человек... Сто политиков, сто ученых, сто спортсменов... Нагрузка-то какая большая! Вот и с вами я сейчас здесь не в шахматы играю. Отвечая на ваш вопрос, я должен немедленно вскрыть пласты всей моей жизни. Легко разве? Я в день должен быть **гением** все двенадцать часов. Целый день я должен говорить на все глобальные темы.*

А. Н. *А сами с собой вы счастливы?*

Жириновский: *Да, процентов на 90 я счастлив. Я все познал, все увидел, все сделал, все сказал... Когда я выступаю в Совете Европы, **они очень боятся!** Я чувствую, **когда я выступаю, у них у всех мурашки по спине**. Вся планета меня знает!*

МАСКА ОБИЖЕННОГО:

А. Н. *Я поражаюсь, откуда у вас столько ума?*

Жириновский: *Я доктор наук. Я профессор. Я заслуженный юрист России. Я окончил два факультета МГУ. С отличием. 12 лет руковожу партией. **А вы меня ни разу не похвалили. Всегда только нападали. Нет бы написать: Жириновский знает четыре языка.** Это ж сколько нужно ума и интеллекта! Поэтому я и за обезьянами бегаю. Нужно расслабиться, отдохнуть от ума.*

ЭПАТАЖНЫЕ ВЫСКЗЫВАНИЯ

(имидж «Скандалист»)

Эпатаж — «скандальная выходка; поведение, нарушающие общепринятые нормы и правила» [Словарь иностранных слов 1979].

Эпатировать — «поражать, удивлять скандальными выходками, нарушением общепринятых норм и правил» [Там же].

Эпатаж связан с таким понятием политической имиджологии, как «перформанс». Вслед за Д. В. Ольшанским мы понимаем под политическим перформансом «поступок», «представление», «спектакль», «концерт» и даже «киносеанс», а также трюки и фокусы [Ольшанский 2003: 348]. Перформанс — одна из действенных и часто употребляемых имиджевых технологий. «Основной технологией ускоренного создания имиджа... является так называемый перфоманс. Только регулярно участвуя и, главное, организуя для себя и для своих сторонников „перфомансы“, политик может быстро сформировать необходимый имидж. Вспомним лидера ЛДПР В. Жириновского, выплеснувшего в лицо тогдашнему нижегородскому губернатору Б. Немцову стакан сока в прямом эфире телепрограммы А. Любимова. Такой откровенный перфоманс сразу сделал ему колоссальную политическую рекламу и значительно усилил уже существовавший эпатажный имидж» [Там же: 347].

«Перформансными» могут быть не только церемонии, празднования, инаугурации и иные мероприятия, связанные с политической деятельностью. Текст выступления политика или его интервью тоже может иметь черты перформанса, и интервью с В. Жириновским — яркий тому пример. Приведем фрагмент, в котором В. Жириновский эпатажирует читателя, говоря о склонности к рукоприкладству и сквернословию. Это апелляция к пресуппозициям адресата, который помнит скандальные перформансы этого политика:

Жириновский: *И пляшу, да! Вот перечень песен. Вот он... Пою. А потом над помощником издеваюсь! Живая азбука! Штангу мне жалко, так я его подымаю, кричу ему руки, мучаю. Я же должен расслабиться!*

А. Н. А если он умрет?

Жириновский: *Да куда он не умрет! Иногда хочется расслабиться, кого-нибудь побьешь, руки-ноги повыкручиваешь, а вы потом говорите: „Жириновский садист!“ Да им нравится, когда я их мучаю! Они рады даже! Я же денег даю им потом, компенсирую ущерб! Рахманов!.. Иди сюда! Я их еще обзываю оскорбительными словами, но на самом деле это ласка: „пес поганый“, „смерд“, „собака“. Они не обижаются. Им это в радость. Рахманов! Чего ты ушел? Ну как вот их не бить?.. Чего ты ушел туда, в приемную? давай принеси мне рюмашку!*

ТЕХНОЛОГИЯ ПРИМИТИВА

(комплекс всех имиджевых типов)

Примитив предполагает «перевод значительного, неординарного в разряд бытового и придание ему утилитарного характера» [Сметанина 2002: 269]. «Ценность примитива — в подлинности чувства и авторской индивидуальности» [Михеев 1996: 227]. К реализации примитива в речи В. Жириновского можно в полной мере отнести характеристику речи автора-повествователя, данную С. И. Сметаниной: «Играющий и иронизирующий автор-повествователь представлен чаще всего как приобщенный к большой политике средствами массовой коммуникации обыватель, менталитет которого опирается на ценности мас-

скульта. Реальное воспринимается им либо как гиперновое, которое так потрясает, удивляет, что он не может скрыть эмоций, удержаться от крепкого слова, эпитетов, оценок... либо, напротив, как гиперзнакомое, слишком очевидное, банальное. В этом случае он воспроизводит событие в простой разговорной форме, выводя из привычного для него контекста, привычного способа описания... Комическое возникает при добавлении к актуальному событию жизненного опыта, знаний, речевой практики (включая клише масскульта) этого обывателя. В результате такой добавки происходит демифологизация официальной версии реального и возникает индивидуальная, бытовая, примитивная» [Сметанина 2002: 268].

Техника примитива реализуется в интервью В. Жириновского на разных уровнях языка, речи и текста. Проиллюстрируем это примерами.

1. Разговорная, просторечная и грубо-просторечная экспрессивная лексика.

Жириновский: *Говорю: кофе мне дайте с молоком! Один раз дадут, потом три месяца не вижу, где это кофе с молоком. Сеуценку откроют, так сразу сожрет кто-то.*

2. Разговорный синтаксис: упрощенные, приближенные к разговорной речи конструкции, неполнота предложений, диалогизация монолога посредством вопросно-ответных комплексов и др.

Вот и сейчас все нарушено! Значит, смотрел видео и отключил караоке, а мы не можем его включить. Я нервничаю. Я должен потом его оскорбить или побить. А как ему иначе доказать, что он негодяй?! Я же не знаю, кто это сделал, их трое! Всех бью. А вы потом это у себя в журнале даете, что Жириновский унижает людей. Видите, какие вы?! Вы провокаторы!

3. На уровне текста примитивизация достигается «переводом значительного, неординарного в разряд бытового и приданием ему утилитарного характера» [Сметанина 2002: 268], ср. перевод проблем, связанных с напряженной партийной работой, на бытовую проблему взаимоотношений с женой (заметим, что в иницирующей вопрос интервьюера тоже заложена юмористическая интенция):

А. Н. : *Наверное, вы даже не успеваете прочитать все эти дурацкие законопроекты, предложения?*

Жириновский: *Да... Вот эти чудаки там выступали сегодня. Все чушь! Я их всех критиковал!.. Потом вот с вами интервью. После интервью придут активисты партии. А в три часа у меня другие парламентские слушания. Потом еще встречи. Потом еще придет арабское телевидение. А ведь нужно еще читать и готовить законопроекты... Не успеваю. Приходится часть работы не выполнять. А вы говорите счастлива ли жена. Я ведь не рядовой член партии, чтобы она была счастлива.*

Хотелось бы немного коснуться еще одного важного момента. Почти любое высказывание любого политика носит в той или иной степени самопрезентационный характер (за исключением так называемых контекстов самодискредитации). Любой политик «играет на повышение» по отношению к самому себе. Не является исключением и В. Жириновский, который, несмотря на юмористическую форму интервью, не упускает случая

подчеркнуть те свои личностные качества, которые вызывают (могут вызвать) одобрение электората. Одновременно В. Жириновский избегает акцентировать те аспекты имиджа, которые могут стать объектами дискредитации со стороны политических оппонентов. Это «неблаговидные факты из прошлого политика; порочащие его связи; действия, несовместимые с должностным или общественным положением; политическая неразборчивость... частая смена позиций; неудачные политические заявления... невыполнение публично данных обещаний; проступки родственников или друзей политика, а также членов его команды» [Ольшанский 2003: 373]. Ничего этого в интервью В. Жириновского нет, однако он постоянно акцентирует «самопозитив», например, знание языков:

А. Н. : *А скажите что-нибудь по-турецки.*

Жириновский: *„Серемес ким сисими биним сердир кадар. Сено масайд бухайяд нейерар!“ Это слова одной турецкой песни: „Никто не полюбит тебя так, как я. Если бы не было тебя, то зачем была бы нужна эта жизнь?“ Такая любовная песенка о любви.*

Реципиент интервью, даже не зная турецкого языка, невольно проникнется уважением к В. Жириновскому как к человеку широко образованному, что, без сомнения, «играет на повышение» и по отношению к Жириновскому-политику.

Примеры самопрезентации В. Жириновского в юмористической форме встречаются в большинстве его выступлений. Однако ограниченный объем статьи не позволяет нам продолжать иллюстрации.

Таким образом, юмористический эффект создается в тексте и интервьюером (установка на комическое в заголовках, внутренних заголовках, вопросах и комментариях), и интервьюируемым. Ответы В. Жириновского — это чисто имиджевая речь, нацеленная на узнаваемость (идентификацию) и поддержание интереса к нему как к политической фигуре. Данное интервью, как и многие иные выступления этого политика, мы считаем «перформансным интервью», призванным выполнять функцию спектакля-комедии. Юмор, репрезентируемый актерской сменой масок, эпатажем и разноуровневым примитивизмом, поддерживает имиджевую легенду о В. Жириновском, и поддерживает вполне успешно, свидетельством чему является популярность этого политика и возглавляемой им партии на протяжении уже двух десятилетий.

В целом же, идентифицируя такую жанровую

разновидность интервью, как политическое интервью-перформанс, можно отметить следующие ее особенности. Это интервью-беседа, близкая к такой разновидности, как портретное интервью, в нем есть черты «звездного интервью» и черты интервью политического (колебание коммуникативной инициативы от интервьюера к интервьюируемому, увеличивающее пространство для комического), а также речевые признаки политического «перформанса» как необходимой части определенного типа имиджа. Неотъемлемой составляющей таких имиджевых типов, как «Актер», «Шут», «Понтер», «Скандалист», является именно комическое начало, которое репрезентируется «в спектакле», в целом «играющем на повышение» репутации политика, но не на ее «понижение».

ЛИТЕРАТУРА

1. Амелин В. Н., Пешков С. И. Учиться побеждать. — М.: Стольный град, 2001.
2. Голанова Е. И. Устный публичный диалог: жанр интервью // Русский язык XX столетия (1985—1995). — М.: Языки русской культуры, 2000. С. 427—452.
3. Грабельников А. А. Работа журналиста в прессе. — М.: РИП-холдинг, 2004.
4. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2004.
5. Зарецкая Е. Н. Деловое общение. — М.: Дело, 2002.
6. Иванова И. В. Жанр интервью: формы бытования и языковые особенности: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Астрахань, 2009.
7. Иньинго-Мора И. Политическое телеинтервью: нейтралитет и провоцирование // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 1 (24). С. 33—38.
8. Кошкарлова Н. Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве: автореф. дис. — Екатеринбург, 2015.
9. Купина Н. А. Риторика в играх и упражнениях. — Екатеринбург: УрГУ.
10. Лавринова Н. И. Текстовая актуализация речевого поведения коммуникантов в политическом интервью: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — Архангельск, 2010.
11. Лукина М. М. Технология интервью: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Журналистика». — М.: АспектПресс, 2005.
12. Майданова Л. М. Стилистические особенности газетных жанров. — Свердловск: УрГУ, 1987.
13. Макурина О. А., Кротова М. А. «Звездное интервью»: к вопросу о жанровом паспорте. — Воронеж; Ярославль: Истоки.
14. Михеев А. МакКультура // Иностранная литература. 1996. № 1.
15. Ольшанский Д. В. Политический ПР. — СПб.: Питер, 2003.
16. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002.
17. Словарь иностранных слов. — М.: Рус. яз., 1979.

N. B. Ruzhentseva
Ekaterinburg, Russia

IMAGE INTERVIEW-PERFORMANCE OF V. ZHIRINOVSKIY: CHANGE OF GUISE, SHOCK AND PRIMITIVISM TECHNOLOGY

ABSTRACT. *The article characterizes speech and text means of representation of humor in the political image interview. The author presents the political image interview as a secondary genre form, comprising the features of a talk-interview, portrait interview, star interview and political performance, which includes histrionic components attracting a potential reader to the text of interview and the image of the politician. The article discloses the connection of humor as a form of the comic with the image types of V. Zhirinovskiy (“Actor”, “Punter”, “Scandalist”, etc.). The author offers various speech masks of the politician, producing a theatrical effect of his answers to the questions of the interviewer. These masks include the following: a mask of an average person appealing to stable ideas, values and presuppositions of mass consciousness; a mask of a truth-seeker demonstrating sheer sincerity of judgment and evaluation; a mask of a great man – a unique person, confronting the whole world; a mask of an offended politician, who is constantly being attacked by mass media. The author of the article turns to shocking statements of V. Zhirinovskiy and the technology of primitivism realized in the politician’s speeches on the level of language, speech and text and combining the use of colloquial, low colloquial and vulgar colloquial vocabulary; colloquial syntax, simplified colloquialized constructions; translation of serious political problems into the language understandable by the mass addressee and*

giving these problems a utilitarian character. In conclusion, the author generalizes the genre properties of the image interview-performance as a kind of political interview and summarizes the functions of the humor relevant for the given kind of interview.

KEYWORDS: *political discourse, V. Zhirinovskiy, humour, self-presentation, image, performance, interview, speech guise, shock, primitivism technology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ruzhentseva Natal'ya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Rhetoric and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Amelin V. N., Peshkov S. I. Uchites' pobezhdat'. — M. : Stol'nyy grad, 2001.
2. Golanova E. I. Ustnyy publichnyy dialog: zhanr interv'yu // Russkiy yazyk KhKh stoletiya (1985—1995). — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 2000. S. 427—452.
3. Grabel'nikov A. A. Rabota zhurnalista v presse. — M. : RIP-kholding, 2004.
4. Duskaeva L. R. Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov. — Perm' : Izd-vo Perm. un-ta, 2004.
5. Zaretskaya E. N. Delovoe obshchenie. — M. : Delo, 2002.
6. Ivanova I. V. Zhanr interv'yu: formy bytovaniya i yazykovye osobennosti : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. — Astrakhan', 2009.
7. In'igo-Mora I. Politicheskoe teleinterv'yu: neytralitet i provotsirovanie // Politicheskaya lingvistika. 2008. Vyp. 1 (24). S. 33—38.
8. Koshkarova N. N. Konfliktnyy i kooperativnyy tipy russkoyazychnogo diskursa v mezhkul'turnom politicheskom prostranstve : avtoref. dis. — Ekaterinburg, 2015.
9. Kupina N. A. Ritorika v igrakh i uprazhneniyakh. — Ekaterinburg : UrGU.
10. Lavrinova N. I. Tekstovaya aktualizatsiya rechevogo povedeniya kommunikantov v politicheskom interv'yu : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04. — Arkhangel'sk, 2010.
11. Lukina M. M. Tekhnologiya interv'yu : ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po napravleniyu i spetsial'nosti «Zhurnalistika». — M. : AspektPress, 2005.
12. Maydanova L. M. Stilisticheskie osobennosti gazetnykh zhanrov. — Sverdlovsk : UrGU, 1987.
13. Makurina O. A., Krotova M. A. «Zvezdnoe interv'yu»: k voprosu o zhanrovom pasporte. — Voronezh ; Yaroslavl' : Istoki.
14. Mikheev A. MakKul'tura // Inostrannaya literatura. 1996. № 1.
15. Ol'shanskiy D. V. Politicheskyy PR. — SPb. : Piter, 2003.
16. Smetanina S. I. Media-tekst v sisteme kul'tury. — SPb. : Izd-vo Mi-khaylova V. A., 2002.
17. Slovar' inostrannykh slov. — M. : Rus. yaz., 1979.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.

В. В. Химик
Санкт-Петербург, Россия

МАЙДАН КАК ФЕНОМЕН РУССКОЙ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются процессы, связанные с развитием семантики ставшего популярным в прессе последнего десятилетия на русском и украинском языках слова «майдан» (пишется и с прописной, и со строчной буквы). Сначала представлено отражение семантики слова в толковых словарях двух столетий, отмечаются особенности его происхождения — персидские, арабские и тюркские корни, а также демонстрируются три основные проекции его функционирования в восточнославянской языковой действительности: традиционно-историческая, арготическая и социально-политическая. Широкое варьирование содержания рассматриваемой лексемы, вплоть до топонимической функции, так или иначе обусловлено базовой фреймовой ориентацией: «место, пространство». От прямого локального значения 'площадь, свободное место' образуются переносные, функциональные — использование места, т. е. метонимический перенос, переосмысление семантики слова по смежности места и его функции: майдан — 'торг, базар, рынок'. Другой метонимический перенос отражает еще одну функцию «места, открытого пространства» — майдан как социальное действие, событие, происходящее на определенном месте: 'сходка, митинг, коллективное обсуждение'. А вместе с этим метонимическим значением происходит и еще один перенос по смежности: майдан — это 'люди, собравшиеся в данном месте, участники сходки'. В современной языковой действительности, что подтверждается многочисленными употреблениями в массмедиа, «майдан» — семантический неологизм нового времени, комплексная семема, в структуре которой переплетаются результаты метафорических и метонимических преобразований исходного локального значения, соединяются восточнославянская история и реалии современной социокультурной, политической и языковой действительности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: номинация; толкование; происхождение; фрейм; место/пространство; метонимия; функция; неологизм; социокультурный феномен.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Химик Василий Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов, Санкт-Петербургский государственный университет; адрес: 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Лейте-нанта Шмидта, 11, 416, e-mail: vhimik@mail.ru.

1. СТАТИСТИКА

Слово *майдан/Майдан* — одна из наиболее заметных и высокочастотных номинаций последнего десятилетия в русском и украинском языках. Поисковая система «Яндекс» на запрос этой лексической единицы в русском Интернете (20.08.2015) предлагает более 20 млн ответов; «Google» — 19 млн в кириллице и 22 млн в латинице (*majdan*).

Подтверждение факта активизации слова находим и в «Национальном корпусе русского языка» [<http://www.ruscorgo.ru/>]. Запрос на лексику *майдан/Майдан* дает 94 документа и 354 вхождения в основном корпусе и 895 документов, 1 582 вхождения — в газетном. Расхождение вполне объяснимое: основной корпус включает письменные тексты XVIII — нач. XXI в. (чаще художественные), газетный корпус — тексты СМИ с их актуальной социально-политической проблематикой, в том числе 2010—2011 гг. Почти полное отсутствие ответов в устном корпусе говорит лишь о некотором его несовершенстве — жанровой ограниченности и, очевидно, временном отставании. В этой связи показательно также отсутствие слова *майдан* в «Частотном словаре...» под ред. Л. Н. Засориной, который фиксирует состояние русского лексикона до 1977 г.

2. ТОЛКОВАНИЕ СЛОВА И ТИПОЛОГИЯ ЕГО ЗНАЧЕНИЙ

Описания лексического значения слова *майдан* в толковых словарях современного русского языка воспроизводят в том или ином объеме информацию, которую в свое время собрал В. И. Даль:

«МАЙДАНЪ *м.* площадь, мѣсто || возвышенная прогалина и || стоящій на ней лѣсной заводъ, смолокурня, дегтярня, поташня, смолевой, селитрянный *майданъ*... завод, работающій на водѣ... ||

сборное мѣсто || станичная, сборная изба; || охотничья хижина въ лѣсу, на прогалинѣ || *ниж.* сѹводь, водоворотъ на широкомъ плесу; || торгъ, базаръ или мѣсто на немъ, гдѣ собираются мошенники, для игры в кости, карты...» [Даль, т. 2, 1978: 200].

Ср. в «Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова (т. 2): «МАЙДАН, майдана, *м.* <...> 1. На юго-востоке и юге СССР — рынок, рыночная площадь. 2. Игорный притон на базаре (обл.). 3. Место тайной игры в карты или тайной продажи водки в тюрьме (воровское аргю). 4. Яма для выгонки дегтя (обл.). || Возвышенное место, где устраиваются эти ямы (обл.). 5. Особый вид курганов (археол.)».

Словарную статью с аналогичным содержанием находим и в «Толковом словаре словообразовательных единиц...» Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2005]. Другие толковые словари ограничиваются в основном актуальным для конца XX столетия значением слова и нормативным употреблением, см., например, академический «Словарь русского языка» [МАС, т. 2, 1982: 216] и повторяющий его информацию «Большой толковый словарь...» [БТС 1998: 513]:

«МАЙДАН, -а; *м.* <...> 1. В южных областях России, на Украине: площадь, где происходят сходки, собрания, митинги, а также в торговые дни — базары <...>. 2. Древняя могила, курган, обычно раскопанный сверху».

Статья словаря С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой еще более лаконична: «...базар, базарная площадь» [Ожегов, Шведова 1992: 347].

Однако языковая картина мира меняется быстрее, чем издаются и переиздаются словари, не успевающие фиксировать новые слова и значения. Лексикографические источники не всегда отражают реальную структуру значений отдель-

ных лексических единиц и тем более частотность употребления некоторых слов в актуальном их функционировании. Таковым оказалось и слово *майдан* в целом ряде его «злободневных» использований, не зафиксированных пока словарями русского языка:

Сразу после обеда на Банковую своих сторонников вывел Александр Данилюк, один из координаторов Майдана предпринимателей (Новый регион 2, 2011.02.07; здесь и далее в качестве иллюстративного материала используются преимущественно тексты «Национального корпуса русского языка» [<http://www.ruscorpota.ru/>], а также примеры из русского Интернета, извлеченные с помощью поисковых систем «Яндекс» и «Google»).

Между тем языковой материал, представленный, с одной стороны, данными лексикографии, а с другой — современными источниками живой речи, позволяет выявить три основные проекции, три сферы функционирования слова *майдан* в русском языке в пространстве нового времени: традиционно-историческую, арготическую и социально-политическую.

3. ТРАДИЦИОННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ

Некоторые толковые словари (например: [Толковый словарь... Д. Н. Ушакова; БТС 1998]) отмечают факт исторического заимствования слова *майдан*, его тюркские (*māidan*), арабские (*maydān*) и персидские (*meydān*) корни.

М. Фасмер происхождения слова *майдан* объясняет следующим образом: «„площадь, место сходок“; „просека в лесу на высоком месте“; „смолокурня“, арханг. (Подв.), стар. *майдан* „базарная площадь“... Из тат., кыпч., казах., туркм. *maidan* „ровное, свободное место“, тур., крым.-тат. *māidan* (Радлов 4, 1990, 2069)...» [Фасмер, т. 2: 559].

Арабско-персидское прошлое тюркского и затем восточнославянского слова *maidan/майдан* находит подтверждение в существовании многочисленных топонимов-урбанонимов за пределами тюркоязычного и славянского мира. Таковы, например, названия *Maydan al-Shajara* (город в провинции Бенгази, Ливия), *Ram Lila maidan* (площадь в Нью-Дели, Индия), *Maidan* (крупнейший городской парк в Калькутте, Индия), *Maidaan-e naqsh-e jehaan* (площадь в городе Исфahan, Иран), *Maydan Ikbis* (город в Сирии), *Maidan* (поселок в провинции Razavi Khorasan, Иран), *Maidan* (муниципалитет в Непале), *Maidan Shar* (столица провинции в Афганистане) и др.

Не меньше номинативных и семантических вариаций у слова *maidan/māidan/meydān* в тюркских языках, в частности, довольно большое количество семантических вариаций, а также устойчивых сочетаний обнаруживается в турецком языке:

«MEYDAN... 1) площадь, плац, поле, площадка... театр военных действий, ипподром... полигон... сектор обстрела, поле боя... 2) площадь в городе... 3) кругозор, поле зрения, обзорное пространство; ...*hava meydani* — аэродром, *meydanda durmak* — виднеться, быть в поле зрения, *meydana cikarmak* — показывать, обнародовать; *meydanlık* — открытое, ровное место» [Турецко-русский словарь 1977: 624—625].

Как можно видеть, основные значения и употребления слова *maidan/māidan/meydān* в языках-источниках так или иначе связаны с общим локус-фреймом «свободное место, открытое пространство»: ‘площадь’, ‘город’, ‘селение’, ‘парк’, ‘аэродром’, ‘поле боя’ и т. п. Поэтому для номинации некоторых таких пространственных понятий восточной (чаще тюркоязычной) культуры в русском языке наиболее подходящим оказывается именно это заимствованное, но теперь уже и русское слово *майдан*:

Народ — и старики, и молодые — спешит на майдан за селом. <...> Все больше зрителей и болельщиков собираются вокруг малого майдана, где вот-вот должен начаться курэш (национальная борьба) (Тюркские народы. Башкиры // «Жизнь национальностей», 2001.12.28); *Я видел тифлисский майдан и черные базары Баку, разгоряченные, лукавые, но в подвижной и страстной выразительности всегда человеческие лица грузинских, армянских и тюркских купцов...* (О. Э. Мандельштам. Сухаревка (1923)).

Слово *майдан* с его фреймовой базой «свободное место, пространство» довольно рано стало употребляться и для обозначения собственно русских реалий, особенно сельских, традиционных, и не только в приграничных южных районах русского языкового пространства, но и по всей России. И здесь обнаруживается любопытная закономерность: развитие переносных значений слова происходит последовательно, в виде цепочки смысловых связей, для которых исходным значением является прямое, собственно локальное: ‘площадь, свободное место — естественное или искусственно созданное’:

Майдан так утоптан, что на нем нет ни былинки... (Дионео. Магистеруим // «Грядущая Россия», 1920); *Лошади были поданы к конторе за полчаса до объявленного срока. Распровавшись с дедом Симакой <...> Касьян на Ласточке с Вегой, дедушко Селиван на Ясене с Мальчиком на рысях подкатили к правленческому майдану. На пытыре уже набрался усятский люд...* (Е. Носов. Усятские шлемоносцы (1977)).

От прямого локального значения ‘площадь, свободное место’ образуются переносные, функциональные — использование места, т. е. метонимический перенос, переосмысление семантики слова по смежности места и его функции: *майдан* — ‘торг, базар, рынок’:

Все до нитки отберут и в майдан, а он — молчит! (О. С. Минор. Это было давно... (1933)); *Гусек на Смирном выехал на измайловский майдан. Майдан кишел народом. Русские терялись в разношерстной толпе. В одном месте в ряд стояли возы с яблоками. Раскинулись палатки с восточными сладостями* (С. Т. Григорьев. Александр Суворов (1939)).

Другой метонимический перенос отражает еще одну функцию «места, открытого пространства» — *майдан* как социальное действие, событие, происходящее на определенном месте: ‘сходка, митинг, коллективное обсуждение’ (здесь, возможно, уместна смысловая аналогия с историзмом *вече*, *Новгородское вече* — «Народное собрание в древнем Новгороде» [Фасмер, т. 1, 1964: 308]). А вместе с этим метонимическим

значением происходит и еще один перенос по смежности: *майдан* — это ‘люди, собравшиеся в данном месте, участники сходки’:

Мишка оглянулся назад: к площади на майдан спешили казаки (М. А. Шолохов. Тихий Дон (1928—1940)); *В чудесной симфонии слитного гула ритмически-чётких шагов и серебряных звуков встал величавый прекрасный образ родного края <...> и грозный гул станичного майдана, и степь родная...* (Ф. Д. Крюков. Камень созидания // «Донские ведомости», 1918); — *Станичники! — взывал он на казачьих майданах.*

— *Вам грозит регулярство, из вас хотят сделать солдат, осенью будет набор рекрутов. А вы, станичники, стойте за свои исконные права, держитесь за меня, я избавлю вас...* (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев (1934—1939)).

Украинское слово *майдан* с полисемическим содержанием ‘площадь-базар-сходка’ встречается в известном стихотворении-балладе В. Коротича «Останне прохання старого лірника» (1971):

*Переведіть мене через майдан,
Туди, де бджоли в гречці стогнуть глухо,
Де тиша набивається у вуха.
Переведіть мене через майдан.*

*Переведіть мене через майдан,
Де все святкують, б'ються і воюють,
Де часом і себе й мене не чують.
Переведіть мене через майдан <...>.*

Каждая строфа заканчивается рефреном — последней просьбой, с которой теряющий силы старый *лірник* (лірники — народные музыканты-певцы, аккомпанирующие себе на лире, струнном щипковом музыкальном инструменте; известны с XVII в. в Украине и смежных с землями; как правило, бродячие крестьяне-слепцы) обращается к окружающим: *Переведіть мене через майдан*, где он спел все свои песни, где были его слава и несчастье, где «празднуют, дерутся и воют, и где порой не слышат ни себя, ни другого» (стихотворение В. Коротича в переводе с украинского Юны Мориц стало популярной песней Т. и С. Никитиных «Переведи меня через майдан», которую исполняют многие артисты на русском и украинском языках).

Майдан здесь — поэтический образ шумного, многолюдного и жестокого водоворота жизни, через который проходит каждый человек, *майдан* — это сама жизнь, земное «место жизни», за которым — «*тиша набивається у вуха*» (‘тишина наполняет уши’).

Однако «*майдан* — место жизни» — это не только поэтическая метафора, но и традиционная номинация поселения, реального места проживания людей. Как и в языках-источниках, слово *майдан* с его базовым фреймом «место, пространство» активно используется в качестве топонимического имени собственного. И это, очевидно, результат расширения локального содержания, своеобразная синекдоха: перенос с части на целое, т. е. от значений ‘место’, ‘сборное место’, ‘площадь’, ‘базар’ — к обозначению всего поселения, в котором эти ‘место’, ‘площадь’ или ‘базар, рынок’ находятся или некогда находились. Например, село в Нижегородской области:

И раскулачивали их, и расстреливали, и в тюрьму за матрешку сажали — ничего не помогало. В ту пору все окрестные села, которые в старину под барами лежали, этот промысел бросили: испугались. Один Майдан уперся и спас матрешку, вытащил на своих плечах. При Брежневке даже говорили: Майдан — маленькая Америка. Где частная собственность? В СССР ее нету. А в Майдане есть (Русский репортер, № 1—2, 21 января 2008).

Ойконимы с метонимическим именем-синекдохой *Майдан* широко распространились по всему восточнославянскому языковому пространству, например: деревня *Майдан* в Витебской обл. Белоруссии, более десятка сельских населенных пунктов с именем *Майдан* в России (в том числе в Архангельской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской областях, в Пермском крае, в Мордовии); десятки сел с названием *Майдан* встречаются в Украине (в Винницкой, Волынской, Житомирской, Закарпатской, Ивано-Франковской, Львовской, Ровненской, Тернопольской, Харьковской, Хмельницкой, Черновицкой, Донецкой областях). При этом на территории Украины возникли и закрепились также и составные ойконимы с базовой частью *Майдан*-. *Майдан-Александровский, Майдан-Чернелевецкий, Майдан-Бобрин, Майдан-Лабунь* и др., — преимущественно в западных областях.

Встречаются они, впрочем, и за пределами территории восточного славянства (очевидно, как «следы» турецкой экспансии Османской империи в XVIII—XIX вв.) — в Польше: *Majdan Królewski* (сельская гмина в Кольбушовском повяте Подкарпатского воеводства), *Majdan Tatarski*, или *Majdanek* (печально известный лагерь смерти Третьего рейха на окраине польского города Люблин) — и даже в Сербии (село *Майдан* в общине Нови-Кнежевац историко-географической области Банат) и Хорватии (село *Majdan* в общине Двор). [<https://ru.wikipedia.org/>].

Однако локальная метонимия приводит не только к расширению предствления о месте, но и, напротив, к сужению, к вариативной предметной локализации, притом уже не последовательной, «цепочечной», а параллельной, в виде «куста» производных значений от общего производящего: *майдан* — это ‘дом’, ‘изба’, ‘хижина’, ‘завод’, ‘печь’ и т. п., т. е. объекты, находящиеся на определенном месте, на открытом ровном пространстве, площадке, — чаще производственные, промысловые (ряд значений такого рода приводят В. И. Даль [Даль, т. 2: 200] и М. Фасмер [Фасмер, т. 2: 559]). Параллельное развитие переносных метонимических значений, как и предыдущее, в основном последовательное преобразование семантики слова *майдан*, носит исключительно функциональный характер: использование места, свободного пространства (так же, как и ‘базар’ или ‘сходка’), расположение, размещение на этом пространстве, свободном ровном месте. Например:

МАЙДАН обл. — ‘дом, изба’: *Двери в майдан затем закрыли, и слышно было лишь, как толкались там дробные, переплетающиеся голоса <...>. Но когда подошло время обеда, Терпуг, проходя мимо майдана, не утерпел — подошел к*

двери и, осторожно приотворив ее, стал слушать (Ф. Д. Крюков. Зыбь (1909));

МАЙДАН обл. — 'печь': На пути попадают нам срубленные бревны, разбросанные там и сям и говорящие, что тут был человек, — и действительно, вы скоро выступаете на вырубленную среди леса площадь, на которой устроен *майдан* (особого рода печь для гонки деетя) (Г. И. Успенский. В деревне (Летние сцены) (1865));

МАЙДАН слец. — 'древнее земляное сооружение в виде кольцевого вала, входа и боковых насыпей': В предместьях г. Павлограда у села Межиричи на Днепропетровщине расположен Мавринский *майдан* — памятник археологии, сооружение второго тысячелетия до новой эры... [http://www.djerelo.org.ua...].

Таково традиционно-историческое варьирование значений и функций слова *майдан* с общей фреймовой ориентацией 'место, пространство'. Но еще более многообразно и изощренно метонимические преобразования слова *майдан* используются в социальных диалектах.

4. АРГОТИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ

Толковые словари русских жаргонизмов и сниженной речи приводят довольно большое количество функциональных вариантов традиционной русской лексемы *майдан*.

«Большой словарь русского жаргона», в котором собраны данные множества известных словарей русских социолектов (собраний, коллекций, описаний), представляет более десятка (помимо традиционных значений 'базар', 'торг') таких словоупотреблений: 'незаконный тюремный магазин', 'незаконная тюремная торговля', 'воровской притон', 'воровская группировка', 'тюрьма', 'вагон', 'поезд', 'вокзал', 'чемодан', 'место для игры в карты' и др. [Мокиенко, Никитина 2000: 330].

Д. С. Лихачев в специальной работе, посвященной русской воровской речи, обратил внимание на употребление рассматриваемого нами слова у Ф. М. Достоевского, в «Записках из Мертвого дома», и расценил состояние арготизма *майдан* как «семантический распад», см.: «1) место тюремной торговли, 2) суконка, на которой играют в карты, 3) место игры в карты, 4) вокзал, 5) железнодорожный вокзал, 6) чемодан, 7) пристанционная площадь, 8) базар, 9) наган, 10) колода карт» [Лихачев 1933: 73].

Исследователь жаргона М. А. Грачев попытался систематизировать этот «распад» в «Словаре тысячелетнего русского арга» и представить его в виде соотношения омонимии и полисемии, но сделал это не совсем удачно, без убедительной мотивации:

«МАЙДАН¹... 1. Вокзал. 2. Пристанционная площадь... 3. Базар... 4. Вагон. 5. Товарный поезд; поезд... МАЙДАН²... Колода карт. МАЙДАН³... 1. Место тюремной торговли... 2. Помещение для игры в кости... 3. Коврик, свечка и карты, предназначенные для азартной игры... 4. Место для игры в карты... 5. Суконка, на которой играют в карты... 6. Притон шулеров. 7. Деньги в банке при игре в „очко“... МАЙДАН⁴... 1. Чемодан... 2. Саквояж... МАЙДАН⁵... Шайка преступников» [Грачев 2003: 508—509].

Безусловно, арготические употребления слова *майдан*, как и традиционные, также подчиняются некоторой внутренней системности, которая тоже заключается в ориентации на базовый фрейм «место, пространство», хотя, разумеется, особенности метафорического или, чаще, метонимического переноса в арготическом дискурсе делают эту ориентацию не всегда очевидной, косвенной, скрытой, парадоксальной. И все же в наиболее распространенных случаях арготический *майдан* — это тоже в той или иной мере «место»: «место скопления, пребывания людей, преимущественно незаконной деятельности» [Химик 2004: 304]. *Майдан* в традиционном представлении ('площадь, базар, сходка') — идеальное место для разнообразных воровских действий и успешного их сокрытия, отсюда и особый номинационный потенциал рассматриваемой лексемы в словотворчестве преступного мира.

Систематизация арготического употребления слова *майдан* с его фреймовой локальной ориентацией может иметь следующий вид:

1) МАЙДАН — «место кражи»: 'вокзал', 'вокзальная площадь', 'перрон', 'поезд', 'вагон'; выбор денотатов — объектов для арготического переименования очевиден: вокзал, привокзальная площадь, поезд, вагон — это наиболее подходящие для воровских акций пространства в силу их многолюдности и оживленности:

На одесском *майдане* переполох. Держать *майдан*. *Майдан тронулся*. *Менты в майдан влезли* (речения из словарей жаргонизмов);

2) МАЙДАН — «место сосредоточения и релаксации представителей преступного мира»: 'кабак', 'ресторан', 'воровской притон', 'воровская шайка':

— *Чего ты мне всё деньги даешь! Ты сам походи в майдан выпей, — кака-така там есть водка! Ты меня к себе позови, кухарке вели, чтоб чашечку поднесла. Это вот — водка!* (В. М. Дорошевич. Сахалин (Каторга) (1903));

3) МАЙДАН — «место/помещение для скрытой, незаконной торговли (обычно в тюрьме, лагере)» — имитация «базара, лавки, магазина», например:

Это вот — водка! Цены на остальные товары в майдане следующие: бутылку молока, которая самим им дается за 3—4 копейки, майданчики продают по пятаку <...> Платил по 15 коп. в месяц каждому арестанту камеры, уплачивал, по обычаю, по полтора рубля двум камерщикам, мывшим полы и выносившим парашу, и в часы обеда открывал свой майдан (В. М. Дорошевич. Сахалин (Каторга) (1903));

4) МАЙДАН — «место для азартных игр (в карты, кости и т. п.)» — имитация «игорного заведения» (отсюда и *Талан на майдан!* (букв. «счастье, прибыль на карту») — 'пожелание удачи в карточной или любой другой игре' (см. [Фасмер, т. 4, 1973: 14; Мокиенко, Никитина 2000: 580; Грачев 2003: 894]):

Майдан — это игорный дом, маленькое Монте-Карло, развивающее в арестанте заразительную страсть к штоссу и другим азартным играм (А. П. Чехов. Остров Сахалин (1893—1895)); *На его койке устраивался по ночам „майдан“, т. е. картежная игра на деньги. У не-*

го постоянно можно было купить махорки, бу-маги, яиц, „воробья“, пайку ситного хлеба... (С. П. Подъячев. Мытарства (1903)).

В каждом случае очевидны метонимические связи с «местом» и сохранение фреймовой ориентации производных слов/значений: *майдан* — воровская группировка, шайка преступников, которая группируется вокруг *майдана* — «места». Либо наименования разного рода аксессуаров карточной игры и воровской добычи, связанных с «местами» воровской удачи. Например:

МАЙДАН — ‘колода карт’, ‘кусок сукна, расстилаемый для игры в карты’, набор ‘коврик, свечка, карты’:

Почти в каждой казарме был такой арестант, который держал у себя аршинный худенький коврик, свечку и до невероятности засаленные, жирные карты. Все это вместе называлось: майдан. Содержатель получал плату с играющих, копеек пятнадцать за ночь; тем он и промышлял (Ф. М. Достоевский. Записки из мертвого дома (1862));

МАЙДАН — «свокупность или вместительность определенных «ценностей»: ‘деньги’, ‘денежный банк’, ‘чемодан, сумка, саквояж’, ‘пожитки’ и прочая воровская добыча, похищаемая в людных местах, например:

— Ну, на пару. На бану *майданы* резать. Айда? — Айда, — сказал *Ленька*, хотя и тут не понял, на каком бану и какие *майданы* ему предлагают резать (А. И. Пантелеев. *Ленька Пантелеев* (1938—1952)) (*Майданы резать* — ‘разрезать или срезать сумки, похищать чемоданы на вокзале’).

Арготическая проекция функционирования слова *майдан* иногда оказывается источником и разного рода местных разговорно-просторечных преобразований, и это уже вариации метафорического переноса по сходству от собственно арготических слов. Так, в регионе Кавказских Минеральных Вод *майданом* называют электричку Кисловодск — Минеральные Воды, очевидно, под влиянием воровского: *майдан* — ‘поезд, вагон’. У архангельских поморов *майдан* — это ‘ящик для рыбы, вид рюкзака’ [<https://ru.wikipedia.org/wiki...>] (ср. с воровским *майдан* — ‘чемодан, сумка, пожитки’).

Следует отметить, что большинство арготических вариантов слов/значений *майдан* отличает некоторая неясность содержания, диффузность, неустойчивость семантики и употребления, ср.: *майдан* — ‘вокзал — перрон — вагон — поезд (товарный, пассажирский...)' или *майдан* — ‘чемодан — саквояж — сумка — рюкзак — ящик’ и т. п. Д. С. Лихачев расценивал эти и многие другие подобные вариативные воровские арготизмы как «недоношенные продукты постоянно бьющей струи языковой импровизации» [Лихачев 1933: 76].

5. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ, ИЛИ СОВРЕМЕННОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВА

Данные поисковых систем Интернета и материалы СМИ показывают, что традиционно-исторические и арготические варианты употребления лексемы *майдан* значительно уступают по частотности и активности использованию этого слова в современной языковой действительности.

Периферийный речевой статус основного значения слова *майдан*, зафиксированного в толковых словарях конца XX в. — «В южных областях России, на Украине: площадь, где происходят сходки, собрания, митинги, а также в торговые дни — базары...» [МАС, т. 2, 1982; Ожегов, Шведова 1992; БТС 1998], — за последнее десятилетие стал актуальным. Под влиянием социально-политических событий начала XXI столетия семантическая структура слова существенно изменилась.

Источники и причины изменения общеизвестны: в постсоветское время, когда Украина стала самостоятельным государством, *Октябрьская площадь* в центре столицы государства — Киева получила в память об этом событии название *Майдан Незалежності* — ‘площадь Независимости’. Из двух возможных синонимов украинского языка (см. [Новый русско-украинский словарь 2004: 334; Бурячок 2000: 247]) было использовано именно слово *майдан*, а не нейтральное *плóща* (др.-русс. *площадь*... Из *ploskedь: *плóский*... [Фасмер, т. 3: 287]), широко распространенное не только в русской, но и в украинской городской топонимике (см.: в Киеве — *Спортивна площа*, *Театральна площа*, во Львове — *Митна площа*, *Соборна площа* и т. п.). Выбор был продиктован, очевидно, традиционным колоритом номинации *майдан*, ее исторической многозначностью (‘место’, ‘сход’, ‘люди’), романтической окрашенностью, а также, возможно, еще и аллюзиями, восходящими к военно-демократическим традициям запорожского казачества в истории Украины (см.: [Яковенко 2015: 146], об этом же: [Бабченко 2013], подробно: [Яворницкий: 1990]) — *майдан* как место казачьих сходок, как способ коллективного принятия решений, как своеобразное «законодательное собрание» казаков, «украинское вече».

Так в современном Киеве появился составной урбаноним *Майдан Незалежності*, в семантической структуре которого получили отражение, с одной стороны, фоновые исторические связи нового названия, а с другой — современные представления о демократии и независимости, ср.:

...По заходе солнца выпалили из трех пушек, на рассвете другого дня выпалили в другой раз; на этот призыв казаки стали высыпать из разных углов, и когда ударили в котлы для призыва на раду, то сечевой майдан (площадь) оказался мал, вышли из крепости на просторное место, где и объявили войску, что начинается война против поляков и что хан будет за казаков, благодаря старанию Хмельницкого...; тогда все войско закричало, чтоб Хмельницкий был гетманом, и Богдан принял опасную роль Павлюги и Остранина (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. 10. (1860)).

Историко-культурный статус неологизма-урбанонима *Майдан Незалежності* вполне мог ограничиться культурным пространством Украины и национальным украинским языком, однако дальнейшие социально-политические события существенно повлияли на общественную роль нового названия и на языковую судьбу номинации *Майдан*. *Майдан Незалежності* довольно скоро оправдал свое название — стал популярным местом современных «сходок»: митингов, забастовок, пикетов, массовых протестов, политических

столкновений и многодневных круглосуточных стояний множества людей:

Самую центральную улицу — Крещатик, а с ним и Майдан Незалежности, полностью перекрыла милиция, не пропуская как сторонников Тягнибока, так и членов Компартии (Новый регион 2, 2010.10.14).

Составная номинация быстро приобретала популярность и в расхожем употреблении, а также в текстах СМИ, сократилась до одного слова — разговорного варианта нового урбанонима: *Майдан Незалежности* → *Майдан*:

Авторы статьи прямо призывали читателей не появляться на Крещатике, Майдане, Михайловской площади 7 ноября (РИА Новости, 2006.11.07); *На самом деле то, что происходило на Майдане, имеет большую проблему для Украины в плане социальной психологии* (Новый регион 2, 2004.12.22); *Тех, что стояли на Майдане, конечно, скоро обманут* (Комсомольская правда, 2004.12.14); *Однако представители мэрии вывели на Майдан технику, чтобы она вывезла конструкции сцены* (Новый регион 2, 2008.07.22); *Вот мы же с Ксюшей тоже ездили на Майдан и кричали там: „Ю-цен-ко!“* (Русский репортер, № 1—2, 22—29 января 2009).

Но на этом процесс семантического преобразования слова не остановился и стал в некотором отношении повторять путь развития традиционных переносных значений: *Майдан* как 'место (площадь в Киеве)' → *Майдан* как 'сходка (массовая протестная акция)', → *Майдан* как 'люди (участники протестных акций)'.

При этом вторичное функциональное значение слова ('сходка — массовая протестная акция') первоначально использовалось как локально ориентированное — акция в городе Киеве, в конкретном его месте, на центральной площади:

Многие аналитики считают, что Майдан случился потому, что в Киеве за годы независимости было сильно влияние Галиции (Новый регион 2, 2006.09.15); *Мол, напряжение в стране растет как на дрожжах, того и гляди, соберется новый майдан, а единственный законный на сей момент руководитель страны намерен ее покинуть...* (Комсомольская правда, 2006.06.29); *Вторая причина — власть, напуганная киевским революционным Майданом, санкционировала создание массовых молодежных движений* (РБК Daily, 2007.05.08); *„Теперь Майданы на Украине будут постоянными. Власть на Украине одна, а протесты будут многочисленными. И то, что первый Майдан разогнали, приведет к новым всплескам протестов. Предприниматели будут митинговать, даже если в отставку отправят премьера Азарова, вице-премьера Тигипко...“* — считает политолог (Новый регион 2, 2010.12.06) (события 2013—2014 гг. породили и производное новообразование *Евромайдан* как отражение в названии конкретного политического события и определенной цели: требование к украинскому правительству подписать соглашение об ассоциации между Украиной и Евросоюзом).

То же, очевидно, можно сказать и о втором метонимическом значении: переносе с локального ('место — площадь в Киеве') и функционального ('сходка — массовая протестная акция') значе-

ний на смежное — 'люди, участники протестного движения в Киеве':

Но главное преимущество — на его стороне была революция, был удивительный полумиллионный Майдан с оранжевыми шарфиками (РБК Daily, 2004.12.24); *Переломным моментом, по ее словам, оказалась ситуация во время инаугурации Виктора Ющенко, когда майдан скандировал не только имя нового президента страны, но и имя его очаровательной соратницы* (Труд-7, 2005.09.13); *Народ по всей Украине ужасно разочарован в лидерах Майдана* («Русский репортер», № 1—2, 22—29 января 2009).

Однако довольно скоро понятие и номинация вышли за пределы конкретной (украинской, киевской) локализации, значение слова расширилось и стало означать 'массовую протестную акцию, выступление' вообще, т. е. без прямой связи с киевскими событиями, но, несомненно, с внутренним их сравнением, уподоблением — «как в Киеве», ср.:

Черниговский майдан по доброй традиции предыдущих дней 5 декабря собрался вечером в сквере Попудренко (<https://ru.wiktionary.org/wiki/майдан>); *Украинские беженцы устроили „майдан“ в мордовской деревне...* (www.rg.ru/2014/12/19/reg-pfo/atyma.htm); *Вместе с тем, представители оппозиции заявляют, что Майдана в Белоруссии не будет* (Новый регион 2, 2006.03.17); *В Екатеринбургe откроется „зеленый майдан“ ...В грядущий четверг в Екатеринбургe и Березовском опять пройдут акции протеста против размещения на берегу уникального уральского озера Шарташ нового экологически опасного производства* (Новый регион 2, 2005.08.04); *На „челябинском Майдане“, организованном по аналогии с киевским в центре города, раздавались листовки с критикой в адрес Екатеринбургa* (Новый регион 2, 2005.09.06); *Стал ли „киргизский Майдан“ решающим фактором в принятии новой конституции?* (РИА «Новости», 2006.11.13).

Преобразование имени собственного в нарицательное потребовало когнитивной определенности, и журналисты, политики и политологи стали дополнять новое значение 'массовая протестная акция' разными уточняющими характеристиками, комментариями, элементами дефиниции нового политического понятия:

Майдан — это сообщество свободных людей, не признающих над собой никакой власти, кроме той, которую они готовы признать над собой сами. „Нет власти еще от Майдана“ [Бабченко 2013]; *Очень важно подчеркнуть, что эти взятия носят принципиально отличный характер от Майдана. Потому что Майдан был случаем самоорганизации...* (Радио «Эхо Москвы», 1 августа 2015, 19:07); *Евромайдан, получивший недавно официальное наименование „революции достоинства“, 2013—2014 годов представлял собой исходно и принципиально ненасильственную кампанию давления гражданского общества на власть* [Яковенко 2013: 155].

Можно, таким образом, зафиксировать бесспорный факт: слово *майдан*, или, точнее, его новое содержание, стало актуальным русским заимствованием, новой номинационной реальностью русского языкового пространства.

Как и большинство других лексических и семантических новаций, семантический неологизм *майдан* с его метафорическим и метонимическим речевым наполнением отличается заметной разговорной маркированностью и поэтому нередко дополняется, окрашивается оценочными коннотациями, в одних случаях позитивными — «...и это хорошо», в других негативными — «...и это плохо» (прием выявления экспрессивной оценочности по Н. А. Лукьяновой [Лукьянова 1986: 51—52]). Однако проявление модусных субъективно-оценочных коннотаций, положительных или отрицательных, зависит почти исключительно от контекста употребления слова (в когнитивном плане — от мировоззрения субъекта речи, от политической ситуации и конъюнктуры) и не влияет на общую семантическую структуру слова.

Этими же внешними, когнитивными обстоятельствами можно объяснить и образование своеобразного политического антонима к слову *майдан*: *Антимайдан* — «ангажированная организация политического противодействия *майдану* как протестному движению и его сторонникам», см.:

Движение „Антимайдан“ создано с целью противостоять „пятой колонне“ и экспортируемым Западом в Россию технологиям „цветных революций“ (<http://perebezhchik.ru/parties/antimajdan/>); *Это произошло после того, как Антимайдан отправил обращение к губернатору Санкт-Петербурга* (politnavigator.net/tag/antimajdan/); *Если антимайдан призван продемонстрировать поддержку власти с целью блокировки разрушительного потенциала майдана, то он должен координировать свои действия с властью* (<http://rusdozor.ru/2015/02/26/kuda-devat-antimajdan/>).

В чем же феномен рассматриваемого семантического неологизма в русской и, очевидно, шире, — восточнославянской языковой действительности? Чем отличается это новообразование от уже имеющихся в языке подобных названий ненасильственных протестных акций, таких, например, как *митинг*, *пикет*, *демонстрация*?

В отличие от семантически близкого *митинг* («массовое собрание для обсуждения политических, злободневных вопросов» [Ожегов, Шведова 1992: 367]), существительное *майдан* отчетливо сохраняет в своей содержательной структуре исходную фреймовую ориентацию: «место, пространство». В отличие от родственного *пикет* («группа бастующих... лица, стоящие где-н. в знак демонстрации общественного протеста» [Ожегов, Шведова 1992: 532]), *майдан* — это акция многочисленная, массовая. В отличие от *демонстрация* («массовое шествие...» [Ожегов, Шведова 1992: 161]), *майдан* — акция принципиально статичная: пребывание протестующих в определенном месте. При этом внутренняя событийность номинации («протестная акция», «требование»), связь с определенным местом, пространством, на котором происходит действие, событие, а также представление о множестве участников события дополняются в семеме *майдан* еще и временным семантическим компонентом: неограниченная

продолжительность акции, длительное «стояние», пребывание множества людей в определенном месте, что в когнитивном плане и оказывается особой формой и способом ненасильственного выражения протеста, предъявления ультимативных требований к властям. Ни одно из известных названий форм социально-политического протеста (*митинг*, *пикет*, *демонстрация*, *забастовка*, *локаут* и т. п.) не имеет рассматриваемого набора содержательных семантических компонентов. Конкретный набор составляющих — «место», «множество людей», «стояние», «длительность», «ультиматум» — формирует новое значение традиционного слова, когнитивное содержание, которое можно сформулировать следующим образом: *майдан* — это форма массового политического протеста в виде длительного стояния, пребывания его участников в определенном месте, обычно на городской площади, с выдвиганием ультимативных социальных и/или политических требований его участников к власти.

Новообразование *майдан* — несомненный феномен языка и культуры, семантический неологизм нового времени, сложная комплексная семема, в структуре которой причудливым образом переплетаются результаты метафорического и метонимического преобразования слова-источника, соединяются восточнославянская история и реалии современной социокультурной, политической и языковой действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабченко А. Территория воли // Сноб. 15.12.2013.
2. Большой толковый словарь русского языка = БТС / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб., 1998.
3. Бурячок А. А. Универсальный русско-украинский словарь. — Київ, 2000.
4. Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского аргю. — М., 2003.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М., 1978—1980.
6. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. 2-е изд., испр. — М., 2005.
7. Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи. — 1933.
8. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). — Новосибирск, 1986.
9. Мокенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. — СПб., 2000.
10. Новый русско-украинский словарь. — Киев, 2004.
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1992.
12. Словарь русского языка : в 4 т. = МАС / гл. ред. А. П. Евгеньев. — М., 1981—1984.
13. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : 1935—1940. — (2-е изд., 1947—1948).
14. Турецко-русский словарь / АН СССР, Ин-т востоковедения. — М, 1977.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / под ред. О. Н. Трубачева. — М., 1964—1973.
16. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. — СПб., 2004.
17. Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. — М., 1977.
18. Яворницкий Д. И. История запорожских казаков : в 3 т. — М. ; Киев, 1990.
19. Яковенко И. Насилие и ненасилие в истории украинского народа // Нева. 2015. № 4. С. 146—157.

V. V. Khimik
Saint Petersburg, Russia

MAIDAN AS A PHENOMENON OF RUSSIAN AND EAST SLAVIC LINGUISTIC REALITY

ABSTRACT. *The article deals with the processes connected with the development of semantics of the word maidan (spelt both with a capital and small letter), which became popular in the last decade mass media in Russian and Ukraine. The author gives the definitions of the meaning of the word in the dictionaries of two last centuries, describes the peculiarities of its origin – Persian, Arabic and Turkish roots, and demonstrates three basic projections of its functioning in the East Slavic linguistic reality: traditional-historic, argotic and socio-political. The broad variability of the meaning of the lexeme under study, right up to its toponymic function, is somehow or rather caused by the basic frame orientation: “place, space”. The direct locative meaning “square, open space” is transformed into transferred and functional meanings – special use of space (metonymy), and undergoes rethinking on the basis of similarity of place and function (functional transfer of meaning): maidan is trading, bazaar, marketplace. Another metonymic transfer reflects one more function of the meaning “place, space” – maidan as a social action or event, organized at a certain place: “gathering, meeting, and collective discussion”. Alongside with this metonymic semantics, one more transfer of meaning takes place due to adjacency: maidan means people who gather at a certain place, participants of a gathering. In the modern linguistic reality “maidan” is a semantic neologism of the new time, it is a complex sememe, in the structure of which, the results of metaphorical and metonymical transformations of the original locative meaning are interwoven and East Slavic history is combined with realia of the modern socio-cultural, political and linguistic reality.*

KEYWORDS: nomination; interpretation; origin; frame; place/space; metonymy; function; neologism; socio-cultural phenomenon.

ABOUT THE AUTHOR: Khimik Vasilii Vasil'evich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian for Humanities and Natural Sciences Faculties, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

REFERENCES

1. Babchenko A. Territoriya voli // Snob. 15.12.2013.
2. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb., 1998.
3. Buryachok A. A. Universal'nyy russko-ukrainskiy slovar'. — Kiyv, 2000.
4. Grachev M. A. Slovar' tysyacheletnego russkogo argo. — M., 2003.
5. Dal' V. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka : v 4 t. — M., 1978—1980.
6. Efremova T. F. Tolkovyy slovar' slovoobrazovatel'nykh edinits russkogo yazyka. 2-e izd., ispr. — M., 2005
7. Likhachev D. S. Cherty pervobytnogo primitivizma vorovskoy rechi. — 1933.
8. Luk'yanova N. A. Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya (problemy se-mantiki). — Novosibirsk, 1986.
9. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoy slovar' russkogo zhargona. — SPb., 2000.
10. Novyy russko-ukrainskiy slovar'. — Kiev, 2004.
11. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. — M., 1992.
12. Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / gl. red. A. P. Evgen'eva. — M., 1981—1984.
13. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / pod red. D. N. Ushakova. — M. : 1935—1940. — (2-e izd., 1947—1948).
14. Turetsko-russkiy slovar' / AN SSSR, In-t vostokovedeniya. — M., 1977.
15. Fasmer M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / pod red. O. N. Trubacheva. — M., 1964—1973.
16. Khimik V. V. Bol'shoy slovar' russkoy razgovornoy ekspressivnoy rechi. — SPb., 2004.
17. Chastotnyy slovar' russkogo yazyka / pod red. L. N. Zasharinoy. — M., 1977.
18. Yavornitskiy D. I. Istoriya zaporozhskikh kazakov : v 3 t. — M. ; Kiev, 1990.
19. Yakovenko I. Nasilie i nenasilie v istorii ukrainskogo naroda // Neva. 2015. № 4. S. 146—157.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Е. В. Шустрова
Екатеринбург, Россия

ОРИЕНТАЦИОННЫЕ МЕТАФОРЫ В АМЕРИКАНСКОЙ КАРИКАТУРЕ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ

АННОТАЦИЯ. В статье представлен анализ ориентационных метафор, представляющих две базовые оппозиции: «верх — низ» и «вперед — назад». Материалом служат карикатуры, появившаяся в печатных изданиях США незадолго до начала Великой депрессии и в период, пока она продолжалась. Методы исследования включали сопоставление и описание графического материала с учетом лингвистических и дискурсивных данных.

В результате работы с архивными данными нами были описаны основные переносные значения и культурно обусловленные смыслы, участвующие в создании образов американской карикатуры этого периода.

В данном обзоре представлены карикатуры, вводящие образы самоубийцы, готового выпрыгнуть из окна, кривой показателей на диаграмме, биржевого аппарата, летательных устройств, дороги и транспортных средств. Начало Великой депрессии и период президентства Г. Губера связаны с образами парашютистов и воздушных шаров, терпящих крушение или снижающихся над руинами городской и сельской местности. Политика Ф. Д. Рузвельта была устойчиво связана с уверенно летящим аэропланом.

В качестве области переноса значения выступали образы рядовых граждан США; биржевых игроков, ставящих на повышение или понижение акций; двух президентов и их администраций; государственных проектов; американской экономики. В заключение проводится краткое сопоставление с изображением экономического кризиса 2008 г. Так, образы авиакатастрофы или аварии на дороге оформляли и карикатуру недавнего кризиса, но уступали по частотности образам неумелого строительства или демонтажа зданий.

Результаты работы вносят вклад в разработку проблем политической метафорологии. Отдельные итоги будут полезны ученым, занимающимся проблемами лингвокультурологического характера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: графическая метафора; политический дискурс; политическая карикатура; ориентационная метафора; Великая депрессия; Г. Губер; Ф. Д. Рузвельт; Б. Обама.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, методики и переводоведения, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: shustrovaev@mail.ru.

В этой статье мы опишем метафорические элементы карикатур Великой депрессии, связанные с оппозициями «верх — низ» и «вперед — назад». Ориентационные метафоры взлета и падения сопровождали карикатуру первых трех лет Великой депрессии. Помимо образа самоубийцы, готового выпрыгнуть из окна, ориентационная метафора часто была связана с кривой показателей на диаграмме (что также типично для 2008 г.) и с летательными устройствами тех лет. Рис. 1 свидетельствует, что все пойдет просто прекрасно. Уверенный в себе бык в цилиндре символизирует финансовую аристократию и брокера, играющего на повышение. Рисунок появился в «The Washington Post», издании, поддерживающем крупный бизнес, 4 января 1929 г. Аэроплан быка выполняет сложный и, видимо, успешный трюк совместного полета с другим аэропланом, под названием «Уолл-стрит», который летит на крыльях высоких цен на акции. Два судна соединены при помощи ленты биржевого аппарата, ставшей своеобразным символом этого времени (она тоже часто появляется на карикатуре вместе с тикером). На этой ленте, как на телеграфной ленте, аппарат печатал индексы акций. За штурвалом второго аэроплана, служащего для дозаправки основного самолета, сам тикер — биржевой аппарат, передающий котировки ценных бумаг. Появление карикатуры спровоцировал случившийся двумя днями ранее подъем индекса Доу — Джонса до показателя 307,01. Чтобы понять, насколько это важно, нужно сказать о самом индексе и предыдущих показателях. Индекс Доу — Джонса восходит к названию рейтингового агентства, основанного в 1884 г американскими экономистами Чарльзом Доу и Эдвардом Джон-

сом. Изначально индекс высчитывался по спросу на акции 11 корпораций, преимущественно железнодорожных компаний. В 1928 г., после снижения индекса до показателя 100, что само уже было грозным предзнаменованием, его начали рассчитывать на основе спроса на акции уже 30 компаний, включая транспортные и коммунальные службы. Для сравнения: самый низкий показатель индекса Доу — Джонса был зарегистрирован 2 июля 1932 г., когда акции упали до отметки 41. Самый высокий показатель — 381,17 — был 3 сентября 1929 г. 2 января 1929 г показатель 307,01 свидетельствовал о новых рекордах «быка». Знак вопроса, в который складывается лента тикера, на тот момент не указывал на негативную прагматическую семантику. Он как раз служил символом успеха, новых достижений. Сама карикатура называлась «Новый рекорд беспосадочного перелета». Она появилась в тот день, когда американские военные летчики пролетели над Лос-Анджелесом, выстроившись в знак вопроса. Тогда был поставлен новый рекорд на дальность беспосадочного перелета с дозаправкой в воздухе. Карикатура прославляла два события — рекорд авиаторов и рекорд брокеров. По иронии судьбы, карикатурист, сам того не зная, выразил сомнения в успешности таких операций на бирже, фактически невольно предсказав крах. На рис. 2 бык уже «долетался». Карикатура появилась в «Atlanta Constitution» 31 октября 1929 г. Судя по рисунку, рухнул бык с катастрофическими последствиями, но, даже будучи насмерть перепуган (взгляните на его огромные глаза), он не сдается и спрашивает у маленьких ошарашенных простых людей, где ему заправиться. Опираясь на предыдущий рисунок, можно с уверенностью

Материалы подготовлены в рамках государственного задания МинОиН № 2014/392 (проект № 1900 «Политическая лингвистика: метафоричность, прецедентность и креолистичность»).

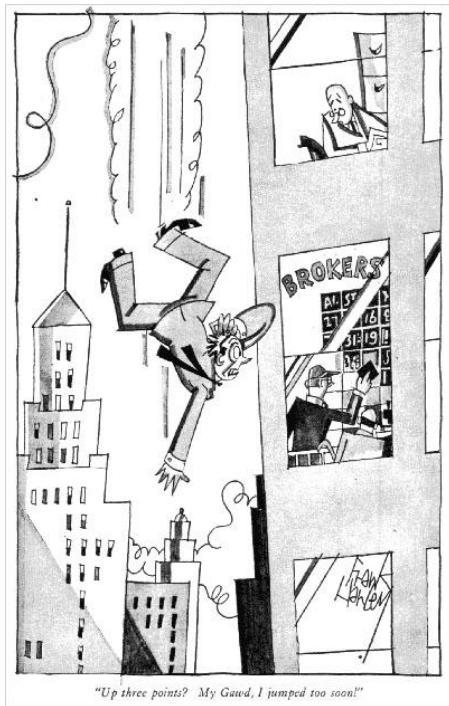

Рис. 5

Рис. 6

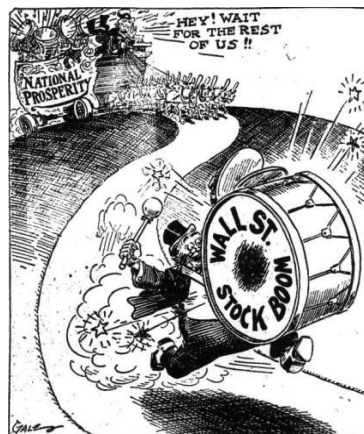

Рис. 7

Образ дороги и транспортных средств тоже типичен для американской культуры в целом. Он входит в модель «Жизнь — это путь» и оформляется «вперед — назад». В период кризиса 1930-х дорога в карикатуре стала ухабистой и тряской, поезда перестали ходить, но вот образа крушения поезда зафиксировано не было (в отличие от массово сошедших с рельсов поездов американской экономики карикатуры 2008 г.). Рис. 7 появился в «Los Angeles Times» 24 ноября 1928 г. под названием «Getting Ahead of the Band Wagon!» — «Обгоняя оркестр!». Впереди по совершенно ровной дороге несется брокер-барабанщик. На инструменте надпись «Бум на бирже Уолл-стрит». Лексема *boom*, вместе со значением «подъем, бум», имитирует звук барабана. Позади в повозке «Национальное благосостояние» во всю прыть несется остальная американский «оркестр» с криками: «Подожди нас!», но до барабанщика им явно не докричатся. В карикатуре обыграны следующие устойчивые единицы: *beat the drum of*; *beat (or bang) the drum of (or*

for) — «яро поддерживать что-либо или кого-либо»; интересно, что словарь в качестве частотного иллюстративного примера дает экономический контекст *he bangs the drum of the free market* — «он ярый сторонник свободной торговли». Это значит, что такое сочетание даже в бытовом контексте будет подспудно соотнесено с экономической ситуацией. Вторая единица, *jump (or climb) on the bandwagon* — «присоединиться к другим, начать заниматься чем-то, что модно или предположительно принесет успех». Само существительное *bandwagon*, помимо первого значения — «повозка для оркестра на параде или в иной процессии», обладает и производным «вид деятельности или дело, которые внезапно обрели популярность, стали ультрамодными». Предупреждения карикатура в те дни эйфории не несла никакого. Она просто иллюстрировала желание всей остальной Америки получить баснословные прибыли. То, что дорога идет под уклон, продиктовано просто пропорциями рисунка, правильным расположением объектов с точки зрения художни-

ка. Очередная ирония судьбы и ненамеренное предсказание.

Рис. 8 критикует действия правительства Ф. Д. Рузвельта (хотя самого президента на карикатуре нет!). В повозку демократов запряжен уже успевший покрыться пеной осел, которого нахлестывает глава так называемого мозгового треста Ф. Д. Рузвельта Рэксфорд Тагуэлл. На щеке осла пластырь. В повозке опьяненные властью другие члены «мозгового треста» и Г. Уоллес, занимавший на тот момент пост министра сельского хозяйства, а в 1941 г. ставший вице-президентом. Термин «мозговой трест» появился благодаря журналистам Нью-Йорка, описавшим так советников Ф. Д. Рузвельта. Эта группа появилась в 1932 г. во время президентской кампании. В нее вошли профессор и ученые Колумбийского университета Раймонд Моули, Адольф Берль, Самуэль Розенман, Бейзил О'Коннор и Рэксфорд Тагуэлл. В их задачу входило разработать программу «нового курса» для преодоления Великой депрессии. Одной из мер стало создание и финансирование государственных программ в разных секторах экономики. Второй мерой стал призыв к американскому обществу тратить деньги, помогая восстановить оборот. Одной из причин падения рынка стало массовое нежелание приобретать новые товары при том, что производство только увеличивалось. Призыв «Тратьте! Тратьте! Тратьте!» слышался в 1933 г. отовсюду, его выкрикивали торговцы на улицах, он смотрел со страниц газет и рекламных объявлений, звучал по радио. Специалисты по рекламе Великой депрессии [см., напр.: Marchand 1997: 285—335] отмечают, что создатели рекламы в этот период изображали американцев не как людей, просто не имеющих денег для трат, а как нацию, крепко сжавшую свой кулак, полный долларов, нацию крайне бережливых и экономных людей, которым все же стоит потратить свои накопления ради своего же блага. В рекламе периода бума часто считалось неприличным указывать цену, уж тем более сниженную, перечеркнутую, радио вообще не смело говорить о ценах, рекламируя товар, потому что его роль сводилась к роли «гостя в доме». «Новый курс» Ф. Д. Рузвельта способствовал радикальному изменению рекламной политики. Именно это высмеивает карикатурист консервативного издания «Chicago Tribune». Помимо иронии, такая политика трат вызвала серьезные опасения, что США встали на путь, ведущий к коммунизму. Этим продиктовано появление на рисунке двух русских персонажей. На первом плане — русский персонаж (по уверениям издательства), образ которого явно навеян Л. Троцким в восприятии американца, тогда уже, кстати, покинувшим Страну Советов. Этот персонаж пишет план для Америки, приговаривая, что такие меры уже сработали в России. План называется «Тратьте! Тратьте! Тратьте!» и включает арест правительства, перекладывание всей вины на капиталистов, упразднение конституции и введе-

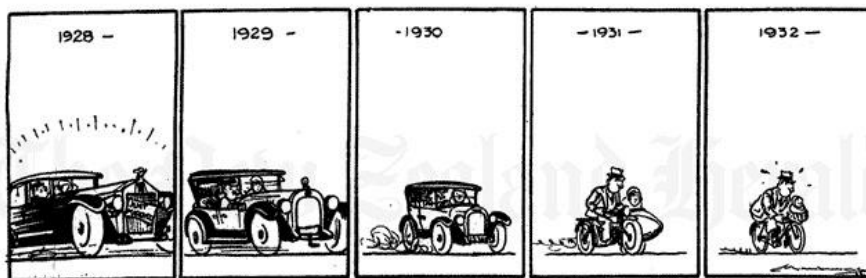
ние диктатуры. Ф. Д. Рузвельта действительно нередко упрекали в «неконституционных» поведении и политике. Его беспрецедентно долгое пребывание на посту тоже сравнивалось с неограниченной властью. Но на момент создания рисунка, в 1934 г., Ф. Д. Рузвельт еще только пришел к власти, хотя в его программе уже были намечены те положения, которые критикует карикатурист. На заднем плане — Кремль и И. В. Сталин в буденовке, который задумчиво изрекает: «Какой красный восход!» Подразумевается, что Ф. Д. Рузвельт разбазаривает казну, чтобы привести США к коммунизму. Карикатура называется «Planned Economy or Planned Destruction?» — «Плановая экономика или плановое разрушение?»; это предполагает выбор для США по принципу «Направо пойдешь — коня потеряешь, налево пойдешь — сам сгинешь».

Безусловно, автомобиль — это часть «американской мечты» и успеха, особенно в 1920-е. Трансформации этого объекта желаний показаны на рис. 9: «Краткая история Депрессии» — от большой роскошной машины 1928 г. к маленькому велосипеду в 1932 г. как результату президентской политики К. Кулиджа и Г. Гувера. Начало этих изменений с использованием образа железной дороги показано на рис. 10. Карикатура «This Way Out!» — «Выход здесь!», появившаяся 31 декабря 1929 г. в «Los Angeles Times», наивно изображает близкие перемены к лучшему. Поводом для этого стали новые торги на бирже, закончившиеся индексом 241,06. Старина 1929 год покидает вокзал, не имея ничего кроме бочки, что должно напомнить о Диогене Синопском и отказе от земных благ, а также является стереотипным изображением бедности. На перроне стоит щеголеватый, уверенный в себе, улыбающийся малыш 1930 год. Рядом с ним — здание вокзала, похожее на земной шар, с надписью *vacancy*. Художник явно имел в виду позитивные смыслы «рабочие места», «каникулы» (ребенок вернулся с каникул), «отдых», «беспечность». На деле все обернулось зияющей пустотой, отсутствием необходимого, бездеятельностью, глупостью — вторым блоком переносных значений с противоположной прагматикой, совершенно не приходившим на ум Эдмонду Гейлу, создавшему этот образ.

Последствия медлительности президента Г. Гувера показаны на рис. 11 «An Unfortunate Wait» — «Печальное ожидание», опубликованном 24 января 1933 г. в «Plainfield New Jersey News». На маленькой разбитой, явно провинциальной станции в ожидании экспресса «Рузвельт» в тоске дремлют Налогообложение, Изменения Кабинета, Пересмотр банковский политики. На чемоданах у них значится «Сбалансированный бюджет», «Доверие бизнеса», «Экономическая стабильность». Станция называется *Lameduckville*. В этом названии обыгрываются единицы *lame duck* и *Hooverville*.

Рис. 8

A SHORT HISTORY OF THE DEPRESSION

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

THE WAY TO PROSPERITY.

Рис. 12

Рис.13

Что касается хромой (или подбитой) утки, то в современном английском у этого фразеологизма фиксируются следующие значения: 1) неудачник; «несчастенький», калека; 2) банкрот; разорившийся маклер; 3) неперезбранный член (Конгресса, совета); государственный деятель или крупный чиновник, чье влияние сведено к нулю в связи с предстоящим уходом с занимаемого поста в результате поражения на выборах или отставки; 4) поврежденный самолет.

На этой основе созданы следующие устойчивые словосочетания: *lame duck president* — президент, заканчивающий свое пребывание на этом посту; *«lame duck» year* — последний год чьего-л. президентства; *Lame Duck Amendment* — «поправка о подбитой утке», т. е. двадцатая поправка к Конституции США, ратифицированная в январе 1933 г. Согласно этой поправке, принятой из-за отчаянного положения дел и утраты Г. Гувером всякого доверия, срок истечения президентских полномочий и инаугурация нового хозяина Белого дома приходятся на полдень 20 января года, следующего за годом выборов. Дата начала сессий конгресса США нового созыва приходится на полдень 3 января. Это позволяет сократить переходный период передачи власти. До принятия этой поправки переходный этап заканчивался в марте, что отражено в объявлении на стене станции: «Экспресс „Рузвельт“ придет где-то после 4 марта 1933 г.». Судя по всему, карикатурист еще не осознал значимость события, произошедшего на четыре дня раньше, или просто не верит в него. Вторая надпись — «Поезд Гувера до станции Процветание стоит на запасном пути». Второй перевод для *side track* — «обгонный путь»; он менее частотен, но лучше передает по-русски смысл закончившейся президентской гонки, когда Ф. Д. Рузвельт обогнал Г. Гувера.

Hooverville — «Гувервилль», «поселок Гувера» — представлял собой жалкое подобие жилья, поселков, где безработные, отчаявшиеся люди собирали свои новые «дома» из картонных коробок, металлолома, всякого хлама, чтобы только иметь крышу над головой. Название образовано от фамилии президента США Г. Гувера [Herbert Clark Hoover]. *Lameduckville* можно истолковать двояко. С одной стороны, это отсылка к самому Г. Гуверу, ставшему «хромой уткой», утратившему всякий политический вес и доверие граждан, с другой — трущобы, где живут бывшие брокеры, банкроты в лице вышеназванных пассажиров.

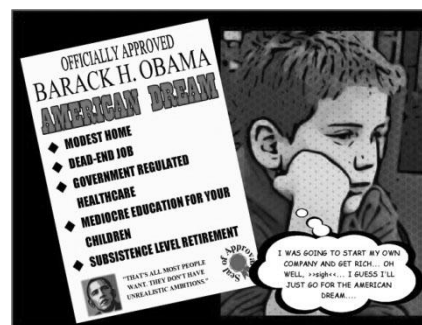

Рис.14

Следующий рисунок изображает типичного американца среднего класса времен Великой депрессии. Сюртук сел от влаги и весь измят, брюки вытянулись на коленях, образовав несправимые «пузыри», шляпа тоже потеряла былую респектабельность. Но человек этого не замечает, он по-прежнему старается казаться опрятным: обратил внимание на аккуратное бритье, поправленный воротничок, выправленные из рукавов манжеты, видимую часть галстука. Он смотрит на полностью вводящий в заблуждение указатель, который призван показать путь к процветанию, а на деле отражает противоречивые советы экспертов: «будьте благоразумны», «рискуйте», «тратьте», «откладывайте», «нанимайте», «увольняйте», «вокруг да около», «совсем недалеко». «Процветание» было ключевым слогоном Г. Гувера. Рисунок появился 30 октября 1931 г. Это самый разгар кризиса. Интересно, что издательства того времени не только преследовали личные политические цели. В одну из задач журналистов, в том числе и художников, входило успокоить граждан, вселить уверенность, и самое главное — избавиться от чувства вины. Нам кажется, что это ключевое отличие, если сопоставить карикатуру Великой депрессии с графикой недавнего экономического кризиса. Не случайно и частое обращение к семейным сюжетам. Историки свидетельствуют, что многие американцы испытывали депрессию не только от потери денег [Brinkley 1997; Nash, Shelton 1987]. Очень многих тяготило чувство, что они не справились со своей родительской ролью, не обеспечили своим детям шанс на успех, не говоря о завтраке, — так называемый *the failed father syndrome of the Depression*. На предложенном рисунке изображен именно такой отец семейства, который, по мнению художника, ни в чем не виноват. Он просто запутался, его обманули. Сейчас надо просто взять себя в руки, все наладится, надо просто верить в себя. *Confidence* — вера, в первую очередь в себя — вот ключевое слово американской графики и риторики 1930-х. Обратим внимание на еще одну типичную деталь — **отчаянно** сжатая в кулак мужская рука. Это тоже своеобразный символ самой разной графической продукции Америки времен Великой депрессии. Здесь мужчина крепко сжимает лацканы своего сюртука, как будто говоря: «Ты должен! Все получится! Соберись!»

В качестве заключения проведем небольшое сопоставление отдельных элементов карикатурного отображения Великой депрессии и экономи-

ческого спада, начавшегося в 2008 г. Крушение самолета, но чаще поезда или автомобиля, оформляло и карикатуру недавнего кризиса, хотя в связи с политикой Б. Обамы нам попадалось больше карикатур с разрухой на строительной площадке, неумелым строительством, бульдозерами, экскаваторами. Еще одной примет времени были изображения измученного Б. Обамы в виде пожарного или пожары в американской экономике, образ сантехника или ассенизатора. Материал, посвященный Великой депрессии, изображений пожара не содержал вообще, а бульдозер встретился только один раз как символ успеха «нового курса» Ф. Д. Рузвельта, очищающего путь Америки от нагромождений земли и валунов. Название изображения — «Clear the Way!» («Дай дорогу!», «Освободи путь!») — явно свидетельствовало о поддержке президента. Никаких сантехников и пожарных. А вот изображения различных летательных аппаратов явно доминировали в период незадолго до Великой депрессии и непосредственно в тяжелые дни. Скорее всего, это продиктовано тем, что воздухоплавание и авиация в те годы воспринимались как символ небывалого прогресса, новых рекордов, небывалой скорости. Эти области неизменно вызывали восхищение, летчики становились национальными героями, об их мужестве складывались легенды, им старались подражать. Сейчас отношение гораздо более спокойное, мы привыкли к полетам, сформировались новые символы успеха. Намеренных указаний на движение вниз тоже в последние годы гораздо больше, несмотря на гораздо более благоприятную экономическую ситуацию. Сближают два периода многочисленные изображения кривых на диаграммах с падающим курсом. Но если в карикатуре Великой депрессии отношение к этой кривой могло сопровождаться призывами типа «Never Say Die» — не падайте духом, не отчаивайтесь, и из этого можно сделать прибыль (например, есть рисунок, где кривая превратилась в американские горки и пользуется бешеным спросом), то современная графика на все смотрит с ужасом. Снизилась роль семьи, хотя дети как воплощение будущего присутствуют. На рис. 13 изображена мисс Америка в роли Козетты из «Отверженных» В. Гюго. Она сетует, что государственный долг, безработица и налоги растут. Второй персонаж (рис. 14), подросток, печалится, что собственный бизнес ему не открыт, большим человеком не стать. Он согласен на новую американскую мечту по Б. Обаме: скромный дом, работа без перспектив, здравоохранение, регулируемое государством, среднее (в значении посредственное) образование, пенсия, на которую можно только выживать. Но в отличие от карикатуры 1930-х, современный карикатурный американец со скукой или тоской и смиренным (!) в глазах принимает ситуацию, как она есть, не пытается справиться с ней самостоятельно, перекладывая всю ответственность на

других, преимущественно правительство и лично президента.

ЛИТЕРАТУРА

1. ABBYY Lingvo : электр. программа.
2. Brinkley A. The Unfinished Nation. A Concise History of the American People. — N. Y. : Knopf, 1997.
3. Marchand R. Advertising the American Dream: Making Way for Modernity: 1920—1940. — California : Univ. of California Pr., 1997.
4. Nash G. B., Shelton C. J. The Private Side of American History. Reading in Everyday Life: 2 v. — N. Y. : Harcourt Brace Jovanovich Publ., 1987.

ИСТОЧНИКИ

5. Funny caricature: Politic caricature, Obama Caricature, Celebrity caricature : blog. URL: <http://www.allfunnycaricatur.blogspot.com> (date of access: 16.08.2015).
6. Hire an illustrator. URL: <http://www.hireanillustrator.com/> (date of access: 16.08.2015).
7. Humor in America. URL: <http://humorinamerica.wordpress.com/> (date of access: 16.08.2015).
8. Jokes.conservativepapers. URL: <http://www.jokes.conservativepapers.com> (date of access: 16.08.2015).
9. Kaltoons = KAL : the official site of Kevin Kallaugher. URL: <http://www.kaltoons.com> (date of access: 16.08.2015).
10. Los Angeles Times. URL: <http://www.latimes.com> (date of access: 16.08.2015).
11. New York Post. URL: <http://www.nypost.com> (date of access: 16.08.2015).
12. Ohio state University Billy Ireland collection of Cartoons. URL: <http://cartoons.osu.edu/> (date of access: 16.08.2015).
13. Political Irony. URL: <http://www.politicalirony.com> (date of access: 16.08.2015).
14. Political Graffiti : Independent Political cartoons. URL: <http://www.politicalgraffiti.worldpress.com> (date of access: 16.08.2015).
15. Political Irony. URL: <http://www.politicalirony.com> (date of access: 16.08.2015).
16. Shutterstock images. URL: <http://www.shutterstock.com> (date of access: 16.08.2015).
17. The Authentic History Center. URL: <http://www.authentichistory.com> (date of access: 16.08.2015).
18. The Cagle Post Cartoons & Commentary. URL: <http://www.cagle.com/> (date of access: 16.08.2015).
19. The Economist. URL: <http://www.theeconomist.com> (date of access: 16.08.2015).
20. The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/> (date of access: 16.08.2015).
21. The Huffington Post. URL: <http://www.huffingttonpost.com/> (date of access: 16.08.2015).
22. The Library of Congress. URL: <http://www.loc.gov/pictures> (date of access: 16.08.2015).
23. The New York Public Library. URL: <http://digitalgallery.nypl.org> (date of access: 16.08.2015).
24. The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com> (date of access: 16.08.2015).
25. The Onion. URL: <http://www.theonion.com> (date of access: 16.08.2015).
26. The Political Carnival. URL: <http://thepoliticalcarnival.net/> (date of access: 16.08.2015).
27. The Washington Times. URL: <http://p.washingtontimes.com/> (date of access: 16.08.2015).
28. The Week. URL: <http://www.theweek.com> (date of access: 16.08.2015).
29. U.S. News & World Report. URL: <http://www.usnews.com/> (date of access: 16.08.2015).

E. V. Shustrova
Ekaterinburg, Russia

UP VS. DOWN AND FORWARD VS. BACKWARDS OPPOSITIONS IN AMERICAN POLITICAL CARTOON: THE GREAT DEPRESSION PERIOD

ABSTRACT. *The paper investigates graphic (multimodal) metaphors connected with the representation of UP vs. DOWN and FORWARD vs. BACKWARDS oppositions. The data under analysis comprise political cartoons that appeared in American editions just before and during the Great Depression time. The methods of investigation include traditional comparative and descriptive ones alongside with discursive and cognitive approach.*

As a result the author described transferred meanings, pun, decomposition of set-expressions and analyzed images that are deeply rooted in culture. All these form the basis for satire and irony in political cartoons of the given period. The UP vs. DOWN and FORWARD vs. BACKWARDS oppositions of that period are mainly represented in the images of suicidal attempts of desperate bankrupt stockholders ready to throw themselves from the windows of skyscrapers. Other popular images are the wall chart and the ticker, showing the catastrophic results of unwise policies. The highway, the railway and means of transportation constitute one more important trend. The very beginning of the Great Depression and H. Hoover presidency are shown as an air balloon ready to crash or being at a ruinously low altitude with distressed and highly endangered parachute jumpers and skydivers. The landscape also shows evident signs of ruin and distress. F. D. Roosevelt's presidency, on the contrary, is continuously presented as a steadily flying aircraft.

Americans of different social strata, brokers, H. Hoover, F. D. Roosevelt, the Congress, the Administration, state programs, and US economy form the target metaphorical sphere. The causes of the Depression as seen by the American cartoonists of that period are compared with what is happening today in US cartoon as far as economic reduction is concerned. Thus, the image of an air crash or a car crash is part of the modern economic and political US cartoon too. However, the results of poorly organized building process or demolishing of high-rise buildings seem to be more frequent.

The results of the presented research contribute to the investigations of political metaphorology. Some results may also be of interest for scholars whose professional sphere is linked to cross-cultural and linguo-cultural studies.

KEYWORDS: *graphic metaphor; political discourse; political cartoon; UP vs. DOWN and FORWARD vs. BACKWARDS oppositions; the Great Depression, H. Hoover, F. D. Roosevelt, B. Obama.*

ABOUT THE AUTHOR: *Shustrova Elizaveta Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of Department of English, Methods of Teaching and Translation Theory, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. ABBYY Lingvo : elektr. programma.
2. Brinkley A. The Unfinished Nation. A Concise History of the American People. — N. Y. : Knopf, 1997.
3. Marchand R. Advertising the American Dream: Making Way for Modernity: 1920—1940. — California : Univ. of California Pr., 1997.
4. Nash G. B., Shelton C. J. The Private Side of American History. Reading in Everyday Life: 2 v. — N. Y. : Harcourt Brace Jovanovich Publ., 1987.
5. Funny caricature: Politic caricature, Obama Caricature, Celebrity caricature : blog. URL: <http://www.allfunnycaricatur.blogspot.com> (date of access: 16.08.2015).
6. Hire an illustrator. URL: <http://www.hireanillustrator.com/> (date of access: 16.08.2015).
7. Humor in America. URL: <http://humorinamerica.wordpress.com/> (date of access: 16.08.2015).
8. Jokes.conservativepapers. URL: <http://www.jokes.conservativepapers.com> (date of access: 16.08.2015).
9. Kaltoons = KAL : the official site of Kevin Kallaughter. URL: <http://www.kaltoons.com> (date of access: 16.08.2015).
10. Los Angeles Times. URL: <http://www.latimes.com> (date of access: 16.08.2015).
11. New York Post. URL: <http://www.nypost.com> (date of access: 16.08.2015).
12. Ohio state University Billy Ireland collection of Cartoons. URL: <http://cartoons.osu.edu/> (date of access: 16.08.2015).
13. Political Irony. URL: <http://www.politicalirony.com> (date of access: 16.08.2015).
14. Political Graffiti : Independent Political cartoons. URL: <http://www.politicalgraffiti.worldpress.com> (date of access: 16.08.2015).
15. Political Irony. URL: <http://www.politicalirony.com> (date of access: 16.08.2015).
16. Shutterstock images. URL: <http://www.shutterstock.com> (date of access: 16.08.2015).
17. The Authentic History Center. URL: <http://www.authentichistory.com> (date of access: 16.08.2015).
18. The Cagle Post Cartoons & Commentary. URL: <http://www.cagle.com/> (date of access: 16.08.2015).
19. The Economist. URL: <http://www.theeconomist.com> (date of access: 16.08.2015).
20. The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/> (date of access: 16.08.2015).
21. The Huffington Post. URL: <http://www.huffingtonpost.com/> (date of access: 16.08.2015).
22. The Library of Congress. URL: <http://www.loc.gov/pictures> (date of access: 16.08.2015).
23. The New York Public Library. URL: <http://digital-gallery.nypl.org> (date of access: 16.08.2015).
24. The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com> (date of access: 16.08.2015).
25. The Onion. URL: <http://www.theonion.com> (date of access: 16.08.2015).
26. The Political Carnival. URL: <http://thepoliticalcarnival.net/> (date of access: 16.08.2015).
27. The Washington Times. URL: <http://p.washingtontimes.com/> (date of access: 16.08.2015).
28. The Week. URL: <http://www.theweek.com> (date of access: 16.08.2015).
29. U.S. News & World Report. URL: <http://www.usnews.com/> (date of access: 16.08.2015).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'42:81'27
ББК Ш105.51+Ш100.621

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.21

А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова
Пятигорск, Россия

Г. Е. Попова
Астрахань, Россия

КСЕНОСТЕРЕОТИПЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И В ДИСКУРСЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА

АННОТАЦИЯ. Исследование европейского парламентского дискурса последнего времени приводит к необходимости объяснить механизмы создания стереотипных ментальных моделей и программ, которые пытаются навязать общественному мнению по отношению к современной России. Формирование этно-стереотипов проявляется и закрепляется в языке, в частности, в наименованиях этнических групп — этнонимах. В этнониме в свернутой форме сосредоточены все ассоциации, стереотипные представления о той или иной группе, аккумулирующиеся на протяжении истории межэтнического взаимодействия. Среди социальных объектов, маркированных пометой «ксено», оказываются прежде всего представители иных этнических, социальных и культурно-поведенческих групп. Анализ этнонимов подтверждает, что зафиксированные в номинации гетеростереотипы чаще всего негативны. Ксеностереотипы проявляются в пейоративной деформации кодифицированных этнонимов в некодифицированных регистрах языка. В отличие от лексических ксенономинаций, дискурсивные реализации ксеномоделей имеют в большинстве своем непрямой, имплицитный модус выражения. Основной стратегией реализации когнитивной ксеномодели (в силу ее традиционной табуированности) является стратегия перевода аргументативной семантики из пропозиции в пресуппозицию. Анализ парламентской коммуникации показывает, что заложенные в пресуппозицию тезисы направлены прежде всего на создание и укрепление стереотипов мышления электората и апеллируют скорее к подсознанию, к архетипам и чувствам аудитории, создавая «нужные» ментальные схемы. В статье рассматриваются дискурсивные техники формирования ксеностереотипа России, концептуальный образ которой состоит из таких ассоциатов, как «агрессия», «нарушение норм», «диктатура автократии» и проч.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парламентский дискурс; политическая коммуникация; концептуализация России; ксеностереотипы политического дискурса; европейский парламентский дискурс; этноним; пресуппозиция; интеракциональность парламентского дискурса.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Алферов Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, директор научно-исследовательского центра интеракциональной лингвистики и институционально-правовой коммуникации, Пятигорский государственный лингвистический университет; 357532, г. Пятигорск, пр-т Кирова, 63; e-mail: ale-alfyrov@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кустова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный лингвистический университет; 357532, г. Пятигорск, пр-т Кирова, 63; e-mail: lenakustov@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Попова Галина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей, Астраханский государственный технический университет; 414056, г. Астрахань, ул.Татищева, 16; e-mail: pebble2406@mail.ru.

Политические институты, причастные к созданию тех или иных общественных когнитивных схем, должны нести полную ответственность за последствия формирования определенного ментального стереотипа, используемого ими в той или иной риторике. Временно усилившееся в Европе противостояние России и Запада подогревается дискриминационными дискурсами, во многом инспирированными некоторыми небезызвестными политическими акторами. В этой ситуации политическая лингвистика может диагностировать причины создавшейся обстановки информационно-политической конфронтации путем анализа сложившихся концептуальных схем, через понимание их внутренней структуры и механики их формирования и функционирования.

При этом важно определить позицию исследователя (интерпретатора), его отношение к рассматриваемой дискурсивной формации (в нашем случае — парламентскому дискурсу), пронизанной зачастую идеолого-мифологической риторической тенденциозностью.

Непредвзятость научного подхода, провозглашаемая как норма в политлингвистике [Чудинов 2012], «демифологизация» идеологических моделей политического дискурса иногда так или иначе сопровождается оценкой и выявлением в большей или меньшей степени эксплицитного выражения когнитивных «X-фобий», в том числе (и даже в первую очередь) ксенофобии как отторжения (социально-правовой негации) «чужих» (аут-группы). Примером такого методологического отношения к исследуемому идеологическому дискурсу может стать критический дискурс-анализ (КДА), рассматривающий в первую очередь существование дискриминационных дискурсов и по сути направленный против выражаемой ими идеологии [Дейк 2013]. Такая позиция исследователя не имеет ничего общего с априорной предвзятостью, тем более что, как заметил Л. Альтюссер, «лингвисты и те, кто призывает на помощь лингвистику с различными целями, чаще всего заходят в тупик из-за того, что они не учитывают игру идеологическими эффектами во всех типах

Статья выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза»).

© Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е., 2015

дискурса, в том числе и в научном» [Althusser 1970: 30].

КДА исследует взаимодействие между дискурсивными и социальными структурами не просто как «корреляционное или каузативное взаимодействие», а как «сложный социокогнитивный процесс, включающий в себя ментальные модели и другие когнитивные репрезентации» [Дейк 2013].

Трибуной «овеществления» дискурса элит традиционно выступают законодательные собрания, функция которых — возвести выражение политических интересов в ранг закона, освященного статусом «воли народа». Сегодня существование «единого» европейского политического пространства повышает политические ставки и амбиции, и в стенах Европарламента речь идет уже не о воле одного народа, а народов целого континента. Однако такое «народное единство» достаточно противоречиво, если не призрачно. Поиски «европейской идентичности» направлены в первую очередь против преодоления ксеностереотипов, которые прочно закрепляются в когнитивном пространстве и языковой картине мира посредством так называемых ксенономинаций (см. ниже).

Однако не входит ли в противоречие панъевропейская идентичность с национальной идентичностью, которая не только не растворяется в заданном европейском формате, но с еще большей силой требует поиска национальных корней, самобытности и национального самосознания?

Как известно, этническая картина мира, играющая важную роль в восприятии действительности и, соответственно, в языке, определяется традициями, обычаями, верованиями, суевериями народов (см., напр.: [Рылов 2006: 8]). При таком понимании этнокультурной составляющей языковой картины мира можно говорить о лингвоментальных этностереотипах как отражении момента самоидентификации этноса.

Носитель определенной этнической и поведенческой культуры может осмыслить себя только на фоне сопоставления себя с представителями другой культуры. Этническая идентичность, входящая в языковую картину мира, может быть представлена как результат сопоставления различных культур. Категория этнокультурной идентичности выражается в определенных номинативных и дискурсивных моделях, основанных на категориях «свой», «чужой» и «другой» [Гришаева, Цурикова 2003: 25]. Причем аксиологическая ось в этнознании разносит по полюсам две категории — «свой» и «чужой». В основе формирования концептуально-аксиологической системы восприятия «другого» лежат стереотипы сознания, представляющие собой когнитивные образцы категоризации мира. Стереотипы являются одним из проявлений и одновременно результатом социальной перцепции. Когнитивно-поведенческий стереотип как элемент языковой картины мира включает представления о ценностях, актуальных в определенной лингвокультуре, а также о наиболее типичных способах и формах вербализации данных ценностей. Формирование этностереотипов проявляется и закрепляется в языке, в частности, в наименованиях этнических групп — этнонимах. В этнониме в

свернутой форме сосредоточены все ассоциации, стереотипные представления о той или иной группе, аккумулирующиеся на протяжении истории межэтнического взаимодействия.

«Чужой» (в отличие от «другой») является крайне негативной категорией восприятия социальных объектов. Негативное отношение к иностранцам, к отдельным этносам и этническим группам представляет собой не просто особенность ментальности и поведения отдельных индивидов, но и острую социальную проблему на уровне формирования ментально-поведенческих стереотипов в национальном и общеевропейском масштабе. Шовинистические социальные проявления, как болезнь, могут обостряться и давать рецидивы. Они вызваны объективными историко-политическими факторами (война, экономический спад, приводящий к сокращению рабочих мест, террористические акты и т. п.). Язык, обладая кумулятивной способностью, фиксирует этнические гетеростереотипы, т. е. представления о другом этносе, в отдельных номинациях, во фразеологии и паремиях, в дискурсивных стратегиях, либо подчеркивающих ксенонетерпимость, либо компенсирующих негативные коннотации тех или иных этнономинаций (политкорректность).

Среди социальных объектов, маркированных пометой «ксено», находятся прежде всего представители иных этнических, социальных и культурно-поведенческих групп. Анализ этнонимов подтверждает, что зафиксированные в номинации гетеростереотипы чаще всего негативны. Прежде всего ксено-стереотипы проявляются в пейоративной деформации кодифицированных этнонимов в некодифицированных регистрах языка (разговорная речь, просторечие, аргот). Проследим это положение на примере одного из европейских языков.

Во французском языке пейоративные ксенопоказатели проявляются в таких номинациях, как *les Popoff / Ruskoff* (русские), *les Chinetoques* (китайцы), *les Chleus, les Boches* (немцы), *les Amerloques, les Ricains* (американцы), *les Beures* (арабы), *les Italboches* (итальянцы), *les Frites* (бельгийцы) и др. Пейоративная окраска перечисленных этнонимов достигается (как и в других языках) различными словообразовательными способами: аффиксацией (*Chinetoques, Amerloques* — ср. *америкосы, итальяшки, китаёзы*), усечением (*Boches, Ricains* — ср. *азеры*), гиперонимизацией (*Popoffs* — ср. *фрицы, гансы* и т. п.), ассонансной адаптацией (*Fritz* — *Frisés* — *Fridolins*; ср. *чучмеки* — *чурки* — *чебуреки*), метонимическими вариациями (*Frites* — ср. *макароники, лягушатники*). Особенными являются словосложение (*Italboches*), перестановка слогов (*verlan Arabes* — *Beures*) и сочетание аффиксации с гиперонимизацией (*Ruskoff*). Многие из ксенономинаций частично теряют пейоративную коннотацию и конвенциализируются в рамках разговорного регистра языка с просторечной и фамильярной окраской, характеризуя определенным образом социолект говорящего субъекта: «*Vous dites toujours les „Allemands“. On dit les Chleus, les Frisés, les Verdattes, les Verts-de-gris, les Haricots verts...*» (A. Lanoux, Quand la mer se retire) [Цит. по: Гринева, Громова 1988: 139];

«*Quand les Russes, les Ricains vont péter la planète...*» (R. Séchan); «*...Ça va faire mal aux Amerloques...*» (J. Ferrat).

Ксеностереотипы проявляются в употреблении этнонимов во фразеологии и поговорках. Здесь также преобладают отрицательные коннотации и «образ врага»: «*Parler comme une vache Espagnole*» (букв. «говорить как испанская корова»), «*C'est du haut allemand*» (букв. «это верхне-немецкий» — ср. *китайская грамота*), «*C'est toujours ça que les Anglais (les Boches) n'auront pas*» (букв. «Это уж точно англичанам (немцам) не достанется» — ср. «Ни крошки врагу»).

Категория «чужие» имеет не только этническую ориентацию. Внутри этноязыкового социума существуют многочисленные категории «чужих», формируемые по принципу прагматических классов и маркируемые в языке и речи как «они», «другие», «не мы» и т. п. Многие номинации, маркирующие данные категории, изначально (в словаре) нейтральны и приобретают ксено-пейоративную коннотацию в определенных социолингвистических контекстах. Во французском языке таковы *les gens* (люди), *les nanas* (женщины), *les cocs* (коммунисты) *les intéllos* (интеллигенты), *les B.O.F.* (нубориши, ср. «новые русские»), *les BCBG* (от *bon chic, bon genre* — богатый эстет, пажон, ср. «гламурный подонок»), указательное прилагательное *ces- 'эти'* (фр.: «*Ils sont fous ces Romains!*», «*Ah, ces Russes!*», ср. англ.: «*Oh, those Russians!*») и др. [см.: Алферов, Кустова 2014].

В маркеры «чужого» включается также лексика, константно и окказионально пейоративная (и инвективная), маркирующая возрастные группы: *pépère, mère, morveux*, etc.; маргинальные группы (социальные, сексуальные и т. д.): *folles, pouffasses, pédés, SDF* (*бомж*), etc.; социально-профессиональные группы: *schmidts / poulets / flics* (полицейские); *pédagos, PDG, grosses légumes, gros culs* (ср. *шоферня*), *régouses* (ср. «*деревня*», «*степь*») и т. д. Наконец, ксеномаркерами выступают все номинативные и адъективные инвективы и пейоративы, построенные как на метафорическом переносе, так и на адъективации отдельных существительных — *ces salauds de flics; fumier de salopards* и т. д.: «*Convenons pourtant que ces bougres de „pédagos“ savaient observer, écrivaient clair, n'ont pas eu froid aux yeux et que leur destin fut singulièrement exemplaire*» [Гринева, Громова 1988: 437].

Таким образом, анализ современной французской лексики позволяет говорить о распространённости инвективной и пейоративной и, следовательно, «неполиткорректной» в речеведческом аспекте лексики, маркирующей ксенономинации на двух уровнях: 1) этнонимы, в значении которых первоначально не заложена негативная коннотация, но которые приобрели ее с течением времени; 2) ксенономинации, заключающие в своем значении отрицательную оценочность. Данные номинации употребляются в разговорной речи и обладают ярко выраженным экспрессивным эффектом.

Приводя примеры из французского языка, мы ни в коей мере не уличаем французов в ксенофобии, впрочем, как и другие лингвокультуры, — ксенономинация носит универсальный характер

социопсихологической природы. Тем более что «критическое отношение» к другим этносам самоироничные французы в своем фольклоре «компенсируют» таким же критическим отношением к себе, как следует из следующей довольно популярной шутки: «*Pourquoi le coq est le symbol des Français? — Parce que c'est le seul oiseau qui chante sur un tas de fumier*» («Почему петух — символ французов?» — «Да потому, что это единственная птица, которая поет над кучей навоза»).

Ксенономинации суть отражение определенной концептуальной модели, сложившейся в результате дискурсивной стратегии дискриминации, которая изначально осуществляется «здесь и сейчас», формируя определенную концептуально-оценочную модель, представляющую тот или иной «ксенореферент».

Сегодня ксеностереотипные номинации табуируются в цивилизованном и цивилизационном дискурсе, что вполне естественно. Дискурсивной нормой становится этническая, гендерная, классовая, профессиональная и прочая толерантность, политкорректность, входящая фундаментальной составляющей в так называемую европейскую идентичность. Однако на что опирается эта новая европейская интегральность в наблюдаемом нами парламентском дискурсе? Оказывается, проще всего объединиться перед лицом какой-нибудь реальной или выдуманной опасности. Таким «реперным» ксеноконцептом сегодня становится Россия, чуть ли не лидирующая в списке современных мировых «вызовов» и угроз. Этот ксеностереотип не только не табуируется, но и кладется во главу политической и, в частности, парламентской риторики ЕС. Европейские законодатели считают себя вправе осуществлять политический мониторинг не только стран ЕС, но и тех стран, которые не принадлежат к «элитному европейскому клубу» — этому «светлому будущему» всех «достойных» стран, которые пока находятся «в списке ожидания». И здесь в ход идут устаревшие стереотипы, такие как пресловутые «империя зла», «рука Кремля», «происки КГБ» и т. д.

Как отмечал О. Дюкро, «часто необходимо высказать некоторые вещи так, чтобы это выглядело, как будто бы мы этого не говорили, чтобы, если надо, отказаться от ответственности» [Ducrot 1972]. Семантическая и логическая импликация, а также пресуппозиция могут служить основанием для речевых импликаций и подразумеваний в определенном контексте употребления. Ведь, как известно, связь реплик в пропозициональном плане осуществляется на основе определенных семантических последовательностей, базирующихся на определенных правилах, накладывающих ограничения на ту или иную связь [Дейк 1989]. Основным условием связи реплик является презумпция истинности пресуппозиции предыдущей реплики (высказывания). Однако в реальной коммуникации ложность пресуппозиции не нарушает связности дискурса, а приводит к употреблению специальных стратегий, делающих возможным продолжение речевого взаимодействия [Алферов, Кустова, Попова 2013]. Анализ показывает, что заложенные в пресуппозицию тезисы направлены прежде всего на

создание и укрепление стереотипов мышления электората и апеллируют скорее к подсознанию, к архетипам и чувствам аудитории [см.: Зюбина 2014], создавая «нужные» ментальные схемы. Рассмотрим природу и некоторые техники формирования ксеностереотипа России, концептуальный образ которой состоит из таких ассоциативов, как «агрессия», «нарушение норм», «диктатура автократии» и проч.

Например, 15 января 2015 г. вместе с украинским кризисом Европарламент рассматривает внутренние дела России (?!), в частности, связанные с «делом Навального» [European Parliament-I]. Однако дискурс слушаний «по делу» вовсе не связан с обсуждением фактической базы рассматриваемого вопроса («*The case itself is very clear*»), он носит сугубо оценочный и риторический характер, причем, помимо эксплицитной оценки, его риторика опирается на пресуппозиции, которые приобретают доминирующую роль в воздействующем дискурсе. Так, член парламентской комиссии по международным делам ЕП, депутат от Венгрии Т. Мержерикс (Tamás Meszerics) начинает выступление со слов:

Every time we discuss a case of human rights problems or a lack of the rule of law in Russia, we hope and wish that it will be the last such case we need to discuss in this Chamber. In this case too I hope it will be the last one, but I am very much afraid that our hopes will be betrayed yet again [European Parliament-II].

За пропозицией, выражающей «добрую волю» парламентария, стоит пресуппозиция «Нарушения прав человека в России были, есть и будут», маркерами которой выступают определенные лексические единицы (*Every time we discuss; our hopes will be betrayed yet again*). Однако, как известно, говорящего трудно «привлечь к ответственности» за скрытые смыслы. Пользуясь этим, выступающий продолжает настаивать на выражении доброй воли по отношению к России:

An autocratic government running on an extreme nationalistic ticket will most likely present all these charges as being basically anti-Russian. This is far from the truth. I know that there are many of us in this Chamber who love and admire the achievements of the Russian people and who wish for Russia the sort of future in which such cases will never be mentioned in this Chamber again because there will be no need to be looking for human rights violations in Russia [Ibid].

Однако за эксплицитным выражением симпатии к русскому народу стоят некоторые маркеры (или дискурсеми — единицы дискурса), «реперные точки», рассчитанные на поддержание негативного стереотипа. Во-первых, это структура высказывания. Можно заметить, что в интенциональном фокусе высказывания-дискурса находится первая и последняя дискурсеми, занимающие наиболее конативные (воздействующие, фокусные) позиции, определяемые мнемоническими законами и свойствами тема-рематической организации дискурса: «...максимально воздействуют на слушающего первый и последний дискурсивный элемент» [Попова 2013] — в нашем случае дискурсеми, создающие негативную пресуппозицию в формировании образа современ-

ной России (*autocratic government, extreme nationalistic ticket; human rights violations in Russia*). Во-вторых, тональность каждой из реперных дискурсем определяется статусом пресуппозиции, которую нельзя отрицать. Поэтому указанные дискурсеми отрицательной оценки имеют статус «неоспоримого утверждения», в отличие от срединной дискурсеми с модальностью мнения «*I know that*», занимающей «слабую позицию» парантезы и снижающей аргументативную значимость последующего тезиса. К тому же модальность личного знания (мнения) подразумевает, что пропозицию высказывания можно опровергнуть. К этому добавляется семантика оборота *many of us*, который предполагает оппозицию *many / all* («многие, но не все»). Совокупность указанных семантико-дискурсивных элементов создает тональность дискурса (о термине см. [Кустова, Попова, Червоный 2014]), указывающую на негативную оценку России, характерную сегодня для Европарламента.

Нужно заметить, что самим парламентариям такая стратегия ясна, а для некоторых неприемлема. Например, депутат от Левого фронта (Front de Gauche) г-жа М. К. Вержья (Marie-Christine VERGIAT) заявляет:

...nous allons voter aujourd'hui deux résolutions, l'une sur la Russie et l'autre sur l'Ukraine. Dans les deux, on trouve ce que j'appellerais volontiers les monomanies de certains membres de cette Assemblée, qui sont beaucoup plus prudents quand il s'agit, par exemple, de certains pays du Golfe dans lesquels on peut condamner un jeune blogueur de trente ans à mille coups de fouet sans que cela ne suscite d'émotion. Que veut l'Union européenne? Faire plier la Russie ou œuvrer à une authentique amélioration de la situation des droits de l'homme dans ce pays? [European Parliament-I] / ... мы будем голосовать сегодня за две резолюции — по России и по Украине. В обоих случаях мы видим то, что я могла бы прямо назвать мономанией (навязчивой идеей — авт.) некоторых депутатов, которые проявляют гораздо большую терпимость в оценке, например, некоторых стран Залива, в которых тридцатилетний блогер приговаривается к тысяче ударам плетью, и это у них не вызывает никаких эмоций. Чего же добивается Евросоюз? Создать Россию или способствовать действительному улучшению ситуации с правами человека в этой стране?

Как известно, предвзятое отношение к России традиционно, еще со времен холодной войны, а может быть, и с гораздо более раннего времени, опирается на политические стереотипы, которые превратились в «конвенциональные знаки», употребляемые автоматически и принимаемые за аксиомы. Показательно выступление Б. Стаса (Bart Staes), депутата от партии «зеленых», на заседании парламента еще в октябре 2008 г. Говоря о том, что в военном конфликте между Россией и Грузией нет победителей, он между прочим называет эти «вечные» проблемы России:

Le débat d'aujourd'hui est centré sur nos relations avec la Russie. La situation de la Russie reste très critique, et c'est un euphémisme, dans les domaines de la démocratie, du respect des droits de l'homme, de la liberté de la presse et de la liberté

d'association, de la situation en Tchétchénie — qui ne fait peut-être plus les gros titres, mais ceux qui la suivent de près savent que la situation en Tchétchénie est toujours très critique — et aussi en ce qui concerne les problèmes impliqués par les préparatifs des Jeux olympiques d'hiver à Sochi. Tous ces sujets sont la cause de nombreux problèmes [European Parliament-III] / Сегодняшние дебаты посвящены отношениям с Россией. Ситуация в России остается очень критической (досл. — авт.), и это еще мягко сказано, когда речь идет о демократии, уважении прав человека, свободе прессы и свободе собраний, положении в Чечне, которое, возможно, уже не так актуально, но те, кто следит за этим, знают, что положение в Чечне остается критическим, к тому же возникают проблемы с подготовкой к Олимпийским играм. Все это создает большие проблемы.

Как видим, набор стереотипов стабилен, хоть и пополняется время от времени новыми «проблемами», такими как подготовка к Олимпиаде, которая каким-то образом создала, по словам депутата, угрозу европейскому сообществу (?!). Есть стереотипы, от которых евродепутатам трудно (или не хочется) отказываться. Кроме вышеупомянутой «Чечни», до сих пор их беспокоят «призраки прошлого», которые стали привычными, как домашние тапочки: «*the increasing role of the FSB — i.e. former KGB — in running Putin's Russia*» (Charles Tannock, 15.01.2015; [European Parliament-I]), или, например, реплика в ответ на приведенное выше выступление М. К. Вержья, показывающая ментальные схемы, практически объединяющие концепты КРЕМЛЬ, СТАЛИН, КОММУНИЗМ как составляющие ментальной карты современной России:

...il faut défendre M. Navalny, d'autant plus que la réaction du Kremlin est une répétition des pratiques stalinienne. On l'a accusé, comme au temps de Staline et des autres bolchéviques dans tous les pays communistes, d'avoir commis des délits... C'est du stalinisme pur et dur, Madame Vergiat. Je sais que vous êtes touchée chaque fois que nous discutons des crimes du communisme! [European Parliament-I] / ...нужно защитить Навального тем более, что реакция Кремля — это повторение сталинской практики. Его обвинили в преступлении, как во времена Сталина и других большевиков в других коммунистических странах... Это сталинизм во всей его красе, мадам Вержья. Я знаю, что вас всегда задает обсуждение преступлений коммунизма.

Однако концептуализация политики России в сегодняшней Европе, хоть и подвержена инерции стереотипного политического мышления, все-таки приобретает черты многополюсного аналитического конструкта. Нужно отметить, что часть евродепутатов не просто отмечают тенденциозность негативного отношения к России, но и говорят о предвзятой оценке событий на Украине:

Jean-Luc Mélenchon (GUE/NGL), — *Cette résolution unique dénonce „l'agression“ russe en Ukraine et demande le maintien des sanctions contre la Russie. Pour justifier ces prises de position, elle présente comme des faits avérés des affirmations très discutables comme „l'impossibilité des enquêteurs à accéder au site du crash du MH17“ ou la présence*

d'un „flux continu d'armes et de munitions en provenance de la Russie“. Mais sans aucune réaction quant à la présence de Svoboda au gouvernement. Ou sur la division Azof qui compose le gros des troupes ukrainiennes et qui a le même emblème que la division nazie „Das Reich“ responsable entre autres du massacre d'Oradour sur Glane. Je vote contre ce texte belliciste. Je me réjouis donc des défaites des bandes armées „ukrainiennes“ néo-nazies [European Parliament-I] / Ж.-Л. Меленшон, группа Объединенных левых. — Эта уникальная резолюция обличает русскую „агрессию“ и требует продолжения санкций против России. Чтобы оправдать свою позицию, она представляет как доказанные очень дискуссионные утверждения о „невозможности прибытия экспертов на место крушения самолета MH17“ или наличии „потока оружия и боеприпасов из России“. Но в ней нет никакого упоминания о присутствии членов партии „Свобода“ в правительстве Украины или о дивизии „Азов“, чья эмблема заимствована у нацистской дивизии „Das Reich“, виновной в боине в Орадуре и других. Я голосую против этого раздувающего войну текста. И я радуюсь поражениям вооруженных банд „украинских“ неонацистов.

Таким образом, европарламентский дискурс есть составляющая сегодняшней общеполитической коммуникации и не лишен влияния насаждаемых в европейском сообществе стереотипов, уходящих корнями в этнопсихологическое подсознательное, а чаще всего основанных на давних геополитических «вождедениях» некоторых политических акторов. Преодоление ксеностереотипов действительно должно стать отличительной чертой не только дискурса, но и ментальности, не только национальной или европейской, но и просто человеческой идентичности. Парламентская практика является мощным инструментом формирования политического климата в межнациональном сосуществовании. Ксеностереотипы, как эксплицитные, так и имплицитные, должны стать предметом порицания и санкций в деонтологии парламентского дискурса, возможно, не без помощи экспертного лингвопрагматического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е. Интеракционное регулирование когнитивного пространства собеседников // Вестн. ПГЛУ. 2013. № 2. С. 77—79.
2. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. Прагма-семантическая конверсия как фактор динамики языковой системы // Вестн. ПГЛУ. 2014. № 1. С. 59—62.
3. Гринева Е. Ф., Громова Т. Н. Словарь разговорной лексики французского языка. — М.: Русский язык, 1988.
4. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. — Воронеж: ВГУ, 2003.
5. Дейк ван Т. А. Язык, познание, коммуникация. — М.: Прогресс, 1989.
6. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: Либроком, 2013.
7. Зюбина И. А. Отражение личностных потребностей в убеждающей коммуникации (на примере Британского парламента) // Вестн. ПГЛУ. 2014. № 4. С. 162—164.
8. Кустова Е. Ю., Попова Г. Е., Червоный А. М. Субъектность, тональность и релевантность французского парламентского дискурса // Вестн. ПГЛУ. 2014. № 4. С. 104—107.
9. Попова Г. Е. Категория релевантности в речевой интеракции // Актуальные аспекты интеракционной теории языка: моногр. Гл. 2. / под ред. А. В. Алферова, Е. Ю. Кустовой. — Пятигорск, 2013. — С. 42—76.

10. Рылов Ю. А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. — М.: Гнозис, 2006.
11. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта: Наука, 2012.
12. Althusser L. Idéologie et appareils idéologiques d'Etat // La Pensee. 1970. № 151.
13. Ducrot O. Dire et ne pas dire. — P., 1972.
14. European Parliament-I: Parlement Européen: Russie, en particulier le cas d'Alexei Navalni. Débats. Jeudi 15 janvier 2015 — Strasbourg. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20150115&secondRef=ITEM-009-01&language=FR> (дата обращения: 06.08.2015).

A. V. Alferov, E. Y. Kustova
Pyatigorsk, Russia

G. E. Popova
Astrakhan, Russia

XENO-STEREOTYPES IN THE LINGUISTIC WORLDVIEW AND THE DISCOURSE OF EUROPEAN PARLIAMENT

ABSTRACT. *The study of the modern European parliamentary discourse makes it necessary to explain the mechanisms of creating stereotypical mental models and programs which are imposed upon the public opinion towards modern Russia. The formation of ethnic stereotypes is shown and fixed in language, in particular, in the names of ethnic groups — ethnonyms. In this conceptual form all associations, stereotypical representations about a certain ethnic group, accumulated throughout the history of interethnic interaction, are concentrated. Among the social objects marked by 'xeno'- there are, first of all, representatives of other ethnic, social and cultural-behavioral groups. The analysis of xeno-nominations confirms that the hetero-stereotypes fixed in a nomination are more often negative. First of all, xeno-stereotypes are shown in pejorative deformations of codified forms in non-codified registers of language. In contrast to lexical xeno-nominations, discursive realizations of xeno-models have in the majority an indirect form, i.e. an implicit modus of expression. The basic strategy of cognitive xeno-models realization (due to its traditional taboo character) is transferring the strategy of argumentative semantics from proposition to presupposition. The analysis shows that the theses placed in presupposition are meant first of all to create and strengthen the thinking stereotypes of the electorate and appeal, more likely, to sub-consciousness, to audience's archetypes and feelings, creating the "necessary" mental schemes. The authors analyze the nature and some technologies of formatting the xeno-stereotype of Russia, the conceptual image of which consists of such associations as "aggression", "violation of the norms", "dictatorship of autocracy" and so on.*

KEYWORDS: parliamentary discourse; European parliament; parliamentary communication; conceptualization of Russia; xeno-stereotypes in parliamentary discourse; presupposition in interactional linguistic analysis.

ABOUT THE AUTHOR: *Alferov Aleksandr Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of Department of French Philology and Intercultural Communication, Director of Centre of Interactional Linguistics & Law and Institutional Communication, Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kustova Elena Yur'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Popova Galina Evgen'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages for the Humanities, Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia.*

REFERENCES

1. Alferov A. V., Kustova E. Yu., Popova G. E. Interaksional'noe regulirovanie kognitivnogo prostranstva sobesednikov // Vestn. PGLU. 2013. № 2. S. 77—79.
2. Alferov A. V., Kustova E. Yu. Pragma-semanticheskaya konversiya kak faktor dinamiki yazykovoy sistemy // Vestn. PGLU. 2014. № 1. S. 59—62
3. Grineva E. F., Gromova T. N. Slovar' razgovornoy leksiki frantsuzskogo yazyka. — М.: Russkiy yazyk, 1988.
4. Grishaeva L. I., Tsurikova L. V. Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoy kommunikatsii. — Voronezh: VGU, 2003.
5. Deyk van T. A. Yazyk, poznanie, kommunikatsiya. — М.: Progress, 1989.
6. Deyk van T. A. Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. — М.: Librokom, 2013.
7. Zyubina I. A. Otrazhenie lichnostnykh potrebnostey v ubezhdayushchey kommunikatsii (na primere Britanskogo parlamenta) // Vestn. PGLU. 2014. №4. S. 162—164.
8. Kustova E. Yu., Popova G. E., Chervonyy A. M. Sub"ektnost', tonal'nost' i relevantnost' frantsuzskogo parlamentnogo diskursa // Vestn. PGLU. 2014. № 4. S. 104—107.
9. Popova G. E. Kategoriya relevantnosti v rechevoy interaktsii // Aktual'nye aspekty interaksional'noy teorii yazyka : monogr. Gl. 2. / pod red. A. V. Alferova, E. Yu. Kustovoy. — Pyatigorsk, 2013. — S. 42—76.

15. European Parliament-II : Parlement Européen: Situation en Ukraine et état des relations entre l'Union européenne et la Russie. Débats. Jeudi 18 septembre 2014 — Strasbourg. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-/EP//TEXT+CRE+20140916+ITEMS+DOC+XML+V0//FR&language=FR#creitem4> (дата обращения: 06.08.2015).
16. European Parliament-III: Parlement Européen: Relations UE-Russie. Débats. Mardi 21 octobre 2008 — Strasbourg. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-/EP//TEXT+PV+20081021+ITEMS+DOC+XML+V0//FR&language=FR#pvitem39> (06.08.2015).

10. Rylov Yu. A. Aspekty yazykovoy kartiny mira: ital'yanskiy i russkiy yazyki. — М.: Gnozis, 2006.
11. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — М.: Flinta : Nauka, 2012.
12. Althusser L. Idéologie et appareils idéologiques d'Etat // La Pensee. 1970. № 151.
13. Ducrot O. Dire et ne pas dire. — R., 1972.
14. European Parliament-I : Parlement Européen: Russie, en particulier le cas d'Alexei Navalni. Débats. Jeudi 15 janvier 2015 — Strasbourg. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20150115&secondRef=ITEM-009-01&language=FR> (дата obrashcheniya: 06.08.2015).
15. European Parliament-II : Parlement Européen: Situation en Ukraine et état des relations entre l'Union européenne et la Russie. Débats. Jeudi 18 septembre 2014 — Strasbourg. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-/EP//TEXT+CRE+20140916+ITEMS+DOC+XML+V0//FR&language=FR#creitem4> (дата obrashcheniya: 06.08.2015).
16. European Parliament-III: Parlement Européen: Relations UE-Russie. Débats. Mardi 21 octobre 2008 — Strasbourg. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-/EP//TEXT+PV+20081021+ITEMS+DOC+XML+V0//FR&language=FR#pvitem39> (06.08.2015).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

К. И. Белоусов, Е. В. Ерофеева
Пермь, Россия

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ АКТУАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ РАЗНЫХ ТИПОВ)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются способы репрезентации в языковом сознании образа России. Осуществляется попытка представить теоретико-методологическую модель изучения образа России, состоящую из следующих измерений: образ индивидуальный / образ социальный (коллективный), образ внутренний / образ внешний, образ обыденной / образ профессиональной картины мира, образ художественный / образ нехудожественный; тип исследования: корпусное/экспериментальное; представленность образа России на уровне материала: эксплицитная/имплицитная. В исследовании ставилась задача экспериментального изучения социального (коллективного) внутреннего обыденного образа России. Исследование выполнялось на материале двух разновидностей цепочечных ассоциативных экспериментов с большим количеством реакций, в которых разными способами репрезентировались актуальные представления о России: эксперимента по перечислению слов ряда и эксперимента по выявлению актуального лексикона. Полученный в обоих экспериментах материал анализировался с помощью выделения семантических полей и определения их количественных характеристик: объема реакций, входящих в поле (актуальность поля для информантов) и количества разных реакций в поле (проработанность данного поля в языковом сознании). Классификация реакций осуществлялась в информационной системе «Семограф». Сопоставление результатов двух экспериментов позволяет сделать вывод, что ядром представлений о стране и России является семантическое поле КУЛЬТУРА, которое поддерживается устойчивыми полями ГОСУДАРСТВО, СОЦИУМ, ПРИРОДА, ПЕРСОНАЛИТИ, ТЕРРИТОРИЯ, варьирующимися в зависимости от условий обращения информантов к ментальному лексикону.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образ России; актуальный лексикон; ментальный лексикон; ассоциативный эксперимент; семантические модели; семантическое поле; информационная система «Семограф».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Белоусов Константин Игоревич, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, Пермский государственный национальный исследовательский университет; адрес: 614046, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: belousovki@gmail.com.

Ерофеева Елена Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, Пермский государственный национальный исследовательский университет; адрес: 614046, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: elevaer@gmail.com.

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика образа России является одной из наиболее разработанных в современной лингвистике. Образ России, представления о России, концепт России — эти и другие возможные синонимические теоретические конструкции концентрируют внимание на одной из современных цивилизационных геополитических общностей с помощью анализа текстовых (в семиотическом понимании) проекций индивидуального или коллективного сознания. С другой стороны, ментальная природа «образа» позволяет рассматривать его как концепт или как систему концептов, входящих, с одной стороны, в ментальное пространство субъекта, а с другой — в концептосферу социума и его отдельных страт. Поэтому проблематика «образа России» объединяет интересы и методы политической лингвистики, теории дискурса, медиалингвистики, психолингвистики и когнитивной лингвистики.

Популярность исследования образа России проявляется в многочисленности конференций, симпозиумов и круглых столов соответствующей тематики [Кибальник, Трофимова 2010; Медоева и др. 2013]. Многообразие подходов к изучению образа России нашло отражение в объемном корпусе диссертационных, монографических и статейных публикаций по данной теме. В создаваемом образе России можно выделить несколько измерений (см. табл. 1).

1. Образ индивидуальный / образ социальный (коллективный). К индивидуальному образу Рос-

сии можно отнести исследования, выполненные на материале произведений одного писателя/публициста [Линкова 2010]. Социальный образ России формируется отдельными социальными группами, в частности журналистами [Телегина и др. 2008; Нахимова 2009], поэтами [Дом и душа... 2010] и др.

2. Образ внутренний / образ внешний. По данной оси распределяются исследования, реконструирующие образ России с позиций носителей русского языка и культуры и со стороны представителей иных лингвокультур [Куданкина 2006; Красильникова 2007].

3. Образ обыденной / образ профессиональной картины мира. Образ России может быть как предметом целенаправленной профессиональной рефлексии (например, в сфере массмедиа) [Литвинова 2009], так и неосознаваемых в полной мере представлений, смыслов, стереотипов на уровне обыденной картины мира [Белоусов, Зеланская 2013].

4. Образ художественный / образ нехудожественный. В данном случае речь идет о формировании образа России в художественной литературе, с одной стороны, и в нехудожественных речевых формах — с другой. Необходимость выделения данного измерения обусловлена тем, что художественный образ развивается по своим законам, в соответствии с логикой художественного произведения, т. е. может заметно отличаться от образа, функционирующего в национальной картине мира [Хабибуллина 2008; Чудинов 2005].

Таблица 1. Аспекты изучения образа России

Материал	Образ России															
	Индивидуальный								Социальный							
	Внутренний				Внешний				Внутренний				Внешний			
	Профессиональный		Обыденный		Профессиональный		Обыденный		Профессиональный		Обыденный		Профессиональный		Обыденный	
Художеств.	Нехудожеств.	Художеств.	Нехудожеств.	Художеств.	Нехудожеств.	Художеств.	Нехудожеств.	Художеств.	Нехудожеств.	Художеств.	Нехудожеств.	Художеств.	Нехудожеств.	Художеств.	Нехудожеств.	
Корпус	+	+	—	—	+	+	—	—	+	+	—	+	+	+	+	+
Эксперимент	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	+	—	+	—	+

Четыре измерения образа России следует дополнить измерением методологическим, в составе которого можно выделить:

А. Тип исследования: корпусное/экспериментальное. В качестве корпусов могут выступать интернет-тексты, тексты СМИ, литературные произведения и языковые единицы (метафоры, географические наименования и мн. др.). Экспериментальные исследования могут основываться на разнообразных методах экспериментальной лингвистики (см., напр.: [Тарасов 2006]), наиболее популярные в данном случае — ассоциативные эксперименты разных типов [Романова 2014].

Б. Представленность образа России на уровне материала: эксплицитная/имплицитная, обусловленная целями исследования. В том случае, когда собранный материал связан в первую очередь с образом России, говорится об эксплицитности образа. Если же анализируемый материал преимущественно посвящен какой-то другой проблеме, а образ России «выводится» в процессе анализа как ее составляющая, речь идет об имплицитности образа. Данный аспект не внесен в таблицу 1, так как он может присутствовать в любых «открытых» ячейках исследовательской парадигмы.

В таблице 1 видно, что не все возможные варианты исследований могут быть реализованы. Основные причины «закрытых» ячеек исследовательской парадигмы состоят в следующем: 1) в противоречиях классификации, 2) в проблемах сбора материала и 3) в отсутствии интереса к отдельным исследованиям. Так, например, в классификационных ячейках есть противоречие, выраженное сочетанием обыденного и художественного. В нашем понимании художественная деятельность является разновидностью профессиональной, хотя может отражать «наивные» (обыденные) представления о мире. Отсутствие корпусного исследования с нехудожественным обыденным индивидуальным (внешним и внутренним) материалом обусловлено не невозможностью осуществления такого исследования, а отсутствием интереса к нему. Результатом такого исследования была бы реконструкция образа России на основе представлений одного типичного носителя языка. Отсутствие экспериментальных исследований индивидуального образа России обусловлено, во-первых, невозможностью в

эксперименте моделировать художественный образ (*Проф. + Худ.*), во-вторых, отмеченной выше несочетаемостью в формуле *Обыд. + Худ.* и, в-третьих, отсутствием интереса к проведению экспериментов с одним информантом.

Таким образом, системное рассмотрение возможных аспектов изучения образа России выявляет относительно широкий спектр корпусных исследований и заметно меньшую потенциальную вариативность при обращении к эксперименту. В то же время экспериментальные исследования образа России обладают рядом преимуществ перед корпусными, особенно тогда, когда предмет исследования (образ России) представлен в материале имплицитно. Эксперимент позволяет варьировать независимые переменные (в частности, задание) таким образом, чтобы результаты работы испытуемых над поставленной проблемой можно было использовать для решения других задач. В первую очередь речь идет о поиске более широких контекстов функционирования образа России (и его отдельных составляющих) в языковом сознании. И поскольку косвенное изучение представленности образа России в языковом сознании не может претендовать на целостность образа, мы используем термин *представления о России*.

Структура представлений о том или ином объекте у человека довольно сложна и объединяет когнитивные «единицы» разного уровня, от чувственных образов до вычленения отдельных дифференциальных признаков. При этом объекты в сознании человека связаны множественными отношениями и в совокупности формируют картину мира, которая фиксируется различными семиотическими кодами, в том числе и языковым. Язык — это «средство, дающее возможность упорядочить весь массив опыта — результаты взаимодействия с действительностью; в языке и средствами языка вырабатывается и фиксируется картина мира, как она складывается у данного языкового коллектива на некотором этапе его развития» [Касевич 2006: 384]. Представления человека о том или ином предмете или явлении закрепляются средствами языка в ментальном лексиконе — системе репрезентации слов (и эквивалентных им единиц) в долговременной памяти человека [Баранов и др. 2001; Кубрякова 1996; Carroll 1994 и др.], которая служит средством дос-

тупа к продуктам переработки многогранного опыта взаимодействия человека с окружающим его миром [Залевская 2005]. И картина мира в целом, и отдельные представления вариативны и зависят от множества параметров, в первую очередь — от социальных характеристик их носителей, поскольку напрямую связаны с индивидуальным и социальным опытом и являясь их продуктом. Кроме того, ментальный лексикон и, следовательно, картина мира имеют динамическую природу, могут перестраиваться, вследствие чего в разных ситуациях активируются разные части картины мира, закрепленной в структурах ментального лексикона [Залевская 2005]. Поэтому моделирование разных объектов действительности зависит в том числе и от типа эксперимента, при котором мы получаем «доступ» к той или иной части картины мира и к разным аспектам представления об объекте.

Будучи сложной системой фиксации различного — индивидуального и социального — опыта, ментальный лексикон отражает и различные социальные и социально-психологические структуры: социальные ценности, стереотипы, идентичности [Ерофеева 2014]. Большое значение среди ценностей имеет ценность «страна», в которой человек вырос, в которой живет, потому что именно в этом контексте формируются все остальные структуры, и представления о своей стране накладывают отпечаток на все иные ценности, стереотипы и идентичности.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметом исследования стали представления о России, которые актуальны для определенной социальной группы — студентов Пермского государственного университета (40 человек). Студенты, по мнению социологов, являются так называемой «социально перспективной группой», которая в ближайшем будущем будет определять базовые социальные тенденции. Именно поэтому их представления о России как о стране особенно интересны.

Поскольку, как уже говорилось выше, тип эксперимента влияет на полученный материал (т. е. является фактором контекстного варьирования), в исследовании подобного рода лучше использовать как минимум две экспериментальные методики. Этот прием позволяет выявить устойчивые компоненты представлений, не зависящие от типа обращения к ментальному лексикону. В данном случае использовались два типа ассоциативного направленного цепочечного эксперимента: перечисление слов заданной группы (эксперимент-1 — проведен в январе 2015 г.) и выявление актуального лексикона (эксперимент-2 — проведен в феврале 2014 г.).

Эксперимент по перечислению слов заданной группы нацелен на определение границ категории и ее структуры. При проведении подобных экспериментов информантов просят перечислить как можно больше слов, описывающих определенное понятие или входящих в ту или иную категорию

[Глазанова 2001]. Инструкция для информантов в данном случае звучала следующим образом: «Перечислите как можно больше слов (не менее 30), имеющих отношение к понятию „страна“».

Актуальный лексикон — это наиболее частотная лексика ментального лексикона человека [Агибалов 1995]. Методика получения актуального лексикона) состоит в следующем: информантов просят написать список из ста слов, которые они, по их мнению, наиболее часто используют в речи (т. е. происходит актуализация наиболее субъективно важных компонентов картины мира, выраженных лексически).

Оба эксперимента направлены на актуализацию лексем ментального лексикона, обозначающих те или иные понятия, однако первый показывает структуру понятия, а второй — его вес среди более широких представлений.

Объем полученного от информантов материала представлен в таблице 2. Всего в целом получена и обработана 5231 реакция информантов.

Полученный в обоих экспериментах материал анализировался с помощью выделения семантических полей и определения их количественных характеристик: объема реакций, входящих в поле, и количества разных реакций в поле. Объем реакций показывает значимость, актуальность поля для информантов, а количество разных реакций — детализированность, проработанность данного поля в языковом сознании.

Все полученные реакции распределялись по семантическим полям, соответствующим выделенным аспектам. Классификация реакций проходила в информационной системе «Семограф» [Белоусов 2014], которая позволяет анализировать полученные данные с помощью инструментов полевого анализа (создавать семантическую классификацию реакций с много-многозначными соответствиями между реакциями и полями). При этом принципы распределения были следующими.

1. Учитывался контекст реакции: конкретное значение многозначных слов определялось из контекста, т. е. соотносилось со стоящими рядом реакциями. Например, слово *градус* может иметь отношение и к погоде, и к здоровью, и к алкогольным напиткам. При этом оно встретилось в следующей цепочке реакций: *снег, температура, градус, весна*, что позволяет в данном случае идентифицировать его как слово, связанное с семантическим полем ПРИРОДА.

2. Если многозначное слово встречалось в анкетах в разных значениях, то оно соответственно учитывалось в двух семантических полях. Например, слово *мир* может иметь значения 'Земля, часть пространства' и 'согласие, отсутствие войны'. В экспериментальном материале это слово встретилось в цепочках реакций: 1) *город, область, край, мир, место, государство*; 2) *единство, труд, мир, гордость*. В первом случае слово относится к семантическому полю ТЕРРИТОРИЯ, во втором — к полю ОТНОШЕНИЯ.

Таблица 2. Объем материала исследования

Эксперимент	Количество реакций	Количество разных единиц
Перечисление слов ряда	1233	605
Актуальный лексикон	3998	1649

Таблица 3

Объем реакций, связанных с понятием «страна», в общем объеме актуального лексикона

Семантические поля	Количество реакций	Количество разных единиц
Все поля	1939	825
Поля, описывающие структуру объекта	1145	400

3. В два (или более) полей заносятся словосочетания, состоящие из двух (или более) компонентов: *национальные традиции* — одновременно относится и к полю НАЦИОНАЛЬНОСТИ, и к полю КУЛЬТУРА.

4. К нескольким семантическим полям относятся слова и выражения, связанные со всеми полями. Например: *Петр I* относится и к группе ИСТОРИЯ, и к группе ПЕРСОНАЛИ.

Такие «многократные отнесенности» отражают устройство семантической системы человека и пересечение семантических категорий в ментальном лексиконе.

Первый этап анализа состоял в определении структуры понятия «страна» (эксперимент-1), второй этап — в вычленении в структуре объекта компонентов, важных для представлений о России (эксперимент-1 и эксперимент-2).

Материал эксперимента-1 анализировался полностью. Из общего массива реакций, полученных в ходе эксперимента-2, были выделены те, которые касались ядерных семантических групп в понятии «страна», а также группа слов, связанная непосредственно с Россией и с символами России (объем экспериментального материала представлен в табл. 3).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Эксперимент-1

Анализ экспериментального материала показал, что структура понятия «страна» включает три

аспекта: 1) структуру самого объекта, 2) контекст, в котором существует объект, 3) восприятие объекта субъектом.

1. **Структура объекта** весьма сложна и отражает устройство страны как комплексного территориально-политического образования. Она включает в себя такие аспекты, как государственное устройство; территорию, на которой расположена страна; устройство общества и социальные институты; природу и климат страны; политические организации; экономику; инфраструктуру, которая характерна для данной страны; историю; культуру; науку; религию; персоналии; сознание — ментальность, характерную для социума страны; язык; характеристики; атрибуты страны.

2. **Контекст существования страны** описывается через следующие аспекты: другие страны; национальности, представители которых населяют разные страны; отношения между странами и народами.

3. **Отношения между объектом и субъектом** сводятся к восприятию объекта субъектом и описываются через эмоции и чувства, которые вызывает страна у субъекта; нравственные категории, которые связаны с отношениями «объект — субъект» (т. е. страна — граждане).

В таблице 4 представлены примеры реакций, принадлежащих разным семантическим полям, выделенным в структуре объекта, контексте существования объекта и восприятии объекта субъектом.

Таблица 4. Примеры реакций разных семантических полей

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ	ПРИМЕРЫ
Структура объекта	
ГОСУДАРСТВО	<i>власть, закон, право, правительство, полиция, армия...</i>
ПРИРОДА	<i>климат, животные, лес, зима, снег, небо, солнце...</i>
ХАРАКТЕРИСТИКИ	<i>целостность, мощь, независимая, сила, красивая...</i>
СОЦИУМ	<i>здравоохранение, рождаемость, коллектив, семья...</i>
ТЕРРИТОРИЯ	<i>материк, границы, простор, мир, ширь, Урал...</i>
КУЛЬТУРА	<i>фольклор, музыка, памятники, традиции, зимний салат...</i>
ИНФРАСТРУКТУРА	<i>города, села, плохие дороги, строения, заводы...</i>
ПОЛИТИКА	<i>идеология, митинг, раздел мира, санкции США, Путин...</i>
АТРИБУТЫ	<i>флаг, герб, гимн, столица, конституция...</i>
ЭКОНОМИКА	<i>бизнес, валюта, бюджет, работа, инфляция...</i>
ИСТОРИЯ	<i>Вторая мировая война, революции, империя...</i>
ЯЗЫК	<i>язык, сленг, диалекты, акценты, слово...</i>
СЕМЬЯ	<i>семья, дочь, мать, родители, родственники, детство...</i>
ПЕРСОНЫ	<i>Лавров, Путин, Пугачёва, Пушкин, Петр I, Шопен...</i>
РЕЛИГИЯ	<i>церкви, православие, золотые купола, вера...</i>
СОЗНАНИЕ	<i>менталитет, общественное сознание, стереотипы...</i>
НАУКА	<i>технологии, космическая программа, наука, открытие...</i>
Контекст объекта	
СТРАНЫ	<i>США, Великобритания, Китай, Бразилия, СНГ...</i>
ОТНОШЕНИЯ	<i>дружба, соседи, любовь, конфликт, зависимость...</i>
НАЦИОНАЛЬНОСТЬ	<i>этнос, раса, народ, китаец, русские...</i>
ПУТЕШЕСТВИЯ	<i>виза, чемодан, туризм, отдых, аэропорт, багаж...</i>
Восприятие объекта субъектом	
ЭМОЦИИ И ЧУВСТВА	<i>страх, слёзы, радость, любовь, умиротворение...</i>
НРАВСТВЕННОСТЬ	<i>честь, патриотизм, долг, милосердие, верность...</i>

Объем семантических полей, описывающих структуру объекта, а также количество разных реакций в них даны в таблице 5. Количественные показатели рассчитывались в процентах исходя из общего количества реакций и общего количества разных реакций.

Как видно из таблицы 5, в реакциях информантов, относящихся к структуре объекта, наиболее часто представлены поля ГОСУДАРСТВО (11,8 %), ПРИРОДА (11,3 %), ХАРАКТЕРИСТИКИ (10,9 %), СОЦИУМ (9,5 %), ТЕРРИТОРИЯ (8,7 %), КУЛЬТУРА (7,5 %). Таким образом, студенты представляют страну прежде всего как государство и государственные структуры. Помимо этого, важными составляющими их представлений являются территория и природа страны, а также социальные институты.

Отдельное место в списке семантических полей, относящихся к структуре объекта, занимают различные характеристики. Из таблицы 5 видно, что разнообразие лексем наиболее велико именно в этой группе. Среди всех характеристик, которые называют информанты, можно выделить объективные (чаще всего это указание на размер и площадь), которые занимают чуть более трети от всех названных характеристик (31 %). Отметим, что информанты среди объективных характеристик называют такие, которые с большой долей вероятности относятся не к стране вообще, а в первую очередь к России: *большая территория, огромная, размер, многонациональная, красивая природа, пьянство, плохие дороги* и т. п. Поэтому можно предположить, что и остальные характеристики относятся в первую очередь к России. Все характеристики можно условно разделить на положительные, отрицательные и нейтральные. Доля положительных в общем числе характеристик — более половины (52 %),

а доля отрицательных — 16 %. Таким образом, в целом информанты рисуют положительный образ страны.

Интересно, что такие важные составляющие устройства страны, как ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИЯ, ИСТОРИЯ, не говоря уже о НАУКЕ, занимающей последнее место среди всех семантических полей, описывающих структуру объекта, менее важны для представлений о стране у студентов.

Среди семантических полей, описывающих контекст, в котором существует объект, наиболее объемными оказываются поля СТРАНЫ и ОТНОШЕНИЯ, что в целом описывает структуру современного устройства мира. Однако показатели частотности этих групп все же ниже, чем у «топовых» групп в самой структуре объекта.

В поле СТРАНЫ перечисляется 25 разных стран и объединений стран из разных концов света (*Аргентина, Бразилия, США, Канада, Германия, Великобритания, Индия, Китай, Египет, СНГ, Украина* и т. п.), что свидетельствует о том, что в понятие «страна» входит в качестве достаточно важного компонента и ее существование в системе подобных объектов. Кроме того, в большинстве перечисленные страны являются крупными геополитическими игроками, и основные политические события и новости связаны именно с ними. В целом данный список подтверждает важность влияния СМИ на формирование представлений о том или ином объекте.

Что касается поля ОТНОШЕНИЯ, то в нем, естественно, перемешаны отношения между странами и между конкретными людьми. Однако разделить их в материале практически невозможно, поэтому было принято решение рассматривать это поле как контекстный в широком смысле фактор.

Таблица 5. Объем семантических полей и количество разных реакций (эксперимент-1)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ	Объем, абс.	Кол-во разных единиц, абс.	Объем, %	Кол-во разных единиц, %
Структура объекта				
ГОСУДАРСТВО	151	59	12,2	9,8
ПРИРОДА	138	58	11,2	9,6
ХАРАКТЕРИСТИКИ	135	93	10,9	15,4
СОЦИУМ	111	56	9,0	9,3
ТЕРРИТОРИЯ	106	48	8,6	7,9
КУЛЬТУРА	101	56	8,2	9,3
ИНФРАСТРУКТУРА	73	38	5,9	6,3
ПОЛИТИКА	68	25	5,5	4,1
АТРИБУТЫ	68	11	5,5	1,8
ЭКОНОМИКА	59	37	4,8	6,1
ИСТОРИЯ	54	23	4,4	3,8
ЯЗЫК	32	15	2,6	2,5
СЕМЬЯ	26	11	2,1	1,8
ПЕРСОНЫ	13	10	1,1	1,7
РЕЛИГИЯ	9	7	0,7	1,2
СОЗНАНИЕ	9	7	0,7	1,2
НАУКА	9	6	0,7	1,0
Контекст объекта				
СТРАНЫ	93	42	7,5	6,9
ОТНОШЕНИЯ	77	35	6,2	5,8
НАЦИОНАЛЬНОСТЬ	52	22	4,2	3,6
ПУТЕШЕСТВИЯ	37	21	3,0	3,5
Восприятие объекта субъектом				
ЭМОЦИИ	32	15	2,6	2,5
НРАВСТВЕННОСТЬ	30	15	2,4	2,5
ВСЕГО	1233	605		

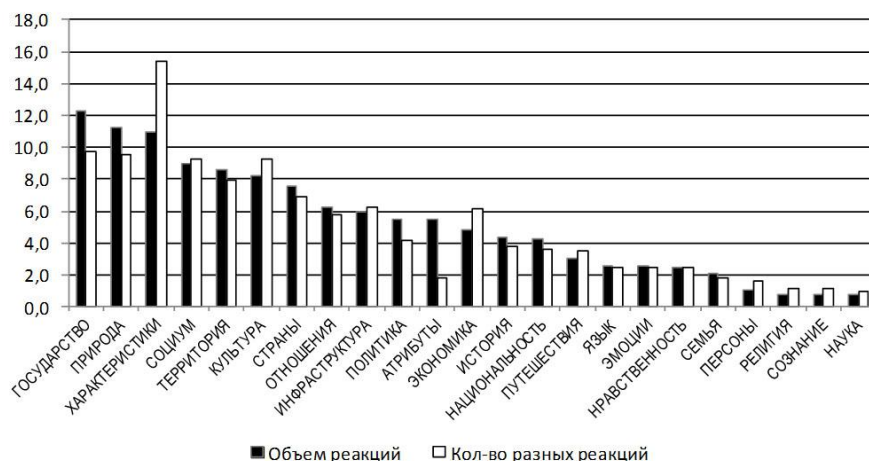

Рис. 1. Структура понятия «страна» по результатам эксперимента-1

Таблица 6

Объем реакций, относящихся непосредственно к России, в общем объеме материала эксперимента-1

Семантические поля	Количество реакций	Количество разных единиц
РОССИЯ	88 (7,1%)	42 (7,0%)
Реакции — названия России	39 (3,2%)	4 (0,7%)

Отметим, что в группу НАЦИОНАЛЬНОСТИ реально вошли только 2 конкретные национальности — русские (в разных словоформах) и китайцы. Остальные реакции этой группы представлены общими словами типа *народ, коренные народы, народность, нация, многонациональная, раса, этнос* либо представляют собой часть словосочетаний *народные инструменты, народные танцы и песни, национальные костюмы, национальные ценности* и т. п. Этот факт можно трактовать так: 1) в настоящее время национальный вопрос не слишком остро стоит среди студентов (по крайней мере, пермских), 2) информанты ориентируются на свою страну, описывая понятие страны вообще.

Интересно, что в реакциях информантов было реализовано семантическое поле ПУТЕШЕСТВИЯ, наличие которого не предполагалось заранее. Это поле отражает, скорее, индивидуальный опыт информантов, хотя в целом является не самым низкочастотным. Отметим, что среди стран перечислены и традиционные места отдыха россиян (*Египет, Испания, Индия, Таиланд* и др.)

Два семантических поля, описывающие субъективное восприятие объекта — ЭМОЦИИ И НРАВСТВЕННОСТЬ — практически одинаковы по объему и количеству разных реакций (см. табл. 5). Объемы этих полей еще ниже, чем объемы полей, относящихся к контексту объекта.

Таким образом, если рассмотреть все аспекты объекта целиком (см. рис. 1), то окажется, что в центре категории (или понятия) находятся семантические поля, описывающие структуру объекта. Основу, ядро понятия «страна» в сознании студентов составляют семантические группы,

относящиеся к описанию структуры страны — ГОСУДАРСТВО, ПРИРОДА, ХАРАКТЕРИСТИКИ, СОЦИУМ, ТЕРРИТОРИЯ, КУЛЬТУРА. При этом группа «Государство» является преобладающей.

Среднюю часть категориального поля в равной степени формируют как семантические поля, относящиеся к структуре объекта, так и семантические поля, описывающие контекст объекта (наиболее важным полем средней части оказывается поле СТРАНЫ), а периферию составляют группы структуры объекта и его субъективного восприятия.

Дополнительно из материала эксперимента-1 были выделены реакции, которые имели отношение непосредственно к России, т. е. конкретные российские реалии или те реакции, в которых в явном виде содержались компоненты *русский, российский, Россия, РФ* и т. п.

Объем таких реакций в общей доле оказался достаточно велик — 88 реакций, что составило 7 % от всего объема материала (см. табл. 6). Собственно наименования России среди всего материала составили 3,2 %. Все это еще раз подтверждает, что информанты воспринимают понятие «страна» через представления о своей собственной стране.

Если распределить все реакции, имеющие непосредственное отношение к России, по тем же семантическим полям, то получается иная структура, чем у общего понятия «страна» (см. табл. 7). Важно, что многие реакции из таких семантических полей, как ГОСУДАРСТВО, ПРИРОДА, ТЕРРИТОРИЯ и т. п., не могут быть соотнесены непосредственно с Россией, поскольку в основном являются общими для любых стран и территорий.

Таблица 7

Объем семантических полей и количество разных реакций среди реакций, относящихся непосредственно к России (эксперимент-1)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ	Объем, абс.	Кол-во разных единиц, абс.	Объем, %	Кол-во разных единиц, %
РОССИЯ	39	4	44,3	9,5
КУЛЬТУРА	14	14	15,9	33,3
ПЕРСОНЫ	9	6	10,2	14,3
АТРИБУТЫ	7	5	8,0	11,9
ПОЛИТИКА	6	3	6,8	7,1
ХАРАКТЕРИСТИКИ	6	3	6,8	7,1
ГОСУДАРСТВО	6	3	6,8	7,1
ИСТОРИЯ	5	3	5,7	7,1
ИНФРАСТРУКТУРА	4	3	4,5	7,1
НАЦИОНАЛЬНОСТЬ	3	3	3,4	7,1
ПРИРОДА	3	2	3,4	4,8
ЭКОНОМИКА	3	3	3,4	7,1
ЯЗЫК	3	1	3,4	2,4
ТЕРРИТОРИЯ	2	2	2,3	4,8
РЕЛИГИЯ	1	1	1,1	2,4
ВСЕГО	88	42		

Наиболее крупным полем в данном случае оказывается поле названий России, которое включает всего 4 разных единицы: *Россия, родина, отечество* и *СССР*. Почти все информанты (кроме одного) так или иначе обозначили свою страну в реакциях.

Наиболее частотными из оставшихся семантических полей являются поля КУЛЬТУРА и ПЕРСОНЫ.

Поле КУЛЬТУРА представлено 14 разными реакциями, из которых половина (7) относятся к искусству (*Пушкин, Лермонтов, Есенин, великая литература, золотые купола, фильм «Ирония судьбы», Алла Пугачёва*). В целом мы видим, что студенты реперезентируют Россию через разные пласты культуры: высокое искусство (прежде всего литература), современное массовое искусство (*Алла Пугачёва*), фольклорных персонажей (Дед Мороз), народные сувениры (*матрёшка*), современные символы (*знак зодиака Водолей*) и бытовые традиции — национальные блюда и напитки (*зимний салат, сельдь под шубой, водка*).

Среди ПЕРСОН называются исторический деятель (*Петр I*), 3 поэта (*Пушкин, Лермонтов, Есенин*), народная певица (*Алла Пугачёва*) и 2 современных политических деятеля (*Путин, Лавров*), т. е. среди отдельных лиц больше всего представителей культуры.

Напомним, что хотя поле КУЛЬТУРА и вошло в ядро структуры понятия «страна», оно было наименее частотным в нем. Однако конкретные российские реалии в сознании студентов связаны прежде всего с этим семантическим полем.

Кроме того, были проанализированы символы России, актуализированные в эксперименте-1. Приведем список таких реакций полностью: *бездорожье, берёзы, великая литература, вечные проблемы, водка, гимн РФ, двуглавый орел, Дед Мороз, зимний салат, знак зодиака Водолей, золотые купола, красные звезды, Кремль, Лада, матрёшка, медведь, Москва, Петр I, плохие дороги, Путин, Пушкин, пьянство, рубль, сельдь под шубой, СССР, триколор, фильм «Ирония судьбы»*. Общий объем таких реакций в материале эксперимента — чуть более 3 %, однако они пока-

зательны: то, что они стабильно реализуются у всех информантов, и то, что представлены они очевидными штампами, показывает, что стереотипные представления о России актуальны для студентов.

Эксперимент-2

Цель эксперимента-2 — проанализировать, какие аспекты представлений о стране в целом и о России в частности актуализируются вне направленности на конкретное понятие.

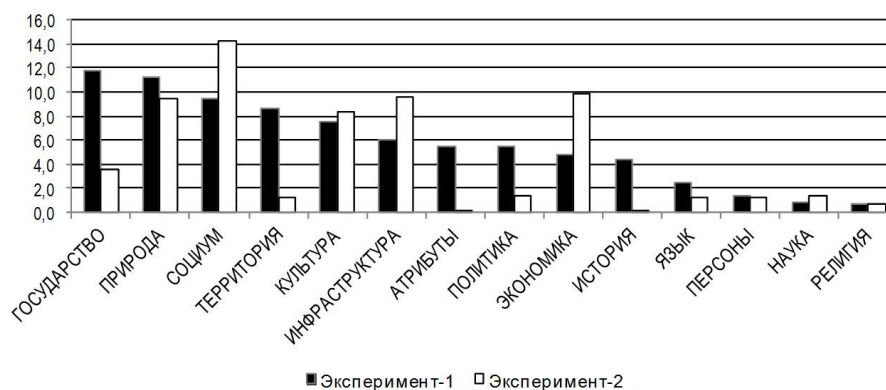
В целом во всем массиве реакций, полученных во втором эксперименте, оказалось 1939 слов, входящих в семантические группы, связанные с понятием «страна», что составляет почти половину всех реакций. То же самое наблюдается и с разнообразием лексем: половина разных реакций входит в семантические группы, имеющие отношения к понятию «страна» (см. табл. 3). Напомним, что семантические группы пронизаемы и многие, такие, например, как характеристики, относятся сразу к множеству объектов. Поэтому рассмотрим здесь только семантические группы, описывающие саму структуру объекта, исключив группу характеристик. Такие реакции занимают в общем объеме экспериментального материала почти треть и покрывают почти четверть его разнообразия. Таким образом, мы видим, что в направленном не на актуализацию слов, связанных с понятием «страна», а на актуализацию частотных (т. е. важных для информанта) понятий страна оказывается представлена весьма подробно.

Структура объекта в рамках данного материала представлена в таблице 8 (в данном случае процент реакций рассчитывался от общего количества реакций, актуализирующих понятие «страна»).

Таблица 8 показывает, что, когда информантов не нацеливают прямо на содержание понятия «страна», его структура предстает в ином виде. На первые места выдвигаются те стороны понятия, которые касаются повседневной жизни людей, а именно: устройство социума, экономика и инфраструктура. Кроме этого, сохраняют ведущие позиции поля ПРИРОДА и КУЛЬТУРА. Поле ГОСУДАРСТВО переходит в среднюю зону.

Таблица 8. Объем семантических полей и количество разных реакций (эксперимент-2)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ	Объем, абс.	Кол-во разных единиц, абс.	Объем, %	Кол-во разных единиц, %
СОЦИУМ	276	108	14,2	13,1
ЭКОНОМИКА	190	60	9,8	7,3
ИНФРАСТРУКТУРА	186	53	9,6	6,4
ПРИРОДА	182	57	9,4	6,9
КУЛЬТУРА	163	51	8,4	6,2
ГОСУДАРСТВО	68	26	3,5	3,2
НАУКА	26	14	1,3	1,7
ПОЛИТИКА	26	11	1,3	1,3
ЯЗЫК	24	11	1,2	1,3
ПЕРСОНЫ	23	15	1,2	1,8
ТЕРРИТОРИЯ	23	8	1,2	1,0
РЕЛИГИЯ	13	8	0,7	1,0
ИСТОРИЯ	2	2	0,1	0,2
АТРИБУТЫ	2	2	0,1	0,2
ВСЕГО	1939	825		

Ри. 2. Структура понятия «страна» в разных экспериментах

Таблица 9

Объем реакций, относящихся непосредственно к России, в общем объеме материала эксперимента-2

Семантические поля	Количество реакций	Количество разных единиц
РОССИЯ	71 (6,2%)	37 (9,3%)
Реакции — названия России	11 (1,0%)	2 (0,005%)

Итак, ядро понятия в материале эксперимента-2 составляют уже иные семантические поля: СОЦИУМ, ЭКОНОМИКА, ИНФРАСТРУКТУРА, ПРИРОДА, КУЛЬТУРА. Эксперимент-2 выявляет ядро явно более зависящее от насущных потребностей людей. Наполнение групп в этом эксперименте больше ориентировано на социальные проблемы, с которыми люди сталкиваются в жизни.

Сопоставление данных обоих экспериментов (см. рис. 2) показывает, что периферия понятия в целом остается периферией в обоих случаях, а вот семантические группы ядра и середины могут меняться местами в зависимости от условий эксперимента. Тем не менее в ядре в обоих случаях остаются группы СОЦИУМ, ПРИРОДА и КУЛЬТУРА, очевидно, наиболее устойчивые в данном понятии и менее всего зависящие от контекста обращения к нему.

Как показано в таблице 9, доля реакций, относящихся непосредственно к России, среди реакций, описывающих структуру объекта, равна 6,2 %, а разнообразие их составляет 9,3 % от всех реакций без учета повторов. Эти цифры почти повторяют полученные в эксперименте-1 данные, что еще раз подтверждает тезис о довольно большой опоре на представления о собственной стране при формировании понятия «страна».

Распределение реакций, относящихся непосредственно к России, по семантическим полям показывает, что структура представлений несколько меняется в зависимости от типа эксперимента: в ядро в случае с экспериментом-2 попадают семантические группы ТЕРРИТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ПЕРСОНЫ, ИНФРАСТРУКТУРА, а вот СОЦИУМ и ПРИРОДА уходят в конец списка.

Таблица 10. Объем семантических полей и количество разных реакций среди реакций, относящихся непосредственно к России (эксперимент-1)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ	Объем, абс.	Кол-во разных единиц, абс.	Объем, %	Кол-во разных единиц, %
ТЕРРИТОРИЯ	26	17	35,1	44,7
КУЛЬТУРА	23	8	31,1	21,1
ПЕРСОНЫ	20	12	27,0	31,6
ГОСУДАРСТВО	14	7	18,9	18,4
ПОЛИТИКА	13	6	17,6	15,8
РОССИЯ	11	2	14,9	5,3
ИНФРАСТРУКТУРА	5	3	6,8	7,9
ЭКОНОМИКА	5	4	6,8	10,5
ПРИРОДА	3	1	4,1	2,6
СОЦИУМ	1	1	1,4	2,6
ВСЕГО	71	37		

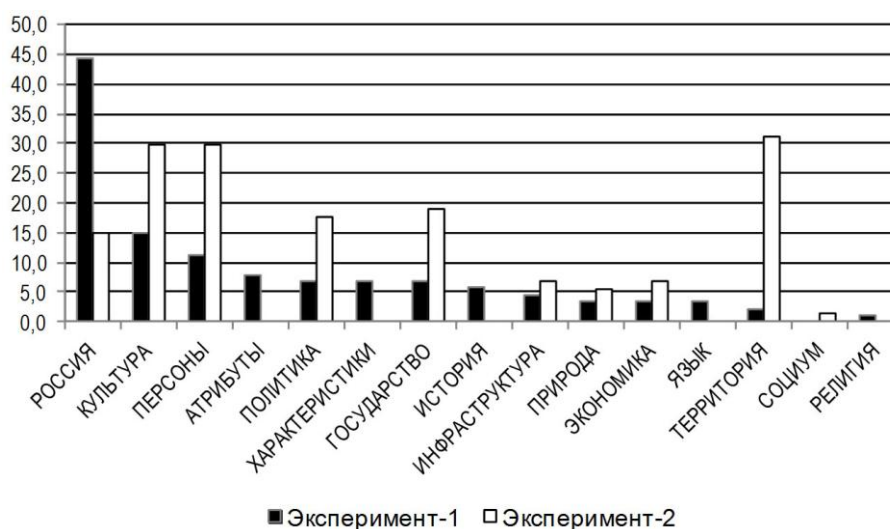

Рисунок 3. Представления о России (по данным разных экспериментов)

Таблица 10. Ядра понятий в разных экспериментах

ЭКСПЕРИМЕНТ			
Эксперимент-1		Эксперимент-2	
Страна	Россия	Страна	Россия
Государство Природа Характеристики Социум Территория Культура	Россия Культура Персоны	Социум Экономика Инфраструктура Природа Культура	Территория Культура Персоны Государство Политика Россия

Отличия в реализации семантических полей, к которым относятся реакции, непосредственно связанные с Россией, по данным разных экспериментов, показаны на рисунке 3. График демонстрирует, что в эксперименте-2, где реакции не нацелены на определенный объект, в структуре представлений о стране частоты реакций, относящихся непосредственно к России, значительно выше. Кроме того, очевидна разница в актуализации полей ТЕРРИТОРИЯ, ПЕРСОНЫ, КУЛЬТУРА, ГОСУДАРСТВО и ПОЛИТИКА, а также поля РОССИЯ по данным разных экспериментов. Первые пять полей гораздо активнее выражаются в эксперименте на выявление актуального лексикона, последнее — в эксперименте на перечисление слов ряда.

Если рассмотреть ядра понятий, полученные в разных экспериментах и при разных выборках

из них, то можно увидеть, что в них есть как общее, так и отличное (см. табл. 11).

При разных типах экспериментов и при разных выборках реакций понятия объединяет опора на КУЛЬТУРУ. Для ядра понятия «страна», помимо этого, при разных типах эксперимента оказываются общими семантические поля СОЦИУМ, ПРИРОДА. Опора на ПЕРСОНАЛИИ появляется в обоих случаях при формировании представлений о России. ГОСУДАРСТВО и ТЕРРИТОРИЯ повторяются в ядре понятия в актуальных представлениях о России.

ВЫВОДЫ

Итак, результаты двух разновидностей цепочечных ассоциативных экспериментов с большим количеством реакций — эксперимента по перечислению слов ряда и эксперимента по выявлению

нию актуального лексикона — позволили выявить следующие закономерности.

1. Структура понятия зависит от контекста обращения к нему информанта.

2. В эксперименте на перечисление слов ряда информанты обращаются скорее к идеальному образу страны, который сформирован в их сознании. В этом образе ведущими признаками выступают государство, природа, территория, культура и социум.

3. В эксперименте по выявлению актуального лексикона информанты обращаются к бытовому представлению о стране, с которым они сталкиваются в повседневной жизни. Здесь ядерными становятся семантические группы СОЦИУМ, ЭКОНОМИКА, ИНФРАСТРУКТУРА, ПРИРОДА и КУЛЬТУРА.

4. В обоих случаях понятие «страна» в большой степени строится с опорой на представления о России как стране. Люди формируют понятие исходя прежде всего из того контекста, который их окружает. Сопоставление результатов двух экспериментов позволяет сделать вывод, что ядром представлений о стране и России является семантическая группа КУЛЬТУРА, которая поддерживается устойчивыми группами ГОСУДАРСТВО, СОЦИУМ, ПРИРОДА, ПЕРСОНАЛИИ, ТЕРРИТОРИЯ, варьирующимися в зависимости от условий обращения информантов к ментальному лексикону.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агибалов А. К. Вероятностная организация внутреннего лексикона человека: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 1995.
2. Баранов А. Н. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, М. Н. Михайлов [и др.] ; под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. — М. : Азбуковник, 2001.
3. Белоусов К. И., Зелянская Н. Л. Лингвосомиотическое моделирование обыденной географической картины мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2. С. 73—85.
4. Ерофеева Е. В. Несоциологическое исследование социальных идентичностей и ценностей: теоретическое обоснование, методы исследования, язык // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. Вып. 2. С. 90—102.
5. Глазанова Е. В. Типы связей в ментальном лексиконе и экспериментальные методы их исследования : дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2001.
6. Дом и душа. Образ России в русской поэзии XX века / ред. А. Чагин. — М. : ИМЛИ РАН, 2010.

7. Залевская А. А. Психолингвистические исследования: слово. Текст : избр. труды. — М. : Гнозис, 2005.

8. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология // Труды по языкознанию : в 2 т. / В. Б. Касевич ; под ред. Ю. А. Клейнера. — СПб. : Филол. фак. С.-Петерб. ун-та, 2006. Т. 1.

9. Кибальник С. А., Трофимова Т. Б. Международная научная конференция «Россия в многополярном мире: образ России в Болгарии, образ Болгарии в России» // Вестн. Рос. гуманитарн. науч. фонда. 2010. № 1. С. 215—221.

10. Красильникова Н. А. «В плену у русского медведя», или Современная Россия в метафорах британских и американских СМИ // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 1 (21). С. 92—97.

11. Кубрякова Е. С. Ментальный лексикон // Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. — М. : Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 97—99.

12. Куданкина О. А. Россия и Германия: сравнительный анализ (на материале российских СМИ) // Политическая лингвистика. 2006. № 18. С. 85—91.

13. Линкова Я. С. Образ России и русских в «Путешествии в Россию» Теофиля Готье // Вестн. Моск. гор. пед. ун-та. Сер.: Филологическое образование. 2010. № 1. С. 73—78.

14. Литвинова Е. А. Метафорический образ России во французском политическом дискурсе // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. 2009. № 1. С. 47—49.

15. Медоева З. Г. Образ России: дефицит «мягкой силы»? / З. Г. Медоева, И. А. Василенко, Е. М. Малышева, О. М. Хауер-Тюкаркина, С. В. Чугров // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 88—99.

16. Нахимова Е. А. Имена русских царей как прецедентное поле в современных российских СМИ // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 2. С. 12—19.

17. Романова Т. В. Образ России по материалам ассоциативного эксперимента (моделирование и интерпретация) // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 76—81.

18. Тарасов Е. Ф. Образ России: методология исследования // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 69—73.

19. Телегина И., Белоусов К., Зелянская Н. Образ России в СМИ Британии: «Брутальный, грязный русский медведь» // Российский КТО есть КТО : журнал биографий. — М. : Русский биографический институт. 2008. № 3(66). URL: http://www.whoiswho.ru/old_site/russian/Curnom/32008/smb1.htm.

20. Хабибуллина Л. Ф. Концепт «Россия» в английском политическом романе середины XX века // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 6. С. 116—123.

21. Чудинов А. П. Метафорический образ России в национальном сознании // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — Екатеринбург, 2005. № 3. С. 174—181.

22. Carroll D. W. Psychology of language. 2nd ed. — Pacific Grove, CA : Brooks/Cole, 1994.

K. I. Belousov, E. V. Erofeeva
Perm, Russia

SEMANTIC MODELS OF POPULAR IMAGES OF RUSSIA (BASED ON PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENTS OF VARIOUS KINDS)

ABSTRACT. *The article discusses the ways of representation of Russia's image in linguistic mentality and presents a theoretical and methodological model for studying the image of Russia. The model includes the following dimensions: individual image/social (collective) image, internal image/external image, everyday worldview image / professional worldview image, artistic image/inartistic image; the type of research: corpus/experimental; representation of Russia's image at the level of the material: explicit/implicit. The aim of the study is an experimental research of the social (collective) internal everyday image of Russia. The study is carried out on the material of two varieties of associative chain experiments with a large number of responses in which the modern image of Russia is represented in different ways: the experiment on enumerating the words of a semantic group and the experiment on revealing the topical lexicon. The material obtained as a result of both experiments is analyzed by isolating the semantic fields and determining their quantitative characteristics: amount of responses included in the field (the field relevant to the informants), and the number of different responses in the field (whether this field is conceived in linguistic mentality). The classification of responses is carried out in the information system "Semograph". The comparison of the results of two experiments leads to the conclusion that the conceptual core of the country and Russia is the semantic field CULTURE, which is supported by the stable fields STATE, SOCIETY, NATURE, PEOPLE, LAND. These fields vary depending on the conditions of the informants' appeal to the mental lexicon.*

KEYWORDS: *the image of Russia, topical lexicon, mental lexicon, associative experiment, semantic models, semantic field, information system "Semograph".*

ABOUT THE AUTHORS: *Belousov Konstantin Igorevich, Doctor of Philology, Professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University, Perm, Russia.*

ABOUT THE AUTHORS: *Erofeeva Elena Valentinovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Thoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University, Perm, Russia.*

REFERENCES

1. Agibalov A. K. Veroyatnostnaya organizatsiya vnutrennego leksikona cheloveka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — SPb., 1995.
2. Baranov A. N. Anglo-russkiy slovar' po lingvistike i semiotike / A. N. Baranov, D. O. Dobrovolskiy, M. N. Mikhaylov [i dr.] ; pod red. A. N. Baranova i D. O. Dobrovolskogo. — M. : Azbukovnik, 2001.
3. Belousov K. I., Zelyanskaya N. L. Lingvosemioticheskoe modelirovanie obydennoy geograficheskoy kartiny mira // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2013. № 2. S. 73—85.
4. Erofeeva E. V. Nesotsiologicheskoe issledovanie sotsial'nykh identichnostey i tselestey: teoreticheskoe obosnovanie, metody issledovaniya, yazyk // Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya. 2014. Vyp. 2. S. 90—102.
5. Glazanova E. V. Tipy svyazey v mental'nom leksikone i eksperimental'nye metody ikh issledovaniya : dis. ... kand. filol. nauk. — SPb., 2001.
6. Dom i dusha. Obraz Rossii v russkoy poezii XX veka / red. A. Chagin. — M. : IMLI RAN, 2010.
7. Zalevskaya A. A. Psikholingvisticheskie issledovaniya: slovo. Tekst : izbr. trudy. — M. : Gnozis, 2005.
8. Kasevich V. B. Semantika. Sintaksis. Morfologiya // Trudy po yazykoznaniiyu : v 2 t. / V. B. Kasevich ; pod red. Yu. A. Kleynera. — SPb. : Filol. fak. S.-Peterb. un-ta, 2006. T. 1.
9. Kibal'nik S. A., Trofimova T. B. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Rossiya v mnogopolyarnom mire: obraz Rossii v Bolgarii, obraz Bolgarii v Rossii» // Vestn. Ros. gumanit. nauch. fonda. 2010. № 1. S. 215—221.
10. Krasil'nikova N. A. «V plenu u russkogo medvedya», ili Sovremennaya Rossiya v metaforakh britanskikh i amerikanskikh SMI // Politicheskaya lingvistika. 2007. Vyp. 1 (21). S. 92—97.
11. Kubryakova E. S. Mental'nyy leksikon // Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov / pod red. E. S. Kubryakovoy. — M. : Filol. fak. MGU im. M. V. Lomonosova, 1996. S. 97—99.
12. Kudankina O. A. Rossiya i Germaniya: sravnitel'nyy analiz (na materiale rossiyskikh SMI) // Politicheskaya lingvistika. 2006. № 18. S. 85—91.
13. Linkova Ya. S. Obraz Rossii i russkikh v «Puteshestvii v Rossiyu» Teofilya Got'e // Vestn. Mosk. gor. ped. un-ta. Ser.: Filologicheskoe obrazovanie. 2010. № 1. S. 73—78.
14. Litvinova E. A. Metaforicheskiy obraz Rossii vo frantsuzskom politicheskom diskurse // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. 2009. № 1. S. 47—49.
15. Medoeva Z. G. Obraz Rossii: defitsit «myagkoy sily»? / Z. G. Medoeva, I. A. Vasilenko, E. M. Malysheva, O. M. Khauer-Tyukarkina, S. V. Chugrov // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2013. № 4. S. 88—99.
16. Nakhimova E. A. Imena russkikh tsarey kak pretsedentnoe pole v sovremennykh rossiyskikh SMI // Vestn. Perm. un-ta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya. 2009. Vyp. 2. S. 12—19.
17. Romanova T. V. Obraz Rossii po materialam assotsiativnogo eksperimenta (modelirovanie i interpretatsiya) // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4. S. 76—81.
18. Tarasov E. F. Obraz Rossii: metodologiya issledovaniya // Voprosy psikholingvistiki. 2006. № 4. S. 69—73.
19. Telegina I., Belousov K., Zelyanskaya N. Obraz Rossii v SMI Britanii: «Brutal'nyy, gryaznyy russkiy medved'» // Rossiyskiy KTO est' KTO : zhurnal biografii. — M. : Russkiy biograficheskiy institut. 2008. № 3(66). URL: http://www.whoiswho.ru/old_site/russian/Curnom/32008/smb1.htm.
20. Khabibullina L. F. Kontsept «Rossiya» v angliyskom politicheskom romane serediny KhKh veka // Uch. zap. Kazan. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2008. № 6. S. 116—123.
21. Chudinov A. P. Metaforicheskiy obraz Rossii v natsional'nom soznanii // Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. — Ekaterinburg, 2005. № 3. S. 174—181.
22. Carroll D. W. Psychology of language. 2nd ed. — Pacific Grove, CA : Brooks/Cole, 1994.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

М. Б. Ворошилова
Екатеринбург, Россия

**«ДРУЖБА КРЕПКАЯ НЕ СЛОМАЕТСЯ»:
ВИЗУАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ ДРУЖБЫ В СОВЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПЛАКАТЕ**

АННОТАЦИЯ. Проанализирована визуальная образная система концепта «дружба народов» в советском политическом плакате периода холодной войны. Выделены 7 ключевых визуальных символов (учитывались символы, несущие смысловую нагрузку, занимающие определенное композиционное место, повторяющиеся не менее 5 раз). Выделенные визуальные символы были проанализированы с трех позиций: 1) частотность; 2) соответствие эпохе; 3) соотношение с вербальным рядом. Среди наиболее частотных нами были выделены следующие символы: антропоморфные, идеологические, символы власти, символы доверия и дружбы. Визуальные символы, на которых базируется концептуальная система плаката, выполняют самые разные функции: идеологическую, аксиологическую и идентифицирующую. Используемые в советском плакате периода холодной войны визуальные образы дружбы народов стереотипны, клишированы, что в полной мере соответствует и анализируемому жанру, и анализируемому пропагандистскому дискурсу. Именно стереотипность лежит в основе и вербального компонента плаката о дружбе. Семантическое ядро советского политического плаката, посвященного дружбе народов, можно представить следующим образом: дружба — это мир и сотрудничество, дружба народов нерушима. По мнению исследователей, в современном мире идеология «братской дружбы» характеризуется деградацией и исчезновением, однако в контексте мировой политики она становится все более востребованной при выстраивании межгосударственных отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: креолизованный текст; политический плакат; холодная война; дружба народов; визуальные символы; вербальный ряд; корреляция.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, оф. 221; e-mail: shinkari@mail.ru.

Братская дружба — одна из ключевых советских идеологем. «Братское доверие, великая дружба между народами нашей страны» [Хрущев 1940] были залогом благополучия, успехов и общих побед: «Дружба народов стала одним из решающих источников успехов в социалистическом и коммунистическом строительстве, движущей силой развития нового общества. Она позволяет наиболее целесообразно использовать материальные и людские ресурсы в интересах всех народов, быстрее решать задачи повышения материального благосостояния и культурного уровня трудящихся, укреплять оборонную мощь социалистического Отечества, обеспечивать безопасность и суверенитет каждого народа» [ФЭС 1983].

Особую актуальность понятие «братская дружба» получает в период холодной войны — именно политические плакаты этого периода мы рассматривали в рамках настоящего исследования. Политический плакат представляет собой классический пример креолизованного текста, а именно текста, обладающего сложной формой, т. е. основанного на сочетании единиц двух и более различных семиотических систем, которые вступают в отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния, что обуславливает комплексное воздействие на адресата [Ворошилова 2013: 22].

С точки зрения композиции любой политический плакат построен на сочетании вербальных и невербальных кодов, причем в подавляющем большинстве примеров центральное и основное пространство плакатов занимает рисунок, текст же, содержащийся в плакате, зачастую представляет собой лозунг, расположенный с края плаката (как правило, сверху или внизу листа). Данное соотношение иллюстрации и текста определяет порядок восприятия текста плаката: зритель вначале обращает внимание на рисунок и лишь за-

тем начинает читать текст. Данный прием современные исследователи нередко называют «визуальным насилием» [см., напр.: Есимова 2010].

Итак, основной стратегией в политическом плакате является визуализация: вербальный текст (лозунг) визуализируется, и именно он становится композиционным центром плаката. Так, С. С. Фоминых справедливо характеризует плакат как «ориентированное на оптическое воздействие средство коммуникации, состоящее, как правило, из двух различных семиотических кодов: вербального и изобразительного» [Фоминых 2009: 132].

Данная особенность политического плаката определяет выбор методов его анализа. Уже традиционно основным предметом исследований становится визуальная образная система, в центре внимания ученых оказываются семантические структуры, которые выделяются при визуальном восприятии. Социальные и идеологические изменения, актуализация тех или иных проблем и тем отражаются в количественном преобладании тех или иных визуальных образов, а также в их композиционном оформлении. Как справедливо отмечает Г. Г. Почепцов, «визуальные символы очень четко отражают свое время» [Почепцов 2004: 237].

Действительно, визуальные, изобразительные элементы политического плаката, с одной стороны, являются средством распространения требуемых представлений, с другой — отражением социальных проблем своего времени. Поэтому именно визуальные компоненты и стали предметом нашего исследования. Итак, нами были отобраны методом сплошной выборки 90 советских плакатов, созданных в послевоенное время, в период холодной войны, посвященных проблеме братской дружбы между народами СССР и «братскими» странами (Китай, Куба и др.).

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

© Ворошилова М. Б., 2015

В исследованных плакатах мы выделили визуальные элементы и проанализировали их с трех позиций:

- 1) частотности;
- 2) соответствия эпохе;
- 3) соотношения с вербальным рядом.

В ходе анализа нами были выделены 7 ключевых визуальных символов, учитывались символы, несущие смысловую нагрузку, занимающие определенное композиционное место, повторяющиеся не менее 5 раз.

Самыми частотными стали антропоморфные образы (зафиксированы в 76 примерах из 90). Образ человека всегда был и остается самым привлекающим и понятным образом, о его высоком воздействующем потенциале неоднократно говорили и говорят исследователи.

Чаще всего героем советского плаката о дружбе народов становится мужчина (65 примеров), причем в 16 примерах это образы вождей «братских» стран (И. Сталин, Н. Хрущев, Ф. Кастро и др.), в 11 примерах это рабочие самых разных специальностей (чаще — строители, рабочие заводов), что полностью соответствует традициям советского плаката. Отметим, что образы мужчин чаще используются, когда речь идет о дружбе народов разных стран, если же на плакате изображены мужчина и женщина, чаще речь идет о дружбе народов РСФСР.

Менее чем в 5 примерах были зафиксированы образы космонавтов, моряков и спортсменов; данные образы были отражением конкретных

исторических событий и довольно быстро уходили с плакатов.

Женские образы были отмечены всего в 24 примерах, причем, в соответствии с традициями советского плаката, в подавляющем большинстве примеров перед нами женщина-труженица, женщина-соратник. Лишь в 7 примерах перед нами предстает образ женщины-матери, женщины с ребенком на руках, причем центральным в данных примерах становится именно образ ребенка, символизирующий переход дружбы народов из поколения в поколение. Данный образ используется только в отношении дружбы народов, проживающих на территории нашей большой страны.

Удивительно, но нами было зафиксировано всего 5 примеров, где дети выступали как самостоятельные герои.

Итак, проанализировав только одну группу символов в политическом плакате о дружбе народов, можно отметить ее идеологичность, что полностью соответствует задачам и традициям советского плаката.

Действительно, одна из основных функций плаката — пропаганда господствующей идеологии. На большинстве политических плакатов можно увидеть самые различные идеологические символы, наиболее заметными и узнаваемыми являются портреты вождей, но не менее значимы и такие классические символы, как красный флаг, звезда, Кремль и др. Весь этот идеологический фон является неотъемлемой частью плакатов XX в., и в нашей подборке он занимает второе место по частотности (71 пример).

Рис. 1

Рис. 2

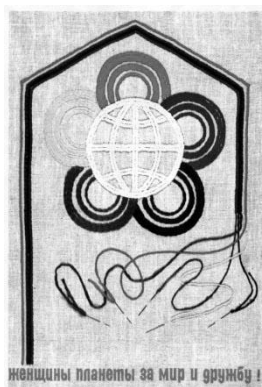

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Самым востребованным образом, конечно, становится красный флаг (55 примеров из 71), но именно этот символ часто становится лишь фоном или идентифицирующим знаком, позволяющим охарактеризовать героя плаката.

Второе место по степени частотности среди идеологических символов по справедливости разделили серп и молот (19 примеров) и красная звезда (16 примеров).

Третье место заняли герб СССР (7 примеров) и Кремль (6 примеров). И если первый символ — герб СССР — зачастую занимает центральную позицию в тексте плаката, что обусловлено его тесной связью с темой дружбы народов, ставшей залогом успеха Союза Советских Социалистических Республик, то второй — Кремль — вновь выполняет лишь идентифицирующую функцию и чаще всего используется вместе с образами вождей, подчеркивая значение власти.

Следующая группа символов по частотности объединила два важных для русской культуры символа: объятия (35 примеров) и рукопожатия (30 примеров). Символы, несущие значения доверия и поддержки, очень важны для концепта «дружба».

Символ рукопожатия имеет более официальное значение, и в политическом плакате о дружбе народов зачастую используется в связи с темой дружбы представителей разных стран. Большинство плакатов с изображением политических вождей (15 из 16 зафиксированных нами примеров) содержат и образ рукопожатия.

Говоря о жестах, необходимо отметить и обилие в советском плакате открытых жестов: открытые руки для будущего объятия или протянутая рука с открытой ладонью. Но тем или иным образом данные жесты связаны с доверием, открытостью, желанием идти на контакт.

Четвертым по степени частотности является символ земного шара, особенно востребованный в советской символической системе именно периода холодной войны. Отметим, что данный символ тесно связан с многозначностью слова «мир»: мир как планета и как согласие, не война.

Не менее символически и следующий визуальный образ — образ корабля. С одной стороны, корабль связан с путешествиями, с большими

пространствами, является тем средством, которое проложит путь в дальние края и объединит народы. С другой стороны, корабль во многих культурах символ свободы, а свобода как элемент дружбы — очень важный ее компонент: мы предлагаем дружить двум равным и свободным народам, мы не захватываем, не навязываем, не завоевываем. Отметим, что образы земного шара и корабля зачастую используют вместе.

Наименее частотным из всех проанализированных является милитарный символ. Нами были отмечены лишь 5 примеров использования образа оружия, причем важно, что данный образ построен на отрицании: образ оружия либо перечеркнут, либо оружие сломано. Так, на рисунке 8 милитарный образ сочетается с образом земного шара (традиционного образа мира) и образом советского спутника: «Мы за мир. Мы за дружбу». Данный плакат воспринимается как обращение-призыв остановить гонку вооружений.

Итак, используемые в советском плакате периода холодной войны визуальные образы дружбы народов стереотипны, клишированы, что в полной мере соответствует и анализируемому жанру, и анализируемому пропагандистскому дискурсу. Стереотипность лежит и в основе вербального компонента плаката о дружбе. Подавляющее большинство исследованных креолизованных текстов базируется на следующих клише:

- мир и дружба: «Спорт. Мир. Дружба»; «Мы за мир. Мы за дружбу»; «Мир, дружба, разоружение»;
- крепкая дружба: «Крепим дружбу во имя мира и счастья!»; «Из поколения в поколение крепите дружбу народов СССР»;
- нерушимая дружба: «Наша дружба нерушима»; «Пусть живет и крепнет нерушимая дружба и сотрудничество русского и китайского народов!».

Семантическим ядром советского политического плаката, посвященного дружбе народов, становятся следующие ключевые слова: *дружба* (87 упоминаний), *мир* (31 упоминание), *народ* (26 упоминаний), *нерушимый* (19 упоминаний), *сотрудничество* (16 упоминаний). Данные наблюдения полностью подтверждают ранее получен-

ные результаты и еще раз указывают основные тематические векторы: дружба — это мир и сотрудничество, дружба народов нерушима.

Безусловно, братская дружба народов, особенно славянских, была и остается прочной основой для взаимовыгодного сотрудничества, особенно в современном мировом контексте. Хотя исследователи все чаще говорят, что в современном мире «идеологема „братской дружбы“, некогда характеризующая межнациональные отношения, погружена в контекст деградации, исчезновения» [Иссерс, Рахимбергенова 2007], она по-прежнему остается ключевой для мировой политики. Так Е. Н. Рошин [Рошин 2002] отмечает, что участники международных отношений, помимо вхождения в формальные коллективные международные организации, продолжают обращаться к образу «дружбы» для построения отношений с остальными государствами. Договоры о дружбе способствуют их признанию как легитимных участников международной системы. Сообщества либеральных демократий также начинают осмысливать свои отношения в терминах дружбы.

M. B. Voroshilova
Ekaterinburg, Russia

“A FRIEND IN NEED IS A FRIEND INDEED”: VISUAL SYMBOLS OF FRIENDSHIP IN THE SOVIET POLITICAL POSTER

ABSTRACT. *The article analyzes the system of visual images of the concept “international friendship” in the Soviet political poster of the Cold War period. The author singles out seven key visual concepts (i.e. notional concepts, included in the composition and recurring at least five times). The identified visual symbols have been analyzed from three points of view: 1) recurrence; 2) conformity with the epoch; 3) correlation with the visual text. The following symbols were found among the most recurrent ones: anthropomorphic symbols, ideological symbols, symbols relating to power, trust, etc. The visual symbols, on which the conceptual system of the poster is based, perform various functions: ideological, axiological and identifying. The images of international friendship used in the Soviet political poster of the Cold War period are stereotyped and clichéd, which is fully in line with the analyzed genre and the studied propaganda discourse. It is stereotypicality that lies at the basis of the verbal component of the poster about friendship as well. The semantic center of the Soviet political poster on international friendship may be represented in the following way: friendship means peace and cooperation, international friendship is indestructible. According to many scholars, the modern ideologeme of “fraternal friendship” is characterized by degradation and disappearance, but in the context of the world politics it is becoming more and more popular in the conduct of international relations.*

KEYWORDS: creolized text; political poster; Cold War; international friendship; visual symbol; verbal text; correlation.

ABOUT THE AUTHOR: Voroshilova Mariya Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Rhetoric and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

REFERENCES

1. Bushev A. Germenevtika aktual'nogo mediynogo diskursa // Sovremennyy diskurs-analiz. 2012. Vyp. 6. URL: www.discourseanalysis.org.
2. Voroshilova M. B. Politicheskij kreolizovannyj tekst: klyuchi k prochteniyu : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013.
3. Esimova A. B. Vizual'nye materialy v provedenii demograficheskoy politiki (sovetskij i kitayskij opyt) // Problemy narodonaseleniya v zerkale istorii : Shesty Valenteevskie chteniya (Moskva, 22—24 apr. 2010 g., MGU im. M. V. Lomonosova) : sbornik dokladov / red. V. V. Elizarov, I. A. Troitskaya. — M. : MAKS Press, 2010. S. 125—135.
4. Issers O. S., Rakhimbergеноva M. Kh. Yazykovye markery etnicheskoy ksenofobii (na materiale rossiyskoy pressy) // Politicheskaya lingvistika. 2007. № 3 (23). S. 90—96.
5. Pochepstov G. G. Imidzhelogiya. — M. ; Kiev, 2004.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бушев А. Герменевтика актуального медийного дискурса // Современный дискурс-анализ. 2012. Вып. 6. URL: www.discourseanalysis.org.
2. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013.
3. Есимова А. Б. Визуальные материалы в проведении демографической политики (советский и китайский опыт) // Проблемы народонаселения в зеркале истории : Шестые Валентеевские чтения (Москва, 22—24 апр. 2010 г., МГУ им. М. В. Ломоносова) : сборник докладов / ред. В. В. Елизаров, И. А. Троицкая. — М. : МАКС Пресс, 2010. С. 125—135.
4. Иссерс О. С., Рахимбергенова М. Х. Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы) // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 90—96.
5. Почепцов Г. Г. Имиджология. — М. ; Киев, 2004.
6. Рошин Е. Н. Понятие «дружба» как инструмент политического взаимодействия: опыт Великобритании и США : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. — М., 2007.
7. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. — М. : Советская энциклопедия, 1983. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4301/ДРУЖБА.
8. Фоминых С. С. Политический плакат ГДР как тип текста // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 31. С. 132.
9. Хизова М. А. Концепт «дружба» в русской и английской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. — Краснодар, 2005.
10. Хрущев Н. Сталин и великая дружба народов // Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения. — М., 1940. С. 93—101.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

А. Р. Гизатуллина, М. И. Гумерова
Казань, Россия

ИДЕОЛОГЕМЫ ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОГО ПЕРИОДА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО СОЗНАНИЯ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА (на материале газеты «Известия»)

АННОТАЦИЯ. Исследование посвящено осмыслению идеологической системы постперестроечного периода: методом сплошной выборки выделены и рассмотрены ключевые идеологемы в публицистическом дискурсе на материале газеты «Известия» за 1992 год. Применены описательный метод, метод сплошной выборки материала, количественные методы, метод семантико-когнитивного анализа. Осуществлена систематизация выделенных идеологем по различным основаниям (с точки зрения актуальности/неактуальности в современной идеологической картине мира, с точки зрения употребления и понимания носителями языка, с учетом прагматического компонента), охарактеризовано значение выделенных идеологем и выявлена их значимость в анализируемый период на материале газеты «Известия». Ведущие «демократические» идеологемы не легли в основу современного политического дискурса, поскольку не были оправданы обещания о «золотом демократическом будущем». Результаты данного исследования могут быть применены для дальнейшего теоретического осмысления феномена возникновения постсоветского политического мифа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идеологема; демократия; Ельцин; гайдарономика; СССР; Крымский вопрос; интеграционные и дезинтеграционные идеологемы; православная церковь и государство.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Гизатуллина Азалия Ришатовна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка и прикладной лингвистики Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет; адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: azaliya_rysh@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Гумерова Милена Ильдаровна, студентка, кафедра русского языка и прикладной лингвистики Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет; адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: netzvaanova@gmail.com.

Лингвосоветологи именно 1992 г. считают точкой отсчета начала исследований современного политического языка [Будаев 2009: 16]. Это конец перестройки и начало новой эпохи для страны с тоталитарным прошлым и плановой экономикой. Разрушение советского мифа привело к смене общественных мировоззренческих принципов, ценностей на противоположные, рассматриваемые прежде как «враждебные». Вместе с тем происходил процесс моделирования новых основ мировоззрения россиян (на языковом уровне — за счет единиц, содержащих идеологический компонент), и немалую роль в этом сыграли СМИ. Исследователи отмечают усиление влияния неинституциональных направлений в политическом дискурсе, в частности, публицистического [Ненашев 1999: 3]. Борьба за политическую власть перемещается в виртуальную плоскость информационных войн, и победу одерживает сила, которой удалось навязать свою идеологически ориентированную «картину мира», т. е. миф [Горбатова 2004: 3; Почепцов 2000: 12—13; Цуладзе 2003: 5—6]. Исследованию идеологем советского и постсоветского периодов посвящен ряд работ [Барсукова 2010; Гусейнов 2002; Купина 1995, 2003; Кутенева 2008 и др.], при этом актуальным является исследование идеологической системы в перестроечный (Дж. Данн говорит о значительных языковых изменениях на этом этапе [Данн 2009: 274]) и постперестроечный периоды для выявления характера изменений, произошедших в ней.

Газета «Известия» была избрана в качестве материала исследования по признаку охвата аудитории (общенациональное советское и российское общественно-политическое и деловое ежедневное издание), а также поскольку с политической точки зрения она позиционирует себя как независимое издание, в котором высказываются как «подконтрольные» власти мнения, так и оппо-

зиционные, что, на наш взгляд, дает более полноценное и живое отражение постсоветского дискурсивного пространства.

При определении статуса идеологемы Е. А. Нахимова выделяет два основных подхода — лингвистический и лингвокогнитивный [Нахимова 2011: 153]. Мы разделяем взгляды Е. Г. Малышевой [Малышева 2009: 34], Е. А. Нахимовой [Нахимова 2011: 153], Н. И. Клушиной [Клушина 2014: 57] на природу идеологем (обращаясь, таким образом, по типологии Е. А. Нахимовой, к лингвокогнитивному подходу) и предлагаем следующее определение идеологемы: идеологема — ментальная единица, в состав которой входит идеологический (имеющий целью сформировать заданное представление о политической действительности) компонент, и которая реализуется и актуализируется в тексте и дискурсе (общем и частных), обычно словом или устойчивым сочетанием.

В качестве обязательных признаков идеологемы мы выделяем: 1) аксиологичность [см.: Журавлев 2004: 7] / идеологичность [см.: Клушина 2014: 56—57] (способность определять мотивацию поступков, формировать картину мира); 2) оценочность [Вепрева 2006: 122] и 3) повторяемость, актуализацию в пределах дискурса, мета-контекста [Журавлев 2004: 21].

На основании вышеприведенного определения, названных признаков идеологемы в номерах газеты «Известия» за исследуемый период было выявлено 8 наиболее значимых (с точки зрения частотности и актуальности в исследуемом политическом дискурсе) групп идеологем, относящихся к перестроечному периоду: «Демократия» (367 употреблений), «Ельцин» (244 употребления), «Гайдарономика» (345 употреблений), «СССР» (253 употребления), «Крымский вопрос» (89 употреблений), «Православная церковь и государство» (33 употребления), интеграционные идеологемы (122 употребления), дезинтеграционные идеоло-

гемы (205 употреблений). Общее количество идеологических употреблений — 1658 единиц.

Для систематизации идеологем могут быть применены различные подходы. В рамках проводимого нами исследования мы сочли логичным обратиться к классификации идеологем по нескольким основаниям на базе предложенных Е. А. Малышевой: 1) с точки зрения актуальности / неактуальности в современной идеологической картине мира; 2) с учетом прагматического компонента; 3) с точки зрения сферы употребле-

ния и понимания носителями языка [Малышева 2009: 37].

С точки зрения актуальности/неактуальности в современной идеологической картине мира Е. Г. Малышева выделяет идеологемы-историзмы, новоидеологемы (современные идеологемы), реактуализованные идеологемы, универсальные идеологемы.

Выделенные нами в газете «Известия» идеологемы могут быть распределены, как показано в табл. 1.

Таблица 1

Название идеологемы	Типы идеологем с точки зрения их актуальности	Пояснение
Демократия	Универсальная идеологема	Для рассматриваемого периода в истории России являлась новоидеологемой с дополнительным значением оппозиции партийной системе ЦК КПСС
Ельцин	Идеологема-историзм	Для рассматриваемого периода являлась новоидеологемой
Гайдариномика	Идеологема-историзм	Тесно связана с идеологемой «Гайдар»; для рассматриваемого периода являлась новоидеологемой
СССР	Идеологема-историзм	Возрождение деактуализированной идеологемы в отрицательном значении в связи с новой идеологической ориентацией
Интеграционные	Универсальная идеологема	Группа идеологем связана с оппозицией «свои — чужие»
Дезинтеграционные	Универсальная идеологема	Группа идеологем связана с оппозицией «свои — чужие»
Крымский вопрос	Реактуализованная идеологема	Связана с оппозицией «свои — чужие»
Православная церковь и государство	Реактуализованная идеологема	Возрождение деактуализированной идеологемы с наполнением новым содержанием

Таблица 2

Название идеологемы	Положительная коннотация	Отрицательная коннотация	Смешанная коннотация
Демократия	57%	23%	20%
Ельцин	84,4%	12,7%	2,9%
Гайдариномика	19,1%	36,5%	44,4%
СССР	1,6%	98%	0,4%
Интеграционные	95%	5%	—
Дезинтеграционные	100%	—	—
Крымский вопрос	5,6%	92,1%	2,3%
Православная церковь и государство	87,9%	12,1%	—

Классификация идеологем по принципу актуальности позволяет выявить значимые идеологемы для конкретного периода (в нашем случае, постперестроечного), а также «долгоиграющие», актуальные в течение длительного времени идеологемы, что позволяет обнаружить происходящие с ними семантико-когнитивные трансформации.

С учетом прагматического компонента Е. А. Малышева определяет идеологемы по параметру оценочного потенциала, с нашей точки зрения, лежащего в основе идеологизации единиц языка: ею выделяются идеологемы с положительным, отрицательным и смешанным аксиологическим модусом. Для определения модусности мы рассмотрели коннотации идеологем, приобре-

таемые в соответствующих контекстах газеты «Известия» (см. табл. 2).

Как явствует из таблицы, анализируемые идеологемы в газете «Известия» наделены различной оценочностью. При этом дезинтеграционные идеологемы обладают абсолютно положительной (100 % употреблений) оценочностью и характеризуются положительным аксиологическим модусом, остальные — смешанным аксиологическим модусом: идеологема «СССР» — практически абсолютно отрицательной оценочностью (98 % употреблений), идеологема «Ельцин» в львиной доле употреблений — с положительной оценкой (84,4 %). Это существенные показатели тех процессов, которые происходили в описываемый период: дифференциация «СССР» и

«России» с негативной оценкой происходившего в СССР. Вырисовывается схема становления нового политического мифа: от темного партийного прошлого к светлому будущему во главе с сильным демократическим лидером — Борисом Ельциным.

Таким образом, с точки зрения сферы употребления и понимания носителями языка рассматриваемые идеологемы распределяются следующим образом: 1) общепотребительные, понимаемые по-разному («Демократия», «Ельцин», «Крымский вопрос», «Гайдариномика», «СССР», интеграционные, «Православная церковь и государство»); 2) общепотребительные, понимаемые одинаково (дезинтеграционные).

Опишем особенности функционирования анализируемых идеологем более детально.

Идеологема «Демократия» являлась ведущей в постсоветском дискурсе, поскольку именно она установила ключевую ориентацию оппозиции «свои — чужие». Благодаря ее функционированию происходило разрушение советского мифа. Вследствие этого семантика слова «демократия» приобрела новую коннотацию — оппозиции ЦК КПСС: *Наше студенчество в годы перехода от тоталитарных и авторитарных структур к демократии было на стороне демократических, прогрессивных идей* (Изв. 1992, 53,03; здесь и далее для ссылок на цитаты используется следующая краткая форма: название газеты «Известия», год издания, номер выпуска, месяц выпуска).

Между тем идеологема «демократия» повествует о приобщении постсоветского дискурса к западному: *Сегодня Россия и США привержены демократии и экономической свободе* (Изв. 1992, 28,02); *Синий, белый, красный — это цвета свободы и демократии. Наши флаги символизируют демократические ценности, ради которых Россия и Америка наконец смогли объединиться в демократическом партнерстве* (Изв. 1992, 139,06).

Семантика идеологемы «демократия» также тесно связана с понятием свободы: *Демократия — свобода духа* (Изв. 1992, 92,04); *Люди по-прежнему дорожат свободой слова, гласностью, независимостью прессы* (Изв. 1992, 46,02); *Демократия немыслима без свободы слова* (Изв. 1992, 161,07).

Обращенность данной группы идеологем к будущему свидетельствует о ее ключевой роли на данном этапе в формировании постсоветского мифа, так как подавляющее их количество объясняется разрушением советского мифа и необходимостью утверждения новой, *демократической мифологии* в общественном сознании. Демократический миф вырос из тоталитарного, но он же его и разрушил: *Партия КПСС — повальная бабка демократии в России* (Изв. 1992, 157,07); *А если демократия зелена, желторота и всюду в ней торчат острыми углами максимализм воспитанного тоталитаризмом сознания?* (Изв. 1992, 184,08)

Идеологема «Ельцин» создавалась в целях рекламы действующей власти для объяснения «простому человеку» личности президента — бунтаря и радикала, разрушившего советский тоталитарный бастион. Образ Ельцина как «жертвы КПСС» акцентировала Н. С. Щербинина

[Щербинина 1998: 48], мы же считаем важным выделить образ демократа-освободителя и триумфального победителя диктата ЦК КПСС: *Ельцин — разрушитель советских бастионов* (Изв. 1992, 131,06); *Президент России постоянен в своей непредсказуемости* (Изв. 1992, 106,05); *Глава государства — настоящий бунтарь, который не исчерпал поле для маневра* (Изв. 1992, 187,08); *Ельцин открывает ворота российского рынка* (Изв. 1992, 257,11).

Образ президента Ельцина также ассоциировался с образом доброго батюшки-царя (национальным архетипом) [Цуладзе 2003: 84; Шейгал 2000: 132]. Семантика данной идеологемы раскрывается в сюжетно развернутом повествовании о «Путешествии президента России в мире» и «Путешествии Ельцина по России»: *Севастопольцы просят Бориса Ельцина принять Черноморский флот под юрисдикцию России как правопреемницы России* (Изв. 1992, 07,01); *Прибыв в Ульяновск, Борис Ельцин <...> попросил ульяновцев потерпеть шесть-восемь месяцев, изменения в экономике должны произойти* (Изв. 1992, 08,01); *Президенту пришлось тут же давать поручение нижегородскому губернатору области разобраться с грабительскими ценами* (Изв. 1992, 09,01).

Между тем в теории карнавала М. М. Бахтина существует вариант «обратного» поведения: король становится ненадолго шутом и наоборот [Бахтин 1965: 94]. Мы отмечаем сходную ситуацию — демократический дискурс дает возможность критике «короля», поскольку «король» смещается на более низкие позиции. В связи с этим идеологема «Ельцин» обладает аксиологической амбивалентностью. Трепет и преклонение перед властью легко переходят в отчуждение от власти, страх перед нею, в крайние формы протеста, ненависть к ее конкретным носителям и представителям [Солопова 2007: 55]: *Борис Николаевич, вы россияне обманули, все, что можно было разрушить, вы уже разрушили, больше разрушать нечего* (Изв. 1992, 85,04); *Б. Ельцин открывал Америку в Саратове, хотя мог бы зайти в продмаг по соседству* (Изв. 1992, 27,02); *У президента словеса об „интересах народа“ и демократии не выдерживают столкновения с номенклатурными рефлексамми* (Изв. 1992, 175,08). Появление в СМИ идеологем, десакрализирующих влияние идеологемы «Ельцин», привело к рождению еще одной активно функционирующей коннотации — «Борис Ельцин как борец за правое дело»: *Даже в Российском парламенте Ельцину постоянно ставят какие-то препоны* (Изв. 1992, 148,06); *Ельцин готов отбить очередную атаку непримиримой оппозиции, защитить реформу* (Изв. 1992, 236,10).

Данная идеологема вошла впоследствии в политический фольклор, что свидетельствует о мифологизации образа Ельцина по прошествии времени.

Идеологема «СССР» в политической риторике постсоветского дискурса связана с переосмыслением семантики данного прецедентного феномена в соответствии с новой идеологической ориентацией: *Советский Союз — империя зла, кровавая эпоха, бесчеловечный строй,*

нравственный беспредел (Изв. 1992, 01,01); *Позади темный период нашего прошлого, страхи и унижения* (Изв. 1992, 01,01).

Идеологемы данной группы были направлены на десакрализацию советской и утверждение демократической системы ценностей. Для дискредитации враждебной силы демократами использовалась дискурсивная стратегия эксплицитной аннигиляции, т. е. открытого вербального «уничтожения» врага, реализующегося через тактику принижения [Шейгал 2000: 197]. Коммунист превращается из абсолютно положительного в абсолютно негативного героя, а партия предстает в гиперболизированном образе «больного монстра»: *КПСС — это некий монстр, захвативший власть в стране, вобравший в себя государство подчинивший себе все сущее на одной шестой части нашей Земли* (Изв. 1992, 158,07); *Большевизм — социально-духовный недуг; Система против собственного народа, который она десятилетиями методично истребляла, подобно мифической Медузе горгоне, поедаящей своих детей* (Изв. 1992, 98,04).

Значительный пласт идеологем объясняет историю недавнего советского прошлого, разоблачает преступления и просчеты коммунистов: *Освоение Севера было неумным, безбашенным, как и вся советская жизнь* (Изв. 1992, 159,07); *Советское руководство велело взорвать подлодку У-137 вместе с экипажем* (Изв. 1992, 23,01); *Катынь — злодеяние высшего руководства партии большевиков* (Изв. 1992, 228,10); *Уже первые несколько десятков документов из архива ЦК КПСС, попавшие в руки журналистов, открывают довольно коварные и жесткие нравы гуманистов от коммунизма: нелегальная переброска валюты, финансовая помощь фирмам друзей, активное влияние (а во многих случаях и откровенное вмешательство)* (Изв. 1992, 139,06).

Негативно стали восприниматься и идеологемы-антропонимы советского руководства, которые были перемещены в область «чужих»: *М. Горбачев — преступник всех времен и народов* (Изв. 1992, 236,10); *Горбачев был в плену марксистского исторического оптимизма и не в ладах с правдой* (Изв. 1992, 23,01); *Брежневская совдепия* (Изв. 1992, 07,01); *Хрущев — крымский волонтерист* (Изв. 1992, 162,07); *Разве не абсурдно поступил Хрущев, под влиянием минуты взяв и „подарив“ Украине Крым?* (Изв. 1992, 20,01).

Таким образом, денотативное ядро идеологемы «СССР» из этой группы теряет прежнее положительное содержание и приобретает в постсоветском дискурсе крайне отрицательное.

Идеологема «Гайдарономика» знаменовала поворот к западным ценностям, а именно к экономической свободе. У этой идеологемы великий удельный вес употреблений со смешанной оценкой (40 %). Поскольку постсоветский миф в 1992 г. находился в процессе становления, у идеологемы «рыночная экономика» четко прослеживается феномен смысловой неопределенности денотата: *Мы обязательно придем к нормальному состоянию потребительского рынка, которое в цивилизованном мире определяется словами „много и дешево“* (Изв. 1992, 188,08); *Благо, если*

гибрид регулируемой системы и рынка даст нормального Кентавра, а не какую-нибудь особую его мутацию из двух лошадиных крупов или двух человеческих голов (Изв. 1992, 270,12).

Контекстуальная фантомность данного понятия — это прием, затрудняющий эффективный контроль за выполнением взятых обязательств и позволяющий успешнее «лавирировать» [Ключарев 1995: 214]. Благодаря неопределенности конечного результата реформ (достижения рыночной экономики в России) и отсутствию исторического опыта практики экономической свободы, закрепленной в стереотипном мышлении россиян, можно сказать, что, пожалуй, лучше всего идеологема обозначилась в метафоре *русская рулетка российской реформы* (Изв. 1992, 23,01).

Между тем поворот к рынку знаменовал шаг к демократизации общества и приобщение к «цивилизованному» миру. Впоследствии приобщение к «цивилизованному» миру и его ценностям (рыночным отношениям) стало одним из основных компонентов национальной идеи и постсоветского мифа [Цуладзе 2003: 227]: *Откладывание приватизации может обернуться опозданием на поезд истории* (Изв. 1992, 82,04); *Российской Федерации нет иного пути, кроме того, чтобы твердо придерживаться рынка* (Изв. 1992, 187,08); *Мы рано или поздно вернемся на тот путь, которым идем сегодня* (Изв. 1992, 13,01).

Интеграционные идеологемы не отвечали политическим интересам национальных лидеров стран СНГ, кроме того, в постсоветском дискурсе отсутствовала идеологема «нерушимая дружба народов» [Клушина 1996: 38—39], поэтому низкая частотность данной группы идеологем вполне закономерна.

Однако внутри Российской Федерации для консолидации многонационального населения действовала идеологема, представляющая националистов как враждебную силу, которая сплотилась с некоммунистами для нелегитимного захвата власти: *Взрыв национализма — результат той дьявольщины, которая существовала в нашем Отечестве 70 лет* (Изв. 1992, 148,06); *Национал-патриоты и некоммунисты выведут на улицы домохозяек, гремящих пустыми кастрюлями* (Изв. 1992, 46,02). Данные внутриинтеграционные (внутри единого государства) идеологемы строятся традиционно на основе оппозиции «свои — чужие».

Интеграционные идеологемы ориентированы либо на будущее, либо на прошлое. Если советские интеграционные идеологемы воодушевляли за счет светлой далекой цели, к которой можно прийти только с помощью кооперации, то интеграционные идеологемы постсоветского дискурса сосредоточены на прошлом (общие ценности, история): *Между тем бытовая отчужденность между русскими и украинцами не идет дальше анекдотов про хохлов и москалей. Русские и украинцы никогда не чувствовали друг в друге врага, хотя бы и потенциального* (Изв. 1992, 31,02); *Наши народы связывает традиционная и давняя дружба* (Изв. 1992, 104,05).

Дезинтеграционные идеологемы наводнили СМИ в 1992 г. в связи с неутрачиваемыми межнациональными конфликтами, свидетельствующи-

ми о процессе пробуждения национальных интересов и начале формирования национального мифа, поскольку «идеология насаждает господствующую систему ценностей, которая отражается в семантике мифологем» [Шейгал 2000: 183]. Они создают образ этнического врага и служат средством выражения агрессии: *Россия распадается на множество частей, начиная от окраины и почти до центра. Татары казанские, крымские и кавказские разорвут ее по клочкам* (Изв. 1992, 169,07); *Есть отчетливые признаки того, что Россия начинает разваливаться по „союзному сценарию“* (Изв. 1992, 78,04).

Как отмечал А. М. Цуладзе, Россия в эпоху Ельцина (а затем и Путина) единственная из стран СНГ не создала нового «национального мифа». Между тем он отмечал стойкость и экспансионизм тенденции, связанной с попыткой возрождения империи на национальной почве [Цуладзе 2003: 231]. Практический материал «Известий» наглядно иллюстрирует эту тенденцию.

Экспансия национальных идеологем связана также с неухаживающими национальными конфликтами, поскольку на уровне национального строительства декларируется идея «титულიной нации», все остальные народы должны проникнуться этой идеей: *В Тбилиси разгул армии 9 апреля 1989 стал причиной того, что единственный национализм просвещенного и обаятельного грузинского народа перерос в шовинистическую форму и привел к власти Гамсахурдиа, фюрерские задатки которого интеллигенция не могла не знать* (Изв. 1992, 20,01); *Западная Украина традиционно считается колыбелью национальной идеи и опорой „Руха“* (Изв. 1992, 85,04).

В России этот процесс поддерживался идеологемой «Россия — правопреемница СССР», апеллирующей к прежней былой мощи государства. Данная идеологема начала возрождать архетипический образ православного народа-богоносца [Жданова 2011: 35; Цуладзе 2003: 193], обладающего уникальными духовными качествами, которые позволяют ему претендовать на ведущую роль среди государств СНГ: *Знак времени: мининдел Ватикана монсиньор Торан заявил российскому послу Юрию Карлову, что именно Россия является преемницей Советского Союза* (Изв. 1992, 01,01); *Россия остается правопреемницей СССР, только она вправе остаться ядерной державой в СНГ* (Изв. 1992, 08,01); *Неудобно напоминать известное школьникам, но приходится: Российская Федерация в бывшем СССР весила больше, чем остальные республики вместе взятые* (Изв. 1992, 26,01).

Однако идеологема «Россия — правопреемница СССР» негативно оценивалась в постсоветском пространстве: *СНГ начало готовить обращение к НАТО, призывая защитить от российского империализма* (Изв. 1992, 270,12); *Грузины сплотятся против имперского врага, каковым теперь — и либералы, и консерваторы — полагают Россию* (Изв. 1992, 144,06); *Россия, вон из Бессарабии!* (Изв. 1992, 146,06)

Противоречия национальных интересов и стремление к лидерству повлекли обострение отношений между ведущими государствами СНГ — Россией и Украиной.

Идеологема «Крымский вопрос». В 1992 г. провозглашается нелегитимным захват Украиной Крымского полуострова. Поскольку была объявлена нелегитимность советской власти, то решение о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР, принятое советским руководством в 1954 г., должно было быть представлено как волюнтаристский акт со стороны советского руководства: *В том, что этот „царский подарок Украине от России“ был одним из проявлений знаменитого хрущевского волюнтаризма — сомневаться не приходится. Как не приходится сомневаться и в „волюнтаризме“ (а проще говоря — произвольности) проведения большинства границ между бывшими союзными, а ныне суверенными республиками-государствами СССР-СНГ* (Изв. 1992, 31,02); *Более чем очевидно, что Крым, 60 % населения которого составляют русские и который вошел в состав Украины лишь в 1954 году, в конечном счете станет частью России* (Изв. 1992, 16,05); *Мало кто считает Крым украинской территорией* (Изв. 1992, 05,01).

Наиболее четко формулируется идея о незаконном захвате территории и флота, находящего на территории Крымского полуострова: *Севастопольцы не хотят присягать желто-голубому флагу <...> Севастопольцы попросили Б. Ельцина принять Черноморский флот под юрисдикцию России как правопреемницы СССР* (Изв. 1992, 06,01); *Независимое и суверенное государство Россия ссылается на историческое происхождение флота <...> Вопрос: если одно государство — член Содружества может так просто присвоить общие корабли, где гарантия насчет всего остального?* (Изв. 1992, 10,01)

Для поддержания данной идеологемы появилась идеологема-антропоним, дискредитирующая имидж украинского президента: *Правительство Кравчука — симбиоз партийных аппаратчиков и националистов* (Изв. 1992, 07,01); *Кравчук — бывший ведущий идеолог компартии, находится под давлением националистической группировки „Руха“* (Изв. 1992, 05,01). Президент Украины имплицитно противопоставляется «нашим», потому что был приобщен к главным врагам демократии — неокommунистам и националистам. В связи с этим закрепляется отрицательный имидж украинского лидера, который по прошествии времени перерастает в стереотип.

Группа идеологем «Православная церковь и государство» появилась во время разрушения советского мифа и идеологии в связи с восстановлением статуса православия как государственной религии. Между тем обращение к Православной церкви стало необходимым шагом не только для консолидации россиян, потерявших объединяющую идеологию. Исследовательница Н. Г. Щербинина отмечала, что сотрудничеством с Церковью новая власть знаменовала попытку воскрешения российского как христианского [Щербинина 1998: 51]: *Дореволюционная Россия, входившая в число богатейших держав мира, была крепка традициями и культурой православия* (Изв. 1992, 260,12).

Действующей власти необходима была авторитетная поддержка, легитимизирующая дейст-

вующую власть, не обладающую достаточным идеологическим инструментарием для этого: *Широкомасштабные торжества, с которыми в России отмечалась Пасха Христова, были организованы явно не без государственного содействия, призванные продемонстрировать не только христианскому, но и всему остальному миру крепнущую связь между демократической властью и православной церковью* (Изв. 1992, 115,05); *На Русском Севере народ предпочитает ходить в церкви, а не на митинги протеста* (Изв. 1992, 260,12).

Сотрудничество с Церковью — это, с одной стороны, консолидация российского населения на основе религиозной общности, а с другой — авторитетная поддержка власти. Начало взаимодействия обоих институтов было основано на том, что и Православная церковь, и демократические силы находились в прошлом под диктатом общего врага — ЦК КПСС: *26 апреля — первая Пасха без коммунистов* (Изв. 1992, 98,04); *Болезнь тоталитаризма, поразившая тело церкви, не затронула ее душу* (Изв. 1992, 98,04).

Идеологемы как ключевые номинации мифологемы выступают основой для мифологизации сознания [Вепрева 2006: 125]. И те, и другие влияют на преобразование существующей картины политического мира. За сменой политического дискурса в начале 90-х годов последовал процесс переосмысления и конструирования новых центральных идеологем, ставших ядром нарождающихся мифологем. В перспективе целью является выявление и описание специфики политической мифологической системы в означенный период.

ЛИТЕРАТУРА

- Барсукова В. В. Об изменениях тоталитарного дискурса в советскую эпоху // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2 (8). С. 65—69.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. URL: <http://www.booksite.ru/localtxt/bah/tin/fra/nsu/ara/ble/index.htm> (дата обращения: 19.08.2015).
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Возникновение и эволюция лингвистической советологии // Лингвистическая советология / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2009. С. 14—87.
- Вепрева И. Т., Шадрина Т. А. Идеологема и мифологема: интерпретация терминов // Научные труды профессоров Урал. ин-та экономики, управления и права. — Екатеринбург, 2006. Вып. 3. С. 120—131.
- Горбатова Н. В. Феномен мифологии в политической жизни России. URL: <http://www.dissercat.com/content/fenomen>

mifologii-v-politicheskoi-zhizni-rossii-90-e-gg-xx-veka (дата обращения: 21.08.2015).

6. Гусейнов Г. Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х годов : дис. ... д-ра культурологии. — М., 2002.

7. Дани Дж. Трансформация русского языка из языка советского типа в язык западного образца // Лингвистическая советология / Будаев Э. В., Чудинов А. П. — Екатеринбург, 2009. С. 274—291.

8. Жданова Т. Ю. Русская православная церковь и идеологическое проектирование в современной России: предпосылки, реализация, перспективы. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-pravoslavnaya-tserkov-i-ideologicheskoe-proektirovanie-v-sovremennoy-rossii-predposylki-realizatsiya-perspektivy> (дата обращения: 19.08.2015).

9. Журавлев С. А. Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 2004.

10. Известия. 1992. Январь — декабрь. №1—281.

11. Клушина Н. И. Мифологизация речевых средств в языке современной газеты // Русская речь. 1996. № 5. С. 36—41.

12. Клушина Н. И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 54—58.

13. Ключарев Г. А. Языковая реальность и политический имидж // Обновление России: трудный поиск решений. — М., 1995. Вып. 3. С. 211—216.

14. Купина Н. А. Идеологемы как ключевые единицы политического языка // Лингвистика : бюл. Урал. лингв. о-ва. — Екатеринбург, 2003. Вып. 11. С. 93—101.

15. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. — Екатеринбург ; Пермь, 1995.

16. Кутенева Т. А. Смысловая динамика идеологем советской эпохи (от идеологии, пропаганды и агитации до пиара) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2008.

17. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32—40.

18. Ненашев М. Ф. Иллюзии свободы. Российские СМИ в эпоху перемен (1985—2009). URL: http://royallib.com/book/nenashev_mihail/illyuzii_svobod_rossijskie_smi_v_epohu_peremen_1985_2009.html (дата обращения: 21.08.2015).

19. Почепцов Г. Г. Психологические войны. — М. ; Киев : Рефл-бук ; Ваклер, 2000.

20. Солопова О. А. Врата грядущего: утопия и реальность. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/solopova-07.htm> (дата обращения: 19.08.2015).

21. Цуладзе А. М. Политическая мифология. — М. : Эксмо, 2003.

22. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2012. URL: http://znanium.com/book_read.php?book=490457 (дата обращения: 30.03.2015).

23. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — Волгоград, 2000.

24. Щербинина Н. Г. Политика и миф // Вестн. Моск. ун-та. 1998. № 12. Март — апр. С. 43—55.

A. R. Gizatullina, M. I. Gumerova
Kazan, Russia

POST-PERESTROIKA IDEOLOGEMES AS A FACTOR OF FORMATION OF NEW CONSCIOUSNESS: GENERAL CHARACTERISTICS (based on the materials of the «Izvestia»)

ABSTRACT. The article is devoted to understanding the ideological system of the post-perestroika period. The key ideologies in the journalistic discourse of the newspaper «Izvestia» in 1992 are identified and reviewed with the help of the continuous sampling method. The descriptive method, the method of continuous sampling, quantitative methods and the semantic-cognitive method are used. The ideologies are selected on the basis of various grounds (relevance / irrelevance in the modern ideological worldview, usage and understanding of the native language and pragmatics). The authors characterize the value and the importance of the selected ideologies in the newspaper «Izvestia» in the abovementioned period and provide their systemic description. The leading «democratic» ideologies do not form the basis of the modern political discourse because the promises of a «golden democratic future» have not been justified. The results of this study can be applied to further theoretical understanding of the emergence of the post-Soviet political myth.

KEYWORDS: ideology; democracy; Yeltsin; gaidaronomika; Soviet Union; problem of Crimea; integration and disintegration ideologies; Orthodox Church and the state.

ABOUT THE AUTHOR: Gizatullina Azaliya Rishatovna, Candidate of Philology, Assistant Lecturer of Department of the Russian Language and Applied Linguistics, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: *Gumerova Milena I'darovna, Student, Department of the Russian Language and Applied Linguistics, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia.*

REFERENCES

1. Barsukova V. V. Ob izmeneniyakh totalitarnogo diskursa v sovetskuyu epokhu // Vestn. Perm. un-ta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya. 2010. Vyp. 2 (8). S. 65—69.
2. Bakhtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa. URL: <http://www.booksite.ru/localtxt/bah/tin/fra/nsu/ara/ble/index.htm> (data obrashcheniya: 19.08.2015).
3. Budaev E. V., Chudinov A. P. Vozniknovenie i evolyutsiya lingvisticheskoy soveto-logii // Lingvisticheskaya soveto-logiya / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2009. S. 14—87.
4. Vepreva I. T., Shadrina T. A. Ideologema i mifologema: interpretatsiya terminov // Nauchnye trudy professorov Ural. in-ta ekonomiki, upravleniya i prava. — Ekaterinburg, 2006. Vyp. 3. S. 120—131.
5. Gorbatova N. V. Fenomen mifologii v politicheskoy zhizni Rossii. URL: <http://www.dissercat.com/content/fenomen-mifologii-v-politicheskoi-zhizni-rossii-90-e-gg-xx-veka> (data obrashcheniya: 21.08.2015).
6. Guseynov G. Ch. Sovetskie ideologemy v russkom diskurse 1990-kh godov : dis. ... d-ra kul'turologii. — M., 2002.
7. Dann Dzh. Transformatsiya russkogo yazyka iz yazyka sovetskogo tipa v yazyk zapadnogo obraztsa // Lingvisticheskaya soveto-logiya / Budaev E. V., Chudinov A. P. — Ekaterinburg, 2009. S. 274—291.
8. Zhdanova T. Yu. Russkaya pravoslavnaya tserkov' i ideologicheskoe proektirovanie v sovremennoy Rossii: predpo-sylki, realizatsiya, perspektivy. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-pravoslavnaya-tserkov-i-ideologicheskoe-proektirovanie-v-sovremennoy-rossii-predposylki-realizatsiya-perspektivy> (data obrashcheniya: 19.08.2015).
9. Zhuravlev S. A. Ideologemy i ikh aktualizatsiya v russkom leksikograficheskom diskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Kazan', 2004.
10. Izvestiya. 1992. Yanvar' — dekabr'. №1—281.
11. Klushina N. I. Mifologizatsiya rechevykh sredstv v yazyke sovremennoy gazety // Russkaya rech'. 1996. № 5. S. 36—41.
12. Klushina N. I. Teoriya ideologem // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 54—58.
13. Klyucharev G. A. Yazykovaya real'nost' i politicheskiy imidzh // Obnovlenie Rossii: trudnyy poisk resheniy. — M., 1995. Vyp. 3. S. 211—216.
14. Kupina N. A. Ideologemy kak klyucheveye edinitsey politicheskogo yazyka // Lingvistika : byul. Ural. lingv. o-va. — Ekaterinburg, 2003. Vyp. 11. S. 93—101.
15. Kupina N. A. Totalitarnyy yazyk: slovar' i recheveye reaktsii. — Ekaterinburg ; Perm', 1995.
16. Kuteneva T. A. Smyslovaya dinamika ideologem sovetskoy epokhi (ot ideologii, propagandy i agitatsii do piara) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2008.
17. Malysheva E. G. Ideologema kak lingvokognitivnyy fenomen: opredelenie i klassifikatsiya // Politicheskaya lingvistika. 2009. № 4 (30). S. 32—40.
18. Nenashev M. F. Ilyuzii svobody. Rossiyskie SMI v epokhu peremen (1985—2009). URL: http://royallib.com/book/nenashev_mihail/illyuzii_svododi_rossiyskie_smi_v_e_pohu_peremen_1985_2009.html (data obrashcheniya: 21.08.2015).
19. Pocheptsov G. G. Psikhologicheskie voyny. — M. ; Kiev : Refl-buk : Vakler, 2000.
20. Solopova O. A. Vrata gryadushchego: utopiya i real'nost'. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/solopova-07.htm> (data obrashcheniya: 19.08.2015).
21. Tsuladze A. M. Politicheskaya mifologiya. — M. : Eksmo, 2003.
22. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta : Nauka, 2012. URL: <http://znanium.com/bookread.php?book=490457> (data obrashcheniya: 30.03.2015).
23. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — Volgograd, 2000.
24. Shcherbinina N. G. Politika i mif // Vestn. Mosk. un-ta. 1998. № 12. Mart — apr. S. 43—55.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова.

Е. Н. Горбачева
Астрахань, Россия

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются способы коммуникативного осуществления поступка в политическом дискурсе, иными словами, актуализация стратегической перформативности посредством четырех перформативных стратегий: устанавливающей, подтверждающей, оспаривающей и трансформирующей. Устанавливающая стратегия реализуется посредством тактик субъектной идентификации (самопровозглашение, самоустранение от власти, предвыборный политический лозунг) и адресатной идентификации (назначение на государственную должность), а также лимитирующей и экспансивной тактик (политические договоры / декларации). Подтверждающая стратегия реализуется посредством тактик доминирующего/недоминирующего субъектного позиционирования (указы президента, постановления правительства и парламента / обращения представителей государств в различные международные организации), а также тактик дружественного/конфронтационного позиционирования (вступление в военный конфликт по требованию союзного договора о сотрудничестве / отказ от вступления). Оспаривающая стратегия реализуется посредством реабилитирующей/дискредитирующей тактик в жанрах, находящихся на стыке политического и юридического видов дискурса (международный трибунал). Трансформирующая стратегия реализуется посредством тактик мелiorативно- и детерiorативно-ориентированного позиционирования в жанрах, находящихся на стыке политического и дипломатического видов дискурса (признание / непризнание результатов референдума, принятие международных санкций / отказ от присоединения к ним).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; стратегическая перформативность; перформативные стратегии и тактики.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Горбачева Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Астраханский государственный университет; адрес: 414041, г. Астрахань, ул. Ахматовская, 11; e-mail: elen-gorbachyova@yandex.ru.

Одним из признаков дискурсивной перформативности является стратегичность, которая заключается в системе способов коммуникативного осуществления поступка. Данная система включает в себя четыре перформативные стратегии — устанавливающую, подтверждающую, оспаривающую и трансформирующую, — направленные, по выражению В. И. Тюпы, на переформатирование ценностного статуса субъектного, объектного или адресатного аспектов коммуникации [Тюпа 2013: 37], где под объектом нами понимается текст.

Качеством поступка в политическом дискурсе наделяются высказывания с идеологически наполненным пропозициональным содержанием, т. е. те, которые провозглашают, пропагандируют, критикуют либо опровергают какую-нибудь идеологию. Будучи системой взглядов и идей, отражающих осознание и оценку отношения людей к действительности и друг другу, социальным проблемам и конфликтам, системой, содержащей цели социальной деятельности, направленной на закрепление и развитие общественных отношений [Философский энциклопедический словарь www], идеология складывается из политических теорий и идей, общественно-политических идеалов, ценностей, политических программ и символов [Новейший философский словарь 1998].

Коммуникативные поступки в политическом дискурсе осуществляются прежде всего посредством тактики субъектной идентификации, реализующей устанавливающую стратегию в векторе «субъект — объект — субъект» (самопровозглашение, самоустранение от власти, объявление об отставке, лозунг-объявление о своей победе / поражении, предвыборный политический лозунг).

Примером реализации тактики субъектной идентификации служит речь Б. Н. Ельцина, обращенная к россиянам 31 декабря 1999 г., в которой он сообщил о своем добровольном намерении покинуть пост президента (<http://histrf.ru/ru/lichnosti/speeches>): *Дорогие друзья! Дорогие мои!*

Сегодня я в последний раз обращаюсь к вам с новогодним приветствием. Но это не все. Сегодня я последний раз обращаюсь к вам как Президент России.

Далее Борис Ельцин объясняет свое решение, в эмоциональной форме показывая, насколько трудным для него оказался выбор: *Я принял решение. Долго и мучительно над ним размышлял. Сегодня, в последний день уходящего века, я ухожу в отставку. Я много раз слышал — „Ельцин любыми путями будет держаться за власть, он никому ее не отдаст“. Это — вранье. Дело в другом. Я всегда говорил, что не отступлю от Конституции ни на шаг. Что в конституционные сроки должны пройти думские выборы. Так это и произошло. И так же мне хотелось, чтобы вовремя состоялись президентские выборы — в июне 2000 года. Это было очень важно для России. Мы создаем важнейший прецедент цивилизованной добровольной передачи власти, власти от одного Президента России другому, вновь избранному. И все же я принял другое решение. Я ухожу. Ухожу раньше положенного срока. Эмоциональную насыщенность высказыванию придают эпитеты *долго и мучительно, важнейший (прецедент)*, слово *вранье*, принадлежащее фамилярно-разговорному стилю, повтор-сцепление *Я ухожу. Ухожу...**

По сути, Ельцин осуществлял выбор между идеологией, которая за время его руководства страной успела устареть, и идеологией, призванной стать новым символом времени. В связи с этим символичен выбор даты отставки — последний день уходящего года и столетия: *Я понял, что мне необходимо это сделать. Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми, умными, сильными, энергичными людьми. А мы — те, кто стоит у власти уже многие годы, мы должны уйти. Посмотрев, с какой надеждой и верой люди проголосовали на выборах в Думу за*

новое поколение политиков, я понял: главное дело своей жизни я сделал. Россия уже никогда не вернется в прошлое. Россия всегда теперь будет **двигаться только вперед**. Множественный повтор лексемы **новый** и антитеза **вернуться в прошлое — двигаться вперед** являются косвенным признанием победы новой идеологии.

Признание поражения старой идеологии осуществляется посредством просьбы о прощении: **Я хочу попросить у вас прощения**. За то, что многие наши с вами мечты не сбылись. И то, что нам казалось просто, оказалось мучительно тяжело. **Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного, тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее**.

В предвыборных политических лозунгах также реализуется тактика субъектной идентификации: субъект позиционирует себя как носителя той единственной идеологии, которая призвана улучшить жизнь граждан страны. Исключительность политической позиции в этом смысле эксплицируется посредством следующих приемов:

- преувеличения:

Пока другие только говорят, мы уже делаем. Лучше — с нами! (Демократическая партия России); *Наша сила — в правде!* (Коммунистическая партия); *Россия — столица мира* (молодежное движение «Наши»); *Главные выборы страны* (Центризбирком России); *If one voice can change A ROOM, then it can change A CITY. If it can change a city, then it can change A STATE. If it can change a state, then it can change A NATION. If it can change a nation, then it can change THE WORLD* / *Если один голос может изменить ДОМ, то он может изменить ГОРОД. Если он может изменить город, то он может изменить ГОСУДАРСТВО. Если он может изменить государство, то он может изменить НАЦИЮ. Если он может изменить нацию, то он может изменить МИР* (Барак Обама, 2008 г.) — в данном предвыборном лозунге преувеличение достигается посредством повтора-сцепления и градации;

- повторов:

Новое правительство — новый курс! (Коммунистическая партия); **Слышать людей, работать для людей** (партия «Единая Россия»); **I'm asking you to believe not in my ability to bring about real change in Washington. I'm asking you to believe in yours** / **Я прошу вас поверить не в мою способность принести изменения в Вашингтон. Я прошу вас поверить в себя** (Барак Обама, 2008 г.);

- параллельных конструкций:

Реформы — без шока, политика — без баррикад (партия «Яблоко»);

- аллюзий:

Приеду, увижу, посажу (В. Жириновский) — аллюзия на фразу Юлия Цезаря «*Veni, vidi, vici*» / «*Пришел, увидел, победил*».

Осуществление коммуникативных поступков в политическом дискурсе в рамках устанавливающей стратегии происходит также в векторе «субъект — объект» посредством лимитирующей тактики (политические договоры) и экспансивной тактики (политические декларации).

Политические договоры и декларации сходны в плане идеологической нагруженности (оба документа представляют собой политические программы действий) и в плане обязательств, которые накладывают на себя их стороны и участники — ср.: **Высокие Договаривающиеся Стороны гарантируют своим гражданам независимо от их национальности или иных различий равные права и свободы. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон гарантирует гражданам других Сторон, а также лицам без гражданства, проживающим на ее территории, независимо от их национальной принадлежности или иных различий гражданские, политические, социальные, экономические и культурные права и свободы в соответствии с общепризнанными международными нормами о правах человека** (из Соглашения о создании СНГ от 8 декабря 1991 г.) (<https://ru.wikisource.org>); **Мы берем на себя новые и серьезные обязательства, выполнить которые будет нелегко, однако мы уверены, что наши обязательства будут подкреплены практическими мерами и ресурсами, необходимыми для обеспечения реальных и поддающихся оценке результатов; сообщая мы можем выполнить эту задачу** (из Декларации, принятой резолюцией S-20/2 от 10 июня 1998 г. на двадцатой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной совместной борьбе с мировой проблемой наркотиков) (<http://www.un.org/ru/documents>).

Основным стратегическим отличием договора от декларации является то, что стороны договора действуют в рамках тех норм и обязательств, которые в нем прописаны, в то время как участники декларации наделяются определенными правами для осуществления дальнейшей деятельности. Так, в той же Декларации ООН по борьбе с наркотиками отражена широта спектра действий для решения данной проблемы: **подтверждаем нашу непоколебимую решимость и обязательство преодолеть мировую проблему наркотиков с помощью национальных и международных стратегий, направленных на сокращение как незаконного предложения наркотиков, так и спроса на них; приветствуем усилия широкого круга лиц, работающих в различных областях деятельности, направленной на борьбу со злоупотреблением наркотиками** <...>.

В рамках устанавливающей стратегии в политическом дискурсе реализуется тактика адресатной идентификации в нисходящем векторе «субъект — объект — адресат» (назначение на государственную должность). Рассмотрим отрывок из официальной беседы В. В. Путина с С. К. Шойгу, в которой Президент предлагает последнему пост министра обороны:

В. ПУТИН: Уважаемый Сергей Кужугетович, Вы знаете об обстановке, которая, к сожалению, сложилась в последнее время вокруг Министерства обороны. Для того чтобы создать необходимые условия для объективного расследования всех вопросов, которые возникли в этой связи, мною принято решение освободить министра обороны Сердюкова Анатолия Эдуардовича от занимаемой должности. Вместе с

тем в последние годы немало сделано для развития Вооруженных сил, для решения социальных вопросов военнослужащих: имею в виду и повышение денежного довольствия, и решение жилищных проблем, да и ряда других вопросов, которые раньше не решались годами. Говорю это потому, что будущий руководитель этого весьма важного, одного из самых важных ведомств в стране должен быть человеком, который сможет продолжить всё положительное, что было сделано за последние годы, и обеспечить динамичное развитие Вооружённых сил страны, обеспечить выполнение гособоронзаказа и тех грандиозных планов по перевооружению армии и флота, которые у нас есть. В этой связи считаю, что таким человеком могли бы быть Вы, и предлагаю Вам занять должность министра обороны Российской Федерации (<http://pravdaorputine.ru>).

В представленном примере В. Путин аргументирует свой выбор в пользу С. Шойгу (*Вы знаете, таким человеком могли бы быть и Вы*) и одновременно провозглашает свою приверженность идее развития и укрепления оборонного потенциала страны как одному из приоритетов государственной политики. Для этого используются стилистические средства, такие как повтор-сцепление (*этого весьма важного, одного из самых важных ведомств*), эпитет *грандиозные (планы)*, и риторические приемы, такие как апелляция к патриотическому чувству (*немало сделано для развития Вооружённых сил, для решения социальных вопросов военнослужащих, продолжить всё положительное, что было сделано за последние годы*) и чувство долга (*и обеспечить динамичное развитие Вооружённых сил страны, обеспечить выполнение гособоронзаказа и тех грандиозных планов по перевооружению армии и флота, которые у нас есть*).

Подтверждающая перформативная стратегия реализуется в политическом дискурсе в нисходящем векторе «субъект — объект — адресат» посредством тактики доминирующего субъектного позиционирования в директивных высказываниях (указы президента, постановления правительства и парламента). Сюда же относятся предвыборные лозунги, в которых субъект косвенно советует адресату голосовать за него для собственного блага: *Защитим себя сами!* (Партия пенсионеров); *Голосуй или проиграешь!* (Б. Ельцин). Идеологическая нагруженность таких высказываний проявляется косвенно: субъект подтверждает свою приверженность принятой им идеологии, отдавая директивы, способствующие ее укреплению.

Примером действия подтверждающей стратегии в восходящем векторе «субъект — объект — адресат» является реализация тактики недоминирующего субъектного позиционирования в обращениях представителей государств в различные международные организации (Международный суд ООН, Европейский суд по правам человека и т. п.) для разрешения международных споров и ситуаций, которые могут привести к нарушению стабильности или мира в стране. Таковым был иск в Международный суд ООН, поданный Грузией 12 августа 2008 г. и содержащий обвине-

ния в адрес России в нарушении Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. В исковом заявлении Грузия требовала от суда заставить Россию вывести войска с территорий Абхазии и Южной Осетии, обеспечить возвращение туда грузинских беженцев и гарантировать им право на собственность и таким образом «обеспечить защиту этнических грузин» на этих территориях (<http://www.bbc.co.uk>). Подавая заявление в международный суд, государство признает, с одной стороны, собственное бессилие в решении проблем, угрожающих ее идеологическим установкам, а с другой — более высокую компетентность международных органов в сфере устранения возникших угроз.

В рамках подтверждающей стратегии реализуются тактики дружественного/конфронтационного позиционирования (в прямом векторе) в жанрах, находящихся на стыке политического и дипломатического видов дискурса. Примерами их реализации являются регулярные принятия официальных приглашений на мероприятия государственного уровня / отказы от приглашения и вступление в военный конфликт по требованию союзного договора о сотрудничестве / отказ от вступления. В качестве примера рассмотрим отрывок из речи У. Черчилля «We Shall Fight on the Beaches» / «Мы будем драться на пляжах», произнесенной им в палате общин 4 июня 1940 г.:

The British Empire and the French Republic, linked together in their cause and in their need, will defend to the death their native soil, aiding each other like good comrades to the utmost of their strength. Even though large tracts of Europe and many old and famous States have fallen or may fall into the grip of the Gestapo and all the odious apparatus of Nazi rule, we shall not flag or fail. We shall go on to the end, we shall fight in France, we shall fight on the seas and oceans, we shall fight with growing confidence and growing strength in the air, we shall defend our Island, whatever the cost may be, we shall fight on the beaches, we shall fight on the landing grounds, we shall fight in the fields and in the streets, we shall fight in the hills; we shall never surrender, and even if, which I do not for a moment believe, this Island or a large part of it were subjugated and starving, then our Empire beyond the seas, armed and guarded by the British Fleet, would carry on the struggle, until, in God's good time, the New World, with all its power and might, steps forth to the rescue and the liberation of the old (<http://www.winstonchurchill.org>). — *Британская империя и Французская Республика, соединенные вместе общим делом и задачей, будут защищать до смерти свою Родину, помогая друг другу как хорошие товарищи на пределе своих сил. Даже если огромные просторы Европы, многие древние и прославленные государства пали или могут попасть в тиски гестапо и других гнусных машин нацистского управления, мы не сдадимся и не проиграем. Мы пойдем до конца, мы будем биться во Франции, мы будем бороться на морях и океанах, мы будем сражаться с растущей уверенностью и растущей силой в воздухе, мы будем защищать наш остров, какова бы ни была цена, мы будем драться на побережьях, мы будем драться в*

портах, на суше, мы будем драться в полях и на улицах, мы будем биться на холмах; мы никогда не сдадимся, и даже если так случится, во что я ни на мновение не верю, что этот остров или большая его часть будет порабощена и будет умирать с голода, тогда наша империя за морем, вооруженная и под охраной британского флота, будет продолжать сражение, до тех пор, пока, в благословенное Богом время, Новый мир, со всей его силой и мощью, не отправится на спасение и освобождение Старого (<http://aillarionov.livejournal.com/727754.html>).

В своей речи У. Черчилль реализует тактику дружественного позиционирования, демонстрируя готовность своего государства выступать против нацистской Германии в союзе с Францией. Для этого используются приемы отождествления себя с союзником: многократный повтор личного местоимения 1-го лица множественного числа *we*, притяжательные местоимения множественного числа *our*, *their*, взаимные местоимения *each other*, метафора *linked together in their cause and in their need*, сравнение *aiding each other like good comrades*.

Оспаривающая перформативная стратегия реализуется в политическом дискурсе посредством реабилитирующей/дискредитирующей тактик в жанрах, находящихся на стыке политического и юридического видов дискурса (суд над государствами по обвинению в международных преступлениях). Такие суды осуществляются специальными органами — международными трибуналами. Примерами являются Нюрнбергский процесс над бывшими руководителями гитлеровской Германии 1945—1946 гг., Гаагский трибунал по бывшей Югославии (для судебного преследования лиц, ответственных за нарушения международного гуманитарного права, совершенных на территории бывшей Югославии с 1991 г.), Международный военный трибунал для Дальнего Востока 1946 г. (Токийский трибунал для судебного преследования японских военных преступников, виновных в развязывании Второй мировой войны) и Международный трибунал по Руанде (для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид на территории Руанды и соседних государств с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г.) [Большой юридический словарь www].

Трансформирующая перформативная стратегия реализуется в политическом дискурсе в коммуникативном векторе «субъект — объект — адресат» посредством тактик мелиоративно- и дегенеративно-ориентированного позиционирования в жанрах, находящихся на стыке политического и дипломатического видов дискурса (при-

знание/непризнание одним государством результатов всенародного референдума в другом государстве, принятие международных санкций / отказ от присоединения к ним, принятие официального приглашения на мероприятия государственного уровня / отклонение приглашения).

Итак, в политическом дискурсе реализуются четыре перформативные стратегии. Устанавливающая стратегия реализуется посредством тактик субъектной и адресатной идентификации, а также лимитирующей и экспансивной тактик. Подтверждающая стратегия реализуется посредством тактик доминирующего/недоминирующего субъектного позиционирования, а также тактик дружественного/конфронтационного позиционирования. Оспаривающая стратегия реализуется посредством реабилитирующей/дискредитирующей тактик в жанрах, находящихся на стыке политического и юридического видов дискурса. Трансформирующая стратегия реализуется посредством тактик мелиоративно- и дегенеративно-ориентированного позиционирования в жанрах, находящихся на стыке политического и дипломатического видов дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой юридический словарь. — М. : Инфра-М, 2003. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 9.03.2015).
2. Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицанова. — Минск : Изд. В. М. Скакун, 1998.
3. Тюпа В. И. Дискурс. Жанр. — М. : Intrada, 2013.
4. Философский энциклопедический словарь. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 9.01.2014).
5. Афоризмы. URL: http://www.aphorism.ru/slogan/election_5.shtml (дата обращения: 10.04.2015).
6. История России. URL: <http://histrf.ru/ru/lichnosti/speeches> (дата обращения: 13.02.2015).
7. Лозунги (слоганы) различных российских политических кампаний. URL: <http://web-local.rudn.ru> (дата обращения: 12.04.2015).
8. Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/documents> (дата обращения: 20.04.2015).
9. Правда о Путине. URL: <http://pravdaoputine.ru> (дата обращения: 13.02.2015).
10. Русская служба Би-би-си. URL: <http://www.bbc.co.uk> (дата обращения: 19.04.2015).
11. Словарь политических слоганов. URL: <http://www.akamedia.ru> (дата обращения: 12.08.2015).
12. Соглашение о создании СНГ от 8 декабря 1991 г. URL: <https://ru.wikisource.org> (дата обращения: 21.04.2015).
13. Черчилль У. Мы будем драться на пляжах. URL: <http://aillarionov.livejournal.com/727754.html> (дата обращения: 23.04.2015).
14. The Churchill Centre. We Shall Fight On the Beaches. URL: <http://www.winstonchurchill.org> (дата обращения: 23.04.2015).
15. SloganBase. Все для копирайтеров. URL: <http://www.sloganbase.ru> (12.08.2015).

E. N. Gorbacheva
Astrakhan, Russia

STRATEGIC PERFORMATIVITY IN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article studies the means of realization of a communicative act in political discourse, i.e. actualization of strategic performativity through four performative strategies: those of establishing, confirming, arguing and transforming the status of certain aspects of communication. The establishing strategy is realized by means of the tactics of subjective identification (self-declaration, dissociation from office, election campaign slogan), that of addressee's identification (appointment to office), and limiting and expanding tactics (political agreement / declaration). The confirming strategy is realized through the tactics of dominating / non-dominating subjective positioning (Presidential or government decrees, bills of the parliament / state appeals to international organizations), the tactics of friendly / confrontational positioning (entry into war according to a treaty of alliance / renunciation of war). The arguing strategy is realized by means of rehabilitating / discrediting tactics through the genres belonging both to political and juridical discourses (international tribunal). The trans-*

forming strategy is realized by means of meliorating / deteriorating tactics through the genres belonging both to political and diplomatic discourses (recognition of the results of a referendum as legitimate / illegitimate, imposing / lifting sanctions).

KEYWORDS: *political discourse; strategic performativity; performative strategies and tactics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Gorbacheva Elena Nikolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English Philology, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia.*

REFERENCES

1. Bol'shoy yuridicheskiy slovar'. — M. : Infra-M, 2003. URL: <http://dic.academic.ru> (data obrashcheniya: 9.03.2015).
2. Noveyshiyy filosofskiy slovar' / pod red. A. A. Gritsanova. — Minsk : Izd. V. M. Skakun, 1998.
3. Tyupa V. I. Diskurs. Zhanr. — M. : Intrada, 2013.
4. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'. URL: <http://dic.academic.ru> (data obrashcheniya: 9.01.2014).
5. Aforizmy. URL: http://www.aphorism.ru/slogan/election_5.shtml (data obrashcheniya: 10.04.2015).
6. Istoriya Rossii. URL: <http://histrf.ru/ru/lichnosti/speeches> (data obrashcheniya: 13.02.2015).
7. Lozungi (slogany) razlichnykh rossiyskikh politicheskikh kampaniy. URL: <http://web-local.rudn.ru> (data obrashcheniya: 12.04.2015).
8. Organizatsiya Ob"edinennykh Natsiy. URL: <http://www.un.org/ru/documents> (data obrashcheniya: 20.04.2015).
9. Pravda o Putine. URL: <http://pravdaoputine.ru> (data obrashcheniya: 13.02.2015).
10. Russkaya sluzhba Bi-bi-si. URL: <http://www.bbc.co.uk> (data obrashcheniya: 19.04.2015).
11. Slovar' politicheskikh sloganov. URL: <http://www.akamedia.ru> (data obrashcheniya: 12.08.2015).
12. Soglasenie o sozdanii SNG ot 8 dekabrya 1991 g. URL: <https://ru.wikisource.org> (data obrashcheniya: 21.04.2015).
13. Cherrhill' U. My budem drat'sya na plyazhakh. URL: <http://aillarionov.livejournal.com/727754.html> (data obrashcheniya: 23.04.2015).
14. The Churchill Centre. We Shall Fight On the Beaches. URL: <http://www.winstonchurchill.org> (data obrashcheniya: 23.04.2015).
15. SloganBase. Vse dlya kopirayterov. URL: <http://www.sloganbase.ru> (12.08.2015).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. И. Карасик.

В. А. Копцева
Павлодар, Казахстан

ЖАНР ИНТЕРВЬЮ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Г. А. ЗЮГАНОВА

АННОТАЦИЯ. Анализируется языковая личность политического деятеля, репрезентированная в речевом жанре интервью. Рассмотрены коммуникативная цель, образ автора/адресата, образ прошлого/будущего, диктум, языковая организация. Материалом для анализа послужили тексты общественно-политических изданий и транскрипты интервью радиостанций за период с 2003 по 2014 г. Автор попытался проследить реализуемые политическим деятелем в жанре интервью коммуникативные стратегии информирования, самопрезентации, выражения мнения, дискредитации, защиты. В интервью политика представлено агитационное воздействие на адресата, который дифференцирован по принципу «свой» — «чужой». Автор уделяет особое место рассмотрению диалогической речи в жанре интервью, определяющей его респонсивный характер. Обнаружено, что участникам диалога присущи равноправные роли, поскольку интервьюируемый зачастую берет на себя роль журналиста. Автор характеризует Г. А. Зюганова как сильную инициативную языковую личность с активным речевым поведением. Образы прошлого и будущего интервью в дискурсе Г. Зюганова не имеют жесткой регламентации. С точки зрения автора, временная перспектива диктума свидетельствует о полисобытийности и информативности интервью. Автор приходит к выводу, что стилистически разнообразный лексикон, умелое владение широким репертуаром выразительных средств характеризуют политика в статусно-ролевом отношении как лидера, яркую, опытную и темпераментную личность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая коммуникация; языковая личность; речевой жанр; жанрообразующие признаки; интервью.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Копцева Валентина Александровна, аспирант кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета; старший преподаватель кафедры журналистики и филологии, Инновационный евразийский университет (Павлодар, Казахстан); адрес: 140003, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. М. Горького, 104/2, к. 419; e-mail: 83_valentina@mail.ru.

Наиболее частотным речевым жанром (далее — РЖ) политического дискурса, обладающим высококонвенциональным характером [Михальская 2000: 28-70], является интервью. Оно протекает в условиях диалога двух (иногда — трех и более) субъектов, находящихся в определенных статусно-ролевых отношениях: интервьюера, являющегося, как правило, журналистом, и интервьюируемого. В политическом интервью рассматривается актуальное общественно-политическое событие, отраженное в речевой деятельности причастного к нему политического деятеля.

Предметом нашего анализа стало политическое интервью Г. А. Зюганова. Цель статьи — вскрыть специфику языковой личности Геннадия Зюганова в коммуникативно-прагматическом аспекте на материале жанра интервью.

Главнейшим параметром модели любого речевого жанра (согласно анкете Т. В. Шмелевой [Шмелева 1990]) является **коммуникативная цель**. В анализируемых нами текстах коммуникативная цель представлена развернуто, что объясняется сложностью интервью, поскольку РЖ соотносится с несколькими взаимосвязанными речевыми актами и является результатом стилистической трансформации других речевых жанров. Частные коммуникативные цели сводятся к двум основным — информативной и воздействующей, и выбор каждой зависит от того, на кого она направлена — на журналиста или на широкие массы читателей.

По классификации жанровых образований разного объема, созданной К. Ф. Седовым, интервью является гипержанром, т. е. макрообразовани-ем, объединяющим в своем составе несколько жанров [Седов 1998: 18]. В диалоге с собеседником Геннадий Зюганов использует жанры как улучшающие (приветствие, извинение, благодарность, анекдот), так и ухудшающие (угроза, обвинение) коммуникацию. Сложная структура жанра обуславливается наличием частных речевых действий в интервью. С одной стороны,

Г. Зюганов констатирует факты (сообщение, признание и др.), соблюдает все правила этикета, используя жанры приветствия, благодарности, извинения, стремится расположить к себе адресата (анекдот). С другой стороны, политик пытается рассуждать, анализировать (мнение, предположение), дискредитировать оппонентов, используя такие субжанры, как обвинение, угроза.

Материалом для анализа послужили тексты из общественно-политических изданий и транскрипты интервью радиостанций, за период с 2003 по 2014 гг. Материал взят из интервью, размещенных на сайтах интернет-СМИ «Российская газета», «Газета.ру», «Новая газета», «БезФормата.ru», «Свободная пресса», «Эхо Москвы», «Комсомольская правда», а также на официальном сайте Коммунистической партии Российской Федерации.

Обязательным компонентом структуры речевого жанра является **образ автора — политика**. Авторское начало Г. Зюганова актуализируется через **стратегию самопрезентации**, проявляющуюся в следующих семантических позициях:

1. Позиция **«я — политик»**, выраженная личным местоимением «я» в форме 1 лица ед. ч. Политик представляет себя как деятельного человека (*я работаю, я написал, я встречался, я настаивал, я беседовал, я убеждал*) и демонстрирует личностное отношение к происходящему, заинтересованность в тех или иных событиях страны.

2. Позиция **«я — партия»**, выраженная личным местоимением «мы» эксплицитно представляет политика, идейных единомышленников и КПРФ как единую сплоченную команду. Политик идентифицирует себя как часть партии, способной принимать ответственные решения в жизни страны (*Мы только за последнее время в партию приняли 70 тысяч молодых талантливых людей*). Местоимение «мы» употребляется в сочетании с глаголами несовершенного вида с семантикой процессуальности, незавершенности (*Мы*

сейчас готовим хорошую группу талантливых ребят), а также в условных синтаксических конструкциях (*Если бы мои предшественники были более любознательными, мы бы не потеряли КПСС и СССР*). У адресата может сложиться двойственное впечатление: с одной стороны, согласно высказываниям Зюганова, партия принимает меры по улучшению жизни общества, а с другой стороны, действия партии воспринимаются как незавершенные, находящиеся в процессе реализации. Такое позиционирование политика может привести к коммуникативной неудаче.

3. Позиция «я — народ», выраженная личным местоимением «мы» («вы») в контексте единства автора и народа (*Мы — страна с тысячелетней культурой, страна с великими победами, прорывами, озарениями*). Сближение образа автора и народа подчеркивается употреблением в речи Зюганова общеизвестных фразеологизмов, крылатых выражений, пословиц и поговорок: *Утром включаю телевизор — он стоит на ковре у Ельцина и ему на блюдечке с голубой каемочкой отдает свои 14%*.

4. Позиция «я — гражданин», выраженная лексемой «гражданин», встречается редко (*являюсь почетным гражданином Орла*). Политик в речи Геннадия Зюганова дистанцирован от граждан, что свидетельствует о четком разделении социальных ролей в его представлении (*Учитывая, что за мной стоят десятки миллионов граждан, считаю, что позиция нашей партии должна быть известна любому руководителю*).

5. Позиция «я — простой человек», выраженная личным местоимением в форме 1 лица ед. ч., притяжательным местоимением «мой». Политик отождествляет и сближает себя с потенциальными избирателями, показывая, что ему присущи простые человеческие чувства (*я был потрясен, я был удивлен, верю, боялся*), демонстрируя принадлежность к определенной социальной, профессиональной группе (например, к рабочим).

6. Позиция «я — в роли власти» проявляется косвенно, имплицитно, когда политик моделирует ситуацию своего поведения на месте президента, правительства: *И я бы на месте Медведева к такого рода протестам прислушался*. Низкая частотность этой позиции в высказываниях Г. Зюганова, возможно, обусловлена отсутствием надежды или планов на реальное президентское правление.

Опираясь на частотность позиций в текстах интервью, сделаем вывод, что автор пытается позиционировать себя в первую очередь как решительного, волевого, опытного политика, принимающего активные действия и решения, а потом уже как представителя партии, желающего работать для народа. Также политик представляет себя в качестве простого человека с присущими ему чувствами и эмоциями. Это свидетельствует о намерении Г. А. Зюганова акцентировать собственную значимость, индивидуальность и лидерские качества.

Интервьюер и интервьюируемый учитывают **фактор адресата** — массовой аудитории. Адресатами Г. Зюганова выступают журналисты и читатели/слушатели, в числе которых находятся как единомышленники, так и оппоненты. При вы-

страивании хода интервью их реакция учитывается политиком посредством выбора определенных стратегий и тактик самопрезентационного, презентационного и дискредитирующего типов.

Стратегия информирования. Интервьюируемый находится в положении человека, который изначально в процессе обсуждения предоставляет информацию, отвечая на вопросы интервьюера.

Система вопросов журналистов способствует и реализации **стратегии выражения мнения** через **тактику моделирования диалога с читателем, тактику ссылки на авторитет и тактику совета**. Политик постоянно анализирует проблемы и явления жизни, выявляет причинно-следственные связи и предлагает пути решения конфликтных ситуаций, исходя из реалий окружающей действительности.

«Весьма действенным средством убеждения читателя в истинности выдвинутого тезиса является **вопросно-ответный комплекс** <...>» [Котурова, Баженова 2008: 67]. Не имея прямого контакта с аудиторией, политик в рамках стратегии выражения мнения применяет **тактику моделирования диалога с читателем**, речевыми маркерами которой служат вопросы, что подчеркивает уверенность в собственных суждениях: **Давайте зададимся вопросом: а почему классики становятся классиками? Да потому, что ключевые идеи, высказанные ими, остаются актуальными на все времена** [Решающее звено успеха].

Для реализации стратегии выражения мнения политик прибегает к **тактике ссылки на авторитет**, используя цитаты из Л. Толстого, У. Черчилля и др., которые поддерживают собственные выводы автора: *Николай, у Толстого есть интересная мысль: лучшие мысли приходят ко мне, когда я хожу гулять, и я каждое утро это делаю* [Стенограмма интервью Г. А. Зюганова (по материалам телеканала "Россия-24")].

Для коммуникативного поведения Г. Зюганова характерна **стратегия самопрезентации**, которая предполагает создание благоприятного впечатления на адресата и дальнейшее сближение с ним. Она реализуется через **тактику сближения, тактику приглашения к совместной деятельности и тактику заверения**. На первый план выдвигаются положительные стороны политики КПРФ. В результате формируется образ председателя КПРФ, выступающего гарантом политических изменений во благо страны и партии, которая знает пути устранения негативных процессов в государстве. Это происходит за счет ввода:

а) каузативных глаголов, входящих в лексико-семантическую группу защиты — «гарантировать», «защищать», «отстаивать» (**Я гарантирую: если меня активно поддержат на президентских выборах, мы проведем досрочные выборы** <...> [Полунин 2012]; **Нам приходится защищать почти всех, кто вышел на улицу, вступил в хозяйственный спор** [В России двоевластие всегда плохо заканчивалось]; **Отстаивая интересы большинства, мы уверены в своём успехе** [Интервью Г. А. Зюганова в газете «Правда»]);

б) глаголов семантического поля возможности — «суметь», «смочь»: **Мы сумеем вытащить страну, не доведем до дефолта, решим**

это миром и добром [Лебедев 2012]; *Сегодня мы смогли привести страну вплотную к левому повороту в политике* [Душенов 2003];

в) глагола принятия решения — «решить»: **Мы решим и проблемы российской экономики** [Полунин 2012].

Очевидно, что политик выступает полноправным соавтором текста интервью, от него зависит ход беседы. Г. Зюганов преследует прагматические цели, убеждая в возможности КПРФ защитить интересы общества, достичь положительных политических изменений во благо народа. Тем самым он привлекает внимание к себе и к партии. Образ автора эксплицируется в информированности и заинтересованности: политик положительно воспринимает вопросы, легко вступает в контакт, держится естественно. Нередко лидер КПРФ шутит, рассказывая анекдоты. Это характеризует политика как остроумную, раскованную, свободную от официальных отношений личность, которая владеет языковой игрой в разных коммуникативных ситуациях, стремясь привлечь аудиторию к собственной персоне и к своим идеям.

Благодаря вышеперечисленному можно утверждать, что политическое интервью в дискурсе Г. Зюганова принадлежит к типу агональных жанров, «в которых превалирует акционально-побудительный аспект политической коммуникации» [Шейгал 2005: 376]. Поскольку «борьба за власть предполагает наличие противоборствующих сторон — соперников или врагов» [Там же: 292]. Г. А. Зюганов скрыто или явно оказывает агитационное воздействие на адресата, воздействуя на его сознание, трансформируя сложившиеся представления, опровергая оппонентов в глазах аудитории.

Стратегия самопрезентации реализуется с помощью **тактики вежливости**, эксплицированной политическим деятелем через простые речевые жанры приветствия, прощания, благодарности, извинения, комплимента.

Тактика сближения, сокращения дистанции реализуется в интервью Г. Зюганова через выбор *ты-номинации* и призвана показать равенство участников коммуникации: *А ты не знала? Цветы, сад и пчелы. У меня огромная пасека, 30 семей* [Гамов-Рублевский 2014]. В свою очередь, **вы-номинация** используется в официальной обстановке, если политик не знаком с журналистом достаточно хорошо.

В зависимости от личности журналиста, политического деятеля, характера развиваемой темы, в ряде случаев интервью перерастает в жанр дискуссии, для которой характерно отстаивание участниками своей точки зрения, как, например, в беседе с Михаилом Барщевским, Светланой Сорокиной, Юрием Кобаладзе [Стенограмма интервью на радиостанции «Эхо Москвы»].

В свою очередь, адресат эксплицируется через **тактику приглашения к совместной деятельности**, маркером которой является модальная частица *давайте*: **Давайте завтра проведем референдум**. <...> [Григорьева, Замахина, Шкель 2014]; **Давайте вместе бороться и принимать решения** [«В России двоевластие всегда плохо заканчивалось»].

В числе средств воздействия на адресата используется **тактика заверения**, осуществляемая через выбор РЖ *заверения*: *Если бы они еще назвали парочку таких, уверяю вас, Путин и единороссы не добрали бы еще половины голосов*. [Стенограмма интервью Г. А. Зюганова (по материалам телеканала "Россия-24")]

Г. Зюганов широко использует **стратегию дискредитации**, реализованную в инвективных высказываниях, направленных на понижение статуса политических оппонентов и прежде всего — на действующее правительство во главе с партией «Единая Россия». Формированию данной стратегии служат: **тактика открытого обвинения, тактика упрека, тактика сопоставления, тактика наклеивания ярлыков**.

Тактика открытого обвинения направлена только на идеологических противников: *Назоеу конкретно: Кудрин — он не является министром финансов. Это бухгалтер, извините за жесткость, который своей финансовой политикой угробил все виды производства, в т. ч. и малый бизнес* [«В России двоевластие всегда плохо заканчивалось»].

Тактика упрека: *Обещали работу, но в прошлом году вузы и техникумы выпустили миллион человек, и на одно рабочее место приходится 17 заявлений* [Барщевский 2011].

Стратегия дискредитации реализуется через презентацию **«своего круга»** и отражается в семантических оппозициях «свой — чужой» [Бенвенист 2002; Степанов 2001; Шейгал 2000]. Представим данную оппозицию в табличной форме.

Таблица

Реализация оппозиции «свой» — «чужой» в РЖ интервью

Тип оппозиции	Способы языкового воплощения	Иллюстрации
по политическим убеждениям	Лексемы, обозначающие наименование и характеристику партий, политических взглядов, (<i>левое — правое, «Единая Россия»</i>); оценочные глаголы (<i>продолжает проседать, присосаться — укрепляет</i>); отрицательные частицы (<i>нет</i>); противительные союзы (<i>а</i>); антитеза; метафора (<i>мешку денежному, огрызки ельцинских кадровых политиков</i>); личные местоимения (<i>они — нашу</i>).	<i>Кризис протер глаза и продул уши, а выборная кампания показала, что "Единая Россия", продолжает проседать. Левые и народно-патриотические силы укрепляют свои позиции повсеместно.</i> [Григорьева, Замахина, Шкель 2014]

Тип оппозиции	Способы языкового воплощения	Иллюстрации
по социальному статусу	Лексемы, обозначающие материальное положение (<i>олигархи, магнаты</i>), социальный уровень (<i>олигархи, магнаты</i>), профессию (<i>студенты, аспиранты, врачи, учителя, ученые, предприниматели, рабочие, крестьяне</i>); личные местоимения (<i>наши</i>).	Олигархи к нам никакого отношения не имели и не имеют. [Закатнова 2004] Наши ряды пополняют студенты и аспиранты, врачи и учителя, ученые и предприниматели, рабочие и крестьяне. [Решающее звено успеха]
по территориальному признаку	Топонимы (<i>США</i>); лексемы, обозначающие объединение удаленно расположенных государств (<i>Евросоюз</i>)	На волне справедливого народного гнева заправили из США и Евросоюза привели к власти своих вассалов с откровенно фашистскими замашками. [Интервью Г. А. Зюганова в газете «Правда»]

Оппозиция «свой» — «чужой» способствует формированию совокупного образа коммунистов, представляющих строго обособленную партию, не взаимодействующую с другими политическими группами и системами.

Оппозиция проявляется и на грамматическом уровне: через личные местоимения «я» — «они», «мы» — «вы»; через притяжательные местоимения «наш», «свой» (*А мы предложили свой закон, и наш закон на порядок умнее и сильнее <...>* [Стенограмма интервью на радиостанции «Эхо Москвы»]), и на лексическом уровне посредством лексем с пространственным значением (*И это при том, что на референдуме 1991 года за сохранение СССР высказалось абсолютное большинство граждан* [Интервью Г. А. Зюганова в газете «Правда»]), а также посредством сочетания «так называемые» (*Остальные захватили так называемые новые собственники, которые беспощадно их эксплуатируют <...>* [Полунин 2012]), через местоимение «эти» с пренебрежительным оттенком значения (*Эти огрызки ельцинских кадровых политиков*).

Кроме того, политик критикует оппонентов при помощи **тактики сопоставления**. Во-первых, сравнивается положительный **образ коммунистического прошлого, коммунистов** и негативный **образ современного правительства и политиков**, репрезентируемый глаголами в прошедшем и настоящем времени и наречиями *раньше, сейчас*. Причем зачастую это сопровождается введением дополнительной **тактики шокирования фактами** (оперирование статистическими данными, обнародование крупных цифр): *Путин принимал страну, когда мы были 15-е. Сейчас мы 66-е. <...>* [Лебедев 2012].

Во-вторых, сопоставляются **образы** **бесправного нищего народа с истстрадавшимися народным сердцем**, который довольствуется *жалкими крохами*, а зарплата его подобна *бухенвальдской норме*, и **образ убитой страны, полумертвой развалившейся России**, находящейся в *тяжелейшем положении*, с **образом** **богатого влиятельного руководства страны, новоявленной олигархии, проказы, чумы любого общества**, где *по-прежнему жиреют за счет трудового народа*.

Формированию негативного представления служит **тактика наклеивания ярлыков**, языко-

выми маркерами которой являются эмоционально-оценочные лексемы сниженного и грубого характера: *упыри; бездары; воротилы; ворье; тупые бюрократы; пьяные самодуры*.

В рамках **стратегии защиты** политик распознает провокацию собеседника и старается избежать конфликтных ситуаций, применяя **тактику прямого ухода от ответа**. Например, на вопрос: *«Геннадий Андреевич, что вы думаете о названии партии ваших оппонентов?»*, политик отвечает: *«Комментировать эту тусовку я не хочу»* [Стенограмма интервью Г. А. Зюганова (по материалу телеканала "Россия-24")]. В то же время интервьюируемый использует провокацию как средство против самого журналиста при помощи **тактики ответа вопросом на вопрос** и перенаправляет провокационный вопрос на журналиста, тем самым, ставя его самого в неудобное положение. Иногда Г. Зюганов пользуется **тактикой смены темы** разговора, возможно, для защиты от нежелательных суждений собеседника относительно собственной личности. В диалоге языковая личность проявляется в полной мере.

Диалогическая речь в жанре интервью строится по схеме «стимул — реакция», придавая РЖ респонсивный характер. Традиционный формат интервью предполагает ведущую роль интервьюера, где в роли ведомого выступает политический деятель. Однако речевое поведение лидера КПРФ говорит о равноправных ролях участников диалога, поскольку интервьюируемый зачастую берет на себя роль журналиста. В этом заключается одна из специфических особенностей политического интервью как жанровой разновидности. Сказанное характеризует Г. Зюганова как сильную инициативную языковую личность с активным речевым поведением. Языковой личности лидера КПРФ свойственна прямолинейность. Как собеседник Геннадий Зюганов стремится отвечать развернуто, обоснованно и емко.

Жанрообразующими симметричными признаками любого речевого жанра выступают **образ коммуникативного прошлого и будущего**, представляющие события общения, предшествующие и последующие данному РЖ [Шмелева 1990: 29].

Образы прошлого и будущего интервью в дискурсе Г. Зюганова не имеют жесткой регламентации. Поводом для подготовки интервью

могут служить разные события, детерминирующие необходимость *заявления, обращения к избирателям, обещания, комментария, разговора с избирателем*, поводом могут послужить и иные события (*юбилей, итоги выборов, экономические преобразования*). Соответственно, наличие коммуникативного прошлого в интервью вариативно и зависит как от речевых событий, так и от экстралингвистических факторов.

Образ будущего в интервью политика не предполагает жесткого последующего возникновения событий. Тем не менее интервью может послужить поводом для прогнозирования будущего, предвосхищая появление *опровержения, дискуссии, дебатов, доклада, пресс-конференции, отчета, законопроекта*.

Диктум, или событийная основа, как признак, обращенный к внеречевой действительности, является релевантным для жанра интервью. События либо явления, о которых идет речь в интервью, связаны с жизнью современного общества и отражают актуальные стороны политической и социальной сфер деятельности людей.

Интервьюируемый опирается на известную ему информацию, реалии, мнения из области собственной политической деятельности, российской и мировой действительности: *В ходе скоротечной избирательной кампании по выборам мэра здесь обстреляли офис нашего кандидата в мэры города Анатолия Локотя, жестоко избили его помощника* [Интервью Г. А. Зюганова в газете «Правда»].

Временная перспектива диктума свидетельствует о полисобытийности и информативности интервью в дискурсе Зюганова, поскольку оно содержит серию эпизодов и фактов из прошлого (*Еще в 1996 году против меня издавали газету «Не дай бог!», и я знаю, кто ее готовил. <...> С другой стороны, я посещал монастыри, храмы, в молодости ездил в Киево-Печерскую лавру, внимательно слушал, как крестили Русь, потом в Псково-Печерскую*. [Геннадий Зюганов: «Съезд «Единой России» напомнил мне худшие образчики массовок КПСС»), а также настоящего (*Сейчас тракторов делаем мало, а пшеницу поставляем на экспорт и продукты есть в любом магазине* [Барщевский 2011]). Г. Зюганов рассказывает не только об уже свершившихся, но и о предстоящих событиях, что в целом связано с его политической программой: *Буду максимально использовать возможности, чтобы влиять на политику и в т. ч. на президента* [В России двоевластие всегда плохо заканчивалось]. Временной план прошедшего (настоящее и будущее встречаются реже) реализуется через использование прошедшего времени, придаточных времени, которые вводятся с помощью временных союзов (*когда*), лексических средств со значением времени (*раньше*), дат (*в 1999 году*). В интервью Зюганов постоянно говорит о ценностях советской эпохи, о социальных гарантиях, которые предоставляло государство советским людям. В итоге у аудитории складывается ощущение ностальгии по безвозвратно потерянное времени, которая обостряется на фоне разрушенной современной России, изображаемой политиком.

Языковое воплощение жанра интервью складывается из лексических и грамматических средств, выбор которых зависит от ситуации проведения беседы.

Вербально-семантический уровень языковой личности Зюганова характеризуется использованием публицистической лексики, поскольку она реализует важную для политической борьбы функцию убеждения аудитории, воздействия на людей (*кворум; коммерциализация; дивиденды; указ; фракции; дума; проекты; законы; президентские выборы*).

Выбор такой лексики (*голосование, депутат, парламент, указ, оппозиция, избиратель, мэр* и т. п.) направлен на адресата, хорошо разбирающегося в политике, умеющего воспринимать абстрактную информацию и имеющего интерес к политической жизни.

Как идеолог коммунистической партии, Г. А. Зюганов иногда использует в речи советизмы: *митинги; в защиту прав трудящихся; школа комсомольского актива; обком; партия; комсомол*. Этот тип лексики выбран также с расчетом на адресата — зрелых и пожилых людей, становление личности которых происходило в советское время.

Интервью Г. А. Зюганова включают терминологическую лексику, принадлежащую разным сферам и отраслям. Наиболее употребительными являются термины из общественно-политической области (*политическая реформа, сенаторы, премьер-министр, парламент, демократия*), поскольку идеология политика направлена прежде всего на социум, а также термины социально-экономического характера (*социальная защита граждан, оффшоры, национализация минерально-сырьевой базы, прожиточный минимум*).

Есть и лексика, относящаяся к религиозной сфере (*Библия; царство небесное; инквизиция; проповедую; духовное окормление паствы; святая святых; перед судным днем*). Это объясняется тем, что коммунистическая партия современной России в новых условиях изменяет свое отношение к религии, поэтому речь ее лидера содержит соответствующие слова и выражения. Кроме того, Г. Зюганов не раз упоминает в ряде интервью о перегибах советской власти в религиозном вопросе, считая этот факт ошибочным.

В интервью политика следует отметить наличие готовых стереотипных оборотов — речевых штампов и клише, закрепленных в публицистическом и официально-деловом стилях: *администрация; заряд энергии; ключ к успеху; акция протеста; реальный сектор экономики*. Это в известной степени усложняет восприятие речи Г. Зюганова, делая ее стандартизированной и шаблонной.

Наряду с книжной лексикой, Г. Зюгановым широко используется разговорная, просторечная и жаргонная лексика. Выбор лексики такого рода свидетельствует о том, что политик ориентируется в целом на массового адресата с невысоким уровнем образования.

На тезаурус языковой личности значительное влияние оказывает демократизация языка и исчезновение цензуры, что проявляется в интен-

сивном использовании просторечных слов и выражений (*позарез нужна; вылезти из этого дерьма; плевать на советскую эпоху; похабный*), а также жаргонизмов (*с какого бодуна; ошельмут; уйти в кусты и оттуда кукарекать; ублюдочный*), придающих речи дополнительную выразительность и эмоциональность. Это свидетельствует о стремлении политика «быть своим» среди разных социальных слоев населения, тем более что сам он в интервью газетам «Правда» и «Советская Россия» признавал допустимость употребления сниженной лексики: «*Нам нужна армия агитаторов, без труда переводящих программные положения КПРФ на язык конкретных социальных групп*» [Решающее звено успеха].

Однако употребление Г. Зюгановым сниженной лексики с целью демонстрации языковой раскованности приводит, на наш взгляд, к коммуникативной неудаче, поскольку происходит столкновение двух культур: элитарной, к которой относится политик, и социально ограниченной. Возникает нарушение норм литературного языка, на котором говорит большая часть аудитории политика.

В речи политика встречается эмоционально окрашенная лексика: *вопиющий национальный перекоп; катастрофическое состояние страны, массовое обнищание и вымирание ее населения*. Основной мотив использования экспрессивной лексики заключается в необходимости позиционировать себя с помощью речи.

Среди лексических средств выразительности следует особо отметить фразеологизмы и крылатые слова, придающие речи политика парадоксальность и контрастность: *на блюдечке с голубой каемочкой; оказать медвежью услугу; к нашему пиджаку эта пуговица совсем не подходит; ящик Гандоры; прошли не только огонь и воду, но и испытание медными трубами*. Малочисленны в интервью элементы устного народного творчества, хотя встречаются, например, пословицы: *кто посеял ветер — пожнет бурю; сколько веревочка ни вейся, а конец будет*. Нужно отметить негативную семантику большей части употребляемых в речи политика паремий с целью усиления недовольства существующим положением вещей.

Г. А. Зюганов широко использует слова не в прямом, а в переносном значении. Это различные **выразительные средства языка**, в числе которых **тропы** (метафора, эпитет, сравнение, олицетворение, плеоназм, оксюморон, перифраз, метонимия) и стилистические **фигуры** (градация, антитеза, анафора, риторический вопрос).

Наиболее частотным тропом является **эпитет**, как правило, характеризующий те или иные реалии российской жизни в негативном ключе (*жалкие крохи; бухенвальдская норма; грязные выборы; голодные бунты*), а то, что связано с коммунистической партией, — в позитивном (*остатки советской совести; благодаря мощному отряду искренних и твердых коммунистов*). В результате у аудитории создается впечатление о крайне тяжелом состоянии государства, разрушенном современным правительством, законами, чиновниками, криминальными сообществами.

Для усиления эмоционального накала интервьюируемый включает в речь большое количество

во **метафорических употреблений**. Автор старается представить малодоступные, абстрактные политические понятия через номинации, понятные простому обывателю (*политический винегрет; ремонт конституции; бесконтрольная исполнительная власть — это проказа, это чума любого общества*). Геннадий Зюганов создает обобщенный образ постсоветской страны (*сладкий плод «демократизации» выродился в развал страны*), находящейся в яме (*в яму финансово-экономического кризиса*), имеющей вид опустившегося, больного человека (*небритый социализм*); *начался зуд нового партстроительства*), страны, которой руководит уголовная власть (*казнокрады высасывают жилительные соки; присосавшись к нефтегазовой соске; бандитизация страны*). Идеиные противники — партия «Единая Россия» — в результате незаконного избрания получают право руководить страной (*глава Мордовии Николай Меркушин ссыпает все голоса в ведро под названием «Единая Россия»; факт демарша трех фракций*), а их политика сравнивается с *либеральным фашизмом*. Прибегая к метафоре, лидер КПРФ открыто воздействует на адресата, показывая своих политических оппонентов в стране в невыгодном свете.

Особое место в жанре интервью занимает **перифраз**, в котором прямое наименование явления или предмета заменяет описательный оборот. Чаще всего в интервью Г. Зюганова перифразами являются фамилии его политических оппонентов (*посадили главного разрушителя энергосистемы, лучшей в мире, и главного жулика, который спустил в сточную канаву гигантскую собственность страны, — для меня это очень плохой сигнал. Чубайсу под его программу «Единая Россия» выделила 130 млрд. рублей*).

Кроме того, в речи политика употребляются **сравнения**, умелое использование которых позволяет Зюганову добиться зрительных ассоциаций с военными действиями и физическим уничтожением (*расстреляли на дороге как последнюю собаку; на нас смотрят как на пушечное мясо; и, полумертвая, как Феникс, возродилась*).

Для эмоционального воздействия политиком вводится **олицетворение**, которое позволяет представить власть в виде лицемерного и двуличного преступника (*«Единая Россия» насильно вала страну; Власть укоротила политические амбиции; <...> власть делает вид*) и большой страны (*старееет и вымирает нация; финансово-экономическую систему лихорадит*), которая не способна противостоять власти в тяжелых условиях (*Кризис протер глаза; рынок просел*). Воздействие на адресата связано с уверениями в будущих положительных изменениях (*страна выздоровеет*), инициаторами которых станет партия коммунистов и ее лидер (*мы создадим тот локомотив роста, который потащит за собой всю экономику*).

Переносное значение **оксюморона** «У цветов «свободы» оказался жуткий запах сивушно-го перегара» отсылает читателя к образу Бориса Ельцина, постоянно сравниваемого политиком с деградировавшим алкоголиком (*Ельцин пропил здоровье и всё остальное; спившегося и разло-*

жившегося Ельцина). Сам Зюганов противопоставляет ему себя, подчеркивая превосходство своего образа жизни (*Я пью гораздо меньше Ельцина*).

Плеоназмы в речи Г. Зюганова (*к страшным потрясениям и разрушениям, законченными подлецами и преступниками; жуткой экономической депрессии; гнуснейшего ополчения*) усиливают негативный настрой аудитории.

Взывая к гражданскому чувству реципиентов, Зюганов апеллирует к патриотам, людям, неравнодушным к судьбе страны, умело используя **градацию** (*убитой, уничтоженной, разорванной, истерзанной страны*) и **антитезу** (*война и диалог*).

Среди речевых фигур, используемых Г. Зюгановым, можно выделить **анафору** как разновидность повтора. Ряды синтаксических однородных компонентов акцентируют ключевые смыслы текста, придают динамизм сказанному, помогают речи политика придать вес и твердость позиции (*Без сильного государства мы не можем выжить на этих просторах. Без высокой духовности русский мужик запьет. Без чувства локтя, коллективизма нас растопчут не самые сильные соседи. Без справедливости наш народ вообще не может жить* [Григорьева, Замахина, Шкель 2014]).

Речь политика насыщена образными выражениями, в том числе **оказиональными**: *«живопырки»; российской плутократии; для общепланетарного «электронного концлагеря»*. Их употребление определено стремлением повысить речевую экспрессию. При образовании оказионализма *«чурodelьство»* использована контаминация фамилии политического противника Чурова и существительного *чарodelьство*, что понижает статус политического конкурента — *исправит это «чурodelьство»*.

Богатый, стилистически разнообразный лексикон, умелое владение широким репертуаром выразительных средств характеризует политика в статусно-ролевом отношении как лидера, яркую, опытную и темпераментную личность. Экспрессивный тип языковой личности Зюганова вполне релевантен политическому дискурсу, реализующему функции воздействия и информативности.

В текстах интервью можно обнаружить и элементы научного стиля, в котором логичность и аргументация речи проявляется через языковое метаструктурирование. Г. Зюганов умело использует правила аргументации, за счет которых осуществляется воздействие на адресата. В речь вводятся аргументативные маркеры (указания на причинно-следственные связи), точен порядок следования аргументов, убедительно их резюмирование. Метатекстовые средства в речи языковой личности также свидетельствуют о логичности высказываний, подчеркивают уверенность политика в себе и его убежденность в силе слова.

Исходя из классификации типов языковых личностей по способности к кооперации в речевом поведении [Седов 2000: 6], языковая личность Г. Зюганова относится в значительной степени к кооперативно-актуализаторскому типу. Это проявляется в том, что политик стремится к кооперации с аудиторией, потенциальными избирателями. В речевом взаимодействии он может

поставить себя на место собеседника, «взглянуть на изображаемую в речи ситуацию его глазами» [Там же: 10]. Политик ориентируется не только на адресата, но и на себя, он интересуется мнением интервьюера и аудитории, но не считает должным всегда разделять чужую позицию.

Реализация системы устойчивых речевых средств с точки зрения противопоставлений психологических типов свидетельствует об экстравертированном типе личности Зюганова, в основе которой лежит интенция установления контакта с адресатом. Проявления контактности политика варьируются в зависимости от степени официальности обстановки. В дружеской, неофициальной обстановке проведения интервью, предполагающей сокращение дистанции, это фатический тип языковой личности. В официальной ситуации это скорее рационально-аналитический тип.

Зюганов предстает в интервью лидером КПРФ, оппозиционером правящей власти, который умеет признавать ошибки коммунистической партии в прошлом, но не прощает ошибок своих противников. Его политическая деятельность является центральной темой всех интервью. В основе его речевого поведения — стратегии самопрезентации и дискредитации, причем выбор какой-либо из них зависит от типа аудитории. В целом политик представляет себя как профессионального руководителя с богатым личным опытом, работающим на благо народа; как партийца, отстаивающего коммунистические взгляды единой сплоченной команды; как простого трудолюбивого человека, который хорошо знаком с российской действительностью. Одновременно политик критикует идеологических оппонентов, в отношении которых применяется стратегия дискредитации. В созданных журналистами конфликтных ситуациях Г. Зюганов старается уйти от провокации, но способен переходить к прямым обвинениям и угрозам, резкой критике власти, не справляющейся с задачами управления страной, что воспринимается аудиторией одновременно как игра на повышение своего имиджа и «игра на понижение» в отношении власти.

Языковая личность Г. А. Зюганова оригинальна и прямолинейна. Как собеседник Геннадий Зюганов стремится отвечать полно и обоснованно, однако его высказываниям присуща громоздкость, о чем свидетельствуют соответствующий выбор сложных типов реплик, и претензия на абсолютную истину, что подчеркивается обособлением своего круга политических сторонников. Мена коммуникативных ролей в пользу лидера КПРФ указывает на активное речевое поведение политика. В данном случае языковая личность изменяет каноническое распределение статусов и ролей речевого жанра. Помимо этого, конфликтная речевая деятельность Г. Зюганова способствует трансформации жанра, переводя интервью в жанр дискуссии.

ИСТОЧНИКИ

1. Душенов К. Святая Русь и Кошевое Царство // Русь православная. 2003. URL: <http://kommynist.info/?topic=25277.0> (дата обращения: 25.08.2014).
2. Закатнова А. Два вождя. Геннадий Зюганов и Владимир Тихонов о будущем коммунистов // Российская газета. 2004. URL: <http://www.rg.ru/2004/10/01/kompartii.html> (дата обращения: 25.08.2014).

3. Решающее звено успеха. Интервью председателя ЦК КПРФ Г. А. Зюганова газетам «Правда» и «Советская Россия». 2009. URL: http://www.kprf.org/showthread-t_5413.html (дата обращения: 25.08.2014).

4. В России двоевластие всегда плохо заканчивалось // Газета.ру. 2010. URL: <http://www.gazeta.ru/interview/nm/s3340119.shtml> (дата обращения: 25.08.2014).

5. Барщевский М. Родом из СССР // Российская газета. 2011. URL: <http://www.rg.ru/2011/05/05/zyuganov.html> (дата обращения: 25.08.2014).

6. Геннадий Зюганов: «Съезд „Единой России“ напомнил мне худшие образчики массовок КПСС» // Новая газета. 2011. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/49738.html> (дата обращения: 25.08.2014).

7. Лебедев А. Интервью Г. А. Зюганова «Новой Газете» // БезФормата.ru. 2012. URL: <http://kurgan.bezformata.ru/listnews/intervyu-g-a-zyuganova-novoj-gazete/2604817/> (дата обращения: 25.08.2014).

8. Полуниин А. Геннадий Зюганов: «Россия должна взять лево руля» // Свободная пресса. 2012. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/51553> (дата обращения: 25.08.2014).

9. Барщевский М. Тратить деньги не грешно // Российская газета. 2012. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/13/zuganov.html> (дата обращения: 25.08.2014).

10. Стенограмма интервью Г. А. Зюганова (по материалам телеканала «Россия-24») // Коммунистическая партия Российской Федерации. 2012. URL: http://kprf.ru/party_live/108546.html (дата обращения: 25.08.2014).

11. Стенограмма интервью на радиостанции «Эхо Москвы». 2013. URL: <http://echo.msk.ru/programs/sorokina/1010524-echo/> (дата обращения: 25.08.2014).

12. Григорьева Е., Замахина Т., Шкель Т. Левый поворот // Российская газета. 2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/01/21/zuganov.html> (дата обращения: 25.08.2014).

13. Гамов-Рублевский А. Геннадий Зюганов: «Я пью гораздо меньше Ельцина, но больше Горбачева» // Комсомольская

правда. 2014. URL: <http://www.kp.ru/daily/26248.4/3128410/> (дата обращения: 25.08.2014).

14. Интервью Г. А. Зюганова в газете «Правда» // Коммунистическая партия Российской Федерации. 2014. URL: <http://kprf.ru/party-live/cknews/129861.html> (дата обращения: 25.08.2014).

ЛИТЕРАТУРА

15. Бенвенист Э. Общая лингвистика : пер. с фр. / общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. Изд. 2-е, стер. — М. : Едиториал УРСС, 2002.

16. Копырова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи. Текст и его редактирование : учеб. пособие. — М. : Флинта, 2008.

17. Михальская А. К. Полевая структура политического дискурса: метод анализа и описания речевого поведения политика в политическом интервью // Журналистика в 1999 году : тез. науч.-практ. конф. — М. : МГУ, 2000. Ч. 5. С. 28—70.

18. Седов К. Ф. Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1998.

19. Седов К. Ф. Типы языковых личностей по способности к кооперации в речевом поведении // Проблемы речевой коммуникации. — Саратов, 2000. С. 6—12.

20. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Академический проект, 2001.

21. Шейгал Е. И. Семиотика российского дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2005. URL: <http://diss.rsl.ru/diss/02/0004/020004014.pdf> (дата обращения: 02.12.2014).

22. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Волгоград : Перемена, 2000.

23. Шмелева Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика : науч. журн. актуальных проблем преподавания русского языка. — Berlin, 1990. № 2. С. 20—32.

24. Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. — М. : Учпедгиз, 1957.

V.A. Koptseva

Pavlodar, Kazakhstan

GENRE OF INTERVIEW IN GENNADIY ZYUGANOV'S POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article analyzes the linguistic personality of a politician which is represented in the communicative genre of interview. It studies the communicative aim, the image of the author/addressee, the image of the past/future, the dictum and the linguistic structure. Texts of socio-political publications and transcripts of interviews from radio stations in the period of 2003 - 2014 are chosen as material for analysis. The author attempts to carry out a consistent study of communicative strategies of informing, self presentation, expression of opinion, discreditation and protection used by a politician in the genre of interview. The interview of a politician is called upon to generate an impact on the addressee that is differentiated according to the principle "own" and "alien". The author gives special emphasis to the study of dialogue in the genre of interview that defines its responsive character. It is found that the dialogue-interview is characterized by equality of roles as the interviewee often adopts the role of the interviewer. The author describes G.A. Zyuganov as a strong initiative linguistic personality with active language behavior. The images of the past and future interview in the discourse of G. Zyuganov do not have fixed regulation. From the author's view point the temporary perspective of dictum shows multi-eventfulness and informative value of interview. The author comes to the conclusion that the stylistic versatile vocabulary and the presence of a wide-ranging repertoire of expressive means characterize the politician as a high-status top performer, bright, experienced and temperamental personality.*

KEYWORDS: *political communication; linguistic personality; speech genre; genre characteristics; interview.*

ABOUT THE AUTHOR: *Koptseva Valentina Aleksandrovna, Post-graduate Student of Department of Modern Russian, Novosibirsk State Pedagogical University; Senior lecturer of Department of Journalism and Philology, Innovative University of Eurasia, Pavlodar, Kazakhstan.*

REFERENCES

1. Dushenov K. Svyataya Rus' i Koshcheevo Tsarstvo // Rus' pravoslavnaya. 2003. URL: <http://kommyunist.info/?topic=25277.0> (data obrashcheniya: 25.08.2014).

2. Zakatnova A. Dva vozhdya. Gennadiy Zyuganov i Vladimir Tikhonov o budushchem kommunistov // Rossiyskaya gazeta. 2004. URL: <http://www.rg.ru/2004/10/01/kompartii.html> (data obrashcheniya: 25.08.2014).

3. Reshayushchee zveno uspekha. Interv'yu predsdatel'ya TsK KPRF G. A. Zyuganova gazetam «Pravda» i «Sovetskaya Rossiya». 2009. URL: http://www.kprf.org/showthread-t_5413.html (data obrashcheniya: 25.08.2014).

4. V Rossii dvoevlastie vseгда plokho zakanchivalos' // Gazeta.ru. 2010. URL: <http://www.gazeta.ru/interview/nm/s3340119.shtml> (data obrashcheniya: 25.08.2014).

5. Barshchevskiy M. Rodom iz SSSR // Rossiyskaya gazeta. 2011. URL: <http://www.rg.ru/2011/05/05/zyuganov.html> (data obrashcheniya: 25.08.2014).

6. Gennadiy Zyuganov: «S"ezd „Edinoy Rossii“ napomnil mne khudshie obrazchiki massovok KPSS» // Novaya gazeta. 2011. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/49738.html> (data obrashcheniya: 25.08.2014).

7. Lebedev A. Interv'yu G. A. Zyuganova «Novoy Gazete» // BezFormata.ru. 2012. URL: <http://kurgan.bezformata.ru/listnews/intervyu-g-a-zyuganova-novoj-gazete/2604817/> (data obrashcheniya: 25.08.2014).

8. Polunin A. Gennadiy Zyuganov: «Rossiya dolzhna vzyat' levo rulya» // Svobodnaya pressa. 2012. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/51553> (data obrashcheniya: 25.08.2014).

9. Barshchevskiy M. Tratit' den'gi ne greshno // Rossiyskaya gazeta. 2012. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/13/zuganov.html> (data obrashcheniya: 25.08.2014).
10. Stenogramma interv'yu G. A. Zyuganova (po materialam telekanala «Rossiya-24») // Kommunisticheskaya partiya Rossiyskoy Federatsii. 2012. URL: http://kprf.ru/party_live/108546.html (data obrashcheniya: 25.08.2014).
11. Stenogramma interv'yu na radiostantsii «Ekho Moskvy». 2013. URL: <http://echo.msk.ru/programs/sorokina/1010524-echo/> (data obrashcheniya: 25.08.2014).
12. Grigor'eva E., Zamakhina T., Shkel' T. Levyy povorot // Rossiyskaya gazeta. 2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/01/21/zuganov.html> (data obrashcheniya: 25.08.2014).
13. Gamov-Rublevskiy A. Gennadiy Zyuganov: «Ya p'yu gorazdo men'she El'tsina, no bol'she Gorbacheva» // Komsomol'skaya pravda. 2014. URL: <http://www.kp.ru/daily/26248.4/3128410/> (data obrashcheniya: 25.08.2014).
14. Interv'yu G. A. Zyuganova v gazete «Pravda» // Kommunisticheskaya partiya Rossiyskoy Federatsii. 2014. URL: <http://kprf.ru/party-live/cknews/129861.html> (data obrashcheniya: 25.08.2014).
15. Benvenist E. Obshchaya lingvistika : per. s fr. / obshch. red., vstup. st. i komment. Yu. S. Stepanova. Izd. 2-e, ster. — M. : Editorial URSS, 2002.
16. Kotyurova M. P., Bazhenova E. A. Kul'tura nauchnoy rechi. Tekst i ego redaktirovanie : ucheb. posobie. — M. : Flinta, 2008.
17. Mikhail'skaya A. K. Polevaya struktura politicheskogo diskursa: metod analiza i opisaniya rechevogo povedeniya politika v politicheskom in-terv'yu // Zhurnalistika v 1999 godu : tez. nauch.-prakt. konf. — M. : MGU, 2000. Ch. 5. S. 28—70.
18. Sedov K. F. Anatomiya zhanrov bytovogo obscheniya // Voprosy stilistiki : mezhvuz. sb. nauch. tr. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1998.
19. Sedov K. F. Tipy yazykovykh lichnostey po sposobnosti k kooperatsii v rechevom povedenii // Problemy rechevoy kommunikatsii. — Saratov, 2000. S. 6—12.
20. Stepanov Yu. S. Konstanty: slovar' russkoy kul'tury. Izd. 2-e, ispr. i dop. — M. : Akademicheskii proekt, 2001.
21. Sheygal E. I. Semiotika rossiyskogo diskursa : dis. ... d-ra filol. nauk. — M., 2005. URL: <http://diss.rsl.ru/diss/02/0004/020004014.pdf> (data obrashcheniya: 02.12.2014).
22. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M. : Volgograd : Peremena, 2000.
23. Shmeleva T. V. Rechevoy zhanr. Vozmozhnosti opisaniya i ispol'zova-niya v prepodavanii yazyka // Russistik. Rusistika : nauch. zhurn. aktual'nykh problem prepodavaniya russkogo yazyka. — Berlin, 1990. № 2. S. 20—32.
24. Shcherba L. V. Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk // Izbrannye raboty po russkomu yazyku. — M. : Uchpedgiz, 1957.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. И. Стеклова.

Беатриче Корбо
Москва, Россия

СПОРТИВНО-ИГРОВАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению особенностей функционирования спортивно-игровой лексики в политическом дискурсе. Поскольку исследование проводится на материале русского и итальянского языков, отобраны виды спорта, наиболее известные в России и в Италии, а именно футбол, бокс и борьба. Нет никаких сомнений в том, что в Италии первое место по популярности принадлежит футболу, который можно назвать национальным видом спорта. В России он также достаточно популярен, но традиционно русскими, очевидно, следует считать зимние виды спорта (лыжи, хоккей и т. д.) и борьбу (различные ее виды), а также кулачные бои, место которых в настоящее время занимает бокс.

В статье анализируются слова и выражения, относящиеся к указанным видам спорта, в метафорическом употреблении в противовес прямому (неметафорическому) использованию лексики в спортивном дискурсе. Сопоставительный анализ так называемых игровых метафор проводится на материале двух языков, представленных текстами СМИ, то есть в работе предпринимается попытка взглянуть на политику сквозь призму спортивно-игровой метафоры, поскольку язык СМИ характеризуется довольно широким употреблением спортивной лексики в метафорическом значении в силу присущей ей образности, способствующей привлечению внимания реципиентов и помогающей влиять на читателей или зрителей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: феномен игры; спортивная терминология; игровая метафора; политическая коммуникация; политический дискурс; язык СМИ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Беатриче Корбо, аспирант, кафедра общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет; адрес: 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38; e-mail: beatrice.corbo@hotmail.com.

Игра во всех ее разновидностях, по словам Н. Д. Арутюновой, «присутствует во всех видах деятельности человека... и особенно велика ее роль в тех видах активности, которые предполагают борьбу и соперничество — в политике, спорте, войне» [Арутюнова 2006: 5—6]. Таким образом, мы исходим из того, что игра занимает в жизни человека очень важное место, поскольку это не только возможность провести время, но и способ моделирования действительности и осознания своего места в реальном мире. Неслучайно игре посвящено большое количество философских сочинений, начиная с эпохи Античности [см. ФЭС 1983:195]. Из современных авторов назовем Л. Т. Ретюнских, предложившую интересную концепцию игры в монографии «Философия игры», где говорится, что «игра — уникальная целостная форма человеческой бытийности, разворачивающаяся в трех уровнях: эмпирическом, экзистенциальном и коммуникативном» [Ретюнских 2002: 243].

Игра рассматривается нами как универсальный феномен, представленный лексическими и фразеологическими единицами языка, составляющими номинативное поле одноименного концепта. В рамках данного номинативного поля мы обращаемся к анализу метафор, выступающих в качестве средства репрезентации концепта ИГРА. Как отмечает Т. А. Апинян, «первая модальность игры — метафора. Все, что связано с игрой, метафорично» [Апинян 2003: 117], и поэтому сам феномен игры способствует появлению метафор в языке, так как игра по своей сути является метафорической деятельностью.

Кроме того, метафора (в какой-то степени являющаяся игрой разума) и игра как результат деятельности человеческого мышления бесконечны с точки зрения возможности своего развития и совершенствования. Поэтому нельзя не согласиться со словами Л. Витгенштейна: «Мы не знаем границ понятия игры, потому что они не установлены» [Витгенштейн 1994: 112].

В связи с этим язык СМИ является благодатной почвой, подпитывающей метафоры, используемые носителями языка для описания внутренней и международной политической жизни, поскольку, как известно, политика — это игра. Я. Эльсберг отмечает, что «политическая метафора позволяет увидеть ярко, картинно представить себе определенное явление жизни, <...> позволяет лучше понять, оценить, определить его» [Эльсберг 1960: 20].

В обоих языках игровые метафоры широко представлены в дискурсе СМИ, однако отметим, что, по нашим наблюдениям, в итальянском языке они встречаются с большей частотой, в частности, это касается метафорического употребления футбольных терминов. Как уже отмечалось выше, в Италии футбол является в высшей степени популярным, что находит отражение в языке, поэтому количество итальянских номинаций, связанных с футболом, значительно больше, чем в русском языке. В русском языке число метафор, относящихся к игре в футбол, меньше, и это связано, очевидно, с особенностями культурной жизни и традициями страны.

Обратимся к анализу конкретных примеров. *Дополнительное время / tempi supplementari* — это, как правило, несколько минут, назначаемых судьей после окончания игры в случае ничейного результата с целью выявления победителя (такое возможно, например, в хоккее, но невозможно в шахматах или боксе). Кроме того, данное выражение в русском языке употребляется при описании других ситуаций, не связанных со спортом (например, дополнительное время, которое дает учитель для завершения сложной контрольной работы). Однако, как и в спортивной сфере, в последнем примере речь идет о прямом, переносном значении данного выражения. Что касается итальянского языка, то выражение *tempi supplementari* в прямом значении используется исключительно в сообщениях о спорте, но встречается и в политическом контексте — в перенос-

ном значении. Вне спортивного и политического дискурса употребляется выражение *dare del tempo in più*, досл. *давать больше времени*.

Следовательно, когда итальянский журналист использует именно это словосочетание, у итальянского читателя немедленно возникает ассоциация с футболом, в то время как в русском языке это выражение не является метафорой. Рассмотрим пример:

Nei secondi finali, c'è anche una grande possibilità per il Toro di segnare la rete che vorrebbe dire tempi supplementari. — В последние секунды у команды „Торо“ была прекрасная возможность забить гол, и это означало бы перспективу получить дополнительное время (здесь и далее перевод наш — Б. К.) [Il correre della sera 19.03.2015].

Пример употребления данного выражения в политической коммуникации:

L'altra è la decisione di andare ai tempi supplementari. Affidando a un Consiglio europeo straordinario in settimana la decisione finale. — Другое решение — использовать дополнительное время, поручив Совету Европы принять окончательное решение до конца недели [La Repubblica 16.02.2015].

Таким образом итальянский журналист комментирует политическую и экономическую борьбу между ЕС и Грецией в статье, посвященной долгам Греции странам Европейского союза. В данном тексте автор, используя игровую метафору, подчеркивает крайнюю сложность ситуации, в которой оказалась Греция. Итальянский читатель без дополнительных объяснений понимает, что положение этой страны весьма серьезно, поскольку она может *проиграть*, т. е. оказаться не в состоянии платить долги и, следовательно, лишиться возможности в дальнейшем получать финансирование от ЕС. Поэтому *дополнительное время* указывает на возможность разработать новый план по возвращению долгов Европе.

Носителем русского языка данный пример не будет восприниматься как метафора, поскольку при переводе выражение теряет переносное значение. Это не удивительно, так как метафоры тесно связаны с языковой картиной мира, которая представляет собой «комплекс языковых средств, в которых отражены особенности этнического восприятия мира» [Рылов 2006: 8]. Следовательно, в итальянской картине мира выражение *tempi supplementari* относится к тому ее фрагменту, где сосредоточены метафоры.

Еще один пример на итальянском языке также касается экономической ситуации в Европе. В газетной статье говорится о финансовом положении Италии, которая, как и Греция, в настоящий момент переживает нестабильный и даже кризисный период. Отметим, что, как и в предыдущем примере, выражение *tempi supplementari* употребляется для объяснения положения Италии в отчетах перед ЕС. Итальянцы просили больше времени, чтобы разработать новый бюджет по стандартам ЕС (так называемым *Legge di stabilità 2015*). Данные стандарты были раскритикованы в Италии, поскольку они требуют сильно сократить государственный бюджет. Рассмотрим пример:

La Legge di Stabilità 2015 ottiene l'approvazione dell'Ue, al termine del fitto dialogo che ha alimentato i tempi supplementari. — Финансовый закон 2015 года получил одобрение от ЕС в конце интенсивного диалога <с Италией>, что потребовало дополнительного времени [La stampa 25.02.2015].

С помощью метафоры журналист объясняет ситуацию, в которой находится Италия, и одновременно высказывает собственную оценку. Как и в футболе, в политической игре, которая ведется между Италией и Европейским союзом, *дополнительное время* — последний шанс для Италии. Она обязана следовать указаниям ЕС, поскольку под угрозой находится ее членство в ЕС.

Продолжая анализировать футбольные метафоры, рассмотрим выражение *scendere in campo* (выйти на поле). Как и рассмотренные ранее, это словосочетание реже встречается в русском языке в метафорическом значении, в то время как в итальянском оно используется достаточно широко. В частности, *scendere in campo* указывает на решение политического лидера принимать участие в политической игре, выйти на политическое поле, в результате чего он может повлиять на исход игры, например:

Il primo a scendere in campo è il leghista Rixi. — Первый, кто выйдет на поле, будет Рикси — сторонник партии „Лига Севера“ [La Repubblica 13.01.2015].

Статья рассказывает об итальянских региональных выборах, которых опасаются не столько граждане, сколько правительство, так как результат этих выборов может повлиять на стабильность центрального правительства. Итальянская власть испытывает трудности с сохранением парламентского большинства, а следовательно, любой *выход на поле*, или новый *политический ход*, может повлиять на хрупкий баланс сил в стране. Эта характерная черта итальянской политики находит свое отражение в языке, поскольку существуют многочисленные примеры высказываний, подобных только что приведенному:

Raffaele Fitto scende in campo così, con la nuova corrente dei Ricostruttori, assicurando di voler dare aiuto e prospettiva al partito di Silvio Berlusconi. — Раффаэле Фитто выходит на поле с новым идеями модернизации и утверждает, что поможет в развитии партии Сильвио Берлускони [La stampa 21.02.2015].

Здесь мы также видим, что выражение *scendere in campo* (выйти на поле) равнозначно такому, как *включаться в политическую игру*. Как новый игрок, который выходит на поле и может изменить результат матча, Раффаэле Фитто может изменить существующий политический баланс сил.

Хотя, как упоминалось выше, «футбольно-игровая» лексика с метафорическим значением, безусловно, чаще используется в итальянских СМИ, тем не менее в русском языке также можно найти подобные примеры, в частности, со словом *пенальти*. Обратимся к статье на сайте НСН («Национальной службы новостей»), где говорится о том, что германский футбольный клуб «Шальке 04» был официально приглашен В. В. Путиным в Москву. В ответ на это последовала негативная

реакция германской общественности, и футбольный клуб, который финансирует Газпром, неожиданно оказался втянут в политическую игру. Учитывая напряженные отношения между ЕС и Россией, журналист предпосылает статье следующий заголовок: *Как Путин забил в германские ворота политический пенальти* — и сразу дает читателю ключ к пониманию новости о том, что президент Путин одержал победу благодаря своей политической тактике. Игровая метафора продолжает использоваться и в том случае, когда журналист поясняет ситуацию: *Футбольный клуб Шальке 04 стал предметом российско-германской политической игры*. Итог своим рассуждениям автор подводит так: *Понятно, что здесь есть некий политический момент — политическая игра, которая связана с санкциями Евросоюза* [НСН 24.04.2014].

Эта статья интересна с лингвистической точки зрения, поскольку здесь одновременно присутствуют и футбольная метафора, и спортивная лексика, что показывает, насколько игра и игровая метафора близки.

В итальянских СМИ, в отличие от российских, журналисты часто используют метафору как инструмент критики. Цитируемая ниже статья — не исключение, здесь журналист критикует премьер-министра Маттео Ренци за проталкивание закона о труде, содержащего спорные моменты, что отражается в заголовке статьи:

Renzi e la paura di tirare il calcio di rigore. — Ренци боится забить пенальти [Il giornale 29.12.2014].

В частности, критике журналиста подвергается то, что у итальянского премьер-министра при создании закона не хватило смелости для включения в него статьи об увольнении государственных служащих, которые в Италии до сих пор не подлежат увольнению. Автор статьи объясняет ситуацию следующим образом:

Alla fine del Jobs Act Matteo Renzi non tira l'ultimo rigore. Sulla questione decisiva degli statali si gira di spalle e torna negli spogliatoi. — В окончательном варианте „Jobs Act“ Ренци отказался от возможности забить последний пенальти и на ключевой вопрос об «увольнении» госслужащих повернулся спиной и пошел в раздевалку [Il giornale 29.12.2014].

Оценка журналистом действий премьер-министра выражается сильнее благодаря футбольной метафоре, сопровождаемой определенным лексическим контекстом: *политическая игра, ворота, раздевалка*. Все это позволяет читателю представить себе футбольное поле и то, что на нем происходит.

Продолжая наш анализ метафорического использования игровой лексики, рассмотрим выражение *мяч на чьем-либо поле / mettere или buttare la palla nel campo di qualcuno*. Выражение представляется интересным, поскольку оно существует в обоих языках и имеет одинаковое значение. В следующем отрывке из газетной статьи говорится об отношениях между США и Россией и о подписании договора по СНВ:

Главной темой встречи Лаврова и Клинтон стала подготовка нового договора по СНВ. Россия готова к работе <...> А вот у США не

все так гладко: утверждение части американских переговорщиков команды затянулось. Мяч на поле США? [Известия 08.05.2009].

Выражение *мяч на поле* применительно к политическому дискурсу означает ожидание каких-либо действий со стороны команды, на поле которой находится мяч, ведь владея мячом, необходимо совершать активные действия: *делать передачу, выбивать мяч на угловой, навешивать мяч*, в конце концов — *забивать гол*. То же самое наблюдается и в итальянском языке. В цитируемой статье журналист комментирует политическую стратегию Берлускони и новые сложности у левой партии:

La mossa di Berlusconi mette in difficoltà il Pd. Butta la palla nel campo dei Democratici. — Поступок Берлускони создает сложности у левой партии, он бросил мяч на их поле [Il giornale 23.12.2014].

Рассмотренные выше примеры свидетельствуют о том, что в русском и итальянском языках имеется концептуальная метафора ПОЛИТИКА — ЭТО ИГРА, поскольку «метафора есть результат когнитивного процесса, который сопоставляет два референта, обычно не связываемых» [Маккормак, 1990: 363].

Продолжая анализ метафорического употребления спортивной лексики, выйдем за рамки футбола и рассмотрим выражение *набрать очки*, которое применимо ко многим видам спорта. Отметим, что в политике используются разные тактики и приемы, способствующие тому, чтобы *набрать очки и участвовать в политической игре*, так как главная цель — выиграть на выборах, чтобы получить власть в парламенте. Сначала рассмотрим русский текстовый фрагмент, посвященный Украине, поскольку все новости, связанные с ней, привлекают особое внимание. В приводимой ниже цитате журналист комментирует политические шаги националиста О. Ляшко:

Ляшко согласился поддерживать стремление венгров и венгерских русинов к созданию автономии и содействовать им в уклонении от мобилизации. Ляшко, заигрывая сейчас с представителями этого меньшинства, пытается набрать себе очки на фоне действий предыдущей власти, а заодно переманить пророссийски ориентированный слой населения на свою сторону [Комсомольская правда 16.02.2015].

Здесь игровая метафора присутствует в выражении *набрать очки*, и, как показывают примеры, метафора формируется не на уровне языка, а на уровне понятийной системы, следовательно, политические действия в конечном счете относятся к игровой области, а их отражение в языке является только результатом метафорического процесса.

Теперь рассмотрим статью из итальянской газеты, посвященную внутренней политике страны. В следующем отрывке говорится о префекте Пекораро, который в результате скандалов, связанных с мафией, безрезультатно пытается восстановить доверие к себе и найти другую государственную должность. Журналист следующим образом комментирует стратегию поведения префекта:

C'è chi dice che voglia solo guadagnare punti presso il centrodestra, suo storico sponsor, per ottenere una qualsivoglia nomina pubblica che gli consenta di invecchiare più serenamente. — Некоторые говорят, что он просто хочет набрать очки за счет голосов (поддержки) правой партии, которая поддерживала его всегда, чтобы получить любую государственную должность, позволяющую ему спокойно прожить старость [La Repubblica 18.12.2014].

Обратимся к другому виду спорта — боксу. В ходе исследования мы обнаружили, что в политическом дискурсе распространено употребление слова *нокаут* в качестве метафоры как в русском, так и в итальянском языках, хотя имеются и некоторые отличия. Данный пример интересен тем, что в одной фразе (заголовке) заключается вся суть статьи:

Результаты выборов в Греции — это нокаут неправильной политике ЕС [РИА новости 26.01.2015].

Отметим, что в этой статье речь идет о политических отношениях между Грецией и ЕС — теме, которая вызвала большой интерес на международном уровне, особенно после победы Ципраса на выборах, поскольку греческий премьер-министр поддерживает антиевропейское движение. Новости данного рода привлекают к себе особое внимание российских СМИ, так как используются журналистами для укрепления российского патриотизма.

В итальянском языке метафорическое использование слова *ко* (*нокаут*) встречается реже, но тем не менее оно присутствует в политическом дискурсе. Например, в газете «La Repubblica» следующим образом комментируется роль партии «Движение 5 звезд» на выборах президента:

„M5S“, Fico nega il ko: „Ancora irrilevanti? Li abbiamo costretti ad alzare la qualità“. — Досл.: „Движение 5 звезд“, Фико отрицает нокаут: „Вы еще думаете, что мы незначительные? Мы заставили всех повысить качество <выборов>“ [La Repubblica 01.02.2015].

В данном примере сторонник партии «Движение 5 звезд» защищается от обвинений журналиста, утверждающего, что его политическая тактика голосовать исключительно за одного кандидата на пост президента Италии без попыток пойти на соглашение с другими политическими партиями только способствовала их общему поражению. В итоге Демократической партии удалась избрать своего кандидата Серджо Маттарелла, нынешнего президента Италии. В интервью журналист крайне провокационным образом выражает отношение к депутату Фико, определяя действия партии «Движение 5 звезд» как *нокаут*. Тем самым он предлагает читателю негативную оценку их стратегии и поддерживает идею, что «Движение 5 звезд» не в состоянии оказать влияние на какие-либо решения в итальянской политике.

Отметим, что термин *ко* (*нокаут*) в итальянском языке чаще используется в переносном значении в новостях о футболе. Для подтверждения вышесказанного мы провели статистический подсчет на основе материала пяти ежедневных национальных итальянских газет («La Repubblica»,

«La stampa», «Il giornale», «Il fatto quotidiano» и «Il messaggero»). В результате было установлено, что из 500 статей, в которых используется слово *ко*, 224 посвящены футбольным новостям.

Обратимся к употреблению в языке СМИ еще одного термина из области бокса — *нокаун*. Существует немало высказываний о В. Кличко, связанных с его прошлой спортивной карьерой и с нынешней политической деятельностью. Например, на телеканале «Россия 24» в службе новостей комментируется встреча между активистами Майдана и мэром Киева. Причиной разговора стало решение Кличко убрать палатки с Майдана, поскольку его приказ не был выполнен из-за сопротивления и недовольства активистов и сторонников Майдана. Корреспондент так комментирует ситуацию:

И вот у короля ринга, похоже, первый политический нокаун [Россия24 28.05.2014].

Данная метафора интересна потому, что не только передает отношение журналиста к политической деятельности когда-то известного спортсмена, но и сообщает телезрителю о двух фактах одновременно: о прошлой жизни мэра и о споре с активистами Майдана.

Отметим, что в итальянском языке используется не английское слово *нокаун*, а выражение *mettere al tappeto* (досл. *поставить кого-либо на ковер — положить на обе лопатки*). Название статьи: *Renzi sbaglia la prima mossa e Grillo lo mette al tappeto. / Ренци ошибается с первого хода и получает нокаун* [Il giornale 16.12.2013] — значимо не только с лингвистической точки зрения, поскольку оно также отражает «жесткость» итальянской политики. На описываемой встрече Ренци и Грилло, возглавляющие разные партии в парламенте, грубо оскорбили друг друга. Поэтому через заголовок журналист пытается донести до читателя идею о жесткости диалога, подобного бою на настоящем ринге, и одновременно сообщает о победителях и проигравших (в данной работе мы не рассматриваем метафоричность шахматных терминов, за исключением слова «ход». Вместе с тем шахматная игра является источником значительного числа метафор, часто используемых в политическом дискурсе (*рокировка, ход конем, пешка, ферзь* и т. д.)).

Продолжая анализировать лексику бокса, отметим выражение *выбросить полотенце*, поскольку оно употребляется одинаковым образом в русском и итальянском языках. В русском языке находим политическую метафору *выбросить полотенце* в статье, посвященной В. Кличко:

Участники акции протеста пообещали выбросить мэру — бывшему спортсмену — белое полотенце [Комсомольская правда 29.01.2015].

Аналогичным образом в итальянском языке *выбросить полотенце* означает *понести поражение или сдаться*. Так, в следующем примере журналист прокомментировал решение бывшего премьер-министра Италии Энрико Летта не посещать важную встречу между правыми и левыми партиями парламента, причем слово «решение» преобразуется в слово *ход* (*mossa*):

All'interno del partito questa mossa era stata subito interpretata come la decisione di gettare la spugna. — Внутри партии данный ход рас-

сма­три­вал­ся как ре­ше­ние **выбросить по­ло­тен­це** [Il corriere della sera 13.02.2014].

Теперь обратимся к другому виду спорта — борьбе. В настоящее время существуют различные виды борьбы: вольная, греко-римская, дзюдо, борьба без правил и т. д. Важно подчеркнуть, что в итальянском языке выражение *mettere al tarreto / положить на ковер* (*положить на обе лопатки*) синонимично *нокдауну*, т. е. употребляется применительно и к боксу, и к борьбе, в то время как *положить на обе лопатки* в русском языке относится только к борьбе.

В следующем примере вице-канцлер ФРГ Зигмар Габриэль предупреждает союзников ЕС об опасности ужесточения санкций против России:

„Мы хотим помочь решить конфликт в Украине. Но не ставить Россию на колени. Тот, кто этого хочет, провоцирует еще более опасную ситуацию для всех нас в Европе“, — подчеркнул Габриэль. По его мнению, в Европе и США есть силы, которые „хотели бы окончательно положить на лопатки соперника-супердержаву“. Это не может быть в интересах Германии и Европы, отметил Габриэль [Комсомольская правда 04.01.2015].

Возьмем еще один пример из российских СМИ, содержащий выражение *положить противника на обе лопатки*. Данный пример интересен тем, что он связан с анализом имиджа двух главных мировых лидеров и их взаимоотношений сквозь призму различных видов спорта, а также содержит определенный намек на то, что В. В. Путин сильнее американского президента.

„Многие политические обозреватели указывали на то, что если Обама не более, чем шахшист, то Путин — умелый шахматист. И я разделяю это мнение. Но Путин, кроме того, еще и дзюдоист и, подобно Фиделю Кастро, он развил в себе способность применять в политике главный принцип этого вида спорта: использовать против противника все имеющиеся ресурсы, чтобы победить его. Вашингтон не раз испытал на себе умение „команданте“ положить противника на обе лопатки. Сейчас то же самое демонстрирует Путин“ [ИноСМИ 13.09.2014].

Теперь рассмотрим выражение, которое существует в итальянском и русском языках: *борьба без правил / lotta senza esclusione di colpi*. Данный вид спорта в последнее время регулярно освещается на российском и итальянском телевидении. Рассмотрим сначала русский пример, в котором говорится о президенте РФ и о нападках на него в западных СМИ:

*С углублением украинского кризиса почти патологическая „фиксация“ на персоне российского президента стала всеобщей и почти истерической. С марта-апреля 2014 года фигуре Владимира Путина, (псевдо)анализу его личности, карьеры, манеры поведения и стиля управления с поразительной регулярностью (в действительности — почти ежедневно) стали посвящать целые статьи в ведущих западных изданиях — от „Тайм“ до „Индепендент“ и журнала „Экономист“. Активизировался вал соответствующей околонулевой и околорациональной литературы. Как говорится, **борьба без правил**. На войне все средства хороши. А война*

велась настоящая, пусть и информационная [Российская газета 29.10.2014].

Отметим, что в этой статье *борьба* ассоциируется не только с игрой, а еще с понятием войны, и, следовательно, главную роль в этой ситуации играет президент Путин. Упоминание о войне, вероятно, связано с политической напряженностью между Россией и Западом, поскольку последние события напоминают многим русским холодную войну.

Пример на итальянском языке также подтверждает возможность объединять игру, войну и политику. В нем говорится об обжаловании решения судьи по заявлению, поданному в Европейский суд в Страсбурге Сильвио Берлускони, считаемым приговор итальянских судей неправильным. Журналист анализирует сложный судебный процесс, выбирая сильную и тем самым доступную для большой аудитории метафору.

Una battaglia infuocata e una lotta senza esclusione di colpi. — Досл. **огненный бой и борьба без правил** [La Repubblica 15.04.2015].

В данном случае необходимо отметить, что на судебные процессы Сильвио Берлускони обратили внимание международные СМИ, поэтому, используя выражение *lotta senza esclusione di colpi*, журналист привносит в сообщение эмоциональный компонент, связанный с тем, что громкое судебное разбирательство итальянцы забудут не скоро.

В заключение отметим, что в новостях о событиях на Украине встречаются многочисленные примеры, основанные на игровой метафоре, поскольку в стране идет не только политическая борьба за власть, но еще и война. Концепт ВОЙНА имеет много общего с концептом ИГРА, что подтверждается возможностью использования в качестве репрезентантов обоих концептов глагола *проиграть* и существительных *поле*, *соперник* и др. Важно отметить, что у игровой деятельности много сходного с политикой, а это означает, что на глубинном уровне эти два понятия связаны друг с другом, что порождает игровые метафоры. Следовательно, в политическом дискурсе язык отражает эту креативную возможность, моделируя наше мышление, и через метафору переносит наши ассоциации из одной области на другую.

Как правило, в статьях, посвященных актуальным вопросам политической коммуникации, часто употребляются игровые метафоры. Очевидно, это связано с попыткой удержать интерес читателей к актуальным вопросам, поднимаемым СМИ, которые Т. Г. Добросклонская называет «„topics“, т. е. специфичные именно для данной лингвокультуры» [Добросклонская, 2005: 189].

Использование метафорического языка не только делает текст более привлекательным, заметным и способствует лучшему пониманию содержания, но одновременно является средством субъективной оценки. Все это способствует «побуждению граждан страны к политическим действиям, выработке общественного консенсуса, принятию и обоснованию социально-политических решений» [Чудинов].

Проанализированный выше материал свидетельствует о том, что спортивно-игровая метафора позволяет создать четкое представление о ситуации, в соответствии с чем каждый человек

формирует свое собственное мнение о событиях. Таким образом, язык СМИ является мощным средством воздействия на общественное сознание как в России, так и в Италии, а игровая метафора выступает в качестве одного из его лингвистических инструментов. Мы считаем роль метафоры ключевой, поскольку, как отмечают Лакофф и Джонсон, «наша обыденная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [Лакофф и Джонсон 1990: 387]. Следовательно, метафора — не только риторический прием, но и одна из важнейших особенности человеческого сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апинян Т. А. Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. — 400 с.
  2. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального воздействия. — М.: Прогресс, 1987. — С. 88-124
  3. Витгенштейн Л. Философские работы, часть 1. — М.: Гнозис, 1994 — 520 с.
  4. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной медиаречи). — М.: УРСС Эдиториал, 2005. — 288 с.
  5. Эльсберг Я. Образ в публицистике. — М.: Сов. печать, 1960. — №10. — С. 18-27.
  6. Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. — М.: Индрик, 2006. — 543 с.
  7. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры — М.: Прогресс, 1990. — С.358 — 386.
  8. Ретюнских Л. Т. Философия игры — М.: Вузовская книга, 2002 — 256 с.
  9. Филосовский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.
  10. Рылов Ю. А. Аспекты языковой картины мира. Итальянский и русский языки — М.: Гнозис, 2006 — 304 с.
  11. Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — 512 с.
  12. Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-т., 2011 — 252 с.
  13. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001. URL: www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm (дата обращения 20.05.2015)
  14. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса — М.: Гнозис, 2004 — 326 с.
  15. Шейгал Е. И. Власть как концепт и категория дискурса http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/scheig_vlast.php (дата обращения: 20.05.2015).
- #### ИСТОЧНИКИ
16. Байков Андрей Зачем Западу культ личности Путина // Российская газета 29.10.2014 URL: <http://www.rg.ru/2014/10/29/putin.html> (дата обращения 28.04.2015).
  17. Бруснев Максим Кличко отсчитал часы до сдачи Киева // Комсомольская правда 29.01.2015 URL: <http://www.kp.ru/daily/26335.4/3218323/> (дата обращения 28.04.2015).
  18. Дивеева Юлия Вице-канцлер ФРГ предостерег Запад от новых санкций в отношении России // Комсомольская правда 04.01.2015 URL: <http://m.kp.ru/online/news/1940301/> (дата обращения 28.04.2015).
  19. Воропаев Василий Москва поможет Вашингтону расставить акценты? // Известия 08.05.2009 URL: <http://izvestia.ru/news/348350#ixzz3UkPQMdF> (дата обращения 28.04.2015).
  20. Кабрера Анхель Путин — Фидель наших дней // ИноСМИ 13.09.2014 URL: <http://inosmi.ru/world/20140913/222977508.html#ixzz3XUKUGyW3> (дата обращения 28.04.2015).
  21. Как Путин забил в германские ворота “политический пенальти” // Национальна служба новостей 24.04.2014 URL: <http://nsn.fm/sport/kak-putin-zabil-v-nemetskie-vorota-politicheskij-gol.php> (дата обращения 28.04.2015).

22. Нотанзонов Станислав // Россия24 28.05.2014 URL: <http://www.youtube.com/watch?v=qOKh3avrSQQ> (дата обращения 28.04.2015).
23. СМИ: результаты выборов в Греции — это нокаут не-правильной политике ЕС // РИА новости 26.01.2015 URL: <http://ria.ru/world/20150126/1044326060.html> (дата обращения 28.04.2015).
24. Царев Олег Раскинулись сети широко // Комсомольская правда 16.02.2015 URL: <http://www.kp.ru/daily/26342.5/3225305/> (дата обращения 28.04.2015).
25. Cuzzocrea Annalisa M5S, Fico nega il ko “Ancora irrilevanti? Li abbiamo costretti ad alzare la qualità” // La repubblica 01.02.2015 URL: <http://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2015/02/01/m5s-fico-nega-il-ko-ancora-irrilevanti-li-abbiamo-costretti-ad-alzare-la-qualita18.html?ref=search> (дата обращения 29.04.2015).
26. Dell’acqua Stefano Fitto il “ribelle”: “Avanti per la nostra strada, ma siamo e restiamo dentro Forza Italia” // La stampa 21.02.2015 URL: <http://www.lastampa.it/2015/02/21/italia/politica/fitto-il-ribelle-avanti-per-la-nostra-strada-ma-siamo-e-restiamo-dentro-forza-italia-PY9N6Wf794eruUjMrTIIJ/pagina.html> (дата обращения 28.04.2015).
27. Filippi Stefano Renzi sbaglia la prima mossa e Grillo lo mette al tappeto // Il giornale 16.12.2013 URL: <http://www.ilgiornale.it/news/interni/renzi-sbaglia-mossa-e-grillo-mette-tappeto-giornata-colpi-976289.html> (дата обращения 28.04.2015).
28. Franchi Giorgio E a destra il primo a scendere in campo è il leghista Rixi // La repubblica 13.01.2015 URL: <http://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2015/01/13/e-a-destra-il-primo-a-scendere-in-campo-e-il-leghista-rixigenova04.html?ref=search> (дата обращения 28.04.2015).
29. Il Toro batte lo Zenit, ma non basta // Il corriere della sera 19.03.2015 URL: <http://www.corriere.it/sport/calcio/coppe/2014-2015/europaleague/notizie/toro-batte-zenit-ma-non-basta-c66a2a62-ce83-11e4-b573-56a67cdde4d3.shtml> (дата обращения 15.05.2015).
30. Livini Ettore Tsipras al summit decisivo: “Alla Grecia serve tempo non altri soldi dall’Ue” // La repubblica 16.02.2015 URL: <http://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2015/02/16/tsipras-al-summit-decisivo-alla-grecia-serve-tempo-non-altri-soldi-dallue112.html?ref=search> (дата обращения 28.04.2015).
31. Milella Liana Ricorso all’Europa l’ex Cavaliere punta sul sì in autunno «Tornerò innocente» // La repubblica 15.04.2015 URL: <http://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2015/04/15/ricorso-alleuropa-lex-cavaliere-punta-sul-si-in-autunno-tornero-innocente06.html?ref=search> (дата обращения 28.04.2015).
32. La svolta del Cav sul Colle «Serve un garante, anche Pd» // Il giornale 23.12.2014 URL: <http://www.ilgiornale.it/news/politica/svolta-cav-sul-colle-serve-garante-anche-pd-1077992.html> (дата обращения 06.05.2015).
33. Selletti Marco Sindaco-prefetto, una partita a scacchi in gioco due poltrone e il futuro di Roma // La repubblica 18.12.2014 URL: <http://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2014/12/18/sindaco-prefetto-una-partita-a-scacchi-in-gioco-due-poltrone-e-il-futuro-di-romaRoma02.html?ref=search> (дата обращения 28.04.2015).
34. Sala Alessandro Renzi liquida Letta: «Via dalla palude» // Il corriere della sera 13.02.2014 URL: http://www.corriere.it/politica/14_febbraio_13/governo-giorno-giudizio-nazareno-letta-io-non-vengo-decidete-serenita-19fdcd32-94b0-11e3-af50-9dc536a34228.shtml (дата обращения 28.04.2015).
35. Tramontano Salvatore Renzi e la paura di tirare il calcio di rigore // Il giornale 29.12.2014 URL: <http://www.ilgiornale.it/news/politica/renzi-e-paura-tirare-calcio-rigore-1079170.html> (дата обращения 28.04.2015).
36. Zatterin Marco Italia, Legge di stabilità verso la promozione Ue // La stampa 25.02.2015 URL: <http://www.lastampa.it/2015/02/25/economia/italia-la-legge-di-stabilit-verso-la-promozione-ue-MgaBAm7p2WbCUqJYcDsKk/pagina.html> (дата обращения 28.04.2015).

Beatrice Corbo
Moscow, Russia

SPORTS AND GAMES METAPHOR IN POLITICAL DISCOURSE IN RUSSIAN AND ITALIAN

ABSTRACT. *The article deals with the peculiarities of functioning of the sports and games vocabulary in political discourse. As far as research is conducted on the material of Russian and Italian, the author studies the kinds of sport which are best known in Russia and Italy, and namely football, boxing and wrestling. Undoubtedly, football is the most popular sport in Italy, which could be called a national kind of sport. In Russia it is also popular enough, but traditionally Russian are, presumably, winter sports (skiing, ice hockey, etc.) and various kinds of wrestling, as well as fist fighting, which has been replaced by boxing.*

The article analyzes words and expressions which refer to the above mentioned kinds of sport in their metaphorical usage in contrast to their direct (non-metaphorical) meanings in sports discourse. A comparative analysis of the so-called game metaphors is undertaken on the material of the two languages represented by mass media texts; i.e. the article makes an attempt to view politics through the lens of sports and games metaphor, as the mass media language is characterized by a wide use of sports vocabulary in metaphorical meaning due to its figurative nature, capable of attracting the readers' attention and giving a chance of influencing the readers and spectators.

KEYWORDS: *phenomenon of game; sports terminology; games metaphor; political communication; political discourse; mass media language.*

ABOUT THE AUTHOR: *Beatrice Corbo, Post-graduate Student of Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Apinyan T. A. Igra v prostranstve ser'eznogo. Igra, mif, ritual, son, iskusstvo i drugie. — SPb.: Izd-vo SPbGU, 2003. — 400 s.
2. Blakar R. M. Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti // Yazyk i modelirovaniye sotsial'nogo vozdeystviya. — M.: Progress, 1987. — S. 88-124
3. Vitgenshteyn L. Filosofskie raboty, chast' 1. — M.: Gnozis, 1994 — 520 s.
4. Dobrosklonskaya T. G. Voprosy izucheniya mediatekstov (opyt issledovaniya sovremennoy mediarechi). — M.: URSS Editorial, 2005. — 288 s.
5. El'sberg Ya. Obraz v publitsistike. — M.: Sov. pechat', 1960. — №10. — S. 18-27.
6. Logicheskyy analiz yazyka. Kontseptual'nye polya igry. — M.: Indrik, 2006. — 543 s.
7. Makkormak E. Kognitivnaya teoriya metafory // Teoriya metafory — M.: Progress, 1990. — C.358 — 386.
8. Retyunskikh L. T. Filosofiya igry — M.: Vuzovskaya kniga, 2002 — 256 s.
9. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'. — M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1983. — 840 s.
10. Rylov Yu. A. Aspekty yazykovoy kartiny mira. Ital'yanskiy i russkiy yazyki — M.: Gnozis, 2006 — 304 s.
11. Teoriya metafory. — M.: Progress, 1990. — 512 s.
12. Chudinov A. P. Sovremennaya politicheskaya lingvistika — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ped. un-t., 2011 — 252 s.
13. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory. www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm Ekaterinburg 2001 — 238 s. (data obrashcheniya 20.05.2015)
14. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa — M.: Gnozis, 2004 — 326 c.
15. Sheygal E. I. Vlast' kak kontsept i kategoriya diskursa http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/scheig_vlast.php (data obrashcheniya 20.05.2015).
16. Baykov Andrey Zachem Zapadu kul't lichnosti Putina // Rossiyskaya gazeta 29.10.2014 URL: <http://www.rg.ru/2014/10/29/putin.html> (data obrashcheniya 28.04.2015).
17. Brusnev Maksim Klichko otschital chasy do sdachi Kieva // Komsomol'skaya pravda 29.01.2015 URL: <http://www.kp.ru/daily/26335.4/3218323/> (data obrashcheniya 28.04.2015).
18. Diveeva Yuliya Vitse-kantsler FRG predostereg Zapad ot novykh sanktsiy v otnoshenii Rossii // Komsomol'skaya pravda 04.01.2015 URL: <http://m.kp.ru/online/news/1940301/> (data obrashcheniya 28.04.2015).
19. Voropaev Vasilii Moskva pomozhet Vashingtonu rasstavit' aktsenty? // Izvestiya 08.05.2009 URL: <http://izvestia.ru/news/348350#ixzz3UkPQMdIF> (data obrashcheniya 28.04.2015).
20. Kabrera Ankhel' Putin — Fidel' nashikh dney // InoSMI 13.09.2014 URL: <http://inosmi.ru/world/20140913/222977508.html#ixzz3XUKUGyw3> (data obrashcheniya 28.04.2015).
21. Kak Putin zabil v germanskiy vorota "politicheskij penalti" // Natsional'na sluzhba novostey 24.04.2014 URL: <http://nsn.fm/sport/kak-putin-zabil-v-nemetskie-vorota-politicheskij-gol.php> (data obrashcheniya 28.04.2015).
22. Notanzonov Stanislav // Rossiya24 28.05.2014 URL: <http://www.youtube.com/watch?v=qOKh3avrSQQ> (data obrashcheniya 28.04.2015).
23. SMI: rezul'taty vyborov v Gretsii — eto nokaut nepravil'noy politike ES // RIA novosti 26.01.2015 URL: <http://ria.ru/world/20150126/1044326060.html> (data obrashcheniya 28.04.2015).
24. Tsarev Oleg Raskinulis' seti shiroko // Komsomol'skaya pravda 16.02.2015 URL: <http://www.kp.ru/daily/26342.5/3225305/> (data obrashcheniya 28.04.2015).
25. Cuzzocrea Annalisa M5S, Fico nega il ko "Ancora irrilevanti? Li abbiamo costretti ad alzare la qualità" // La repubblica 01.02.2015 URL: <http://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2015/02/01/m5s-fico-nega-il-ko-ancora-irrilevanti-li-abbiamo-costretti-ad-alzare-la-qualita18.htm?ref=search> (data obrashcheniya 29.04.2015).
26. Dell'acqua Stefano Fitto il "ribelle": "Avanti per la nostra strada, ma siamo e restiamo dentro Forza Italia" // La stampa 21.02.2015 URL: <http://www.lastampa.it/2015/02/21/italia/politica/fitto-il-ribelle-avanti-per-la-nostra-strada-ma-siamo-e-resti-amo-dentro-forza-italia-PY9N6Wf794eruuBjtMrTtJ/pagina.html> (data obrashcheniya 28.04.2015).
27. Filippi Stefano Renzi sbaglia la prima mossa e Grillo lo mette al tappeto // Il giornale 16.12.2013 URL: <http://www.ilgiornale.it/news/interni/renzi-sbaglia-mossa-e-grillo-mette-tappeto-giornata-colpi-976289.html> (data obrashcheniya 28.04.2015).
28. Franchi Giorgio E a destra il primo a scendere in campo è il leghista Rixi // La repubblica 13.01.2015 URL: <http://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2015/01/13/e-a-destra-il-primo-a-scendere-in-campo-e-il-leghista-rixiGenova04.html?ref=search> (data obrashcheniya 28.04.2015).
29. Il Toro batte lo Zenit, ma non basta // Il corriere della sera 19.03.2015 URL: <http://www.corriere.it/sport/calcio/coppe/2014-2015/europaleague/notizie/toro-batte-zenit-ma-non-basta-c66a2a62-ce83-11e4-b573-56a67cdde4d3.shtml> (data obrashcheniya 15.05.2015).
30. Livini Ettore Tsipras al summit decisivo: "Alla Grecia serve tempo non altri soldi dall'Ue" // La repubblica 16.02.2015 URL: <http://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2015/02/16/tsipras-al-summit-decisivo-alla-grecia-serve-tempo-non-altri-soldi-dallue1112.html?ref=search> (data obrashcheniya 28.04.2015).
31. Milella Liana Ricorso all'Europa l'ex Cavaliere punta sul si in autunno «Tornerò innocente» // La repubblica 15.04.2015 URL: <http://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2015/04/15/ricorso-alleuropa-lex-cavaliere-punta-sul-si-in-autunno-tornero-innocente06.html?ref=search> (data obrashcheniya 28.04.2015).
32. La svolta del Cav sul Colle «Serve un garante, anche Pd» // Il giornale 23.12.2014 URL: <http://www.ilgiornale.it/news/politica/svolta-cav-sul-colle-serve-garante-anche-pd-1077992.html> (data obrashcheniya 06.05.2015).
33. Salletti Marco Sindaco-prefetto, una partita a scacchi in gioco due poltrone e il futuro di Roma // La repubblica 18.12.2014 URL: <http://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2014/12/18/sindaco-prefetto-una-partita-a-scacchi-in>

gioco-due-poltrone-e-il-futuro-di-romaRoma02.html?ref=search (data obrashcheniya 28.04.2015).

34. Sala Alessandro Renzi liquida Letta: «Via dalla palude» // Il corriere della sera 13.02.2014 URL: http://www.corriere.it/politica/14_febbraio_13/governo-giorno-giudizio-nazareno-letta-io-non-vengo-decidete-serenita-19fdcd32-94b0-11e3-af50-9dc536a34228.shtml (data obrashcheniya 28.04.2015).

35. Tramontano Salvatore Renzi e la paura di tirare il calcio di rigore // Il giornale 29.12.2014 URL: <http://www.ilgiornale.it/news/politica/renzi-e-paura-tirare-calcio-rigore-1079170.html> (data obrashcheniya 28.04.2015).

36. Zatterin Marco Italia, Legge di stabilità verso la promozione Ue // La stampa 25.02.2015 URL: <http://www.lastampa.it/2015/02/25/economia/italia-la-legge-di-stabilit-verso-la-promozione-ue-MgaBAm7p2WbCUqQJYcsDkK/pagina.html> (data obrashcheniya 28.04.2015).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. О. А. Радченко.

Д. А. Малышев
Москва, Россия

СОБЫТИЕ И НАРРАТИВ В ТЕЛЕНОВОСТЯХ, ПОСВЯЩЕННЫХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИКОВ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается коммуникативный аспект событийности как информационно-семиотического феномена в текстах журналистов, посвященных деятельности политиков. Для анализа взяты тексты телевизионных новостей основных российских телеканалов. В данных текстах выделяются, например, такие элементы, как усложненная композиция и точка зрения автора. Это, с одной стороны, доказывает субъективный и персуазивный характер телевизионных новостей, а с другой — иллюстрирует специфику нарратива в политической журналистике. Нам также удалось доказать, что дискурсивно событийность часто проявляется в новостных текстах, в том числе телевизионных. Как часть нарратива, эти тексты обладают рядом характеристик, которые задаются группой информационных жанров на телевидении. И в первую очередь это образ автора. В новостном журналистском тексте автор, хотя и совпадает с рассказчиком дискурсивно, не обязательно с точки зрения интерпретации событий. Другими словами, журналист-новостник как рассказчик должен оставаться беспристрастным (это следует из определения самой информационной функции речи), но совокупность языковых и внеязыковых средств выразительности в тексте позволяет ему донести оценочную информацию. То есть наличие реального события как коммуникативной категории (свершившегося в действительности факта) не отменяет его вариативного и экспрессивного/субъективного представления в дискурсе, в нарративе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: событийность; нарратив; новостные тексты; телевизионные новости.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Малышев Дмитрий Андреевич, соискатель кафедры стилистики русского языка, факультет журналистики, МГУ им. М. В. Ломоносова; адрес: 125009, Москва, улица Моховая, д. 9, к. 204; e-mail: dmitmalishev@gmail.com.

Событие — одно из важнейших понятий коммуникативистики, дискурсологии, политической лингвистики. В такой сфере, как политика, события давно перестали быть случайностью — они организуются с имиджевой целью, становясь способом «перетянуть» на политика определенные положительные характеристики. Вот почему политики любят открывать новые заведения, перерезать ленточки, встречаться с известными людьми. «Ельцин при посещении войск в красном берете и военной форме отражал решимость власти бороться с оппозицией <...> Предвыборный Ельцин в свитере на КВНе отображал открытость и простоту, что является характеристикой, „работающей“ на выборы, поскольку население хочет избрать того, кто может услышать об их бедах» [Почепцов 2006: 21—22]. В нашей статье событийность теленовостей будет рассматриваться в рамках перманентного электорального дискурса [Кара-Мурза 2012].

Событие как действие политика, как мероприятие (встреча с военными, посещение КВН) находит отражение в дискурсе: его обсуждают на кухнях, в кулуарах заседаний; но прежде всего о нем сообщают журналисты. Информационные ресурсы общества становятся в настоящее время определяющим фактором его развития как в научно-техническом, так и в социальном плане [Володина 2003: 10]. Именно от журналистов люди получают информацию, которая в конечном итоге призвана повлиять на их отношение к политике: результат, к которому стремится политик, выступая в массмедиа — завоевать симпатию. А конечная цель всех публичных действий политика, особенно в предвыборный период, состоит в том, чтобы убедить зрителей/слушателей отдать ему свои голоса на выборах. Теленовости, таким образом, оказываются весьма удобным каналом информирования потенциальных избирателей о преимуществах того или иного политика через связанные с ним события — **через событийность как информационно-семиотический феномен.**

Все больше исследователей склоняется к утверждению, что в современном мире электоральный процесс перманентен. Е. В. Забурдаева отмечает, что теперь профессионалы переходят на режим «непрерывной кампании» [Забурдаева 2012: 12]. Например, в России долгое время был «скользящий» график выборов: то в одном, то в другом регионе кого-нибудь обсуждали, продвигали и избирали. Это создало впечатление непрерывной электоральной активности и позволило расширить за пределы собственно кампаний представление о соответствующей коммуникации, а значит, и об электоральном дискурсе [Кара-Мурза 2012]. Для того чтобы лучше понять этот момент, подробнее остановимся сначала на событии как бытийном феномене — это то, что произошло, когда, с какой целью, каковы последствия (например, посещения президентом игры КВН). А затем обсудим также аспект коммуникативный — отражение события в журналистских текстах.

Вокруг событий формируются информационные потоки, которые принято называть *событийным дискурсом*. Отечественный дискурсолог пишет: «Всякое чрезвычайное происшествие и всякая сенсация порождают временный тематический дискурс (катастрофы, теракты, общественные потрясения, с одной стороны, и смерти, преступления, измены, экстравагантные поступки, с другой стороны), всякая большая, значимая или, как говорят, „большая“ тема является основанием для периодически возобновляющегося дискурса (демократические преобразования, коррупция властей, языковая, культурная и национальная политика, проблемы образования и здравоохранения и т. д.). Специфика тематического дискурса такова, что он — как устойчивое говорение/письмо на определенную тему — реализуется, как правило, в рамках других дискурсов, носящих более универсальный характер своей тематической структуры» [Силантьев 2006: 10]. Таким образом, тематический событийный дискурс выступает как субдискурс других дискурсов.

Рассматривая освещение событий в прессе, исследователи пришли к выводу, что необходим ряд характеристик, чтобы событие привлекло внимание аудитории. Приведем их [Почепцов 2000б: 104]:

частота события — чем больше она совпадает с частотой выхода новостей, тем больше вероятность, что его заметят;

амплитуда — чтобы событие стало новостью, должен быть соответствующий уровень «накала страстей». У телевизионщиков есть довольно циничная градация важности события по количеству жертв: если погибших в результате какого-то происшествия меньше 7, это скорее относится к разряду местных новостей, и федеральные каналы вряд ли обратят на событие внимание, если больше — это уже трагедия федерального масштаба;

неоднозначность — чем событие неоднозначнее, тем больше вероятность, что оно будет замечено;

релевантность — событие должно быть актуальным с точки зрения повестки дня; подчеркнем, что событие можно «присоединить» к цепочке актуальных информационных поводов, чтобы повысить к нему интерес;

совпадение — чем более событие ожидаемо, тем скорее оно привлечет внимание. Последний критерий входит в противоречие с общепринятой точкой зрения, что эффект неожиданности создает больший интерес у аудитории. Но если события никто не ожидает, то значительно меньше шансов, что журналисты его заметят и оповестят о нем аудиторию.

В конечном счете работа политтехнологов так или иначе направлена на то, чтобы нужное событие попало в поле зрения журналистов и информация о нем оказалась в новостях. После этого событие получает «новую жизнь» в тексте.

«Событийность — это, прежде всего, нацеленность на подачу событий в их актуальности» [Демьянков 2012: 114]. Поэтому наше исследование сконцентрировано на новостных жанрах журналистики, которые предназначены для оперативного освещения актуальных событий. Рассмотрим, как событие отображается в журналистских новостях, где оно выступает в качестве самостоятельной текстовой категории.

Текстовая категория — это один признаков текста, представляющий собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами [Матвеева 1990: 52]. Автор, на которого мы сослались, пишет, что текстовая категория имеет знаковую природу, а «план содержания такого знака — это определенная понятийная универсалия, единый текстовый смысл (например, целостность, тема, тональность, пространство, перспекция), а план выражения — функционально ориентированная типовая композиция разноуровневых языковых средств» [Матвеева 1990: 52]. С. Г. Ильенко определяет текстовые категории как «специфические признаки речевого целого, отличающие при этом целое (текст) от других языковых явлений» [Ильенко 2003: 364]. Особенностью текстовой категории является и то, что она не ограничена уровнями

языковых единиц, ее составляющих. То есть главным признаком текстовой категории является общность семантической функции знаков, универсальный смысл, который могут обслуживать, к примеру, как лингвистические, так и экстралингвистические средства. Она признана композитивной единицей анализа, которая воплощает в себе отдельную смысловую линию текста и состоит из нескольких языковых средств (И. В. Арнольд, М. П. Брандес, И. Р. Гальперин, Е. И. Шендельс, О. И. Москальская и др.)

«Материальным элементом текстовой категории может выступать как неделимая единица языка/речи (фонема, интонация, слово, морфема, устойчивое словосочетание), так и языковая или речевая структура (предложение, высказывание, сверхфразовое единство, микротекст: заголовок, введение и др.)» [Там же]. Т. В. Матвеева подчеркивает, что «совокупность текстовых категорий, дополняющих друг друга и переплетающихся между собой, создают текст в качестве коммуникативной системы» [Матвеева 1990: 52].

В тексте событие воплощается через описание действий, ситуаций и их элементов: времени, когда это происходит, слов, которые при этом говорят, людей и вещей, которые при этом присутствуют. «Действия событийного типа связаны с понятиями „ситуация“, „процесс“, „происшествие“, „случай“, „эпизод“, „положение дел“ [Папина 2002: 135]. К средствам выражения события в тексте относится событийная лексика: «случай», «происшествие» и др.; события, связанные с военными действиями: «бой», «победа» и др.; гражданские события: «путч», «казнь», «выборы» и др.; события личного характера: «свадьба», «встреча» и др.» [Чернухина 1987: 10—11]. При этом «событие — это некое изменение исходной ситуации» [Шмид 2003: 11].

Таким образом, событийный текст — это описание изменений исходной ситуации; такое его определение положено в основу современной теории нарратива, *нарратологии*, или теории повествования, как ее еще называют [Шмид 2003: 11]. Нарратология является специализированной наукой, посвященной событийным текстам. При этом объектом ее анализа до сих пор был преимущественно беллетристический нарратив. Однако уже есть работы, посвященные журналистскому нарративу [Татару 2011; Анненкова 2012; Бозрикова 2012; Клушина 2014, 2015]. Мы считаем, что журналистика как событийный дискурс должна изучаться с помощью нарратологического аппарата.

Основы нарратологии были заложены Аристотелем в учении о «повествовании» (*mythos*) как о «подражании действию», заключающемуся в «упорядочении фактов». Нарратив, по Аристотелю, — это «повествование о том, как нечто совершает нечто». Нарратив включает в себя два основных компонента: историю с ее тематическим единством, действующими лицами, временными и пространственными границами, событийной канвой, с одной стороны, и нарративный дискурс (форму представления истории) — с другой [Кириллов 2007].

Условия, которые должны соблюдаться в нарративе:

- фактичность, реальность события — изменение исходной ситуации должно действительно произойти (недостаточно, чтобы изменение планировалось или было гипотетически возможно);
- результативность — результат события должен быть отражен в тексте;
- релевантность — изменение должно быть релевантным в рамках общей картины мира текста;
- непредсказуемость — событие должно противоречить общему мнению, быть парадоксальным;
- консеквентность — событие должно повлечь последствия в мышлении;
- необратимость — чем выше степень невозможности вернуться к исходному состоянию, тем выше событийность;
- неповторяемость — событие должно быть однократным (одним из критериев хорошей подачи новости в СМИ служит отсутствие слов «снова», «опять», «продолжаются» и т. д.) [Шмид 2003: 15].

Теория художественного нарратива выделяет три основных уровня анализа — уровень 1) действий, 2) событий, 3) сюжета как такового. Теория действий описывает семантическую акциональную сетку, которая предполагает наличие агента, действующего или претерпевающего действие; ситуации; поступка; цели, ради которой поступок совершался, а также средства. Таким образом, у события, как уже говорилось, есть свое развитие — показывая это развитие, автор и рассказывает нам историю. А. Ф. Папина отмечает: «Категория события обозначает нечто, случившееся кем-то или чем-то, называет действие, происходившее в прошлом, происходящее в данный момент, ожидаемое или возможное в будущем» [Папина 2002: 135].

Этот же принцип положен в основу журналистского нарратива. В частности, С. А. Бозрикова, рассматривая криминальный нарратив в журналистике (один из самых популярных на Западе и в России), пишет: «Ключевыми компонентами криминального нарратива являются драматическая структура композиции, художественный стиль, ярко выраженная точка зрения журналиста» [Бозрикова 2012: 21]. По этим параметрам автор противопоставляет нарративную журналистику новостной. Главным критерием их различия является, по мнению автора, определенная субъективность первого и стремление к объективности второго, которые сравниваются в том числе

через понятия «структура композиции», «языковой стиль» и «точка зрения».

Структура композиции в новостях, по С. А. Бозриковой, как правило, представляет собой структуру «перевернутой пирамиды», когда информация ранжируется по степени значимости; нарративная журналистика отличается драматургией, которая развивается по линейному принципу: от возникновения, развития — к кульминации конфликта и к его развязке, с четко очерченной сюжетной линией.

Языковой стиль. Новостная журналистика предполагает изложение краткое, четкое, точное; нарративная (например, криминальная по С. А. Бозриковой) — художественное (образное, эмоциональное).

Из последнего вытекает и степень присутствия авторской *точки зрения* в тексте: в новостном — минимальная, в нарративном тексте, например аналитическом — наоборот.

В. Е. Чернявская предлагает исследовать текст, соотнося его с некой прототипической моделью, характерной для каждого дискурса. Так, если исходить из того, что новостной дискурс стремится изобразить действительность без прикрас, то прототипическая модель новостного текста будет включать такие способы построения композиции и такие стилистические элементы, которые обеспечат «плотность референции» [Чернявская 2009: 71—82]. Другими словами, журналист стремится к максимально объективному отображению действительности. И наоборот, отклонение от прототипической модели влечет за собой использование средств, которые «сигнализируют о рассеянии референции» [Там же].

Теперь обратимся к анализу новостного нарратива с целью изучения событийности теленовостей на раннем этапе электоральной кампании. Понятие раннего старта избирательной кампании выдвинуто нами на основании положения о перманентном электоральном дискурсе [Кара-Мурза 2012] и разрабатывается подробно в диссертации.

Соотнесем критерии событийности, которые приводит В. Шмид, с примерами из новостной телевизионной журналистики. Возьмем для примера репортаж Виталия Калугина, посвященный ликвидации последствий лесных пожаров (НТВ. 30.07.2010). Приведем ниже его расшифровку с описанием сопутствующего видеоряда и дадим краткое определение основных телевизионных терминов, которые нам понадобятся для анализа.

ТЕКСТ	ВИДЕО, ЗВУК
<i>Подводка:</i> В Центральном и Приволжском округах сгорели 1170 домов, без крова остались 2178 человек — такие цифры сегодня сообщил Владимиру Путину глава МЧС Шойгу на совещании в Нижегородской области, этот регион в числе наиболее пострадавших, 9 человек погибли. Премьер прилетел туда утром, чтобы на месте координировать работы по оказанию помощи и разобраться, почему ситуация переросла в критическую. Репортаж нашего корреспондента Виталия Калугина.	Ведущая в кадре, на заднем плане кадры лесных пожаров.

Раздел 2. Политическая коммуникация

ТЕКСТ	ВИДЕО, ЗВУК
<i>Стендап:</i> Сегодня ночью с географической карты исчезло сразу несколько населенных пунктов, и в их числе — деревня Гибловка. Она сгорела дотла. В целом по стране леса и поселки горели 21 тысячу 692 раза. И с каждым днем число увеличивается из-за аномальной жары.	Корреспондент в кадре на месте событий. Кругом дым. На заднем плане датчик температуры воздуха — 30 градусов. Корреспондент одет в рубашку с коротким рукавом.
<i>За кадром:</i> Сегодня на пепелище Верхней Вереи отправился Владимир Путин. Доехать до деревни премьер не успел. Кортеж обступили погорельцы.	Кадры сгоревшей деревни, сняты из окна автомобиля.
<i>СНХ:</i> Местная жительница: «Мы еще Вас очень просим: покажите тех людей, которые допустили это».	Женщина в домашнем халате, окруженная толпой местных жителей, обращается к Путину. Лицо изможденное, голос надывается. Путин слушает и обещает помочь.
<i>За кадром:</i> Пострадавших от пожара, разумеется, интересовал вопрос о восстановлении жилья и о выплате компенсаций.	Путин вместе с губернатором обходит пепелище. На нем рубашка с подвернутыми рукавами, галстука и пиджака нет.
<i>СНХ:</i> Владимир Путин, председатель Правительства РФ: «Первый вопрос — это восстановление домов. И еще раз хочу сказать: по средней стоимости одного квадратного метра. И второе: по поводу утраты имущества». Местная жительница: «Конечно, у нас же ничего вообще не осталось». Владимир Путин: «Я понимаю. По закону положена небольшая сумма, всего 50 тысяч на семью». Местная жительница: «Что такое 50 тысяч на семью?» Владимир Путин: «Согласен. Поэтому мы сделаем по-другому. Имея в виду масштаб того, что произошло. Значит, мы сделаем так: не 50 тысяч на семью, а 100 тысяч на человека». Местная жительница: «Вот это другой разговор, это уже серьезно!» Владимир Путин: «Секундочку. Это будет только из федерального бюджета. И еще 100 тысяч на человека из областного». Местная жительница: «Вот это уже разговор серьезный. Мы очень Вам благодарны, если это все так получится». Владимир Путин: «Получится».	Путин обращается к местным жителям. Они его перебивают. Он успокаивает, даже берет женщину за руку и перечисляет компенсации, которые получают местные жители, загибая пальцы.
<i>За кадром:</i> Верхнюю Верею Путин осматривал недолго, там ничто не уцелело, кругом пепел и зола. Совещание по ситуации с пожарами запланировали в здании местной администрации. У входа, узнав о визите премьера, уже ждал народ. У людей сгорело все: постройки, вещи, скотина. У многих не осталось даже паспорта.	Путин обходит пепелище. У входа в администрацию его опять окружают люди. Съемка сверху — народу очень много.
<i>СНХ:</i> Местный житель: «Из этих головешек ничего не восстановим». Владимир Путин: «Из этих головешек ничего восстанавливать не будем, будем строить новые дома».	Путин отвечает местным жителям, успокаивает.
<i>За кадром:</i> На совещании премьер отметил: пламя бушует в 14 субъектах Федерации. Его тушат, но не везде успешно. Населенные пункты выгорают дотла.	Путин на совещании с руководством местной администрации, сидит во главе стола.
<i>СНХ:</i> Владимир Путин: «Что же эти поселки-то не уберегли? Мы же с вами видели, что с Верхней Вереей стало, там все выглядит, как в фильме ужасов».	Путин обращается к чиновникам, тон меняется, взгляд «из-под бровей».
<i>СНХ:</i> Валерий Шанцев, губернатор Нижегородской области: «Специалисты рассказывают о том, что это вихрь таким образом раскручивал головешки, что они летели приблизительно на полтора-два километра».	Шанцев отвечает Путину, неуверенный тон, сильная жестикация.
<i>За кадром:</i> Премьер заверил, что будет лично контролировать ситуацию с пожарами, и тем, кто не справится с своими обязанностями, рекомендует сложить полномочия.	Путин на совещании с руководством местной администрации.

ТЕКСТ	ВИДЕО, ЗВУК
<i>СНХ:</i> Владимир Путин: «Судя по настроениям людей и исходя из этих настроений, рекомендую руководителям муниципалитетов, в отношении которых есть большие сомнения о доверии к ним со стороны граждан, сложить с себя властные полномочия, а губернаторам — создать рабочие группы и штабы во главе с одним из своих заместителей, которым поручить оперативную работу по помощи гражданам и по восстановлению утраченного жилья. Правоохранительные органы проведут тщательное расследование и дадут оценку деятельности и работе каждого должностного лица».	Путин обращается к чиновникам, но смотрит прямо в камеру.
<i>За кадром:</i> А за каждый уничтоженный огнем дом погорельцам будет выплачено в среднем по 3 миллиона рублей.	Путин на совещании с руководством местной администрации. Показывают Шойгу и других ответственных чиновников за выполнением распоряжений Путина.
<i>СНХ:</i> Владимир Путин: «Прошу здесь присутствующих руководителей не забюрокративать решение проблем. Кто-то успел, у кого-то, как положено, оформлены все документы на сгоревшие дома, а кто-то, вот как один из мужчин, который подходил ко мне здесь, перед зданием, не успел оформить все, как положено. Ну, бывает. Не нужно, конечно, допускать, чтобы кто-то примазывался к пострадавшим, но все, кто пострадал, должны получить компенсацию».	Путин обращается к чиновникам, но смотрит прямо в камеру.
<i>За кадром:</i> После совещания погорельцы вновь окружили премьера и его сопровождающих. После общения с людьми Путин осмотрел временный центр размещения пострадавших от пожара. Его открыли на территории детского оздоровительного лагеря.	Путин выходит из здания и сразу попадает в толпу людей, съемки опять сверху. Рядом сидит плачущая женщина, Путин ее успокаивает. Стоят дети. Показывают крупно лицо мальчика, который смотрит в камеру.

Репортаж с места событий — это жанр журналистики, «оперативно сообщаящий о каком-либо событии, очевидцем или участником которого является **корреспондент**» [Телевизионная журналистика: 188—189]; элементы репортажа — это *синхроны* героев (фрагменты интервью с гостями и главными действующими лицами), *закадры*, где мы слышим голос корреспондента, «подложенный» под видеоряд, но не видим его, *стендапы* (досл. от англ. *standup* — стоя прямо) — появление корреспондента в кадре «на пленэре».

Интервью — жанр, представляющий собой разговор журналиста с социально значимой личностью по актуальным вопросам [Телевизионная журналистика: 181]; их общение происходит в студии или вне ее пределов, в зависимости от исходной ситуации, а также от задумки автора; в рамках информационных телевизионных жанров имеет смысл говорить прежде всего о фрагментах беседы, включенных в репортаж или данных отдельно в виде СНХ, синхрона (от *синхронный*: изображение и звук говорящего человека).

Заметка — краткое сообщение журналиста, в котором излагается какой-либо факт; на телевидении чаще употребляется наименование БЗ (без звука), бзззшка (от англ. *VOICE OVER*) — «картинка» без звука, комментируемая ведущим, который сидит в студии; отличительной чертой этого жанра является краткость и жесткая композиционная структура; композиция заметки соответствует хрестоматийному принципу «перевернутой пирамиды», где в первые два-три предложения вынесена самая важная информация, отвечающая на вопросы *что? кто? где? и когда? почему?* (правило «пяти W» — *Who? What? When? Where? Why?*); отличительным качеством

заметки является также ее нацеленность на краткое и максимально доступное изложение информации, что в английском языке называют *hardnews* (от англ. дословно — «жесткие новости») [George, Trimbur 2004: 15—18]; имеются в виду сообщения с «пометкой молния», когда речь идет о самых последних событиях; сведения к минимуму какая-либо аналитика или оценка происходящего автором; даются «голые» факты с минимальным художественным оформлением.

Подводка — это еще один элемент сложносоставного новостного выпуска; отвечает задачам максимально коротко и емко изложить самое главное в новости (по аналогии с газетным «лидом»); это произведение малого жанра, написанное **ведущим** (тем, кто читает подводки в эфире и который затем передает слово корреспонденту).

Проанализируем сначала вербальный текст и выявим его нарративные характеристики. Изучение невербальных средств журналистского нарратива должно стать следующим этапом анализа. Ниже мы предложим один из возможных приемов такого анализа — на примере визуальной метафоры.

С точки зрения событийности текст полностью отвечает требованиям нарратива. Рассмотрим по порядку следующие критерии.

Фактичность подчеркивается первыми же словами ведущей, которая, представляя репортаж, сразу обозначает масштаб свершившегося события: «*В Центральном и Приволжском округах сгорели 1170 домов, без крова остались 2178 человек*». **Цифры** в данном случае подчеркивают серьезность проблемы. Как результат, «*премьер прилетел туда утром, чтобы на месте координировать работы по оказанию*

помощи и разобратся, почему ситуация переросла в критическую». Результативность отражена в тексте **глаголами совершенного вида** «прилетел» и **сложноподчиненным предложением с придаточным цели** «чтобы на месте координировать работы по оказанию помощи и разобратся, почему ситуация переросла в критическую» — результат трагедии: вмешательство премьер-министра (о статусно-ролевой позиции Путина в данной истории подробнее поговорим позднее).

Релевантность подчеркивают в первую очередь слова-маркеры: **Сегодня ночью с географической карты исчезло сразу несколько населенных пунктов, и в их числе — деревня Гибловка. Она сгорела дотла. В целом по стране леса и поселки горели 21 тысячу 692 раза. И с каждым днем число увеличивается из-за аномальной жары.** Здесь, с одной стороны, наречие времени «сегодня» подчеркивает актуальность события, а с другой, обороты «в целом по стране» и «из-за установившейся аномальной жары» указывают на релевантность в рамках общенациональной проблемы лесных пожаров. Подтверждение релевантности также обнаруживаем в описании совещания Путина с чиновниками, где было отмечено, что «пламя бушует в 14 субъектах Федерации».

Неповторяемость и необратимость следуют из текста со всей очевидностью: сгоревшее имущество уже не вернуть, корреспондент подчеркнул, что «населенные пункты выгорели дотла». Отсюда следует и безусловная **консекутивность** события для тех людей, которые потеряли все, и для зрителя, сочувствующего согражданам.

Таким образом, событие (лесные пожары, и конкретнее сгоревшая деревня, в которую приехал Путин) полностью отвечает основным требованиям журналистского нарратива, выполняющего электоральную функцию, так как на фоне этого события проявляется фигура главного действующего лица — Владимира Путина. Его участие в событии отражено в собственных «синхронах» и комментариях корреспондента, чередование которых формирует **композиционно-речевую структуру текста**.

Мы можем проследить стандартную сюжетную схему нарратива — репортаж начинается с **экспозиции**, представления обстановки и персонажей: *Сегодня ночью с географической карты исчезло сразу несколько населенных пунктов, и в их числе — деревня Гибловка. Она сгорела дотла. В целом по стране леса и поселки горели 21 тысячу 692 раза. И с каждым днем число увеличивается из-за аномальной жары. Сегодня на пепелище Верхней Вереи отправился Владимир Путин. Доехать до деревни премьер не успел. Коротеж обступили погорельцы.*

Завязка конфликта происходит в момент общения Путиным с местными жителями, которые всё потеряли в пожарах. Они просят премьера наказать тех, кто это допустил, засыпают его жалобами и просьбами (фактически — «челобитными»). Развитие сюжета происходит в момент общения Путина и пострадавших; не случайно реплики политика и местных жителей даны в таком порядке: 1) **жалоба** — «у нас же ничего вообще

не осталось! <...> Что такое 50 тысяч на семью?»; 2) и **реакция** Путина на жалобу — он **соглашается** помочь: «Согласен. Поэтому мы сделаем по-другому. Имея в виду масштаб того, что произошло. Значит, мы сделаем так: не 50 тысяч на семью, а 100 тысяч на человека». Кульминацией становится критика премьер-министра Путина в адрес чиновников: «Что же эти поселки-то не убереглы?» При этом ответные реплики чиновников отсутствуют, что подчеркивает доминантную статусно-ролевую позицию Путина.

Развязка же сюжета наступает, когда Путин обещает все взять под свой контроль, — это звучит в словесном комментарии корреспондента в отдельном кадре: *Премьер заверил, что будет лично контролировать ситуацию с пожарами, и тем, кто не справится с своими обязанностями, рекомендует сложить полномочия.*

Мы видим стандартную, универсальную сюжетную схему нарратива/повествования, включающую экспозицию (представление обстановки и персонажей), завязку сюжета, кульминацию, развязку, а также систему персонажей.

Система персонажей повествовательного текста впервые проанализирована В. Я. Проппом на примере русской сказки: «Как известно, В. Я. Пропп обнаружил под собственно событийным слоем русской волшебной сказки уровень, образуемый такими конструктами, как „действующие лица“ и их „функции“». Это позволило ему свести бесконечное количество мыслимых персонажей и их поступков к ограниченному числу инвариантов, разработав первый в истории механизм формализации нарративного текста» [Греймас 2004: 18].

Представление о многоуровневой структуре текста лежит в основе модели Греймаса. Вспомним эту модель: 6 актантов, главные из них — это Субъект и Объект. Остальные четыре актанта, которые выделяет Греймас, — это Получатель Объекта (им может быть как Субъект, так и другое лицо или группа лиц, на благо которых действует Субъект), Податель Объекта (передает его в распоряжение Субъекта), а также те, кто помогает и мешает в достижении Субъектом цели, — Помощник и Противник [Греймас 2000: 192]. «Повествование сводится к последовательности „ИСПЫТАНИЕ“, которая, реализуя в дискурсе актантную модель, как бы антропоморфизирует значения и в силу этого предстает как цепь человеческих (или прачеловеческих) поступков. <...> Это означает, что простейшая диахроническая повествовательная последовательность, уже по определению, содержит все признаки исторической деятельности человека — необратимой, свободной, ответственной» [Там же].

При этом один персонаж, по Греймасу, может совмещать в себе несколько ролей. Так, Субъект может быть Получателем, Объект — Подателем и т. д. В любом повествовательном тексте можно увидеть все перечисленные актаны. В качестве примера рассмотрим всё тот же новостной текст журналиста Калугина.

Протагонистом, субъектом в данном тексте выступает Путин, объектом — пострадавшие от пожара местные жители. Кроме того, обнаруживают себя герои-антагонисты — чиновники, кото-

рые, по мнению Путина, допустили трагедию. Парадоксальным в этой ситуации является то, что чиновники по своему статусу и функции никак не должны быть антагонистами Путина — они его подчиненные, а значит, должны помогать бороться со стихией, быть на одной стороне. Какой вывод можно сделать из этого? Во-первых, элементы классической системы персонажей, отмечаемые в тексте, доказывают его нарративность, во-вторых, очевидно, что когда новостной репортаж используется в электоральной функции, то система персонажей под нее адаптируется.

Система персонажей, в свою очередь, влияет на композиционную структуру — в репортаже это ритмическое чередованием точек зрения, представленных «синхронами» героев и комментариями корреспондента. Данное противопоставление определяет последовательные переходы от внешнего, объективного плана «реальной» истории к внутреннему плану субъектно-речевого ее представления. Переходы на субъектно-речевой план текста происходят тогда, когда «авторская точка зрения опирается на индивидуальное сознание», пишет Л. В. Татару, ссылаясь на мнение Б. А. Успенского [Татару 2011: 14], и это отражается в композиционно-речевой структуре текста.

Исследователи изучают, какие виды речи используются в тексте (прямая, косвенно, несобственно-прямая) и есть ли в текста авторская речь. «Так, например, несобственно-прямая речь позволяет высказываться и герою, и автору одновременно» [Кирия 2007: 31—35]. При этом особое внимание стоит обратить на цитаты, представляющие собой в теленовостях синхроны — прямую речь персонажей: «...вводя в словесную ткань прямые высказывания персонажей, автор тем самым использует их реплики, монологи, диалоги для речевой характеристики героев...» [Солганик 2002: 98—108].

Таким образом, можно выделить *авторский нарратив* (интерпретацию журналистом раскрываемых им тем и описываемых событий), в который «вплетены» *нарратив очевидцев* событий (свидетельства обычных людей о том, что происходит вокруг них), *нарратив экспертов* (специалистов, оценивающих сложившуюся ситуацию) и *нарратив «героев»* (о ком идет речь в сюжете): «Наиболее прозрачно и полнофункционально эта структура проступает в телевизионных материалах разных жанров (в выпусках новостей, в репортажах, в политических ток-шоу и т. п.)» [Клушина 2015].

Как и в любом нарративном произведении, ключевой в новостном репортаже является авторская позиция. Образ автора, по мнению Г. Я. Солганика, определяет способ речевой организации жанра, отбор языковых средств, стилистическую тональность и т. д. «С образом автора в репортаже, — как пишет Солганик, — тесно связано, например, использование разговорной лексики как средства оценочного, характерологического, образительного» [Стилистика газетных жанров: 13—15]. «Журналист делает свой текст максимально доступным, сближая его с устной речью, — пишет О. А. Лаптева, — что иногда даже приводит и к нарушениям норм литературного языка, так как основная задача говорящего —

выразить определенный смысл, и в речевом потоке явственно действует принцип превалярования смысла над формой» [Лаптева 2000: 63]. «Поэтому, — как пишет Р. А. Борецкий, — и нет никакого противоречия в том, что, с одной стороны, телерепортаж отражает жизнь в формах самой жизни, то есть максимально приближен к реальной действительности, объективен по своей сути, а с другой стороны, сущностным свойством жанра становится то, что субъективное восприятие события репортером выходит на первый план» [Телевизионная журналистика: 188—189]. Это определяет выбор оценочной лексики, использование выразительных средств, а в случае необходимости корреспондент может прибегнуть и к разговорной лексике, жаргонам и другим словам со сниженной коннотацией.

Фактически автор проявляет свое «Я» в журналистском тексте с помощью имплицитных признаков, знаков текста, таких как средства выразительности языка (эпитеты, метафоры и т. д.), и художественных приемов, таких как композиция текста. Это позволяет ввести в текст скрытую информацию. То есть наличие реального события как коммуникативной категории (свершившегося в действительности факта) не отменяет его вариативного представления в нарративе, в дискурсе (ср. концепцию вариативной интерпретации действительности, предложенную А. Н. Барановым и П. Б. Паршиным).

Об этом же пишет Л. Н. Синельникова, описывая принципы восприятия события в условиях информационной войны: «Поскольку информационная война нуждается в событиях, любое значительное или незначительное действие может быть (по умолчанию или по ситуативной договоренности) превращено в событие политического ранга. Политический дискурс, как и любой другой, отражает и вербально обеспечивает органическую связь между текстом и контекстом. Стремление создать негативный контекст реализуется в соответствующих текстах, и между контекстом и текстом в этом случае создаются особые корреляционные отношения: негативный текст начинает принимать участие в создании негативного контекста» [Синельникова 2014: 97].

Самостоятельную нарративную функцию выполняет и «картинка» репортажа. Для анализа рассмотрим теперь образительный ряд того же репортажа Виталия Калугина. Рассмотрим, как работает в данном случае принцип **визуальной метафоры**.

Она является одним из средств художественной выразительности, применяемым для достижения большего эмоционального воздействия [см., например: Сарна 2005; Большакова 2008]. Она выстраивается через соотнесение двух зрительных образов, напрямую отождествляемых с теми или иными объектами репрезентации. Вследствие соединения этих двух образов возникает третий — таким образом, мысль передается косвенно, через образование дополнительных смыслов [см.: Арутюнова 1990].

Когнитивный механизм действия словесной метафоры описан в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона, характеризующих взаимодействие двух структур знания — когнитивной структуры

«источника» и когнитивной структуры «цели» [Лакофф, Джонсон 1990: 392] — на котором основана метафоризация. Деление на «источник» и «цель» показывает направление метафорического переноса. **Источник** — это более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью. **Цель** — это знание менее конкретное, которое рождается в результате механизма метафоризации. Как пишет Дж. Лакофф, «метафора позволяет понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [Лакофф, Джонсон 1990: 395].

Л. С. Большакова так описывает механизм действия визуальной метафоры: «Визуальная метафора выстраивается через соотнесение двух зрительных образов, выступающих в качестве иконических знаков. При их монтажной состыковке друг с другом возникающий смысл трактуется уже как символ такого явления, которое напрямую может быть и не связано с каждым из представленных образов. Монтажный механизм метафоры здесь функционирует таким образом, что при одновременной реализации первого и второго планов содержания метафоры возникает третий план (то, что имплицитно продуцируется), т. е. новая художественная реальность» [Большакова 2008: 18—19].

Из представленного описания видно, что в создании визуальной метафоры ключевую роль играет именно **монтаж**, который является важнейшим средством выразительности на телевидении. Использование монтажа позволяет сочетать самые разные зрительные образы в едином новом образе, при этом монтаж не требует логического обоснования, как если бы шло разъяснение вербально. Зрительные образы, как уже упоминалось, наиболее эффективно воздействуют на эмоциональное восприятие человека, за счет этого достигается практически моментальное перемещение в сознании зрителя от одного образа к другому, что часто используется в таких телевизионных жанрах, как музыкальные видеоклипы, где необходимо быстро (насколько позволяет хронометраж песни — обычно 2—3 минуты) донести до зрителя целую историю отношений, любви, дружбы и т. д. В теленовостях автор-журналист ограничен практически такими же временными рамками: длительность репортажа как раз составляет 2—3 минуты (как у видеоклипа), поэтому телевизионные журналисты активно используют принцип визуальной метафоры, чтобы заложить в свой материал дополнительные смыслы за счет «взаимодействия иконической знаковой системы с другими системами, прежде всего вербальной семиотической системой» [Большакова 2008: 18].

Образом-источником в данном случае является картина лесных пожаров, которая создает эмоциональный образ хаоса, горя: он задается с первых же секунд кадрами лесных пожаров, являющихся фоном для подводки ведущей. Дым — прямая ассоциация с хаосом, разрухой, пепелищем. Но тут появляются новые образы — Путин в рубашке с коротким рукавом, обходящий пепе-

лице и общающийся с местными жителями. При этом он окружен ими, между ними нет никакой дистанции, он берет за руку и успокаивает тех, кто все потерял. Отдельно необходимо отметить монтажную склейку двух планов: Путин, окруженный людьми, и план сверху, где видно массу, толпу, пришедшую на встречу с Путиным.

Из этого нового ряда документальных, событийных образов в сочетании с образами природной трагедии и разрухи появляется новый образец визуальной метафоры: образ Путина как «добраго царя», который лично помогает простому народу, пострадавшему от стихии, и справедливо наказывает нерадивых чиновников.

Образ-источник составляет в данном случае план выражения метафорической конструкции, а цель — план содержания. Основание сравнения складывается из семантических признаков «хаос», «горе», «разруха». Такие признаки в метафоре называются интегральными. Что же касается дифференциальных признаков, то они в данном случае сводятся к оппозиции «пострадавшие люди и Путин, готовый им помочь» и «нерадивые чиновники, которые допустили эту трагедию». В метафорическом/тропеистическом образе имеется много наглядного, визуально воспринимаемого: дым, пепелище, засученные рукава рубашки Путина, а в теме — нечто абстрактное, чувственно не воспринимаемое: взаимопомощь, справедливость, надежда.

Именно метафорический способ постижения мира, по мнению большинства исследователей, имеет всеобщий и обязательный характер, «поэтому метафора может быть рассмотрена как один из фундаментальных когнитивных механизмов человеческого сознания. Таким образом, одним из самых востребованных инструментов анализа текста, в том числе креолизованного, неким ключом к интерпретации как вербальной, так и невербальной информации становится когнитивная метафора» [Ворошилова 2013: 109].

При этом невербальная информация доносится посредством и третьего компонента телевизионной триады — звука. И на нашем примере это хорошо заметно: женщина в домашнем халате, окруженная толпой местных жителей, обращается к Путину; лицо изможденное, голос надтреснутый. По контрасту с этими особенностями голоса женщины, который говорит нам о ее отчаянии, звучит голос Путина, спокойный и уверенный. Местные жители постоянно сбиваются, перебивают Путина, он же говорит четко и аргументированно, даже подкрепляя свои аргументы характерным жестом загибания пальцев. Тут мы видим, как коррелируют интонации с жестами политика, создавая единый образ.

С этим контрастирует общение Путина с чиновниками: его тон меняется, взгляд «из-под бровей». Путин жестко отчитывает тех, кто, по его мнению, допустил эту трагедию. И опять мы имеем дело с контрастным противопоставлением тона речи Путина с местными жителями и чиновниками. Прослеживается тенденция с частоту употреблению этого приема журналистом. Отсюда напрашивается вывод, что **контрастность** звукопередачи является средством художественной выразительности в новостных телевизионных материалах, работает по

тому же принципу, что и визуальная метафора: при монтаже сочетаются несочетаемые, на первый взгляд, образы. Но именно благодаря такому контрасту рождается новый образ, который и является целью журналиста.

Сравним результаты нашего анализа с критериями, которые приводят другие исследователи журналистского нарратива [Бозрикова 2012; Чернявская 2009]. Мы видим, что нарративные признаки просматриваются в новостной журналистике и, в частности, в таком жанре теленовостей, как репортаж. Композиция в репортаже усложняется по сравнению с телевизионной заметкой и несет определенную нарративную нагрузку. Во многом композиция отражает точку зрения автора, которая в репортаже, в отличие от короткой информационной заметки, вычитывается из построения сюжета и расстановки элементов репортажа. В нашем примере композиция репортажа Виталия Калугина работает на создание образа Путина как «добраго царя»: премьер-министр лично помогает простому народу, пострадавшему от стихии, и справедливо наказывает нерадивых чиновников.

Подходы Бозриковой и Чернявской скорее применимы к отдельным жанрам программы новостей как макротекста, как формата, таким как новостная заметка, которая действительно характеризуется композицией «перевернутой пирамиды» и максимально кратким, четким и точным изложением фактов. Однако, рассматривая выпуск телевизионных новостей как макротекст с множеством текстов внутри, мы замечаем, что телевизионные новости — это сложная дискурсивная структура, которая в рамках одного выпуска состоит из нескольких текстов разных жанров. Выпуски новостей часто бывают объединены одной темой, одним событием. Например, если происходит какое-то чрезвычайное происшествие, события постоянно развиваются; тогда, скорее всего (согласно журналистской логике), каждый новый выпуск новостей будет начинаться с новых подробностей произошедшего и дополняться уже известными деталями для тех, кто «упустил нить».

Информирование по определению есть объективное и актуальное освещение событий в СМИ. Тем не менее событийность по своей сути представляет собой сложный коммуникативный и дискурсивный феномен, основа которого — темпоральная структура события. Этот признак определяет нарратив как основу дискурсивного проявления событийности. А на самом деле его сущность — не столько время и хронология, сколько структурирование события и вид.

Дискурсивно событийность часто проявляется в новостных текстах, в том числе телевизионных. Как часть нарратива, эти тексты обладают рядом характеристик, которые задаются группой информационных жанров на телевидении. И в первую очередь это образ автора. В новостном журналистском тексте автор хотя и совпадает с рассказчиком дискурсивно, не обязательно — с точки зрения интерпретации событий. Другими словами, журналист-новостник как рассказчик должен оставаться беспристрастным (это следует из определения самой информационной функ-

ции речи), но совокупность языковых и внеязыковых средств выразительности в тексте позволяет ему донести оценочную информацию. То есть наличие реального события как коммуникативной категории (свершившегося в действительности факта) не отменяет его вариативного и экспрессивного/субъективного представления в дискурсе, в нарративе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова И. В. Медиадискурс как неориторическая репрезентация современной картины мира // Русский след в нарратологии : матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Балашов, 26—28 нояб. 2012 г.). — Балашов : Николаев, 2012.
2. Аристотель. Поэтика // Аристотель и античная литература. — М., 1978.
3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка. Событие. Факт. — М. : Наука, 1988.
4. Бозрикова С. А. Криминальный нарратив: нарративная журналистика в США и России. Актуальные проблемы науки и образования : сб. науч. ст. / под общ. ред. С. А. Ляшко. — Балашов : Николаев, 2012.
5. Володина М. Н. Язык СМИ — основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие. — М. : Изд-во МГУ, 2003. С. 9—32.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981.
7. Демьянков В. З. Исследование текста и дискурса СМИ методами контрастивной политологической лингвистики // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. — М. : Изд-во Моск. ун-та : Фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. С. 77—120.
8. Ильенко С. Г. Русистика. Избранные труды. — СПб., 2003.
9. Кара-Мурза Е. С. Лингвистические показатели речевых преступлений в политике // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. — М. : Изд-во Моск. ун-та : Фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. С. 797—855.
10. Кожина М. Н. О функциональных семантико-стилистических категориях текста // Филол. науки. 1987. № 2.
11. Кожина М. Н. Текст и его категориальные свойства. — Киев, 1989.
12. Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка. — М., 2013.
13. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве / Ю. М. Лотман. — СПб. : Искусство — СПб., 1998. — С. 14—285.
14. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск, 1990.
15. Москальская О. И. — Грамматика текста. — М., 1981.
16. Негрышев А. А. Новости в прессе: к моделированию макротекстовой структуры // Язык и дискурс СМИ в XXI веке / под ред. М. Н. Володиной. — М., 2011. С. 85—97.
17. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории : учеб. для студентов — журналистов и филологов. — М. : Едиториал УРСС, 2002.
18. Почепцов Г. Г. Имиджелогия. — М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2000а.
19. Почепцов Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. — М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2000б.
20. Русский след в нарратологии : матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Балашов, 26—28 нояб. 2012 г.). — Балашов : Николаев, 2012.
21. Сидоров Е. В. Основы системной концепции текста : дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1986.
22. Силантьев И. В. Газета и роман: риторика дискурсивных смещений. — 2006.
23. Татару Л. В. Нарратив и культурный контекст. — М. : Ленанд, 2011б.
24. Тмарченко Н. Д. Событие сюжетное // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий. — М., 2008. С. 239—240.
25. Термины и понятия: методы исследования и анализа текста : словарь-справочник / Т. В. Жеребило. — Назрань : Пилигрим, 2011.

26. Тураева З. Я. Лингвистика текста. — М., 1986.
 27. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса. — Тверь, 2001.
 28. Успенский Б. А. Поэтика композиции // Семиотика искусства. — М., 1995.

29. Чернухина И. Я. Общие особенности поэтического текста: Лирика. — Воронеж, 1987.
 30. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодность, интертекстуальность, интердискурсивность. — М., 2009.

D. A. Malyshev
 Moscow, Russia

EVENT AND NARRATIVE IN TV-NEWS DEDICATED TO POLITICIANS' ACTIVITIES

ABSTRACT. *The article is devoted to the communicative aspect of events as information and semiotic phenomenon in journalists texts dedicated to politicians' activities. TV news texts from the major Russian TV channels are taken for analysis. For example, such elements of narrative journalism as complicated composition and point of view of the author are distinguished in these texts. On the one hand, this fact proves a subjective and persuasive nature of TV news, and on the other — illustrates the specificity of narrative in political journalism. The author also argues that that discursive eventfulness is often manifested in news texts, including television. As part of the narrative, these texts have a number of characteristics that are set by the group of information genres on television. And first and foremost it is the image of the author. In journalist news texts, the author coincides with the narrator discursively, but it is not necessarily so in terms of interpretation of events. In other words, the journalist as the narrator must remain impartial (this follows from the definition of the informative function of the text), but linguistic and extra-linguistic means of expression in the text allow him to convey evaluative information. So the existence of a real event as a communicative category (a fact of reality) does not deprive it of its subjective representation in the text.*

KEYWORDS: *events; narrative; TV-news; news texts.*

ABOUT THE AUTHOR: *Malyshev Dmitriy Andreevich, Post-graduate Student of Department of Stylistics of the Russian Language, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University.*

REFERENCES

- Annenkova I. V. Mediadiskurs kak neoritoricheskaya reprezentatsiya sovremennoy krtiny mira // Russkiy sled v narratologii :mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Balashov, 26—28 noyab. 2012 g.). — Balashov : Nikolaev, 2012.
- Aristotel'. Poetika // Aristotel' i antichnaya literatura. — М., 1978.
- Arutyunova N. D. Tipy yazykovykh znacheniy: otsenka. Sobytie. Fakt. — М.: Nauka, 1988.
- Bozrikova S. A. Kriminal'nyy narrativ: narrativnaya zhurnalistika v SShA i Rossii. Aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya : sb. nauch. st. / pod obshch. red. S. A. Lyashko. — Balashov : Nikolaev, 2012.
- Volodina M. N. Yazyk SMI — osnovnoe sredstvo vozdeystviya na massovoe soznanie // Yazyk SMI kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya : ucheb. posobie. — М.: Izd-vo MGU, 2003. S. 9—32.
- Gal'perin I. R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya. — М., 1981.
- Dem'yankov V. Z. Issledovanie teksta i diskursa SMI metodami kontrastivnoy politologicheskoy lingvistiki // Yazyk SMI i politika / pod red. G. Ya. Solganika. — М.: Izd-vo Mosk. un-ta : Fak. zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova, 2012. S. 77—120.
- Il'enko S. G. Rusistika. Izbrannye trudy. — SPb., 2003.
- Kara-Murza E. S. Lingvisticheskie pokazateli rechevykh prestupleniy v politike // Yazyk SMI i politika / pod red. G. Ya. Solganika. — М.: Izd-vo Mosk. un-ta : Fak. zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova, 2012. S. 797—855.
- Kozhina M. N. O funktsional'nykh semantiko-stilisticheskikh kategoriakh teksta // Filol. nauki. 1987. № 2.
- Kozhina M. N. Tekst i ego kategorial'nye svoystva. — Kiev, 1989.
- Kupina N. A., Matveeva T. V. Stilistika sovremennoego russkogo yazyka. — М., 2013.
- Lotman Yu. M. Struktura khudozhestvennogo teksta // Ob iskusstve / Yu. M. Lotman. — SPb.: Iskusstvo — SPB, 1998. — S. 14—285.
- Matveeva T. V. Funktsional'nye stili v aspekte tekstovyykh kategoriy. — Sverdlovsk, 1990.
- Moskal'skaya O. I. — Grammatika teksta. — М., 1981.
- Negryshev A. A. Novosti v presse: k modelirovaniyu makrotekstovoy struktury // Yazyk i diskurs SMI v KhKhI veke / pod red. M. N. Volodinoy. — М., 2011. S. 85—97.
- Papina A. F. Tekst: ego edinitsy i global'nye kategorii : ucheb. dlya studentov — zhurnalistov i filologov. — М.: Editorial URSS, 2002.
- Pocheptsov G. G. Imidzhologiya. — М.: Refl-buk ; Kiev : Vakler, 2000a.
- Pocheptsov G. G. Kommunikativnye tekhnologii dvadtsatogo veka. — М.: Refl-buk ; Kiev : Vakler, 2000b.
- Russkiy sled v narratologii : mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Balashov, 26—28 noyab. 2012 g.). — Balashov : Nikolaev, 2012.
- Sidorov E. V. Osnovy sistemnoy kontseptsii teksta : dis. ... d-ra filol. nauk. — М., 1986.
- Silant'ev I. V. Gazeta i roman: ritorika diskursnykh smesheniy. — 2006.
- Tataru L. V. Narrativ i kul'turnyy kontekst. — М.: Lenand, 2011b.
- Tamarchenko N. D. Sobytie syuzhetnoe // Poetika : slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy. — М., 2008. S. 239—240.
- Terminy i ponyatiya: metody issledovaniya i analiza teksta : slovar'-spravochnik / T. V. Zherebilo. — Nazran': Piligrim, 2011.
- Turaeva Z. Ya. Lingvistika teksta. — М., 1986.
- Tyupa V. I. Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa. — Tver', 2001.
- Uspenskiy B. A. Poetika kompozitsii // Semiotika iskusstva. М., 1995.
- Chernukhina I. Ya. Obshchie osobennosti poeticheskogo teksta: Lirika. Voronezh, 1987.
- Chernyavskaya V. E. Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'. — М., 2009.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Е. С. Кара-Мурза.

Г. Г. Матвеева, М. В. Лесняк, И. А. Зюбина
Ростов-на-Дону, Россия

ПЕРСОНАЛЬНОСТЬ И КОЛЛЕКТИВНОСТЬ В НЕМЕЦКОМ ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ: ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ФОКУСЕ СКРЫТОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ

АННОТАЦИЯ. Базовые категории парламентского дискурса «персональность» и «коллективность» образуют антиномию, которая исследуется в данной статье на материале выступлений немецкого парламента методами скрытой и функциональной прагмалингиистики. Персональность и коллективность понимаются как категории, обуславливающие внутренние, субъективные характеристики дискурса парламентариев. Персональность выражается в стремлении к личностному доминированию в речи. Коллективность проявляется к уходу от ведущей роли в ситуации общения. В аспекте скрытой прагмалингиистики персональность исследуется через личный план речевой стратегии скрытого воздействия «Участие/неучастие коммуникантов в речевом событии», а коллективность — через социальный план той же стратегии. В рамках функциональной прагмалингиистики персональность изучается с помощью тактики самопрезентации коммуникативной стратегии «Формирование позитивного отношения у адресата к речевому событию», а коллективность — с помощью тактики солидаризации данной стратегии. Анализ ненамеренной актуализации и целенаправленной реализации вышеуказанных стратегий позволяет установить ауто- или социоориентированность политиков, определить расстановку ролей в рамках немецкой парламентской коммуникации, а также обнаружить совокупный воздействующий эффект политической коммуникации. Такой подход открывает новые перспективы для изучения европейского парламентского дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: персональность; коллективность; речевое воздействие; парламентский дискурс; скрытая прагмалингиистика; функциональная прагмалингиистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Матвеева Галина Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; адрес: 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 33, к. 409; e-mail: gegemat2337633@rambler.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Лесняк Марина Валерьевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры теории и практики немецкого языка, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский 93, к. 21; e-mail: mvlesnyak@sfedu.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Зюбина Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; адрес: 344072, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33, к. 415; e-mail: i-r-a-z@rambler.ru.

Данная статья является частью исследования, посвященного многоплановому и многоярусному изучению европейского парламентского дискурса, и демонстрирует результаты рассмотрения категории персональности в оппозиции к категории коллективности с точки зрения скрытой и функциональной прагмалингиистики на материале выступлений депутатов бундестага.

Категория персональности рассматривается в современной лингвистике как многоуровневая и многоаспектная. Она описывается с точки зрения функционально-семантической грамматики [Бондарко 1992], когнитивной лингвистики [Худяков 2005], как текстообразующая категория [Стратийчук 2006], а также в русле комплексного, сравнительного подхода [Пивоварчик 2009; Шлык 2012]. Такой интерес, несомненно, свидетельствует об актуальности затронутой проблемы. Однако вопросы прагматического потенциала данной категории часто остаются за рамками интересов лингвистов, хотя именно персональность играет ведущую роль в создании речевого имиджа говорящего и тем самым осуществляет расстановку ролей, определяет регистр и тон интеракционного плана в конкретной речевой ситуации. Особенно важным является выявление такого «подспудного» речевого воздействия в коммуникативных рамках современного парламента, поскольку завоевание лидирующих позиций на политическом ландшафте отдельными политиками

или группами политиков определяет общую ситуацию в стране и влияет на политический климат в Европе.

Персонализация относится к важнейшим характеристикам парламентской коммуникации, поскольку отражает институциональную необходимость наличия идиополитических дискурсов и соотносится с первой частью дихотомии «адресат — адресант» [Алферов, Кустова 2014: 26]. Адресант в парламенте может быть как индивидуальным (персона), так и коллективным (партия). Мнение коллективного адресанта представляет конкретный политик, как правило, занимающий лидирующую позицию в собственной фракции. При этом он может быть не согласен с мнением партийного большинства, однако в силу институционализированной необходимости обязан представлять точку зрения, принятую на заседании партии.

Персонализация тесно взаимодействует с прагмалингиистической категорией персональности. Если первая определяет внешние (объективные, т. е. определяющиеся коммуникативными рамками ситуации речевого общения) особенности дискурса конкретного политика, то вторая обуславливает внутренние (субъективные, т. е. определяющиеся личностными качествами коммуниканта) характеристики дискурса говорящего. Иными словами, персональность с точки зрения скрытой и функциональной прагмалингиистики

Статья написана при поддержке РГНФ — конкурс № 14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция. Европарламент)».

© Матвеева Г. Г., Лесняк М. В., Зюбина И. А., 2015

определяется как стремление к проявлению личностного доминирования в речи. Антагонистической категорией является категория коллективности, которая проявляется в стремлении к уходу от ведущей роли в конкретной ситуации общения. Последовательно рассмотрим персональность и коллективность в фокусе скрытой и функциональной прагмалингвистики.

В скрытой прагмалингвистике персональность подлежит исследованию через речевую стратегию скрытого воздействия «Участие/неучастие коммуникантов в речевом событии» [Матвеева 1998: 28]. «Речевая стратегия скрытого воздействия представляет собой многоаспектное коммуникативное явление. Оно реализуется на акциональном уровне, т. е. уровне речевых действий, и на текстуальном уровне. Речевая стратегия основана на привычном, а потому не осознаваемом, выборе лингвистических единиц, воздействующий эффект от которого также не осознается адресатом» [Лесняк 2014: 62]. То есть речевое воздействие, оказываемое говорящим на реципиента в процессе актуализации речевой стратегии, не очевидно. Оно скрыто от обоих коммуникантов и достигается путем накопления порогового уровня дополнительных нюансов смысла, которые накладываются на исходные грамматические и текстуальные значения выбранных лингвистических единиц. Наложение нюансов смысла происходит одновременно в речевом акте и одновременно с реализацией речевых сигналов. Актуализация этих дополнительных скрытых смыслов является результатом устоявшихся речевых привычек, поэтому стратегии скрытого воздействия используются для диагностики речевых портретов и/или их фрагментов говорящих.

Стратегия «Участие/неучастие коммуникантов в речевом событии» относится к эмотивно-ориентированным стратегиям скрытого воздействия [Матвеева 2011: 180], т. е. обнаруживающим личностные качества говорящего. Она актуализируется в речи тремя речевыми планами: личным, социальным и предметным.

Прагматический потенциал личного плана заключается в актуализации в речевом акте участия адресанта или адресата. Эта актуализация осуществляется в результате выбора говорящим речевых сигналов центральной грамматической категории — категории лица. Она обозначает отношения действия (процесса) и его субъекта к говорящему лицу. Категория лица для немецкого языка выражается в выборе личных глагольных форм, а также форм личных и притяжательных местоимений 1 и 2-го лица (*ich, du, mir/mich, dir/dich, mein, dein*), глагольных форм императива, обращения:

*Herr Putin, **tun Sie** das, was Sie im Dezember gesagt haben! **Ermöglichen Sie** dem ukrainischen Volk ein organisches Miteinander unterschiedlicher Völker in einem ungeteilten Land! Herr Putin, wenn Sie angeblich bereit sind, mit allen Partnern zu reden, dann fordere **ich Sie auf: Stimmen Sie** einer OSZE-Vermittlung **zu! Stimmen Sie** der Einrichtung einer Kontaktgruppe **zu! Setzen Sie sich** an einen Tisch, und **sprechen Sie** miteinander! **Seien Sie bereit**, sich auf Vermittlungslösungen einzulassen!*

***Hören Sie auf, mit Gewalt zu drohen oder Gewalt gar anzuwenden** (F.Thönnnes)!*

В данном фрагменте речи парламентария личный план актуализирован выбором следующих речевых единиц: личных глагольных форм 1-го лица (*ich fordere... auf*), личных глагольных форм 2-го лица (*was Sie... gesagt haben, wenn Sie... bereit sind*), местоимения 1 лица (*ich*), что указывает на адресанта, вежливой формы 2-го лица (*Sie*), что указывает на адресата; глагольной формы императива (**tun Sie, ermöglichen Sie, stimmen Sie zu, setzen Sie sich, sprechen Sie, seien Sie bereit, hören Sie auf**); обращения (*Herr Putin!*).

Выбирая вышеуказанные средства выражения личного плана скрытого воздействия, политик интуитивно подчеркивает свое собственное участие или участие адресата, в данном случае президента Путина, в речевом событии. Он апеллирует к силе собственного авторитета, демонстрирует свою лидирующую роль в данной коммуникативной ситуации и устанавливает назидательный регистр общения. Все это соответствующим образом воспринимается слушателями в результате накопления значительного числа речевых сигналов личного плана.

Механизм актуализации личного плана является диагностирующим для выявления прагмалингвистического потенциала персональности.

Прагматическому потенциалу персональности противостоит прагматический потенциал коллективности, который в рамках скрытой прагмалингвистики рассматривается, также в рамках речевой стратегии скрытого воздействия «Участие/неучастие коммуниканта в речевом событии», как представляющий социальный план.

Прагматическое содержание социального плана скрытого воздействия опирается на общепринятые социальные нормы отношений к фактам действительности. С помощью средств актуализации этого плана демонстрируется участие в речевом событии всего социума, к которому причисляются адресант, адресат, а также коммуниканты за рамками речевого события, т. е. не только присутствующие на парламентском заседании депутаты, но и весь политический электорат. Все участники парламентской коммуникации (в том числе слушатель за пределами зала заседаний) одновременно признают и объективируют факт речевой действительности, иначе говоря, модифицируют индивидуально осознаваемый факт общественно субъективным и социально нормативным содержанием. Статус социальной нормы придает явлению в глазах получателей политических сообщений традиционность, привычность, а следовательно, приемлемость, поэтому статус социальной нормы обладает скрыто убеждающим, прагматическим воздействием эффектом [Матвеева 2011: 7].

Следует отметить, что разделение на «мы» и «они» — более древнее и раннее, чем на «я» и «ты». «Мы» считается своими, «они» — чужими. Внутренние сомнения человека, колебания при принятии любого решения — это процесс переживания и выбора, кто кому ближе, кто свой, а кто чужой. Склонить чашу весов может лишь большая симпатия [Зюбина 2005: 48].

Социальный план в речи парламентариев актуализируется выбором следующих местоимений:

- личного местоимения 1-го лица множественного числа в его деперсонализированном употреблении, при котором местоимение „wir“ теряет определенность лица: оно обобщается, в его состав включается весь социум, любой человек.

Wir hoffen, dass Moskau wieder zur Vernunft kommt (A. Schockenhoff).

Выбирая инклюзивное местоимение „wir“, парламентарий объективирует надежды всего политического электората Германии на то, что «Москва вновь образумится»;

- притяжательного местоимения „unser“, неопределенных местоимений „jeder“, „alle“.

In den Dialog in der Ukraine müssen alle Bevölkerungsgruppen einbezogen werden, auch die russischstämmigen (N. Spinrath);

- неопределенно-личного местоимения *man*, как правило, в сочетании с модальными глаголами: *können — man kann(nicht), müssen — man muss (nicht)*.

Man muss sich einmal bei Licht ansehen, was Putin mit seiner Gewaltanwendung auf der Krim bewirkt (K.-G. Wellmann)!

Выбирая неопределенно-личное местоимение *man* в сочетании с модальным глаголом *müssen*, парламентарий указывает на необходимость «внимательно разобраться, чего добивается Путин применением силы в Крыму». Таким образом, он как бы приглашает остальных участников коммуникации присоединиться к ходу его мыслей и действий.

Механизм актуализации социального плана является диагностирующим для выявления прагмалингвистического потенциала коллективности.

Коллективность и персональность относятся к имманентным характеристикам парламентского дискурса, и в фокусе скрытой прагмалингвистики диагностируются методом модифицированного прагмалингвистического контент-анализа [Матвеева, Ленец, Петрова 2013: 163—168]. Для выявления персональности и коллективности в немецком парламентском дискурсе был проведен анализ парламентских выступлений десяти депутатов бундестага Германии (F.-W. Steinmeier, G. Gysi, R. Mützenich, A. Schockenhoff, G. Erler, K.-G. Wellmann, F. Thönnies, C. Bergner, N. Spinrath, W. Gehrcke). Анализ показал, что только у одного наблюдается процентное превышение доверительного интервала по личному плану (22,5 %): F.-W. Steinmeier — 27,6 %. Этот факт позволяет сделать вывод, что в его речевом поведении проявляется скрытое стремление к высокой степени персональности, т. е. ориентированности на собственную интерпретацию актуальной политической реальности. Тем самым политик оказывает подспудное вербальное воздействие на адресата, заявляя свою позицию как авторитетную, на которую следует ориентироваться.

Что касается коллективности, которая выявляется при исследовании социального плана, то можно указать на двух депутатов: R. Mützenich и K.-G. Wellmann. Их показатели (соответственно 25,8 %, и 25,7 %) превышают верхнюю границу доверительного интервала (22,8 %) социального

плана. Поэтому можно говорить об актуализации кооперативного типа речевого поведения, о готовности к сотрудничеству, о вовлечении адресата в процесс принятия политических решений, т. е. устанавливается менее официальный регистр общения путем автоматического, неосознаваемого проявления стремления к коллективности.

С позиции функциональной прагмалингвистики прагматический потенциал персональности и коллективности выражается посредством коммуникативной стратегии «Формирование позитивного отношения у адресата к речевому событию» (в дальнейшем стратегия «Формирования позитивного отношения»). Данная стратегия реализуется через тактики самопрезентации и солидаризации. Для этого адресант подбирает слова и выражения, вызывающие у адресата позитивное отношение к оратору и предмету его речи.

Рассмотрим тактику самопрезентации как инструмент целенаправленного речевого воздействия политика бундестага на своих коллег и на электорат. Она реализуется через выбор определенных лингвистических средств на лексическом и синтаксическом уровне с целью создания благоприятного политического имиджа говорящего в глазах аудитории. В основе положительной самопрезентации лежит стремление расширить и поддержать влияние в межличностных отношениях, т. е. стремление к власти [Шейгал 2000: 231].

Тактика самопрезентации реализуется через целенаправленный выбор иллокуций одобрения и восхваления парламентарием себя, своих взглядов и решений. На лексическом и синтаксическом уровнях выбираются:

- лексемы, связанные с общечеловеческими ценностями. Такие лексемы называют «лозунговыми словами» [Михальская 1996: 155—156]. Они имеют положительную окраску, обладают большой убеждающей силой и создают у реципиента положительное отношение к тексту и его отправителю. Каждый получатель наполняет их своим смыслом;

– парантез, или вставная конструкция. Выражает отношение автора к тексту [Розенталь 1977: 301]. В целостном произведении появление парантетических конструкций помогает автору выразить свое мнение, отразить особенности своего мышления, внести какие-нибудь уточнения, добавить или снять двусмысленность сообщения [Дергунова 2012: 74]: *Wenn sich das — ich sage das ganz deutlich — zu einem Kalten Krieg auswächst, dann werden die Westeuropäer alles tun, um sich zukünftig noch unabhängiger von Russland zu machen* (G. Erler).

Выбор парантетической конструкции „ich sage das ganz deutlich“ обусловлен стремлением парламентария сконцентрировать внимание адресата на предлагаемой позиции по данному вопросу. Тем самым личное мнение постулируется как условно ориентировочное;

- метафора [см. подр. о политической метафоре: Баранов, Караулов 1991: 14—17; Чудинов 2000: 158—161], которая понимается нами как эффективное средство, формирующее позитивное или негативное отношение к предмету речи, позволяющее реконструировать концептуальную систему говорящего.

Das Assoziierungs- und Freihandelsabkommen wurde in der öffentlichen Meinung der Ukraine oft genug als goldener Weg zur Mitgliedschaft im europäischen Klub dargestellt (С. Bergner).

Употребление в речи метафоры „goldener Weg zur Mitgliedschaft im europäischen Klub“ (золотой путь к членству в европейском клубе) сигнализирует об ироничном негативном отношении парламентария к СМИ Украины. Европейский союз представляется говорящим как закрытое сообщество успешных деятелей — некий клуб, в который ограничен доступ желающих;

– эпитет как средство речевой выразительности, передающее в рамках данной тактики позитивное отношение автора к образному определению предмета или действия [Голуб 2010: 105].

Wir wollen ein starkes Russland, wir wollen ein modernes Russland, wir wollen ein friedliches und demokratisches Russland als unseren Nachbarn haben (A. Schockenhoff).

Выбор положительных эпитетов для России немецким парламентарием («ein starkes, modernes, friedliches und demokratisches Russland») свидетельствует о его стремлении выразить собственное позитивное отношение к России.

Как мы видим, тактикой самопрезентации немецкие парламентарии вызывают у адресата позитивное ауто-ориентированное отношение.

Тактика солидаризации предполагает демонстрацию политиком символической принадлежности к определенной социальной, статусной или политической группе получателя с целью установления контакта и создания последующего доверия между политиком и аудиторией. Эта тактика реализуется через выбор иллюзий единения и сплочения. В основе выделяемых нами речевых приемов реализации тактики лежит прагматическая семантика общности, единодушия, духа коллективизма, идея разделения единых ценностей, норм [Самарина 2006: 67—68]. Как мы видим, прагматическое содержание категории коллективности, выражаемой посредством тактики солидаризации, обусловлено стремлением парламентария к идентификации с группой своих политических сторонников. На лексическом и синтаксическом уровнях выделяются следующие речевые приемы реализации этой тактики:

– этниконны — названия жителей определенной местности, связанные с коллективным национальным самосознанием (Deutsche, Bürger und Bürgerinnen, Europäer). Они объединяют людей, проживающих на одной территории [Филинский 2002: 5]: *Wir Europäer haben im vergangenen Jahr in mehreren Entscheidungsrunden Sanktionen verhängt* (A. Merkel);

– разговорные фразы. Для того чтобы стать «своим», политик должен говорить на языке народа. Другими словами, имидж политика предполагает четкую адресность: *Schieben Sie nicht die Verantwortung auf andere, die damit gar nichts zu tun haben! Es ist Ihre Verantwortung als Bundesregierung und als eine der diese Koalition tragenden Parteien, dieses Problem zu lösen, und nicht, hier ein Schwarzer-Peter-Spiel zu treiben* (O. Kirscher).

В данном примере парламентарий употребляет разговорное выражение «переводить стрел-

ки» (Schwarzer-Peter-Spiel zu treiben), чтобы продемонстрировать солидаризацию со слушателем, находящимся вне стен бундестага;

– лингвистические единицы со значением совместности (*wir, unser, jeder, jedermann, alle, Nation, europäische Einheit, Partnerschaft, Solidarität, gemeinsam, ganz, vereinigt, kollektiv, mitarbeiten, teilhaben, als Europäerinnen und Europäer handeln, zusammenhalten* usw.): *Meine Damen und Herren, es ist selbstverständlich, dass wir uns bemühen, wieder eine EU-Russland-Partnerschaft aufzubauen* (С. Bergner).

Парламентарий целенаправленно выбирает выражение «партнерство между ЕС и Россией», что свидетельствует о стремлении убедить реципиентов присоединиться к его мнению;

– лозунги различных типов: *Wir haben immer unter Beweis gestellt: Europäische Solidarität gilt* (G. Hasselfeldt).

Выбор лозунга «Европейская солидарность в силе» нацелен на присоединение сторонников к мнению говорящего.

Как мы видим, тактикой солидаризации немецкие парламентарии демонстрируют готовность к консолидации со своими политическими сторонниками в целях создания эффективного противовеса политическим политикам.

Персональность и коллективность составляют одну из базовых дихотомий парламентского дискурса. Эта дихотомия отражает борьбу за лидирующие позиции в политическом пространстве страны и Евросоюза, вскрывает ведущую роль адресанта (персональность) или его социоориентированность (коллективность) в интеракционном плане, а также обнаруживает смену регистра внутрипарламентского общения. Исследование данных категорий в аспекте функциональной и скрытой прагмалингвистики представляет ценность в том плане, что позволяет обнаружить синкретический воздействующий эффект немецкой парламентской коммуникации через актуализацию выбором соответствующих планов речевой стратегии скрытого воздействия и реализацию выбором конкретных тактик коммуникативной стратегии этой дихотомии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. О дискурсивном статусе и категориях парламентской коммуникации: подходы к исследованию // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 24—32.
2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. — М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991.
3. Бондарко А. В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики: субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. — СПб., 1992.
4. Голуб И. Б. Стилистика современного русского языка. — М., 2010. С. 105.
5. Дергунова А. А. Роль парантетических конструкций в текстах новостей немецкоязычных СМИ // Вестн. МГОУ. Сер.: Лингвистика. 2012. № 5. С. 74.
6. Зюбина И. А. Прагмалингвистический аспект речевого поведения русскоговорящего и англоговорящего государственного обвинителя: дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 2005.
7. Лесняк М. В. Речевая стратегия как инструмент моделирования возможной действительности в политическом дискурсе (с позиции скрытой прагмалингвистики) // Вестн. Че-

ляб. гос. ун-та. 2014. № 3 (332). С. 61—67. (Филология. Искусствоведение; вып. 87).

8. Матвеева Г. Г. Нюансы смысла в скрытой прагмалингвистике // Филологический вестник РГУ. 1998. № 2. С. 28—32.

9. Матвеева Г. Идентификация социального лица говорящего: теория и практика. Привычный выбор автором речевых сигналов скрытых грамматических значений и диагностирующие свойства речевых портретов. — Saarbrücken : LAP Lambert, 2011.

10. Матвеева Г. Г., Ленец А. В., Петрова Е. И. Основы прагмалингвистики. — М. : Флинта : Наука, 2013.

11. Михальская А. К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике : учеб. пособие для студентов гуманитарных фак. — М. : Academia, 1996.

12. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М. : Учпедгиз, 1956.

13. Пивоварчик Т. А. Персональность: коммуникативный, номинативный, прагматический типы семантики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. № 11. С. 238—239.

14. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. — М. : Высш. шк., 1977.

15. Самарина И. В. Коммуникативные стратегии «создание круга чужих» и «создание круга своих» в политической коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 2006.

16. Стратийчук Е. Ю. Персональность как текстообразующая категория художественного текста : дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 2006.

17. Филинский А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1990—2000 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 2002.

18. Харабаева В. И. Периферийные средства выражения персональности в якутском языке // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 16 (307). С. 132—136. (Филология. Искусствоведение; вып. 78).

19. Худяков А. А. Категория персональности/имперсональности: опыт когнитивного анализа // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. — СПб. : Тригон, 2005. — Ч. 1 : Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения : сб. статей к юбилею профессора Н. А. Кобрин. С. 190—198.

20. Чудинов А. П. Метафорическая модель «Россия — криминальная страна» в современном политическом дискурсе // Язык. Человек. Картина мира. — Омск, 2000. С. 158—161.

21. Шейгал Е. И. Семантика политического дискурса. — Волгоград : Перемена, 2000.

22. Шлык Е. В. Зона пересечения категории модальности, темпоральности, персональности и аспектуальности в русском и английском языках // Вестн. Брянск. гос. ун-та. 2012. № 2. С. 333—338.

G. G. Matveeva, M. V. Lesnyak, I. A. Zyubina
Rostov-on-Don, Russia

PERSONALITY AND COLLECTIVENESS IN THE GERMAN PARLIAMENTARY DISCOURSE: PECULIARITIES OF SPEECH INFLUENCE IN THE FOCUS OF IMPLICIT AND FUNCTIONAL PRAGMALINGUISTICS

ABSTRACT. *The basic categories of parliamentary discourse "personality" and "collectiveness" create the antinomy, which is studied in this paper on the material of the speeches made in the German Parliament by the methods of implicit and functional pragmalinguistics. Personality and collectiveness are understood as the categories that contribute to the internal, subjective characteristics of parliamentary discourse. Personality is expressed in the pursuit of personal dominance in speech. Collectiveness appears to be a means of avoiding leadership in a communicative situation. In the aspect of implicit pragmalinguistics, personality is studied through the personal plane of the implicit speech strategy "participation / non-participation of the communicants in the speech event", and collectiveness through the social plane of the same strategy. Within functional pragmalinguistics, personality is studied by means of the tactics of self-presentation of the communicative strategy "Forming positive attitude of the recipient to a speech event", and collectiveness by means of the tactics of solidarization of this strategy. The analysis of unintended actualization and deliberate implementation of the above strategies allows one to define the auto- or socio- orientation of politicians, to determine the balance of their roles in the German parliamentary communication and also to discover the cumulative impact of political communication. Such approach opens up new perspectives for the study of the European parliamentary discourse.*

KEYWORDS: *personality; collectiveness; speech influence; parliamentary discourse; implicit pragmalinguistics; functional pragmalinguistics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Matveeva Galina Grigor'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of German Philology, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Lesnyak Marina Valer'evna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Theory and Practice of the German Language, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zyubina Irina Anatol'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

REFERENCES

1. Alferov A. V., Kustova E. Yu. O diskursivnom statuse i kategoriyakh parlamentskoy kommunikatsii: podkhody k issledovaniyu // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3 (49). С. 24—32.

2. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Russkaya politicheskaya metafora : materialy k slovaryu. — М. : In-t rus. yaz. AN SSSR, 1991.

3. Bondarko A. V. Sub"ektno-predikatno-ob"ektnye situatsii // Teoriya funktsional'noy grammatiki: sub"ektnost'. Ob"ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyzkazyvaniya. Opredelenost'/neopredelenost'. — SPb., 1992.

4. Golub I. B. Stilistika sovremennogo russkogo yazyka. — М., 2010. С. 105.

5. Dergunova A. A. Rol' paranteticheskikh konstruksiy v tekstakh novostey nemetskoyazychnykh SMI // Vestn. MGOU. Ser.: Lingvistika. 2012. № 5. С. 74.

6. Zyubina I. A. Pragmalingvisticheskiy aspekt rechevogo povedeniya russkogovoryashchego i anglogovoryashchego gosudarstvennogo obvinatelya : dis. ... kand. filol. nauk. — Rostov n/D, 2005.

7. Lesnyak M. V. Rechevaya strategiya kak instrument modelirovaniya vozmozhnoy deystvitel'nosti v politicheskom diskurse (s pozitsii skrytoy pragmalingvistiki) // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2014. № 3 (332). С. 61—67. (Filologiya. Iskuststvovedenie; vyp. 87).

8. Matveeva G. G. Nyuansy smysla v skrytoy pragmalingvistike // Filologicheskii vestnik RGU. 1998. № 2. С. 28—32.

9. Matveeva G. G. Identifikatsiya sotsial'nogo litsa govoryashchego: teoriya i praktika. Privychnyy vybor avtorom rechevykh signalov skrytykh grammaticheskikh znacheniy i diagnostiruyushchie svoystva rechevykh portretov. — Saarbrücken : LAP Lambert, 2011.

10. Matveeva G. G., Lenets A. V., Petrova E. I. Osnovy pragmalingvistiki. — М. : Flinta : Nauka, 2013.

11. Mikhail'skaya A. K. Russkiy Sokrat: leksii po sravnitel'no-istoricheskoy ritorike : ucheb. posobie dlya studentov humanitarnykh fak. — М. : Academia, 1996.

12. Peshkovskiy A. M. Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii. — М. : Uchpedgiz, 1956.

13. Pivovarchik T. A. Personal'nost': kommunikativnyy, nominativnyy, pragmaticheskiy tipy semantiki // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2009. № 11. S. 238—239.
14. Rozental' D. E. Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka. — M. : Vyssh. shk., 1977.
15. Samarina I. V. Kommunikativnye strategii «sozdanie kruga chuzhikh» i «sozdanie kruga svoikh» v politicheskoy kommunikatsii : dis. ... kand. filol. nauk. — Rostov n/D, 2006.
16. Stratiychuk E. Yu. Personal'nost' kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya khudozhestvennogo teksta : dis. ... kand. filol. nauk. — Rostov n/D, 2006.
17. Filinskiy A. A. Kriticheskii analiz politicheskogo diskursa predvy-bornykh kampaniy 1990—2000 gg. : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Tver', 2002.
18. Kharabaeva V. I. Periferiynye sredstva vyrazheniya personal'nosti v yakutskom yazyke // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2013. № 16 (307). S. 132—136. (Filologiya. Iskusstvovedenie; vyp. 78).
19. Khudyakov A. A. Kategoriya personal'nosti/impersonal'nosti: opyt kognitivnogo analiza // Kognitivnaya lingvistika: mental'nye osnovy i yazykovaya realizatsiya. — SPb. : Triton, 2005. — Ch. 1 : Leksikologiya i grammatika s kognitivnoy tochki zreniya : sb. statey k yubileyu professora N. A. Kobrina. S. 190—198.
20. Chudinov A. P. Metaforicheskaya model' «Rossiya — kriminal'naya strana» v sovremennom politicheskom diskurse // Yazyk. Chelovek. Kartina mira. — Omsk, 2000. S. 158—161.
21. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — Volgograd : Peremena, 2000.
22. Shlyk E. V. Zona peresecheniya kategorii modal'nosti, temporal'no-sti, personal'nosti i aspektual'nosti v russkom i angliyskom yazykakh // Vestn. Bryansk. gos. un-ta. 2012. № 2. S. 333—338.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Н. Н. Морозова
Нижний Новгород, Россия

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАК ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА: К ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

АННОТАЦИЯ. В статье предлагается трактовка внешней политики в качестве дискурсивной практики, которая конституирует политическое сообщество, от имени которого артикулируется. Утверждается, что идентичность политического сообщества не объективна, а дискурсивна, поскольку она не существует независимо от дискурсивных практик, которые мобилизуются в процессе публичной легитимизации внешней политики. В таком понимании внешнеполитический дискурс, озвучивающий образы «Я» и множества «Других», становится центральной практикой в процессе производства и воспроизведения политической идентичности. В статье конструирование России как политического сообщества в постсоветском внешнеполитическом дискурсе рассматривается через призму понятий демократического и популистского антагонизма, введенных Э. Лаклау и Ш. Муфф. Эти относительно новые понятия помогают переосмыслить традиционные представления о политическом плюрализме и толерантности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идентичность; внешняя политика; дискурс; дискурс-анализ; антагонизм; артикуляция; постструктурализм; политический плюрализм; толерантность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Морозова Наталья Николаевна, доцент, кафедра прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, факультет гуманитарных наук, Нижегородский филиал национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; адрес: 603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12; e-mail: nmmorozova@hse.ru

«Лингвистический переворот», произошедший в социальных науках во второй половине XX в., состоял в пересмотре статуса языка и признании его особой роли в функционировании и конструировании социальной реальности. Этот пересмотр связан с отказом от референтного понимания языка, согласно которому язык всего лишь отражает существующую реальность, а слова являются ярлыками, соответствующими тому или иному объекту внешнего мира. Благодаря достижениям структурной лингвистики, структурализма и постструктурализма на первый план выходит дифферентное представление о языке как о системе различий. В этой системе значение слов определяется различиями в их употреблении: каждое понятие вписано в последовательность или цепь, в рамках которой оно отделяется от других понятий, и ни один элемент системы не может быть определен отдельно от других [Морозов 2009: 31]. В результате язык со своей внутренней структурой и закономерностями выделяется в отдельный пласт реальности, который опосредует нашу деятельность и познание. Другими словами, язык становится «онтологически значимым»: предметы, индивиды, институты, материальные структуры, исторические события получают значение через репрезентацию в языке, и не существует никакого правильного или объективного значения помимо и вне лингвистических репрезентаций [Hansen 2006: 16].

В результате лингвистического поворота любое социальное действие становится одновременно и действием лингвистическим, поскольку субъекты — индивидуальные и коллективные — должны быть «озвучены» для своего конституирования в качестве таковых, а объективная реальность «проговорена» для своего воспроизводства или трансформации. Так, критикуя категорию субъектности как основу любых социальных отношений, Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф тридцать лет назад написали о том, что каждое общество конституирует себя в попытке подавить сознание собственной невозможности [Laclau and

Mouffe 1985: 125]. Или, как утверждает современный исследователь, «социальная реальность требует работы — дискурсивной, практической, активной работы — для своего поддержания. И эта работа никогда не перестает быть необходимой для поддержания того или иного социального порядка» [Jackson 2006: 39].

Более того, постструктуралистский поворот к языку потребовал также кардинального пересмотра методологии социальных наук. Во-первых, сменился объект исследования: в фокусе оказалось не само прошлое, а нарративы о прошлом, не акторы, события и структуры, а процессы их конструирования в языке. Во-вторых, онтология социальной реальности, укорененной в языке, привела к пересмотру эпистемологии, т. е. процесса получения социального знания. Сомнению была подвергнута сама возможность истинного знания, поскольку любое утверждение об истинности в отношении существующей реальности оказывалось «вписанным» во властные отношения, в попытку их объективации и нормализации. В результате позитивистский вопрос «почему?» — почему произошло то или иное социальное изменение — сменился постструктуралистским вопросом «как?» — как стала возможна та или иная лингвистическая репрезентация и, как следствие, тот или иной смысл и социальное действие. Ответ на этот вопрос вызвал к жизни методологию дискурсного анализа и сам термин «дискурс», не получивший, впрочем, однозначной трактовки.

Дискурс-анализ в социальных науках и международных отношениях

В настоящее время принято выделять несколько поколений теории дискурсного анализа, однако все попытки объединить исследование дискурса и исследование властных отношений восходят к традициям, заложенным французскими постструктуралистами Мишелем Фуко и Жаком Деррида [Torfing 2005: 5—9]. Так, одни исследователи акцентируют внимание не на форме и содержании тех или иных высказываний, а на

условиях их возможности, т. е. на контекстно обусловленных и разделяемых определенным социумом смыслах и значениях. Вслед за Мишелем Фуко эти исследователи используют термин «дискурс» для обозначения системы формирования высказываний, а именно совокупности базовых концептов, когнитивных кодов и нарративов, определяющих, что имеет или не имеет смысл, что может или не может быть сказано [Waever 2002: 29—32]. С этой точки зрения дискурс представляет собой многослойную структуру, в которой более глубокие и укорененные формы самоидентификации труднее подвергнуть пересмотру и политизации, чем те, что лежат на поверхности и непосредственно включены в практическую деятельность. Тем не менее изменения всегда возможны, поскольку любой дискурс возникает как intersubjective принятие неких смыслов в качестве объективных «институциональных» фактов в процессе социального конструирования [Guzzini 2005: 498].

Другие теоретики дискурсного анализа не склонны приравнивать дискурс к относительно устойчивой, целостной и седиментированной когнитивной структуре. Они подчеркивают принципиально открытый, нестабильный и незаконченный характер любой структуры и трактуют дискурс как «реляционную систему практик означивания, которая появилась в результате исторических и, в конечном итоге, политических интервенций и которая представляет случайный горизонт для осмысленного конструирования любого объекта» [Torfing 2005: 8]. Ключевым здесь является понятие «дифферанс» («различание»), введенное Ж. Деррида для обозначения процесса означивания, при котором понятия не присутствуют сами в себе, а оказываются вписанными в цепь или систему, отсылающую к другим понятиям через систематическую игру различий [Волков 2008: 97]. В результате социальные явления «обретают существование тогда, когда в реляционной целостности языка появляются соответствующие различия» [Морозов 2009: 49]. Суммируя, необходимо отметить, что исследователи дискурса ставят вопрос о невозможности социального за пределами лингвистического, об их соразмерности и взаимопроотяженности [Слободяник 2007: 61].

Таким образом, положение об онтологической значимости языка бросило своеобразный эпистемологический вызов социальным наукам, призывая к пересмотру их категориального аппарата, а именно к отказу от представления о структуре как о замкнутой и самодостаточной системе, детерминирующей, фиксирующей и исчерпывающей все социальные смыслы. Как отмечает Якоб Торфинг, в истории западной мысли было немало попыток представить некое трансцендентальное означаемое — религию, рациональность, природу, человечество, железные тиски капитализма — в качестве единого и внешнего по отношению к структуре упорядочивающего центра, который структурирует ее, при этом избегая собственного структурирования [Torfing 2005: 13]. Понимание логической невозможности замкнутой структуры выводит на первый план понятие о дискурсе как о реляционной системе, «в которой последовательности означающих объединены в

более или менее логически последовательное целое, но которая в то же время никогда не достигает абсолютной определенности всех отношений и смыслов и потому не является сферой чистой детерминированности» [Морозов 2009: 40].

Применительно к теории международных отношений постструктуралистский поворот к дискурсу привел не только и не столько к пересмотру принципа анархии как основополагающего универсального принципа международной системы, задающего спектр всех возможных интересов, отношений и действий акторов в системе. Гораздо более фундаментальным стал пересмотр традиционного для международных отношений деления на «внутреннее» и «внешнее» и отказ от сущностной, эссенциалистской трактовки понятия «национальное государство». Согласно этой трактовке, «внешняя» политика является проекцией «вовне» объективных целей и интересов, отражающих консенсус, сложившийся «внутри» государства как самодостаточного и автономного политического сообщества.

Однако на рубеже 1980—1990-х гг. приоритет и первичность внутренней политики по отношению к внешней были подвергнуты критике с позиций постструктурализма, поскольку именно дискурсы о «внешней» опасности и репрезентация «другого» в качестве угрозы являются необходимым условием возможности «внутреннего» мира, где царят согласие, порядок и право. Вытеснение «вовне» внутренних противоречий, разногласий и конфликтов достигается за счет исключения и постулирования в качестве «внешних» определенных акторов, событий и интерпретаций. В результате внешняя политика концептуализируется по-новому. Она перестает соотноситься с отношениями между государствами с установленными, заранее заданными границами и превращается в практику по установлению тех самых границ, которые одновременно конституируют и государство, и международную систему [Campbell 1992: 69]. По аналогии переосмыслению подвергается и понятие «государство»: оно теряет свой естественный, самоочевидный онтологический статус, предшествующий практикам по установлению внутреннего единства и исключению различий. Именно эту проблематику отношений «Я — Другой» и, как следствие, принципиально незаконченный, не тождественный самому себе статус любого политического сообщества и символизирует введенный в начале 1990-х гг. в теорию международных отношений термин «идентичность».

Конструирование идентичности в дискурсе: теория Е. Лаклау и Ш. Муфф

Вместо того, чтобы приписывать человеческим сообществам досоциальные, имманентные идентичности, теоретики дискурса-анализа исходят из положения о том, что любое сообщество конституируется через отношения со значимыми «Другими», то есть через определение своих внешних границ [Морозов 2006]. Идентичность не объективна, а дискурсивна, поскольку она не существует независимо от дискурсивных практик, которые мобилизуются в процессе публичной легитимизации внешней политики [Hansen 2006: 5—16]. В рамках постструктурализма, согласно Хансен, процесс конструирования идентичности

характеризуется также как политический и реляционный. С одной стороны, фиксация и стабилизация одних идентичностей всегда происходит за счет замалчивания, вытеснения и исключения других, альтернативных нарративов и интерпретаций. С другой стороны, идентичность конструируется как законченная и объективная только по отношению к тому, чем она не является. Другими словами, внешнеполитический дискурс, озвучивающий образы «Я» и множества «Других», становится центральной практикой в процессе производства и воспроизведения политической идентичности, во имя и от имени которой он артикулируется.

Каким образом в дискурсе создается устойчивое и стабильное противопоставление между внутренним и внешним, между «Я» и «Другой», которое, согласно постструктуралистам, и является условием возможности социального? Ведущие теоретики постструктуралистского дискурс-анализа Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф исследуют отношения гегемонии, которые опираются на наиболее седиментированные смысловые структуры, но при этом не повторяют и не воспроизводят их; наоборот, акт гегемонии состоит в радикальном конструировании идентичностей участников, в том числе и субъекта, претендующего на роль гегемона [Laclau and Mouffe 1985: 83]. С одной стороны, необходимым условием гегемонии и политического действия как такового является стабилизация смысла и фиксация идентичности, какой бы временной и непрочной она ни была. Эта фиксация достигается путем проведения границы системы сигнификации: «вовне» вытесняются альтернативные артикуляционные практики, альтернативные цепочки значимых означающих. В результате отношения различия, внутренние для пространства дискурса, разрушаются, становясь эквивалентными друг другу и порождая «пустые означающие» [Морозов 2009: 62—63]. Вырываясь из реляционной системы дискурса и теряя свою фиксированную позицию в нем, означающие становятся символами всей социальной целостности, унифицируя ее поле и задавая ее идентичность. Вследствие такого структурного замыкания «Я» «Другой» лишается всяких позитивных качеств, так что отношения между ними превращаются в чистое отрицание друг друга, в социальный антагонизм.

В то же время, хотя дискурс стремится выстроить гегемонистскую идеологическую завершенность, любая социальная идентичность имеет случайный и парадоксальный характер, поскольку не может исключить присутствие «Другого» и достичь полноценного наличия [Torging 2005: 15]. Так, наличие множества «плавающих означающих» и необходимость их фиксации посредством артикуляционных практик предотвращает полное замыкание и реификацию антагонизма, что в конечном итоге делает возможной политику как сферу принятия решений.

Конструирование России как сообщества в постсоветском политическом дискурсе

Попробуем применить основные положения постструктуралистской теории дискурс-анализа Лаклау и Муфф к процессу конституирования России как политического сообщества в постсо-

ветском внешнеполитическом дискурсе. Для этого воспользуемся утверждением Вячеслава Морозова о том, что «дискурсный анализ в первую очередь состоит в установлении отношений между наиболее значимыми означающими, характерных для конкретного, исторически существующего дискурса» [Морозов 2009: 57]. В период, последовавший после распада СССР, смысловое поле нового российского социума составили означающие с длительной — часто дореволюционной — концептуальной историей, помогающей переосмыслить советский опыт. Так, российский внешнеполитический дискурс 1990-х гг. предстает перед нами как попытка создания целостной и законченной реляционной системы посредством установления отношений различия между двумя ключевыми означающими: «геополитика/геополитический» и «евразийство/евразийский».

«Режим правды» советского дискурса безапелляционно относил геополитику к смысловому полю отрицаемого «Другого», трактуя ее как «направление буржуазной политической мысли, основанное на крайнем преувеличении роли географических факторов в жизни общества», как «идеологическое обоснование агрессивной внешней политики империализма» [Цыганков 1994: 59]. С окончанием биполярного противостояния геополитика не только превратилась в востребованную теорию и авторитетную политическую практику; сам термин «геополитика» стал неотъемлемой частью российского постсоветского внешнеполитического дискурса как значимое означающее. Таким образом, анализ функционирования «геополитики» как объекта дискурса и его включенности в различные цепочки означающих позволит нам проследить процесс учреждения границы между внутренним и внешним, ключевой для конституирования России как политического сообщества.

Впервые о важности геополитики официально заявил первый российский министр иностранных дел Андрей Козырев, предположив, что «геополитическое измерение наших интересов, возможно, является одним из самых нормальных критериев для определения направления нашей внешней политики» [Kozyrev 1992: 87]. Наличие у постсоветской России геополитических, наряду с экономическими и другими, национальных интересов предполагало очевидность и наглядность последних, возможность буквально «считать» их с политической карты мира. Однако для того, чтобы служить надежными политическими ориентирами, географические объекты — оси, полюса, полушария — сначала должны быть риторически «нанесены» на политическую карту. Так, утверждения Козырева о том, что «Россия является все еще отсутствующим звеном демократического полюса Северного полушария», что «любой, кто посмотрит на карту, увидит, что Соединенные Штаты — наш ближайший сосед на Востоке» [Цыганков 2008: 96—97] задают не столько деятельностные, сколько морально-политические ориентиры, пределы российской самоидентификации. В противоположность основному положению первой российской внешнеполитической концепции о том, что внешняя политика России должна отвечать ее национальным интересам, последние

актуализируются через противопоставление внутреннего и внешнего, которое, в свою очередь, фиксируется через внешнеполитические дискурсивные практики.

Этот вывод подтверждает анализ либерального постсоветского дискурса с позиций постструктуралистской теории дискурс-анализа. С одной стороны, «геополитика/геополитический» в качестве ключевого означающего способствует замыканию смысла путем вытеснения альтернативных, менее стабильных и объективированных смысловых последовательностей. С другой стороны, своеобразная реабилитация, которую «геополитика» пережила в постсоветском дискурсе, символизирует разрыв в системе сигнификации и конституирует границу между советским и постсоветским дискурсом. Эта граница между внутренним и внешним реализуется через отношения эквивалентности и различия, постулируемые Лаклау и Муфф, которые превращают «иное» в чистое отрицание, а «свое» — в позитивное самодостаточное наличие. Так, «геополитика», «прагматизм», «следование национальным интересам» составили в либеральном дискурсе синонимичный ряд, вступая в отношения эквивалентности с такими означающими, как «демократия», «деидеологизация», «сотрудничество» и «приоритет внутренних реформ». Эти отношения эквивалентности были достигнуты за счет исключения, преодоления советского периода нашей истории, представленного следующей смысловой последовательностью: «экспansionизм», «мессианство», «игнорирование национальных интересов», «тоталитаризм», «конфронтация» и «идеологизация внешней политики».

Однако тот факт, что многие представители либерального лагеря к 1993 г. встали на позиции государственничества и прагматического национализма [Light 1995: 34—35], свидетельствует о непрочности и незаконченности либеральной гегемонической артикуляции. В переводе на язык постструктуралистского дискурс-анализа, критика либерального курса на демократизацию представляла собой попытку внести различия, «разомкнуть» сложившиеся цепочки эквивалентности. Так, расхожим стало утверждение о том, что «приверженность общим демократическим ценностям и признание того, что человеческая жизнь бесценна и что индивид выше государства, не устраняют противоречий, особенно учитывая разные геополитические реалии, с которыми столкнулись США и постсоветская Россия» [Lukin 1992: 75]. Аналогичные высказывания о том, что «геополитически мы оказались в ситуации, когда необходимо пересмотреть сами основания нашей внешнеполитической ориентации», что «геополитические ценности являются постоянными и не могут быть отменены историческими событиями» [Lukin 1992: 91; Primakov 1992: 96], показывают, что на уровне наиболее поверхностных и подвижных, деятельностно ориентированных слоев российского постсоветского дискурса означающее «геополитика/геополитический» выполняет одну и ту же функцию. Оно унифицирует смысловое поле российской самоидентификации, выступая в качестве «точки пристрастия» других означающих [Морозов 2009: 63], и одновременно наполняет универ-

сальное понятие «национальный интерес» конкретным историческим содержанием.

Таким образом, в противоположность либеральной гегемонической артикуляции, тяготеющей к стиранию различий между политическими пространствами России и Запада, прагматико-националистическая альтернатива поставила вопрос о пределе российского политического общества, четко обозначив специфику российских национальных интересов. При этом геополитическое «заземление» российских национальных интересов привело к сужению политического поля путем переноса последних из сферы обсуждаемого и политического в сферу очевидного и метафизического. В то же время вытеснение альтернативных артикуляций и гомогенизация российской идентичности произошла за счет проведения полноценной границы, отделяющей внутреннее российское пространство стабильности и порядка от внешнего нестабильного и опасного мира. Так, цепочка эквивалентности, конституирующая российское политическое сообщество по версии «государственников», дополнилась новыми «пустыми означающими». «Безопасность» и «территориальная целостность» вошли в дискурс как символы ценностей, предположительно разделяемых всем российским социумом. Источником угроз безопасности и территориальной идентичности России — нелегальной миграции, терроризма, наркотрафика и т. д. — выступили новые независимые государства, которые, также потеряв различия в системе сигнификации, стали частью «общего экономического и военного стратегического пространства» и потому объектом жизненно важных национальных интересов [Primakov 1992: 95; Lukin 1994: 108].

Однако анализ постепенной дрейфа либеральной позиции в сторону прагматического национализма подтверждает верность утверждения о том, что «подрыв одной артикуляции со стороны другой чаще всего возможен не путем лобового столкновения... а лишь на более глубоком уровне» [Морозов 2009: 120]. Так, несмотря на расхождение по вопросу географии жизненно важных российских национальных интересов, либералы очень скоро перешли на позиции государственников относительно того, что постсоветская Россия является великой державой. Несомненно, утверждения о том, что Россия должна перестать жертвовать своими национальными интересами ради мессианских идей и стать «нормальной великой державой» [Kozyrev 1992: 85; Primakov 1992: 95; Lukin 1993: 93] явились попыткой «вписать» это новое означающее в исходную гегемоническую артикуляцию, предложенную либерально мыслящей политической элитой. В то же время признание великодержавного статуса России неизбежно подрывало радикальное противопоставление постсоветской реальности и советского опыта, на которое опиралась либеральная гегемоническая артикуляция. Остается только строить предположения о том, как эволюционировала бы последняя, если бы советское прошлое вошло во внутреннюю реляционную систему постсоветского дискурса в виде других ключевых означающих, нежели «Россия — великая держава».

Таким образом, к середине 1990-х гг. российское общество, разрозненное и фрагментированное вследствие борьбы различных артикуляционных практик за гегемонию, сплотилось вокруг представления о России как о великой державе. Тем не менее выкристаллизовавшаяся социально-когнитивная структура вряд ли может быть названа гегемонической артикуляцией в терминах Лаклау и Муффа, поскольку — будучи воплощением нового российского внешнеполитического прагматизма — она не вступала в отношения антагонизма с радикальным «Другим». Скорее прагматико-националистическая позиция представляла собой целостную, замкнутую и внутренне дифференцированную систему различий, опирающуюся на менее седиментированные постсоветские и более укорененные, традиционные российские представления о великодержавности.

Так, силовой стратегический компонент великодержавности заключался в способности осуществлять и отстаивать жизненно важные национальные интересы. А помощь сформулировать эти национальные интересы должна была геополитика. Показательным здесь является заявление Евгения Примакова о том, что Россия расположена и в Европе, и в Азии, и потому геополитические факторы продолжают играть важную роль в формировании российской политики в отношении Китая, Индии, Японии, США, Европы, Ближнего Востока, стран третьего мира, поскольку «Россия не может быть великой, не может играть предназначенную ей позитивную роль без широкого геополитического размаха» [Primakov 1992: 96]. Данное заявление одного из ведущих российских «государственников» также показывает, что в рамках прагматико-националистического дискурса произошло «уплотнение» означаемого «геополитика» в направлении того, как этот термин понимается в рамках классической европейской геополитики. Действительно, суммируя итоги борьбы за определение российских национальных интересов начала 1990-х гг., необходимо отметить, что во внешнеполитических заявлениях политиков как либерального, так и прагматико-националистического толка геополитика приобретает черты «практически ориентированного дискурса о государстве, опирающегося на его положение на карте» [Van Der Wusten, Dijkink 2002: 20]. Так, уже к середине 1990-х гг. на политическую карту мира были дискурсивно нанесены различные полюса силы, с которыми России надлежало установить партнерские, равноправные отношения, по аналогии с миром равновеликих и самодостаточных «больших пространств» классической европейской геополитики.

В то же время «откат» системы сигнификации к более глубинным, «досоветским» смыслам ставит вопрос также и о морально-политическом наполнении означаемого «Россия — великая держава», о новом имидже страны в гуманитарной сфере [Lukin 1992: 93]. Призыв не закрывать глаза на проблемы других, даже следуя своим собственным национальным интересам, является современным политическим и светским эквивалентом не раз звучавшего на протяжении российской истории заявления о том, что Россия воюет не ради материальной выгоды или территори-

альных приращений, а во имя и от имени всего христианства [Neumann 1996: 46]. Прагматизм неминуемо скатывается в цинизм, в отсутствие уравнивающего его «здорового идеализма», а отказ от мессианизма не означает отказ от миссии вообще [Stankevich 1992: 99]. Россия имеет многовековую историю взаимоотношений с исламской и западно-христианской цивилизациями, а также с цивилизациями Юго-Восточной Азии, и этот исторический опыт, а также уникальное место России в структуре ООН помогут ей проложить дорогу многостороннему диалогу цивилизаций, культур и государств [Lukin 1994: 110; Stankevich 1992: 99]. Эта объединяющая, примиряющая миссия России на Евразийском континенте как нельзя более созвучна российским национальным интересам, поскольку геополитический баланс сил, в основании которого лежит ценностный и идейный консенсус, обеспечит стабильность российских границ, ее территориальную целостность. Таким образом, универсалия «национальные интересы» конкретизировались в означаемом «геополитика/геополитический», тогда как пустое означаемое «миссия» приобрело постсоветский смысл в сочетании «евразийская миссия». Констелляция «геополитика/евразийство» актуализирует прагматико-националистический дискурс как внутренне целостную систему различий, в которой «евразийство» исчерпывает идейный, а «геополитика» — практически ориентированный смысл пустого означаемого «великая держава».

Однако наличие в постсоветском дискурсивном поле также и фундаментально-националистической артикуляции демонстрирует неустойчивость, неполноту и противоречивость прагматико-националистической позиции в отсутствие антагонизма и исключения «Другого». Действительно, уже в начале 1990-х гг. представители национал-патриотических партий предложили собственное, альтернативное официальному смысловое наполнение означаемых «геополитика» и «евразийство», а также концептуализацию отношения между ними. Новая артикуляция потребовалась прежде всего для того, чтобы включить во внутреннее пространство дискурса новые релевантные аспекты советского опыта. Так, по мнению национал-патриотов, постсоветская Россия как правопродолжательница СССР унаследовала не только статус великой державы; актуальными оставались также отношения антагонизма, поскольку Запад представлял не только вызов международному престижу России, но угрозу ее существованию в качестве независимого суверенного государства и уникальной цивилизации.

Артикуляционная практика, предложенная национал-патриотами, может быть определена в терминах Лаклау и Муффа как одновременная попытка дислокации прежней и фиксации новой системы различий. Подрыв отношений между ключевыми означаемыми «геополитика» и «евразийство» в рамках прагматико-националистической позиции стал возможен постольку, поскольку эти отношения не превратились в стабильную, седиментированную систему различий, не вытеснили другие попытки вписать «геополитику» и «евразийство» в новую смысловую цело-

стность. Согласно Лаклау и Муфф, смысловая избыточность делает случайными — «случайно вариативными» — любые связи между элементами дискурса, а многозначность порождает новые системы различия [Laclau and Mouffe 1985: 99, 111—113]. Можно сказать, что «государственники» выпустили джинна из бутылки, когда попытались предложить новое, прагматическое прочтение российских национальных интересов как геополитических, а ценностных ориентиров — как евразийских в постсоветском контексте. Оказавшись во внутреннем поле дискурса, «геополитика» и «евразийство» были востребованы в рамках фундаментально-националистической артикуляции во всей полноте их концептуальной истории для позиционирования Запада/США как радикального «Другого», угрожающего интересам и субъектности России.

В традиции классической европейской геополитики дореволюционная Россия предстает как государство — держатель евразийского «осевого пространства» и важнейший стратегический противник Британской империи в Азии, а послереволюционная — как регион, который уже в континентальном союзе с сухопутной, автократической Германией мог составить глобальную конкуренцию демократиям мирового Океана [Цымбурский 2007: 394—402]. Характерным для европейской геополитики является представление о России как о континентальной империи, способной бросить не ценностный, а прежде всего стратегический вызов западным «державам моря» и потому представляющей угрозу демократии и свободе всего человечества. Российская послереволюционная концепция евразийства с этой точки зрения является зеркальной проекцией европейской геополитики, поскольку в ней Запад, оправдывающий агрессивную политику колониального господства идеей универсальности европейской культуры, выступает в качестве радикального «Другого» России и всего колониального мира [Глебов 2003: 275].

Каким образом новой, фундаментально-националистической артикуляции удается дестабилизировать, «дислоцировать» прежнюю, прагматико-националистическую позицию? «Европа/Запад» включались во внутреннее поле прагматико-националистической артикуляции на самом поверхностном, деятельностном уровне. Партнерские, равноправные отношения с этим «большим пространством» отвечали российским геополитическим национальным интересам, а признание за Россией роли посредника в разрешении важнейших международных конфликтов составляло фундамент российской стабилизирующей, миротворческой, сдерживающей хаос евразийской миссии. Таким образом, «Европа/Запад» в качестве означающего актуализировал другое, более седиментированное означающее «Россия — великая держава». Однако обращение к концептуальной истории геополитики и евразийства и проведение границы сигнификации путем исключения «Запада» как «Другого» приводит к подрыву логики различий между ключевыми означающими «геополитика» и «евразийство», в результате чего означающие становятся эквивалентны друг другу. Об этом свидетельствует, например, утверждение лидера Коммуни-

стической партии, что «с точки зрения геополитической, Россия — стержень и главная опора евразийского континентального блока, интересы которого противостоят гегемонистским тенденциям «океанской державы» США и атлантического «большого пространства» [Зюганов 1995: 18]. В рамках фундаментально-националистической артикуляции «евразийство» неотличимо от «геополитики», поскольку российская глобальная миссия покидает сферу политического и вырождается в моральное и военно-стратегическое противостояние с глобализирующимся Западом.

Суммируя, необходимо подчеркнуть, что на протяжении 1990-х гг. три ключевые артикуляционные практики предлагали свои версии устойчивого соотношения между означающими «геополитика/евразийство» и означаемым «Россия», конкурируя между собой за право представлять Россию как политическое единство и политическое сообщество. При этом, конкурируя, прагматико-националистическая и фундаментально-националистическая артикуляции антагонизировали либеральную позицию. И «государственники» у власти, и национал-патриоты в оппозиции попытались подорвать либеральную гегемонию, однако первым удалось *первоначально* расширить, а другим — наоборот, «сжать» политическое пространство. Так, критика «государственниками» универсальных ценностей с позиций российских национальных интересов может быть определена в терминах Лаклау и Муфф как демократический антагонизм, который строится на внедрении различий туда, «где гегемоническая артикуляция уже *установила* отношения эквивалентности» [Морозов 2009: 136]. Действительно, не оспаривая важность взятого курса на рыночную экономику и внешнеполитический прагматизм и не ставя перед собою цель полностью дестабилизировать либеральный дискурс, «государственники» попытались «разомкнуть» цепочку эквивалентности и заменить означающее «универсальные ценности» на «национальные интересы». Первоначально эта замена «приоткрыла» российское политическое пространство, сделав советское прошлое и российские национальные интересы предметом общественной рефлексии. Однако в конечном итоге решение, предложенное «государственниками», — «геополитическая» фиксация и конкретизация российских национальных интересов и одновременная актуализация традиционного представления о великодержавности — привело к сужению сферы политического. В результате демократический антагонизм превратился в популистский, способствующий стабилизации здравого смысла и замыканию сообщества. В то же время критика либерализма, предложенная национал-патриотической оппозицией, изначально носила характер популистского антагонизма, поскольку строилась на радикальной гомогенизации внутривнутриполитического пространства путем вытеснения вовне либеральной альтернативы и ее включения в антироссийский мондиалистский проект, продвигаемый Западом.

На основе проведенного исследования российского внешнеполитического дискурса в 1990-е гг. мы можем сделать следующие выводы. Теория постструктуралистского дискурс-анализа позволяет

критически переосмыслить внешнюю политику и концептуализировать ее как дискурсивную практику, которая утверждает и конституирует то политическое сообщество, от имени которого она артикулируется. Конституирование политического сообщества состоит в проведении границы между внутренним и внешним, между уместными, правильными и неуместными, альтернативными репрезентациями и интерпретациями, между «собой» и значимыми «другими». При этом граница конституируется как единая, целостная реляционная система сигнификации, представляющая собой отношения различия и эквивалентности. Хотя отношения «Я — Другой» предполагают разную степень инаковости, Лаклау и Муфф настаивают на антагонистическом характере социальных границ, когда идентичности, противоречащие установленному «режиму правды», вытесняются за пределы дискурса, соотносясь с миром лжи, хаоса и угрозы. При этом, в отличие от популистского антагонизма, который опирается на уже установившиеся, седиментированные отношения эквивалентности и различия, демократический антагонизм вносит новые различия в уже сложившиеся цепочки означающих, порождая альтернативные артикуляции и репрезентации. Таким образом, обобщая, дискурс-анализ позволяет концептуализировать одновременную динамику унификации, гомогенизации и фрагментации, неоднородности, характеризующие любое политическое сообщество. Более того, как показал проведенный анализ российского внешнеполитического дискурса, данная методология помогает переосмыслить политический плюрализм и толерантность как наличие альтернативных — демократических и популистских — антагонизмов, предполагающих отношения различия между множественными «Я» и «Другими».

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков А. В. Лингвистический поворот в философии XX в. и методология социально-гуманитарных наук // Уч. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Сер. «Социология. Философия». 2008. № 1. С. 92—99.
2. Глебов С. Границы империи и границы модерна. Антикониональная риторика и теория культурных типов в Евразийстве // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 267—291.
3. Зюганов Г. А. Россия и современный мир. — М.: Ин-формпечать, 1995.

N. N. Morozova
Nizhny Novgorod, Russia

FOREIGN POLICY AS DISCURSIVE PRACTICE: ON THE QUESTION OF CONSTITUTION OF A POLITICAL COMMUNITY

ABSTRACT. *The article presents an interpretation of foreign policy as a discursive practice which constitutes the political community in the name of which it is articulated. The article argues that political community's identity is not objective but discursive, as it does not exist irrespective of discursive practices which are mobilized in the process of public legitimation of foreign policy. In such interpretation, political discourse, embracing the images of "Me" and a number of "Others", becomes the central practice in the process of production and reproduction of political identity. The article views the constitution of Russia as a political community in the post-soviet foreign policy discourse through the lens of the notions of democratic and populist antagonism, introduced by E. Laclau and Ch. Mouffe. These relatively new notions allow reconsidering traditional ideas about political pluralism and tolerance. For example, criticism by "statists" of universal values from the position of Russian national interests may be defined as democratic antagonism, which is built on introduction of differences in the sphere, where hegemonic articulation has already established the relations of equivalence. Indeed, without trying to challenge the importance of the course to market economy and foreign policy pragmatism and without making a point of fully destabilizing liberal discourse, "statists" made an attempt to "break" the chain of equivalence and replace "universal values" for "national interests".*

KEYWORDS: *identity; foreign policy; discourse; discourse analysis; antagonism; articulation; poststructuralism; political pluralism; tolerance.*

ABOUT THE AUTHOR: *Morozova Nataliya Nikolaevna, Associate Professor of Department of Linguistics and Intercultural Communication, Faculty of the Humanities, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia.*

4. Морозов В. Е. Понятие государственной идентичности в современном теоретическом дискурсе // *Международные процессы*. 2006. Т. 4, № 1 (10). URL: <http://www.intertrends.ru/tenth/007.htm> (дата обращения: 15.06.2015).

5. Морозов В. Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. — М.: Новое литературное обозрение, 2009.

6. Слободяник Н. Б. Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма // *Политическая лингвистика*. 2007. Т. 2, № 22. С. 60—67.

7. Цымбурский В. Хэлфорд Макиндер: трилогия хартленда и призвание геополитика // *Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993—2006* / В. Цымбурский. — М.: РОССПЭН, 2007.

8. Campbell D. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity*. — Minneapolis: Univ. of Minnesota Pr., 1998.

9. Guzzini S. *The Concept of Power: A Constructivist Analysis* // *Millennium: Journ. of International Studies*. 2005. Vol. 33. No. 3. P. 495—521.

10. Hansen L. *Security as Practice. Discourse Analysis and the Bosnian War*. — London; New York: Routledge, 2006.

11. Jackson P. T. *Civilizing the Enemy: German Reconstruction and the Invention of the West*. — Ann Arbor: Univ. of Michigan Pr., 2006.

12. Kozyrev A. *A Transformed Russia in a New World* // *International Affairs (Russia)*. 1992. Т. 38, № 4. С. 85—91.

13. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy*. — London: Verso, 1985.

14. Lukin V. *A Transformed Russia in a New World* // *International Affairs (Russia)*. 1992. Т. 38, № 4. С. 91—94.

15. Lukin V. *Russia and Its Interests* // *Rethinking Russia's National Interest* / ed. by S. Sestanovich. — Washington, D. C.: Center for Strategic and International Studies, 1994. — P. 106—115.

16. Neumann I. *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*. — London; New York: Routledge, 1996.

17. Primakov Y. *A Transformed Russia in a New World* // *International Affairs (Russia)*. 1992. Т. 38, № 4. С. 94—98.

18. Stankevich S. *A Transformed Russia in a New World* // *International Affairs (Russia)*. 1992. Т. 38, № 4. С. 98—101.

19. Torfing J. *Discourse Theory: Achievements, Arguments, and Challenges* // *Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance* / ed. by D. Howarth, J. Torfing. — Houndmills; New York: Palgrave Macmillan, 2005. P. 1—32.

20. Van Der Wusten H., Dijkink G. *German, British and French Geopolitics: The Enduring Differences* // *Geopolitics*. 2002. Vol. 7, № 3. P. 19—38.

21. Wæver O. *Identity, Communities and Foreign Policy: Discourse Analysis as Foreign Policy Theory* // *European Integration and National Identity* / ed. by L. Hansen, O. Wæver. — London: Routledge, 2002. P. 20—49.

REFERENCES

1. Volkov A. V. Lingvisticheskiy povorot v filosofii XX v. i metodologiya sotsial'no-gumanitarnykh nauk // Uch. zap. Petrozavod. gos. un-ta. Ser. «Sotsiologiya. Filosofiya». 2008. № 1. S. 92—99.
2. Glebov S. Granitsy imperii i granitsy moderna. Antikolonial'naya ritorika i teoriya kul'turnykh tipov v Evraziystve // Ab Imperio. 2003. № 2. S. 267—291.
3. Zyuganov G. A. Rossiya i sovremennyy mir. — M. : Informpechat', 1995.
4. Morozov V. E. Ponyatie gosudarstvennoy identichnosti v sovremennoy teoreticheskom diskurse // Mezhdunarodnye protsessy. 2006. T. 4, № 1 (10). URL: <http://www.intertrends.ru/tenth/007.htm> (data obrashcheniya: 15.06.2015).
5. Morozov V. E. Rossiya i Drugie: identichnost' i granitsy politicheskogo soobshchestva. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2009.
6. Slobodyanik N. B. Konstruirovaniye identichnosti v politicheskom diskurse: k voprosu o roli sotsial'nogo antagonizma // Politicheskaya lingvistika. 2007. T. 2, № 22. S. 60—67.
7. Tsymburskiy V. Khelford Makinder: trilogiya kharlenda i prizvanie geopolitika // Ostrov Rossiya. Geopoliticheskie i khronopoliticheskie raboty. 1993—2006 / V. Tsymburskiy. — M. : ROSSPEN, 2007.
8. Campbell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. — Minneapolis : Univ. of Minnesota Pr., 1998.
9. Guzzini S. The Concept of Power: A Constructivist Analysis // Millennium : Journ. of International Studies. 2005. Vol. 33. No. 3. P. 495—521.
10. Hansen L. Security as Practice. Discourse Analysis and the Bosnian War. — London ; New York : Routledge, 2006.
11. Jackson P. T. Civilizing the Enemy: German Reconstruction and the Invention of the West. — Ann Arbor : Univ. of Michigan Pr., 2006.
12. Kozyrev A. A Transformed Russia in a New World // International Affairs (Russia). 1992. T. 38, № 4. S. 85—91.
13. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. — London : Verso, 1985.
14. Lukin V. A Transformed Russia in a New World // International Affairs (Russia). 1992. T. 38, № 4. S. 91—94.
15. Lukin V. Russia and Its Interests // Rethinking Russia's National Interest / ed. by S. Sestanovich. — Washington, D. C. : Center for Strategic and International Studies, 1994. — P. 106—115.
16. Neumann I. Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations. — London ; New York : Routledge, 1996.
17. Primakov Y. A Transformed Russia in a New World // International Affairs (Russia). 1992. T. 38, № 4. S. 94—98.
18. Stankevich S. A Transformed Russia in a New World // International Affairs (Russia). 1992. T. 38, № 4. S. 98—101.
19. Torfing J. Discourse Theory: Achievements, Arguments, and Challenges // Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance / ed. by D. Howarth, J. Torfing. — Houndmills ; New York : Palgrave Macmillan, 2005. P. 1—32.
20. Van Der Wusten H., Dijkink G. German, British and French Geopolitics: The Enduring Differences // Geopolitics. 2002. Vol. 7, № 3. P. 19—38.
21. Wæver O. Identity, Communities and Foreign Policy: Discourse Analysis as Foreign Policy Theory // European Integration and National Identity / ed. by L. Hansen, O. Wæver. — London : Routledge, 2002. P. 20—49.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. В. Романова.

Н. В. Немирова
Сыктывкар, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. *Прецедентные феномены рассмотрены как единицы дискурса, в котором разворачивается политическое прогнозирование, структура которого включает в себя стимул прогноза, миф-прогноз, точку полифуркации, возможность или невозможность верификации реального развития событий. Для мифа-прогноза в целом характерны логические операции ординации, отражающей процесс разворачивания дискурса, и дизъюнкции, контрапозиции и импликации, характеризующих принцип полифуркации политического прогнозирования. Выделены типы прогнозов с точки зрения предмета политического прогнозирования: развития цивилизации, судьбы человечества в целом; внешней политики государства, которая включает политические отношения между странами и анализ деятельности политической власти в государствах мира; внутренней политики государства, необходимости радикальных изменений, формирования нового психотипа личности граждан государства; планов граждан государства, цель которых — влияние на сознание сограждан с целью изменения или коррекции политических процессов государства. Проанализированы модели политического прогнозирования, основанные на транслируемой адресантом текста субъективной модальности: прогностические модели гипотетического апокалипсиса, иллюзии, уверенности, долженствования, угрозы, трагедии, провокации, дилеммы, пожелания, разочарования, астропрогноза, предположения, рекомендации, непредсказуемости, предупреждения, необходимости, призыва, мечты.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *прецедентные феномены; политическое прогнозирование; миф-прогноз; субъективная модальность; верификация.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Немирова Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина; адрес: 167001, г.Сыктывкар, Октябрьский пр-т, 55; e-mail: nvnemirova@yandex.ru.*

Прогнозирование — это моделирование реальности. В. Г. Борботько подчеркивает, что модели реальности подразделяются на три вида: актуальная, эвкативная и виртуальная, последняя из которых носит «вероятностный гипотетический характер» [Борботько 2009: 153].

Политическое прогнозирование — это моделирование развития событий, отражающих особенности внешней и внутренней политики отдельного государства, а также взаимодействия между государствами; к этому типу прогнозирования относятся и прогнозы эволюции человечества в зависимости от политических преобразований.

А. Панарин определяет принципы «глобального политического прогнозирования»: 1) «принцип неопределенности будущего»; 2) принцип «бифуркации — раздвоения течения тех или иных процессов, достигших определенной критической величины, после которой однозначная зависимость между прошлым и будущим состояниями системы теряется»; 3) «принцип дискретности пространства-времени, означающий, что в точках бифуркации образуются предпосылки качественно новых состояний, дающих лингвистически как „потом“ и логически как „теперь-еще-не“»; содержит указание как на возможность реализации прогнозируемого, так и на его невозможность [Панарин]. Автор использует экзистенциальную модель времени М. Хайдеггера: «Актуализируя ожидать „потом“ означает: говоря — теперь, быть открытым для горизонта позже, т. е. теперь-еще-не» [Хайдеггер].

В. Н. Базылев отмечает важность «прогностических экскурсов», поскольку «они моделируют набор вербальных средств, используемых для структурирования политического дискурса как логистического феномена» [Базылев 2005: 9].

Высказывание, в котором осуществляется политическое прогнозирование, должно быть аргументированным, а следовательно, соблюдать «законы аргументации»: 1) говорящий А слушает речь говорящего В, при этом: а) А предполагает, что целью В является аргументирование,

б) цель А — установить предмет аргументации, в) интерпретация (производимая А) высказываний В регулируется правилами аргументации, содержащимися в коде используемого языка общения, и гипотезами, выдвигаемыми А относительно этого предмета (такие гипотезы постоянно находятся в стадии подтверждения и отклонения); в частности, когда высказывание неоднозначно, А производит выбор, соотносясь с текущей гипотезой относительно предмета аргументации, подразумеваемого В; 2) если предложение В семантически аномально (скажем, по номиналу интерпретируемо как противоречие или избыточность), А выдвигает гипотезу о том, что эта аномалия призвана указать на необходимость отказаться от текущего ключа восприятия речи В при данном гипотетическом предмете доказательства» [Демьянков 1989: 26].

Эта модель аргументации может быть приложена к процессу прогнозирования в СМИ: адресат осознает, что целью адресанта (автора публикации) является прогнозирование, предмет которого — гипотетическое развитие тех или иных событий, интерпретация которых адресантом предполагает использование разнообразных логических операций, цель которых — убеждение адресата в вероятностном развитии событий; изложенные выше «законы аргументации» допускают, что высказанное может быть воспринято как «аномальное», ложное, не соответствующее точке зрения адресата на логику развития события.

Для анализа политического прогнозирования актуальными являются выделенные В. Г. Борботько операции порядковой размерности и операции полярной размерности. Операциями «порядковой размерности» являются операции ввода, ординации, повторения, перечисления, разложения, сложения, ранжирования, объединения, вычитания, импликации, антиимпликации, экспликации, антиэкспликации, аксиализации, факторизации, фокализации, протракции и ретракции [Борботько 2009: 89]. Операции «полярной размерности» — операции конъюнкции, дизъюнкции, ан-

тидизъюнкции, уподобления, сравнения, контрапозиции [Борботько 2009: 101].

Политическое прогнозирование, отраженное в языке СМИ, обладает, на наш взгляд, следующей структурой. Для процесса прогнозирования необходим стимул, т. е. то, что заставляет адресанта информировать адресата о «вероятностных, гипотетических моделях реальности». Развертывание дискурса, содержащего политическое прогнозирование, включает логическую операцию ввода, которая может быть осложнена операцией факторизации, заключающейся во введении в контекст «некоторого влиятельного фактора, задающего то или иное разбиение действительности» [Борботько 2009: 96], являющегося стимулом прогноза (например, в приведенном ниже прогнозе

«Современный политический текст, — подчеркивает А. П. Чудинов, — часто строится и воспринимается как диалог с другими текстами, автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, polemизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов, подчеркивает собственную позицию» [Чудинов 2007: 114]. Эта диалогичность текста определяет использование прецедентных феноменов (ПФ) (прецедентного имени — ПИ, прецедентного высказывания — ПВ, прецедентной ситуации — ПС, прецедентного текста — ПТ) — единиц, отражающих национальную культурную традицию в оценке и восприятии исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества. ПФ могут быть представлены в каждой структурной части модели, однако чаще всего, по видимому, они представлены в мифах-прогнозах.

Для мифа-прогноза в целом характерна операция ординации — «линейного упорядочения компонентов дискурса» [Борботько 2009: 92], которая осложнена различными логическими операциями, связывающими фрагменты текста. Наиболее актуальными, на наш взгляд, являются операции дизъюнкции (формула «А или В» [Борботько 2009: 101]), контрапозиции (формула «А, но В» [Борботько 2009: 104]) и импликации (формула «А влечет В»; типичные языковые операторы: *если — то, поэтому, в силу этого* [Борботько 2009: 94]), характеризующие принцип бифуркации (в нашей интерпретации — полифуркации) политического прогнозирования.

Процесс прогнозирования носит субъективный, личностный характер, поэтому прогностические («виртуальные») модели реальности в зависимости от характера транслируемой адресантом субъективной модальности могут быть подразделены на несколько подвидов. Категория субъективной модальности как нельзя лучше подходит для характеристики прогностического дискурса с его смысловой доминантой неопределенности, так как «смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком

Н. Нарочницкой таковым является высказывание Бжезинского), наряду с эксплицитными или имплицитными пресуппозициями, отражающими существующее положение дел (*status quo*). «Вероятностная» модель носит характер политической мифологизации, поэтому реализована в виде мифа-прогноза. Точка бифуркации, предполагающая возможность двух сценариев развития событий, преобразуется в точку полифуркации, так как гипотетически события, как правило, могут развиваться по неопределенному количеству сценариев, потенциально имеющих противоположные оценки и интерпретации; только один сценарий отражает реальное развитие прогнозируемого события. Схематически этот процесс находит отражение в следующей модели прогнозирования:

смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции» [Ляпон 1990: 303]. Н. Ю. Шведова отмечает: «Субъективно-модальные значения чрезвычайно разнообразны. Их самая общая, первичная группировка основывается на противопоставлении значений оценочно-характеризующих и собственно оценочных» [Шведова 2002: 216].

Рассмотрим прогностические модели, основанные на транслируемой адресантом текста субъективной модальности, включая их в типы прогнозов с точки зрения предмета прогнозирования.

1. Политические прогнозы содержат прогнозирование развитие цивилизации, судьбу человечества в целом.

Прогностическая модель гипотетического апокалипсиса, предметом которой является развитие цивилизации, объективирована в интервью В. Хотиненко: «Умным людям неплохо было бы чуть-чуть заглянуть в будущее и подумать: а что такое технический прогресс? Да, это очевидно: машины придут на место людей. А люди-то чем будут заниматься?! Ведь работа — это не только деньги. Чтобы пройти тот путь, что отмерен ему на Земле, человек должен выжить. А меня не оставляет вопрос: что будет со всей нашей компьютерной цивилизацией, если выключат свет? А ведь это может произойти в любую минуту. И тогда любой мегаполис превратится в ад! Перестанет работать канализация. Самолетам некуда будет приземляться, поездам не на чем ехать... Или попробуй вскарабкаться без лифта в свой офис с шикарным панорамным видом на пятьдесят каком-то этаже!.. Это все говорит о близорукости нашей цивилизации. Кстати, как-то прочитал у Тарковского: „Технический прогресс, по существу, создает протезы — он удлиняет наши руки, позволяет передвигаться быстрее, но мы не стали от этого счастливее... Наше духовное развитие настолько отстало, что мы становимся жертва-

ми этого прогресса» [Шигарева 2013]. Употребление логических операций контрапозиции, аксиализации (операторы: *чтобы, для того чтобы, для этого, ради этого* [Борботько 2009: 95]), импликации, фокализации (формула «Всегда А сопряжено с В» [Борботько 2009: 96]), перечисления, дизъюнкции позволяет автору, использующему в доказательство ПВ — цитату из статьи А. А. Тарковско «Слово об Апокалипсисе», — создать апокалиптический образ будущего без электричества.

Прогностическая модель-иллюзия, предметом которой является поиск Ноева ковчега, использована в статье Д. Писаренко: «Ноев ковчег человечество ищет четыре с половиной тысячелетия. Возможно, это один из величайших блефов истории, но энтузиасты не сдаются» [Писаренко 2013]. Логическая операция контрапозиции указывает на призрачную возможность поиска мифологического пространства — Ноева ковчега (источник — «библейский миф о всемирном потопе» [Берков 2005: 331]); при этом прецедентное наименование «десимболизируется» и приобретает функцию наименования реального объекта.

II. Предметом политического прогнозирования может быть внешняя политика государства, которая включает политические отношения между странами и анализ деятельности политической власти в государствах мира.

Прогностическая модель — уверенность, предметом которой являются отношения между Россией и Украиной, реализована в контексте публикации Н. Нарочницкой: «Бжезинский давно писал, что надо бросить все силы на то, чтобы оторвать Украину от России. Никакого улучшения от ассоциации с ЕС Украина не получит. Напротив, она будет закабалена, будет вынуждена присоединиться к европейскому юридическому пространству, в том числе легализовать гомосексуальные браки. Она потеряет огромные доходы от торговли с нами, разрушит свою экономику и превратится в задворки Европы» [Нарочницкая 2013]. Использование во вводе атрибутированного ПВ, в котором содержится прогностическая модель — необходимость (высказывание Бжезинского), позволяет автору развить сценарий отделения Украины от России: употребляя логическую операцию ранжирования, Н. Нарочницкая уверенно прогнозирует то место, которое займет Украина в Европейском союзе. Необходимо отметить, что реальное развитие событий на Украине превзошло самые мрачные прогнозы: военный конфликт в этом государстве вызван разными стремлениями — ассоциацией государства (или его части) с Россией или ЕС и США.

Прогностическая модель — долженствование, предметом которой является деятельность нового президента Украины П. Порошенко, объективирована в интервью А. Фурсова: «Будь Украина здоровым обществом, никакие Обамеркели ей не были бы страшны. Уроженец Киева Михаил Булгаков подметил: Воланд цепляет только то, что начинает загнивать или уже сгнило. Последнее и есть случай олигархической Украины... Не стоит питать никаких иллюзий по поводу Порошенко. Ничем иным, кроме как марионеткой, приказчиком транснациональных корпораций (ТНК) Запада он быть не может. Не для того За-

пад вкладывал в него силы и средства. Это явно не друг России, это даже не косящий иногда в сторону России, как Янукович. Порошенко, легитимность которого весьма и весьма сомнительна, будет проводить тот же курс, что и самозванная хунта. Применяя кнут и пряник, насилие и обман, он постарается добавить восток и юго-восток. На эти регионы нацелились западные ТНК, и он должен выполнять волю „кураторов“» [Черных 2014]. Наименование «обамеркели», являющееся результатом контаминации двух ПИ — имен президента США О. Обамы и канцлера Германии А. Меркель, имеет символический когнитивный признак ‘единство политики США и Евросоюза’; характер этой провокационной политики в отношении Украины объективирован ПИ «Воланд» и ПС, восходящей к роману М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»; деятельность президента Украины П. Порошенко охарактеризована при помощи калькированного немецкого выражения «кнут и пряник» [Кнут и пряник] с символическим когнитивным признаком ‘чередование негативного и позитивного’. Логические операции импликации, дизъюнкции, перечисления, ретракции («обобщения содержания» [Борботько 2009: 98]) формируют анализируемую прогностическую модель.

Прогностическая модель — угроза, предметом которой является возможность судебного преследования бывшего президента Грузии М. Саакашвили, реализована в статье Е. Милашиной: «Представители „Грузинской мечты“ понимают, что российский рынок — вещь нестабильная. В любой момент может закрыться. Однако „мечтатели“ (в отличие от „мишистов“) активно говорят о необходимости выстраивать отношения с Россией. Правда, они не зашли так далеко, как Нино Бурджанадзе, которая выступает за восстановление дипломатических отношений между нашими странами. Что, впрочем, неприемлемо для большей части грузинских политиков (как „мишистов“, так и „мечтателей“). Злую шутку сыграла политика с Бурджанадзе. Рафинированная, принадлежащая к высшей касте грузинской бюрократии, в костюме от Шанель с изящной ниткой жемчуга на шее, Нино сегодня вынуждена занимать ультрарадикальную позицию в своей попытке вернуться в большую политику. Ее сторонники — очень бедные, малообразованные граждане Грузии, которым она обещает „вернуть справедливость“. То есть, другими словами, судить Михаила Саакашвили судом Линча» [Милашина 2013]. К мифу-прогнозу, выраженному ПВ «Суд Линча — самосуд, расправы над неграми и прогрессивными деятелям, устраиваемые реакционными элементами в США» [СРЯ: 300], имеющему когнитивный символический признак ‘самосуд как последняя надежда на справедливость’, подводит логическая операция контрапозиции.

III. Предметом прогнозирования является внутренняя политика государства, необходимость радикальных изменений, формирования нового психотипа личности граждан государства.

Прогностическая модель — трагедия, предметом которой является угроза экономического, политического, демографического, культурного «апокалипсиса» в России, репрезентирована в аналитической статье Д. Андреева:

«В настоящей трагедии гибнет не герой — гибнет хор», — сказал Иосиф Бродский в своей Нобелевской лекции. Он имел в виду жертв российского XX века — не действующих лиц, а именно социальный фон, тех, у которых эти самые действующие лица отняли возможность жить — либо по-человечески, либо вообще... Вообще фраза Бродского звучит обжигающе злободневно. В самом деле, кто сейчас в России не говорит о приближающемся апокалипсисе — экономическом, политическом, демографическом, культурном? То есть трагедия налицо. Есть и всеми поносимый, но при этом несменяемый герой — власть. Имеется и хор: все те, которые делали и продолжают делать героя. Причем делать не только в позитивном, но и в негативном смысле, то есть превозносить, уничтожать и при этом объяснять, размышлять вслух, анализировать, предсказывать, предвидеть, планировать и т. д. Такой хор — это наша экспертная мысль... Лишь хор остался силой, способной должным образом собрать мозаику смыслов, необходимых для выхода из того бесперспективного существования, которое влачит наша страна на протяжении последнего времени. И если у хора и на этот раз ничего не получится, если его голоса будут звучать фальшиво и не в унисон с вибрациями эпохи, если самовлюбленность в очередной раз в его сознании перевесит мотивы, которыми он должен руководствоваться, в нашей стране случится действительно настоящая трагедия. И не по Бродскому — ибо вслед за хором погибнут и герой, и наблюдающие за действием зрители» [Андреев 2014]. Операции контрапозиции и импликации формируют миф-кошмар (по терминологии П. Гуревича), композиция которого кольцевая, спроецированная на ПВ — цитату из речи И. Бродского, однако автор публикации в своих прогнозах, отталкиваясь от высказывания поэта, развивает трагедию происходящего в России до апокалиптических размеров.

Прогностическая модель — провокация, предметом которой является развитие экономики России, возможность «новой индустриализации», представлена в публикации В. Костикова: «В некогда знаменитой пьесе „Кремлевские куранты“ Н. Погодина... есть один примечательный эпизод, который в свое время не заметила цензура: Ленин рассуждает о будущем, а часы на Спасской башне остановились и молчат. Часам были нужны не политики-мечтатели, а часовщики. С тех пор прошло более 90 лет. А Россия все еще остается страной мечтателей. У нас в стране особая цивилизация — цивилизация ожидания. Сегодня Россия размечталась о „новой индустриализации“. Но сбудется ли эта мечта? Реальное время в стране, как в пьесе „Кремлевские куранты“, остановилось. Все устремлены в будущее. А реальность — это рост тарифов на услуги ЖКХ, удорожание продовольственной корзины, ползущая девальвация рубля. Пока мечты сбываются только у высших чиновников и менеджеров крупных госкорпораций» [Костиков 2013а]. ПС, восходящая к пьесе Н. Погодина, представляется автору символической, характеризующей особенности российского политического менталитета XX и начала XXI в. Использование логических операций уподобления и ретракции (обобщения) создают модель-провокацию.

Прогностическая модель — дилемма (характеризующая прогнозируемое по признаку «неуединенности» [Шведова 1982: 216]), предметом которой является необходимость проведения главой нашего государства жесткой антикоррупционной политики, объективирована в публикации В. Костикова «Требуется Чапаев»: «Глава государства стоит перед непростым выбором. Либо сделать политику более жесткой и требовательной к исполнителям, приструнить потерявших страх коррупционеров, унять аппетиты высших чиновников и верхушки госкорпораций, покончить с произволом в сфере ЖКХ, развернуть бюджетную политику в сторону индустриализации и регионов, сократить разросшуюся бюрократию. Словом, предьявить стране результат. Это непростой путь. И на нем заметно оживление. Есть более легкий, более привычный для бюрократии путь: призвать (говоря словами В. Маяковского) когорту политических „горланов-главарей“ и с их помощью создавать иллюзию „бурного потока“. В свое время рапорты об успехах очень хорошо умели штамповать коммунисты» [Костиков 2014]. Операции дизъюнкции, перечисления, ретракции, контрапозиции способствуют созданию двух моделей политических сценариев развития России. Использование ПИ «Чапаев», объективирующего «национальный концепт», отражающий «национальную действительность, национальный характер и национальную ментальность русского народа» [Нахимова 2007: 5], с когнитивным символическим признаком 'решительность, смелость' позволяет автору указать на необходимость проведения жесткой политики главой государства в отношении коррупционеров, чиновников и т. п. Наименее предпочтительный политический сценарий создается адресантом ПВ «горланы-главари», восходящего к поэме «Во весь голос»: «Слушайте, / товарищи-потомки / агитатора, / горлана-главаря» [Душенко 2002: 273] и ПВ «бурный поток», источником которого являются «начальные слова романа Ф. Шуберта „Приют“» (стихи Л. Рельштаба в переводе Ф. Берга), актуализации которого способствовал «роман века» «Бурный поток» «придуманного авторами 16-й страницы „Литературной газеты“ писателя» Евг. Сазонова» [Берков 2005: 59], с когнитивным символическим признаком 'имитация активной деятельности'.

Прогностическая модель — пожелание, предметом которой является необходимость жесткого контроля за соответствием расходов доходам чиновников, представлена в публикации В. Костикова «Откуда деньги, Фуке?»: «Вот бы и Владимиру Владимировичу так! Съездить в гости к соседям по Рублевке, Ильинке, Звенигородке, посмотреть, как устроились, как живут, чем потчуются. Спросить, как Людовик XIV: „Откуда деньги, Фуке?“» [Костиков 2013в]. Логическая операция аксиализации репрезентирована атрибутированными ПВ и ПС.

Прогностическая модель — разочарование, предметом которой является невозможность создания в России сильных политических партий, реализована в политическом анализе А. Углонова: «На сегодня, когда роль партийного „паровоза“ получил г-н Медведев, даже волшебник Чуров окажется бессилён... хотелось бы создать

2—3 сильные партии, которые поочередно брали бы в стране власть, как в Великобритании или Германии. Увы — не получилось. Значит, будем „освежать“ то, что есть» [Угланов 2014]. Использование ПС, отражающей одну из предвыборных технологий — «Паровоз» («политическая технология, направленная на увеличение проголосовавших за список кандидатов за счет привлечения стороннего кандидата с высоким политическим рейтингом» [Паровоз]) — формирует анализируемую прогностическую модель на основе логических операций контрапозиции и ретракции.

Прогностическая модель — астропрогноз, предметом которой является необходимость быстрого реагирования власти России на кризисные ситуации, представлена в интервью А. Зараева, данном корреспондентам газеты «Аргументы недели» С. Нехамкину и А. Чуйкову: «Умение обуздать непокорную лошадь ценилось во все времена. Только вот вопрос: наша власть прекрасно научилась обуздывать финансовые ресурсы. Причем в нужную сторону. Справится ли она в кризисных ситуациях 2014 года? Ведь скакать придется не на кляче-тихоне, а на настоящем иноходце. Иначе для нынешних временщиков он может превратиться в троянского коня» [Нехамкин, Чуйков 2013]. ПВ «Что конь грядущий нам готовит?» является трансформированным фрагментом «ари В. Ленского из оперы П. И. Чайковского „Евгений Онегин“ по одноименному роману А. С. Пушкина» [Берков 2005: 545]; замена слов «день» — «конь», «мне» — «нам» предваряет анализируемый прогноз. ПВ «Троянский конь», восходящее к «Одиссее» Гомера [Берков 2005: 500], имеет когнитивный символический признак 'грядущий финансовый кризис': действительно, в 2014 г. курс доллара вырос в два раза. В контексте использованы логические операции контрапозиции и экспликации.

Прогностическая модель — предположение, предметом которой является инертность государственной власти в России, объективирована в аналитической статье экономиста О. Столярова: «Замминистра финансов, автор отечественной налоговой реформы Сергей Шаталов насмерть затянул налоговую удавку на шею российской экономики. „Мы исчерпали ресурс повышения налогов“, — признался заместитель министра финансов Сергей Шаталов в недавнем интервью одному из ведущих деловых изданий. Журналисты в ответ поинтересовались: а правда ли, что в ближайшие месяцы г-н Шаталов намерен подать в отставку? „Такого решения я пока не принял“, — ответил замминистра. И действительно, зачем что-то менять, если существующая система так удобна для министерских чиновников? Ведь еще сэр Уинстон Черчилль когда-то хватался, что он никогда не стоял, если была возможность сидеть, и никогда не сидел, если была возможность лежать... Может быть, и в самом деле пришла пора — на покой?» [Столяров 2014]. Логические операции контрапозиции, импликация, экспликации, ретракции формируют анализируемую прогностическую модель. В заголовке публикации использовано ПВ «Там царь Кощей над златом чахнет», восходящее к поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» и реализующее в контексте

когнитивный признак 'предельная степень повышения налогов в Российской Федерации'. В конце формирования прогноза саркастически использовано принадлежащее У. Черчиллю атрибутированное ПВ, содержащее инвективное предложение заместителю министра.

Прогностическая модель — рекомендация, предметом которой является возможность финансовой катастрофы в России, представлена в статье К. Гурдина: «Российская глубинка вплотную подошла к финансовой катастрофе. Треть регионов — на грани банкротства. Периферия беднеет на глазах, губернаторам приходится все глубже залезть в долги, которые все менее подъемны. В ноябре 2013 г. общая сумма займов субъектов Федерации превысила 3 трлн рублей. С 2010 г. долги регионов выросли в три раза. Они вдвое превышают внешний государственный долг РФ!.. Стимулирование регионов центром походит на круговую поруку. Бедных закармливают, и они теряют стимул к работе, богатых — обкладывают налоговым бременем. Разумеется, если бы система работала по принципу — одному все, другим ничего — ситуация быстро дошла бы до точки кипения. Поэтому, обобрав регионы почти до нитки, центр предусмотрел и пряник. Это — дотации, субвенции, субсидии т. д. Проще говоря, собрав деньги в госказну, федеральные чиновники приступают к увлекательному занятию по частичному распределению их обратно в виде так называемой помощи регионам» [Гурдин 2013]. Несмотря на ярко выраженный экспрессивный тон публикации, автор, используя операции импликация и ретракция, не предлагает никаких конструктивных путей преодоления финансовой катастрофы. Характеризуя в целом финансовую политику России, автор не точно использует ПВ «Колониальная политика»: суть колониальной политики состоит в «завоевании и, зачастую, эксплуатации военными, политическими и экономическими методами народов, стран и территорий преимущественно с инациональным населением, как правило, экономически менее развитых» [Колониальная политика], а К. Гурдин имеет в виду несправедливое распределение общего финансового дохода государства между регионами России.

Прогностическая модель — непредсказуемость, предметом которой является возможный курс основных валют: евро, доллара и юаня, представлена в интервью Е. Лариной; на вопрос корреспондента Е. Черных о курсе доллара эксперт отвечает: «Меня зовут не Кассандра... а курсы основных валют — доллара, евро, юаня — будут колебаться в определенном коридоре. Правда, надо помнить, что всегда может произойти что-то непредсказуемое» [Черных 2013—2014]. В контексте использованы логические операции ретракция, уподобления и антиэкспликации (форма «Не А, хотя В» [Борботько 2009: 95]). ПИ «Кассандра», восходящее к имени «дочери троянского царя Приама, которую Аполлон наделил даром прорицания», но после того, как она отвергла его любовь, и «внушил людям недоверие к ее пророчествам, хотя те всегда исполнялись» [Берков 2005: 219], имеет в контексте когнитивный признак 'прорицательница'. Однако, как показало время, прогноз Е. Лариной не сбился (хотя,

как опытный финансист, эксперт говорит о возможности непредсказуемого колебания курса основных валют). Колебания курса доллара только в 2014 г. составили от 32,6587 рублей за доллар в январе 2014 г. до 67,7851 рублей (18 декабря 2014 г.); евро — от 45,0559 рублей за евро до 84,589 рублей (18 декабря 2014 г.); юаня — от 5,4212 рублей до 9,0431 рублей (12 декабря 2014 г.); в мае 2015 г. доллар продается за 49,92 рублей, евро — за 55,57 рублей, юань — за 8,06 рублей.

Прогностическая модель — возможность, предметом которой является развитие Северного морского пути, объективирована в статье П. Хицкого: «Северный морской путь становится популярным. С начала года через российскую Арктику решили пройти более 600 судов. В том числе из Гонконга, Польши и Франции. Пару лет назад такой успех ледовой артерии казался немыслимым... Что в итоге? Из сказки, витающей в головах чиновников, Севморпуть определенно превратился в реальность. Иностранные суда через российскую Арктику ходят, поток грузов понемногу растет. Вероятно, прогнозы правительства сбудутся: к 2020 г. по северным морям станут провозить 40—50 млн т товаров в год. Но проблем и неизвестности на Севморпути хватает. Суэцким каналом ему в ближайшее десятилетие не стать. И тем более остается открытым вопрос, сможет ли артерия вдохнуть новую жизнь в Арктику» [Хицкий 2013]. Источником прецедентного наименования «Северная Панама» является название «Панамский канал» — «судоходный канал, соединяющий Панамский залив Тихого океана с Карибским морем и Атлантическим океаном». Используя логические операции контрапозиции и сравнения Северного морского пути с Панамским и Суэцким каналами, автор не отрицает возможности Севморпути стать аналогичным этим каналам по эффективности.

Прогностическая модель — предупреждение, предметом которой стала угроза заселения Дальнего Востока китайцами, реализована в статье Р. Ахмировой: «Дальний Восток — это почти треть российской земли. А проживают там только 4—5 % населения страны... Иностранцы — неизбежность, считают чиновники... Есть даже мнение, что китайская угроза — это миф: дескать, в Америке китайцев живет в разы больше, но никто не кричит об экспансии. Похоже, „желтая угроза“ действует в сумме с российской бесхозяйственностью, ленью и коррупцией» [Ахмирова 2013]. Логические операции контрапозиции и перечисления позволяют автору прогнозировать заселение Дальнего Востока китайцами. Трансформация ПВ «Русский с китайцем братья навек», восходящего к песне «Москва — Пекин» (композитор В. Мурадели, стихи — М. М. Вершинина) [Русский с китайцем братья навек] в заголовке «Русский с китайцем вместе навек?», состоящая в замене значимого для источника слова «братья» на слово «вместе» и утвердительной модальности на вопросительную, передает необходимый для данного прогноза смысл.

Прогностическая модель — необходимость, предметом которой является необходимость изменения сознания россиян, формирования у них стремления к свободе, реализована в

статье В. Костикова: «Активный, созидательный патриотизм должен подкрепляться достижениями страны, улучшением жизни народа, расширением пространства свободы. В этой связи интересно вспомнить некогда хрестоматийную, а ныне почти забытую статью В. Ленина „О национальной гордости великороссов“. Какие задачи ставил Ильич в 1914 г. перед „великорусским сознательным пролетарием“? Цитируя высказывание Н. Чернышевского о русских — „жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы“, Ленин призывал ненавидеть рабское прошлое и стремиться к свободе. Не рядиться в старый зипун, а поднять народ до сознательной жизни. Задачи, не потерявшие своей актуальности и сегодня» [Костиков 2013б]. Логические операции ранжирования и контрапозиции, опирающиеся на атрибутированные ПВ, создают виртуальную модель новой ментальности русского человека, характерными чертами которой будут стремление к свободе, «созидательный патриотизм».

Прогностическая модель — призыв, предметом которой является необходимость формирования нового психотипа личности россиянина, в основе которого лежат морально-нравственные принципы развития личности, реализована в контексте интервью С. Ениколопова, данного Г. Сапожниковой: «А вот электронные СМИ делают несколько вещей: они предлагают те ценности и те критерии успеха, которых большая часть населения достичь не может. Поэтому очень часто в голове у некоторых возникает мысль, что убить старушку-процентщицу и выдвинуться вперед — это нормально. Другая проблема — в том, что нас обманывают, потому что все время показывают какие-то фильмы про Золушек... Третье — если человек долго сидит у телевизора и щелкает по каналам, то видит большое количество трупов, которых на самом деле меньше... То есть можно со смехом вспоминать рассказ Чехова „Пересоллил“, когда путник, боясь извозчика, начинает так его запугивать, что тот в конце концов бросает его и убегает. Это смешной финал. А в реальности вполне нормальные и милые, добрые люди выходят на улицу с ощущением, что окружающая среда опасна и им надо защищаться» [Сапожникова 2014]. С. Ениколопов, анализируя изменение психотипа россиян за последние 30 лет, использует логические операции импликаций, уподобления, объединения, контрапозиции, которые позволяют адресанту выявить основные проблемы восприятия действительности, осознание и преодоление которых позволит россиянам сформировать новый психотип личности, основанный на позитивной оценке «нашей жизни» и нравственных ориентирах. Использование ПС, восходящей к роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», ПИ «Золушка», восходящего к имени героини западноевропейской сказки в редакциях Шарля Перро, братьев Grimm и др. [Золушка] и ПТ в виде «нарративной схемы» [Немирова 2014: 86] рассказа А. П. Чехова «Пересоллил» позволяет автору выявить одну из главных проблем современных электронных СМИ — обман адресата, формирование в его сознании ложных представлений, подталкивающих его к безнравственным поступкам или неадекватному

восприятию социального пространства. В контексте интервью содержатся два призыва: к производителям электронной продукции (изменение концепции формирования электронного пространства) и к потребителям (воспитание критического восприятия воспроизводимых явлений и событий реальной жизни в электронных СМИ).

IV. К политическому прогнозированию относятся планы граждан государства, описание которых призвано повлиять на сознание сограждан с целью изменения или коррекции политических процессов.

Прогностическая модель — мечта, предметом которой является стремление Б. Акунина стать историографом России, реализована в интервью Б. Акунина. Корреспондент газеты «Собеседник» Е. Скворцова предваряет интервью с писателем следующей информацией: «Неделю как стартовала продажа новой книги Бориса Акунина — первого тома „Истории Российского государства“. Но он уже признался в своем блоге: „Перестаю быть детективщиком“. Причины столь резкой смены жанров мы обсудили с писателем» [Скворцова 2013]. В заголовке использовано ПИ «Карамзин» с когнитивным символическим когнитивным признаком 'историограф России'; в лиде — логическая операция факторизации, формируемая использованием Б. Акуниным прецедентного наименования — названия труда Н. М. Карамзина «История государства Российского».

Таким образом, политический прогноз, как правило, строится в виде мифа-прогноза, чему способствует использование прецедентных феноменов, которые, безусловно, привлекают внимание адресата к излагаемой проблеме, служат дополнительным аргументом в транслируемой адресантом субъективной оценке развития прогнозируемых событий или явлений действительности.

Итак, мифы-прогнозы различаются по типу предмета прогнозирования, по выражаемой в контексте развертывания прогноза субъективной модальности, по степени возможности верификации прогноза (например, апокалипсические прогнозы, обладающие невозможностью верификации, с одной стороны, с другой — прогнозы курса основных валют, верификация которых возможна ежедневно).

ИСТОЧНИКИ

1. Андреев Д. Псевдовласть и ее обслуга (Экспертная мысль РФ: есть ли выход из кризиса?) // Независимая газета. 2014. 24 февр.
2. Ахмирова Р. Русский с китайцем вместе навек? (Станет ли наш Дальний Восток китайским) // Собеседник. 2013. № 33.
3. Гурдин К. Колониальная политика набирает обороты // Аргументы недели. 2013. № 45.
4. Костиков В. В ожидании чуда (Россия продолжает быть страной мечтателей) // Аргументы и факты. 2013а. № 50.
5. Костиков В. О гордости великороссов (На каких полях произрастают настоящие патриоты) // Аргументы и факты. 2013б. № 51.
6. Костиков В. Откуда деньги, Фуке? // Аргументы и факты. 2013в. № 49.
7. Костиков В. Требуется Чапаев // Аргументы и факты. 2014. № 1—2.
8. Милашина Е. «Отцы нации» уходят. Кто будет платить алименты? // Новая газета. 2013. № 10.
9. Нарочницкая Н. Больше союзников! // Аргументы и факты. 2013. № 49.
10. Нехамкин С., Чуйков А. Что конь грядущий нам готовит? (интервью с А. Зараевым) // Аргументы недели. 2013. № 50.
11. Писаренко Д. Загадка пристани Ноя // Аргументы недели. 2013. № 46.

12. Сапожникова Г. «Плюс брутализация всей страны?» : интервью с С. Ениколоповым // Комсомольская правда. 2014. № 1—2.

13. Скворцова Е. Всегда мечтал стать новым Карамзиным : интервью с Б. Акуниным // Собеседник. 2013. № 45.

14. Столяров О. Там царь Кошей над златом чахнет... // Аргументы недели. 2014. № 15.

15. Угланов А. Генсек Медведев не «паровоз»? // Аргументы недели. 2014. № 2.

16. Хицкий П. Путь к сердцу Арктики // Аргументы недели. 2013. № 41.

17. Черных Е. Доллар правит миром. А кто правит долларом? : интервью с Е. Лариной // Комсомольская правда. 2013. 26 дек. — 2014. 2 янв.

18. Черных Е. Украина станет заповедником олигархов, обслуживающих Запад (Так считает директор Института системно-стратегического анализа А. Фурсов) // Комсомольская правда. 2014. 5—12 июня.

19. Шигарева Ю. «А если выключат свет?» (Режиссер В. Хотиненко — о поисках смысла жизни и слепоте цивилизации) // Аргументы и факты. 2013. № 35.

ЛИТЕРАТУРА

20. Базылев В. Н. Политический дискурс в России // Лингвистика : бюл. Урал. лингвист. о-ва / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2005. Т. 15. С. 5—32.
21. Берков В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка. — М. : АСТ : Астрель : Русские словари, 2005.
22. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. Изд. 3-е, испр. — М. : ЛИБРОКОМ, 2009.
23. Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1983. Т. 42. № 4. С. 320—328.
24. Демьянков В. З. Эффективность аргументации как речевого воздействия // Проблемы эффективности речевой коммуникации. — М. : ИНИОН АН СССР, 1989. С. 13—40.
25. Душенко К. В. Словарь современных цитат. М. : Эксмо, 2005.
26. Золушка. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Золушка> (дата обращения: 29. 11. 2011).
27. Кнут и пряник. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BD%D1%83%D1%82_%D0%B8_%D0%BF%D1%80%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%BA (дата обращения: 29. 05. 2015).
28. Колониальная политика. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BD%D1%83%D1%82_%D0%B8_%D0%BF%D1%80%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%BA (дата обращения: 29. 05. 2015).
29. Япон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Яреца. — М. : Сов. энциклопедия, 1990. С. 303—304.
30. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2007.
31. Немирова Н. В. Способы репрезентации прецедентного художественного текста в газетном дискурсе // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2014. № 171. С. 84—91.
32. Панамский канал. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BD%D1%83%D1%82_%D0%B8_%D0%BF%D1%80%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%BA (дата обращения: 29. 05. 2015).
33. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. — М. : Алгоритм, 2002. URL: <http://viblib.ru/istoriya/10453/index.html> (дата обращения: 15.07.2014).
34. Паровоз. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1593457> (дата обращения: 29.05.2015).
35. Русский с китайцем братья навек. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2403/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9 (дата обращения: 29.05.2015).
36. Словарь русского языка = СРЯ. Т. 4. С — Я / под ред. А. П. Евгеньевой. — М. : Русский язык, 1988.
37. Солганик Г. Я. О новых аспектах изучения языка СМИ // Вестн. МГУ. Сер. 10, Журналистика. 2000. № 3. С. 31—38.
38. Хайдеггер М. Бытие и время. URL: <http://lib.ru/HEIDEGGER/bytie.txt> (дата обращения: 16.12.2012).
39. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. 2-е изд., испр. — М. : Флинта : Наука, 2007.
40. Шведова Н. Ю. Общие сведения о модальности и обзор субъективно-модальных значений // Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Наука, 1980. Т. 2 : Синтаксис. С. 214—217.

N. V. Nemirova
Syktyvkar, Russia

PRECEDENTIAL CHARACTER OF POLITICAL PREDICTION IN NEWSPAPER DISCOURSE

ABSTRACT. Precedent phenomena are considered to be units of discourse in which political prediction is unfolded. The structure of political prediction includes motive prediction, myth-prediction, polifurcation point, possibility or impossibility of verification of the course of events. For myth-prediction on the whole, it is characteristic to include the logical operation of ordinance, reflecting the process of unfolding the discourse, and disjunction, counter opposition and implication, characterizing the principle of polifurcation of political prediction. The types of prediction are distinguished from the point of view of the object of political prediction: development of civilization, fate of humanity on the whole; foreign policy of the state which includes political relations between countries and analysis of activity of political power in the world nations; domestic policy of the state, necessity of radical changes, forming of new personality type of citizens of the state; plans of the citizens of the state with the aim to influence the consciousness of fellow-citizens for the purpose of changing or correction of the political processes of the state. The article analyzes the models of political prediction, based on subjective modality, translated by the sender of the text: prognostic models of a hypothetical apocalypse, illusion, confidence, prescriptions, threat, tragedy, provocation, dilemma, wish, disappointment, astrological forecast, supposition, recommendation, unpredictability, possibility, warning, necessity, appeal and dream.

KEYWORDS: precedent phenomena; political prediction; myth-prediction; subjective modality; verification.

ABOUT THE AUTHOR: Nemirova Natal'ya Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Philological Education, Syktyvkar state University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia.

REFERENCES

1. Andreev D. Psevdivlast' i ee obsluga (Ekspertnaya mysl' RF: est' li vykhod iz kri-zisa?) // Nezavisimaya gazeta. 2014. 24 fevr.
2. Akhmirova R. Russkiy s kitaytsem vmeste navek? (Stanet li nash Dal'nij Vostok ki-tayskim) // Sobesednik. 2013. № 33.
3. Gurdin K. Kolonial'naya politika nabiraet oboroty // Argumenty nedeli. 2013. № 45.
4. Kostikov V. V ozhidanii chuda (Rossiya prodolzhaet byt' stranoy mechtateley) // Argumenty i fakty. 2013a. № 50.
5. Kostikov V. O gordosti velikorossov (Na kakikh polyakh proizrastayut nastoyashchie patrioty) // Argumenty i fakty. 2013b. № 51.
6. Kostikov V. Otkuda den'gi, Fuke? // Argumenty i fakty. 2013v. № 49.
7. Kostikov V. Trebuetsya Chapaev // Argumenty i fakty. 2014. № 1—2.
8. Milashina E. «Ottsy natsii» ukhodyat. Kto budet platit' alimenty? // Novaya gazeta. 2013. № 10.
9. Narochnikskaya N. Bol'she soyuznikov! // Argumenty i fakty. 2013. № 49.
10. Nekhamkin S., Chuykov A. Chto kon' gryadushchiy nam gotovit? (interv'y u A. Zarevym) // Argumenty nedeli. 2013. № 50.
11. Pisarenko D. Zagadka pristani Noya // Argumenty nedeli. 2013. № 46.
12. Sapozhnikova G. «Plyus brutalizatsiya vsey strany?» : interv'y u S. Enikolopovym // Komsomol'skaya pravda. 2014. № 1—2.
13. Skvortsova E. Vsegda mechtal stat' novym Karamzinym : interv'y u S. Akuninym // Sobesednik. 2013. № 45.
14. Stolyarov O. Tam tsar' Koshchey nad zlatom chakhnet... // Argumenty nedeli. 2014. № 15.
15. Uglanov A. Gensek Medvedev ne «parovoz»? // Argumenty nedeli. 2014. № 2.
16. Khitskiy P. Put' k serdtsu Arktiki // Argumenty nedeli. 2013. № 41.
17. Chernykh E. Dollar pravit mirom. A kto pravit dollarom? : interv'y u S. Larinoy // Komsomol'skaya pravda. 2013. 26 dek. — 2014. 2 yanv.
18. Chernykh E. Ukraina stanet zapovednikom oligarkhov, obsluzhivayushchikh Zapad (Tak schitaet direktor Instituta sistemno-strategicheskogo analiza A. Fursov) // Kom-somol'skaya pravda. 2014. 5—12 iyunya.
19. Shigareva Yu. «A esli vyklyuchat svet?» (Rezhisser V. Khotinenko — o poiskakh smysla zhizni i slepote tsivilizatsii) // Argumenty i fakty. 2013. № 35.
20. Bazylev V. N. Politicheskii diskurs v Rossii // Lingvistika : byul. Ural. lingvis-t. o-va / Ural. gos. ped. un-t ; otv. red. A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2005. T. 15. S. 5—32.
21. Berkov V. P. Bol'shoy slovar' krylatykh slov russkogo yazyka. — M. : AST : Astrel' : Russkie slovari, 2005.
22. Borbot'ko V. G. Printsipy formirovaniya diskursa: ot psikholingvistiki k lin-gvosinergetike. Izd. 3-e, ispr. — M. : LIBROKOM, 2009.
23. Dem'yankov V. Z. «Sobytie» v semantike, pragmatike i v koordinatakh interpretatsii teksta // Izv. AN SSSR. Ser. literatury i yazyka. 1983. T. 42. № 4. S. 320—328.
24. Dem'yankov V. Z. Effektivnost' argumentatsii kak rechevogo vozdeystviya // Proble-my effektivnosti rechevoy kommunikatsii. — M. : INION AN SSSR, 1989. S. 13—40.
25. Dushenko K. V. Slovar' sovremennykh tsitat. M. : Eksmo, 2005.
26. Zolushka. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Zolushka> (data obrashcheniya: 29. 11. 2011).
27. Knut i pryantik. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BD%D1%83%D1%82_%D0%B8_%D0%BF%D1%80%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%BA (data obrashcheniya: 29. 05. 2015).
28. Kolonial'naya politika. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%EE%EB%EE%ED%E8%E0%EB%E8%E7%EC> (data obrashcheniya: 29. 05. 2015).
29. Lyapon M. V. Modal'nost' // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' / gl. red. V. N. Yartseva. — M. : Sov. entsiklopediya, 1990. S. 303—304.
30. Nakhimova E. A. Pretsedentnye imena v massovoy kommunikatsii / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2007.
31. Nemirova N. V. Sposoby reprezentatsii pretsedentnogo khudozhestvennogo teksta v gazetnom diskurse // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena. 2014. № 171. S. 84—91.
32. Panamskiy kanal. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E0%ED%E0%EC%F1%EA%E8%E9_%EA%E0%ED%E0%EB (data obrashcheniya: 29. 05. 2015).
33. Panarin A. S. Global'noe politicheskoe prognozirovanie. — M. : Algoritm, 2002. URL: <http://vbipl.ru/istoriya/10453/index.html> (data obrashcheniya: 15.07.2014).
34. Parovoz. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ru/wiki/1593457> (data obrashcheniya: 29.05.2015).
35. Russkiy s kitaytsem brat'ya navek. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2403/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9 (data obrashcheniya: 29.05.2015).
36. Slovar' russkogo yazyka = SRYa. T. 4. S — Ya / pod red. A. P. Evgen'evoy. — M. : Rus-skiy yazyk, 1988.
37. Solganik G. Ya. O novykh aspektakh izucheniya yazyka SMI // Vestn. MGU. Ser. 10, Zhurnalistika. 2000. № 3. S. 31—38.
38. Khaydegger M. Bytie i vremya. URL: <http://lib.ru/HEIDEGGER/bytie.txt> (data obrashche-niya: 16.12.2012).
39. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. 2-e izd., ispr. — M. : Flinta : Nauka, 2007.
40. Shvedova N. Yu. Obshchie svedeniya o modal'nosti i obzor sub"ektivno-modal'nykh znacheniy // Russkaya grammati-ka / pod red. N. Yu. Shvedovoy. — M. : Nauka, 1980. T. 2 : Sintaksis. S. 214—217.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова.

А. В. Скворцова
Пушкин, Россия

РЕЛЯЦИОННЫЕ ИМЕНА В ПОЛИТИКЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются специфические черты реляционных имен в современной англоязычной политической коммуникации. Уточняется определение понятия «реляционные имена». В качестве основных свойств РИ выделяются синонимичность, антонимичность, многозначность, коннотативность, оценочность. Указываются главная характеристика, обуславливающая выделение РИ в отдельную группу, а именно наличие определенных границ их функционирования, своей области социальной деятельности человека, что накладывает отпечаток на их лексические, синтаксические, прагматические, а также концептуальные характеристики. Кроме того, выделяется важный отличительный признак — обязательное наличие как минимум одного лексикографически заданного, обязательного параметра «отношения» участников конкретной сферы социальной деятельности. Анализируются функции РИ — номинативная, коммуникативно-прагматическая, этикетная, эмоционально-оценочная. Основное внимание уделяется рассмотрению способов актуализации различных оттенков отношений, имеющих место в семантике РИ в сфере политической деятельности. В статье проанализированы и описаны следующие группы РИ: со значением профессии (иерархическая оппозиция «выше — ниже»); идентификационные (оппозиция «свой — чужой»); эмоционально-оценочные (оппозиция «плохой — хороший»). Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что РИ являются важной чертой политической коммуникации и способствуют четкому самоопределению человека в процессе его политической социализации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая коммуникация, реляционные имена, estimation, идентификация, оценка.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Скворцова Анна Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения, автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина»; адрес: 196605, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10; e-mail: annysunnybird@gmail.com.

Реляционные имена (далее РИ) представляют собой достаточно сложное и многогранное языковое явление, отражающее глубинные концептуально-содержательные механизмы социального взаимодействия людей. Будучи тесно связанными с проблемами номинации в целом, РИ могут быть выделены в отдельную группу и представлены как «очередная подсистема внутри общей лексической системы <...> языка и притом подсистема наиболее обозримая и исчислимая» [Реформатский 1968: 121—122] на основе их особой коммуникативно-прагматической функции, реализуемой в процессе социализации. Специфика РИ и их языковой репрезентации прежде всего связана с особенностями их употребления и сферой применения, что выявляет ряд их характерных свойств, таких, например, как синонимичность, антонимичность, многозначность, коннотативность, оценочность. Несомненно, реляционное имя во многих своих свойствах идентично слову, так как оно и есть слово, но особым представляется то, что оно имеет определенные границы функционирования, свою область социальной деятельности человека, а это накладывает отпечаток на его лексические, синтаксические, прагматические, а также и концептуальные характеристики.

Одним из отличий РИ является присущая каждому имени номинация определенного социального субъекта. «Основная функция реляционного имени (РИ) состоит в том, чтобы указывать на какие-либо объекты (референты) через их отношения к другим, уже известным слушающему, объектам (коррелятам)» [Ландер]. Отнесенность их к специальной области употребления обусловлена тем, что РИ используются для названия субъектов. Это их свойство представляется наиболее важным, потому что оно обуславливает не только их принадлежность к специальной социальной сфере, но и коммуникативно-прагматические свойства.

РИ обладают рядом особенностей, отличающих их, например, от функциональных имен. Так,

в структуре РИ обязательно наличие как минимум одного лексикографически заданного, обязательного параметра «отношения» участников конкретной сферы социальной деятельности. Кроме того, семантикой РИ, обозначающих человека по отношению к другим лицам, предполагается наличие «обратной связи». Однако природа этой взаимосвязи различна: это может быть взаимодействие, взаимоотношение, взаимоотношенность и т. д. Например, если речь идет о связи между людьми (collaborators — rivals; leader — followers), в пропозицию включен не только обязательный участник, но и предполагаемая активность (действия) со стороны этого участника. Также могут присутствовать эмоциональные коннотации (friends, enemies), но это не является обязательным условием (fellow worker, acquaintance), этот признак может варьироваться, так же как и интенсивность деятельностного компонента.

Очень ярко актуализация различных оттенков отношений, характеризующих семантику РИ, проявляется в сфере политической деятельности. Разнообразие используемых РИ в политике зависит во многом и от того, что в данном виде социального общения существуют разные группы коммуникантов, а именно: соратники по партии, политические оппоненты, представители политических структур, электорат и т. д. Роль РИ в языковой политической картине мира заключается в том, что они представляют собой основной механизм речевого воздействия, базирующийся не столько на логической аргументации, сколько на особых манипулятивных приемах выражения социально-политической идентичности конкретного субъекта политической коммуникации. «Одним из таких приемов можно считать помещение слова в специальное окружение, что вызывает либо определенный семантический сдвиг, либо создает некоторый семантический шлейф, который с этого времени будет сопровождать это слово» [Игнатов 2008: 9]. Таким образом, означивание реляционных имен в политике непосредственно свя-

зано с локализацией объекта в «релевантном денотативном пространстве» [Бородина 2006: 177], определяемого конкретной деятельностной областью субъектов общения.

Процесс выбора конкретного РИ может быть представлен в виде некоторой ментальной модели, которая опирается на знания об устройстве мира и достраивается в рамках конкретного речевого акта. Ресурс знаний в этом случае включает в себя, наряду с лингвистическими, концептуальные знания о предметной области в форме иерархий и некоторое количество фактических знаний [Сулейманова 2014: 44—46]. Кроме того, здесь необходимо учитывать и знание прагматического контекста данного коммуникативного события.

Наиболее широко в политике как одной из главных сфер государственного управления представлены РИ со значением профессии, рода деятельности (*president, speaker, minister, senator, chairman* и т. п.), которые в контексте выражения социальных отношений являются показателями статусной оппозиции «выше — ниже» на примере общественной иерархии. Основные признаки, обуславливающие данную оппозицию, — значимость, важность, превосходство, власть, избранность, лидерство. Признак значимости и власти не только присутствует в содержательной стороне, но также проявляется в плане выражения большинства слов, обозначающих вышестоящих. Во внутренней семантической структуре слова чаще всего присутствует проявление признака локальности, указывающее на положение обозначаемого лица в социальной иерархии.

Например, в этимологии слова *president* (n.) четко выражена позиция передовой локальности: *from Latin praesidere “stand guard; superintend,” literally “sit in front of,” from prae “before” (see pre-) + sedere “to sit”* [Online Etymology Dictionary 2001-2015]. В словарной статье также отражены и такие признаки, как *власть, лидерство* и *избранность*: (late 14c.) “appointed **governor** of a province; **chosen leader** of a body of persons,” *from Old French president and directly from Latin praesidentium (nominative praesidens) “president, governor,” noun use of present participle of praesidere “to act as head or chief”*.

Современный словарь «Merriam-Webster» [Merriam-Webster Dictionary 2015] также отражает все перечисленные признаки:

- the **head of the government** in some countries;
- someone who has **the highest position** in an organization or business;
- an official **chosen to preside over** a meeting or assembly;
- an **appointed governor** of a subordinate political unit;
- the **chief** officer of an organization (as a corporation or institution) usually entrusted with the direction and administration of its policies;
- the **presiding** officer of a governmental body;
- an **elected** official serving as both **chief** of state and **chief** political executive in a republic having a presidential government;
- an **elected** official having the position of chief of state but usually only minimal **political powers** in a republic having a parliamentary government.

Приведем другой пример: *deputy* (n.) [Dictionary.com 2015] — с. 1400, “one given the **full power** of an officer without holding the office,” *from Anglo-French député, noun use of past participle of Middle French députer “appoint, assign” (14c.), from Late Latin deputare “to destine, allot,” in classical Latin “to esteem, consider, consider as,” literally “to cut off, prune,” from de- “away” (see de-) + putare “to think, count, consider,” literally “to cut, prune”*.

Для РИ этой группы очень характерно использование дескрипций, в которых актуализация первого элемента выражает статус референта, а второй репрезентирует сферу (область) его деятельности (**Member of Parliament (MP), Chief of Staff, Speaker of the House of Commons**). Способность одновременной актуализации двух референтов в пределах одной дескрипции была замечена еще Дж. Р. Серлом. «Референт всего выражения в таких случаях я буду называть первичным, а референт его части — вторичным» [Серл 1982: 184], что подтверждается и тем фактом, что первый элемент дескрипции может употребляться как самостоятельно, так и в различных сочетаниях, например: *Prime Minister (PM) — Prime Minister of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, UK prime minister, Prime Minister David Cameron* etc., и при этом его значение остается неизменным, а вот второй элемент лишь называет определенные дополнительные характеристики первого, а именно сферу деятельности, место, имя и др. Так, *Prime Minister of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland* является официальным обозначением государственной должности, *UK prime minister* — широко используемое в СМИ, дополнительным компонентом является название страны. Кроме того, РИ в данном случае могут рассматриваться и как эквиваленты имен собственных. Например, предложение «**The Prime Minister** was in Singapore as part of a regional trip in which he is also visiting Indonesia, Vietnam and Malaysia», взятое отдельно, не идентифицирует конкретного субъекта, но полный контекст дает основания для замены «**The Prime Minister**» на имя собственное «David Cameron» [GOV.UK].

Выбор РИ детерминирован как конкретной ситуацией, так и фоновыми знаниями, необходимыми для **идентификации** конкретного референта. П. Ф. Стросон вводит понятие «контекстное требование», под которым подразумевает соответствие между лексической актуализацией референта и самим референтом [Стросон 1982: 77]. Однако, кроме контекста, выбор РИ в политике обусловлен и целым рядом других факторов, таких как этикетно-регламентирующие, коммуникативно-прагматические, идентификационные, политкорректные и др.

Одним из наиболее важных факторов, влияющих на выбор лексических средств репрезентации РИ в политике, является учет того однородного ряда, из которого необходимо выделить объект для его идентификации. Н. Д. Арутюнова отмечает, что «первый и основной принцип выбора идентифицирующей номинации состоит в том, что в ее значение должно входить указание на индивидуализирующий признак объекта. Если одного признака оказывается недоста-

точно для того, чтобы придать номинативной стрелке нужную направленность, то номинация может быть дополнена другими признаками, обладающими выделительной силой» [Арутюнова 1977: 194].

Определяющим фактором, формирующим политическую картину мира, является актуализация оппозиция «свой — чужой», что, в свою очередь, обуславливает важность значения идентификации при выборе РИ в данной социальной сфере. Именно эта оппозиция четко определяет партийную принадлежность, категоризирует субъект по отношению к различного рода партийным объединениям, наделяя его конкретными социально-политическими признаками. «Семантическая сфера „свое — чужое“ в политическом дискурсе наполняется содержанием, репрезентирующим социально-политическую модель общества и стереотипы восприятия социального мироустройства» [Кишина 2011: 178], и отражает «наивное» знание респондентов о типичных представителях политической сферы.

В этой связи очень интересной представляется группа РИ с использованием цветового бренда партии для идентификации партийной принадлежности. Перевод цвета из одного семиотического кода (визуальный) в другой (вербальный) происходит при переносе цветового дизайна партии на название самой партии, ее представителей и политики в целом. Например, синий цвет бренда политической партии демократов обусловил возникновение следующих номинаций: *the Blue Party, the Blues, the blue candidates, blue colleagues* и др. То же самое можно сказать и о партии республиканцев, красный цвет дизайна которой привел к появлению сочетаний *the Red Party, the Reds, the red candidates, red colleagues* и др.

Сходный механизм наблюдается и у партии зеленых — например, зеленый цвет бренда политической партии по защите окружающей среды обусловил возникновение следующих номинаций: *young greens, the green candidates, the green government, the greens* и др. Таким образом основные политические партии демонстрируют процесс семантизации цветообраза, выход невербального знака в лингвистическую сферу и закрепление в различного рода номинациях [Никифорова 2014: 114], таких, например, как партийные идентификационные РИ.

Популярными для политической коммуникации являются РИ, представленные никами-прозвищами. Эта группа в основном широко тиражируется современными СМИ. Чаще всего эти языковые средства являются важным дополнительным идентификатором не только личности носителя, но и стиля его политической деятельности. Таковы, например, широко известные прозвища Маргарет Тэтчер «The Iron Lady» и «Mrs Stone», говорящие о жестком стиле правления, или прозвища Билла Клинтона «Bubba» и «Slick Willie», свидетельствующие, наоборот, о нерешительности. К этой же группе относится значительное количество РИ, характеризующих человеческие качества политика: например, сенатор и губернатор Мятлика (США) Бен Чандлер получил прозвище «Happy» Chandler за свой веселый

нрав. А премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона за «внешнюю схожесть» с одним из персонажей британского детского телевизионного шоу «Телепузики» часто называют «lggle Piggie». В отличие от имени, прозвища в политической коммуникации, как правило, отражают отношение к субъекту, как к личным качествам носителя прозвища, так и к его политической деятельности, отражая особое значение, придаваемое этим свойствам и качествам окружающими.

Именно эта группа наиболее ярко представляет актуализацию эмоционально-оценочной функции РИ в процессе политической социализации. В языковых репрезентантах РИ данной группы заключены «сигналы сравнения, субъективности и социальной значимости» обозначаемой персоны, а оценка состоит из того, что заложенный в нике образ сравнивается или контрастирует с нормой [Thompson, Hunston 2001: 13]. Основное назначение эмоционально-оценочных РИ состоит в формировании и закреплении в сознании широкого круга общественности определенного образа обозначаемых объектов политической рекламы, а также в идентификации положительных или отрицательных черт конкретного политического деятеля с целью повлиять на расстановку сил на арене политической борьбы [Морозова 2012: 21—22].

Список РИ, используемых в политике, несомненно, не ограничивается представленными выше. Но уже предварительный анализ дает основание говорить о том, что РИ являются важной чертой политической коммуникации, способствуют четкому самоопределению человека в процессе его социализации. Определение своего места в политическом сообществе, будь то иерархические структуры или отношения на паритетных началах, отождествление себя с той или иной политической группой и связанная с этим самооценка — все это оказывает качественное влияние на процесс политической коммуникации. От того, как себя определяет человек, во многом зависит концептуализация воспринимаемой им информации, так как человеку свойственно определять положение вещей относительно себя. В то же время способы концептуализации, предлагаемые тем или иным языком, в определенной степени обуславливают возможности самоопределения. Таким образом, изучение концептуальной сферы отношений представляется важной для выявления бессознательных моделей мировосприятия, а изучение факторов, влияющих на выбор РИ, позволит прогнозировать успех или неудачу процесса политической социализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований / Б. А. Серебрянников, А. А. Уфимцева (ред.). — М.: Наука, 1977. С. 304—357.
2. Бородина Т. А. Контекст и реализация функции «идентификация» высказываниями, вербализующими процесс и результат идентификации личности // Язык, коммуникация и социальная среда. — Воронеж: ВГУ, 2006. С. 171—183.
3. Игнатова Е. М. Концепт «Родина» в идеологическом дискурсе (на материале немецкой политической пропаганды 20—40-х гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2008.
4. Ландер Ю. К типологии реляционных имен. — Май 2000. URL: <http://www.academia.edu/1702134/> (дата обращения: 15.11.11).

5. Кишина Е. В. Семантическая оппозиция «свой — чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестн. КемГУ. 2011. № 4 (48). С. 174—179.

6. Морозова О. Н. Политический рекламный дискурс в интернет-пространстве Великобритании (на материале персональных сайтов членов парламента Великобритании) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04. — СПб., 2012.

7. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. — М., 1968. С. 103—125.

8. Серл Дж. Р. Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Радуга, 1982. — Вып. 13 : Лингвистика текста (Проблемы референции) / Н. Д. Арутюнова (ред.). — С. 179—202.

9. Стросон П. Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Радуга, 1982. — Вып. 13 : Лингвистика текста (Проблемы референции) / Н. Д. Арутюнова (ред.). С. 55—86.

10. Сулейманова Е. А. О комплексном подходе к разрешению реляционно-аппозитивных неоднозначностей // Программные системы: теория и приложения. 2014. № 4 (22). С. 41—66.

11. Dictionary.com. — 2015 Dictionary.com. LLC. URL: <http://dictionary.reference.com/>.

12. GOV.UK : Press release / Prime Minister David Cameron's visit to Singapore. URL: <https://www.gov.uk/government/news/prime-minister-david-camersons-visit-to-singapore>.

13. Evaluation in text: Authorial stance and the construction of discourses / ed. by Thompson G., Hunston S. — New York : Oxford Univ. Pr., 2001.

14. Merriam-Webster Dictionary. — An Encyclopædia Britannica Company. — 2015. Merriam-Webster, Inc. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/president/>.

15. Online Etymology Dictionary. — 2001—2015 Douglas Harper Custom logo design by LogoBee.com. URL: <http://www.etymonline.com/>.

A. V. Skvortsova

Pushkin, Russia

RELATION NAMES IN POLITICS

ABSTRACT. *The article deals with specific features of relation names in modern English political communication. It clarifies the definition of the concept of "relation names." The article analyzes the main properties of relation names such as synonymy, antonymy, polysemy, connotation and estimation. The existence of certain limits in relation names functioning is considered as the main feature which allows referring relation names to a separate lexical group. It also shows that this property affects their lexical, syntactic, pragmatic and conceptual characteristics. In addition, there is such an important distinctive feature of relation names as the presence of at least one lexicographically predetermined obligatory parameter of "relationship" between participants belonging to a certain sphere of social activity. The author highlights the following functions of relation names in political communication — nominative, communicative, pragmatic, etiquette and emotionally-evaluative. Most attention is paid to the description of the ways of actualization of various shades of relationships that occur in the semantics of the relation names in the sphere of political activity. The article presents the following groups of relation names: profession (hierarchical opposition "above-below"); identification (the opposition "friend or foe"); emotional estimation (the opposition "bad-good"). The analysis leads to the conclusion that relation names are widely used in political communication and they contribute much to precise self-identification of an individual in the process of political socialization.*

KEYWORDS: *political communication, relational names, estimation, identification.*

ABOUT THE AUTHOR: *Skvortsova Anna Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Translation Studies, Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russia.*

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Nominatsiya i tekst // Yazykovaya nominatsiya. Vidy naimenovaniy / B. A. Serebryannikov, A. A. Ufimtseva (red.). — М. : Nauka, 1977. S. 304—357.

2. Borodina T. A. Kontekst i realizatsiya funktsii «identifikatsiya» vyskazyvaniyami, verbalizuyushchimi protsess i rezul'tat identifikatsii lichnosti // Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda. — Voronezh : VGU, 2006. S. 171—183.

3. Ignatova E. M. Kontsept «Rodina» v ideologicheskoy diskurse (na materiale nemetskoj politicheskoy propagandy 20—40-kh gg. KhKh v.) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — М., 2008.

4. Lander Yu. K tipologii relyatsionnykh imen. — May 2000. URL: http://www.academia.edu/1702134/_ (data obrashcheniya: 15.11.11).

5. Kishina E. V. Semanticheskaya oppozitsiya «svoe — chuzhoy» kak realizatsiya ideologo-manipulyativnogo potentsiala politicheskikh diskursov // Vestn. KemGU. 2011. № 4 (48). С. 174—179.

6. Morozova O. N. Politicheskij reklamnyy diskurs v internet-prostranstve Veliko-britanii (na materiale personal'nykh saytov chlenov parlamenta Velikobritanii) : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.04. — SPb., 2012.

7. Reformatskiy A. A. Termin kak chlen leksicheskoy sistemy yazyka // Problemy strukturnoy lingvistiki. — М., 1968. С. 103—125.

8. Serl Dzh. R. Referentsiya kak rechevoy akt // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — М. : Raduga, 1982. — Vyp. 13 : Lingvistika teksta (Problemy referentsii) / N. D. Arutyunova (red.). — С. 179—202.

9. Stroson P. F. O referentsii // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — М. : Raduga, 1982. — Vyp. 13 : Lingvistika teksta (Problemy referentsii) / N. D. Arutyunova (red.). С. 55—86.

10. Suleymanova E. A. O kompleksnom podkhode k razresheniyu relyatsionno-appozitivnykh neodnoznachnostey // Programmnye sistemy: teoriya i prilozheniya. 2014. № 4 (22). С. 41—66.

11. Dictionary.com. — 2015 Dictionary.com. LLC. URL: <http://dictionary.reference.com/>.

12. GOV.UK : Press release / Prime Minister David Cameron's visit to Singapore. URL: <https://www.gov.uk/government/news/prime-minister-david-camersons-visit-to-singapore>.

13. Evaluation in text: Authorial stance and the construction of discourses / ed. by Thompson G., Hunston S. — New York : Oxford Univ. Pr., 2001.

14. Merriam-Webster Dictionary. — An Encyclopædia Britannica Company. — 2015. Merriam-Webster, Inc. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/president/>.

15. Online Etymology Dictionary. — 2001—2015 Douglas Harper Custom logo design by LogoBee.com. URL: <http://www.etymonline.com/>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. О. Н. Морозова.

А. П. Сквородников, Э. А. Королькова
Красноярск, Россия

**РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ:
ЭТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ «НОВОЙ ГАЗЕТЫ»)**

АННОТАЦИЯ. В статье, посвященной внутрироссийской информационно-психологической войне, на основе обобщения данных научной литературы и наблюдений над речевым материалом предложены определения информационно-психологической войны, ее субъекта, объекта, мишени, актора, информационного оружия и понятий «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика». С учетом указанных понятий на материале текстов «Новой газеты» были рассмотрены речевые тактики и их языковое воплощение в рамках внутрироссийской информационно-психологической войны, описанию которых в статье уделено основное внимание. Найдены и охарактеризованы 33 манипулятивные тактики, нарушающие те или иные лингвопрагматические постулаты этического порядка. Среди языковых средств реализации этих тактик обнаружены оценочные эпитеты, номинации с отрицательно-оценочной коннотацией, политические ярлыки, синтаксические конструкции с отрицательно-оценочными предикатами, а также ряд стилистических фигур и такое графическое средство, как кавычки. Сделан вывод о том, что изучение языкового аспекта информационно-психологической войны актуально и значимо с точки зрения безопасности российского социума и государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационная война; манипуляция; лингвопрагматические постулаты; стратегии; тактики; языковые средства; безопасность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сквородников Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, профессор-консультант кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; адрес: Россия, 660041, Красноярск, пр-т Свободный, 79; e-mail: skapnat@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Королькова Элина Александровна, аспирант кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; адрес: Россия, 660041, Красноярск, пр-т Свободный, 79; e-mail: korolkova_elina@mail.ru.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что на международной арене происходит информационно-психологическая война, главным объектом которой является сознание и душа человека. Эта борьба идет за то, чтобы сформировать у людей систему ценностей, которая выгодна оппонентам государства.

Владимир Добреньков

В каждой медали как минимум две стороны.
Мы — рядовые информационной войны.
Как и простая, она не проходит без жертв,
В них вообще много общих находится черт.
Есть и враги. Это те, кто с другой стороны,
Так же, как мы, лишь солдаты идущей войны.

Сергей Баталов

Информационная война — многоаспектное понятие, поэтому неудивительно, что она является объектом пристального внимания политологов, философов, социологов, психологов, культурологов, журналистов, лингвистов [Кара-Мурза 2015 и др.; Почепцов 2015 и др.; Расторгуев 1999; Цуладзе 1999; Брусницын 2001; Губарев 2005; Лисичкин, Шелепин 2005; Бухарин, Цыганов 2007; Дзялошинский, Дзялошинская 2007; Соколова 2007; Панарин 2010; Ковалева 2011; Ткаченко 2011; Сквородников, Копнина 2012; Клачков 2013; Беляев 2014; Коровин 2014; Подъяпольский 2014 и мн. др.], а также некоторых журналов, к которым относятся «Политическая лингвистика», «Национальная оборона». Показателем актуальности проблематики информационной войны является появление соответствующих словарей [Вепринцев и др. 2015]. Как замечает А. М. Соколова, информационная война является принципиальной состав-

ляющей современного глобализационного процесса, и без понимания ее сущности невозможно в полной мере оценить последствия «глобализационного давления» [Соколова 2007: 3].

Исследователи дают такие определения понятию «информационная война»: «новое оружие — информационно-психологическое», суть которого — «воздействие на общественное сознание таким образом, чтобы управлять людьми и заставить их действовать против своих интересов» [Лисичкин, Шелепин 2005: 10, 37]; «управление информационными потоками в своих целях, управление явное и тайное, для достижения определенных результатов» [Панарин 2010: 4], «способ организации ноосферы и мирового информационного пространства в своих интересах и целях» [Панарин 2012: 3]; «нашествие определенных идей, которые разрушают национальное самосознание целого народа <...> Информационная война ставит

перед собой цель изменить мировоззрение большой социальной группы или целого общества» [Ткаченко 2011: 9—12]; «особый вид отношений между государствами, при которых для разрешения существующих межгосударственных противоречий используются методы, средства и технологии силового воздействия на информационную сферу этих государств» [Некляев 2008: 35]; «общее наименование целого комплекса разного рода и уровня мирных „военных“ действий, ведущихся нетрадиционным способом, с опорой на использование культурных средств подавления логического мышления, разрушения его структур при направленном манипулировании информацией» [Самохвалова 2013: 192—193]; «плановое информационное воздействие на всю инфокоммуникационную систему противника и нейтральные государства с целью формирования благоприятной глобальной информационной среды для проведения любых политических и геополитических операций, обеспечивающих максимальный контроль над пространством» [Василенко 2009: 153]; «явные и скрытые целенаправленные информационные воздействия систем друг на друга с целью получения определенного выигрыша в материальной сфере» [Расторгуев 1999: 226 и более поздние издания].

Не вдаваясь в критику перечисленных дефиниций, ряд которых можно было бы продолжить, обратим внимание на их подчас существенные различия при определенных чертах сходства. Имея в виду лаконизм, уровень заданной абстракции и одновременно достаточную полноту, последнюю дефиницию можно считать приемлемой для интегрального определения родового понятия «информационная война», однако с непрямым уточнением: «в материальной и/или духовной сферах». Причем надо учитывать, что, когда говорят об информационной войне, в большинстве случаев имеют в виду сферу политики. Между тем, как полагают некоторые исследователи, «элементы информационной войны присущи и вполне мирным ситуациям. Это и выборы, особенно президентские, это и войны брендов, это и инструментарий паблик рилейшнз, который по сути своей является мягким вариантом информационной войны...» [Почепцов 2015: 6]; об этом же, по существу, говорят и те, кто упоминает об информационных войнах в быту и бизнесе [Цыганов, Бухарин 2007: 18]. Поэтому, поскольку в нашей статье рассматривается разновидность информационной войны, именуемая обычно информационно-психологической, наряду с информационно-технической (об их дифференциации см., напр.: [Панарин 2012: 57—58; Соколова 2007: 19; Почепцов 2000: 56]), есть необходимость дать определение этой разновидности информационной войны. Исследователи предлагают, например, такие определения: «Информационно-психологическое воздействие представляет собой целенаправленное производство и распространение специальной информации, оказывающей непосредственное влияние (положительное или отрицательное) на функционирование и развитие информационно-психологической среды общества, психику и поведение политической элиты и населения» [Панарин 2012: 58];

«Информационно-психологическая война представляет собой комплекс мер, направленных на смену социальных ориентаций представителей определенной целевой группы» [Шевцов 2014: 81]. Не противореча в принципе указанным определениям, предложим несколько более обобщенную и одновременно учитывающую роль языка и речи формулировку: **информационно-психологическая война представляет собой намеренное информационное воздействие на какой-либо объект (сознание народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения с целью извлечения выгоды субъектом этого воздействия, осуществляемого с привлечением определенных речевых стратегий, тактик и языковых средств.**

Один из основных атрибутов информационно-психологической войны — **субъект, или инициатор**, этого процесса, а также **актор, или исполнитель**. Субъект, как и актор, может быть как единичным, так и коллективным. Представляется важным подчеркнуть, что инициатор и актор могут совпадать в одном субъекте, а могут и не совпадать в случае, если инициатор (например, определенная компания, учреждение, политическая партия, правящий класс какого-либо государства) является заказчиком, а непосредственным исполнителем (актором, коллективным или индивидуальным) — конкретное лицо или орган СМИ. Кроме того, субъект может быть, условно говоря, «нападающим» и «обороняющимся», ибо информационно-психологическая война, как правило, процесс двусторонний. Целеполагание субъекта информационно-психологической войны — это всегда стремление достичь комплекса положительных для себя результатов — политических, экономических, социальных и/или идеологических — за счет нанесения ущерба противоположной стороне.

Предлагаются типологии субъектов информационной войны. Так, типология, предложенная А. В. Манойло, А. И. Петренко и Д. Б. Фроловым, учитывает такие виды субъектов информационного влияния: государства, их союзы и коалиции; межгосударственные организации; негосударственные незаконные вооруженные формирования и организации террористической, экстремистской, радикальной политической или религиозной направленности; транснациональные корпорации; виртуальные социальные сообщества; медиа-корпорации; виртуальные коалиции [Манойло, Петренко, Фролов 2004: 281].

Объектом информационно-психологической войны, с нашей точки зрения, является сознание народа в целом или какой-либо целевой группы (социальной, конфессиональной, профессиональной и т. д.), а также сознание какого-либо индивида (более редкий случай). В связи с глобализационными процессами, происходящими в современном мире, объектом информационно-психологической войны часто становится сознание всего человечества или его значительной части. Следует заметить, что в реальной жизни выделенные объекты могут совпадать.

А. Б. Губарев в качестве родовых объектов информационных войн упоминает систему социальных отношений информационного общества; систему политических отношений информацион-

ного общества; систему психологических отношений информационного общества [Губарев 2005: 69]. К числу частных объектов информационной войны автор относит любой компонент или сегмент информационно-психологического пространства: массовое и индивидуальное сознание граждан; социально-политические процессы; информационную инфраструктуру; информационные и психологические ресурсы [Там же].

Перечень объектов информационной войны, представленный А. Б. Губаревым, дает основание считать необходимым дифференцировать понятия **объекта** и **мишени**, поскольку, как нам представляется, **объект** информационно-психологической войны — это сознание тех или того, на кого направлено речевое воздействие с целью изменения этого сознания в нужном для манипулятора направлении. А **мишень** — это та сторона действительности, так или иначе связанная с объектом, которая подвергается дискредитации для того, чтобы воздействовать определенным образом на объект. Причем в мишени может быть выделено ядро (или болевая точка), на которое направлен основной удар субъекта информационно-психологической войны. Так, например, для дискредитации Русской православной церкви в глазах российского народа, и прежде всего верующих, мишенью может стать и становится патриарх Кирилл; для дискредитации властной вертикали российского государства в глазах нашего и других народов — Президент В. В. Путин и т. д.

Под **оружием информационно-психологической войны** мы подразумеваем высказывания и тексты любого жанра, в основу организации которых положены стратегия и тактики дискредитации какой-либо мишени (мишеней), с соответствующим языковым оформлением.

В своем исследовании мы придерживаемся следующего понимания коммуникативных стратегий и тактик.

Речевая (коммуникативная) стратегия — это общий план, или общая линия речевого поведения, определяемые коммуникативной целью (целями) говорящего/пишущего на основе осознания коммуникативной ситуации, под которой понимается совокупность факторов, влияющих на ход коммуникации (время и место коммуникации, интенции участников коммуникации, их профессиональные, возрастные и гендерные характеристики, социальные статусы и роли, особенности характера, тип межличностных отношений, эмоциональное состояние и другие факторы).

Речевая (коммуникативная) тактика — это речевое действие (речевой акт или несколько взаимосвязанных речевых актов), соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа. Использование речевой тактики или некоторой их совокупности последовательности призвано обеспечить осуществление речевой стратегии и, в конечном итоге, достижение коммуникативной цели говорящего/пишущего [Сковородников 2012: 246—247].

Причем, надо полагать, что если стратегия, обусловленная коммуникативной целью, выбирается сознательно, то тактики могут «нащупываться» интуитивно в процессе создания текста.

Отметим, что, вслед за А. В. Манойло и В. М. Коровиным, мы разграничиваем внешнюю информационную войну (ведущуюся извне акторами, пребывающими за пределами России) и внутреннюю (ведущуюся акторами, находящимися в России) [Манойло 2005; Коровин 2014: 70—71].

В специальной литературе отмечается, что, при большом интересе к информационным войнам и множестве публикаций по этим проблемам, их авторы «за редким исключением не касаются механизмов и систем управления информационным противоборством, методов и технологий его ведения» [Бухарин, Цыганов 2007: 9], что «почти нет ничего об информационной защите общества, человека как существа общественного от тлетворного влияния на него недобросовестной, заведомо ложной информации» [Брусницын 2001: 10]. К этому мы можем добавить, что остается недостаточно разработанным лингвистический аспект информационных войн, хотя существует большое количество литературы, посвященной проблемам речевой коммуникации и манипулирования сознанием, в которой можно найти интересный материал по языковой технологии того феномена, который получил название «информационная война» (см., напр.: [Кара-Мурза 2015а; Копнина 2010; Ковалева 2011; Сковородников, Копнина 2012а, б; Копнина 2012; Лиллекер 2010; Почепцов 1999 и мн. др.]).

В своей статье мы не претендуем на то, чтобы осветить все стороны такого многообразного явления, как информационно-психологическая война, и предъявить исчерпывающий список применяемых в ней тактик. Цель статьи — обратить внимание читателей на типичные тактики и языковые средства, применяемые во внутрироссийской информационной войне, ведущейся против нашей страны, цивилизации и национальных ценностей, что, как мы надеемся, будет стимулировать дальнейшее изучение лингвистического аспекта информационной войны и тем самым способствовать повышению уровня информационной безопасности. Эта цель реализуется посредством контекстологического и семантического анализов текстов одного из коллективных акторов такой войны — «Новой газеты».

Здесь требуется существенная оговорка. Для утверждения, что какой-то орган СМИ или отдельный автор является актором информационно-психологической войны против какого-то объекта, нужны объективные, т. е. соответствующие действительности основания (критерии). Такими основаниями, по-видимому, следует считать: а) преобладание в печатном органе (или у одиночного автора) негативно-оценочной информации об одном и том же объекте или мишенях, имеющих комплементарное отношение к этому объекту; б) направленность этой информации на дискредитацию этих мишеней или объекта как такового; в) регулярность и постоянство публикаций с такого рода информацией; г) такое же регулярное и постоянное отсутствие позитивно-оценочной информации об этих мишенях или о самом объекте. Поскольку тексты «Новой газеты» соответствуют перечисленным критериям, есть основания считать эту газету коллективным актором информационно-психологической войны (со-

мневающиеся могут убедиться в справедливости сказанного, прочитав подборку этой газеты хотя бы за 2—3 месяца). Такое утверждение не значит, что все материалы этой газеты являют собой факт информационной войны, поскольку в этой газете, как и во многих других, можно найти критику недостатков, действительно имеющих место в российской действительности; на страницах этой газеты помещаются также и материалы, нейтральные в оценочном отношении (информация о событиях в области культуры, спорта, объявления и т. п.). Речь идет об устойчивой политической линии этой газеты, о ее, так сказать, собирательном политико-лингвистическом портрете.

Переходим к основной части нашей статьи. Для выявления и описания речевых тактик были проанализированы 34 статьи, опубликованные в указанной газете преимущественно в 2014 и 2015 г. Результаты наших наблюдений таковы.

Во всех анализируемых текстах, взятых в своей совокупности, по сути дела, осуществляется одна генеральная стратегия — стратегия дискредитации — и ее субстратегии: дезинформация, диффамация, дегероизация, «глушение», или искажение исторической памяти, примитивизация сознания, осмеяние и др. (вопрос о субстратегиях указанной генеральной стратегии требует специального исследования и будет нами рассмотрен в отдельной статье), направленные на такие мишени, как патриотические организации современной России; ее внешняя и внутренняя политика; властная вертикаль во главе с Президентом В. В. Путиным; партия «Единая Россия», составляющая парламентское большинство; российская правоохранительная система; Русская православная церковь; идея имперской России и соответствующие ей символы; возвращение Крыма в лоно Отечества; жители Новороссии, защищающие право быть людьми русской культуры, говорить на русском языке, и помогающие им российские добровольцы и др.

Параллельно, в противовес этому, осуществляется стратегия апологетики антироссийских политических сил: организаций, партий, персон, настроенных по отношению к России враждебно; политики США и Евросоюза, направленной против России; деятелей культуры, оскорбляющих своими действиями русское национальное сознание и православную веру; украинских шовинистов и экстремистов; НКО, существующих на зарубежные гранты, деятельность которых (по крайней мере некоторых из них) сомнительна с точки зрения национальной безопасности. Однако по условиям ограниченности рамок статьи стратегия апологетики с ее тактиками в нашей статье не рассматривается.

Генеральная стратегия дискредитации реализуется с помощью тактик, языковых средств и приемов, в том числе тропов и речевых фигур, использование которых нарушает лингвопрагматические принципы (постулаты, максимы), носящие в основном этический характер. Описание этих тактик и приемов в нашей статье осуществляется в соответствии с нарушениями этих постулатов, выделенных такими авторами, как Г. П. Грайс, Д. Гордон, Дж. Лакофф и др. (см. [Иванов 2003: 495–497]), и сопровождается толь-

ко одним или двумя текстовыми примерами, что обусловлено довольно большим объемом необходимого для реализации и осмысления соответствующей тактики контекста. В отдельных случаях примеры комментируются. Заметим также, что в речевых примерах сохраняются орфография и пунктуация первоисточника.

1. Лингвопрагматическая категория количества, включающая два постулата: «Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется для текущей цели диалога»; «Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется» [Иванов 2003: 496].

Нарушение первого постулата осуществляется в следующих тактиках:

1.1. Тактика неприведения или неопределенности (неуточненности) данных об источнике информации:

- В статье Елены Милашиной «За попытку позитивных изменений государственной политики» (НГ. 2015. № 35) приводится диалог правозащитников из Комитета против пыток с прокурором Нижнего Новгорода, но подлинность этого диалога не подтверждена ссылкой на какой-либо документ (например, на протокол судебного заседания);

- В статье Ольги Мусафириной «Чуден „Днепр-1“ при тихой погоде» (НГ. 2015. № 32) читаем: *В тот же день некоторые СМИ (здесь и далее выделено нами — А. С. и Э. К.) распространили информацию о том, что „неизвестные“ хорошо известны как бойцы полка патрульной службы милиции особого назначения „Днепр-1“ <...>. Как утверждают источники, добровольцы контролировали трафик контрабанды в ДНР.*

1.2. Тактика неприведения фактических данных, подтверждающих обоснованность того или иного положения (высказывания).

- В статье Елены Рачевой «Иосиф Виссарионович Грозный» (НГ. 2015. № 35) о современной ситуации в России без какой-либо опоры на факты утверждается: *Сознание людей фрагментарно, они считают, что террор никогда их не коснется, что сажают всегда других.*

1.3. Тактика одностороннего освещения того или иного события (явления); умолчания о фактах, которые могли бы поставить под сомнение оценочные высказывания об этом событии.

- Георгий Бородинский в статье «В опере прозвучала партия жуликов и воров» (НГ. 2015. № 35) берет под защиту кощунственную постановку оперы Вагнера «Тангейзер» в Новосибирске, аргументируя свою позицию, в частности, сообщением о том, что «5 апреля в Новосибирске прошел митинг интеллигенции в защиту „Тангейзера“», одновременно замалчивая факт проведения в Новосибирске массового митинга (от 5 до 10 тысяч) православных, религиозные чувства которых были оскорблены грубым искажением выдающегося произведения Вагнера, когда режиссер Тимофей Кулябин «кощунственно ввел в оперу „Тангейзер“ отсутствующий в оригинальном либретто персонаж — Бога Иисуса Христа, показал его тонущим в страстях с развратными женщинами, а на иллюстративном полотне — распятым между ног блудницы» (см. открытое письмо членов Новосибирского отделения Петровской

академии наук и искусств на сайте «Русской национальной линии» по поводу постановки оперы «Тангейзер» в Новосибирском оперном театре).

Нарушение второго постулата, запрещающего неоправданную избыточность информации, находим в следующих тактиках:

1.4. Тактика такой детализации отрицательной характеристики мишени в широком смысле (ситуации, события, чьи-либо действий и т. д.), которая создает иллюзию компетентности автора (авторов) этой характеристики и позволяет создать в тексте тональность осуждения (или по крайней мере неприятия данного события или ситуации).

• Примером может служить текст статьи Александра Панова «Шпион — находка для шпиона» (НГ. 2015. № 9), в которой детально описываются неудачи российских разведчиков в США (называемых автором статьи *шпионами* и характеризующихся как непрофессионалы) для утверждения тезиса экспертов (каких?) о том, что «Россия возрождает советскую практику создания подпольных агентурных сетей».

1.5. Тактика нагнетания негативных оценок мишени, содержащихся в высказываниях сторонних лиц или СМИ, что создает иллюзию объективности.

• Так, в статье Александра Панова «Выборы 2016 в США: фавориты и новички» с подзаголовком «К Владимиру Путину кандидаты в президенты относятся одинаково негативно» (НГ. 2015. № 46) неоднократно повторяются без каких-либо комментариев негативные оценки Президента России представителями американской политической элиты: *В беседе с радио-ведущим ток-шоу Хью Хевиттом 30 марта Джеб Буш назвал президента России Владимира Путина „беспощадным прагматиком“, заявив, что США должны дать понять Москве, что намерены защищать НАТО и его членов; <...> Одной из первых сравнила действия Путина в Крыму с действиями Гитлера в Судетах Хиллари Клинтон — бывшая первая леди Америки, сенатор от штата Нью-Йорк, государственный секретарь в первый президентский срок Барака Обамы; <...> Клинтон не стала бы колебаться и дала бы оружие Украине, успокоила бы союзников по НАТО, потому что у США отлично получается играть именно с позиции силы, пишет Рубио. Тем более, это „единственный язык, который понимает Путин“; <...> Владимир Путин „должен заплатить“ за аннексию Крыма, убежден Рубио; <...> И у Рэнда Пола нашелся соответствующий пассаж про российского президента <...>. Рэнд Пол осудил аннексию Крыма и вмешательство России на востоке Украины; <...> Выступая в Фонде „Молодая Америка“, Круз перефразировал Рональда Рейгана: „Господин Путин, верните Крым назад!.. Мы должны встать и выступить в поддержку свободы“; <...> Общий фон на этих выборах, очевидно, складывается не в пользу нынешних российских властей. Если учесть, что в статье ни слова не сказано в защиту российского президента и его внешней политики, становится достаточно очевидной позиция ее автора.*

2. Нарушения постулатов **категории способа**, требующих ясности и однозначности выска-

зывания («Выражайся ясно», «Избегай неоднозначности»).

2.1. Тактика намека, т. е. такая организация высказывания, которая «предполагает понимание по догадке», по ассоциативным связям, и создает нужный манипулятору подтекст:

• *В прошедшую пятницу судья Советского районного суда Нижнего Новгорода Ольга Тоненкова признала законным прокурорское представление, на основании которого правозащитная организация „Комитет против пыток“ была признана иностранным агентом. Несмотря на то, что судиться с государством по такому поводу — дело статистически безнадежное, шанс на правосудие в случае с КПП все-таки был* (НГ. 2015. № 35). Здесь в подтексте содержится мысль о несправедливости правовой системы России.

2.2. Тактика привлечения в качестве доказательства не документов, а текстов, для которых документальность не релевантна.

• Например, Ксения Кнорре-Дмитриева в статье «Донос крепчал» пишет: *В советский период донос стал одной из обязанностей советского человека, проявлением гражданской сознательности и доблести, и детей приучали к доноситељству с ранних лет* (НГ. 2015. № 33), привлекая в качестве аргумента не документальные данные, а антиутопию В. Войновича «Москва-2042», и не уточняя, на каком отрезке советского периода нашей истории доноситељство действительно было распространено.

2.3. Тактика двойных стандартов в оценке действий одного порядка: то, что делается идеологически близкими, оценивается положительно, а то, что делается идеологическими оппонентами, — отрицательно:

• *Как противостоять доктрине Путина, о которой с тревогой говорят вашингтонские эксперты, начиная с Бжезинского, хватит ли для этого новой волны масштабных санкций, на которые так и не решились пока европейские лидеры? Суть доктрины: Россия считает себя вправе защищать интересы русскоязычного населения, проживающего за ее нынешними границами. Джон Хербст, американский посол в Киеве времен „оранжевой“ революции, отмечает: „Эта доктрина опасна не только для Украины, но для всех государств, где проживает значительное число русских и русскоговорящих. Речь идет о странах Закавказья, Белоруссии, Молдавии, а также о Казахстане, где проживает около 20 процентов этнических русских, Латвии и Эстонии. В Литве, Польше, Румынии, Болгарии также проживает достаточно русских, чтобы господин Путин мог применить свою доктрину на практике. И если он добьется успеха на востоке Украины, мы неизбежно столкнемся с новыми проблемами“ <...>. События в Украине, начиная с Крыма, поставили перед Западом серьезный выбор, самый серьезный после холодной войны, и все сейчас зависит от пресловутого трансатлантического единства. Но европейцы, отмечают американские СМИ, не готовы идти в противостоянии с Россией столь же далеко, как Вашингтон* (НГ. 2014. № 82). В этом тексте России ставится в вину, что

она готова защищать интересы русских, проживающих за ее пределами, в то время как аналогичным образом поступают все уважающие себя страны, прежде всего США. Утверждается также, что внешняя политика России («доктрина Путина») представляет опасность для соседних с нею стран. Причем автор текста уходит от оценки этих утверждений американских дипломатов.

2.4. Тактика похвалы противников или критиков мишени (в данном случае — России), часто на фоне негативных о ней высказываний:

• *Вообще-то гостей с Украины за время конфликта стало чуть ли не впятеро больше <...>. Пишут разное. Приятнее всего, конечно, читать такое (свежая почта всего за один час): „Спасибо всем работникам “Новой газеты” за тот невероятный и опасный труд (в вашем государстве он действительно опасный), который вы делаете, чтобы открыть людям глаза“; „Спасибо моим друзьям в России, Вам — уважаемая редакция этой газеты, радио “Эхо Москвы” и еще нескольким источникам — не дайте поверить, что вся огромная Россия напрочь оболванена и находится фактически под наркотическим кайфом “НТВ”, идеи “Русской весны” и искренней веры в абсолютную непогрешимость действующей власти“ (НГ. 2014. № 108).*

Следует подчеркнуть, что все выделенные тактики, нарушающие лингвопрагматические категории количества и способа, одновременно нарушают и лингвопрагматическую категорию качества, требующую истинности высказывания («Не говори того, что считаешь ложным»; «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований»).

3. Нарушение категории качества особенно заметно в следующих тактиках.

3.1. Тактика аргументативно недостаточных объяснений и оценок каких-либо фактов, событий, процессов, часто сочетающаяся с искажением действительного положения вещей.

• Михаил Эпштейн в статье «Свет и клир» (НГ. 2014. № 14), объясняя, почему у мусульман и православных плохо прививается секуляризация, пишет: *Отсюда такие сложности становления светского общества в мусульманских странах и на христианском Востоке, где человеческое в Богочеловеке воспринимается с трудом, подчиняется „надчеловеческому“, которое, в свою очередь, отождествляется с бесчеловечным.* Выделенная часть текста содержит никак не аргументированное, но дискредитирующее мусульман и православных христиан утверждение.

3.2. Тактика подачи желаемого (гипотетического) как действительно имеющего или имевшего место без каких-либо обоснований:

• *Качественные ответы на вызовы могут прийти только изнутри протестного сообщества. Только в нем сосредоточен опыт политического действия и рефлексия (НГ. 2014. № 126).*

3.3. Тактика инверсии фактического положения вещей (перекладывания «с больной головы на здоровую»):

• *Проведенный нами 10 месяцев назад аудит российской политики (см. „Новую“, № 57 от 28 мая 2014 г. — „Политическая бухгалтерия“) уже*

*тогда показал очевидный отрицательный баланс: практически на всех направлениях своих отношений с внешним миром Россия потерпела поражение <...>. И это не результат козней Запада или кого-то еще извне, а следствие стратегической ошибки при оценке ситуации на Украине, а также места и возможностей России в мировом порядке. Россия этот поря-
док нарушает — остальные защищаются (НГ. 2015. № 32).*

3.4. Тактика приписывания оппоненту каких-либо мыслей, намерений, высказываний (так называемое «чтение в сердцах»):

• *Отсюда, кстати, и отношение к международной изоляции. Которую официально отрицают, но против которой по большому счету не имеют ничего против. Ну, может быть, тотальная изоляция и не выгодна. Но частичная — с ограничением вредных контактов и санкциями, мобилизующими население (вот они, гады, как на нас дают, а президент — молодец, не прогибается!) и обьясняющими, почему у нас ухудшилось экономическое положение и сократились доходы (а вовсе не из-за ставки на экспорт подешевевших углеводородов и дурной экономической политики), вполне полезно. На данном этапе она лишь укрепляет аргументацию режима, стремящегося бесконфликтно въехать в новый политический сезон (НГ. 2015. № 32).* Делается попытка произвольно и бездоказательно трактовать замыслы верховной власти.

3.5. Тактика положительной оценки того, что с точки зрения общечеловеческой морали всегда оценивалось отрицательно (например, предательство):

• *Теперь не какая-нибудь шелупонь лоббирует режим Лукашенко в Евросоюзе, а сам Евросоюз. И, естественно, главной причиной тому — война на Украине. На фоне агрессора Путина Александр Лукашенко начинает мниться европейцам почти демократом. И ради мнимой стабильности хотя бы на этом участке буферной зоны между Европой и Россией, оказывается, можно забыть и о тех, кто по-прежнему сидит в тюрьмах, и о тех, кто их туда посадил. **Художественный руководитель белорусского „Свободного театра“ Николай Халезин — один из тех, кто убеждал руководство Евросоюза в необходимости введения санкций против репрессивного аппарата** (НГ. 2015. № 28).* Таким образом, в статье позитивно оцениваются действия человека, работающего против собственного государства.

3.6. Тактика создания компрометирующих ассоциаций:

• *Дмитрия Фирташа арестовали в Австрии, где он жил со времен Майдана, 12 марта 2014 года, по запросу ФБР. Однако вскоре отпустили под рекордный, в 125 миллионов евро, залог. „Украинская правда“ располагает сведениями: **деньги перевел российский миллиардер Василий Анисимов, друг приближенного к Путину Аркадия Ротенберга** (НГ. 2015. № 46).* Здесь, кроме ассоциации предполагаемого уголовного с Путиным, использована тактика неопределенности источника информации.

3.7. Тактика подмены понятий:

• *Антисекуляризм, или в широком смысле фундаментализм, также возможен в двух вариантах. Религиозный фундаментализм — это исламизм во многих странах Ближнего Востока, это нетерпимость к другим религиям и к светскому образованию, к гражданской и гендерной эмансипации. В России эта позиция тех клерикальных кругов, которые выступают за вмешательство церкви в политику, законодательство, культуру, образование* (НГ. 2014. № 14). Однако «клерикальные круги» (повидимому, имеются в виду иерархи Русской православной церкви) не занимаются **вмешательством** в политику, законодательство, культуру и образование. А хотя естественного для такой важной общественной институции, как церковь, **участия** в этих сферах. Кроме того, заметим: этот текст организован таким образом, что нетерпимость к другим религиям и светскому образованию якобы свойственна РПЦ, что со всей очевидностью противоречит действительности.

3.8. Близкая к предыдущей тактика не соответствующего действительности обвинения мишени в отождествлении нетождественного:

• *Сторонники жесткой, как у Путина, руки, люди советской ментальности, для которых слова „украинец“ и „бандеровец“ — однокоренные (таких по-прежнему больше на востоке, юге и юго-востоке страны), разочарованы* (НГ. 2014. № 15). У людей советской ментальности такого отождествления, разумеется, нет и быть не может в силу исторических причин, а вот современные бандеровцы очень постарались и стараются, чтобы такое отождествление возникло.

3.9. Тактика искажения логических, в том числе причинно-следственных, отношений:

• *С одной стороны, наши респонденты говорят, что Сталин виновен в гибели миллионов, с другой — что он добился великой победы. Эти два тезиса не могут соединиться в одной голове, поэтому прошлое вытесняется, забывается. И вот уже 41 % людей говорят, что безразличны к Сталину или не знают, как сформулировать отношение к нему — потому что отношения просто нет* (НГ. 2015. № 35). В первых, «респонденты» могут быть разные: одни оценивают Сталина исключительно отрицательно, другие — исключительно положительно. Во вторых, есть респонденты, мыслящие диалектически, у них эти два тезиса вполне закономерно «соединяются в одной голове», не создавая когнитивного диссонанса. И в том, и в другом случае нет оснований говорить о «вытеснении» или «забывании» прошлого. Есть основания говорить, что часть населения (особенно его молодая часть) этого прошлого просто не знает в силу убогости исторического образования, а часть — запуталась в этом прошлом, что неудивительно, если учесть идеологический хаос в предьявлении этого прошлого СМИ.

3.10. Тактика «вброса» (как бы случайного включения) в нейтральный текст идеологически оценочного фрагмента.

• Так, в довольно обширном интервью Ксении Кнорре-Дмитриевой с участниками петербургской группы стрит-арта «Gondhi» по поводу их творчества включен такой фрагмент: — *Сейчас везде*

политика — это отражается на ваших работах? — Да, конечно. Например, когда в начале марта Совет Федерации одобрил ввод войск на территорию Украины, мы в тот же вечер собрались, сделали трафареты и пошли по улицам. Картинки в основном были метафорическими — например, танк с обвисшим стволом и надписью „Маленькая победоносная ...ня“; портрет женщины в украинском венке с надписью: „Вова, я ухожу от тебя“; маленький танк, у которого колеса складывались в олимпийские кольца (НГ. 2014. № 131).

3.11. Тактика подачи диффамирующей информации в нарочито гипотетической модальности с расчетом посеять сомнения, поколебать уверенность реципиентов в чем- или ком-либо и в то же время избежать обвинения в клевете.

• Например, в повествование о ком- или чем-либо (негативно-оценочного содержания) включается такой фрагмент: *Еще раз, и это важно: данный текст лишь предположительно имеет отношение к Стрелкову (Гиркину), предположительно сотруднику ФСБ. Вполне вероятно, что это типичное военное воспоминание одного обладающего склонностью к литературному творчеству участника событий 15-летней давности. Ничего более твердо мы гарантировать не можем* (НГ. 2015. № 35). В этом тексте нет прямого обвинения Стрелкова, но сомнение в его невиновности у читателя закрадывается.

3.12. Тактика дискредитации мишени путем указания на некомпетентность или необъективность того, кто дает ей позитивную характеристику:

• *И сегодня, после Крыма, Дана Рорабахер (кстати, бывший спичрайтер президента Рейгана) не перестает поддерживать российские власти. Вот что он заявил на слушаниях в конгрессе: „Мои коллеги не знают, какие значительные реформы прошли в России. Церкви там переполнены. Оппозиционные газеты продаются в любом газетном киоске. Люди могут проводить демонстрации в парках“. А на вопрос о „Гусси Райот“, побитых казаками в Сочи, Рорабахер только пожал плечами: „Я не думаю, что такое происходит там часто. Есть много людей, абсолютно свободно выходящих на демонстрации“. Возможно, в офис конгрессмену следует отправить вместо водки копию фильма „Левиафан“, если он в связи с загруженностью не сможет сходить в кинотеатр, где только что с успехом прошла вашингтонская премьера фильма Андрея Звягинцева, номинанта „Оскара“?* (НГ. 2015. № 8).

3.13. Тактика выражения сомнений в искренности и правдивости высказываний диффамируемой мишени (в приведенном отрывке речь идет об обстоятельствах гибели малайзийского лайнера MH-17):

• *В Москве доклад американской разведки восприняли с иронией. Почему американцы не выкладывают спутниковые данные? Этот вопрос породил массу конспирологических версий. Самая популярная: Вашингтон договаривается с Москвой тайно. Важен другой момент, который российские СМИ практически не замечают, — это общий обвинительный тон в отно-*

шении России после трагедии МН-17. Общий для всех стран Запада, всех крупнейших СМИ и более или менее значимых политиков. Такое единодушие — редкость. Конечно, для российских граждан, черпающих 90 процентов информации с телеэкрана, можно найти „говорящие головы“ американских и европейских экспертов, которые представляют картину трагедии вполне в духе кремлевского агитпропа. Но это будут специальные люди, для которых антиамериканизм — профессия. Их круг ограничен, и они кочуют из программы в программу. Это проверенные бойцы информационных войн (НГ. 2014. № 8).

3.14. Тактика развенчания исторически позитивных мифов. Примером может служить такое место в рассказе о поездке Евгения Евтушенко в Сибирь:

● Каким-то особым чутьем поэт удержался от соблазна следовать литературной традиции — фигуру Ермака возвеличивать чрезмерно, принимая исторические последствия похода за пушиной как провидческий государственный замысел расширить территорию России. <...> В переносном смысле, в символическом, образ безукоризнен, но сибиряк Мартынов (собеседник Евтушенко. — А. С., Э. К.), конечно, не хуже других знал, что Ермака Тимофеевича и его дружину влек сбор ясака (шукрок соболя, горностая, лисицы, белки...). Принуждение аборигенов бывало жестоким, и там, где сбор не удавался, пепел сожженных стойбищ долго носился над лесами (НГ. 2014. № 131).

3.15. Тактика привлечения авторитетного источника (известного ученого, государственного деятеля, артиста, писателя и т. д.) для подтверждения правоты своей позиции.

● Так, критика инициативы депутатов Государственной думы в сексуальной сфере, корреспонденты «Новой газеты» цитируют такие высказывания Александра Асмолова, заведующего кафедрой психологии личности МГУ, вице-президента Российского общества психологов, академика РАО: — Ряду политиков, разрабатывающих „антисексуальные меры“, свойственно демонстрационно-истероидное поведение. Люди, которые пытаются получить контроль над половой жизнью других, ищут эмоциональных поглаживаний от собственных криков. Это попытка неадекватными средствами сделать так, чтобы тебя заметили. <...> Наша власть желает, чтобы мы были похожи друг на друга: надевали одну униформу, читали один учебник. Налицо — полная стандартизация, обезличивание жизни и страх перед необычным. Самое страшное для власти — проявления толерантного общества (НГ. 2014. № 126).

3.16. Тактика изображения оппонента интеллектуально неполноценным (недалеким, импульсивным, неосведомленным и т. п.).

● Например, в статье Юрия Сафонова «Ходорковский рассказал о самом главном» (НГ. 2014. № 106) цитируются такие слова Ходорковского: „Путин — человек эмоциональный, точнее, стал эмоциональным, и его окружение достаточно эффективно научилось этим пользоваться. И, конечно, очень многие решения он принимает вынужденно. Он не понимает, что

его к ним подвели, что использовали его эмоциональное состояние и что даже вот это эмоциональное состояние тоже было создано“.

3.17. Тактика «навешивания» ярлыков:

● В Первомайском сквере прошла серия одиночных пикетов. Их организатор Светлана Каверзина развернула плакат „Обращение к ФСБ. Остановите расползание православного экстремизма“ (НГ. 2014. № 126).

3.18. Близкой к предыдущей является тактика использования терминов со сформировавшейся под влиянием социально-исторических причин отрицательной аурой:

● Законодательные предложения депутатов и чиновников касаются всего подряд — секса, семейных отношений, религии, искусства, школьных учебников, идеологии, прессы, интернета. Это вполне можно считать начавшимся постепенным дрейфом из авторитаризма в тоталитаризм (НГ. 2014. № 126).

3.19. Тактика контрастного сопоставления того, что считается автором текста положительным, и того, что считается отрицательным (так сказать, оценочная антитеза).

● На этой тактике построена статья Юлии Латыниной «Рождение сверхдержавы», в которой успешная Китайская Народная Республика и ее лидер Си Цзиньпин противопоставлены неуспешной Российской Федерации и ее Президенту В. В. Путину. Один пример такого контрастного сопоставления: Именно Си Цзиньпин был звездой этого саммита, и в этом смысле история с Путиным, подающим шаль Пэн Люянь, выглядит жалко не потому, что российский президент нарушил китайские обычаи и прикоснулся к первой леди Поднебесной, а потому, что российский президент хоть как-то пытался обратить на себя внимание, пока глава Поднебесной беседовал с Баракком Обамой. Построив целую цепочку противопоставлений, автор заканчивает статью таким пассажем: Для Поднебесной геополитика — естественное продолжение экономики, а процветающая экономика — необходимая база для успешной геополитики. Все, что делает Поднебесная в геополитике, противоположно тому, что делает Кремль, чья катастрофическая провинциальность, средневековость и местечковость как раз прекрасно характеризуются тем, что по итогам саммита G20 мы обсуждаем не явление миру новой сверхдержавы, а то, почему Путин не остался на завтрак (НГ. 2014. № 131).

3.20. Тактика многократного повторения дискредитируемого слова-понятия (часто на протяжении всего текста) в лексическом окружении, придающем этому слову негативную ауру.

● Так, например, в статье Надежды Кеворковой «Вызываем огонь на себя» (НГ. 2014. № 110) слова патриотизм, патриот, патриотический повторяются 36 раз, по преимуществу в предложениях и словосочетаниях такого типа: Эпохи приступа государственного патриотизма в России тягостны; патриотизм как элемент верноподданничества; Патриотизм возник как некий предписанный восторг перед властью; Ярчайший (в буквальном смысле) припадок патриотизма был организован во время войны 1812 года; новый вид государственного пат-

риотизма; Николай Второй метался от казней к европейскости, от реформаторов к патриотам; угар патриотизма; странный плод имперской вивисекции — патриотизм и др.

4. Постулат **категории отношения** («Не отклоняйся от темы») нарушается, в частности, тактикой «мягкой», комплиментарной нейтрализации политического оппонента, осуществляемой по методу «ложку дегтя в бочку меда».

• Например, такая тактика прослеживается в статье Дмитрия Быкова «Я не лирик, я аскет», посвященной 80-летию юбилею Новеллы Матвеевой (НГ. 2014. № 110). Статья содержит немало весьма почтительных слов в адрес юбиляра. Быков говорит о том, что *счастлив быть ее современником; что Матвеева остается защитницей человека труда, и у нее, в отличие от множества нынешних прихлебателей госпропаганды, это искреннее...; что ей — мастеру крепкого, точного, звучного стиха — потому так и покорялась форма, что никогда не была для нее самоцелью; что высокомерный эстетизм, самознание интеллектуалов, культурные моды — все это всегда было ей чуждо; что он вырос в учениках Новеллы Матвеевой и ее мужа, поэта и переводчика Ивана Киуру и т. д. и т. п.* Однако в этом потоке комплиментов есть две небольшие вставки. Начинается статья с высказывания о стихотворении Матвеевой «Контра», в котором поэтесса обвиняет оппозицию в предательстве, измене и вредительстве. О нем Быков бегло замечает: *Что и говорить, эти стихи вряд ли украсят биографию Новеллы Матвеевой, — каковая биография, впрочем, остается безупречной: перед нами не донос, а открытое несогласие.* И еще — в середине статьи: *И то, что сегодняшняя российская оппозиция представляется ей предательской, — хотя в рядах этой оппозиции ходят на марши те самые люди, кто знает наизусть сотни ее стихов и песен, кто рос на них и детей на них воспитывал, — это классический случай неведения: Матвеева не любит богачей и отождествляет их с защитниками либеральных свобод.* Так делается попытка двумя вежливыми упреками нейтрализовать (или хотя бы ослабить) идейный пафос стихотворения Новеллы Матвеевой.

5. Нарушение **категории вежливости** можно усмотреть в следующих тактиках.

5.1. Тактика иронии, сарказма и оскорблений, иногда пронизывающих весь текст наряду с отрицательно-оценочными характеристиками.

• Так, в небольшой статье Ирины Лукьяновой «Война насекомых» (НГ. 2008. № 41) политические оппоненты, исповедующие идеи служения, Великой России, Справедливости, Национальной Идеи (написание с прописной буквы принадлежит автору анализируемого текста. — А. С. и Э. К.), названы **космическими тараканами** (именование повторяется многократно) и охарактеризованы с участием таких слов, как **дерьмо, паразиты, членистоногие, насекомая рать**.

5.2. Наиболее резко нарушение категории вежливости проявляется в использовании тактики глумления над национальными символами, святынями, героями и даже над самим народом.

• Так, в статье Надежды Кеворковой «Вызываем огонь на себя» (НГ. 2014. № 110) читаем: **Су-**

воров, с его шутовским „Мы — русские, какой восторг!“, выскакивает из табакерки всякий раз, когда есть нужда в скрепах. В это время запроса на патриотизм не было, образованные говорили по-французски и, **приближаясь к народу, обмахивали нос надушенным платком.** Ярчайший (в буквальном смысле) **припадок патриотизма был организован во время войны 1812 года. Именно тот патриотизм московские острословы нарекли „квасным“;** <...> **Сталин, в юности проживший среди трудяг в ссылках, думал, что понял суть русского характера. Но понял он его на свой лад — на банкете в честь окончания войны поднял тост „за русский народ“, как поднимают тосты в грузинском застолье, с избыточным словословием...** Автора этого текста раздражает не столько Сталин сам по себе, сколько прознесенный им тост, в котором отмечена выдающаяся роль русского народа в победе над фашистскими захватчиками.

5.3. Тактика уничижительно-иронического преуменьшения каких-либо достоинств мишени (качества, силы, значимости, масштабности и т. д.) или/и преувеличения ее недостатков.

• Например, статья Бориса Бронштейна «Слов не хватает» с подзаголовком «ДНР рассчитывает на Россию даже в написании гимна» (НГ. 2014. № 110) от начала до конца пронизана такими высказываниями: *К исполнению гимна обычно всех просят встать, но в случае с самопровозглашенной Донецкой народной республикой пока можно посидеть; С одной стороны, правильно сделали, что обратились именно к нам. У нас государственные гимны кроются так мастерски, что они даже после нескольких перелицовок выглядят как новенькие. С другой стороны, что это за государство такое, если гимн ему напишут в другом государстве и пришлют как гуманитарную помощь?; Понятно, такой популярный в России заказчик, как ДНР, найдет здесь и композитора, и поэта. Откажутся наши творческие союзы — есть фирмы, пишущие гимны по заказу (правда, пока не государственные гимны, а корпоративные). Обычно компания сообщает им исходные данные: занимаемся, мол, лакокрасочным производством, выпускаем грунтотку, шпатлевку и эмаль. Этого достаточно. И поэт возьмется за исполнение заказа: „Мы покрасим всю страну — и в длину, и в ширину...“; Хочу покяться. В студенческой молодости сам я написал по заказу текст гимна для школы юных химиков <...>. Сказал, что писать буду несерьезно, и именно так и написал: Лишь первый луч над сонными аллеями, / А мы уже приветствуем его / Зарядкой по системе Менделеева, / Прыжками в ледяную аш два о... А вот в случае с ДНР кому-то придется писать серьезно. Хотя „аш два о“ в текст неизбежно подольют.*

Что касается собственно **языковых маркеров информационной войны**, участвующих в реализации той или иной тактики, то на первом месте по частотности стоят лексико-фразеологические средства языка. Отметим главные.

1. **Оценочные эпитеты:** *крошечные результаты, коррумпированный и мафиозный режим, состояние полной беспомощности и апатии,*

имперская политика, бессубъектная история, преднамеренное банкротство, вовремя подсушившийся, феерические новости, громкоголосые молодчики, сепаратистское движение (Донбасса), абсурдное представление, негативное общественное мнение, некачественное расследование, заплеванной пол, преступная группировка, запятнанная честь, нехитрая мысль, кривляющийся перед камерой казак, рыбодержавные идеи, живодерская идея, катастрофическое истребление, непродуманные антисанкции, варварское браконьерство и т. п.

2. Слова, обозначающие негативные явления, или слова и фразеологизмы с отрицательно-оценочной коннотацией, характеризующие ту или иную мишень (личность, партию, идеологию, процесс и т. д.): эйфория, мифы, аннексия, преступления, дискредитация, зачистка, ущерб, банкротство, абсурд, молодчики, сепаратисты (вместо ополченцы), фигурант (уголовного расследования), вылазка, подделка, отморозки, донос, империя зла, репрессии, несправедливость, фальсификация, закручивание гаек, насаждение, муть, говорящие головы, агрессия, интервенция, оккупация, тирания, эксплуатация, выпрашивание, негодяи, вакханалия, синдром, гадина, ад, предатели, ненависть, фальшивки, неосознанка, бесстыдство, бред, клептократия, клоуны, безвременье, разводка, хулиганство, людоедство, челядь и т. п.

3. Политические ярлыки, под которыми понимаются «слова и словосочетания общественно-политического содержания с односторонне-пейоративной оценкой, с ослабленным денотативным значением и гипертрофированным коннотативным» [Булгакова 2015: 172]. Добавим к этому, что, как правило, политические ярлыки в силу своей повторяемости представляют собой стереотипные языковые единицы типа красно-коричневые, национал-патриоты, фашисты, коммуяки, совок, демшиза и т. п. Не гнушается политических ярлыков и «Новая газета»: Открытие центров толерантности вызвало протесты традиционалистов и национал-патриотов (НГ. 2014. № 17); От советского патриотизма бежали в каратэ, рок-музыку, бродяжничество, походы. Что угодно, только не хитрая морда позднего совка (НГ. 2014. № 110) и т. п.

4. Синтаксические конструкции с отрицательно-оценочными предикатом (группой сказуемого): ...Это единственный язык, который понимает Путин; ...Рэнд Пол осудил аннексию Крыма...; Кремлевские силы <...> ностальгируют по СССР и хотели бы его реставрации; ...Эта политика аморальна; Общество и общественное мнение находятся в состоянии полной беспомощности и апатии; ...Политика — грязное дело...; Большинство современную имперскую политику поддерживает; Авторы, которые предлагают альтернативную историю, замалчиваются; Новый директор <...> стал фигурантом большого скандала...; Компания JFC <...> похитила у кредитных организаций более 5 млрд рублей; ...под его <Дмитрия Носова> руководством пытались сорвать траурный митинг памяти Немцова 1 марта в Красной-Ске; <борьба с наркотиками>... вылилась в

борьбу с людьми, собравшимися почтить память убитого оппозиционера; Слишком абсурдным было прокурорское представление; <прокурор> ответить не смог; Они кочуют из программы в программу; Эта доктрина опасна не только для Украины... и т. п.

5. Стилистические фигуры и тропы, под которыми понимаем прагматически мотивированные отклонения от языковой или речевой нейтральной нормы, способствующие усилению экспрессивности высказывания. В рассмотренных текстах встретились следующие примеры:

- **антитеза:** Это в США время от времени поднимаются дискуссии, можно ли применять так называемые „интенсивные допросы“. То есть пытаться можно или нет. У нас в стране таких дискуссий нет (НГ. 2015. № 35). Противоположение США и России построено таким образом и фигурирует в таком контексте, что у читателя создается впечатление, будто в России пытки — обычное дело и никто с ними не борется, в отличие от США; На фоне агрессора Путина Александр Лукашенко начинает мнить себя европейцем почти демократом (НГ. 2015. № 28);

- **антифразис:** Решение суда об экстрадиции олигарх ожидал в Вене почти год, периодически принимая посланцев с родины и сообщая обдумываемую, какую бы еще причинить ей пользу (НГ. 2015. № 46) — антифразис, построенный на основе отклонения от нормы сочетаемости слов (ср.: причинить вред / принести пользу);

- **оксюморон:** В тот же день некоторые СМИ распространили информацию о том, что „неизвестные“ хорошо известны как бойцы полка патрульной службы милиции особого назначения „Днепр-1“ (НГ. 2015. № 32);

- **гиперболизация:** И вся эта закулисная муть называется новой европейской стратегией в отношении Беларуси и рассчитана на то, чтобы обогреть Лукашенко, оторвав его от Путина, со скоростью курьерского поезда теряющего средства как на содержание собственной страны, так и на поддержку вассалов (НГ. 2015. № 28);

- **трансформация прецедентного текста или фразеологизма:** Донос крепчал (НГ. 2015. № 33; заголовок). Ср.: мороз крепчал; Чуден «Днепр-1» при тихой погоде (НГ. 2015. № 32; заголовок). Ср.: Чуден Днепр при тихой погоде...; Мир, труд, мост (НГ. 2015. № 60; заголовок). Ср.: Мир. Труд. Май;

- **намек** (косвенное, не прямое, ассоциативное выражение мысли): С начала крымско-украинской кампании прошло больше года. Но до сих пор многим политикам и аналитикам непонятно, „зачем Кремлю это было надо?“ (НГ. 2015. № 32) — намек на агрессивную политику России в отношении Украины; Так уже было. Санкции будут отменять, объясняя это политической целесообразностью. Потом вводят новые. Политзаключенных и репрессированных в Беларуси меньше не станет, но зачем-то же на свете существуют грабли? (НГ. 2015. № 28) — намек на ошибочную политику Запада в отношении Беларуси;

- **парентеза** (вставная конструкция) с оценочным лексическим наполнением: Ну, может быть,

тотальная изоляция и невыгодна. Но частичная — с ограничением вредных контактов и с санкциями, мобилизующими население (**вот они, гады, как на нас давят, а президент — молодец, не прогибается!**) <...> вполне полезна (НГ. 2015. № 32);

- **эллипсис** (стилистически значимая синтаксическая неполнота предложения, интенсифицирующая эмоционально-оценочное или образное значение всего предложения): *Гиркина на царство* (НГ. 2015. № 58; заголовок); *Друзьям — все. Врагам — закон* (НГ. 2015. № 58; заголовок);

- **метафора, выражающая оценку**: *Но теперь, имея опыт, приобретенный ценой потерь, и в дни перемирия под покровом многократно простреленных минометами и „Градами“ Минских соглашений, он пытался соединить людей с оружием в единое управляемое целое* (НГ. 2015. № 32); *22 марта в Киеве снова вспыхнул скандал, связанный со сменой сфер влияния в госкомпании „Укрнафта“* (НГ. 2015. № 32);

- **метонимия**: *С самого прихода Путина к власти и утверждения в Кремле сил, которые ностальгируют по СССР и хотели бы его реставрации, началось тихое навязывание Сталина в качестве символа всемогущества власти* (НГ. 2015. № 35); *Как отмечает прокуратура Нидерландов, расследуется и предлагаемая Москвой версия о причастности украинского истребителя к уничтожению пассажирского лайнера* (НГ. 2015. № 35);

- **игра с именами собственными**: *Иосиф Виссарионович Грозный* (НГ. 2015. № 35; заголовок); *Одновременно начались действия по дискредитации „пиндосов“ и „Гейропы“...* (НГ. 2015. № 32);

- **диалогия** (совмещение в одном слове двух значений, обусловленное стилистическим контекстом): *В опере прозвучала партия жуликов и воров* (НГ. 2015. № 35; заголовок);

- **экспрессивное иносказание**: *Последовало сворачивание „модернизационного проекта“, усиление репрессий и включение думского „взбесившегося принтера“, чтобы запугать оппозиционеров и сузить правовое пространство свободы* (НГ. 2015. № 32);

- **гипофора** (вопрос или цепочка вопросов, предполагающих ответ на них, часто развернутый): *Для начала отбросим очевидно пропагандистские версии <...>. Что остается? Недопущение Украины в НАТО и натовской базы в Севастополе? Укрепление безопасности страны? Рост влияния России в мире? Сплочение „русского мира“? Консолидация в рамках „Евразийского проекта“?* (НГ. 2015. № 32);

- **силлепсис оценочного типа** (постановка в ряд перечисляемых слов-понятий, обозначающих отрицательные явления, слова-понятия, называющего дискредитируемую мишень): *Разговор с психологами о ненависти, агрессии, русском менталитете, параличе сознания, потере социальной чувствительности и неуверенности в себе* (НГ. 2014. № 10).

6. **Графическое средство** — кавычки как маркер иронии и/или сомнения в истинности того, что обозначено словом или словосочетанием,

заключенным в них: *Авторы напоминают, что Москва не делает секрета из участия российских „добровольцев“ в боях на стороне сепаратистов в Украине, но отрицает вовлеченность российских вооруженных сил, хотя множатся свидетельства обратного* (НГ. 2015. № 35); *Погромы выставок, уничтожение картин стали обычным делом для „православных активистов“* (НГ. 2015. № 33).

Выводы

1. Рассмотренные тексты содержат многочисленные признаки информационно-психологической войны, объектом которой является сознание российского народа, а в качестве мишеней выступают такие аспекты государства и народного бытия, которые обеспечивают жизнеспособность страны.

2. Во всех исследованных текстах, по сути дела, осуществляются две генеральные стратегии информационно-психологической войны: стратегия дискредитации и стратегия апологетики. При чем стратегия дискредитации с ее субстратегиями осуществляется в большом спектре речевых тактик, отличающихся разной степенью сложности, узнаваемости, а следовательно, действенности. Выявление и описание этих тактик должно быть продолжено.

3. Для реализации стратегии дискредитации и ее субстратегий авторы «Новой газеты» используют целый комплекс тактик (представленный здесь далеко не полно), отличающихся разной степенью сложности, частотности и узнаваемости, а следовательно, и действенности.

4. Кроме стилистически нейтральной лексики, составляющей основу формирования любых текстов, в текстах информационно-психологической войны для формирования соответствующих коммуникативных тактик, оценочной тональности и усиления экспрессии используются в основном следующие средства: оценочные эпитеты; номинации предметов (в широком смысле) и фактов, наделенные отрицательно-оценочной коннотацией; слова, обозначающие отрицательные явления; политические ярлыки; синтаксические конструкции с отрицательно-оценочными предикатами; стилистические фигуры и тропы; такое графическое средство, как кавычки.

5. Все рассмотренные тактики, будучи средством манипуляции сознанием, нарушают речевую этику, и прежде всего лингвопрагматические постулаты, имеющие этический характер.

6. Поскольку изучение языкового аспекта информационно-психологической войны, связанное с проблемой информационной безопасности страны, в данной статье только фрагментарно намечено, есть острая необходимость в продолжении такого рода исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Д. Разруха в головах. Информационная война против России. — СПб. : Питер, 2014.
2. Булакова Н. Е. Словесные ярлыки периода Октябрьской революции и Гражданской войны (1917—1925 гг.) // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1. С. 171—181. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/332-2/>.
3. Брусницын Н. А. Информационная война и безопасность. — М. : Вита-Пресс, 2001.
4. Бухарин С. Н., Цыганов В. В. Методы и технологии информационных войн. — М. : Академический проект, 2007.

5. Василенко И. А. Политическая философия : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ИНФРА-М, 2009.
6. Вепринцев В. Б., Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Операции информационно-психологической войны : краткий энцикл. словарь-справочник / под ред. А. И. Петренко. 2-е изд., стер. — М. : Горячая линия : Телеком, 2015.
7. Губарев А. Б. Информационные войны как объект политологического исследования : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. — Уссурийск, 2005.
8. Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Российские СМИ: как создается образ врага : статьи разных лет. — М. : Московское бюро по правам человека : Academia, 2007.
9. Иванов Л. Ю. Постулаты речевого общения // Культура русской речи : энцикл. словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. — М. : Флинта : Наука, 2003. С. 495—497.
10. Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции. Изд. 3-е. — М. : Академический проект, 2015а.
11. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. Век XXI. — М. : Алгоритм, 2015б.
12. Ковалёва Т. С. Стратегия манипуляции в информационной войне // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 78—86.
13. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. 3-е изд. — М. : Флинта : Наука, 2010.
14. Копнина Г. А. Речевое манипулирование // Эффективное речевое общение: базовые компетенции : словарь-справочник. — Красноярск : Изд-во Сибир. фед. ун-та, 2012. С. 534—535.
15. Коровин В. М. Третья мировая сетевая война. — СПб. : Питер, 2014.
16. Коровин В. М. Удар по России. Геополитика и предчувствие войны. — СПб. : Питер, 2014.
17. Клачков П. В. Гуманитарные технологии как факторы обеспечения целостности современного государства : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. — Красноярск, 2013.
18. Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты / пер. с англ. С. И. Остнек. — Харьков : Гуманитарный центр, 2010.
19. Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Война после войны: информационная оккупация продолжается. — М. : Алгоритм : Эксмо, 2005.
20. Манойло А. В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта. URL: http://www.soldiering.ru/psychology/psypops_01.php (дата обращения: 30.07.2015).
21. Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологических конфликтов высокой интенсивности и социальной опасности. — М. : МИФИ, 2004.
22. Некляев С. Э. Информационно-психологическая война в условиях сетевой войны как новая форма угрозы национальной безопасности // Вестн. Моск. ун-та. Сер.10, Журналистика. 2008. № 5. С. 35—51.
23. Панарин И. Н. Первая мировая информационная война. Развал СССР. — СПб. : Питер, 2010.
24. Панарин И. Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. — М. : Поколение, 2012.
25. Подъяпольский С. А. Обеспечение целостности полиэтнического государства : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. — Красноярск, 2014.
26. Почепцов Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. — М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 1999.
27. Почепцов Г. Г. Психологические войны. — М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2000.
28. Почепцов Г. Г. Информационные войны и будущее. — Киев : Ваклер, 2002.
29. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Новый инструментарий политики. — М. : Алгоритм, 2015.
30. Расторгуев С. П. Информационная война. — М. : Радио и связь, 1999.
31. Самохвалова В. И. Специфика современной информационной войны // Идеология и процессы социальной модернизации : сб. статей / под общ. ред. Т. Б. Любимовой. — М. : Academia, 2013. С. 184—219.
32. Сковородников А. П. Коммуникативные стратегии и тактики // Эффективное речевое общение: базовые компетенции : словарь-справочник. — Красноярск : Изд-во Сибир. фед. ун-та, 2012. С. 246—247.
33. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе // Политическая лингвистика. 2012а. № 3(41). С. 36—42.
34. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Тексты СМИ как поле речевых манипуляций и их разоблачений (на материале российской прессы) // Лингвистика речи. Медиалингвистика : коллективная моногр., посвящ. 80-летию проф. Г. Я. Солганика. — М. : Флинта : Наука, 2012б. С. 467—491.
35. Соколова А. М. Информационные войны в условиях глобализации: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. — Красноярск, 2007.
36. Ткаченко С. В. Информационная война против России. — СПб. : Питер, 2011.
37. Цуладзе А. М. Политические манипуляции, или Поколение толпы. — М. : Книжный дом «Университет», 1999.
38. Цыганов В. В., Бухарин С. Н. Информационные войны в бизнесе и политике: теория и методология. — М. : Академический проект, 2007.
39. Шевцов А. М. Техника ведения дискуссии как один из инструментов ведения информационно-психологической войны // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 1. С. 81—83.

A. P. Skovorodnikov, E. A. Korol'kova
Krasnoyarsk, Russia

SPEECH TACTICS AND LANGUAGE MEANS OF POLITICAL INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WARFARE IN RUSSIA: ETHICAL-PRAGMATIC ASPECT (based on the materials of the «Novaya Gazeta»)

ABSTRACT. *The article is devoted to the study of the internal Russian information warfare through generalization of scientific literatures and observation of real speech material. The author defines the notions of information-psychological warfare, its subject, object, target, actor, information warfare arms, communicative strategy and communicative tactics. In view of these concepts, the article focuses on speech tactics and their linguistic realization in the framework of the internal Russian information-psychological warfare. More than 30 manipulative tactics that violate certain linguo-pragmatic ethical postulates have been found and characterized. The linguistic means of realization of these tactics include evaluative epithets, nominations with negative connotation and evaluation, political labels, syntactic structures with negative-evaluative predicates, a number of stylistic figures and such a graphical tool as inverted commas. It is concluded that the study of linguistic aspects of information warfare is urgent and important for the security of the Russian society and the state.*

KEYWORDS: *information warfare, manipulation, lingvopragmatic postulates, strategies, tactics, linguistic means, security.*

ABOUT THE AUTHOR: *Skovorodnikov Aleksandr Petrovich, Doctor of Philology, Full Professor, Professor-consultant of Department of Russian Language, Literatures and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Korol'kova Elina Aleksandrovna, Post-graduate Student of Department of Russian Language, Literatures and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

REFERENCES

1. Belyaev D. Razrukha v golovakh. Informatsionnaya voyna protiv Rossii. — SPb. : Pi-ter, 2014.
2. Bulgakova N. E. Slovesnye yarlyki perioda Oktyabr'skoy revolyutsii i Grazhdan-skoy voyny (1917—1925 gg.) // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2015. № 1. S. 171—181. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/332-2/>.
3. Brunsitsyn N. A. Informatsionnaya voyna i bezopasnost'. — M. : Vita-Press, 2001.
4. Bukharin S. N., Tsyganov V. V. Metody i tekhnologii informatsionnykh voyn. — M. : Akademicheskii proekt, 2007.
5. Vasilenko I. A. Politicheskaya filosofiya : ucheb. posobie. 2-e izd., pererab. i dop. — M. : INFRA-M, 2009.
6. Vepriyev V. B., Manoylo A. V., Petrenko A. I., Frolov D. B. Operatsii informa-tionno-psikhologicheskoy voyny : kratkiy entsikl. slovar'-spravochnik / pod red. A. I. Petrenko. 2-e izd., ster. — M. : Goryachaya liniya : Telekom, 2015.
7. Gubarev A. B. Informatsionnye voyny kak ob"ekt politologicheskogo issledova-niya : dis. ... kand. polit. nauk : 23.00.02. — Ussuriysk, 2005.
8. Dzyaloshinskiy I. M., Dzyaloshinskaya M. I. Rossiyskie SMI: kak sozdaetsya obraz vruga : stat'i raznykh let. — M. : Moskovskoe byuro po pravam cheloveka : Academia, 2007.
9. Ivanov L. Yu. Postulaty rechevogo obscheniya // Kul'tura russkoy rechi : entsikl. slo-var'-spravochnik / pod red. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryaeva. — M. : Flinta : Nauka, 2003. S. 495—497.
10. Kara-Murza S. G. Vlast' manipulyatsii. Izd. 3-e. — M. : Akademicheskii proekt, 2015a.
11. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem. Vek XXI. — M. : Algoritm, 2015b.
12. Kovaleva T. S. Strategiya manipulyatsii v informatsionnoy voyne // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 3 (37). S. 78—86.
13. Kopnina G. A. Rechevoe manipulirovanie. 3-e izd. — M. : Flinta : Nauka, 2010.
14. Kopnina G. A. Rechevoe manipulirovanie // Effektivnoe rechevoe obschenie: bazovye kompetentsii : slovar'-spravochnik. — Krasnoyarsk : Izd-vo Sibir. fed. un-ta, 2012. S. 534—535.
15. Korovin V. M. Tret'ya mirovaya setevaya voyna. — SPb. : Piter, 2014.
16. Korovin V. M. Udar po Rossii. Geopolitika i predchuvstvie voyny. — SPb. : Pi-ter, 2014.
17. Klachkov P. V. Gumanitarnye tekhnologii kak faktory obespecheniya tselostnosti sovremennoy gosudarstva : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.11. — Krasno-yarsk, 2013.
18. Lilleker D. Politicheskaya kommunikatsiya. Klyucheveye kontsepty / per. s angl. S. I. Ostnek. — Khar'kov : Gumanitarnyy tsentr, 2010.
19. Lisichkin V. A., Shelepin L. A. Voyna posle voyny: informatsionnaya okkupatsiya prodolzhaetsya. — M. : Algoritm : Eksmo, 2005.
20. Manoylo A. V. Informatsionno-psikhologicheskaya voyna: faktory, opredelyayushchie format sovremennoy vooruzhennogo konflikta. URL: http://www.soldiering.ru/psychology/psypops_01.php (data obrashcheniya: 30.07.2015).
21. Manoylo A. V., Petrenko A. I., Frolov D. B. Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v usloviyakh informatsionno-psikhologicheskikh konfliktov vysokoy intensivnosti i sotsial'noy opasnosti. — M. : MIFI, 2004.
22. Neklyayev S. E. Informatsionno-psikhologicheskaya voyna v usloviyakh setevoy voyny kak novaya forma ugrozy natsional'noy bezopasnosti // Vestn. Mosk. un-ta. Ser.10, Zhurnalistika. 2008. № 5. S. 35—51.
23. Panarin I. N. Pervaya mirovaya informatsionnaya voyna. Razval SSSR. — SPb. : Piter, 2010.
24. Panarin I. N. SMI, propaganda i informatsionnye voyny. — M. : Pokolenie, 2012.
25. Pod'yapol'skiy S. A. Obespechenie tselostnosti politnicheskogo gosudarstva : dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.11. — Krasnoyarsk, 2014.
26. Pocheptsov G. G. Kommunikativnye tekhnologii dvadtsatogo veka. — M. : Refl-buk ; Kiev : Vakler, 1999.
27. Pocheptsov G. G. Psikhologicheskie voyny. — M. : Refl-buk ; Kiev : Vakler, 2000.
28. Pocheptsov G. G. Informatsionnye voyny i budushchee. — Kiev : Vakler, 2002.
29. Pocheptsov G. G. Informatsionnye voyny. Novyy instrumentariy politiki. — M. : Algoritm, 2015.
30. Rastorguev S. P. Informatsionnaya voyna. — M. : Radio i svyaz', 1999.
31. Samokhvalova V. I. Spetsifika sovremennoy informatsionnoy voyny // Ideologiya i protsessy sotsial'noy modernizatsii : sb. statey / pod obshch. red. T. B. Lyubimovoy. — M. : Academia, 2013. S. 184—219.
32. Skovorodnikov A. P. Kommunikativnye strategii i taktiki // Effektivnoe reche-voe obschenie: bazovye kompetentsii : slovar'-spravochnik. — Krasnoyarsk : Izd-vo Sibir. fed. un-ta, 2012. S. 246—247.
33. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Sposoby manipulyativnoy rechevogo vozdeystviya v rossiyskoy presse // Politicheskaya lingvistika. 2012a. № 3(41). S. 36—42.
34. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Teksty SMI kak pole rechevykh manipulyatsiy i ikh razoblacheniy (na materiale rossiyskoy pressy) // Lingvistika rechi. Mediastilistika : kollektivnaya monogr., posvyashch. 80-letiyu prof. G. Ya. Solganika. — M. : Flinta : Nauka, 2012b. S. 467—491.
35. Sokolova A. M. Informatsionnye voyny v usloviyakh globalizatsii: sotsial'no-filosofskiy analiz : dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.11. — Krasnoyarsk, 2007.
36. Tkachenko S. V. Informatsionnaya voyna protiv Rossii. — SPb. : Piter, 2011.
37. Tsuladze A. M. Politicheskies manipulyatsii, ili Pokorenie tolpy. — M. : Knizhnyy dom «Universitet», 1999.
38. Tsyganov V. V., Bukharin S. N. Informatsionnye voyny v biznese i politike: teo-riya i metodologiya. — M. : Akademicheskii proekt, 2007.
39. Shevtsov A. M. Tekhnika vedeniya diskussii kak odin iz instrumentov vedeniya informatsionno-psikhologicheskoy voyny // Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya. 2014. № 1. S. 81—83.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева.

Н. М. Удальцова
Москва, Россия

СПОРТИВНАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. Современный мир развивается достаточно быстро, и его состояние несомненно влияет на язык. Средства массовой информации используют разные языковые средства для того, чтобы сообщить информацию читателям или слушателям и в то же самое время привлечь их внимание и сформировать их мнение о происходящем. Одним из таких средств является концептуальная метафора, которая позволяет выстроить определенное представление мира у читателя. Статья посвящена анализу спортивной концептуальной метафоры в современном англоязычном медиадискурсе. Спортивная метафора используется не только в области спорта, но и в области политики. Обе сферы связаны описанием динамичных событий, для которых характерны свойства соперничества и достижения положительных результатов. Благодаря универсальности концептуальную спортивную метафору можно рассматривать как механизм мышления, позволяющий создавать образы в сознании человека, и как инструмент передачи оценки, способный продуцировать средства выразительности. Основное внимание уделяется формированию стилистического приема метафоры в тексте при указании на разные виды спорта с помощью одного или группы метафорических концептов. Исследование представленных медиатекстов показало, что метафорические концепты могут указывать на индивидуальные и командные виды спорта, реализуясь при этом не только с помощью метафор, но и других стилистических приемов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концептуальная спортивная метафора; метафорический концепт; стилистический прием; медиадискурс; медиатекст.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Удальцова Наталья Михайловна, преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук, Институт международных отношений и социально-политических наук, соискатель кандидатской степени, Московский государственный лингвистический университет; адрес: 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38; e-mail: arwen29@yandex.ru.

На протяжении многих лет метафора выступает в качестве центрального объекта осмысления в различных научных направлениях. Сегодня изучение метафоры не менее актуально, потому что она является инструментом формирования картины мира и средством, участвующим в построении текста и в выражении оценки происходящего.

В связи с широким распространением метафоре уделялось достаточное внимание как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике. Например, А. Ченки считает, что метафора соединяет незнакомое с более знакомым, благодаря чему область-источник становится более конкретной и понятной. Метафора более детально и легко передается от одного человека к другому [Ченки 2002: 352—354].

Рассматривая метафору с позиции механизма мышления, нельзя обойти вниманием и концептуальную теорию метафоры, предложенную Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. В их понимании метафора — это понимание и ощущение одного явления в терминах другого. Основываясь на опыте человека, метафора систематизирует информацию, представляет целостную картину видимого реального мира и используется для репрезентации и осмысления объемных и многоаспектных абстрактных явлений [Лакофф, Джонсон 2004: 123].

З. Ковечес также указывал на способность метафоры выстраивать картину мира. Данный процесс происходит в сознании человека благодаря механизму закрепления в концептуальной системе опыта познания окружающего мира в виде специальных схем [Kovecses 2005: 19].

М. Блэк при изучении метафоры уделял внимание зависимости языка и мышления. В основу он положил «постулат о сходстве двух значений слов», зигждущийся на том, что вместо слова с обычным значением используется другое слово, сходное по значению. Но важно отметить тот факт, что метафора именно создает, а не выражает сходство. Для этого производится отбор и

реорганизация значения данного объекта. При анализе метафоры выделяется два субъекта — главный и вспомогательный. Большое значение имеют в данном случае ассоциативные связи, поскольку метафорический перенос происходит на основе актуализации системы ассоциаций. Ассоциациями является знание стандартного слова, значения слова, способность употребить его в буквальном значении и набор стандартных представлений, который разделяется членами языковой общности [Блэк 1990: 164].

Наличие механизма сходства в основании метафоры также замечает И. А. Солодилова. Она характеризует сходство как доминантное отношение между концептами, которое является результатом когнитивного процесса переработки имеющихся у человека знаний. При этом метафора отражает механизм не буквального сходства, а способности человеческого сознания видеть и понимать одно явление через другое [Солодилова 2013: 120].

Н. Д. Арутюнова утверждает, что метафора призвана создавать новые значения. Механизм метафоры представлен сдвигом сочетаемости признаков слов и, как результат, созданием полисемии. Функционально метафора выделяет признак и именуется его [Арутюнова 1978: 335].

А. Н. Баранов описывает концептуальные метафоры как устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества. Концептуальные метафоры в дискурсе реализуются с помощью различных метафорических моделей, которые создаются с помощью репрезентантов тематически связанных полей. На этом основании возможно выделить модели *ВОЙНЫ*, *ТЕАТРА*, *МЕХАНИЗМА*, *ОРГАНИЗМА* и др. [Баранов].

А. П. Чудинов рассматривает метафорические модели как существующие в сознании носителей языка взаимосвязи между понятийными сферами, при которых система фреймов (слотов,

концептов) одной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы (сферы-мишени). При таком моделировании обычно сохраняется и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата в процессе коммуникативной деятельности [Чудинов 2002].

Исследования также показали, что одни и те же метафорические концепты по-разному преломляются в разных языках (в частности, в русском и английском), формируя оценочный фонд медиадискурса [Будаев, Чудинов 2006: 47—66]. В связи с этим значительный интерес метафора представляет для таких научных сфер, как стилистика и когнитивистика, потому что, с одной стороны, является средством языка, а с другой — средством мышления. По мнению Н. М. Джусупова, большое внимание в современной стилистике должно уделяться изучению стилистических приемов и стилистически маркированных средств в тесной связи с когнитивными процессами и когнитивными структурами, исследованию когнитивных механизмов выбора языковых средств в процессе порождения речевых сообщений с учетом их функционально-стилевой дифференциации [Джусупов 2011: 69].

Исследования концептуальной метафоры показали, что концептуальная метафора характерна для разных видов дискурса. В работе Е. О. Шибановой отмечается, что концептуальные метафоры обладают способностью создавать определенные концепты в разных сферах деятельности человека. Например, в научном стиле, который характеризуется нейтральностью и терминологической насыщенностью, концептуальная метафора способствует выражению мысли и передаче нового смысла, упрощая его понимание [Шибанова 1999: 12].

В диссертационном исследовании И. А. Кемаевой концептуальная метафора рассматривается в сфере поэзии. Автор приходит к выводу о том, что метафора может проявлять себя как средство языковой и концептуальной картины мира, а также как механизм создания образа в стихотворном произведении [Кемаева 2003: 28].

Необходимо отметить, что, реализуясь в тексте, концептуальная метафора проявляет свойство универсальности, благодаря которому она способна формировать разные стилистические приемы. Также внимания заслуживает и точка зрения Е. Г. Беляевской, которая характеризует концептуальную метафору как «порождающую модель», которая выводится из конечного числа типовых реализаций «фигур речи». Концептуальные метафоры как порождающие модели стилистических приемов участвуют в построении контекста и раскрывают себя в нем. Известно, что стилистические приемы не могут существовать отдельно от дискурса, потому что дискурс обуславливает выбор того или иного приема. Данные порождающие модели возникают в результате сопряжения ментальных пространств дискурса. Сами по себе эти «порождающие модели» представляют собой многоуровневые структуры, которые строятся по определенным принципам, имеют смысловое

содержание и зависят от выбора образного основания контекста [Беляевская 2013: 43].

Концептуальная метафора может продуцировать стилистическую метафору благодаря актуализации как конвенциональной, так и неконвенциональной частей области-источника. Данный механизм способствует появлению в текстах стертых и живых, авторских метафор. Согласно взглядам Н. А. Чес, активизация одной из частей структуры концепта, а именно области-источника, выступает основой для появления живых метафор [Чес 2000: 116]. Находясь в контексте, концептуальная метафора может также продуцировать стилистический прием метонимии, эпитета, антитезы, образного сравнения и др.

Таким образом, концептуальная метафора представляется многоплановым явлением, которое может служить предметом рассмотрения различных научных областей. Лингвистические исследования доказали, что концептуальная метафора является языковым, когнитивным и стилистическим механизмом, который самостоятельно может формировать языковую и концептуальную картины мира. Целью данной статьи является изучение потенциала спортивной концептуальной метафоры при формировании разного рода стилистических приемов, прежде всего стилистического приема метафоры в современном англоязычном медиадискурсе.

Материалом для данной статьи послужили 150 контекстов, взятых из новостных статей электронных газетных изданий (с сентября 1996 г. по май 2015 г.): «The Independent», «Newsweek», «The New York Observer», «Politico Magazine», «The State», «the Denver Post». Контексты из британских и американских газет были проанализированы совместно.

Благодаря широкому использованию средств массовой информации медиадискурс получает все большее распространение в современном мире, и в связи с этим позволяет сформировать определенный взгляд на происходящее в мире посредством передачи информации, создания образов и смыслов, установить «личностный контакт, несмотря на физическую разобщенность общающихся, дистантность и конкретно неопределенную массовость как получателей, так и отправителей информации, и обусловить избирательность и непрерывное обновление используемых в массово-коммуникативных текстах наиболее „контактных“ средств выражения» [Сескутова 2009: 73].

Медиатексты содержат имплицитную информацию, необходимую для интерпретации смысла читателями; для передачи этой информации и обеспечения ее воздействия на читателей авторы прибегают к использованию метафорической концептуализации, которая широко используется при освещении политических событий.

Сфера политики в англоязычной картине мира представляет собой некую игровую площадку со своими правилами и участниками. Авторы представляют события, происходящие на этой арене, с помощью различных метафорических моделей, которые добавляют сообщению экспрессивности и в то же время имплицитно передают отношение автора к обсуждаемой им теме.

Одной из наиболее известных метафорических моделей в современном англоязычном медиадискурсе является модель **ВЫБОРЫ — ЭТО СКАЧКИ**. Согласно ей, процесс выборов подобен забегу на скачках, где кандидаты на выборные государственные должности или кандидаты, участвующие в парламентских выборах, уподобляются лошадям, а избиратели — зрителям, которые делают ставку на понравившуюся им лошадь, способную одержать победу. Данная концептуально-метафорическая модель может реализовываться в тексте посредством различных репрезентантов, например: *to run neck and neck* (**идти ноздря в ноздю**), *to run for president* (**участвовать в президентской гонке**) (fig. от 'to compete or take part in a riding or running race for a prize, trophy, etc' [Oxford English Dictionary] — участвовать в автомобильном заезде или бегах за приз, награду), *to be length ahead* (**опережать**) (учитывая значение слова *length* — 'the size of a horse or boat from one end to the other, when it is used to measure the distance between two horses or boats taking part in a race' — длина корпуса [Oxford Advanced Learner's Dictionary]), *presidential derby* (**президентское дерби**), *to run presidential campaign* (**участвовать в выборах на пост президента**) (ср. значения 'to run' — 'to control or organize a campaign, a business or event' [Macmillan English Dictionary] и 'to force a horse to run, especially when riding it' [Oxford English Dictionary]). Они позволяют представить президентскую кампанию в качестве лошади, участвующей в конном забеге), *dark horse candidate* (**«темная лошадка», малоизвестный кандидат**). Употребление данных словосочетаний в тексте будет указывать на количество участников, характер действий и сам процесс политического соревнования.

В современном англоязычном медиадискурсе этот метафорический концепт (МК) развивается, формируя новые родственные метафорические концепты. Примером может служить МК **ВЫБОРЫ — ГОНКА** в следующем контексте:

(1) Sooner or later, though, they're going to notice *the fly in the soup*: *two years of lost seats and diminished power* — and Barack Obama's presidency *running on fumes*. There's sure to be finger-pointing as some Democrats blame Obama's *plummeting* approval ratings. And even if they *win some high-profile governor's races*, a feature that was supposed to be a highlight of this election, it's looking more likely that they'll lose others and it will end up a wash (Politico Magazine, November 2, 2014).

Рано или поздно они все-таки заметят то, что старались не замечать: два года потерь на выборах и ослабленное влияние, и президентство Барака Обамы уже еле держится. Определенно начнут тыкать пальцем, так как некоторые демократы обвиняют в этом резко снижающийся уровень поддержки Обамы. И даже если они выиграют важные губернаторские выборы (буквально: губернаторские гонки), *момент, который должен был стать ключевым в ходе выборов, то, скорее всего, они проиграют другие выборы, и это окажется полным поражением.*

Указанный метафорический концепт реализуется с помощью репрезентанта *governor's race*.

При этом экспрессивность обычной формы усиливается за счет прилагательного *high-profile* ('attracting much attention' [Macmillan English Dictionary] — важный, привлекающий внимание). Автор прогнозирует проигрыш Демократической партии с помощью словосочетания *diminished power*, а также фразеологизма *to run on fumes* ('with little of the original strength or energy remaining' [Merriam — Webster: Dictionary and Thesaurus] — еле держаться), которые показывают, что «ослабленные» демократы из последних сил борются за свое большинство. Таким образом, исходный метафорический концепт **ВЫБОРЫ — СКАЧКИ** преобразуется в метафорический концепт **ВЫБОРЫ — ГОНКА**. Эффект резкого снижения влияния партии дополняется глаголом *to plummet* ('to fall suddenly and quickly from a high level or position' [Macmillan English Dictionary] — резко снижаться). В данном контексте также использована идиома *a fly in the soup* (со значением 'a drawback that is not at first apparent, great difficulty' [Language Log] — букв. «бrevно в глазу»), которая раскрывает наличие скрытой проблемы или «неисправности» в политике демократов, что повлечет за собой падение популярности партии и уменьшение числа голосов. Это можно сравнить с движущимся объектом, когда его скорость резко снижается из-за двигательных недостатков, и в итоге объект не может двигаться быстрее и начинает сдавать свои позиции.

Еще одним примером реализации модификации МК **ВЫБОРЫ — ГОНКА** может послужить следующий контекст:

(2) This scenario, of course, assumes she won't spend her campaign cleaning up after the kinds of verbal stumbles she's made *on the road* this year. But if she *hits her stride*, they believe she'll mobilize the key voting groups that will help Democrats *in races* around the country (Politico Magazine, November 2, 2014).

Этот сценарий, конечно же, предполагает, что она не будет тратить свою кампанию на то, чтобы исправлять ошибки, сделанные в ее политике (буквально: на дороге) *в этом году*. Но если она **проявит свою решительность** (буквально: *сделает уверенный шаг*), *они считают, она сможет собрать основную избирательную группу, которая поможет демократам в гонке по всей стране.*

В этом контексте рассматриваемый метафорический концепт реализуется с помощью существительных *road*, *races*. Несмотря на нестабильность положения Демократической партии, автор не оставляет надежды на то, что положение изменится благодаря Хиллари Клинтон, которая представляется не только ведущим игроком, но и уверенным и умным политиком, способным занять лидирующую позицию в президентской гонке в 2016 г. Данный смысл раскрывается с помощью фразеологического сочетания *to hit one's stride* ('to become familiar with and confident at something you have recently started doing' [Macmillan English Dictionary] — проявить решительность), которое включает в себя существительное *stride* ('a long confident step' [Macmillan English Dictionary] — уверенный шаг), создающее образ быстрого и уверенного движения, позволяющего опередить своих соперников в гонке.

Метафорический концепт *ВЫБОРЫ* — *СКАЧКИ* часто поддерживается МК *ВЫБОРЫ* — *АЗАРТНАЯ ИГРА*, потому что исход скакового состязания осуществляется посредством ставок. Это можно продемонстрировать следующими контекстами:

(3) In reality, *the Democrats' best bets* are in Pennsylvania, where Tom Wolf is virtually certain to defeat Gov. Tom Corbett, and Maine, where Michael Michaud has a good shot at unseating Gov. Paul LePage. After that, they could *win toss-up races* in Florida and Kansas, but they could also easily lose Democratic Govs. Dannel Malloy of Connecticut and Pat Quinn of Illinois, who are *in too-close-to-call races* of their own (Politico Magazine, November 3, 2014).

В реальности самые лучшие варианты (буквально: ставки) демократов в Пенсильвании, где Том Вулф практически без сомнений победит губернатора Тома Корбетта, и в штате Мэн, где Майкл Мишо имеет хорошие возможности сместить Пола Ле-Пажа. После этого они могли бы выиграть жеребьевку (буквально: гонку с неопределенным исходом) во Флориде и Канзасе, и также легко проиграть губернаторам от Демократической партии Дэннеллу Малою из Коннектикута и Пэту Квину из Иллиноиса, исход выборов которых также известен (буквально: которые сами участвуют в гонке с непредсказуемым результатом).

(4) Some are more likely than others to jump in. Walker is almost certain to announce next summer after his state's legislative session wraps up. Kasich, who briefly sought the presidential nomination in 2000, would love the job but appears less eager to endure the rigors of another national campaign. Pence has flirted with a White House bid in the past and is said to be waiting to see how the GOP field takes shape before he decides. Snyder appears the least likely to get in. Any of the four could also be in *the mix of the vice presidential sweepstakes* (Politico Magazine, November 23, 2014).

Участие некоторых скорее вероятно, чем других. Уолкер несомненно объявит о своем участии следующим летом после того, как закончится его деятельность как законодателя. Кэсик, который недолго баллотировался в президенты в 2000 году, хотелось бы баллотироваться, но, как кажется, он вряд ли справится с трудностями проведения общенациональной избирательной кампании. Пэнс думал о том, чтобы выставить свою кандидатуру на пост главы Белого дома в прошлом, и, говорят, находится в ожидании того, какова будет расстановка сил Республиканской партии до того, как он решится на свой шаг. Снайдер кажется наименее возможным участником этой гонки. Все четверо также могли бы участвовать в серии выборов на пост вице-президента (буквально: в вице-президентской лотерее).

В примере (3) мы видим, как выражается разный характер выборной гонки с помощью прилагательных *toss-up* ('a situation in which either of two choices, results, etc. is equally possible' [Oxford Advanced Learner's Dictionary] — равный), *too-close-to-call* ('of the outcome of a competition, election, match, etc; unable to be predicted' [Macmillan

English Dictionary] — непредсказуемый, неясный). Словосочетание *the democrats' bets* тесно связано с выделенными метафорами, таким образом доказывая, что выборы представляются не просто как гонка, а как игра со ставками. Шансы у обеих сторон могут сравняться, но предсказать исход достаточно трудно. В последующем контексте (4) метафорический концепт *ВЫБОРЫ* — *АЗАРТНАЯ ИГРА* реализуется с помощью метафоры *the mix of vice presidential sweepstakes*, в которой важную роль играет существительное *sweepstakes* ('a form of gambling in which a group of people each pay for the name of someone who takes part in a race, competition etc. The person who has the name of the winner of the race, competition etc gets all the money' [Macmillan English Dictionary] — лотерея, тотализатор). Как видно из этого примера, в соперничестве на выборах может участвовать несколько человек, но вероятность победы каждого будет измеряться количеством голосов, полученных в каждом штате, которое можно сравнить со ставками.

Как видно из приведенных выше примеров, метафорический концепт — это только «основа» для конструирования контекста, причем основа достаточно гибкая и позволяющая выводить на первый план самые разные аспекты исходной метафорической картины: неполадки в движущемся объекте (1), уверенность и скорость движения (2) или непредсказуемость результата (3).

Как известно, использование «спортивных» метафорических концептов в медиадискурсе предполагает указание на разные виды спорта. Среди наиболее распространенных разновидностей спорта для медиадискурса можно назвать футбол, бадминтон, бокс, бейсбол. Рассмотрим следующий пример.

(5) Silverman accused Ritter of mishandling the grand jury that investigated alleged wrongdoing at DIA, an accusation that Ritter strongly has denied. The dispute stirred up two issues that ought to worry Judge Markson, as well as voters. The first is that the way the candidates have traded charges and countercharges — but offered little substantiated information — has been unseemly. A grand jury shouldn't be used as a *shuttlecock* in a *political badminton game*. The situation may not have fallen to the level of professional indiscretion, yet at times Ritter and Silverman have come close to breaching the grand jury's secrecy rules. Certainly, Ritter's office can not investigate if anyone violated the grand jury's confidentiality without appearing to be motivated by political revenge (The Denver Post, September 11, 1996).

Сильверман обвинил Риттера в обмане Большого жюри, которое расследовало предполагаемый проступок в Разведывательном управлении Министерства обороны, в то время как Риттер рьяно отрицал это обвинение. Спор был вызван двумя проблемами, которые должны были обеспокоить судью Марксона, так же как и избирателей. Во-первых, уже то, как кандидаты обменивались обвинениями и контробвинениями, не давая надежной информации, выглядело неподобающим. Не следовало манипулировать Большим жюри в политических целях (буквально: не следовало использовать жюри как воланчик в их политической игре в бадминтон).

Возможно, вся ситуация и не опустилась бы до уровня полного раскрытия секретной информации, и все же Сильверман и Риттер были близки к нарушению правил Большого жюри относительно секретности. Естественно, Риттер и его подчиненные не могут расследовать вопрос о том, не нарушил ли кто-либо в Большом жюри конфиденциальность из-за желания отомстить своим политическим противникам.

В данном контексте указание на игру в бадминтон является основанием для формирования стилистического приема метафоры: *a shuttlecock in a political badminton game*. Значение слова *shuttlecock* ('the object that players hit backwards and forwards in the game of badminton' [Oxford Learner's Dictionary] — волан) позволяет представить членов Большого жюри, которыми манипулируют участники разбирательства, в виде волана, перебрасываемого с одной половины игрового поля на другую.

Следует также рассмотреть концептуально-метафорические модели, основанные на играх с мячом, например, на игре в футбол:

(6) However, Labour's poster was criticised by a spokeswoman for the British Medical Association (BMA), who said that the party was politicising the NHS. "What the NHS really needs is for politicians to stop using it as a *political football*. The BMA is calling for an end to *political game playing with the NHS*, and for politicians of all parties to focus on providing a long-term solution to the crisis facing our health service" (The Independent, March 23, 2015).

Тем не менее плакат Лейбористской партии подвергся критике со стороны официального представителя Британской медицинской ассоциации (БМА), которая сказала, что партия политизировала Систему национального здравоохранения (СНЗ). „Что действительно необходимо для СНЗ, так это прекращение ее использования политиками (буквально: в качестве политического футбольного мяча). БМА призывает прекратить политические игры с СНЗ и настаивает на том, чтобы политики всех партий сконцентрировались на предложении долгосрочного решения кризиса, грозящего нашей системе здравоохранения“.

Из данного примера следует, что вопрос о системе здравоохранения в Британии порождает множество споров относительно ее структуры и обеспеченности граждан медицинскими услугами. При этом данная тема рассматривается политиками не только на социальном уровне, но и на политическом. Такое положение вызывает разногласия в политических кругах и превращает политику в игру, на что указывает метафора *to call for an end to a political game with the NHS*. Использование второй метафоры, *a political football*, уточняет и детализирует первую метафорическую модель за счет сравнения системы здравоохранения с мячом, который политики перебрасывают друг другу в своих обсуждениях, но при этом не могут достичь положительных результатов.

Рассмотрим еще один пример.

(7) Polls show Americans agree with him that there's been improvement overall, even if they believe that's due more to lower gas prices than any greater sense of macroeconomic trends. The second

part is harder, and much more important for a president who'll follow up the speech in two weeks with a budget release premised on the idea that he should keep trying new ideas because what he proposed in the past has worked so well. ... "It'll be somewhat of a 'Let's keep the ball rolling' speech. That's a change for him," said Democratic consultant James Carville. "Most of them have been, 'Let's get the ball rolling.'" Wage stagnation, or incomes staying flat while the cost of living goes up, has become a big issue for Obama and his aides (Politico Magazine, January 20, 2015).

Опросы общественного мнения показывают, что американцы согласны с ним в том плане, что наблюдается общее улучшение, даже если они считают, что это происходит скорее, благодаря более низким ценам на газ, чем любым другим макроэкономическим тенденциям. Вторая часть сложнее и еще более важна для президента, который выступит с речью через две недели с оглашением бюджета, основанной на представлении о том, что он должен продолжать пробовать новые идеи, потому что предложенные им ранее идеи очень хорошо работали... „Это будет что-то похожее на речь в стиле „Заставим работу продолжаться“. Для него это перемена“, — ответил консультант от Демократической партии Джеймс Карвилл. „Большинство из них были похожи на „Давайте сдвинемся с мертвой точки“ (буквально: давайте заставим шар катиться). Отсутствие роста заработной платы или доходов во время увеличения прожиточного минимума стало большой проблемой для господина Обамы и его помощников.

Данный контекст посвящен недавним событиям в американской политике, а именно ежегодному обращению президента Барака Обамы к Конгрессу США. Президент отметил, что положение дел в стране ухудшилось в последнее время как в политическом, так и в экономическом и социальном плане. В приведенном выше контексте используется метафора *to keep the ball rolling*, выступающая в значении 'to maintain the progress of a project, plan, etc' [Collins English Dictionary] (продолжать действовать, не останавливаться), демонстрирующая, что, несмотря на недостатки политического курса, президент продолжает его проводить в жизнь. Это выражение связано с выборами президента Гаррисона в 1894 г., когда его сторонники в честь победы сделали огромные шары из жести и кожи и катили их на собраниях в поддержку президента из одного города в другой, говоря при этом: «Keep the balls rolling». Рассмотренная метафора широко распространена в англоязычном медиадискурсе и также используется авторами при освещении экономических событий, например:

(8) Gov. Nikki Haley is demanding that legislators cut personal income taxes to make South Carolina more competitive with neighboring states. But South Carolinians already pay less in income taxes than their counterparts in North Carolina and Georgia, as well as most other states that collect the tax. "Our state's 7 percent income tax rate stands out and puts us at a disadvantage. In order to *keep the ball rolling* in our economy, we must bring down our in-

come tax," Haley said in her State of the State address. (The State, May 31, 2015)

Губернатор Нику Хейли требует, чтобы законодатели сократили подоходные налоги с физических лиц с целью сделать Южную Каролину более конкурентоспособной по отношению к соседним штатам. Но жители Южной Каролины уже платят меньше подоходных налогов, чем их коллеги в Северной Каролине и Джорджии, а также в большинстве других штатов, где этот налог существует. „7-процентная ставка подоходного налога нашего штата выделяется и ставит нас в невыгодное положение. Чтобы оставаться на плаву (буквально: продолжать катить мяч) в экономике, мы должны снизить наш подоходный налог“, — сказала Хейли в ее губернаторском обращении к конгрессу штата.

В приведенных выше примерах (5) — (7) также можно отметить вариативность исходной концептуально-метафорической структуры, которая допускает возможность акцентировать в стилистическом приеме метафоры или аллюзии (7) разные аспекты репрезентируемого события. В примере (5) акцентируется однотипность и повторяемость действий, что формирует отрицательную оценку происходящего. В примере (6) в центре внимания находится непрекращающаяся «игра» с системой здравоохранения, также оцениваемая отрицательно, но в примерах (7) и (8), благодаря антитезам “*get the ball rolling*” — *wage stagnation, incomes staying flat, put at a disadvantage* — “*keep the ball rolling*”, на первый план выдвигается идея возможной активизации действий правительства, к которой призывает автор статьи и которая начинает уже рассматриваться как настоятельная необходимость.

В медиадискурсе нередко приводятся указания и на виды спорта, связанные с единоборствами, что позволяет нам выделить концептуально-метафорическую модель ПОЛИТИКА — СПОРТИВНОЕ ЕДИНОБОРСТВО. Например, политическая борьба может ассоциироваться с боксом:

(9) The President didn't pause to point out that, since late last year, gas prices have been below \$2.50 in many parts of the country. He was too busy jabbing at Mitt Romney and John Boehner (The New Yorker, March 19, 2015).

Президент не колебался, когда говорил, что с конца прошлого года цены на газ были ниже 2,5 долларов во многих частях страны. Он был слишком занят, делая критические замечания (буквально: наносил быстрые прямые удары) Митту Ромни и Джону Бейнеру.

(10) Can Barack Obama throw a punch? If there is an upside to the shots Obama has taken from his former pastor, it's the opportunity created for him to show his mettle (Newsweek, May 1, 2008).

Может ли Барак Обама отреагировать (буквально: нанести удар кулаком)? Если и есть польза от ответной реакции (буквально: ударов), которую Обама получил от своего бывшего наставника, то это — возможность, созданная для него, чтобы показать выдержку.

Политики представляются противниками, которые наносят друг другу «удары» (*to jab* — ‘to

strike with a quick short blow or blows’ [Collins English Dictionary] — нанести быстрый прямой удар; *to throw a punch* — ‘to strike blows (at), esp. with a clenched fist’ [Collins English Dictionary] — нанести удар кулаком; *a shot* — ‘an act of hitting’ [Collins English Dictionary] — удар) в «словесном» поединке на политическом ринге. В этой метафорической картине на первый план выходят указания на «обмен ударами», т. е. на «бой» и стремление победить или разгромить соперника. При этом очевидно соперничество обеих сторон и напряженная атмосфера.

Сопоставления с восточными единоборствами также популярны при описании политики. Например, в следующем контексте политика ассоциируется с таким видом спорта, как дзюдо:

(11) Since the 9/11 attacks, Western governments — the United States included — have struggled to grasp the challenge posed by al Qaeda's strategy...The world's most infamous terrorist group — at least until Islamic State burst on to the scene last year — has in turn spent decades trying to figure out how to instigate a global Muslim rebellion against the West. It has always relied on a sort of geopolitical judo, using its enemies' strength against them by making them prove its own worldview (Politico Magazine, January 14, 2015).

Начиная с нападений 11 сентября западные правительства — включая Соединенные Штаты Америки — изо всех сил пытались понять, как можно противостоять стратегии Аль-Каиды... Самая печально известная террористическая группа, по крайней мере, до „Исламского государства“, появившегося в качестве угрозы в прошлом году, в свою очередь, провела десятилетия, пытаясь выяснить, как организовать глобальное мусульманское восстание против Запада. Она всегда полагалась на своего рода геополитическую борьбу (буквально: геополитическое дзюдо), используя силу его врагов против них самих, заставляя их подтвердить правоту собственного мировоззрения.

Обращение к дзюдо в данном контексте не случайно, поскольку оно вводит в концептуальную метафору ПОЛИТИКА — СПОРТИВНОЕ ЕДИНОБОРСТВО знание об этом виде спорта (фрейм ДЗЮДО). Как известно, в восточных единоборствах следует полагаться не столько на физическую силу удара, как в боксе, сколько на ловкость и подвижность, а также на возможность использовать энергию противника, направив ее в нужное для себя русло (*using its enemies' strength against them*). Иными словами, в данном контексте концептуально-метафорическая модель дает автору возможность сфокусироваться на том, что западным политикам следует учитывать идеологические приемы Аль-Каиды, которая использует идеологическую слабость Запада. Кроме того, в дзюдо само пространство, на котором происходит схватка спортсменов, намного больше, чем в боксе, где бой происходит на ринге. Данная концептуально-метафорическая репрезентация позволяет вывести в фокус внимания тот факт, что схватка с экстремистами происходит практически по всему миру (*geopolitical judo*). Таким образом, один и тот же метафорический концепт ПОЛИТИКА — ВОСТОЧНОЕ ЕДИНОБОРСТВО может пе-

редавать в дискурсе разные смыслы в зависимости от того, фрейм какого конкретного вида спорта используется в качестве базового.

Для создания более полного образа и выражения оценки авторы могут прибегать к использованию нескольких метафорических моделей в одном контексте. В качестве примера рассмотрим следующий контекст:

(12) The voters are not really uncommitted — they're mostly for Obama — but they're wary of signing on to a campaign that might yet come apart. "He had *the greatest fastball* anybody had seen, and now it's 'Hey man, can you *throw a change-up*?' He needs another *pitch* in his repertoire," says James Carville, a *top pitchman* for the Clintons. *The race is tightening*. Obama holds a *narrow lead* in North Carolina, and Indiana is *to close to call*. Hillary's people cite her strength with white voters without a college education. Her *10-point lead* over Obama in this demographic has *swelled to 40 points* in the latest Pew Research survey. "The onus is on her", says Carville. "She's got to do better than *tie*. If she *wins Indiana and North Carolina*, she's *the nominee*. She's got to shock the system, and she may be shocking it" (Newsweek, May 1, 2008).

Не настолько они и „против“, избиратели главным образом „за“ Обаму, но они опасаются поддерживать кампанию, которая все же может провалиться. „У него был лучший **политический курс** (буквально: крученный мяч), который кто-либо когда-нибудь видел, а теперь это „Эй, а ты можешь **предложить перемены** (буквально: бросить крученный мяч с другой скоростью)?“ Ему нужен **другой метод** (буквально: подача) в его арсенале“, — говорит Джеймс Карвилл, **главный рекламный представитель** (буквально: лучший подающий) семьи Клинтон. Гонка ужесточается. Барак Обама имеет небольшое преимущество в Северной Каролине, а в Индиане пока трудно предсказать результаты. Представители Хиллари Клинтон с белокожими избирателями без высшего образования ссылаются на ее силу. Ее **преимущество перед господином Обамой на 10 процентов** (буквально: преимущество на 10 очков) среди этой группы населения **увеличилось на 40 процентов** (буквально: поднялось на 40 очков) в последнем исследовании „Pew Research“. „Бремя ответственности лежит на ней“, — говорит Карвилл. „Она должна добиться победы, а не **ничьей**. Если она **выигрывает в Индиане и Северной Каролине**, она — **кандидат** (буквально: номинант). Она должна **встряхнуть систему**, и, возможно, она уже это делает“.

В данном случае можно говорить о сочетании нескольких метафорических концептов, а именно МК **ВЫБОРЫ — ГОНКА** и МК **ВЫБОРЫ — БЕЙСБОЛ**. На упоминание первой конструкции указывают метафоры *the race is tightening, to hold a narrow lead, too close to call, to win Indiana and North Carolina, the nominee*, которые дают общее представление о выборах как соревновании, в котором одни участники отстают, а другие, наоборот, забирают лидирующие позиции. Сравнение выборов с матчем по бейсболу формируют такие метафоры, как *the greatest fastball, to throw a change-up, a pitch, a top pitchman, 10-point lead,*

to swell to 40 points, tie, которые уточняют личностные характеристики кандидатов и их успехи в процессе участия в выборах.

Приведенные выше аргументы позволяют нам сделать вывод о том, что спортивная метафора часто используется в англоязычном медиадискурсе для передачи информации при освещении политических событий. Она реализуется с помощью метафорических концептов, которые указывают на разные виды спорта. Наиболее частотными являются указания на индивидуальные (например, единоборства) и командные спортивные игры. В этой связи необходимо подчеркнуть, что представление событий политической жизни в качестве скачек или гонки распространено как в британском, так и в американском медиадискурсе. Но есть указания на виды спорта, присущие только одному из этих двух медиадискурсов, например, сравнение с бейсболом в американском медиадискурсе и с футболом — в британском. Спортивные концептуальные метафоры позволяют сравнить политику с соревнованием, при этом указывая на количество участников и характер их действий, что помогает сформировать оценку событий автором. При этом контекст может формироваться за счет использования не одного метафорического концепта, а сочетания нескольких метафорических концептов. Один и тот же метафорический концепт может формировать как положительную, так и отрицательную оценку в медиадискурсе.

ИСТОЧНИКИ

1. Adcox S. S. C.'s actual income tax rates much lower than portrayed // The State. 31.05.2015. URL: <http://www.thestate.com/news/local/article22762830.html> (date of access: 02.06.2015).
2. Cambridge English Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/get-into-your-stride> (date of access: 26.12.2014).
3. Cassidy J. Obama's well-earned victory lap on the economy // The New Yorker. 19.03.2015. URL: <http://www.newyorker.com/news/john-cassidy/obamas-well-earned-victory-lap-on-the-economy> (date of access: 22.03.2015).
4. Cheney K. McConnell plots 2016 strategy — Landrieu gets Saints spotlight, Cassidy gets Perry visit // Politico Magazine. 24.11.2014. URL: <http://www.politico.com/morningscore/1114/morningscore16215.html> (date of access: 31.05.2015).
5. Clift E. Obama needs a knockout punch against Clinton // Newsweek. 01.05.2015. URL: <http://www.newsweek.com/clift-obama-needs-knockout-punch-against-clinton-89807> (date of access: 30.03.2015).
6. Keep the ball rolling // Collins English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/keep-the-ball-rolling> (date of access: 26.01.2015).
7. Jab // Collins English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/jab?showCookiePolicy=true> (date of access: 26.08.2015).
8. Punch // Collins English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/punch?showCookiePolicy=true> (date of access: 26.08.2015).
9. Shot // Collins English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/shot?showCookiePolicy=true> (date of access: 26.08.2015).
10. Dovere E. State of Obama: Still here // Politico Magazine. 20.01.2015. URL: <http://www.politico.com/story/2015/01/barack-obama-state-of-the-union-2015-114371.html> (date of access: 26.01.2015).
11. Editorial. Ritter-Silverman spat taints grand jury process // The Denver Post. 11.09.1996. URL: <http://nl.newsbank.com/nlsearch.asp> (date of access: 22.01.2015).
12. Khan A. Obama was right to skip Paris // Politico Magazine. 15.01.2015. URL: <http://www.politico.com/magazine/story/>

2015/01/obama-skipping-paris-114295.html#.VYQzFvntmko (date of access: 26.01.2015).

13. Language Log. Waiter, there's a metaphor in my soup! URL: <http://itre.cis.upenn.edu/~myl/language-log/archives/002673.html> (date of access: 26.12.2014).

14. High profile // Macmillan English Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/high-profile> (date of access: 26.12.2014).

15. Judo // Macmillan English Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/judo> (date of access: 26.01.2015).

16. Plummet // Macmillan English Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/plummet> (date of access: 26.12.2014).

17. Run // Macmillan English Dictionary. URL: http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/run_1 (date of access: 26.08.2015).

18. Stride // Macmillan English Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/stride> (date of access: 26.12.2014).

19. Sweepstake // Macmillan English Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/sweepstake> (date of access: 01.06.2015).

20. Too close to call // Macmillan English Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/too-close-to-call> (date of access: 26.12.2014).

21. Fume // Merriam — Webster: Dictionary and Thesaurus. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/fume> (date of access: 26.12.2014).

22. Merriam — Webster: Dictionary and Thesaurus. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/toss-up> (date of access: 26.12.2014).

23. Moodley K. General Election 2015: Conservatives mock Salmond-Miliband alliance as Labour claim Tories will cut 'NHS to the bone' // The Independent. 23.03.2015. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/generalelection/general-election-2015-conservatives-mock-salmond-miliband-alliance-as-labour-claim-tories-will-cut-nhs-to-the-bone-10127041.html> (date of access: 23.03.2015).

24. Nather D. Chicken soup for the Democratic soul // Politico Magazine. 04.11.2014. URL: http://www.politico.com/story/2014/11/2014-elections-democrats-112477_Page2.html#ixzz3ZxUsNDNe (date of access: 26.12.2014).

25. Oxford English Dictionary. URL: <http://www.oed.com/view/Entry/168875?rskey=Uij4QH&result=4&isAdvanced=false#eid> (date of access: 26.08.2015).

26. Oxford Learner's Dictionary. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/length?q=length> (date of access: 26.08.2015).

27. Oxford Learner's Dictionary. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/shuttlecock> (date of access: 22.01.2015).

28. Oxford Learner's Dictionary. URL: <http://www.oxfordlearners-dictionaries.com/definition/english/toss-up?q=toss-up> (date of access: 26.08.2015).

ЛИТЕРАТУРА

29. Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Изв. АН СССР. Сер. «Литература и языкознание». 1978. Т. 37, № 4. С. 333—343.

30. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры и метафорическая типология моделей. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Baranov.pdf> (дата обращения: 26.08.2015).

31. Беляевская Е. Г. Концептуальная метафора как источник стилистических приемов в дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3. С. 41—48.

32. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. С. 153—172.

33. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: американский, европейский и российский варианты исследования // Политическая лингвистика. 2006. № 17. С. 35—77.

34. Джусупов Н. М. Когнитивная стилистика: современное состояние и актуальные вопросы исследования // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3. С. 65—75.

35. Кемаева И. А. Метафорические концепты в языке английской и американской поэзии: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2003.

36. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М.: Эдиториал УРСС, 2004.

37. Сескутова И. К. Многомерность коммуникативного пространства современного медиадискурса // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Языкознание. 2009. Вып. 573 : Стилистика и проблемы контекста. С. 70—81.

38. Солодилова И. А. Метафора: когнитивные основы оценочности // Вестн. ОГУ. 2013. № 11 (160). С. 118—122.

39. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секеиной. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Эдиториал УРСС, 2002.

40. Чес Н. А. Функционирование метафорических концептуальных систем в текстах современной англоязычной прозы (на материале художественной литературы): дис. ... канд. филол. наук. — М., 2000.

41. Чудинов А. П. Метафорическое моделирование в политическом нарративе «Российские выборы на рубеже веков» // *Respectus Philologicus*. 2002. № 2 (7). URL: <http://filologija.vukhf.lt/2-7/chudinov.htm> (дата обращения: 26.08.2015).

42. Шибанова Е. О. Метафорические концептуальные системы в сфере экономики и политики: дис. ... канд. филол. наук. — М., 1999.

43. Kovecses Z. *Metaphor in culture: Universality and Variation*. — Cambridge Univ. Pr., 2005.

N. M. Udal'tsova

Moscow, Russia

CONCEPTUAL SPORTS METAPHOR IN ENGLISH MEDIA DISCOURSE

ABSTRACT. *Modern world develops very fast, and, undoubtedly, its development influences language. The modern mass media use different language means to convey information to readers or listeners, to attract their attention and form their opinions. One of such means is conceptual metaphor that helps create the readers' worldview. The article analyzes conceptual sports metaphors in the modern English media discourse. The author refers to sports metaphors not only in the field of sports but also in politics. Both spheres are connected as they describe dynamic actions aimed at rivalry and achievement of positive results. Due to the multifunctional character the sports conceptual metaphor can be considered, on the one hand, as a mental mechanism that can create images in the human mind, and as an instrument of evaluation that produces stylistic effects. The research is focused on the formation of the stylistic device of metaphor induced by a sports metaphoric concept or a group of metaphoric concepts. The analysis of media texts shows that metaphoric concepts can indicate individual and collective types of sports and produce not only metaphors but other stylistic devices.*

KEYWORDS: *conceptual sports metaphor; metaphoric concept; stylistic device; media discourse; media text.*

ABOUT THE AUTHOR: *Udal'tsova Natal'ya Mikhaylovna, Candidate Degree Applicant, Lecturer of Department of Linguistics and Professional Communication in Political Science, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow, Russia.*

RESOURCES

1. Adcox S. S. C.'s actual income tax rates much lower than portrayed // The State. 31.05.2015. URL: <http://www.thestate.com/news/local/article22762830.html> (date of access: 02.06.2015).

com/news/local/article22762830.html (date of access: 02.06.2015).

2. Cambridge English Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/get-into-your-stride> (date of access: 26.12.2014).
3. Cassidy J. Obama's well-earned victory lap on the economy // The New Yorker. 19.03.2015. URL: <http://www.newyorker.com/news/john-cassidy/obamas-well-earned-victory-lap-on-the-economy> (date of access: 22.03.2015).
4. Cheney K. McConnell plots 2016 strategy — Landrieu gets Saints spotlight, Cassidy gets Perry visit // Politico Magazine. 24.11.2014. URL: <http://www.politico.com/morning-score/1114/morningscore16215.html> (date of access: 31.05.2015).
5. Clift E. Obama needs a knockout punch against Clinton // Newsweek. 01.05.2015. URL: <http://www.newsweek.com/clift-obama-needs-knockout-punch-against-clinton-89807> (date of access: 30.03.2015).
6. Keep the ball rolling // Collins English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/keep-the-ball-rolling> (date of access: 26.01.2015).
7. Jab // Collins English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/jab?showCookiePolicy=true> (date of access: 26.08.2015).
8. Punch // Collins English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/punch?showCookiePolicy=true> (date of access: 26.08.2015).
9. Shot // Collins English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/shot?showCookiePolicy=true> (date of access: 26.08.2015).
10. Dovere E. State of Obama: Still here // Politico Magazine. 20.01.2015. URL: <http://www.politico.com/story/2015/01/barack-obama-state-of-the-union-2015-114371.html> (date of access: 26.01.2015).
11. Editorial. Ritter-Silverman spat taints grand jury process // The Denver Post. 11.09.1996. URL: <http://nl.newsbank.com/nlsearch.asp> (date of access: 22.01.2015).
12. Khan A. Obama was right to skip Paris // Politico Magazine. 15.01.2015. URL: <http://www.politico.com/magazine/story/2015/01/obama-skipping-paris-114295.html#>. VYQzFvntmko (date of access: 26.01.2015).
13. Language Log. Waiter, there's a metaphor in my soup! URL: <http://itre.cis.upenn.edu/~myl/language/log/archives/002673.html> (date of access: 26.12.2014).
14. High profile // Macmillan English Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/high-profile> (date of access: 26.12.2014).
15. Judo // Macmillan English Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/judo> (date of access: 26.01.2015).
16. Plummert // Macmillan English Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/plummert> (date of access: 26.12.2014).
17. Run // Macmillan English Dictionary. URL: http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/run_1 (date of access: 26.08.2015).
18. Stride // Macmillan English Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/stride> (date of access: 26.12.2014).
19. Sweepstake // Macmillan English Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/sweepstake> (date of access: 01.06.2015).
20. Too close to call // Macmillan English Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/too-close-to-call> (date of access: 26.12.2014).
21. Fume // Merriam — Webster: Dictionary and Thesaurus. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/fume> (date of access: 26.12.2014).
22. Merriam — Webster: Dictionary and Thesaurus. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/toss-up> (date of access: 26.12.2014).
23. Moodley K. General Election 2015: Conservatives mock Salmond-Miliband alliance as Labour claim Tories will cut 'NHS to the bone' // The Independent. 23.03.2015. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/generalelection/general-election-2015-conservatives-mock-salmond-miliband-alliance-as-labour-claim-tories-will-cut-nhs-to-the-bone-10127041.html> (date of access: 23.03.2015).
24. Nather D. Chicken soup for the Democratic soul // Politico Magazine. 04.11.2014. URL: http://www.politico.com/story/2014/11/2014-elections-democrats-112477_Page2.html#ixzz3ZxUsNDNe (date of access: 26.12.2014).
25. Oxford English Dictionary. URL: <http://www.oed.com/view/Entry/168875?rskey=Uij4QH&result=4&isAdvanced=false#eid> (date of access: 26.08.2015).
26. Oxford Learner's Dictionary. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/length?q=length> (date of access: 26.08.2015).
27. Oxford Learner's Dictionary. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/shuttlecock> (date of access: 22.01.2015).
28. Oxford Learner's Dictionary. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/toss-up?q=toss-up> (date of access: 26.08.2015).

REFERENCES

29. Arutyunova N. D. Funktsional'nye tipy yazykovoy metafory // Izv. AN SSSR. Ser. «Literatura i yazykoznanie». 1978. T. 37, № 4. S. 333—343.
30. Baranov A. N. Deskriptornaya teoriya metafory i metaforycheskaya tipologiya modeley. URL: <http://www.dia-log-21.ru/Archive/2003/Baranov.pdf> (data obrashcheniya: 26.08.2015).
31. Belyaevskaya E. G. Kontseptual'naya metafora kak istochnik stilisticheskikh priemov v diskurse // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2013. № 3. S. 41—48.
32. Blek M. Metafora // Teoriya metafory. — M.: Progress, 1990. S. 153—172.
33. Budaev E. V., Chudinov A. P. Kontseptual'naya metafora v politicheskom diskurse: amerikanskiy, evropeyskiy i rossiyskiy varianty issledovaniya // Politicheskaya lingvistika. 2006. № 17. S. 35—77.
34. Dzhusupov N. M. Kognitivnaya stilistika: sovremennoe sostoyanie i aktu-al'nye voprosy issledovaniya // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2011. № 3. S. 65—75.
35. Kemaeva I. A. Metaforicheskie kontsepty v yazyke angliyskoy i amerikanskoy poezii: dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2003.
36. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem: per. s angl. / pod red. i s predisl. A. N. Baranova. — M.: Editorial URSS, 2004.
37. Seskutova I. K. Mnogomernost' kommunikativnogo prostranstva sovremennoy mediadiskursa // Vestn. Mosk. gos. lingv. un-ta. Yazykoznanie. 2009. Vyp. 573: Stilistika i problemy konteksta. S. 70—81.
38. Solodilova I. A. Metafora: kognitivnye osnovy otsenchnosti // Vestn. OGU. 2013. № 11 (160). S. 118—122.
39. Chenki A. Semantika v kognitivnoy lingvistike // Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: fundamental'nye napravleniya / pod red. A. A. Kibrika, I. M. Kobozovoy, I. A. Sekerinoy. Izd. 2-e, ispr. i dop. — M.: Editorial URSS, 2002.
40. Ches N. A. Funktsionirovanie metaforycheskikh kontseptual'nykh sistem v tekstakh sovremennoy angloyazychnoy prozy (na materiale khudozhestvennoy literatury): dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2000.
41. Chudinov A. P. Metaforicheskoje modelirovanie v politicheskom nar-rative «Rossiyskie vybory na rubezhe vekov» // Respectus Philologicus. 2002. № 2 (7). URL: <http://filologija.vukhf.lt/2-7/chudinov.htm> (data obrashcheniya: 26.08.2015).
42. Shibanova E. O. Metaforicheskie kontseptual'nye sistemy v sfere ekonomiki i politiki: dis. ... kand. filol. nauk. — M., 1999.
43. Kovecses Z. Metaphor in culture: Universality and Variation. — Cambridge Univ. Pr., 2005.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.

Я. А. Ярославцева
Ульяновск, Россия

Т. В. Дубровская
Пенза, Россия

КОНСТРУИРОВАНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЖАНРАХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И США)

АННОТАЦИЯ. Статья предлагает исследование дискурсивного конструирования межнациональных отношений на основе сопоставления доминирующих жанров российского и американского внешнеполитического дискурса. Авторы анализируют корпусы текстов, датированные 2014 г. и состоящие из речей министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова и государственного секретаря США Дж. Керри. В работе предлагается модель жанрового анализа, которая применяется к собранному материалу. Жанры анализируются с точки зрения ситуативного контекста, коммуникативной цели, состава коммуникантов и языковых средств конструирования межнациональных отношений. Результаты использования модели на примере корпуса текстов обобщаются с применением элементов сопоставительного анализа. Статья предлагает краткое обобщение российских и зарубежных исследований внешнеполитического дискурса, а также анализирует современный контекст взаимоотношений России и США. С точки зрения методологии работа основана на положениях социального конструкционизма и критического дискурса-анализа. Новизна исследования состоит в том, что внешнеполитический дискурс изучается на предмет выявления в нем типичных механизмов дискурсивного конструирования межнациональных отношений, механизмов, которые являются специфическими для внешнеполитической коммуникации, включающей социальных акторов, их интенции, действия и систему взаимоотношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: межнациональные отношения; дискурсивное конструирование; внешнеполитический дискурс; жанр; Россия; США; сила.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Ярославцева Яна Алексеевна, аспирант, Пензенский государственный университет (Пенза); ассистент кафедры английского языка, факультет иностранных языков, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова (Ульяновск); адрес: 432700, Ульяновск, площадь 100-летия со Дня Рождения В. И. Ленина, д. 4; e-mail: yana.yaroslavcev@mail.ru.

Дубровская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Английский язык», историко-филологический факультет, Пензенский государственный университет (Пенза); адрес: 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40; e-mail: gupergy74@gmail.com.

1. Введение

Статья представляет собой фрагмент более крупного проекта, цель которого состоит в выявлении механизмов дискурсивного конструирования межнациональных отношений в разных типах дискурса. В своём исследовании мы исходим из положений социального конструкционизма и утверждаем, что «межнациональные отношения, как и любой другой социальный феномен, являются предметом дискурсивных практик — как научных, так и институциональных — и через них могут быть поняты, поскольку их суть, их «семантический капитал» есть результат сложных когнитивно-коммуникативных операций» [Дубровская, Кожемякин 2015]. Теоретическое обоснование проекта, а также анализ некоторых медийных и внешнеполитических дискурсивных практик были предложены нами ранее [Дубровская, Кожемякин 2015; Ярославцева, Дубровская 2015].

Данная статья продолжает изучение внешнеполитического дискурса с акцентом на сопоставлении жанров российских и американских внешнеполитических практик, конструирующих межнациональные отношения. Композиционно статья состоит из 7 разделов. Раздел 2 представляет цели, задачи и материал исследования. В разделе 3 описана методология исследования. Раздел 4 содержит обзор научной литературы, посвященной разным аспектам внешнеполитического дискурса. В разделе 5 мы анализируем современный общеполитический контекст взаимоотношений России и США. Анализ разных жанров российского и американского внешнеполитиче-

ского дискурса представлен в разделе 6. Статья завершается заключением и списками литературы и материалов исследования.

2. Цели, задачи и материал исследования

В работе, написанной на основе анализа корпуса российских внешнеполитических практик [Ярославцева, Дубровская 2015], мы выделили жанры, в рамках которых осуществляется выстраивание межнациональных отношений России с другими акторами на мировой политической арене. **Целью** настоящего фрагмента исследования является сопоставительный анализ российского и американского внешнеполитического дискурса с точки зрения конструирования межнациональных отношений в разных его жанрах. Для достижения данной цели было необходимо решение нескольких **задач**:

- сбор двух корпусов внешнеполитического дискурса (русского и американского) достаточного объема;
- анализ современного политического контекста российско-американских взаимоотношений;
- выявление доминирующих жанров, конструирующих межнациональные отношения;
- разработка модели жанрового анализа;
- применение модели анализа к собранным корпусам текстов.

С целью изучения внешнеполитических дискурсивных практик были собраны речевые корпусы. При сборе текстов мы ограничились одним говорящим субъектом с каждой стороны. Для России это министр иностранных дел РФ Сергей

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №15-34-14001 «Политический, юридический и масс-медийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации».

© Ярославцева Я. А., Дубровская Т. В., 2015

Викторович Лавров, для США — соответствующий российскому министру по должности и функциональным обязанностям Государственный секретарь США Джон Форбс Керри. Корпусы охватывают шестимесячный период, с января по июнь 2014 г. включительно. Выбор именно данного периода обоснован нами ранее: «Выбор этого периода обусловлен тем, что он характеризуется значимыми политическими событиями на международной арене, приведшими к изменению международных отношений между Западом и Востоком. В их числе подъем волны экстремизма и терроризма в Сирии, обострение противоречий по иранской ядерной программе, смена власти и последующее внутреннее военное противостояние на Украине, референдум о выходе Крыма из состава Украины и присоединение его к РФ, введение санкций в отношении России и ответ России на санкционную политику Запада. В контексте перечисленных событий резко обостряются международные отношения России и США как государств, претендующих на мировое лидерство» [Ярославцева, Дубровская 2015: 125].

В качестве источника материалов внешнеполитического дискурса были использованы официальные сайты Министерства иностранных дел Российской Федерации (www.mid.ru) и Государственного департамента США (www.state.gov). Выступления С. В. Лаврова и Дж. Керри содержатся в разделах «Пресс-служба МИД» (<http://archive.mid.ru/bdomp/sitemap.nsf/kartaflat/03.02.03>) и «Secretary Kerry's Remarks» (www.state.gov/secretary/remarks/index.htm) соответственно. Из всего представленного на сайтах МИД РФ и Госдепартамента США материала методом сплошной выборки по ключевым словам «Россия/Russia» и «США/USA» были отобраны тексты, в которых поднят вопрос о российско-американских отношениях. Российский материал включает в себя 62 текста, общий объем которых составляет 108 693 словоупотребления. Корпус американского материала включает 65 текстов объемом 89 825 словоупотреблений.

3. Методология исследования

С точки зрения методологии работа основана на понимании социальной реальности в духе социального конструкционизма и критического анализа дискурса. Исследование внешнеполитического дискурса в аспекте конструирования в нем международных отношений строится на идее социальной значимости дискурса, а также признании диалектических, взаимообуславливающих отношений между языком и обществом [Fairclough 2004]. Важной категорией анализа является категория социального актора [van Leeuwen 2003], поскольку акцент ставится на дискурсивной деятельности социальных акторов, посредством которой осуществляется конструирование международных отношений. При этом дискурсивные практики исследуются в соответствующем социальном контексте.

Далее мы применяем модель жанрового анализа, охватывающую несколько аспектов, принципиальных с точки зрения конструирования международных отношений:

- контекст внешнеполитического жанра;
- коммуникативная цель жанра;

- состав коммуникантов;
- языковые средства конструирования международных отношений, репрезентация акторов как сильных/слабых, дружественных/недружественных (отдельные замечания, касающиеся средств выражения концептов «сила» и «слабость» во внешнеполитическом дискурсе, были сделаны нами ранее [Ярославцева 2015]).

Результаты применения данной модели к корпусам текстов далее обобщаются с применением элементов сопоставительного анализа.

4. Исследования внешнеполитического дискурса: краткий обзор

В период значимых политических событий на международной арене, влияющих на международные отношения, внешнеполитический дискурс вызывает особый интерес исследователей. Политологи рассматривают термины и концепции внешнеполитической риторики, раскрывают их роль и прагматическое значение, уделяя значительное внимание инструментам внешней политики, включающим «мягкую» и «жесткую» силы [Будаев 2014; Гусаков 2011 и др.]. Дискурс-аналитики исследуют суть и специфику внешнеполитического дискурса [Иохим 2014; Кожетева 2012; Терентий 2010], его отдельные характеристики, например интердискурсивность [Голованова 2014; Прохорова, Ардасова 2014] и лиминальность [Пономаренко 2014], а также основные стратегии и тактики [Друцэ 2015]. Внимание лингвистов привлекает метафорика внешнеполитического дискурса, прецедентные имена, рекуррентные конструкции [Чудинов 2008; Белов 2010; Матыгина 2014; Полякова 2010, Терехова 2011], коммуникативные категории, например толерантность [Шапалова 2013], а также стратегии перевода и коммуникации [Волкова 2007].

Зарубежные исследователи также посвящают свои работы изучению внешнеполитического дискурса. Их интерес, в частности, вызывает Европейский союз (ЕС) и его взаимоотношения с другими политическими акторами [Tekin 2008; Müftüler-Baç, Süleymanoğlu-Kürüm 2015; Wodak, Boukhalala 2015]. Особое внимание представителей европейского дискурсивного анализа привлекает публичная дипломатия и роль ЕС [Rasmussen 2009]. Существующие методологические подходы способствуют выявлению языковой специфики внешнеполитического дискурса, но с акцентом на конструирование международных отношений, задействующих по меньшей мере две стороны, внешнеполитические практики рассматривались весьма ограниченно. Кроме того, неисследованным остается жанровый аспект внешнеполитического дискурса. Поэтому перспектива исследования нам представляется в том, чтобы выявить механизмы конструирования международных отношений, специфические для внешнеполитических практик, включающих социальных акторов, их интенции, действия и систему взаимоотношений.

5. Современный контекст российско-американских отношений

Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки как государства, претендующие на мировое лидерство, ведут интенсивную дипломатическую деятельность. Главным направлением внешней политики РФ является «доведение до

широких кругов мировой общественности полной и точной информации о ее позициях по основным международным проблемам, о внешнеполитических инициативах и действиях Российской Федерации, о процессах и планах ее внутреннего социально-экономического развития, о достижениях российской культуры и науки» [Концепция 2013]. Внешнеполитическая деятельность США направлена на борьбу с социальными, экономическими, техногенными и экологическими вызовами и угрозами международной безопасности: «Основная цель департамента заключается в формировании и сохранении мирного, процветающего, справедливого и демократического мира, а также обеспечении условий для устойчивого развития во благо американского народа и людей во всем мире» [FY 2014 Agency Financial Report] (перевод с английского мой. — Я. Я.). С учетом поставленных целей Россия и США осуществляют отличную друг от друга внешнеполитическую деятельность. Как следует из процитированных документов, внешнеполитическая деятельность РФ направлена на укрепление своей позиции в мировом сообществе и усиление собственной роли в разрешении международных конфликтов и споров. Внешняя политика США как лидера мировой политики, претендующего на статус «флагмана демократии», состоит в продвижении во всем мировом сообществе ценностей свободы и демократии, чем гарантируется безопасность в мире.

Реализация внешней политики различной направленности в отношении актуальных политических проблем предопределяет взаимоотношения акторов на международной арене. В настоящее время достаточно четко прослеживается конфронтация в российско-американских отношениях по причине столкновения интересов на Ближнем и Среднем Востоке, где оба государства стремятся усилить свое влияние. Как полагают отечественные политологи, противостояние двух государств в данном регионе связано с реализацией различных внешнеполитических подходов к урегулированию сирийского кризиса и иранской ядерной программе [Неронова 2014; Волков 2014].

Негативно отразились на российско-американских отношениях расхождения в осуществлении внешнеполитической деятельности на Украине, где в январе — феврале 2014 г. массовые протесты в поддержку евроинтеграции государства выливаются в вооруженные конфликты по всей стране [Соловьев 2014]. По мнению отечественных политологов, последующие украинские события, включающие смену власти, изменение конституции, увольнение старого руководства страны и назначение нового, поддерживаются США, но вызывают сомнения в своей легитимности у России, Крыма и ряда восточных регионов Украины. США, в свою очередь, не признает легитимным референдум Крыма о статусе автономии и вхождении в состав РФ, а также создание на востоке страны Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики. США, не соглашаясь с действиями России в ходе украинского кризиса, вводят политические и экономические санкции против ряда физических и юридических лиц России, приостанавливают сотрудничество в военно-технической сфере, отменяют ряд

мероприятий в рамках двустороннего сотрудничества. Россия принимает решение ввести ответные санкции, в число которых входят меры воздействия на физические и юридические лица США и продовольственное эмбарго [Войтоловский 2014]. В исследованиях западных экспертов Россия представляется большой угрозой для всего мирового сообщества [Mankoff, Kuchins 2015]. Отечественные политологи, в свою очередь, заявляют о замалчивании западными аналитиками правдивой информации о России и отмечают чрезмерную идеологическую направленность исследований американских экспертов [Шаклеина 2014].

6. Жанры внешнеполитического дискурса

Внешнеполитический дискурс составляет аспект дипломатических практик, которые определяют положение государства на мировой политической арене и его взаимоотношения с другими социальными акторами. Под дипломатией подразумевается «официальная деятельность глав государств, правительств, специальных органов внешних сношений и их зарубежных представительств по осуществлению переговоров, переписки, невоенных практических мероприятий с учетом конкретных условий и характера решаемых задач ради отстаивания внешнеполитических целей, защиты прав и интересов государства, его учреждений и граждан за границей» [Егоров 2013: 11—12]. Из приведенного определения видно, что внешнеполитический дискурс реализует цели и задачи внешней политики по защите интересов государства и его граждан и предполагает применение целого ряда жанров, как устных, так и письменных.

Главы российского и американского внешних ведомств осуществляют внешнеполитическую деятельность в форме разнообразных жанров. Для изучения мы выбираем только устные публичные жанры.

Список жанров министра иностранных дел РФ, обозначенных на сайте МИД, включает выступления, ответы на вопросы СМИ, интервью и комментарии. Сайт Госдепартамента США также предоставляет информацию о жанрах речи госсекретаря и содержит *remarks* (выступления), *press availability* (пресс-конференции), *interview* (интервью) и *press statements* (заявления для прессы). Представленная информация свидетельствует о значительном параллелизме жанровых систем в речах министра иностранных дел РФ и госсекретаря США. Кроме того, можно говорить о типичной интенции, объединяющей жанры внешнеполитического дискурса. Представляется, что внешнеполитический дискурс, будучи разновидностью политического дискурса, направленного на борьбу за власть, имеет те же функции. В их число Е. И. Шейгал включает: а) интеграцию и дифференциацию групповых агентов политики; б) развитие конфликта и установление консенсуса; в) осуществление вербальных политических действий и информирование о них; г) создание «языковой реальности» поля политики и ее интерпретацию; д) манипуляцию сознанием и контроль за действиями политиков и электората [Шейгал 2000: 9]. Эти функции реализуются, однако, в специфическом — внешнеполитическом —

контексте, который предполагает участие социальных акторов, представляющих разные государства. Языковые формы реализации функций конструируют межнациональные отношения, и именно с этой точки зрения мы рассмотрим представленные жанры.

6.1. Выступления

Российский и американский материал включает 46 и 30 монологических выступлений соответственно. С точки зрения ситуативного контекста, в котором данный жанр встречается в речах дипломатов, имеет смысл выделить некоторые субжанры выступления: выступление до начала и по итогам переговоров с уполномоченными представителями иностранных государств, выступление на международных и национальных мероприятиях, брифинг и вступительное слово. Отметим при этом, что выступления до начала переговоров с дипломатическими лицами и брифинг не встретились нам в материале российского внешнеполитического дискурса.

В ходе выступлений главы внешних ведомств излагают итоги дипломатических переговоров с представителями иностранных государств, представляют свое видение событий, происходящих на международной арене, а также сообщают о внесенных предложениях по урегулированию вопросов мирового масштаба. Непосредственным адресатом таких публичных выступлений являются представители СМИ. В то же время надо понимать, что СМИ выступают в качестве посредника, ретранслятора внешнеполитического дискурса для более широкой аудитории адресатов, охватывающей граждан разных стран и идеологических групп.

Дискурсивно конструируя внешнеполитическую действительность, С. В. Лавров и Дж. Керри как представители государств преследуют цель занять лидирующие позиции на международной арене, влиять на ход значимых политических событий, а также воздействовать на решения других политических акторов. Указание на участников международных политических процессов и обозначение своих отношений с ними является одним из механизмов конструирования межнациональных отношений. В контексте выступления по итогам переговоров с министром иностранных дел и сотрудничества Испании Х. М. Гарсия-Маргальо глава российского внешнего ведомства апеллирует к иным политическим акторам, не вовлеченным в дипломатические переговоры. Он делает это в имплицитной форме, используя местоимение *тем* и существительное *сосед*, которые имеют в качестве предметов референции США и Украину соответственно:

(1) *Если мы даем такие „поблажки“ тем, кто сейчас пытаются руководить нашим великим, добрым, историческим соседом, то все должны понимать, что дурной пример заразителен, и необходимо быть последовательным во всем без всяких двойных стандартов.* (Лавров, 05.03.2014).

Российский министр дискурсивно конструирует присутствие на международной арене трех политических акторов (*мы, те, сосед*), тесно связанных между собой социально значимыми отношениями. Примечательным является то, что

два политических актора представляются во фрагменте речи С. В. Лаврова сильными сторонами (*мы, которые даем такие «поблажки» и те, кто сейчас пытаются руководить*). Однако сильные акторы, Россия и США, имеют разную аксиологическую нагрузку. США оцениваются отрицательно (*дурной пример*), тогда как России приписываются положительные качества (*последовательным, без двойных стандартов*).

Дж. Керри в своих выступлениях избегает имплицитной референции. В представленном отрывке выступления госсекретарь США открыто апеллирует к России с требованием изменить свою политику. Таким образом эксплицитно конструируется противостояние двух сильных политических акторов (Западный альянс во главе с США и Россия), способных оказывать влияние на других акторов:

(2) *...we are in full agreement that it is critical for Russia to show in the next hours, literally, that they are moving to help disarm the separatists, to encourage them to disarm, to call on them to lay down their weapons and begin to become part of a legitimate political process. And the European Community will be meeting on their component of the sanctions. We all agree that they need to be ready* (Kerry, 26.06.2014).

...Мы пришли к соглашению, что для России критически важно показать буквально в ближайшие часы, что она способствует разоружению сепаратистов, что побуждает их разоружаться, что призывает их сложить оружие и присоединиться к законному политическому процессу. Что касается Европейского союза, то он проведет встречу по вопросу санкций со своей стороны. Мы все придерживаемся мнения, что они должны быть готовы.

Борьба сильных политических акторов за власть дискурсивно конструируется посредством оценочных тактик. Россия в речи российского министра представлена как придерживающаяся мирной позиции и участвующая в процессах сближения государств мира. Такая сила имеет конструктивный характер и репрезентируется при помощи лексики со значением единения:

(3) *Наша страна на протяжении многих лет последовательно выступает за укрепление коллективных усилий в интересах поиска солидарных ответов на общие для всех государств вызовы* (Лавров, 11.04.2014).

Дж. Керри создает иную репрезентацию внешнеполитической обстановки:

(4) *...Russia has instead chosen an illegitimate course of armed violence to try and achieve with the barrel of a gun and the force of a mob what couldn't be achieved any other way. They've tried to create enough chaos in the east to delay or delegitimize the elections, or to force Ukraine to accept a federalism...* (Kerry, 24.04.2014).

Вместо этого Россия выбрала незаконный путь вооруженного насилия, чтобы под дулом пистолета и силой толпы попытаться достичь того, чего нельзя достичь другим способом. Она попыталась создать такой уровень хаоса на Востоке, чтобы отсрочить или делегитимизировать выборы или заставить Украину согласиться на федерализацию...

В представленном примере Россия конструируется как государство, применяющее силу в отношении некоторых политически ослабленных акторов (*the force of a mob, to force*). Для создания образа агрессивно настроенной страны глава американского внешнего ведомства использует милитарную лексику (*armed violence, the barrel of a gun*). Все проводимые действия России на Украине признаются нелегитимными (*an illegitimate course, delegitimize*). Кроме того, применяется тактика отрицательной оценки, которую мы обозначаем как предъявление вины через демонстрацию последствий деликта [Дубровская 2014: 150]. Последствием действий России в американской речи представлен хаос на Востоке Украины (*chaos in the east*).

Сила (*strength*), как она репрезентируется в дискурсе госсекретаря Дж. Керри, заключается в объединении партнеров во главе с США для противодействия России. Отметим неоднократные повторения лексических единиц со значением объединения:

(5) *So we find ourselves in a defining moment for our **transatlantic alliance**, and nobody should mistake that. And we are prepared to do what we need to do, and to go the distance, **to uphold that alliance**. Our **strength** will come from our **unity**. And **the strength** of our **alliance** always has come from our **unity** over the course of the 65 years. So **together**, we have to push back against those who want to try to change sovereign borders by force* (Kerry, 29.04.2014).

Таким образом, наступает решающий момент для Трансатлантического альянса, и все должны это понимать. И мы готовы делать то, что необходимо, и идти дальше, чтобы поддерживать этот союз. Наша сила исходит из нашего единства. Сила нашего союза всегда исходила из нашего единства в течение 65 лет. Таким образом, вместе мы должны дать отпор тем, кто пытается изменить суверенные границы силой.

В знак сопротивления в борьбе за мировое влияние в дискурсе госсекретаря США употребляются ультиматумы и угрозы:

(6) *President Putin and Russia face a choice. **If Russia chooses the path of de-escalation**, the international community — all of us — will welcome it. **If Russia does not**, the world will make sure that the cost for Russia will only grow* (Kerry, 24.04.2014).

Президент Путин и Россия стоят перед выбором. Если Россия выбирает путь деэскалации, то международное сообщество — все мы — будет приветствовать его. Если Россия этого не сделает, то весь мир позаботится о том, чтобы плата для России увеличилась.

Придаточные условия в данном фрагменте фактически конструируют ситуацию, в которой Россия ставится перед выбором вариантов действий, навязываемых ей со стороны США.

Следует отметить, что на международных мероприятиях, где присутствуют обе стороны российско-американских отношений, а также при личном общении С. В. Лаврова и Дж. Керри дискурс меняется. Смягчая формулировки, главы внешних ведомств конструируют не противостоя-

ние России и США, а значимость их взаимоотношений:

(7) *Let me just say that it's a **pleasure** for me to be able **to welcome** Foreign Minister Lavrov so that we have an opportunity to be able **to discuss** issues of obvious importance to the **relationship** between the United States and Russia, but obviously even more so important to everybody who wants to see peace and stability in Ukraine and **progress** on other issues of concern that we share together* (Kerry, 05.06.2014).

Позвольте мне просто сказать, что я рад приветствовать министра иностранных дел Лаврова, что у нас имеется возможность обсудить вопросы, несомненно значимые для отношений США и России, но еще более значимые для тех, кто хочет видеть мир и стабильность на Украине, а также прогресс в урегулировании других вопросов, представляющих интерес для обеих сторон.

Сохранение, развитие и укрепление межнациональных отношений получают вербальное выражение в таких единицах с положительно-оценочной семантикой, как *a pleasure, to welcome, to discuss, relationship, progress*.

6.2. Пресс-конференции и ответы на вопросы СМИ

Пресс-конференция относится к самостоятельному жанру американского материала внешне-политического дискурса и не является абсолютным аналогом жанра ответов на вопросы СМИ российского материала. Жанр пресс-конференции, включающий 16 единиц собранного материала, характеризуется наличием монологического вступления главы американского внешне-политического ведомства. Оно посвящено политическим, социальным, культурным отношениям с тем или иным государством (в зависимости от того, где проводится пресс-конференция), а также основным проблемам мирового масштаба. Далее следуют вопросы журналистов по поводу актуальных на момент пресс-конференции политических событий. Жанр ответов министра иностранных дел РФ на вопросы СМИ (8 единиц от всего материала) имеет свою специфику. С точки зрения ситуативного контекста данный жанр используется после выступления российского министра по итогам переговоров с уполномоченными представителями иностранных государств, в ходе участия министра в международных и национальных мероприятиях, а также в ходе специально организованной встречи министра с прессой. Темы и содержание ответов задаются как контекстом, политической ситуацией, так и непосредственно вопросами журналистов. В вопросах журналистов может быть уже заложено определенное видение межнациональных отношений, и политики, отвечающие на вопросы, либо высказывают суждения, поддерживающие пропозицию, либо отрицают истинность пропозиции вопроса. Примером первого варианта представляется следующий пример:

(8) *Вопрос: **Считаете ли Вы, что Соединенные Штаты могут стоять за конфликтом на Украине?***

С. В. Лавров: Мы уже давали наши оценки. На Украине назревали противоречия. Для нас очевидно, что они были активно использованы

нашими западными партнерами в Евросоюзе и США для продвижения своей повестки дня, своих односторонних целей, забывая об интересах всего украинского народа... (Лавров, 06.05.2014).

Пропозиция вопроса (Соединенные Штаты могут стоять за конфликтом на Украине) получает подтверждение в высказывании российского министра (противоречия... были активно использованы нашими... партнерами). Кроме того, обстоятельства для продвижения своей повестки дня, своих односторонних целей, забывая об интересах всего украинского народа дискурсивно конструируют силу западных государств, которая заключается в проявлении свободы действий и нежелании считаться с другими политическими акторами.

В следующем примере из коммуникации в рамках пресс-конференции Генштаба НАТО Дж. Керри поддерживает догадку журналиста, но затем предлагает более общее объяснение активности НАТО, чем реакция на наращивание российского военного потенциала:

(9) Question: ...*This readiness action plan that NATO is preparing — is that something that addresses the Russian arms buildup and increasing number of military provocations in the Baltic Sea region?*

Secretary Kerry: *Well, it certainly — that is part of it. But it's also much broader than that. It's an effort to recognize that we're living in a different world. The type of threats that existed in the past are not what played out in Crimea, where you had soldiers who were hiding behind masks and without any identification on them, and a massive public relations campaign simultaneously denying the reality of what everybody was seeing on the ground; where you had this incredible capacity for deception, for denial, which was both a surrogate effort of a government and a linkage to activists, terrorists, and others* (Kerry, 25.06.2014).

Вопрос: ...Этот план действий по обеспечению готовности, над которым работает НАТО, связан с накоплением российских вооружений и увеличением числа военных провокаций в Балтийском регионе?

Секретарь Керри: *Ну, конечно, частично. Но есть и более важные причины. Это попытка понять, что мы живем в ином мире. Те угрозы, которые существовали в прошлом, не похожи на те, которые разыгрывались в Крыму, где были солдаты в масках и без каких-либо опознавательных знаков, и одновременно мощные пиар-кампании, отрицавшие то, что происходило там на самом деле; где проявилась невероятная способность к обману, отрицанию очевидного, которая отразила и псевдопопытки сохранить контроль, и связь с активистами, террористами и другими группами.*

Кроме того, используя милитарную лексику (*threats, soldiers, masks, activists, terrorists*), госсекретарь США дискурсивно конструирует отношения России и США в контексте возможного активного военного противостояния двух государств.

6.3. Интервью

Интервью составляют 6 и 14 единиц в русском и американском материале соответственно. В отличие от жанра ответов на вопросы СМИ и жанра пресс-конференции, данный диалогиче-

ский жанр функционирует в ходе организуемого телевизионной программой или телевизионным каналом, радиостанцией, информационным агентством личного общения журналиста с главами внешних ведомств. С точки зрения имплицитной цели интервью направлены на демонстрацию и распространение идеологических ценностей. Так, в следующем фрагменте вопрос Владимира Соловьева использован российским министром как повод для обсуждения необходимого формирования полицентричного мироустройства:

(10) Вопрос: *Те, кто „маме назло отмораживает уши“, оставили нас в одиночестве или есть кто-то за нас? Мы одни? У нас есть, к сожалению, всегда голосующие так же, как мы — Северная Корея, что не лучший пример. Они назло США готовы все что угодно „себе отморозить“. Поддерживают ли Россию страны, про которые можно сказать „мудрые люди“?*

С. В. Лавров: *У нас серьезная поддержка. Если страны поменьше все-таки не могут себе позволить говорить об этом открыто, потому что слишком зависимы от Запада экономически и финансово, то страны, ощущающие себя более самостоятельно и серьезно подходящие к международным отношениям, понимают, о чем сейчас идет речь. Речь сейчас идет не о том, что нужно обязательно помочь украинцам преодолеть кризис, хотя это важно, а, как я уже сказал, о перестройке мировой системы, объективном формировании полицентричного мироустройства. В конце марта в Гааге в рамках Саммита по ядерной безопасности мы встречались с министрами иностранных дел стран БРИКС. Было принято заявление, в котором подчеркивается необходимость избегать вмешательства во внутренние дела других стран, осуждается любая политика односторонних санкций и выражается приверженность всем принципам Устава ООН во всей их совокупности* (Лавров, 11.04.2014).

С. В. Лавров в основу дискурсивной репрезентации биполярности мира (западный мир со странами, которые от него зависимы экономически и финансово, и страны БРИКС, ощущающие себя более самостоятельно) помещает принципы независимости/независимости и соблюдения/несоблюдения Устава ООН.

На вопрос журналиста о готовности бойкотирования встречи G8 в Сочи по причине агрессии России по отношению к Украине глава американского внешнего ведомства дает положительный ответ, при этом даже допуская возможность исключения России из «Большой восьмерки»:

(11) Question: *Are we actually prepared, Mr. Secretary, to boycott the G-8 meeting there?*

Secretary Kerry: *Well, absolutely prepared to if this — if we can't resolve it otherwise. <...> We're prepared to mediate, to help. We're prepared to provide economic assistance of a major sort. We want the Congress to join us in providing that assistance. We hope that this can be resolved according to the standards of the 21st century, and frankly, according to the standards of the G-8. If Russia wants to be a G-8 country, it needs to behave like a G-8 country. And I guarantee you that everybody is de-*

terminated that if this cannot be resolved in a reasonable, modern, 21st century manner, there are going to be repercussions (Kerry, 02.03.2014).

Вопрос: Мы готовы, господин Секретарь, бойкотировать встречу G8 там?

Секретарь Керри: Мы абсолютно готовы к этому — если мы не можем решить это иным способом <...> Мы готовы выступить посредником, помогать. Мы готовы обеспечить хорошую экономическую поддержку. Мы хотим, чтобы Конгресс присоединился к нашей готовности обеспечить такую поддержку. Мы надеемся, что это можно решить в соответствии со стандартами XXI века и, честно говоря, в соответствии со стандартами G8. Если Россия хочет быть страной G8, она должна вести себя как страна G8. И я гарантирую вам, чтобы понимал каждый, что если вопрос не решается разумным, современным способом, способом XXI века, то будут последствия.

В ответе госсекретаря Дж. Керри США конструируются как нейтральная сторона, медиатор, помогающий разрешить конфликт. Однако при этом американская сторона выдвигает ультиматумы и угрозы а в адрес России.

6.4. Заявления для прессы

В монологических речах Дж. Керри встречается жанр заявлений для прессы, включающий 5 единиц. С точки зрения ситуативного контекста их можно разделить на два класса. Первый класс заявлений охватывает этикетные жанры поздравления в адрес государств со значимыми для них достигнутыми соглашениями или с важными официальными праздниками. Для них характерно применение перформативных форм (*I congratulate*), эксплицитно маркирующих жанр:

(12) *I congratulate the people of Russia as you celebrate your National Day on June 12, the anniversary of the peaceful establishment of the sovereign Russian Federation* (Kerry, 11.06.2014).

Я поздравляю народ России по случаю празднования 12 июня Дня независимости, годовщины мирного становления суверенной Российской Федерации.

Второй класс заявлений прямо противоположен по своей оценочной составляющей. Это публичные послания какому-либо политическому актору, вызвавшему осуждение со стороны США. Приведем пример такого осуждения:

(13) *The United States condemns the Russian Federation's invasion and occupation of Ukrainian territory, and its violation of Ukrainian sovereignty and territorial integrity in full contravention of Russia's obligations under the UN Charter, the Helsinki Final Act, its 1997 military basing agreement with Ukraine, and the 1994 Budapest Memorandum. This action is a threat to the peace and security of Ukraine, and the wider region* (Kerry, 01.03.2014).

США осуждают вторжение Российской Федерации и оккупацию территории Украины и нарушение украинского суверенитета и территориальной целостности, что является прямым нарушением обязательств России в соответствии с Уставом ООН, Заключительным актом Хельсинкских соглашений, договором 1997 года о базировании войск на территории Украины и Будапештским меморандумом 1994

года. Это действие является угрозой для мира и безопасности Украины и региона в целом.

В представленном отрывке речи Дж. Керри дискурсивно конструируется силовое давление России на слабого политического актора при помощи военной лексики (*invasion, occupation, violation, threat*). Госсекретарь США конструирует Россию как агрессивного актора и эксплицитно выражает осуждение посредством глагола речи *condemn*.

6.5. Комментарий

Комментарий, включающий всего 2 единицы и являющийся жанром монологической речи С. В. Лаврова, не имеет аналога в выступлениях Дж. Керри. Непосредственная цель комментария — краткое пояснение содержания мероприятия и подведение его итогов. Оба комментария были даны прессе по итогам встречи с госсекретарем США Дж. Керри. Акцент ставится на необходимости совместных действий, обозначенных метафорически (*искать точки соприкосновения, выработать общую позицию и др.*). Имеющиеся противоречия отмечаются как факт, но их суть не раскрывается (*выразили несоответствующие точки зрения*):

(14) С. В. Лавров: Мы провели очень интенсивные переговоры с Государственным секретарем США Дж. Керри по вопросам, касающимся кризиса на Украине. **Выразили несоответствующие точки зрения на его причины. Тем не менее мы согласились с необходимостью искать точки соприкосновения, чтобы выработать общую позицию относительно путей дипломатического урегулирования ситуации в интересах украинского народа. Обе стороны внесли свои предложения о том, как можно добиться деэскалации применительно к политической ситуации, ситуации в области безопасности как на Украине, так и вокруг нее** (Лавров, 30.03.2014).

В приведенном комментарии взаимодействие России и США представляется ключом к решению многочисленных внешнеполитических вопросов. Поскольку жанр предполагает комментирование уже произошедшего события и его результатов, для него характерно применение форм прошедшего времени (*выразили, согласились, внесли*).

7. Выводы

Представим выявленные в материале жанры в виде таблицы. В скобках указано количество единиц выделенных жанров. Из таблицы видно, что жанры выступления и интервью характеризуют как речь российского министра, так и речь госсекретаря США. Ответы на вопросы СМИ и пресс-конференции можно обозначить как не совсем идентичные, но параллельные по своим установкам и формальным критериям жанры. Заявления для прессы типичны для речи американского дипломата, тогда как жанр комментария встречается только в российском материале.

Таблица 1
Жанры внешнеполитического дискурса

Российский	Американский
выступления (46)	выступления (30)
ответы на вопросы СМИ (8)	пресс-конференции (16)
интервью (6)	интервью (14)
комментарии (2)	заявления для прессы (5)

Количественные данные свидетельствуют, что самыми частотными жанрами внешнеполитического дискурса и в российском, и в американском материале являются выступления. Именно монологический жанр выступления с более или менее продуманной заранее стратегией позволяет реализовать функцию борьбы за власть на мировой арене, характерную для внешнеполитического дискурса. Одним из инструментов реализации этой функции является конструирование в жанрах внешнеполитического дискурса специфических репрезентаций отношений между политическими акторами, государствами. В основе репрезентаций лежат задачи продвижения своих интересов на международной арене, идеологические установки акторов, а также ситуативные факторы. Спектр прагматических средств, применяемых для конструирования межнациональных отношений, включает оценочные стратегии и тактики, оценочную лексику, лексику со значением единения и конфронтации, милитарную лексику, метафоры, некоторые грамматические формы (н-р, прошедшее время глагола, придаточные условия), повторы. В результате их применения политические акторы дискурсивно конструируют сильных и слабых политических акторов и такую картину межнациональных отношений, которая в наибольшей степени соответствует целям говорящих в данном политическом и ситуативном контексте.

ЛИТЕРАТУРА

- Белов Е. С. Перцептивные и пространственные метафоры в российском внешнеполитическом дискурсе // *Вестн. Челябин. гос. ун-та*. 2010. № 11 (192). С. 12—15.
- Будаев А. В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М., 2014.
- Волков С. В. Взаимоотношения США и Японии: взгляд из России // *Власть*. 2014. № 2. С. 114—118.
- Волкова Т. А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тюмень, 2007.
- Войтоловский Ф. Г. Российско-американские отношения в контексте украинского кризиса: тенденции и перспективы // *Пути к миру и безопасности*. 2015. № 1 (48). С. 67—84.
- Голованова Д. А. Интердискурсивность дипломатического дискурса // *Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та*. 2014. № 7 (92). С. 25—30.
- Гусаков А. В. «Жесткая» и «мягкая» сила как инструменты внешней политики США // *Вестн. Ин-та стратегических исследований ПГЛУ : сб. науч. тр.* 2011. № 1. С. 15—17.
- Друцэ А. Ю. Реализация стратегий и тактик уклонения от ответа в современном дипломатическом дискурсе // *Вестн. Моск. гор. пед. ун-та*. 2015. № 2 (18). С. 98—106.
- Дубровская Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014.
- Дубровская Т. В., Кожемякин Е. А. Конструирование межнациональных отношений в СМИ: специфика репрезентаций // *Науч. вед. Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки*. 2015. Т. 26 (в печ.).
- Егоров В. П. Дипломатический протокол и этикет : учеб. пособие. — М. : Юридический ин-т МИИТа, 2013.
- Иохим А. Н. Специфика формирования внешнеполитического дискурса (на материале внешней политики России в 2008—2010 гг.) // *Политика и общество*. 2014. № 9 (117). С. 1140—1147.
- Кожетева А. С. Дипломатический дискурс как особый вид институционального дискурса // *Науч. вестн. Воронеж. гос. архитектур.-строит. ун-та*. 2012. № 1 (17). С. 54—63.
- Концепция внешней политики Российской Федерации : (утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февр. 2013 г.). URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 12.08.2015).
- Матыгина Е. Б. Концептуальный метафорический сценарий «Путь к демократии» во внешнеполитическом дискурсе Кондолизы Райс // *Политическая лингвистика*. 2014. № 4 (50). С. 258—263.
- Неронова А. В. США, Россия и Китай в Ближневосточном регионе: специфика современных взаимоотношений и перспектива // *Вестн. КРСУ*. 2014. № 11. С. 169—173.
- Полякова И. С. Прецедентное имя как элемент образа России в дискурсе американского политика (на материале обращений К. Райс, 2005—2009) // *Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 13—17 сент. 2010) / гл. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2010. С. 140—143.*
- Пономаренко О. В. Понятие лиминальности в лингво-философской детерминации дипломатического дискурса // *Филология и искусствознание*. 2014. № 12 (14). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1819> (дата обращения: 10.08.2015).
- Прохорова О. А., Ардасова О. О. Дискурс дипломатии в системе смежных дискурсов // *Наука и мир*. 2014. № 5 (9). С. 101—103.
- Соловьев Э. Г. Украинская рулетка в трансформации российско-американских отношений // *Россия и новые государства Евразии*. 2014. № 4 (25). С. 34—51.
- Терентий Л. М. Специфика дипломатического дискурса как формы коммуникации // *Вопр. когнитивной лингвистики*. 2010. № 1. С. 47—56.
- Терехова Е. В. Критерии выделения и особенности функционирования рекуррентных конструкций в английском политическом и дипломатическом дискурсе // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та*. 2011. № 1. С. 102—108.
- Чудинов А. П. Российская политическая метафора в начале XXI века // *Политическая лингвистика*. 2008. № 1 (24). С. 86—93.
- Шаклеина Т. А. О войне, победе и российско-американских отношениях. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document271101.phtml> (дата обращения: 06.09.2015).
- Шаповалова Т. А. Коммуникативная категория толерантности и ее реализация в современном политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 2013.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2000.
- Ярославцева Я. А., Дубровская Т. В. Корпус российско-внешнеполитического дискурса в жанровом аспекте (на материале выступлений министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова) // *Научный диалог*. 2015. № 6 (42). С. 121—139.
- Ярославцева Я. А. Языковые средства выражения концептов «сила» и «слабость» во внешнеполитическом дискурсе (на примере речи министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова перед членами Совета Безопасности ООН) // *Язык. Право. Общество : материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф. — Пенза : Изд-во Пензен. гос. ун-та, 2015. С. 199—202.*
- Department of State FY 2014 Agency Financial Report. URL: <http://www.state.gov/s/d/rm/index.htm#mission> (date of access: 15.08.2015).
- Fairclough N. *Analysing Discourse : Textual Analysis for Social Research*. — London ; New York : Routledge, 2004.
- Mankoff J., Kuchins A. Russia, Ukraine, and U. S. Policy Options: A Briefing Memo / The Center for Strategic and International Studies. 2015 URL: http://csis.org/files/publication/150129_Mankoff_RussiaUkraineUSOptions_Web.pdf (date of access: 06.09.2015).
- Müftüler-Baç M. Deliberations in the Turkish parliament: The external perceptions of European foreign policy // *Journ. of Language and Politics*. 2015. № 14, 2. P. 258—284.
- Rasmussen S. B. *Discourse Analysis of EU Public Diplomacy: Messages and Practices / Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'*. 2009. URL: http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20090700_cdsp_discussion_paper_r_115_Rasmussen.pdf (date of access: 22.08.2015).

34. Tekin B. Ç. The construction of Turkey's possible EU membership in French political discourse // *Discourse & Society*. 2008. № 19 (6). P. 727—763.

35. Van Leeuwen T. *The Representation of Social Actors // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis / Carmen Rosa Caldas-Coulthard, Malcolm Coulthard (eds.)*. — London : Routledge, 2003. P. 32—70.

36. Wodak R. European identities and the revival of nationalism in the European Union: a discourse historical approach // *Journ. of Language and Politics*. 2015. № 14, 1. P. 87—109.

ИСТОЧНИКИ

37. Лавров. 05.03.2014. — Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел и сотрудничества Испании Х. М. Гарсия-Маргальо. Мадрид.

38. Лавров. 30.03.2014. — Комментарий и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова по итогам переговоров с Государственным секретарем США Дж. Керри. Париж.

39. Лавров. 11.04.2014. — Выступление министра иностранных дел России С. В. Лаврова на встрече с представителями российских неправительственных организаций международной специализации. Москва.

40. Лавров. 11.04.2014. — Интервью министра иностранных дел России С. В. Лаврова в специальном выпуске программы «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» на телеканале «Россия 1». Москва.

41. Лавров. 06.05.2014. — Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам министерской сессии Комитета министров Совета Европы. Вена.

42. Kerry. 01.03.2014. — Situation in Ukraine. Washington, DC.

43. Kerry. 02.03.2014. — Interview With Bob Schieffer of CBS's Face The Nation. Boston, MA.

44. Kerry. 24.04.2014. — Remarks on Ukraine. Washington, DC.

45. Kerry. 29.04.2014. — Remarks at the Atlantic Council's "Toward a Europe Whole and Free". Conference. Washington, DC.

46. Kerry. 05.06.2014. — Remarks With Russian Foreign Minister Sergey Lavrov before Their Meeting. Paris, France.

47. Kerry. 11.06.2014. — On the Occasion of the National Day of the Russian Federation. Washington, DC.

48. Kerry. 25.06.2014. — Press Availability at NATO Headquarters. Brussels, Belgium.

49. Kerry. 26.06.2014. — Remarks With French Foreign Minister Laurent Fabius After Their Meeting. Paris, France.

Y. A. Yaroslavtseva
Ulyanovsk, Russia

T. V. Dubrovskaya
Penza, Russia

CONSTRUCTING INTERNATIONAL RELATIONS IN THE GENRES OF FOREIGN POLICY DISCOURSE IN RUSSIA AND THE USA

ABSTRACT. *The paper studies discursive construction of international relations on the basis of comparative genre analysis applied to Russian and the US foreign policy discourse. The authors analyze the corpus of speeches of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S. Lavrov and the United States Secretary of State J. Kerry. The corpus dates back to 2014. The article offers a model of genre analysis, which is then applied to the collected material. The genres are analyzed in terms of situational context, communicative goal, communicants and linguistic techniques of constructing international relations. The results of application of the model are summarized by means of a comparative analysis. The approaches to the study of foreign policy discourse by Russian and foreign scholars are briefly presented, and the specificity of current the US — Russian relations is explored. Methodologically, the work is based on the theses of social constructionism and critical discourse analysis. The novelty of the study consists in the fact that the foreign policy discourse is studied to identify typical mechanisms of discursive construction of international relations, the mechanisms that are specific for foreign policy communication, including social actors, their intentions, actions and the system of relationships.*

KEYWORDS: *international relations; discursive construction; foreign policy discourse; genre; Russia; the USA; strength.*

ABOUT THE AUTHORS: *Yaroslavtseva Yana Alekseevna, Post-graduate Student, Penza State University (Penza); Assistant Lecturer of Department of English, Faculty of Foreign Languages, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia.*

Dubrovskaya Tat'yana Viktorovna, Doctor of Philology, Head of Department of English, Faculty of History and Philology, Penza State University. Penza, Russia.

REFERENCES

1. Belov E. S. Pertseptivnye i prostranstvennye metafory v rossiyskom vneshnepoliticheskom diskurse // *Vestn. Chelyab. gos. un-ta*. 2010. № 11 (192). S. 12—15.

2. Budaev A. V. Rol' «myagkoy sily» vo vneshney politike Rossii: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. — M., 2014.

3. Volkov S. V. Vzaimootnosheniya SShA i Yaponii: vzglyad iz Rossii // *Vlast'*. 2014. № 2. S. 114—118.

4. Volkova T. A. Diplomaticheskij diskurs v aspekte strategichnosti perevoda i kommunikatsii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Tyumen', 2007.

5. Voytolovskiy F. G. Rossiysko-amerikanskije otnosheniya v kontekste ukrainskogo krizisa: tendentsii i perspektivy // *Puti k miru i bezopasnosti*. 2015. № 1 (48). S. 67—84.

6. Golovanova D. A. Interdiskursivnost' diplomaticheskogo diskursa // *Izv. Volgograd. gos. ped. un-ta*. 2014. № 7 (92). S. 25—30.

7. Gusakov A. V. «Zhestkaya» i «myagkaya» sila kak instrumenty vneshney politiki SShA // *Vestn. In-ta strategicheskikh issledovaniy PGLU* : sb. nauch. tr. 2011. № 1. S. 15—17.

8. Drutse A. Yu. Realizatsiya strategiy i taktik ukloneniya ot otveta v sovremennom diplomaticheskom diskurse // *Vestn. Mosk. gor. ped. un-ta*. 2015. № 2 (18). S. 98—106.

9. Dubrovskaya T. V. Rechevye zhanry «osuzhdenie» i «obvinenie» v russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh. — Penza : Izd-vo PGU, 2014.

10. Dubrovskaya T. V., Kozhemyakin E. A. Konstruirovaniye mezhnatsional'nykh otnosheniy v SMI: spetsifika reprezentatsiy // *Nauch. ved. Belgorod. gos. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki*. 2015. T. 26 (v pech.).

11. Egorov V. P. Diplomaticheskij protokol i etiket : ucheb. posobie. — M. : Yuridicheskij in-t MIITa, 2013.

12. Iokhim A. N. Spetsifika formirovaniya vneshnepoliticheskogo diskursa (na materiale vneshney politiki Rossii v 2008—2010 gg.) // *Politika i obshchestvo*. 2014. № 9 (117). S. 1140—1147.

13. Kozheteva A. S. Diplomaticheskij diskurs kak osobyby vid institutsional'nogo diskursa // *Nauch. vestn. Voronezh. gos. arkhitektur.-stroit. un-ta*. 2012. № 1 (17). S. 54—63.

14. Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii : (utv. Prezidentom Rossiyskoy Federatsii V. V. Putinyim 12 fev. 2013 g.). URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (data obrashcheniya: 12.08.2015).

15. Matygina E. B. Kontseptual'nyy metaforicheskiy stsenariy «Put' k demokratii» vo vneshnepoliticheskom diskurse Kondolizy Rays // *Politicheskaya lingvistika*. 2014. № 4 (50). S. 258—263.

16. Neronova A. V. SShA, Rossiya i Kitay v Blizhnevostochnom regione: spetsifika sovremennykh vzaimootnosheniy i perspektiva // Vestn. KRSU. 2014. № 11. S. 169—173.
17. Polyakova I. S. Pretsedentnoe imya kak element obraza Rossii v diskurse amerikanskogo politika (na materiale obrashcheniy K. Rays, 2005—2009) // Obraz Rossii v zarubezhnom politicheskom diskurse: stereotipy, mify i metafory : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 13—17 sent. 2010) / gl. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2010. S. 140—143.
18. Ponomarenko O. V. Ponyatie liminal'nosti v lingvofilosofskoy determinatsii diplomaticheskogo diskursa // Filologiya i iskusstvovedenie. 2014. № 12 (14). URL: <http://7univsum.com/ru/philology/archive/item/1819> (data obrashcheniya: 10.08.2015).
19. Prokhorova O. A., Ardasova O. O. Diskurs diplomatii v sisteme smezhnykh diskursov // Nauka i mir. 2014. № 5 (9). S. 101—103.
20. Solov'ev E. G. Ukrainskaya ruletka v transformatsii rossiysko-amerikanskikh otnosheniy // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2014. № 4 (25). S. 34—51.
21. Terentiy L. M. Spetsifika diplomaticheskogo diskursa kak formy kommunikatsii // Vopr. kognitivnoy lingvistiki. 2010. № 1. S. 47—56.
22. Terekhova E. V. Kriterii vydeleniya i osobennosti funkcionirovaniya rekurrentnykh konstruktivnykh v angliyskom politicheskom i diplomaticheskom diskurse // Vestn. Novosib. gos. un-ta. 2011. № 1. S. 102—108.
23. Chudinov A. P. Rossiyskaya politicheskaya metafora v nachale XXI veka // Politicheskaya lingvistika. 2008. № 1 (24). S. 86—93.
24. Shakleina T. A. O voyne, pobede i rossiysko-amerikanskikh otnosheniyakh. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document271101.phtml> (data obrashcheniya: 06.09.2015).
25. Shapovalova T. A. Kommunikativnaya kategoriya tolerantnosti i ee realizatsiya v sovremennom politicheskom diskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Saratov, 2013.
26. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa : dis. ... d-ra filol. nauk. — Volgograd, 2000.
27. Yaroslavtseva Ya. A., Dubrovskaya T. V. Korpus rossiyskogo vneshepoliticheskogo diskursa v zhanrovom aspekte (na materiale vystupleniy ministra inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii S. V. Lavrova) // Nauchnyy dialog. 2015. № 6 (42). S. 121—139.
28. Yaroslavtseva Ya. A. Yazykovye sredstva vyrazheniya kontseptov «sila» i «slabost» vo vneshepoliticheskom diskurse (na primere rechi ministra inostrannykh del RF Sergeya Lavrova pered chlenami Soveta Bezopasnosti OON) // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : materialy 3-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. — Penza : Izd-vo Penzen. gos. un-ta, 2015. S. 199—202.
29. Department of State FY 2014 Agency Financial Report. URL: <http://www.state.gov/s/d/rm/index.htm#mission> (date of access: 15.08.2015).
30. Fairclough N. Analysing Discourse : Textual Analysis for Social Research. — London ; New York : Routledge, 2004.
31. Mankoff J., Kuchins A. Russia, Ukraine, and U. S. Policy Options: A Briefing Memo / The Center for Strategic and International Studies. 2015 URL: http://csis.org/files/publication/150129_Mankoff_RussiaUkraineUSOptions_Web.pdf (date of access: 06.09.2015).
32. Müftüler-Baç M. Deliberations in the Turkish parliament: The external perceptions of European foreign policy // Journ. of Language and Politics. 2015. № 14, 2. P. 258—284.
33. Rasmussen S. B. Discourse Analysis of EU Public Diplomacy: Messages and Practices / Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'. 2009. URL: http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20090700_cdsp_discussion_paper_r_115_Rasmussen.pdf (date of access: 22.08.2015).
34. Tekin B. Ç. The construction of Turkey's possible EU membership in French political discourse // Discourse & Society. 2008. № 19 (6). P. 727—763.
35. Van Leeuwen T. The Representation of Social Actors // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis / Carmen Rosa Caldas-Coulthard, Malcolm Coulthard (eds.). — London : Routledge, 2003. P. 32—70.
36. Wodak R. European identities and the revival of nationalism in the European Union: a discourse historical approach // Journ. of Language and Politics. 2015. № 14, 1. P. 87—109.
37. Lavrov. 05.03.2014. — Vystuplenie i otvety na voprosy SMI ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova v khode sovmestnoy press-konferentsii po itogam peregovorov s ministrom inostrannykh del i sotrudnichestva Ispanii Kh. M. Garsia-Margal'o. Madrid.
38. Lavrov. 30.03.2014. — Kommentariy i otvety na voprosy SMI ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova po itogam peregovorov s Gosudarstvennym sekretarem SShA Dzh. Kerri. Parizh.
39. Lavrov. 11.04.2014. — Vystuplenie ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova na vstreche s predstaviteleyami rossiyskikh nepravitel'stvennykh organizatsiy mezhdunarodnoy spetsializatsii. Moskva.
40. Lavrov. 11.04.2014. — Interv'yu ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova v spetsial'nom vypuske programmy «Voskresnyy vecher s Vladimirom Solov'evym» na telekanale «Rossiya 1». Moskva.
41. Lavrov. 06.05.2014. — Vystuplenie i otvety na voprosy SMI ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova v khode press-konferentsii po itogam ministerskoy sessii Komiteta ministrov Soveta Evropy. Vena.
42. Kerry. 01.03.2014. — Situation in Ukraine. Washington, DC.
43. Kerry. 02.03.2014. — Interview With Bob Schieffer of CBS's Face The Nation. Boston, MA.
44. Kerry. 24.04.2014. — Remarks on Ukraine. Washington, DC.
45. Kerry. 29.04.2014. — Remarks at the Atlantic Council's "Toward a Europe Whole and Free". Conference. Washington, DC.
46. Kerry. 05.06.2014. — Remarks With Russian Foreign Minister Sergey Lavrov before Their Meeting. Paris, France.
47. Kerry. 11.06.2014. — On the Occasion of the National Day of the Russian Federation. Washington, DC.
48. Kerry. 25.06.2014. — Press Availability at NATO Headquarters. Brussels, Belgium.
49. Kerry. 26.06.2014. — Remarks With French Foreign Minister Laurent Fabius After Their Meeting. Paris, France.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. В. Дементьев.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 81'42:81'38'
ББК Ш105.51+Ш105.551.5

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Н. С. Данкова
Пенза, Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ: СТРАТЕГИЯ ОЦЕНКИ

АННОТАЦИЯ. Автор статьи изучает стратегию оценки, используемую журналистами для освещения деятельности судебной власти в российских и английских печатных СМИ. Целью данного исследования является выявление дискурсивных способов конструирования имиджа судебной системы, реализующих стратегию оценки. В статье рассматриваются два варианта использования стратегии оценки: позитивный и негативный, которые создают положительный или отрицательный имидж судебной власти соответственно. В рамках обозначенной стратегии проводится анализ языковых средств. Исследуются средства лексического и грамматического уровней языка, а также стилистические приемы, реализующие стратегию оценки в российской и английской прессе. В статье рассматриваются оценки, выраженные как эксплицитными, так и имплицитными языковыми средствами. Автор выделяет несколько объектов оценочных высказываний в дискурсе СМИ о судебной власти. Кроме того, выявляются также культурные особенности использования стратегии оценки, присущие российским и английским печатным СМИ. В заключение сделан вывод о преобладающем образе судебной власти, который создается в российской и английской прессе посредством стратегии оценки. Автор утверждает, что данная стратегия определяет то, как представлен образ правосудия в СМИ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судебная власть; СМИ; стратегия; оценка; образ — положительный, отрицательный.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Данкова Наталья Станиславовна, старший преподаватель кафедры «Английский язык», Пензенский государственный университет; адрес: 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40; e-mail: n.s.dankova@mail.ru.

Дискурс СМИ привлекает внимание исследователей, о чем свидетельствует наличие большого числа научных работ, посвященных изучению языка печатных средств массовой информации. Одним из аргументов в пользу изучения медийного дискурса является то, что восприятие человеком окружающего мира в большой мере зависит от того, каким представлен этот мир в средствах массовой информации [Добросклонская 2008; Дубровская 2008; Дубровская 2013; Dijk 1998]. Тот факт, что дискурс, в том числе дискурс СМИ, конструирует реальность, неоднократно отмечали как отечественные, так и зарубежные исследователи [Bloor, Bloor 2007; Русакова 2013]. Так, ссылаясь на теорию социального конструктивизма, М. Йоргенсен и Л. Филлипс отмечают, что «реальность представляет собой то, что мы говорим о ней» [Jorgensen, Phillips 2002: 178] (перевод с английского здесь и далее мой. — Н. Д.).

Кроме того, в настоящее время в нашей стране наблюдается неоднозначное отношение общественности к институту правосудия. С одной стороны, все больше граждан обращаются в суд за защитой своих прав и интересов. С другой стороны, социологические опросы выявляют недоверие общества судебной власти. Так, по данным социопроса фонда «Общественное мнение» 2012 г., 40 % опрошенных выразили негативные оценки в адрес судебной системы, и только 24 % оценили деятельность суда и судей положительно [Российский суд...]. Ввиду противоречивости сложившейся ситуации полагаем, что репрезентация судебной власти в дискурсе СМИ оказывает непосредственное влияние на общественное мнение, и образ судебной власти, создаваемый в СМИ, во многом определяет отношение общества к системе правосудия. Таким образом, актуальность изучения дискурсивных репрезентаций судебной власти связа-

на с интересом современной лингвистики к прагматическим аспектам изучения языка. Некоторые вопросы данного направления исследований были рассмотрены нами ранее [Данкова, Дубровская 2014; Данкова 2014; Гуляйкина, Дубровская, Данкова 2014; Dubrovskaya, Dankova, Gulyaykina 2015].

Одним из факторов, который воздействует на способ изложения событий в СМИ, является выбор журналистской стратегии. Вслед за ведущими западными учеными в области критического анализа дискурса под стратегией мы подразумеваем «более или менее точный план действий (включая дискурсивные действия) с большей или меньшей степенью намерения, принятый для достижения конкретной социальной, политической, психологической или лингвистической цели» [Reisigl, Wodak, 2001: 44]. Целью данного фрагмента исследования является изучение дискурсивных способов конструирования имиджа судебной системы, реализующих одну из ведущих журналистских стратегий как отечественных, так и английских СМИ — стратегию оценки. Сопутствующая задача настоящего исследования заключается в выявлении образа судебной власти, конструируемого в СМИ посредством использования стратегии оценки.

Методология исследования основана на дискурсивном анализе. Исследование дискурса СМИ методом критического анализа получило широкое распространение на Западе [Reisigl, Wodak 2001; Dijk 1998; Dijk 2006]. Применение данного методологического подхода к анализу дискурса СМИ о судебной власти, на наш взгляд, является ключом к пониманию социальной действительности.

Материалом для исследования послужили статьи о судебной власти, опубликованные в идеологически противоположных печатных изда-

ниях Великобритании и России. Для анализа английских СМИ были выбраны следующие газеты: широкоформатная газета «The Guardian» (далее «The G»), которая является леволиберальной по своим политическим взглядам, а также ее воскресный выпуск «The Observer» (далее «The O»), и таблоид «The Daily Mail» (далее «The DM»), редакция которого поддерживает Консервативную партию Великобритании. Российскую прессу представили правительственная «Российская газета» (далее «РГ») и оппозиционная «Новая газета» (далее «НГ»). Статьи отбирались методом сплошной выборки в период с января по июнь 2013 года.

Методика обработки материала включает несколько шагов. Сначала статьи для анализа были извлечены из электронных архивов изданий. Затем корпус текстов был исследован, в нем была выделена стратегия оценки, используемая журналистами для освещения деятельности судебной власти. Далее следовал анализ данной стратегии с точки зрения языковых средств ее реализации. В заключение сделан вывод о преобладающем имидже судебной власти в английской и российской прессе.

Стратегия оценки включает в себя приписывание положительных либо отрицательных характеристик объекту репрезентации [Resigl, Wodak 2001: 45]. Журналистские оценки становятся предметом изучения отечественных и зарубежных исследователей [Банковская 2005; Ягубова 2009; White 2012 и др.].

По наблюдениям исследователей, оценочные высказывания, содержащиеся в газетных текстах, являются действенным способом воздействия на читателей. В дискурсе СМИ отмечены разные типы оценок, включая индивидуальные и оценки «от общего мнения» [Дубровская 2013], эксплицитно и имплицитно выраженные оценочные высказывания. Особый интерес представляют оценки, выраженные имплицитно, поскольку позволяют журналисту явно не навязывать свою субъективную точку зрения читателю. В качестве имплицитных оценочных средств может использоваться, например, цитирование, когда «оценка журналиста отходит на задний план, а оценка источника цитирования выводится на передний» [White 2012: 58]. По наблюдениям П. Уайта, тексты такого рода воспринимаются читателями как объективные, несмотря на то, что они могут поддерживать определенную аксиологическую позицию [Там же].

Широко исследуются языковые средства, используемые журналистами с целью выражения оценки, такие как оценочная лексика [Солганик 2012; Рабиурская 2008; Бекетова 2014 и др.], стилистические средства языка [Ваулина, Катеруша 2008; Мартыненко 2005], синтаксические приемы [White 2012; Hout, Pounds, Vertommen 2012], игровые приемы [Негрышев 2009] и др. Как представляется, оценочные средства языка являются важной составляющей журналистского дискурса.

Причиной высказывания оценок в дискурсе СМИ исследователи считают стремление журналиста к самовыражению. По замечанию Н. А. Банковской, «российский журналист не просто стремится изложить информацию, а показать читате-

лю мир через призму собственного „Я“, а не только своего издания» [Банковская 2007: 110]. Так, М. А. Кормилицына подчеркивает тот факт, что именно субъективные смыслы организуют смысловую структуру текстов самых разных газетных жанров [Кормилицына 2008]. «Объективные же, информирующие читателя о событиях реальной действительности, часто подчиняются субъективным смыслам и, в конечном счете, служат лишь для аргументации справедливости авторской позиции», — пишет исследовательница [Там же: 14]. Авторская позиция оказывает непосредственное воздействие на восприятие читателей. «И чем талантливее журналист, тем ближе читателю авторская позиция, тем лучше он воспринимает его оценку», — отмечает Н. А. Банковская [Банковская 2007: 111].

В то же время журналистские оценки определяются идеологической позицией печатного издания, на что также указывают исследователи. Идеологическая направленность газеты оказывает непосредственное влияние не только на репрезентацию тех или иных событий, но и на отбор фактов, выбранных для освещения. «То, какие стороны событий показаны и на чем именно делается акцент, а о каких событиях умалчивается, во многом определяет оценку (положительную или отрицательную) этих явлений, событий аудитории», — отмечает Н. Фэрклоф [Fairclough 2004: 137]. Исследуя дискурс СМИ, Т. ван Дейк наглядно демонстрирует, каким образом идеологическая направленность газеты контролирует содержание издания (заголовки, тематику, цитирование, манеру изложения, риторические приемы и др.) [Dijk 2006]. Подобным образом П. Симпсон рассматривает то, как различные идеологические позиции передаются через язык газет при освещении одних и тех же событий и как меняется «угол обзора» разных изданий при репрезентации этих событий. Таким образом, идеологическая предвзятость неизбежно присутствует в дискурсе [Simpson 2005].

Обратимся к непосредственным результатам настоящего исследования.

Стратегия оценки широко используется журналистами английских и российских СМИ при освещении деятельности судебной власти ввиду того, что «сам процесс оценивания заложен в человеческую природу» [Дубровская 2014: 43]. Следует отметить, что данная стратегия обладает свойством прагматической двойственности, то есть может использоваться для конструирования как положительного образа судебной системы, так и отрицательного.

Прежде всего оценка выражается средствами лексического уровня языка.

Положительная оценка достигается посредством использования **лексики с положительной семантикой**: *уверенно, удается, достигнений* («РГ» 14.01.13), *улучшению* («РГ» 30.01.13), *благоотворно* («РГ» 08.02.13), *совершенствование, эффективность* («РГ» 19.02.13), *честь и хвала* («НГ» 22.05.13), *proper and correct — соответствующий и правильный* («The G» 08.02.13), *appropriate — соответствующий* («The G» 08.02.13), *rightly — должным образом* («The DM» 30.01.13), *effective — эффективный* («The G»

26.02.13), *success* — успех ("The G" 14.03.13), *unrivalled* — непревзойденный, *efficiency* — эффективность ("The G" 14.03.13).

Отрицательная оценка, напротив, выражается лексикой с отрицательно-оценочной семантикой: *цинизм*, («НГ» 21.01.13), *нелегитимный*, *неправосудно*, *недостатки* («НГ» 13.02.13), *губительная* («НГ» 08.04.13), *ад* («НГ» 06.03.13), «Позор!» («НГ» 29.04.13), *подлость* («НГ» 26.06.13), *безобразия* («РГ» 21.02.13), *outrageous* — вопиющий ("The G" 21.02.13), *unreasonable* — безосновательный, *unfair* — несправедливый, *disproportionate* — несоразмерный ("The G" 12.04.13), *unfavourable* — неблагоприятный ("The DM" 13.01.13), *devalues* — обесценивает ("The DM" 26.01.13), *insult* — обида, *injury* — оскорбление ("The DM" 13.01.13), *ineffective* — неэффективный ("The DM" 21.02.13), *shame* — стыд ("The DM" 16.01.13), *crazy* — сумасшедший ("The G" 21.02.13).

Следует отметить, что лексические единицы *позор*, *shame* представляют собой эксплицитно выраженное осуждение, основанное на моральной оценке [Дубровская 2014], а слово *crazy* характеризует разговорный стиль общения и используется с целью достижения экспрессивности.

Заметим, что, в отличие от английских СМИ, российским газетам присуща ярко выраженная идеологическая поляризация, которая характеризует издательство газет, поддерживающих разные политические силы. Как видно из примеров, лексика с положительной семантикой превалирует в правительственной «РГ», тогда как оппозиционная пресса использует главным образом лексику с отрицательной оценочной семантикой, создавая оппозиционный настрой у читательской аудитории. Немногочисленные случаи употребления лексики с положительной оценочной направленностью рассматриваются скорее как исключение, которое подтверждает общее правило, что наглядно демонстрирует следующий фрагмент:

Честь и хвала маме и сыну, а также — судя по всему — некоторым судьям областного суда, которые взяли на себя и смелость, и труд попытаться защитить очевидно невиновного («НГ» 22.05.13).

Стратегия оценка реализуется также грамматическими языковыми средствами. Примером тому может служить использование **сравнительной и превосходной степеней прилагательных**:

Вердикт самых грамотных в стране судей будет полезен и для самих судей, которые разрешают подобные споры («РГ» 11.06.13).

Lady Hale was recently voted fourth most powerful woman in Britain by BBC Radio 4's Woman's Hour. — Согласно недавно проведенному опросу программы „Женский час“ радио Би-би-си — 4, госпожа Хейл заняла четвертое место среди самых влиятельных женщин Британии ("The G" 21.02.13).

The eight month prison sentences imposed on Chris Huhne and Vicky Pryce are well within the normal range for such offences but slightly longer than many had expected. — Восьмимесячный тюремный срок, назначенный Крису Хьюн и Вики Прайс, является вполне приемлемым для подобных правонарушений, однако это немного

больше, чем многие ожидали ("The G" 11.03.13).

Возможности использование **сослагательного и повелительного наклонений глагола** для выражения оценки демонстрируют следующие примеры:

Защита потерпевших заявила о намерении обжаловать решение суда. По ее мнению, адекватным было бы максимально возможное наказание за инкриминируемое деяние — девять лет заключения («РГ» 23.05.13).

«Приговор стоило бы пересмотреть» («НГ» 30.01.13).

“There will also be more victims of violent crimes committed by foreigners who should have been, and could have been, deported”. — *“Будут еще жертвы жестоких преступлений, совершенных иностранцами, которых можно и нужно было бы депортировать”* ("The DM" 08.02.13).

Sack that judge! Allowing a woman, 31, to walk free after groping 12-year-old boy is a criminal sign of outdated chivalry, says Peter Lloyd. — „Увольте этого судью! Позвольте женщине, 31-летней, свободно уйти после соращения двенадцатилетнего мальчика — признак устаревшего благородства, которое является преступным“, — говорит Питер Ллойд ("The DM" 26.01.13).

Возможность использования **вопросительных и восклицательных предложений** с целью выражения оценки демонстрируют приводимые далее примеры. Вопрос, который ставит автор, выявляет его отношение к посмертному судебному процессу против С. Магнитского и наводит на мысль об абсурдности судебного разбирательства:

А пока корреспондентов — иностранных, естественно (российские уже ко всему привыкли), — не оставляет один и тот же вопрос, который они каждый раз и совершенно искренне задают пресс-секретарю Тверского суда: „А как это возможно — судить покойного?“ («НГ» 20.02.13)

Ликующий возглас истицы, добившейся защиты своих прав в суде, конструирует положительный образ судебной власти:

“Thank you Jesus!” Exultant cry of BA check-in clerk who finally wins her court battle over right to wear a cross. — „Слава тебе, Господи!“ Ликующий возглас сотрудницы службы регистрации Британских авиалиний, которая наконец отстояла свое право носить крест через суд ("The DM" 15.01.13).

Стратегия оценки реализуется посредством использования **стилистических приемов**. Одним из таких средств является метафора. Использование метафоры в рамках стратегии оценки (как правило, с отрицательной направленностью) определяет тот факт, что метафора представляет собой «инструмент убеждения и формирования мнения» [Вражнова и др. 2009: 98]. Следующие метафоры, используемые журналистами российской оппозиционной прессы, указывают на политизацию судебной власти, что ставит под вопрос ее независимость, а также объективность и беспристрастность:

Сегодня суд — это парадно-демократическая суперобложка власти, скрывающая под

собой нарастающее экономическое и внеэкономическое насилие («НГ» 24.06.13).

Жертвами **судебного маскарада** в первую голову становились, понятно, те обвиняемые, судьба которых была предрешена политическими или пропагандистскими соображениями («НГ» 26.06.13).

Недостатки в работе судебной власти отмечаются и в английской прессе. Неадекватность наказания совершенному преступлению обсуждается в следующем фрагменте, который затрагивает вопрос наказания в виде общественных работ. Судебная система показана как вращающаяся дверь, что предполагает свободное передвижение преступников в разных направлениях:

Britain's "revolving door system" of non-custodial punishment revealed. — Открывается „вращающаяся дверь“ системы наказаний Великобритании, не предусматривающей наказание в виде лишения свободы ("The DM" 21.02.13).

Метафоричное высказывание *stage a soap opera* — ставить мыльную оперу в следующем примере указывает на абсурдность судебного разбирательства в отношении фигуранта дела, поскольку нарушение, совершенное им, является, по мнению автора публикации, незначительным:

Have the courts nothing better to do with their apparently limitless resources than stage a soap opera in high places? — Судам с их, вероятно, неограниченными ресурсами больше нечем заняться, кроме как публично ставить мыльную оперу? ("The G" 21.02.13).

Кроме того, очевидно, что автор иронизирует, упоминая неограниченные ресурсы, *limitless resources*, судебной системы. Ирония как средство оценки используется также в российских газетах. Как представляется, негодование автора из-за судебного решения, выраженное посредством ироничного вопроса, передается и читателю:

А две тетечки мне просто по-человечески понравились: простые, честные, но путаные, всё сетовали на ужасный характер Ильи Исааковича — собственно, больше ничего и не смогли сказать. Хотя уже во время их показаний вкралось ко мне страшное подозрение: а может, они думают, что за плохой характер 8 лет одинокому отцу троих детей, учителю рисования — это нормально? («НГ» 26.06.13).

Параллельные конструкции, градация, а также лексические повторы в следующих фрагментах являются эффективными средствами конструирования как положительной, так и отрицательной оценки системы правосудия в СМИ:

"People all over the world know: for dispute resolution, you come to Britain. You come to Britain because it's cheaper: it costs 15 % less here than in the rest of Europe. You come to Britain because it's quicker: disputes get resolved more rapidly here — cases concluded in months, not years. And you come to Britain because the judgment of a British court comes with a cast-iron guarantee of impartiality, integrity and enforceability. You come to Britain because it is just good business sense". — „Во всем мире люди знают: для разрешения спора приезжают в Великобританию. В Великобританию приезжают потому, что это дешевле: на 15 % дешевле, чем в Европе. В Вели-

британию приезжают потому, что это быстрее: споры здесь разрешаются быстрее — дела завершаются в течение месяцев, а не лет. И в Великобританию приезжают потому, что заключение британского суда железно гарантирует беспристрастность, честность и силу. В Великобританию приезжают потому, что это просто хорошая деловая сметка" ("The G" 14.03.13).

Все это наш позор. Позор то, что ни один следователь не подал в отставку — все предпочли работать винтиками государственного террора. Позор то, что ни один судья не отказался продлевать срок содержания невинных под стражей — не осужденные люди сидят в тюрьме уже год («НГ» 24.06.13).

Можно выделить несколько **объектов оценочных высказываний** в английских и российских СМИ. Во-первых, оценке подвергаются судебные решения:

В итоге приговор получился странным. Путаный какой-то («НГ» 20.05.13).

"Quite clearly that behaviour without any motive pretty clearly shows that he is a danger to women on the streets and I think the judge's sentence has reflected that". — „Вполне очевидно, что подобное поведение без какого-либо повода явно указывает на то, что он представляет собой угрозу для женщин на улице, и, я считаю, приговор судьи это отразил" ("The G" 25.02.13).

Во-вторых, оцениваются судебные слушания по конкретным делам, а также отдельные их этапы:

По этой причине никто из его близких своих представителей для участия в этом бесстыдном процессе не направлял («НГ» 12.02.13).

The judge later said the cross-examination was proper and correct. — Позже судья сказал, что перекрестный допрос был соответствующим и правильным ("The G" 08.02.13).

В-третьих, объектом оценки является система правосудия в целом:

Судебная система России занимает все более важное место в жизни общества, уверенно выполняя роль, возложенную на нее Конституцией Российской Федерации («РГ» 14.01.13).

Instead, following a series of unfavourable rulings in the UK courts, these cases are now before the European Court to see whether some sanity can be restored to our legal system. — Вместо этого, следуя за чередой неблагоприятных решений, вынесенных судами Соединенного Королевства, эти дела сейчас находятся на рассмотрении Европейского суда, который определит, можно ли восстановить здравомыслие нашей судебной системы ("The DM" 13.01.13).

Last night Damilola's father Richard, 64, called the justice system an 'embarrassment'. — Вчера вечером отец Дамилолы Ричард, 64-летний, назвал судебную систему „недоразумением" ("The DM" 16.01.13).

"The City of London is known as a global capital of finance, but it is equally a world centre for legal services," Grayling said. — „Лондон известен как мировая финансовая столица, но он в равной степени является мировым центром юриди-

чешких услуг», — сказал Грейлинг (*"The G"* 14.03.13).

Наконец, объектом оценки выступают представители судебной власти — судьи, а также присяжные заседатели. В этой связи характерно использование эпитетов и номинаций:

Примитивная ложь, утрата здравого смысла и дремучее невежество преступников из Мосгорсуда <...> убедительно подтверждают поставленный ранее диагноз — это клиника — полная шизофрения «шпаны в мантиях», — так прокомментировал через своих адвокатов этот документ Платон Лебедев («НГ» 25.01.13).

And I urge all men, including our dusty, out-of-touch judges, to reject it. — И я призываю всех людей, включая наших покрытых пылью, оторванных от жизни судей, отказаться от этого («The DM» 26.01.13).

I would bet that this case was discussed by a majority of good, bright people and scuppered by a couple of idiots. — Держу пари, что дело вели в большинстве своем хорошие умные люди, а пара идиотов его разрушили («The O» 24.02.13).

Следует отметить, что стратегия оценки в английской прессе реализуется, как правило, посредством цитирования. Оценка выражается лицами, вовлеченными в судебное разбирательство, либо посторонними наблюдателями, причем цитируется речь представителей разных сторон судебного процесса. Сами журналисты склонны воздерживаться от оценочных высказываний. Общее число оценок, выраженных непосредственно журналистами, незначительно. Возможности цитирования позволяют журналисту создать объективную тональность репрезентаций. Кроме того, ответственность за неуважение к суду, закрепленная в английском законодательстве, не позволяет журналисту высказывать оценки открыто.

Однако оценки, выраженные **имплицитными языковыми средствами**, дают возможность журналисту выразить субъективную позицию в отношении объекта репрезентации. Так, следующие примеры демонстрирует несоразмерность наказания содеянному посредством стилистического приема противопоставления и наречия *just*.

A driver who led police on a high speed chase along the wrong side of a dual carriageway while smoking cannabis has walked free from court. — Водитель, который на высокой скорости пытался скрыться от полиции, двигаясь по встречной полосе дороги с разделительной полосой, и курил при этом коноплю, свободно ушел из зала суда («The DM» 11.01.13).

One of his victims was pulled to the ground and was left with cuts and bruises and a sprained hand, while another said she "feared for her life". But Judge Lesley Newton said she believed there was "another side" to Allen, and handed him a suspended 15-month jail sentence with supervision, and ordered him to do 150 hours of unpaid work. — Одну из своих жертв он толкнул на землю и оставил с порезами, синяками и вывихнутой рукой, в то время как другая жертва признала, что «опасалась за свою жизнь». Однако судья Лесли Ньютон посчитала, что есть

„другая участь“ для Аллена, и вынесла ему условный приговор сроком на 15 месяцев и назначила наказание в виде 150 часов общественных работ («The DM» 26.01.13).

Thugs who robbed 14-year-old schoolboy of just £3 jailed for 18 months. — Хулиганов, которые украли у четырнадцатилетнего школьника всего лишь 3 фунта, заключили под стражу на 18 месяцев («The DM» 26.01.13).

Российские журналисты предпочитают выражать оценку открыто, однако некоторая доля оценок, выраженных имплицитно, тоже присутствует. Возможности цитирования также используются журналистами российских газет, однако проведенный анализ показал наличие идеологического перевеса в российских СМИ. Так, правительственная «РГ» предоставляет возможность высказаться представителям судебного сообщества, тогда как оппозиционная «НГ» предоставляет слово стороне обвинения, а также самим обвиняемым, в том числе фигурантам «громких» дел.

Таким образом, стратегия оценки существует в двух вариантах — позитивном и негативном — и способна создавать положительный или отрицательный имидж судебной власти. В российской прессе отмечено наличие противоположных имиджей судебной системы. Правительственная «РГ» использует главным образом стратегию оценки в ее позитивном варианте, конструируя положительный образ правосудия, что соответствует интересам власти. Стратегия оценки в негативном варианте также используется журналистами «РГ», когда отмечаются недостатки в работе суда, однако определенная доля критики не способна разрушить положительный образ правосудия в целом. Стратегия оценки в ее негативном варианте, используемая журналистами «НГ», создает отрицательный образ судебной власти и дискредитирует авторитет суда.

Что касается английской прессы, значительная доля отрицательных оценок приходится на таблоид, тогда как в широкоформатной газете «The G» соотношение положительных и отрицательных оценок примерно одинаково. Таким образом, имидж судебной власти, конструируемый в английской прессе посредством стратегии оценки, неоднозначен. Стратегия оценки в ее положительном варианте создает положительный образ суда, подчеркивая достоинства и эффективность его работы. Стратегия оценки в ее негативном варианте отмечает недостатки в работе судебной системы. Оценочные высказывания, выраженные посредством цитирования, создают объективную картину описываемых событий.

Языковой спектр реализации данной стратегии очень широк и задействует все уровни языка. Использование лексики с положительной/отрицательной семантикой характеризует лексический языковой уровень. Широко используются грамматические языковые средства, такие как сравнительная и превосходная степени прилагательных, сослагательное и повелительное наклонения глагола, вопросительные и восклицательные предложения, а также стилистические языковые приемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банковская Н. А. Прямая оценка как выражение мнения журналиста в современной прессе России и Германии // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2007. Вып. 7. С. 105—111.
2. Бекетова Н. А. Способы выражения экспрессии и оценки в современном суффиксальном словообразовании (на материале газетных текстов) // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования : сб. науч. работ / под ред. М. Ю. Казак. — Белгород : Константа, 2014. — С. 49—56.
3. Ваулина С. С., Катеруша А. С. Средства выражения иронии в газетном тексте (на материале региональной прессы) // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 8. С. 159—164.
4. Гуляйкина С. О., Дубровская Т. В., Данкова Н. С. Манипулятивный потенциал медийных стратегий репрезентации судебной власти (на материале СМИ Пензенской области) // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 101—108.
5. Данкова Н. С. Репрезентация отношений «судебная власть — народ» в дискурсе английских СМИ // Молодежь и наука: слово, текст, личность : материалы Междунар. молодеж. науч.-практ. конф. — Ульяновск : УлГПУ, 2014. Ч. 1. С. 122—127.
6. Данкова Н. С., Дубровская Т. В. Репрезентация оппозиции «судебная власть — народ» в дискурсе российских печатных СМИ // Филология и человек. 2014. № 4. С. 35—46.
7. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка. — М., 2008. URL: <http://www.fpl.msu.ru/research/publications/dobroskloonskaya/dobroskloonskaya-medialingvistika.pdf> (дата обращения: 26.01.2015).
8. Дубровская Т. В. Образ судьи и судебной власти в дискурсе английских СМИ // Изв. высших учебных заведений. Поволж. рег. 2008. № 3. С. 72—81.
9. Дубровская Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014.
10. Дубровская Т. В. Субъект отрицательной оценки в дискурсе печатных масс-медиа // Язык. Текст. Дискурс. — Ставрополь : Сев.-Кавказ. федерал. ун-т, 2013. Вып. 11. С. 248—256.
11. Кормилицына М. А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 8. С. 13—34.
12. Мартыненко Н. Г. Метафора как средство иллюкативной модальности журналистского текста // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005. Вып. 5. С. 46—49.
13. Негрышев А. А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ : учеб. пособие. — Владимир : ВГГУ, 2009.
14. Радцбургская Л. В. Структурно-функциональные особенности новообразований в современных средствах массовой информации // Проблемы речевой коммуникации : Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 8. С. 48—52.
15. Российский суд теряет завоеванное доверие. URL: <http://pravo.ru/review/view/75723/> (дата обращения: 12.01.2015).
16. Русакова О. Ф. Медиадискурс как инструмент конструирования политической реальности // Масс-медиа и массовые коммуникации: статус научных и учебных дисциплин : Первый Междунар. науч. colloquium : сб. науч. работ. — Белгород : Политекра, 2013. С. 95—99.
17. Современный политический дискурс и СМИ: власть и общество : учеб. пособие / И. Г. Вражнова [и др.] ; под ред. Т. В. Харламовой. — Саратов : Наука, 2009.
18. Солганик Г. Я. Язык политики, язык СМИ (газеты) и литературный язык // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. — М. : Изд-во Моск. ун-та ; Фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. С. 245—261.
19. Ягубова М. А. Гендерный аспект оценки в языке печатных СМИ // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2009. Вып. 9. С. 61—73.
20. Bloor M., Bloor Th. The Practice of Critical Discourse Analysis: An Introduction. — London : Hodder Arnold, 2007.
21. Dijk T. A. van. Ideology and Discourse Analysis // Journ. of Political Ideologies. 2006. № 11 (2). P. 115—140.
22. Dijk T. A. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach — London : Sage, 1998.
23. Dubrovskaya T., Dankova N., Gulyaykina S. Judicial power in Russian print media: Strategies of representation // Discourse & Communication. June 2015. № 9. P. 293—312.
24. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. — London ; New York : Routledge, 2004.
25. Hout T. van, Pounds G., Vertommen B. Analyzing the view from here, there and nowhere: Discursive approaches to journalistic stance // Discourse, Context & Media. 2012. № 1. P. 55—56.
26. Jorgensen M., Phillips L. Discourse Analysis as Theory and Method. — London : Sage, 2002.
27. Reisigl M., Wodak R. Discourse and discrimination: rhetoric of racism and anti-Semitism. — London : Routledge, 2001.
28. Simpson P. Language, Ideology and Point of View. — London ; New York : Routledge, 2005.
29. White P. R. R. Exploring the Axiological Workings of 'Reporter Voice' News Stories — Attribution and Attitudinal Positioning // Discourse, Context & Media. 2012. № 1. P. 57—67.

N. S. Dankova
Penza, Russia

REPRESENTATION OF JUDICIAL POWER IN RUSSIAN AND ENGLISH PRINT MEDIA DISCOURSE: ASSESSMENT STRATEGY

ABSTRACT. *The article examines the strategy of assessment used to represent the activity of the judiciary in Russian and English print media. The purpose of this study is to examine discursive means that construct the image of the judiciary within assessment strategy. The paper focuses on two variants of this strategy: positive and negative, constructing a positive or negative image of judicial power respectively. Within the determined strategy, the article carries out an analysis of linguistic means used by journalists. The author investigates lexical and grammatical language means as well as stylistic devices that realize assessment strategy in Russian and English print media. The article examines evaluative statements expressed both explicitly and implicitly. The author distinguishes several objects of assessment in mass media discourse devoted to judicial power. Besides, cultural differences typical of employing assessment strategy in Russian and English print media are revealed. Finally, the author makes a conclusion about the prevailing media images of the judiciary in Russia and Great Britain, constructed by means of assessment strategy. The author indicates that the image of the judiciary is predetermined by the use of this strategy.*

KEYWORDS: *judicial power; mass media; strategy; assessment; image; positive, negative.*

ABOUT THE AUTHOR: *Dankova Natal'ya Stanislavovna, Senior Lecturer of Department of English, Penza State University, Penza, Russia.*

REFERENCES

1. Bankovskaya N. A. Pryanaya otsenka kak vyrazhenie mneniya zhurnalista v sovremennoy presse Rossii i Germanii // Problemy rechevoy kommunikatsii : mezhvuz. sb. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2007. Вып. 7. С. 105—111.
2. Beketova N. A. Sposoby vyrazheniya ekspressii i otsenki v sovremennom suffiksals'nom slovoobrazovanii (na materiale

- gazetnykh tekstov) // Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya : sb. nauch. rabot / pod. red. M. Yu. Kazak. — Belgorod : Konstanta, 2014. — S. 49—56.
3. Vaulina S. S., Katerusha A. S. Sredstva vyrazheniya ironii v gazetnom tekste (na materiale regional'noy pressy) // Problemy rechevoy kommunikatsii : mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. M. A. Kormilitsynoy, O. B. Sirotininoi. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2008. Vyp. 8. S. 159—164.
4. Gulyaykina S. O., Dubrovskaya T. V., Dankova N. S. Manipulyativnyy potentsial mediynykh strategiy reprezentatsii sudebnoy vlasti (na materiale SMI Penzenskoy oblasti) // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 101—108.
5. Dankova N. S. Reprezentatsiya otnosheniy «sudebnaya vlast' — narod» v diskurse angliyskikh SMI // Molodezh' i nauka: slovo, tekst, lichnost' : materialy Mezhdunar. molodezh. nauch.-prakt. konf. — Ul'yanovsk : UIGPU, 2014. Ch. 1. S. 122—127.
6. Dankova N. S., Dubrovskaya T. V. Reprezentatsiya oppozitsii «sudebnaya vlast' — narod» v diskurse rossiyskikh pechatnykh SMI // Filologiya i chelovek. 2014. № 4. S. 35—46.
7. Dobrosklonskaya T. G. Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka. — M., 2008. URL: <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya-medialingvistika.pdf> (data obrashcheniya: 26.01.2015).
8. Dubrovskaya T. V. Obraz sud'i i sudebnoy vlasti v diskurse angliyskikh SMI // Izv. vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzh. reg. 2008. № 3. S. 72—81.
9. Dubrovskaya T. V. Rechevye zhanry «osuzhdenie» i «obvinenie» v russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh. — Penza : Izd-vo PGU, 2014.
10. Dubrovskaya T. V. Sub"ekt otritsatel'noy otsenki v diskurse pechatnykh mass-media // Yazyk. Tekst. Diskurs. — Stavropol' : Sev.-Kavkaz. federal. un-t, 2013. Vyp. 11. S. 248—256.
11. Kormilitsyna M. A. Nekotorye itogi issledovaniya protsessov, proiskhodyashchikh v yazyke sovremennykh gazet // Problemy rechevoy kommunikatsii : mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. M. A. Kormilitsynoy, O. B. Sirotininoi. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2008. Vyp. 8. S. 13—34.
12. Martynenko N. G. Metafora kak sredstvo illokutivnoy modal'nosti zhurnalistskogo teksta // Problemy rechevoy kommunikatsii : mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. M. A. Kormilitsynoy, O. B. Sirotininoi. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2005. Vyp. 5. S. 46—49.
13. Negryshev A. A. Aspekty rechevogo vozdeystviya v novostyakh SMI : ucheb. posobie. — Vladimir : VGGU, 2009.
14. Ratsiburskaya L. V. Strukturno-funktsional'nye osobennosti novoobrazovaniy v sovremennykh sredstvakh massovoy informatsii // Problemy rechevoy kommunikatsii : Mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. M. A. Kormilitsynoy, O. B. Sirotininoi. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2008. Vyp. 8. S. 48—52.
15. Rossiyskiy sud teryaet zavoevannoe doverie. URL: <http://pravo.ru/review/view/75723/> (data obrashcheniya: 12.01.2015).
16. Rusakova O. F. Mediadiskurs kak instrument konstruirovaniya politicheskoy real'nosti // Mass-media i massovye kommunikatsii: status nauchnykh i uchebnykh distsiplin : Pervyy Mezhdunar. nauch. kollokvium : sb. nauch. rabot. — Belgorod : Politerra, 2013. S. 95—99.
17. Sovremennyy politicheskyy diskurs i SMI: vlast' i obshchestvo : ucheb. posobie / I. G. Vrazhnova [i dr.] ; pod red. T. V. Kharlamovoy. — Saratov : Nauka, 2009.
18. Solganik G. Ya. Yazyk politiki, yazyk SMI (gazety) i literaturnyy yazyk // Yazyk SMI i politika / pod red. G. Ya. Solganika. — M. : Izd-vo Mosk. un-ta ; Fak. zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova, 2012. — С. 245—261.
19. Yagubova M. A. Gendernyy aspekt otsenki v yazyke pechatnykh SMI // Problemy rechevoy kommunikatsii : mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. M. A. Kormilitsynoy, O. B. Sirotininoi. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2009. Vyp. 9. S. 61—73.
20. Bloor M., Bloor Th. The Practice of Critical Discourse Analysis: An Introduction. — London : Hodder Arnold, 2007.
21. Dijk T. A. van. Ideology and Discourse Analysis // Journ. of Political Ideologies. 2006. № 11 (2). P. 115—140.
22. Dijk T. A. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach — London : Sage, 1998.
23. Dubrovskaya T., Dankova N., Gulyaykina S. Judicial power in Russian print media: Strategies of representation // Discourse & Communication. June 2015. № 9. P. 293—312.
24. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. — London ; New York : Routledge, 2004.
25. Hout T. van, Pounds G., Vertommen B. Analyzing the view from here, there and nowhere: Discursive approaches to journalistic stance // Discourse, Context & Media. 2012. № 1. P. 55—56.
26. Jorgensen M., Phillips L. Discourse Analysis as Theory and Method. — London : Sage, 2002.
27. Reisigl M., Wodak R. Discourse and discrimination: rhetoric of racism and anti-Semitism. — London : Routledge, 2001.
28. Simpson P. Language, Ideology and Point of View. — London ; New York : Routledge, 2005.
29. White P. R. R. Exploring the Axiological Workings of 'Reporter Voice' News Stories — Attribution and Attitudinal Positioning // Discourse, Context & Media. 2012. № 1. P. 57—67.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. В. Дубровская.

М. Г. Иванова
Алма-Ата, Казахстан

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМЫ ВЕРОВАНИЙ И ЯЗЫКА

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются особенности русского национального характера на «материальном» и «духовном» уровнях. Анализ дается на отдельно взятых компонентах внешнего уровня, ориентированного на природно-климатические условия, и внутреннего, сконцентрированного на языке, литературе и религии. Такой двухуровневый подход в определении «русского национального характера» помогает выработать некоторые ориентиры для комплексно-системного изучения этого явления и выявить закономерности и механизмы его развития. Отмечается неоднозначное понимание учеными термина «национальный характер». При всех различиях в его трактовках в этнопсихологии под национальным характером понимаются свойства не отдельно взятого индивида, а целой этнической общности с единой культурой, символами и обычаями. Специфика восприятия «русского национального характера» рассматривается через особенности развития русской культуры, связанной с принятием христианства, развитием древнерусской книжности, введением единой письменности, что говорит о языке как важнейшем элементе культуры. Религиозная картина мира в любом национальном языке отражается в лексическом и фразеологическом фонде. Ценностные ориентации русского человека закрепляются в культурно-маркированных единицах языка (поговорах, фразеологизмах), которые и составляет объект исследования в данной статье.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский национальный характер; «материальный» и «духовный» уровни; географические и климатические условия; религиозная картина мира; культурно-маркированные единицы языка; феномен духовности; библейские фразеологизмы; поговорки и поговорки.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Иванова Марина Геннадьевна, доцент кафедры социально-культурных технологий Алма-Атинского филиала Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, кандидат педагогических наук; адрес: 050016, Республика Казахстан, г. Алма-Ата, ул. Чайковского, 9/11; e-mail: orion-999@list.ru.

В условиях мировой тенденции к установлению диалога культур возникает необходимость поиска взаимопонимания между народами. Актуальность исследования связана с необходимостью осмысления разных культурно-нравственных установок в контексте неодинаковых философско-религиозных основ, что в диалоговом пространстве мировых культур является особенно важным. Изучение особенностей русского национального характера поможет самому русскому народу глубже осознать свою мировоззренческую позицию, духовные интересы и ценности нации, а также представителям других этносов овладеть искусством понимания славянской культуры, русских людей, чей образ мысли и действия являются иными.

Цель статьи — рассмотреть особенности русского национального характера на отдельно взятых компонентах «материального» и «духовного» уровней. Что же такое «национальный характер»? В своем первоначальном значении греческое слово «характер» обозначало знак или символ, выражающий специфику какого-нибудь явления, т. е. *характерный* значит «специфический». Позже слово стало обозначать определенную черту или совокупность черт (консерватизм, религиозность, оптимизм, пессимизм, деловитость, практичность, аккуратность, обязательность, предприимчивость и т. д.), отличающих одного человека от другого.

Термин «национальный характер» не аналитический, а описательный, так как появился первоначально в литературе о путешествиях с целью выразить специфику образа жизни того или иного народа. Одни исследователи под национальным характером подразумевают темперамент, особенности эмоциональных реакций *этнофоров* (представителей той или иной этнической группы). Другие фиксируют внимание на социальных ориентациях, нравственных принципах, отношении к власти, труду, семье представителей того

или иного этноса и т. д. Но в том и другом случаях, с точки зрения этнопсихологии, «национальный характер» подразумевает свойства не отдельно взятого индивида, а целой этнической общности, которая имеет свою культуру, символы, обычаи и т. п. [Платонов 2014: 76—77].

Изучение категории «национальный характер» предполагает использование комплексного подхода (этнографического, психологического и историко-культурного), так как при его определении приходится иметь дело с наблюдением и описанием быта и нравов разных народов; изучением личности этнофора с помощью различных тестов, интерпретации слов, символов; анализом культурного символизма, произведений народного творчества и исторических данных.

Современная методология изучения национального характера исходит из положения о том, что весь мир представляет собой систему, состоящую из множества подсистем: мир в целом и каждая из систем, входящих в него, являются живыми, развивающимися и самоорганизующимися. Таким образом, любой народ представляет собой живую систему, находящуюся в процессе развития и являющуюся частью общей системы человечества. Характер каждого народа уникален, поскольку его формирование происходит в специфических, только ему присущих условиях, в то же время он находится в тесной взаимосвязи с другими народами [Кустова 1998: 102—103].

П. И. Гнатенко так определяет это понятие: «Национальный характер — это сложный и противоречивый социально-психологический феномен, в котором диалектически сочетаются национально-специфическое и общечеловеческое, преломленные через призму исторического и социально-экономического развития данного народа и нашедшие свое выражение в его культуре, традициях, обычаях и обрядах» [Гнатенко 1984: 112—113].

При изучении национального характера учеными применяется так называемый *уровневый*

подход, соответствующий трем пластам жизни народа. Эти уровни условно обозначаются следующим образом: **первый** — *внешний* — *материальный* (географические и климатические условия становления этноса), **второй** — *внутренний* — *духовный* (язык, литература, фольклор, религия, искусство), **третий** — *материально-духовный* (морально-этические нормы, коммуникативное поведение, традиции, обычаи, семейный уклад, система воспитания и образования, национальная кухня и др.) [Кустова 1998: 103—104].

Анализ национального характера по трем уровням (внешнему, ориентированному на природно-климатические условия; внутреннему, сконцентрированному на языке, литературе, религии, искусстве; смешанному, нацеленному на материальное и духовное в синтезе) помогает выработать некоторые ориентиры для комплексно-системного изучения этого явления и выявить закономерности и механизмы его развития.

Рассмотрим русский национальный характер через отдельно взятые компоненты «материального» и «духовного» уровней. Решающее влияние на формирование национального характера, особенно на первоначальных этапах существования народов, оказывали природные условия, прежде всего ландшафт и климат. Размеры географического пространства, его местонахождение (у моря, около реки, на континенте и т. д.), климат, рельеф местности и другие природные факторы оказывают влияние на все стороны жизни человека [Лотман 1996: 238]. Некоторые исследователи связывают с ландшафтом даже специфику внешнего облика народов, объясняя, например, неопределенность, некую размытость, неуловимую незаконченность внешности русских низменным плоским рельефом и бескрайними просторами полей и лесов, их окружающих.

Размышляя над значением географического пространства России в жизни и деятельности народа, Н. А. Бердяев в работе «О власти пространства над русской душой» писал: «...в судьбе России огромное значение имели факторы географические, ее положение на земле, ее необъятные пространства. Географическое положение России было таково, что русский народ принужден был к образованию огромного государства». С точки зрения Н. А. Бердяева, «необъятные пространства России тяжелым гнетом легли на душу русского народа. В психологию его вошли и безграничность русского государства, и безграничность русских полей. Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безграничность не освобождает, а порабощает ее» [Бердяев 1990: 62—63].

«Природа Великороссии часто смеялась над самыми осторожными расчетами русского человека, своеобразие климата и почвы обманывали самые скромные его ожидания, и, привыкнув к этим обманам, расчетливый великоросс любил подчас очертя голову выбрать самое что ни есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги», — писал В. О. Ключевский [Ключевский 1956: 247].

Таким образом, невозможность рассчитывать наперед, заранее разработать план действий, прямо идти к намеченной цели заметно отрази-

лась на складе ума, на манере мышления русского человека, у которого больше восточной (византийской) иррациональности, чем западной рациональности, и поэтому *эмоции* у него всегда преобладают над разумом, страсти над интересами. Русский человек идет за «голосом сердца», а не за рассудком.

Религиозная картина мира, непосредственно связанная с духовной культурой народа, сосредоточивает в себе знания о системе духовных ценностей нации, формирует философско-религиозное и нравственное сознание этноса и его мировоззрение, определяет национальную точку зрения на мир и тем самым играет особую роль в формировании национально-культурного самосознания народа.

Говоря о роли религии в формировании общественного сознания народа, в истории духовной культуры, исследователи справедливо называют ее родником самых глубоких и жизненно важных смыслов; наиболее содержательным фундаментом общественного сознания, определяющим народный менталитет (своеобразие психического склада, мировосприятия, поведения) и культурно-психологическое своеобразие народа [Мечковская 1998].

Религиозный фактор в жизни народов настолько важен, что без учета знаний его особенностей сложно представить картину развития и становления культуры. «С самого начала истории религия играет ключевую роль в формировании мысли, культуры, нравственности, общественного уклада. <...> Религия имеет потенциальную возможность связывать различные народы и культуры, несмотря на нашу человеческую хрупкость, особенно в сегодняшнем контексте множественности и многообразия», — говорится в Послании Всемирного саммита религиозных лидеров, состоявшегося в Москве 3—5 июля 2006 г. Религиозная картина мира отражает ценностные ориентации человека, которыми он руководствуется в своей жизни. Другими словами, определение человеческих ценностей неразрывно связано с религиозным воззрением народа [Вендина 2002: 277].

Эта характерная глубинная черта русской национальной личности отражается в языке не только в религиозной, философской и художественной литературе, но и с древнейших времен в фольклоре, например, в пословицах: «*Жить — Богу служить*»; «*Сильна Божья рука*»; «*Божья рука — владыка*»; «*У Бога милости много*»; «*Бог на милость не убог*»; «*Друг обо друге, а Бог обо всех печется*»; «*Бог полюбит, так не погубит!*»; «*С Богом пойдешь — до блага дойдешь*»; «*Кто к Богу, к тому и Бог*»; «*Любящих и Бог любит*»; «*Никто не может, так Бог поможет*»; «*Все мы под Богом ходим*»; «*Кто добро творит, тому Бог отплатит*» и др. [Воробьев 1997: 103—104].

Большое влияние на формирование русского культурного архетипа оказало принятие в X веке христианства, которое пришло на Русь из Византии в православной форме. С православием на русскую почву была перенесена и идея соборности, под которой обычно подразумевается коллективное жизнетворчество и согласие, единодушное участие верующих в жизни мира и церкви. Соборное переживание и поведение ориенти-

ровалось не на рассудок, а на «движение сердца» и эмоции, — в противовес индивидуальному мудрствованию с его рассудочностью. Православие, духовно организуя религиозно-нравственный быт русского народа, способствовало усвоению им системы таких духовных ценностей, как устремленность в будущее, постоянный поиск лучшей жизни, сочетающийся с неукротимой верой в возможность ее достижения.

Познание русской культуры, ее особенностей тесно связано с тем религиозным мировоззрением, которое определило мир русской философии и культуры, сферу духовной жизни. Ввиду этого знание особенностей христианства, русского православия необходимо для проникновения в суть русской культуры — как в ментальный мир русского человека, так и в мир русского слова. Как известно, нравственные основы христианства содержатся в Нагорной проповеди Иисуса Христа. В Евангелие от Матфея Господь говорит: *Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся.* И далее: *Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного. Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? И так, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный.*

Основные положения христианской этики — неппротивление злу и любовь к врагам. Зло невозможно победить силою зла, насилие не способно положить предел злу и исцелить вражду. В русском православии, как и в других христианских конфессиях, прощение грехов играет важную роль, и здесь как раз и существуют определенные отличия православия от других религий. Например, на вопрос о том, следует ли воздавать добром за зло, Конфуций возразил: «А чем же тогда платить за добро? Платите добром за добро, а за обиду воздавайте по справедливости» [Васильев 1970: 98—99].

Согласно христианским воззрениям, к обществу значимым ценностям относятся *вера, надежда, любовь, добро, благочестие, святость, смирение и кротость*. В православии человек, который творит добро, выражает *свободную волю* во имя человека и любви. Подлинная свобода заключается в соблюдении нравственных норм, которые обращены к внутренней жизни личности. Высшим нравственным законом для русского человека является совесть, которая выражает свободу духа, делает человека независимым от общества и подчиняется только Божественной правде. Русское православие ориентирует человека на духовное преобразование, стимулирует стремление к самосовершенствованию, приближению к христианскому идеалу. Это способствует развитию такого феномена, как *духовность*.

Для более глубокого восприятия русского национального характера необходимо понимать, что особенности развития русской культуры связана с принятием христианства, которое сформировало древнерусскую книжность. Главным культурным событием было введение единой письменности, что позволяло говорить о языке как важнейшем элементе культуры. Религиозная картина мира и ее специфика в любом национальном языке отражаются прежде всего в *лексическом и фразеологическом* фонде.

С появлением на Руси христианства в древнерусский язык вливается мощный поток *библейской фразеологии*. Например: *козел отпущения, бросить камень* (в кого), *метать бисер перед свиньями, глас вопиющего в пустыне, камня на камне не оставить* и др.

Понимание значения лексических и фразеологических единиц, их возможных смыслов ведет к углублению интереса к внутренней жизни русского человека, к русской духовной культуре, к русскому языку, а в результате — к формированию концепта «*русская духовная культура*». Концепт — это единица языка, характеризующаяся особой национально-культурной спецификой. В современной науке постепенно формируется представление о концепте как о «ментальной сущности, которая несет на себе отпечаток духовного опыта человека определенной культуры».

Учет взаимодействия языка и культуры позволил исследователям выделить ключевые концепты национальной культуры, за которыми стоят важнейшие понятия русского национального сознания. Так, например, среди концептов русской культуры особое место занимают концепты *надежда, вера, любовь* и другие, которые обладают культурно-нравственным содержанием, а потому отражают определяющие духовные ценности русской культуры.

Обращаясь к духовному уровню рассмотрения национального характера, необходимо опираться в первую очередь на факты, содержащиеся в языке. Каждое слово несет на себе специфику той этнокультуры, воплощением которой оно является, и следы той исторической реальности, которая унаследована этносом. «*Язык теснейшим образом связан с мышлением, отражая систему понятий данного человеческого коллектива. Поэтому, изучая язык того или другого народа, мы изучаем исторически сложившуюся у него систему понятий, сквозь которую он воспринимает действительность*» [Щерба 1974: 32—33].

Язык выражает и обозначает то, что человек отражает в своем сознании — картину мира. *Картина мира* является одним из центральных понятий, в котором ярко представлена специфика взаимодействия человека с окружающим миром. Многие исследователи отмечают исключительную сложность процесса, связанного с постижением мира, и различают две картины мира — *когнитивную* и *языковую*. Языковая картина мира не равна когнитивной, так как последняя неизмеримо шире, поскольку в языке вербализировано далеко не все содержание концептосферы. Тем не менее описание языковой картины мира, опосредованной языковыми знаками, дает суще-

ственные сведения о когнитивной картине мира [Карасик, Слышкин 2001: 77]. «Каждый язык, воспринимая действительность, оформляет ее в соответствии со своей собственной системой, поэтому каждый язык весьма оригинален в отражении действительности» [Шубарт 2003: 24].

Можно говорить об отражении национальных особенностей восприятия в языке или о национальной картине мира, проявляющихся в первую очередь в лексическом составе языка. Рассмотрим специфику русской картины мира на примере культурно маркированных единиц языка — пословиц и поговорок, которые являются неотъемлемой частью лексической системы любого национального языка. Их справедливо считают сгустками народной мудрости, т. е. тем самым народным культурным опытом, который хранится в языке и передается из поколения в поколение [Тер-Минасова 2004: 19—20].

Пословицы и поговорки приписывают объектам действительности признаки, которые ассоциируются с картиной мира, подразумевающая целую ситуацию, оценивают ее и выражают к ней отношение. Представим некоторые пословицы, имеющие специфичный смысл, и отражающие тем самым этнокультурную специфику русской ментальности. Для того чтобы понять русскую пословицу «*Либо пан, либо пропал*», надо иметь в виду такую психологическую особенность русского архетипа, как чувственное восприятие жизни, которое объясняет, откуда идет особая страстность русских. При решении трудного вопроса русский человек будет руководствоваться чаще «голосом сердца», а не рассудком. Крайность и максимализм выражаются в типичном требовании: «все или ничего». Дмитрий Лихачев в «Заметках о русском» пишет о том, что русский народ не любит компромиссных решений, у русских «либо грудь в крестах, либо голова в кустах» [Лихачев 1980]. «Русской душе чужда срединность, у русского нет амортизирующей средней части, соединяющего звена между двумя крайностями, в русском человеке контрасты — один к другому впритык...» [Тوماхин 2004].

Примером могут служить русские пословицы о труде: «*Работа не волк — в лес не убежит*», «*Трудом праведным не наживешь палат каменных*», «*Работа дураков любит*» — и другие, характеризующие лень по отношению к работе. Однако в русском языке есть много других пословиц, выражающих совершенно противоположное отношение русских к труду: «*Кончил дело — гуляй смело*», «*Труд кормит, а лень портит*», «*По труду и честь*», «*Терпение и труд — все перетрут*». Сосуществование тех и других пословиц объясняются таким общепризнанным качеством русских, как *противоречивость*.

«Многие русские философы и историки обращали на это качество пристальное внимание, объясняя его, во-первых, срединным положением России между Западом и Востоком, а во-вторых, тем, что в русской душе соединилось христианство с особенностями языческого мироощущения, которое так и не изжито до сих пор. Можно назвать и третью причину такой противоречивости — это сама русская история с ее вечным конфликтом между государственным могу-

ществом и инстинктом свободолюбия народа» [Сергеева 2004: 145—146]. В связи с этим в русских пословицах и поговорках ярко обнаруживается склонность русского человека к крайностям, иррационализм, повышенная эмоциональность, неприятие «золотой середины», противоречивость, из которых проистекают многие другие свойства национального характера. Такие свойства русского характера, как смелость, безрассудство, любовь к риску видны из следующих пословиц: «*Волков бояться — в лес не ходить*», «*Нет дела без риска*», «*Двум смертям не бывать, а одной не миновать!*», «*Где наша не пропадала*», «*Семь бед — один ответ*». Склонность дразнить судьбу, играть в удачу имеет даже свое название — «*русский авось*»: «*Авось кривая вывезет*», «*Авось, небось да как-нибудь — родные братья*».

Русская пословица «*Ученого учить — только портить*» имеет значение «того, кто уже научился чему-то, кто опытен, не надо дополнительно учить или переучивать». Она используется в качестве предупреждения против излишних советов или когда сам человек говорит о себе, что не хочет принимать чужих советов. А пословица «*Яйца курицу не учат*» означает, что неопытный не должен давать советы опытному, и говорится обычно с пренебрежением к совету того, кого считают моложе и неопытнее себя. Данные пословицы имеют разное значение, используются в разных ситуациях и выражают разные концепты, причем совершенно противоположные: «опытность» — «неопытность». Как видно из приведенных примеров, русские пословицы и поговорки являются носителями сведений о самых разных сторонах жизни человека и отражают специфику восприятия мира этнофором.

Таким образом, на становление русской национальной ментальности и русского национального характера повлияли как географические, так и климатические условия России, а также религиозное мировоззрение, которые в комплексе определили мир русской философии и культуры, языка и литературы, в целом сферу русской духовной жизни. Знание русского национального характера, впитавшего в себя особенности христианства вообще и русского православия в частности, не только полезно, но и необходимо для проникновения в суть русской национальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. — М.: Философское о-во СССР, 1990.
2. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. — М.: ГРВЛ Наука, 1970.
3. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. — М.: Индрик, 2002.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы): моногр. — М.: Изд-во РУДН, 1997.
5. Гнатенко П. И. Национальный характер: мифы и реальность. — Киев: Вища школа, 1984.
6. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С. 75—80.
7. Ключевский В. О. Курс русской истории // Соч. В 8 т. / В. О. Ключевский. — М.: Соцэкгиз, 1956. Т. 1.
8. Кустова Л. С. Проблемы изучения национального характера // РЯЗР. 1998. № 3. С. 102—108.

9. Лихачев Д. С. Заметки о русском // Новый мир. 1980. № 3. С. 1—38.
10. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история : моногр. — М. : Языки русской культуры, 1996.
11. Мечковская Н. Б. Язык и религия. — М. : Фаир, 1998.
12. Платонов Ю. П. Этнопсихология. — М. : Академия, 2014.
13. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. — М. : Флинта : Наука, 2004.

M. G. Ivanova
Almaty, Kazakhstan

PECULIAR FEATURES OF THE RUSSIAN NATIONAL CHARACTER IN THE SYSTEM OF BELIEFS AND LANGUAGE

ABSTRACT. *The article deals with the peculiar features of the Russian national character on the "material" and "spiritual" levels. The analysis is undertaken on separate components of the external level, based on climatic conditions, and the components of the internal level, which focus on language, literature and religion. This two-tier approach to the definition of "Russian national character" helps to develop some guidelines for a complex systemic study of this phenomenon and to identify the patterns and mechanisms of its development. It is noted in the article that there is no universal scholarly definition of the term "national character", but with all the differences in its interpretation in ethno-psychology, it does not imply the properties of an individual, but of an entire ethnic community with a common culture, symbols and traditions. The specificity of perception of "the Russian national character" is viewed through peculiar features of the Russian culture associated with the adoption of Christianity, the development of ancient Russian literacy, introduction of a single written language – all this proves that language is an important element of culture. The religious worldview in any national language is reflected in the lexical and phraseological fund. Value orientations of the Russian people are expressed by culturally marked units of language (proverbs, sayings and phraseological units), which are the object of study in this article.*

KEYWORDS: *Russian national character; "material" and "spiritual" level; geographic and climatic conditions; religious worldview; culture marked unit of language; phenomenon of spirituality; biblical idioms; proverbs and sayings.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ivanova Marina Gennad'evna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Department of Socio-Cultural Technologies, Almaty Branch of St.-Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, Almaty, Kazakhstan.*

REFERENCES

1. Berdyaev N. A. Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii voyny i natsional'nosti. — М. : Filosofskoe o-vo SSSR, 1990.
1. Vasil'ev L. S. Kul'ty, religii, traditsii v Kitae. — М. : GRVL Nauka, 1970.
2. Vendina T. I. Srednevekovyy chelovek v zerkale staroslav'yanskogo yazyka. — М. : Ind-rik, 2002.
3. Vorob'ev V. V. Lingvokul'turologiya (teoriya i metody) : monogr. — М. : Izd-vo RUDN, 1997.
4. Gnatenko P. I. Natsional'nyy kharakter: mify i real'nost'. — Kiev : Vishcha shkola, 1984.
5. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Lingvokul'turnyy kontsept kak edinita issledovaniya // Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki : sb. nauch. tr. — Voronezh : Izd-vo VGU, 2001. S. 75—80.
6. Klyuchevskiy V. O. Kurs russkoy istorii // Soch. V 8 t. / V. O. Klyuchevskiy. — М. : Sots-ekgiz, 1956. T 1.
7. Kustova L. S. Problemy izucheniya natsional'nogo kharaktera // RYaZR. 1998. № 3. S. 102—108.

14. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М. : Слово, 2004.
15. Томахин Г. Д. Теоретические основы лингвострановедения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1984.
16. Шубарт В. Европа и душа Востока. — М. : Эксмо, 2003.
17. Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. — М. : Высш. шк., 1974.

8. Likhachev D. S. Zametki o russkom // Novyy mir. 1980. № 3. S. 1—38.
9. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya : monogr. — М. : Yazyki russkoy kul'tury, 1996.
10. Mechkovskaya N. B. Yazyk i religiya. — М. : Fair, 1998.
11. Platonov Yu. P. Etnopsikhologiya. — М. : Akademiya, 2014.
12. Sergeeva A. V. Russkie: stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'. — М. : Flinta : Nauka, 2004.
13. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. — М. : Slovo, 2004.
14. Tomakhin G. D. Teoreticheskie osnovy lingvostranovedeniya : avtoref. dis. ... d-ra fi-lol. nauk. — М., 1984.
15. Shubart V. Evropa i dusha Vostoka. — М. : Eksmo, 2003.
16. Shcherba L. V. Prepodavanie inostrannykh yazykov v sredney shkole. Obshchie voprosy me-todiki. — М. : Vyssh. shk., 1974.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. В. Шевякова.

Т. С. Катлишина
Пермь, Россия

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА «ИДЕНТИЧНОСТЬ» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье освещается процесс образования знания об идентичности на протяжении длительного исторического периода. Когнитивно-дискурсивная методика позволяет проследить за изменениями концепта «идентичность», происходящими в общественном сознании. В работе используется комплексная когнитивно-дискурсивная методика, включающая методы дискурсивного анализа, методы фреймового анализа, метод сравнительного анализа, лингвогенетический метод, историко-описательный метод. Выявляется три слоя концепта «идентичность». Первый слой, заключенный в «буквальном смысле» концепта, достигается путем обращения к лексикографическим источникам. Второй, представленный «историческим» слоем, предлагает изучение идентичности, оформившейся в научном дискурсе. Наиболее актуальный слой концепта «идентичность» выявляется при обращении к социологическому дискурсу, в котором отражается коллективное представление об идентичности. Динамику развития знаний об исследуемом феномене демонстрирует фрейм «идентичность», включающий следующие субфреймы: метафизическое тождество; тождество Божественной и человеческой природы; материальное и духовное существо, наделенное разумом; человеческий разум, ведущий к тождеству «объективного и субъективного знания»; идентичность как комплекс социогуманитарного знания; разрушение национальной идентичности и создание новых форм социальной интеграции. К этому можно добавить субфрейм, представляющий «внутреннюю форму» концепта — «тождество явлений, предметов, понятий, действий». Наиболее актуальный слой знания об идентичности раскрывается в коллективных ментальных представлениях, зафиксированных в социологических словарях, на основании которых можно выделить субфрейм «самоотождествление личности под влиянием процесса социализации».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «внутренняя форма» концепта; «исторический» слой концепта; наиболее актуальный слой концепта; метод фреймового анализа; дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Катлишина Татьяна Сергеевна, аспирант кафедры лингводидактики, Пермский государственный национальный исследовательский университет; адрес: 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: TataMk11@rambler.ru.

Когнитивная революция второй половины XX в. по-новому раскрыла проблему человека и его возможностей. С точки зрения когнитивной лингвистики, изучение языка должно проводиться в тесной связи с познавательной деятельностью человека. В связи с этим актуализируются вопросы, связанные с особенностями человеческого мышления и вербальной репрезентацией знания. Одним из способов объективации окружающей нас действительности является концептуализация картины мира. Концепты, представляющие собой кванты знания, передают информацию посредством слов, образов, схем, представлений. Они несут в себе интегративный характер, являясь объектом изучения философов, логиков, психологов [Мишланова, Пермякова 2004: 352].

Целью данной работы является изучение структуры концепта «идентичность» в рамках когнитивно-дискурсивного исследования. Антропоцентричный характер исследования акцентирует внимание на связи языка и человеческой деятельности, именуемой дискурсом [Гуреева, Мишланова 2009: 46]. Выявление структуры анализируемого концепта возможно при обращении к различным способам его представления в научном дискурсе [Мишланова 2009: 49]. Под дискурсом мы понимаем «феномен развития языкового знака в вербально опосредованной деятельности в специальной сфере» [Алексеева, Мишланова 2002: 3]. Дискурсивная деятельность вербализируется в текст. Текст в современных лингвистических исследованиях представляет собой продукт когнитивной деятельности.

Концепт «идентичность» в данном исследовании репрезентируется в научном дискурсе, т. е. в вербализированной речемыслительной деятельности, проявляющейся в научной сфере. Когнитивно-дискурсивное исследование концентрирует внимание на анализе концепта «иден-

тичность», представленном в социогуманитарном знании. Особое место в исследовании уделяется политическому дискурсу, позволяющему раскрыть концепт «идентичность» с точки зрения социально-политического феномена. Под политическим дискурсом следует понимать «целенаправленные обмены сообщениями по поводу тех или иных целей (идей, оценок, мнений, идеологий)» [Соловьев 2004: 32].

Научное исследование производится на основе лексикографических источников, а также научного текста. Лексикографический, а также когнитивно-дискурсивный анализ позволяет выявить разницу между значениями концепта «идентичность», зафиксированными в словарях и в научном тексте [Мишланова, Филиппова 2010: 152].

В работе используется комплексная когнитивно-дискурсивная методика, включающая методы дискурсивного анализа, методы фреймового анализа, метод сравнительного анализа, лингвогенетический метод, историко-описательный метод.

В когнитивной лингвистике существуют различные подходы к сущности концепта. В научном исследовании под концептом понимается «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 1997: 40]. Концепт, представляющий собой культуру в целом, можно организовать в виде фрейма — когнитивной единицы, обобщенного структурированного знания [Fillmore 2006: 373]. Фрейм может состоять из субфреймов, более «простых» единиц знания, соотносящихся с определенной частью концепта [Красных 2003: 289].

Культурологический подход к концепту основан на выделении в нем трех слоев знания [Там же] (см. рис. 1).

«Буквальный смысл» концепта определяется при его этимологическом анализе. Совокупность

специального знания, представленного концептом «идентичность», восходит к французскому слову *identité* и латинскому слову *identitās*, образованному от корня *idem* ('то же самое') и суффиксов *-tas*, *-tatem* [OED 1989].

По некоторым данным, появление слова «идентичность» было продиктовано необходимостью обозначения действия, повторяющегося «снова и снова, многократно» [OED 1989]. Таким образом, этимология концепта «идентичность» выявляет ряд родственных лексикографических дефиниций: «тождество», «одинаковость», «тождественность», «совпадение», «сходство», «подобие», «единство», «исключительность», «повторение».

Таким образом, лексикографические источники определяют «буквальный смысл» концепта «идентичность», который можно организовать в виде субфрейма *тождество предметов, явлений, действий* (см. рис 1).

С течением времени концепт «идентичность» подвергался существенным изменениям. Концепт «идентичность» в научном дискурсе начинает развиваться в трудах античных философов Платона, Плотина, Аристотеля.

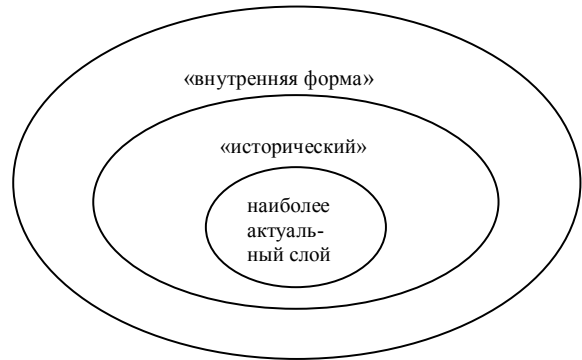

Рис. 1. Структура концепта «идентичность»

Великий мыслитель античности Платон (428—347 гг. до н. э.) концептуализировал идентичность в виде представления о тождестве как соотношении тождественного, иного, а также сущностного. В человеке идентичность, во взглядах Платона, предполагает единство духовного и телесного [Платон 1994, т. 3: 437].

Античный философ Аристотель (384—322 гг. до н. э.) рассматривал идентичность на основе логического закона тождества. По рассуждениям античного мыслителя, и человек, и образованное, — составные части целого тождества: «человеку, который имеет данную образованность, признаются тождественными и человек, и <данная> образованность, и наоборот» [Аристотель 2002: 163—164].

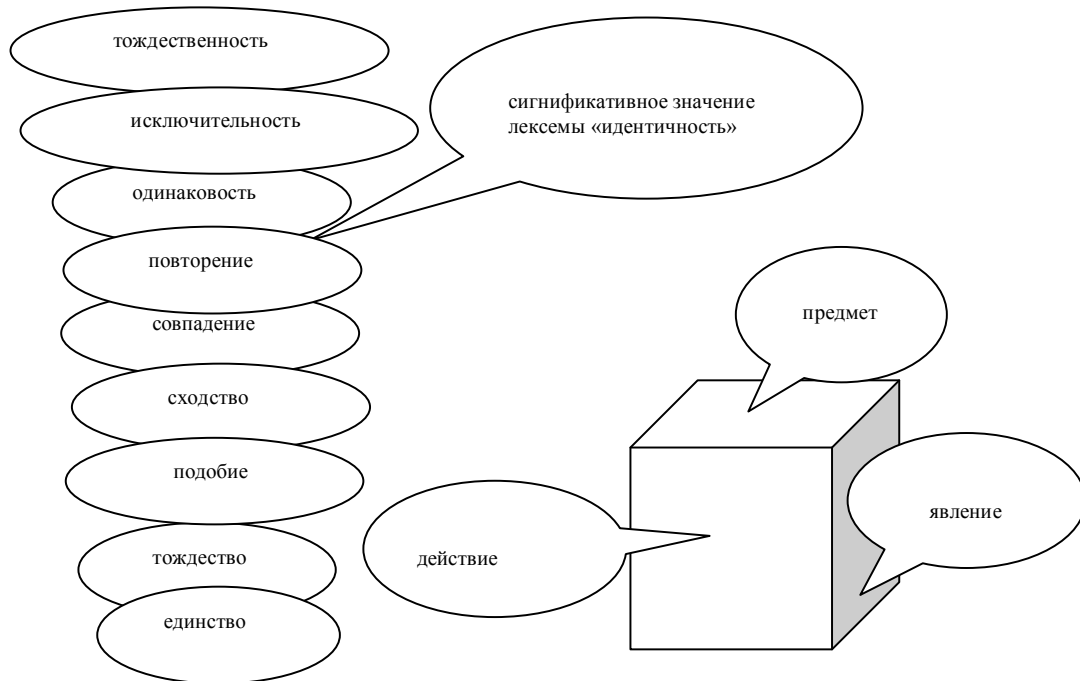

Рис. 2. Субфрейм «тождество предметов, явлений, действий»

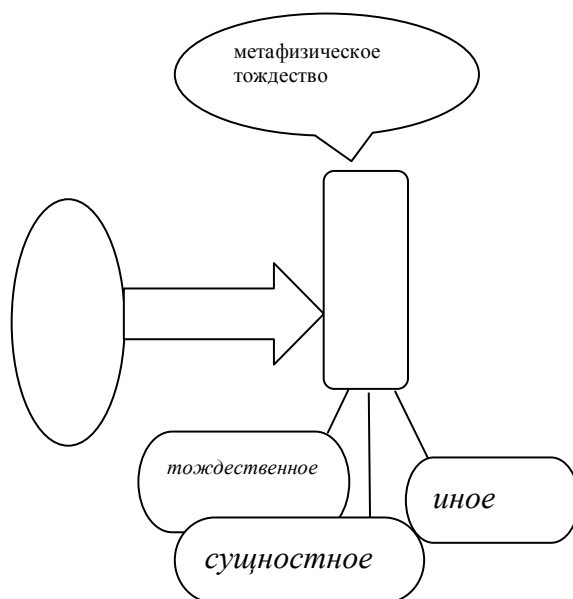

Рис. 3. Субфрейм «метафизическое тождество»

Плотин продолжает (204—269 г. н. э.) заниматься проблемой осмысления концепта идентичности, разрабатывая философскую категорию тождества. Тождественное определяется философом при рассмотрении единого первосущего, наделенного мировой душой [Плотин 1994, т. 2: 7].

Итак, концепт «идентичность» в Античности подразумевал базовую философскую логическую категорию — тождество. Знание об идентичности античного периода позволяет сконструировать субфрейм *метафизическое тождество* (см. рис. 3).

В Средние века (V—XV вв.) восприятие концепта «идентичность» осуществлялось на основе христианского учения.

Ментальное представление об идентичности в Средние века раскрывает выдающийся богослов Августин Аврелий (354—430 г.). Идентичность предполагает у Августина Аврелия тождество человеческого и Божественного [Августин Аврелий 1992: 8].

Основные положения христианского учения в XIII в. были систематизированы философом Фо-

мой Аквинским (1225—1274 г.). В доктрине Фомы Аквинского прослеживается мысль о тождественности человеческой и Божественной сущности [Фома Аквинский 2000: 125—127].

Таким образом, применив когнитивное моделирование, мы можем структурировать средневековое знание об идентичности в виде субфрейма *тождество Божественной и человеческой природы* (см. рис. 4).

Начиная с XVI в. концепт «идентичность» обретает новую трактовку. Новое время было эпохой развития науки, в том числе в области социогуманитарного знания.

Проблема осмысления индивидуальной идентичности в Новое время представлена с точки зрения концепции познающего субъекта Р. Декарта (1596—1650 г.). Данная концепция строится на рационалистическом понимании мира, в котором человек выступает как телесное и духовное существо, наделенное разумом [Декарт 1989, т. 1: 84].

Рис. 4. Субфрейм «тождество Божественной и человеческой природы»

Концептуализация социальной идентичности как познающего субъекта, не зависящего от социальных норм общества, продолжилась в XVIII в. в трудах В. Лейбница (1646—1716 гг.), Д. Локка (1632—1704 гг.), Д. Юма (1711—1776 гг.).

В. Лейбниц в своем философском учении подчеркивает индивидуальную сторону идентичности. Человеческая личность во взглядах В. Лейбница отождествляется с субстанцией, «способной к действию» [Лейбниц 1982, т. 1: 404].

Философскую идею о тождестве духовного и телесного начала высказал Д. Локк. Человек в представлении Д. Локка является субстанцией, наделенной разумом, единство которой становится возможным благодаря соединению тела с духом [Локк 1985, т. 1: 384].

Д. Юм рассматривает человеческую природу с точки зрения познавательной деятельности. Согласно Д. Юму, человеческий ум может «соединять, перемещать, увеличивать или уменьшать материал, доставляемый нам чувствами и опытом» [Юм 1996, т. 2: 16].

Итак, мы рассмотрели научный дискурс XVI—XVIII вв., представляющий собой «совокупность знаний, единство процесса языковой деятельности и ее результата» [Богатикова, Мишланова, Филиппова 2014: 215]. Исходя из научного понимания концепта идентичности можно сделать вывод о том, что знание об идентичности представляло собой субфрейм *материальное и духовное существо, наделенное разумом*.

Проблема осмысления концепта идентичности в XVIII—XIX вв. отразилась в немецкой классической философии. Идея об идеалистической природе идентичности была отражена в трудах И. Канта (1724—1804), Г. В. Ф. Гегеля (1770—1831), В. И. Шеллинга (1775—1854).

Антропологическую концепцию идентичности представляет И. Кант. Идеалистическая метафизическая трактовка идентичности освещается с позиции философской проблемы человека. В антропологической теории И. Канта выдвигается три вопроса: «1. Что я могу знать? 2. Что я должен сделать? 3. На что я вправе надеяться?» [Кант 1998: 792].

Г. В. Ф. Гегель (1770—1831) развивает метафизическую концепцию идентичности личности на основе логических умозаключений. Затрагивая проблему когнитивных процедур, Г. В. Ф. Гегель отмечает субъективный и объективный характер человеческой мысли. Согласно великому мыслителю Нового времени, «определения мышления только субъективны и всегда имеют свою противоположность в объективном...» [Гегель 1974, т. 1: 132].

В. И. Шеллинг (1775—1854) исследует идентичность личности в рамках теории единства «объективного и субъективного знания». В свою очередь, объективное и субъективное знание В. И. Шеллинг сводит к сознательному и бессознательному [Шеллинг 1987, т. 1: 232].

Таким образом, с точки зрения великих мыслителей XVIII—XIX вв., индивидуальная идентичность складывалась из автономности человеческого разума, тождества «объективного и субъективного знания» [Шеллинг 1987, т. 1: 232]. Когнитивно-дискурсивное исследование, «выявив осо-

бенности интеракции когнитивных и языковых структур», определило, что концепт «идентичность» XVIII—XIX вв. при когнитивном моделировании может быть организован в субфрейм *человеческий разум, ведущий к тождеству «объективного и субъективного знания»* [Стругова, Мишланова, Лапина 2011: 110] (см. рис. 5).

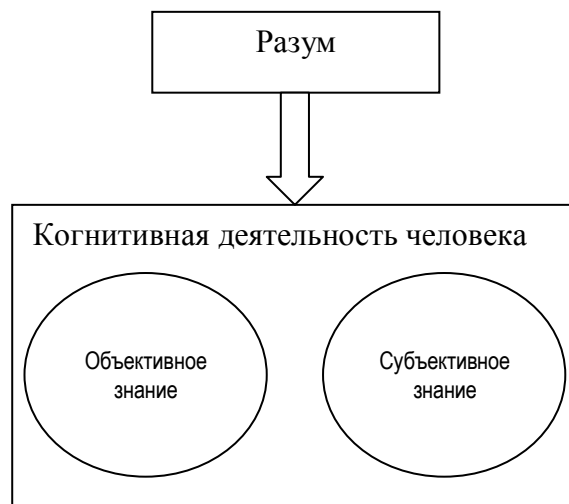

Рис. 5. Субфрейм «человеческий разум, ведущий к тождеству „объективного и субъективного знания“»

Концептуализация идентичности в XX в. происходила в эпоху постиндустриального общества. В это время наблюдается изменение и усложнение социальной роли личности.

Концепт «идентичность», формировавшийся в условиях новой информационной формации, отражен в дискурсе социально-гуманитарного знания XX в. В 1920—1930-х гг. проблема идентичности стала разрабатываться в психологии, этнопсихологии, антропологии, политологии.

Американский психолог Э. Г. Эриксон, проводивший психологические и антропологические исследования в 1940—1950-х гг., впервые предложил специальное понятие «идентичность». Выделяя значимость «социальной» составляющей идентичности, Э. Эриксон считает, что без осуществления социальных ролей человек не может полностью реализовать себя [Erikson 1975: 18].

Необходимо отметить, что в 20-х гг. XX в. знание об идентичности кумулировалось в социогуманитарных дисциплинах, в том числе и в этнической психологии. Этнопсихологическая теория выделяет в человеке этническую идентичность [Стефаненко 1999: 56—57].

Идентичность в антропологических исследованиях XX в. представлена с позиции культурной антропологии, которая акцентирует внимание на культурной идентичности. Под воздействием политических механизмов, религии, науки, «системы образования, законодательства», а также экономики складывается культурная идентичность личности [Малиновский 2004: 18].

Проблема формирования идентичности была затронута также в политическом дискурсе. В политической науке принято разделять политиче-

скую идентичность и социальную идентичность, причем политическая идентичность считается разновидностью социальной. Вопросом политической идентичности занимались А. А. Вилков (2011), Н. Н. Федотов (2011), П. В. Панов (2011). Таким образом, исследовав концепт «идентичность» в дискурсе социогуманитарного знания XX в., мы обнаружили, что представление о нем отображается в виде многомерного социального феномена. На основе данных, полученных при анализе концепта идентичности в XX в., мы моделируем субфрейм *идентичность как комплекс социогуманитарного знания* (см. рис. 6).

Концептуализации идентичности в XXI в. неразрывно связана с научным дискурсом эпохи глобализации. Эпоха глобализации приводит к размыванию идентичности, а также ее трансформации. В этих условиях на первый план выступает вопрос сохранения национальной идентичности. Н. Хантингтон, исследуя механизм становления национальной идентичности в XXI в., выделяет трансформационные процессы «сужения идентичности», а также ее «расширения» [Хантингтон 2004: 37— 38].

Проблемой идентификации идентичности в глобализирующемся мире занимался также В. В. Лапкин. Исследователь выявляет в XXI в. «разложение национальной идентичности», объясняя данный процесс «культурным и информационным глобализмом» [Лапкин 2011: 71]. Более того, В. В. Лапкин указывает на создание новых общественных коллективов, объединенных по языковому, религиозному, этническому признакам.

Таким образом, проследив за научным дискурсом эпохи глобализации и трансформацией идентичности личности, происходящей в XXI в., мы подчеркиваем изменение знания об исследуемом социальном феномене в субфрейме *разрушение национальной идентичности и создание новых форм социальной интеграции* (см. рис. 7).

Итак, концепт «идентичность» прошел длительный путь развития. Когнитивно-дискурсивное исследование определило следующие субфрей-

мы концепта «идентичность»: *метафизическое тождество; тождество Божественной и человеческой природы; материальное и духовное существо, наделенное разумом; человеческий разум, ведущий к тождеству «объективного и субъективного знания»; идентичность как комплекс социогуманитарного знания; разрушение национальной идентичности и создание новых форм социальной интеграции*. Семь выделенных нами субфреймов фрейма «идентичность» позволяют проследить динамику развития знания об исследуемом социальном феномене (см. табл.).

Мы подошли к последнему этапу анализа многогранной структуры совокупности знания об идентичности. Он заключается в выявлении наиболее актуального слоя концепта «идентичность». Определение новейшего слоя данного концепта требует применения социологического метода Э. Дюркгейма. Наиболее актуальный слой знания об идентичности раскроется в коллективных ментальных представлениях, зафиксированных в социологических словарях.

Концепт «идентичность» раскрывается также в социологическом дискурсе. Являясь сложным ментальным образованием, исследуемый концепт может объективироваться совокупностями текстов [Мишланова, Куприянычева 2012: 170]. Так, в социологическом словаре концепт «идентичность» представлен в следующей дефиниции: '1. individuality, personality, qualities which identify a person or thing; sameness; likeness, similarity' [OSD] (рус. 'индивидуальность, личность, отличительная черта субъекта или объекта; тождественность; подобие, сходство'). Концепт «идентичность» рассматривается также в рамках социологической теории идентичности, утверждающей, что самоотождествление личности происходит внутри социума [SD]. Учитывая данные, почерпнутые из социологических словарей, мы можем сконструировать субфрейм *самоотождествление личности под влиянием процесса социализации* (см. рис. 8), который будет являться наиболее актуальным слоем исследуемого концепта.

Рис. 6. Субфрейм «идентичность как комплекс социогуманитарного знания»

Рис. 7. Субфрейм «разрушение национальной идентичности и создание новых форм социальной интеграции»

Таблица. Субфреймы концепта «идентичность»

Эпоха	Субфрейм
Античность	метафизическое тождество
Средние века	тождество Божественной и человеческой природы
XVI—XVIII вв.	материальное и духовное существо, наделенное разумом
XVIII—XIX вв.	человеческий разум, ведущий к тождеству «объективного и субъективного знания»
XX в.	идентичность как комплекс социогуманитарного знания
XXI в.	разрушение национальной идентичности и создание новых форм социальной интеграции

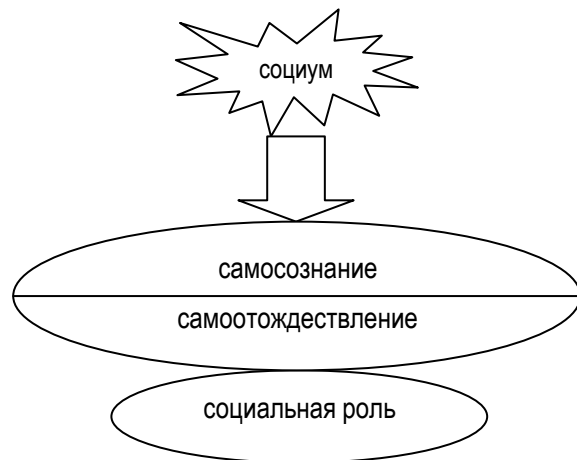

Рис. 8. Субфрейм «самоотождествление личности под влиянием процесса социализации»

Подведем итоги. В когнитивно-дискурсивном исследовании была выявлена «внутренняя форма» концепта «идентичность», репрезентированная в субфрейме *тождество явлений, предметов, понятий, действий*. Научный дискурс определил знание об идентичности, относящееся к «историческому» слою. Оно было структурировано в виде субфреймов: 1) *метафизическое тождество*; 2) *тождество Божественной и человеческой природы*; 3) *материальное и духовное существо, наделенное разумом*; 4) *человеческий разум, ведущий к тождеству «объективного и субъективного знания»*; 5) *идентичность как комплекс социогуманитарного знания*; 6) *разрушение национальной идентичности и создание новых форм социальной интеграции*. Новейший слой исследуемого концепта отображен в субфрейме *самоотождествление личности под влиянием процесса социализации*. Таким образом, целостное представление об идентичности можно представить в виде фреймовой модели «идентичность», состоящей из восьми субфреймов (см. рис. 9).

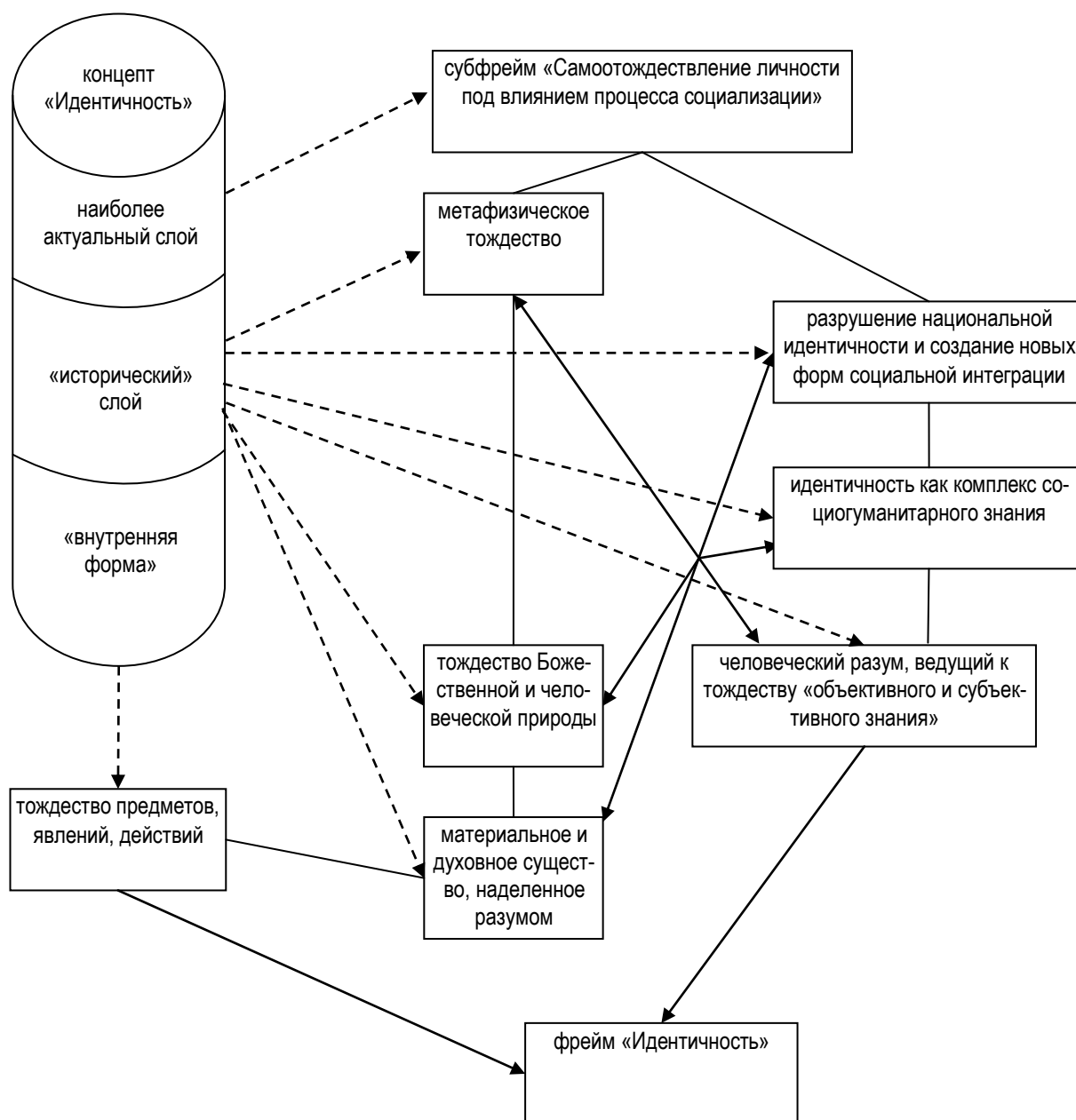

Рис. 9. Фрейм концепта «идентичность»

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Аврелий. Исповедь. Абелия П. История моих бедствий / пер. с латыни. — М.: Республика, 1992.
2. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002.
3. Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования / сост. и подготовка текста С. И. Еремеева. — СПб.: Алетейя; Киев: Эльга, 2002.
4. Богатикова Е. П., Мишланова С. Л., Филиппова А. А. Особенности представления специального знания в медицинском дискурсе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 3 (25). С. 215—218.
5. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. — М.: Мысль, 1974.
6. Гуреева А. М., Мишланова С. Л. О вариативности термина «международный бакалавриат» в газетном дискурсе // Иностранные языки в контексте культуры: межвуз. сб. ст. по материалам конф. — Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2009. С. 46—49.
7. Декарт Р. Соч. В 2 т. Т. 1: пер. с лат. и франц. / сост., ред. В. В. Соколова. — М.: Мысль, 1989.
8. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. — Минск: Литература, 1998.
9. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? : моногр. — М.: Гнозис, 2003.
10. Лапкин В. В. Проблемы формирования идентичности в условиях глобализации // Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. по итогам Всерос. науч.-теор. конф. (ИМЭМО РАН, 21—22 окт. 2010 г.). — М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 70—74.
11. Платон. Собр. соч. В 4 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1994.
12. Плотин. Избранные трактаты / пер. с древнегр. под ред. проф. Г. В. Малеванского. — М.: РМ, 1994. Т. 2.
13. Лейбниц Г. В. Соч. В 4 т. Т. 1 / ред. и сост. В. В. Соколов; пер. Я. М. Боровского [и др.]. — М.: Мысль, 1982. URL: <http://www.twirpx.com/file/227511/> (дата обращения: 28.02.2015).
14. Локк Дж. Соч. В 3 т. Т. 1 / ред. И. С. Нарский, А. Л. Субботин; пер. с англ. А. Н. Савина. — М.: Мысль,

1985. URL: <http://www.twirpx.com/file/789123/> (дата обращения: 28.02.2015).

15. Малиновский Б. Избранное: динамика культуры / пер. с англ. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

16. Мишланова С. Л., Куприянычева Е. А. Моделирование концепта «экстремизм» на материале лексикографических источников // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 5 (15). С. 170—175.

17. Мишланова С. Л., Пермякова Т. М. Современная концептосфера: направления и перспективы // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. — Пермь: ПГУ, 2004. С. 351—364.

18. Мишланова С. Л., Филиппова А. А. Внутриотраслевая полисемия в методическом дискурсе: моногр. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2010.

19. Мишланова С. Л., Хрусталева М. А. Интерференция: когнитивно-дискурсивный анализ синонимии. — Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2009.

20. Политические коммуникации: учеб. пособие при подгот. специалистов по напр. «Политология» / под ред. А. И. Соловьева. — М.: Аспект Пресс, 2004.

21. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

22. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. — М.: Ин-т психологии РАН: Академический проект, 1999.

23. Стругова С. В., Мишланова С. Л., Лапина Л. Г. Вербализация отношения концептуальной противоположности в спортивном дискурсе // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 2. С. 110—115.

24. Фома Аквинский. Сумма против язычников. Кн. 1 / пер. Т. Ю. Бородай. — Долгопрудный: Вестком, 2000.

25. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. — М.: Гранзиткнига, 2004.

26. Юм Д. Соч. В 2 т. Т. 2. 2-е изд., доп. и испр. / пер. с англ. С. И. Церетели [и др.]. — М.: Мысль, 1996. URL: <http://www.twirpx.com/file/1532089/> (дата обращения: 28.02.2015).

27. Шеллинг Ф. В. Й. Соч. В 2 т. Т. 1: пер. с нем. / сост., ред. А. В. Гулыга. — М.: Мысль, 1987.

28. Ericson E. H. Life history and historical moment. — New York: Norton and Company, 1975.

29. Fillmore C. J. Frame semantics // Cognitive Linguistics: basic readings / ed. by Dirk Geeraerts. — Berlin: Walter de Gruyter, 2006. P. 373—400.

30. Online Sociology Dictionary = OSD. URL: <http://www.babylon.com/define/88/sociology-dictionary.html> (date of access: 4.04.2015).

31. Sociology Dictionary = SD. URL: <http://sociology.about.com/od/Sociological-Theory/> (date of access: 6.04.2015).

32. The Oxford English Dictionary = OED. Vol. VII. 2nd ed. / J. A. Simpson, E. S.C. Weiner. — Oxford: Clarendon Pr., 1989.

T. S. Katlishina

Perm, Russia

CULTUROLOGICAL ANALYSIS OF THE STRUCTURE OF THE CONCEPT OF “IDENTITY” IN SCIENTIFIC DISCOURSE

ABSTRACT. *The article highlights the process of formation of knowledge about identity in the process of a long historical period. The research employs a complex cognitive-discursive method including the methods of discursive analysis, frame analysis, comparative analysis, linguo-genetic method and historical-descriptive method. The complex cognitive-discursive method of research allows the author to observe the changes in the concept of “identity” in social consciousness. Three layers of the concept “identity” are distinguished. The first layer, expressed in the “literal meaning” of the concept, is reached by turning to lexicographical sources. The second layer is a “historical” one, presupposing the study of identity formed in scientific discourse. The most important layer of the concept “identity” is found in sociological discourse, which reflects the collective idea of identity. The dynamics of development of knowledge about the phenomenon under study is illustrated by the frame “identity”, including the following sub-frames: metaphysical identity; identity of divine and human nature; material and spiritual being possessing reason; human reasoning, leading to the identity of “objective and subjective knowledge”; identity as a complex of socio-humanitarian knowledge; disintegration of national identity and creation of new forms of social integration. One more sub-frame, representing the “inner form” of the concept, can be added to this group – “identity of phenomena, objects, notions and actions”. The most relevant layer of knowledge about identity is disclosed in collective mental images, registered in sociological dictionaries, which make it possible to single out the frame of “self-identity of a person under the influence of the process of socialization”.*

KEYWORDS: “inner form” of the concept; “historical” layer of the concept; most relevant layer of the concept; frame analysis method, discourse.

ABOUT THE AUTHOR: Katlishina Tat'yana Sergeevna, Post-graduate Student of Department of Linguodidactics, Perm State University, Perm, Russia.

REFERENCES

1. Avgustin Avreliy. Ispoved'. Abelyar P. Istoriya moikh bedstviy / per. s latyni. — M.: Respublika, 1992.

2. Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. Meditsinskiy diskurs: teoreticheskie osnovy i printsipy analiza. — Perm': Izd-vo Perm. un-ta, 2002.

3. Aristotel'. Metafizika. Perevody. Kommentarii. Tolkovaniya / sost. i podgotovka teksta S. I. Eremeeva. — SPb.: Aleteyya; Kiev: El'ga, 2002.

4. Bogatikova E. P., Mishlanova S. L., Filippova A. A. Osobennosti predstavleniya spetsial'nogo znaniya v meditsinskom diskurse // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2014. № 3 (25). S. 215—218.

5. Gegel' G. V. F. Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 1. Nauka logiki. — M.: Mysl', 1974.

6. Gureeva A. M., Mishlanova S. L. O variativnosti termina «mezhdunarodnyy bakalavriat» v gazetnom diskurse // Inostrannye yazyki v kontekste kul'tury: mezhvuz. sb. st. po materialam konf. — Perm': Izd-vo Perm. gos. un-ta, 2009. S. 46—49.

7. Dekart R. Soch. V 2 t. T. 1: per. s lat. i frants. /sost., red. V. V. Sokolova. — M.: Mysl', 1989.

8. Kant I. Kritika chistogo razuma / per. s nem. N. Los-skogo. — Minsk: Literatura, 1998.

9. Krasnykh V. V. «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? : monogr. — M.: Gnozis, 2003.

10. Lapkin V. V. Problemy formirovaniya identichnosti v usloviyakh globalizatsii // Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza: sb. st. po itogam Vseros. nauch.-teor. konf. (MEMO RAN, 21—22 okt. 2010 g.). — M.: IMEMO RAN, 2011. S. 70—74.

11. Platon. Sobr. soch. V 4 t. T. 3. — M.: Mysl', 1994.

12. Platin. Izbrannye traktaty / per. s drevnegr. pod red. prof. G. V. Malevanskogo. — M.: RM, 1994. T. 2.

13. Leybnits G. V. Soch. V 4 t. T. 1 / red. i sost. V. V. Sokolov; per. Ya. M. Borovskogo [i dr.]. — M.: Mysl', 1982. URL: <http://www.twirpx.com/file/227511/> (дата обращения: 28.02.2015).

14. Lokk Dzh. Soch. V 3 t. T. 1 / red. I. S. Narskiy, A. L. Subbotin; per. s angl. A. N. Savina. — M.: Mysl', 1985. URL: <http://www.twirpx.com/file/789123/> (дата обращения: 28.02.2015).

15. Malinovskiy B. Izbrannoe: dinamika kul'tury / per. s angl. — M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004.

16. Mishlanova S. L., Kupriyanycheva E. A. Modelirovanie kontsepta «ekstremizm» na materiale leksikograficheskikh istochnikov // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2012. № 5 (15). S. 170—175.
17. Mishlanova S. L., Permyakova T. M. Sovremennaya kontseptosfera: napravleniya i perspektivy // Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste : mezhvuz. sb. nauch. tr. — Perm' : PGU, 2004. S. 351—364.
18. Mishlanova S. L., Filippova A. A. Vnutriotraslevaya polisemiya v metodicheskom diskurse : monogr. — Perm' : Izd-vo Perm. un-ta, 2010.
19. Mishlanova S. L., Khrustaleva M. A. Interferentsiya: kognitivno-diskursivnyy analiz sinonimii. — Perm' : Izd-vo Perm. gos. un-ta, 2009.
20. Politicheskie kommunikatsii : ucheb. posobie pri podgot. spetsialistov po napr. «Politologiya» / pod red. A. I. Solov'eva. — M. : Aspekt Press, 2004.
21. Stepanov Yu. S. Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya. — M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tu-ry», 1997.
22. Stefanenko T. G. Etnopsikhologiya. — M. : In-t psikhologii RAN : Akademicheskii proekt, 1999.
23. Strugova S. V., Mishlanova S. L., Lapina L. G. Verbalizatsiya otnosheniya kontseptual'noy protivopozhnosti v sportivnom diskurse // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2011. № 2. S. 110—115.
24. Foma Akvinskiy. Summa protiv yazychnikov. Kn. 1 / per. T. Yu. Boroday. — Dolgoprudnyy : Vestkom, 2000.
25. Khantington S. Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noy identichnosti / per. s angl. A. Bashkirova. — M. : Tranzitkniga, 2004.
26. Yum D. Soch. V 2 t. T. 2. 2-e izd., dop. i ispr. / per. s angl. S. I. Tsereteli [i dr.]. — M. : Mysl', 1996. URL: <http://www.twirpx.com/file/1532089/> (data obrashcheniya: 28.02.2015).
27. Shelling F. V. Y. Soch. V 2 t. T. 1 : per. s nem. / sost., red. A. V. Gulyga. — M. : Mysl', 1987.
28. Ericson E. H. Life history and historical moment. — New York : Norton and Company, 1975.
29. Fillmore C. J. Frame semantics // Cognitive Linguistics: basic readings / ed. by Dirk Geeraerts. — Berlin : Walter de Gruyter, 2006. P. 373—400.
30. Online Sociology Dictionary = OSD. URL: <http://www.babylon.com/define/88/sociology-dictionary.html> (date of access: 4.04.2015).
31. Sociology Dictionary = SD. URL: <http://sociology.about.com/od/Sociological-Theory/> (date of access: 6.04.2015).
32. The Oxford English Dictionary = OED. Vol. VII. 2nd ed. / J. A. Simpson, E. S.C. Weiner. — Oxford : Clarendon Pr., 1989.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. С. Л. Мишланова.

Е. Е. Коптякова
Сургут, Россия

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МЕДИАТЕКСТОВ

АННОТАЦИЯ. Характеризуются основные функции и свойства медиатекстов, приводится существующее на сегодняшний день в лингвистике определение медиакартины мира. В статье представлены основные теоретические положения различных научных направлений, лежащих в основе современной методики комплексного лингвистического анализа медийных текстов, а именно: социолингвистики, функциональной стилистики, дискурсивного анализа, теории речевых актов и когнитивной лингвистики. Далее статья раскрывает специфику методики лингвистического анализа медийных текстов, разработанную Т. В. Чернышовой. В рамках данной методики базовыми категориями анализа выступают текст, контекст, адресат, адресант. Текст понимается как когнитивная структура, представленная совокупностью концептуальных схем, отражающих фрагменты языковой картины мира коммуникантов. Для адекватной интерпретации важен контекст, то есть то, что не дано непосредственно в самом выражении, но задает вектор ассоциаций и интерпретации адресатом речевых действий адресанта. Автор и адресант являются языковыми личностями. Составляющими элементами анализа являются стилистический и интерпретационный компоненты. Первый выявляет денотативные и коннотативные значения смысла текста, второй истолковывает контекст и определяет интенциональное содержание высказывания. Данная методика позволяет проводить изучение различных лингвистических категорий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиакартина мира; тексты СМИ; методика анализа медийных текстов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Коптякова Елена Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания английского языка и перевода, Сургутский государственный университет; адрес: 628400, г. Сургут, пр-т Ленина, 1; e-mail: koptyakova-elena@yandex.ru.

В рамках когнитивного направления медиатексты исследуются как в связи с общими проблемами концептуализации и категоризации, так и в связи с вопросами языковой картины мира. Рассматривая тексты СМИ в когнитивном аспекте, Т. Г. Добросклонская среди присущих им важнейших свойств выделяет три основных: отражающее, организующее и формирующее [Добросклонская 2005: 182].

Отражающее свойство заключается в том, что, реализуя одну из своих основных функций, информативную, СМИ в то же время отражают окружающую действительность, что является сегодня ключевым фактором в создании картины мира. Организующее свойство проявляется в четком структурировании информационного потока с помощью устойчивых концептуальных моделей, выражающихся в универсальных медиатопиках: политика, бизнес, культура и т. д. Таким образом, СМИ создают и поддерживают целостную, детально организованную картину мира. Формирующее свойство текстов массовой информации выражается в их возможности влиять на систему оценок и формирование общественного мнения, т. е. идеологически воздействовать посредством многократного повторения и широкого распространения концептов и стереотипов.

Результатом взаимодействия всех перечисленных свойств СМИ становится создание особого вида картины мира — медиакартины мира (журналистской, медийной картины мира) [Мансурова 2002; Сметанина 2002; Солганик 2002; Рогозина 2003 и др.]. По мнению В. Д. Мансуровой, медиакартина мира является «специфическим метальным образованием, возникающим в массовом обыденном сознании, представляет собой динамическую, сложно организованную, самоорганизующуюся систему циркуляции социального знания — информации, востребованной обществом» [Мансурова 2002: 217]. Основной функцией медиакартины мира выступает социальная репрезентация реальности в оценочной форме с целью воздействия социального субъекта (органа СМИ) на мышление реципиента [Рогозина 2003]. Так же, как и языковая

картина, журналистская картина культуроспецифична, т. е. она отражает национально-культурные особенности и моральные нормы лингвокультурного сообщества.

Осознание масштабности коммуникационных процессов и глубины их воздействия на человека обусловило исследовательский интерес к изучению различных аспектов массовой коммуникации и в частности к проблеме языка СМИ. Вопросами функционирования языка в массмедиа занимались такие известные ученые, как А. Белл, Т. ван Дейк, Д. Н. Шмелев, В. Г. Костомаров, О. А. Лаптева, N. Fairclough, M. Montgomery и др. Самые различные школы и направления исследователей занимались вопросами использования языка в средствах массовой информации: социолингвистика, функциональная стилистика, дискурсивный анализ, контент-анализ, когнитивная лингвистика и т. д.

Вклад указанных областей лингвистики в разработку данной тематики является довольно значительным. Рассмотрим некоторые теоретические положения, ставшие основой для современной методики анализа текстов массмедиа.

Авторы разработок семантических алгоритмов (моделей понимания) и семантических метаязыков (Б. Ю. Городецкий, У. Чейф, Т. Виноград и др.) занимались исследованием фактора адресата, в результате чего было установлено, что для выбора адекватной формы изложения информации автору необходимо иметь представление об интеллектуальных возможностях адресата [Чейф 1983: 36—39], а также что принципиально важным моментом вербализации и восприятия является интерпретация [Чейф 1983: 40; Виноград 1983: 151]. Постулаты исследователей получают дальнейшее развитие в рамках дискурсивной (Т. А. ван Дейк, М. Л. Макаров и др.) и когнитивной лингвистик (В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац и др.). С позиций данных научных направлений особое внимание обращается на контекст, рассматриваемый как набор определенных когнитивных структур, отражающих концептуальный мир говорящего. Для полного понимания говорящего слушающему необходимо не

только знание о языке, но и знание о мире, социальном контексте высказывания, умение использовать хранящуюся в памяти информацию, планировать и управлять дискурсом и т. д. Данные положения оказались весьма востребованными в области изучения взаимодействия автора и адресата в СМИ.

Неоценимую роль для понимания фактора адресата сыграли положения теории речевых актов, сформулированные в трудах Дж. Л. Остина, Дж. Р. Серля, Г. Г. Кларка, Т. Б. Карлсона и др. Признание единицей общения не языковых выражений, а репрезентируемых посредством них действий привело к пониманию того, что предметом изучения должен быть не язык и не текст, а языковой контекст системы речевых актов (или дискурс) [Павиленис 1986: 380—381]. Постулат о зависимости речевых актов от знаний о мире, интенций и других особенностей коммуникативной ситуации определил интерпретацию как основной механизм декодирования высказывания [Там же: 383]. Вполне очевидно, что выбор того или иного выражения обусловлен концептуальной системой партнеров по коммуникации. Несмотря на значительные достижения теории речевых актов исследователи отмечают, что деятельность адресата в рамках данной теории заключается лишь в восприятии и интерпретации и не предполагает реагирования [Арутюнова 1981: 359].

Презентация адресата как активного собеседника просматривается в работах Н. Д. Арутюновой, Т. Г. Винокур, В. Ф. Петренко и др. В рамках социолингвистики обращается внимание на связь языка с социальными процессами, формулируются параметры социолингвистического поведения, к которым отнесены отправитель (адресант), получатель (адресат), обстановка и форма сообщения, канал связи, тема, код, функции общения (Д. Х. Хаймс, С. М. Эрвин-Трип и др.). Созданная А. А. Леонтьевым психологическая теория деятельности вывела изучение массовой коммуникации на качественно новый уровень, провозгласив активный характер внутренней, умственной деятельности, которая, как и любая другая деятельность, включена в общественный процесс и подчинена социальным целям [Леонтьев 1974].

Необходимо также отметить, что традиционно изучением фактора адресата занимается стилистика, в рамках которой рассматриваются образы адресата и автора, интерпретация адресатом замысла автора, изучаются не только экспрессивные средства языка, но и коммуникативные факторы, определяющие выбор языковых средств в ситуации общения.

Вышеуказанные разработки ученых стали общетеоретическими предпосылками комплексного подхода к анализу медиатекстов. Рассмотрим методику анализа текстов СМИ, предложенную Т. В. Чернышовой [Чернышова 2007]. Прежде всего необходимо раскрыть специфику понимания исследователем сущности медиакартины мира [Чернышова 2007: 61—67]. Автор вводит термин «ментально-языковое пространство» и определяет его как глобальный контекст, образуемый медиатекстами, функционирующими в информационной сфере современного общества [Там же: 65]. Данное мен-

тально-языковое пространство базируется на четырех основных категориях: тексте, контексте, авторе (адресанте) и адресате. Текст понимается как когнитивная структура, представленная совокупностью концептуальных схем, отражающих фрагменты языковой картины мира коммуникантов; в ходе интерпретации текста происходит сопоставление концептуальных сущностей автора и адресата. Для адекватной интерпретации важен контекст, то есть то, что не дано непосредственно в самом выражении, но задает вектор ассоциаций и интерпретации адресатом речевых действий адресанта. Автор и адресат являются языковыми личностями. Принимая во внимание тесную взаимосвязь всех перечисленных категорий — текста, контекста, автора, адресата, — Т. В. Чернышова приходит к выводу о том, что тексты СМИ, как и язык СМИ в целом, предстают как «национальный поток сознания современного человека, как ментально-языковое пространство, в котором пересекаются, взаимодействуют фрагменты национальной картины мира, отраженные языковым сознанием личностей как автора, так и адресата» [Чернышова 2007: 13].

Для исследования медийной картины мира с учетом вышеизложенных факторов Т. В. Чернышова разработала методику комплексного лингвистического анализа медиатекстов, которая базируется на двух основных составляющих: стилистическом (и смысловом как одним из его этапов) и интерпретационном видах анализа [Там же: 147—152].

Стилистический анализ текста направлен, как известно, на полное понимание основной мысли текста, следовательно, в сферу данного вида анализа попадает не только план выражения текста, т. е. конкретные языковые единицы и их организация, но и план содержания. В процессе анализа представляется важным обратить внимание не только на денотативные компоненты смысла текста, но и на коннотативные значения (экспрессивные, эмоциональные, образные, оценочные), которые являются источником аффективного компонента смысла текста. Автор методики использует понятие «эмоциональный тон высказывания», под которым понимается эмоциональная окраска высказывания, обусловленная контекстом и зависящая от эмоции, которой окрашен конкретный контекст [Там же: 205]. Аффективный компонент, по мнению исследователя, может быть извлечен в процессе смыслового анализа. Необходимость выявления данной информации заключается не только в том, что она касается осознанных сторон человеческой деятельности, но и в том, что она отражает проявления личности человека, которые им не осознаются. Кроме того, целесообразность определения аффективного компонента смысла высказывания доказывается еще и тем, что он помогает достоверно установить скрытые, имплицитные элементы смысла (речевая агрессия, сочувствие, реклама и т. д.).

Второй составляющей комплексного лингвистического анализа текста является его интерпретация, т. е. специальная «операция, направленная на истолкование слов, знаков, жестов» [Там же: 152]. Интерпретационный компонент языкового значения обусловлен определенным рода контекстом (социокультурным, прагматическим, ситуационным и др.) и обнаруживается при исследовании интенционально-го содержания высказывания. На основе интерпре-

тационного анализа определяется «вектор ассоциаций», т. е. направление ассоциаций, задаваемое концептуальной системой текста [Там же: 156], позволяющее сделать предположение относительно языкового сознания автора.

Представленная выше методика комплексного лингвистического анализа газетно-публицистических текста позволяет использовать ментально-языковое пространство СМИ для изучения различных лингвистических категорий, поскольку оно является частью национальной картины мира, отраженной в языковом сознании автор и адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 356—367.
2. Виноград Т. К. К процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1983. Вып. 12: Прикладная лингвистика. С. 139—167.
3. Городецкий Б. Ю. Актуальные проблемы прикладной лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1983. Вып. 12: Прикладная лингвистика. С. 9—13.
4. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова. — М.: Прогресс, 1989.
5. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов. — М.: Едиториал УРСС, 2005.
6. Добросклонская Т. Г. Язык политического медиадискурса Великобритании и США // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. — М.: Изд-во Моск. ун-та; Фак. журналистики

Е. Е. Коптыakova

Surgut, Russia

PECULIARITIES OF LINGUISTIC MEDIA TEXT ANALYSIS

ABSTRACT. *The article under consideration concerns the peculiarities of media texts linguistic research procedure. The paper analyzes the main functions and features of mass media texts, the definition and specific characteristics of media worldview. It presents the main theoretical principles of various research areas that form the basis of the modern media texts complex linguistic analysis, that is: sociolinguistics, functional stylistics, discursive analysis, speech acts theory and cognitive linguistics. Further on, the author introduces the specific peculiarities of media texts complex linguistic research procedure, presented by T.V. Chernyshova. It defines the following main categories of the research procedure: text, context, addresser, and addressee. The text is defined as a cognitive structure, presented as a body of conceptual schemes, reflecting fragments of communicators' linguistic worldview. The context is essentially important for adequate interpretation. It is not expressed openly, but implies the association vector and the addressee's interpretation of addresser's speech performance. The author and the addresser are linguistic personalities. The analysis is comprised by stylistic and interpretation components. The first one defines denotative and connotative meanings of the text; the second one interprets the context and the intentional content of the phrase. This procedure makes it possible to study various linguistic categories.*

KEYWORDS: *media worldview; media text; methods of analysis of media texts.*

ABOUT THE AUTHOR: *Koptyakova Elena Evgen'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Methods of Teaching English, Translation and Interpretation, Surgut State University, Surgut, Russia.*

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Faktor adresata // Izv. AN SSSR. Ser. literatury i yazyka. 1981. T. 40, № 4. С. 356—367.
2. Vinograd T. K. K protsessual'nomu ponimaniyu semantiki // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — М.: Progress, 1983. Vyp. 12: Prikladnaya lingvistika. S. 139—167.
3. Gorodetskiy B. Yu. Aktual'nye problemy prikladnoy lingvistiki // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — М.: Progress, 1983. Vyp. 12: Prikladnaya lingvistika. S. 9—13.
4. Deyk T. A. van. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya: per. s angl. / sost. V. V. Petrova; pod red. V. I. Gerasimova. — М.: Progress, 1989.
5. Dobrosklonskaya T. G. Voprosy izucheniya mediatekstv. — М.: Editorial URSS, 2005.
6. Dobrosklonskaya T. G. Yazyk politicheskogo mediadiskursa Velikobritanii i SShA // Yazyk SMI i politika / pod red. G. Ya. Solganika. — М.: Изд-во Моск. ун-та; Фак. zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova, 2012. S. 741—785.
7. Leont'ev A. A. Psikholingvisticheskaya problematika massovoy kommunikatsii. Obshchenie i rechevoe obshchenie. Psikholingvisticheskaya model' rechevogo vozdeystviya // Psikholingvisticheskie problemy massovoy kommunikatsii. — М.: Nauka, 1974. S. 164—180.

МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. С. 741—785.

7. Леонтьев А. А. Психоллингвистическая проблематика массовой коммуникации. Общение и речевое общение. Психоллингвистическая модель речевого воздействия // Психоллингвистические проблемы массовой коммуникации. — М.: Наука, 1974. С. 164—180.
8. Леонтьев А. А. Психология воздействия в массовой коммуникации // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие по специализации. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. Ч. 2. С. 97—107.
9. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М.: Гнозис, 2003.
10. Мансурова В. Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.
11. Павлиленис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. — М.: Мысль, 1983.
12. Рогозина И. В. Медиакартина мира: когнитивно-семиотический аспект: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. — Барнаул, 2003.
13. Сметанина С. И. Медиатекст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): науч. изд. — Изд-во Михайлова В. А., 2002.
14. Солганик Г. Я. Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. — М.: АВ-пресс, 2002.
15. Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1983. Вып. 12: Прикладная лингвистика. С. 36—65.
16. Чернышова Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. 2-е изд., перераб. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

8. Leont'ev A. A. Psikhologiya vozdeystviya v massovoy kommunikatsii // Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya: ucheb. posobie po spetsializatsii. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. Ch. 2. S. 97—107.
9. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa. — М.: Gnozis, 2003.
10. Mansurova V. D. Zhurnalistikaya kartina mira kak faktor sotsial'noy determinatsii. — Barnaul: Изд-во Alt. un ta, 2002.
11. Pavilenis R. I. Problema smysla: sovremennyy logiko-filosofskiy analiz yazyka. — М.: Mysl', 1983.
12. Rogozina I. V. Mediakartina mira: kognitivno-semioticheskiy aspekt: avtoref. dis. ... d-ra. filol. nauk. — Barnaul, 2003.
13. Smetanina S. I. Mediatekst v sisteme kul'tury (dinamicheskie protsessy v yazyke i stile zhurnalistiki kontsa XX veka): nauch. izd. — Изд-во Михайлова В. А., 2002.
14. Solganik G. Ya. Sovremennaya publitsisticheskaya kartina mira // Publitsistika i informatsiya v sovremennom obshchestve. — М.: AV-press, 2002.
15. Cheyf U. L. Pamyat' i verbalizatsiya proshlogo opyta // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — М., 1983. Vyp. 12: Prikladnaya lingvistika. S. 36—65.
16. Chernyshova T. V. Teksty SMI v mental'no-yazykovom prostranstve sovremennoy Rossii. 2-e izd., pererab. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Т. А. Ложкова
Екатеринбург, Россия

ФАНАТСКАЯ КРИЧАЛКА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ БЫТОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДЕЖНОГО ФОЛЬКЛОРА

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена анализу жанра фанатской кричалки в связи с вопросом о своеобразии бытования фольклорной традиции в современных молодежных субкультурах. Актуальность исследования связана со сложным, не до конца изученным характером взаимодействия традиции и новации в устном словесном творчестве. О сложности данной исследовательской проблемы свидетельствует полемика по поводу обоснованности терминов «неофольклор» и «постфольклор». Субкультура — значимое явление современного городского фольклора — определяется как знаковая и нормативная система, способная к самовоспроизводству и относительно автономная в рамках более широкой системы культуры.*

Предлагаются критерии разграничения внешне близких кричалки и речовки, уточняется представление о функциональном диапазоне жанра. Внешне кричалка и речовка схожи, потому что представляют собой короткие ритмизированные тексты, предназначенные для совместного скандирования. Однако отмечаются функциональные различия: так, речовка призвана создать у исполнителей ощущение принадлежности к сплоченной группе, а кричалка генетически связана с традиционным обрядовым фольклором. Опираясь на исследования, посвященные словесным фольклорным жанрам, бытующим в среде спортивных фанатов, автор выдвигает гипотезу об активизации процесса структурно-смысловой унификации националистической и фанатской разновидности кричалки, обусловленного внедрением жанра в современный политический дискурс. Ставится задача специального изучения кричалки в аспекте выявления ценностных доминант современной фанатской субкультуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *современный фольклор; молодежные субкультуры; политический дискурс; жанр; кричалка.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ложкова Татьяна Анатольевна, доктор филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания Уральского государственного педагогического университета; адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: lozhkova@eka-net.ru.*

Своеобразие современных форм словесного народного творчества является предметом пристального научного внимания в последние десятилетия. Своего рода катализатором данного процесса стала известная публикация С. Ю. Неклюдова, в которой была развернуто изложена концепция постфольклора как «третьей» культуры, дистанцированной, с одной стороны, от патриархальной крестьянской («традиционный фольклор»), а с другой стороны — от официально санкционированной [Неклюдов 1995: 2—4]. Введение термина «постфольклор», по мнению автора публикации, было вызвано необходимостью указать на очевидную специфику фольклорного репертуара, обнаружившего тенденцию к явному доминированию в общем корпусе народной словесности примерно с середины XIX в., и на ее обусловленность активным развитием городской культуры. Публикация С. Ю. Неклюдова вызвала живой отклик и полемические возражения. Сошлемся, например, на В. П. Аникина, который, на наш взгляд, в концентрированной форме изложил основные сомнения, возникающие в связи с вопросом о продуктивности предложенного С. Ю. Неклюдовым термина: «Смысл понятия „неофольклор“ очевиден — это новый фольклор. Понятие „постфольклор“ исключает существование фольклора вообще, в лучшем случае предполагает его замещение чем-то иным. <...> У точки зрения, что никакого фольклора нет, вряд ли найдется много сторонников. Разве лишь среди тех, кто судит о явлениях современного массового творчества в границах отвлеченных научных конструкций и умозрительных исторических предположений. В свете подхода, считающегося прежде всего с фактами, очевидно, что давний тра-

диционный фольклор существует и существует новый фольклор, у которого уже сложились свои традиции» [Аникин 1997: 224]. О традиционности как показателе принадлежности того или иного явления общественной жизни сфере культуры своевременно напомнила Л. В. Демина: «Традиционная культура представляет собой сферу концентрации опредмеченного коллективного опыта прошлого и рождения инноваций, обеспечивающих адаптацию традиционных культурных норм к изменяющимся условиям существования этноса» [Демина 2011]. Исследовательница резонно заметила, что традиционная культура является не только основой духовного бытия народа, но и образовательным институтом современной личности, поскольку несет в себе значительный творческий потенциал, который может и должен активно использоваться в процессе воспитательной и образовательной деятельности в молодежной среде.

В результате полемических размышлений обозначилось весьма важное направление научной мысли, связанное с необходимостью прояснения сложного вопроса о характере взаимодействия традиции и новации в устном словесном творчестве, о степени и характере вписанности современных словесных форм в магистральные направления развития русского фольклора в целом. Так, нам представляется в высшей степени плодотворной деятельность участников семинара, посвященного изучению фольклорных традиций современного российского города, при Институте высших гуманитарных исследований РГГУ, и научного интернет-проекта «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика» [Фольклор и постфольклор...]. В значительном корпусе научных публикаций, среди которых особо выделим комплексное исследова-

ние, осуществленное авторами коллективного труда «Современный городской фольклор» [Современный городской фольклор], была в достаточно полной степени осмыслена сложность и многослойность изучаемого процесса.

В итоге, с одной стороны, удалось выявить и охарактеризовать такие существенные особенности современного городского фольклора, как его полицентричность, фрагментированность в соответствии с профессиональным, клановым, возрастным расслоением общества, активное формирование и функционирование специфических жанровых комплексов внутри более или менее автономных субкультур (солдатской, молодежной, туристической, студенческой, профессиональных и т. д.). Само явление субкультуры, на наш взгляд, получило достаточно убедительную характеристику в работах Т. Б. Щепанской, определяющей его как знаковую и нормативную систему, способную к самовоспроизводству и относительно автономную в рамках более широкой системы культуры [Щепанская 2004: 30—31]. Формирование таких «закрытых», слабо связанных между собой страт С. Ю. Неклюдов объясняет потребностью в идентификации и самоидентификации членов сообществ, стремящихся к культурной изоляции: «Естественно, сами по себе эти процессы являются достаточно давними. Характерным примером является жаргон <...> бродячих торговцев — офеней, от обозначения которых, кстати, произошло и название воровского аргю XX в. (*блатная феня, ботать по фене*), что возможно свидетельствует и об определенной культурной преемственности» [Неклюдов 2003: 11—12]. Таким образом, особенностью современной городской культурной ситуации является не наличие субкультур как таковых, но их актуализация и активизация, а также заметное разнообразие идентификационных кодов и текстов, их обслуживающих. Субкультуры могут быть постоянными (например, любительские и профессиональные объединения — туристы, футбольные болельщики и т. п.) или временными (объединения «по интересам»), формальными (солдаты срочной службы) и неформальными (молодежные «тусовки») [Неклюдов 2003: 12].

С другой стороны, исследователями отмечается «проницаемость» границ между стратами, тенденция к циркуляции текстов за пределами породившей их среды, легкость и быстрота их распространения по всей стране, их структурная, содержательная и функциональная связь с массовой культурой, которая, в свою очередь, ориентирована на воспроизведение многих родовых свойств фольклора [Неклюдов 2003: 12].

Наибольший интерес для фольклористов представляют словесные тексты, обслуживающие ту или иную субкультуру.

Одним из частотных в современной городской среде жанров является так называемая фанатская кричалка («заряд») — специфическая разновидность характерного для молодежных субкультур жанра, бытующая в сообществах футбольных (и прочих) болельщиков. Кричалка нередко отождествляется с речовкой: обе формы внешне представляют собой короткий ритмизированный текст, предназначенный для совмест-

ного скандирования [Громов 2012: 127]. И кричалка, и речовка сегодня заняли прочное место в системе текстов, обслуживающих и оформляющих специфический мир закрытых сообществ [см., напр.: Козлов 2008].

Накопленный на сегодня исследовательский материал, на наш взгляд, позволяет говорить о полифункциональности фанатской кричалки.

Так, по наблюдениям Д. В. Громова, как кричалки, так и речовки, в сущности, выполняют единую функцию рупора для выражения мнения сплоченной группы. Особо важное значение такая форма получает в процессе уличных акций: «Слаженное скандирование и широкий репертуар речевек работают на престиж самих скандирующих и сообщества (направления), которое они поддерживают. Совместное исполнение речевек — сильный сплывающий фактор. Экстатическое состояние, которое возникает при совместном исполнении речевек, закрепляет чувство единения и усиливает самондентификацию молодых людей как членов группы. Особенно остро единение с группой переживается перед лицом опасности, а речевочные практики часто предполагают именно экстремальность ситуации, наличие опасности, присутствие внешней угрозы. Хорошо организованный и вооруженный большим репертуаром коллектив скандирующих может действовать в уличных условиях слажено и эффективно, оперативно подбирая речевки согласно ситуации» [Громов 2008: 26]. Думается, что именно функциональная природа речовки является фактором, определяющим некоторые композиционные особенности жанра: заметное редуцирование и упрощение словесного текста, жестко подчиненного ритму, широкое использование простейших диалоговых конструкций (переключек), различного рода повторов, тавтологий и т. д.

Аналогичные размышления представлены в исследовании М. В. Строганова и Р. А. Боровик, полагающих, что речовка призвана создать у исполнителей ощущение принадлежности к сплоченной группе [Строганов, Боровик 2014: 206].

Между тем кричалка, по-видимому, ориентирована на выполнение несколько иной функции, что обусловлено спецификой ее генетических связей с традиционным обрядовым фольклором: «Две группы кричалок футбольных фанатов: восхваляющие свою команду и осуждающие команду-соперника — целесообразно рассматривать по аналогии с величальными и корильными песнями княжьего стола традиционной свадьбы. Величальные и корильные песни княжьего стола выполняют магическую функцию, перераспределяя общую долю при создании новой семьи. Ту же самую магическую функцию выполняют и кричалки футбольных фанатов» [Строганов, Боровик 2014: 203]. Таким образом, кричалка вписывается в систему обрядов перехода (свадебных, похоронных), важнейшим элементом которых является состязание: «Иначе сказать, любое спортивное соревнование — это институция по перераспределению доли, и борьба за лучшую долю, участь, богатство (во всех архаических связях этих терминов) составляет смысл спортивного соревнования» [Там же]. В отличие от обычного болельщика, наблюдающего за состязанием, фанат

ощущает себя одним из его участников, способных своими действиями повлиять на его исход: «Фанат не смотрит спортивное состязание, а участвует в нем. Его величальные кричалки усиливают мощь своей команды и приближают ее победу, а корильные кричалки уменьшают силу команды соперника и делают ее проигрыш обязательным. Фанат верит в магическую силу слова: то, что сказано, непременно сбудется в силовом состязании» [Строганов, Боровик 2014: 204]. Очевидно, фанатская кричалка является собой не что иное, как вербальный (наряду с визуальным — шарфиками, баннерами и т. п.) элемент ритуала, обеспечивающего магическую поддержку состязания. Тем самым обнаруживается глубинная связь современных городских текстов с прочной фольклорной традицией. Получает убедительное объяснение различие как в жанровой поэтике кричалки и речовки (кричалка тяготеет к более или менее развернутой, информативно насыщенной стихотворной форме), так и в характере их исполнения: «Массовое исполнение речовки является ее жанровой принадлежностью. Хотя кричалка известна всем фанатам, она исполняется либо индивидуально, либо небольшим коллективом; большой коллектив для ее исполнения противопоставлен. Речовка же захватывает всех фанатов, вовлекает каждого и привлекает силу каждого в единый мощный порыв» [Строганов, Боровик 2014: 206]. Попутно заметим, что речовка исполняется преимущественно во время шествий, задавая ритм движения группы и облегчая тем самым процесс обретения искомой сплоченности. Кричалка ориентирована на использование непосредственно во время соревнования, экспрессивность и смысловая насыщенность в ней более важны, чем ритмическая упорядоченность.

Думается, что внимания заслуживает не только связь интересующей нас формы с глубинными традициями народной культуры, но и ее вписанность в магистральную тенденцию развития русского фольклора, суть которой — формирование и активное выдвигание на доминирующее место кратких, экспрессивных словесных форм (например, частушка, анекдот). Данная тенденция явно обнаружила себя примерно к середине XIX в., что было обусловлено, по мнению многих фольклористов, бурным развитием городов. Популярность лаконичных форм во многом объясняется тем, что они наиболее приспособлены к выполнению специфической функции — оперативно оформить и выразить реакцию активно развивающегося в условиях города общественного сознания на явления и процессы стремительно меняющейся действительности: «Частушки относятся к лирическому роду поэзии. Их главное назначение не в том, чтобы подробно рассказать о тех или иных фактах (хотя жизненные события и отражаются в частушках), а в том, чтобы дать этим фактам и событиям определенную идейно-эмоциональную оценку, выразить те или иные мысли и чувства» [Лазутин 1989: 71].

В связи с этим представляется весьма важным наблюдение Г. В. Жаркова, обнаружившего, что фанатский фольклор в настоящее время активно использует политизированную риторику, несмотря на то, что данная субкультура фор-

мально находится вне политики [Жарков 2015: 174]. Таким образом, фанатская кричалка берет на себя функцию вербального оформления и выражения позиции, характерной для представителей данной субкультуры, по вопросам, выходящим далеко за рамки собственно спортивной и околоспортивной реальности.

Особый интерес представляет вопрос о возможности включения современной фанатской кричалки в националистический дискурс. К постановке данной проблемы нас побудило знакомство с исследованием националистических кричалок и речевок, исполнявшихся во время «Русских маршей» в Екатеринбурге и Москве в 2013 и 2014 гг., предпринятое М. Б. Ворошиловой.

Проанализировав значительное число текстов, исследовательница пришла к выводу о расширении их функционального диапазона за счет того, что наряду с уже традиционным обеспечением необходимой степени сплоченности скандирующей группы с помощью речевок, ее участники активно используют и кричалки в качестве деморализующего средства, призванного напугать некоего «врага». При этом организаторы шествий стремятся к конкретизации образа врага путем создания эффекта его «очного присутствия» (например, сбор участников «Русского марша» 2014 г. в Екатеринбурге проводился на территории Уралмашевского рынка — места, где работает большое количество мигрантов) [Ворошилова 2015: 102—104]. Таким образом, тексты, исполняющиеся во время политизированных шествий, обнаруживают тенденцию к сближению с фанатским типом кричалки. Мы предполагаем, что «деморализующая» (в терминологии М. Б. Ворошиловой) направленность националистических кричалок является собой специфический вариант осуществления выявленной М. В. Строгановым и Р. А. Боровик магической, ритуальной функции, когда образ соперника по состязанию замещается образом «чужака», «врага». Соответственно иначе расставляются и смысловые акценты: сюжетной ситуации соревнования, состязания (фанатская кричалка) в националистической кричалке соответствует ситуация «противостояния/войны».

Таким образом, при всей специфике словесно-смыслового наполнения, националистическая кричалка обнаруживает глубинное, структурное родство с кричалкой фанатской (сюжетная ситуация состязания-противостояния-войны; система опорных образов «свой — соперник/враг»; активизация ритуальной, магической функции ослабления соперника / деморализации врага).

В свете наблюдений М. Б. Ворошиловой замеченная Г. В. Жарковым политизация современного фанатского фольклора позволяет предположить, что мы являемся свидетелями процесса структурно-смысловой унификации жанровых разновидностей кричалки как показателя ее активного внедрения в политический дискурс.

Наконец, специальное исследование кричалок в интересующем нас аспекте позволит в значительной степени приблизиться к решению заявленной Т. Г. Никитиной задачи выявления системы аксиологем, фиксирующих ценностные доминанты современной фанатской субкультуры [Никитина 2007: 605].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В. П. Не «постфольклор», а фольклор (к постановке вопроса о его современных традициях) // Славянская традиционная культура и современный мир : сб. материалов науч.-практ. конф. — М. : Гос. респ. центр русского фольклора, 1997. Вып. 2. С. 224—240.
2. Ворошилова М. Б. Националистическая кричалка: к определению жанра (предметно-смысловое содержание) // Язык. Право. Общество : сб. ст. 3 Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 13—14 мая 2015 г.). — Пенза : Изд-во ПГУ, 2015. С. 102—104.
3. Громов Д. В. Уличный театр молодежной политики: оппозиционные движения // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 19—30.
4. Громов Д. В. Фольклор молодежных субкультур: закономерности формирования и проблемы исследования // От конгресса к конгрессу: навстречу Второму Всерос. конгрессу фольклористов : сб. материалов. — М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. С. 134—150.
5. Громов Д. В. Современная молодежная речевка // Традиционная культура. 2012. № 1. С. 127—139.
6. Демина Л. В. Сохранение традиционной народной культуры в современном обществе // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. Философские науки. URL: <http://teoria-practica.ru/vipusk-2-2011>.

T. A. Lozhkova
Ekaterinburg, Russia

FAN CHANTS AND POLITICAL DISCOURSE: ON THE ISSUE OF THE MODERN YOUTH FOLKLORE'S SPECIFICS OF EXISTENCE

ABSTRACT. *This article analyzes the genre of fan chants in relation with the question of the uniqueness of existence of folklore traditions in contemporary youth subcultures. The author proposes criteria for differentiation of seemingly similar chants and slogans and refines the picture of the functional range of the genre. Relying on the studies of verbal folklore genres, current perceptions among sports fans, the author puts forward the hypothesis of activation of the process of structural and semantic unification of nationalistic and fan chants species due to the introduction of the genre in contemporary political discourse. The main objective is to explore the chants in terms of revealing the dominant values of modern fan subculture.*

KEYWORDS: *modern folklore; youth subculture; political discourse; genre; chant.*

ABOUT THE AUTHOR: Lozhkova Tatyana Anatolyevna, Doctor of Philology, associate Professor of Literature and Methods of Teaching Department of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).

РЕФЕРЕНСЫ

1. Anikin V. P. Ne «postfol'klor», a fol'klor (k postanovke voprosa o ego sovremennykh traditsiyakh) // Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir : sb. materialov nauch.-prakt. konf. — M. : Gos. resp. tsentr russkogo fol'klora, 1997. Vyp. 2. S. 224—240.
2. Voroshilova M. B. Natsionalisticheskaya krichalka: k opredeleniyu zhanra (predmetno-smyslovoe sodержanie) // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. 3 Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Penza, 13—14 maya 2015 g.). — Penza : Izd-vo PGU, 2015. S. 102—104.
3. Gromov D. V. Ulichnyy teatr molodezhnoy politiki: oppozitsionnye dvizheniya // Etnograficheskoe obozrenie. 2008. № 1. S. 19—30.
4. Gromov D. V. Fol'klor molodezhnykh subkul'tur: zakonornosti formirovaniya i problemy issledovaniya // Ot kongressa k kongressu: navstrechu Vtoromu Vseros. kongressu fol'kloristov : sb. materialov. — M. : Gosudarstvennyy respublikanskiy tsentr russkogo fol'klora, 2010. S. 134—150.
5. Gromov D. V. Sovremennaya molodezhnaya rechevka // Traditsionnaya kul'tura. 2012. № 1. S. 127—139.
6. Demina L. V. Sokhraneniye traditsionnoy narodnoy kul'tury v sovremennom obshchestve // Teoriya i praktika obshches-

7. Zharkov G. V. Riskovannyye praktiki v sovremennykh molodezhnykh subkul'turakh i oformlyayushchie ikh teksty: tendentsii razvitiya // Situatsiya postfol'klora: gorodskie teksty i praktiki. — M. : Forum, 2015. S. 166—180.
8. Kozlov V. V. Fanaty. Proshloe i nastoyashchee rossiyского okoloftubola. — M. : Amfora, 2008.
9. Lazutin S. G. Poetika russkogo fol'klora. — M. : Vyssh. shkola, 1989.
10. Neklyudov S. Yu. Posle fol'klora // Zhivaya starina. 1995. № 1. S. 2—4.
11. Neklyudov S. Yu. Fol'klor sovremennogo goroda // Sovremennyy gorodskoy fol'klor. — M. : Ros. gos. gumanit. un-t, 2003. S. 5—24.
12. Nikitina T. G. Lingvokul'turologicheskie aspekty izucheniya fol'klora futbol'nykh fanatov // Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost' : trudy 3 Mezhdunar. kongr. issledovateley russkogo yazyka (MGU im. Lomonosova, filol. fak., 20—23 marta 2007 g.). S. 605—606. URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2007/abstracts/?sectionid=19>.
13. Sovremennyy gorodskoy fol'klor. — M. : Ros. gos. gumanit. un-t, 2003.
14. Stroganov M. V., Borovik P. A. Futbol'nyye krichalki i rechevki kak zhanry gorodskogo fol'klora // Kul'tura i tekst. 2012. № 2. S. 195—227.
15. Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/>.

vennogo razvitiya. 2011. № 2. Filosofskie nauki. URL: <http://teoria-practica.ru/vipusk-2-2011>.

7. Zharkov G. V. Riskovannyye praktiki v sovremennykh molodezhnykh subkul'turakh i oformlyayushchie ikh teksty: tendentsii razvitiya // Situatsiya postfol'klora: gorodskie teksty i praktiki. — M. : Forum, 2015. S. 166—180.
8. Kozlov V. V. Fanaty. Proshloe i nastoyashchee rossiyского okoloftubola. — M. : Amfora, 2008.
9. Lazutin S. G. Poetika russkogo fol'klora. — M. : Vyssh. shkola, 1989.
10. Neklyudov S. Yu. Posle fol'klora // Zhivaya starina. 1995. № 1. S. 2—4.
11. Neklyudov S. Yu. Fol'klor sovremennogo goroda // Sovremennyy gorodskoy fol'klor. — M. : Ros. gos. gumanit. un-t, 2003. S. 5—24.
12. Nikitina T. G. Lingvokul'turologicheskie aspekty izucheniya fol'klora futbol'nykh fanatov // Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost' : trudy 3 Mezhdunar. kongr. issledovateley russkogo yazyka (MGU im. Lomonosova, filol. fak., 20—23 marta 2007 g.). S. 605—606. URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2007/abstracts/?sectionid=19>.
13. Stroganov M. V., Borovik P. A. Futbol'nyye krichalki i rechevki kak zhanry gorodskogo fol'klora // Kul'tura i tekst. 2012. № 2. S. 195—227.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

О. А. Нестерова
Нижний Новгород, Россия

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОТИВАЦИОННЫХ ОРИЕНТИРОВ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ГОВОРЯЩЕГО (на примере публицистического дискурса В. П. Астафьева)

АННОТАЦИЯ. Актуальность представленной темы определяется необходимостью создания и совершенствования конкретных, практико-ориентированных методик изучения языковой личности. Особое значение данные разработки имеют для политической лингвистики, перед которой часто встает задача анализа текстов языковых личностей политиков. Методологически статья базируется на концепции языковой личности, представленной в трудах Г. И. Богина, Ю. Н. Караулова и других известных отечественных филологов, а также на психолингвистических методах изучения разговорной речи. В статье демонстрируется, как предложенная автором методика психолингвистического анализа мотивационных ориентиров языковой личности, сочетающая в себе лингвистический, пара- и экстралингвистический и инструментальный (акустический) виды анализа видеозаписей разговорной речи, может использоваться для выявления социально-политических взглядов, объективированных в создаваемых личностью устных текстах. В качестве эмпирического материала задействованы видеозаписи бесед и интервью с В. П. Астафьевым, взгляды которого по актуальным для современного российского политического дискурса вопросам вызывают общественные дискуссии. Важным теоретическим результатом проведенного исследования является возможность использования разработанной методики в области лингвистической экспертизы (например, для выявления и сопоставления с целью верификации публичных заявлений индивидуума с его истинными взглядами, отраженными в речи).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая личность; мотивационный ориентир; психолингвистический анализ; политический дискурс; В. П. Астафьев.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Нестерова Ольга Александровна, соискатель по кафедре русской филологии и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова; место работы: Следственное управление Следственного комитета РФ по Нижегородской области; адрес: 603081, г. Нижний Новгород, ул. Краснозвёздная, д. 5; e-mail: helgan86@mail.ru.

В современной политической науке существуют различные концепции, авторы которых стремятся дать общее толкование политики и связанных с ней явлений и процессов. Большинство подходов не предполагает включения личности в перечень факторов, оказывающих фундаментальное влияние на существование, функционирование и развитие политической системы. Предпочтение, как правило, отдается таким факторам, как общественные институты, традиции, социальные и экономические условия и трансформации и иные макроструктуры.

Политическая деятельность реализуется в процессе коммуникации, имеет дискурсивную природу. Создание же и использование языка (в том числе и в сфере политической коммуникации) предполагает, согласно выдвинутой Ю. Н. Карауловым и поддержанной многими отечественными и зарубежными учеными концепции языковой личности, вовлечение в данный процесс личности человека. Поэтому обращение к разработке и применению методов изучения языковой личности для решения исследовательских целей, на наш взгляд, чрезвычайно актуально для политической лингвистики.

В представленной статье излагаются основные принципы предлагаемого автором метода психолингвистического анализа языковой личности и результаты его практического применения, а также показывается, как данный метод в сочетании с другими, уже укоренившимися в лингвистике исследовательскими инструментами, может быть использован для выявления политических взглядов говорящего индивидуума. В качестве объекта анализа выступают мотивационные ориентиры и политические взгляды, выявленные в интервью В. П. Астафьева.

В. П. Астафьев в своем творчестве (прозе, публицистике, выступлениях и интервью) обра-

щался к различным сложным проблемам современности. Он писал и говорил о воспитании молодежи, кризисе ценности человеколюбия в обществе, пагубном влиянии человека на природу и его тесной связи с ней, необходимости переосмысления и переоценки ключевых событий отечественной истории XX в., в частности, социалистической революции 1917 г. и Великой Отечественной войны. Поэтому его произведения являются актуальными, а следовательно, и дискуссионными в контексте современной российской культуры и политического дискурса.

Методология и методы. Исследование базируется на концепции языковой личности, сформулированной в трудах Г. И. Богина и Ю. Н. Караулова. Последний под языковой личностью понимает личность, «выраженную в языке (текстах) и через язык, реконструированную в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 2010: 38]. По своему замыслу и интегративному потенциалу данная теория не является сугубо лингвистической. Напротив, феномен языковой личности приобретает особую актуальность, консолидируя подходы различных социально-гуманитарных наук, становится междисциплинарным. Многоплановость трактовок понятия языковой личности приводит к появлению различных аспектов в научном освещении данного языкового феномена.

Нами предлагается подход к исследованию языковой личности, опирающийся на принципы и постулаты психолингвистики. Стоит отметить, что в данный момент в рамках этой науки не существует специфических методов, направленных на изучение языковой личности как некоего целого. Исследуются лишь отдельные области, в которых языковая личность может себя проявить. Однако нельзя утверждать, что психолингвистика игнорирует понятие языковой личности. Это подтвер-

ждают работы таких известных психолингвистов, как А. А. Леонтьев, И. Н. Седов, К. Ф. Горелов, Р. М. Фрумкина, В. В. Красных, Т. Н. Ушакова и др. Таким образом, психолингвистика оказывается пространством, открытым в известной мере для методических нововведений и разработок, ориентированных на изучение языковой личности.

В исследовании использовалась предложенная нами методика психолингвистического анализа языковой личности, основанная на традиционном для этой науки обращении к живой, разговорной речи (более подробное описание методики см. в статье «К инструментализации исследования языковой личности: методика психолингвистического анализа» [Нестерова 2015]). Данная методика включает 2 группы анализов: 1) общегуманитарные и лингвистические (контент-анализ, собственно лингвистический, пара- и экстралингвистический анализ); 2) инструментальные, заимствованные из акустической физики (анализ осциллограммы звукового давления, спектральной и кепстральной анализ).

Психолингвистический анализ языковой личности включает 4 этапа: 1) предварительный сбор экстралингвистической информации и ее анализ; 2) анализ отобранных записей речи изучаемой личности лингвистическими и инструментальными методами; 3) сравнение результатов исследования отдельных интервью в диахронии; 4) психолингвистическая интерпретация полученных результатов.

Анализ направлен на выявление мотивационных ориентиров языковой личности. Под **мотивационным ориентиром** мы понимаем прагматический феномен, находящийся на стыке психологического и лингвистического. Это цели, установки и мотивы, «выражающиеся в устойчивых коммуникативных потребностях и чертах», влияющие на специфику речевого поведения личности» [Караулов 2010: 39].

Нами были отобраны лингвистические и паралингвистические индикаторы, которые могут служить цели выявления мотивационных ориентиров языковой личности. Перечень лингвистических индикаторов включает 3 уровня: аудитивный (44 параметра), коммуникативно-прагматический (36 параметров) и собственно языковой (24 параметра).

Для выявления мотивационных ориентиров важно также учитывать эмоциональное состояние говорящего (в нашем случае — измененное, аффективное состояние сознания) и проводить аналитику его паралингвистических коррелятов. Мы опирались на классификацию невербальных компонентов коммуникации, предложенную Т. Н. Синеоковой [Синеокова 2008]. Паралингвистические индикаторы мотивационных ориентиров были разбиты на 6 групп: жесты, поза, мимика, окулесика, локомоции, голосовые характеристики.

Эмпирический материал. Для анализа по вышеописанной методике нами было отобрано 6 видеозаписей с речью В. П. Астафьева социально-политической тематики:

- 1) Телепрограмма «Виктор Астафьев» (1982 г.). Общий объем дословного содержания — около 6000 тыс. слов.
- 2) «Затеси» (1993 г.) — около 1000 слов.
- 3) «Не красота, а доброта спасет современный мир» (1997 г.) — около 150 слов.
- 4) «Всему свой час. С Виктором Астафьевым по Енисею» (1999 г.) — около 4000 слов.
- 5) «Веселый солдат» (2000 г.) — около 4500 слов.
- 6) «Последние могики» (2001 г.) — около 4500 слов.

Для каждого интервью была составлена текстовая расшифровка с экстралингвистическим комментарием.

Результаты исследования. Результаты отдельного анализа каждого из исследуемых устных текстов с целью выявления мотивационных ориентиров в синхронии и их сравнительный анализ в диахронии можно обобщить в виде следующих положений:

— сохраняющими приоритет на протяжении длительного срока мотивационными ориентирами для В. П. Астафьева являются «война», а также морально-этические ориентиры, особенно такие их компоненты, как «милосердие» и «сознательность»;

— гуманизм писателя пронизывает все устные тексты В. П. Астафьева и является ключевым компонентом мотивационных ориентиров за все анализируемые периоды;

— невербальные компоненты коммуникации созвучны вербальному наполнению речи и могут служить неким дополнительным «индикатором искренности» декларируемых мотивационных ориентиров;

— экстралингвистические компоненты всегда оказывают влияние на выбор (зачастую неосознанный) тех или иных языковых и паралингвистических средств;

— экстралингвистическая ситуация находится в тесной взаимосвязи с приоритетом и актуализацией в речи разных периодов тех или иных мотивационных ориентиров и их компонентов («родина» и «дети» в 1982 г., «друг» и «интеллигент» в 1993 г., «творчество» и «Бог» в 2001 г.).

Выявленные с помощью методики психолингвистического анализа мотивационные ориентиры В. П. Астафьева за разные периоды для иллюстрации анализа представлены в виде сводной таблицы (см. табл.).

Сводная таблица мотивационных ориентиров языковой личности В. П. Астафьева за период с 1982 по 2001 г.

ГОД	МОТИВАЦИОННЫЕ ОРИЕНТИРЫ И ИХ КЛЮЧЕВЫЕ КОМПОНЕНТЫ
1982	Родина (единственная, малая и большая, упоминаемые личности) Война (безумие, недорастание, непонимание, немилосердие) Дети (будущее, моральные проблемы молодого поколения)
1993	Друг (фронтовой и в литературе, упоминаемые личности) Интеллигент (приветливость, товарищество, упоминаемые личности) Сердце (милосердие, сознательность, товарищество, нормы морали)
1997	Милосердие (доброта)
1999	Родина (природа; памятные моменты, связанные с родными местами) Семья (упоминаемые личности) Творчество Дети (моральные проблемы молодого поколения) Политика (осуждение действий советского руководства) Война Морально-этические мотивационные ориентиры (справедливость, осуждение потребительского отношения к женщине, бессердечия, бездуховности)
2000	Война (обман, ложная пропаганда и идеология; пренебрежение к человеческой жизни, неуважение к мертвым, нехватка обмундирования, воровство властей; морально-этические проблемы: потеря человеческого облика, товарищеская взаимопомощь, упоминаемые личности)
2001	Творчество Дружба (фронтовая, упоминаемая личность, конкретизация деталей знакомства) Политика (осуждение коммунистов, большевиков, осуждение фашизма, коммунизма) Война (нелепость смерти, пренебрежение к человеческой жизни) Бог Морально-этические мотивационные ориентиры (осуждение жестокости, безволия, разгильдяйства, безалаберности, греховности)

Примечание. Ключевые компоненты мотивационных ориентиров приведены в скобках.

Данные мотивационные ориентиры не существуют в речи писателя изолированно, а образуют определенную систему, которую, по нашему мнению, можно соотнести с политическими взглядами Виктора Петровича. Поэтому далее был предпринят их сравнительный анализ с принципами существующих политических платформ.

Частая апелляция В. П. Астафьева к Богу (интервью от 1997 г. позволяет установить, что речь идет о Боге в христианском понимании) и христианским морально-этическим ценностям, а также осуждение им войн, репрессий, авторитарных и тоталитарных политических режимов дают основания предположить, что его взгляды можно соотнести с такой политической платформой, как христианская демократия. Для подтверждения или опровержения высказанного предположения обратимся к сравнительному анализу ключевых идей христианской демократии с мотивационными ориентирами языковой личности В. П. Астафьева.

Значимым компонентом большинства мотивационных ориентиров В. П. Астафьева является человеческая личность. Говоря о Родине, он в первую очередь вспоминает значимых для него людей, которых он ассоциирует с Родиной. Образцы человеческого поведения, обозначенные мотивационными ориентирами «интеллигент» и «друг», также соотносятся в речи писателя с определенными личностями, равно как и антипримеры бесчеловечного поведения. Во фрагментах речи, посвященных осуждению войны и полити-

ков, ее развязывающих, В. П. Астафьев обращается к конкретным личностям государственных деятелей. Особое место в сердце писателя занимают его фронтовые товарищи.

Для христианской демократии, ссылающейся в данном вопросе на христианскую антропологию, человеческая личность является значимой ценностью: утверждается, что каждая личность есть «отличная от всех других, единственная в своем роде, своеобразная сущность» [Нойхауз 2005: 27]. В. П. Астафьев четко выражает сходную позицию, утверждая, что *мы <...> понимаем, что каждая жизнь неповторима. Каждая жизнь — это мир, слава Богу <...> И, следовательно, мы вмешиваться в этот мир не можем* [Телепрограмма «Виктор Астафьев»: 32:48 — 33:01].

В то же время, признавая и утверждая автономию и ценность отдельной человеческой личности, В. П. Астафьев не поддерживает такие личностные качества, как эгоизм и эгоцентризм, о чем свидетельствует его частое обращение к таким ценностям, как солидарность, взаимопомощь, милосердие, ответственное и внимательное отношение к окружающим людям (что ярко проявляется в мотивационных ориентирах «друг», «интеллигент», «сердце» и «милосердие»). Необходимость заботы о ближних, выражающаяся в вежливом и бережном отношении к ним в бытовом взаимодействии, в помощи тем, с кем человек свели внешние обстоятельства, в ответственном отношении к благополучию страны, общества и семьи, часто упоминается Виктором Петровичем в различных выступлениях и бесе-

дах. Что касается христианской демократии, то, с ее точки зрения, уникальность и свобода личности определяют в то же время ее ответственность перед сообществом и неразрывно с ней связаны [Нойхауз 2005: 28]. Принцип солидарности (являющийся, например, одним из программных принципов Христианско-демократического союза Германии) представляет собой необходимое условие внутреннего развития каждого отдельного члена общества, его материального благосостояния и благополучия всего социума [Нойхауз 2005: 51]. Общественная же солидарность в рамках христианской демократии обеспечивается благодаря обращению к ценностям милосердия и любви к ближнему.

Помимо ответственного и внимательного отношения к судьбе окружающих, В. П. Астафьев положительно оценивает такое качество, как ответственное отношение к труду. Он говорит о трудолюбии как об атрибуте «хорошего, доброго человека» и считает, что это свойство обязательно должно воспитываться родителями в детях. В то же время, когда его речью «руководит» комплекс ценностных мотивационных ориентиров «друг», «интеллигент» и «сердце», В. П. Астафьев сопоставляет социальную ответственность с ответственностью трудовой, приводя в пример столяра, заканчивающего полировку мебели своей ладонью (что, по утверждению писателя, является признаком высшего мастерства), и выражает желание, чтобы каждый человек, независимо от его профессии, так же ответственно относился и к своим ближним, и к своему труду. Христианская демократия тоже часто апеллирует к данной ценности, полагая, что труд обусловлен не только экономическими интересами и бытовыми нуждами, но имеет также религиозно-экзистенциальное измерение, поскольку предписан человеку самим Богом. Будучи самоотверженным, внимательным и ответственным в каждодневном труде, человек приближается к Богу [Нойхауз 2005: 85].

Важным компонентом мотивационного ориентира «война» для В. П. Астафьева является «природа». Писатель часто говорит о том, как природа родного края вдохновляет его на творчество, как она помогает человеку выжить, служа для него источником сил, и как способствует его духовному отдохновению. Высоко ценя природу и ее роль в жизни каждого человека, В. П. Астафьев часто упоминает о необходимости сохранять и беречь окружающую среду и осуждает те действия, которые так или иначе наносят ей вред. Данный мотив столь часто встречается в устных текстах писателя, что некоторые исследователи рассматривают его как одного из ключевых русскоязычных публицистов второй половины XX в., освещавших экологические проблемы.

Для христианской демократии, поддерживающей концепцию устойчивого развития, природа также является значимой ценностью. Сторонники данного направления утверждают, что как для духовного, так и для экономического развития общества заботу о природе и окружающем пространстве необходимо включать в политические программы «как условие стабильности современной цивилизации» [Нойхауз 2005: 109].

Другим значимым мотивационным ориентиром, который часто проявляется в речи В. П. Астафьева, являются «дети». Хотя привлечение экстралингвистического анализа позволило определить, что актуализация данного ориентира происходит в тот момент, когда внимание писателя занимают проблемы его собственных детей и внуков, нельзя утверждать, что морально-нравственное состояние молодежи и проблемы ее воспитания безразличны Виктору Петровичу. Напротив, он много говорит о молодежи вообще, о наличии у нее как положительных, так и отрицательных качеств, жалеет о том, что его поколение не смогло должным образом воспитать детей и подростков. С точки зрения христианской демократии, воспитание детей в духе принципов солидарности, ответственности, благоразумия является важнейшей задачей государства, значимым элементом экономической и образовательной системы и семьи, т. е. всего общества в целом [Нойхауз 2005: 71].

Рассмотрев сходства между позитивной программой христианской демократии и политическими взглядами В. П. Астафьева, следует сфокусировать внимание также и на том, что осуждается, критикуется и писателем, и сторонниками данного политического движения. Так, чрезвычайно насыщенным по содержанию и частотным мотивационным ориентиром в речи В. П. Астафьева является «война». Можно считать, что война тем или иным образом находится в оппозиции по отношению к тем мотивационным ориентирам, которые отражают ценности и идеалы Виктора Петровича. Войне, которая ассоциируется с бесчеловечным отношением к людям, насилием над человеком и природой, забвением милосердия и безумием, в речи В. П. Астафьева противопоставляется мир, который писатель трактует и как состояние отсутствия войны, и как мироздание. Таким образом, отсутствие войны для него — это идеальный вариант мироустройства. В рамках же христианской демократии высказывается утверждение, что высшим проявлением общего блага является «внутренний и внешний мир», который понимается не только как отсутствие насилия, но и как «всесторонне обеспеченная справедливость» [Нойхауз 2005: 104].

Другое явление, которое вызывает у В. П. Астафьева осуждение, — тоталитарные политические режимы. Это находит отражение в мотивационных ориентирах «война» и «политика». Писатель критикует как немецкий нацизм, так и советское государство (особенно в тот период, когда страну возглавляли В. И. Ленин и И. В. Сталин). Нацизм в речи В. П. Астафьева связывается в первую очередь с милитаризмом, внешнеполитической агрессией, человеческими жертвами, негативным влиянием на немецкое общество, нанесением ущерба природе. Советское государство, с точки зрения Виктора Петровича, является репрессивным, распространяющим ложные ценности и в целом принимающим политические решения, негодные Богу. Для христианской демократии также характерен критический взгляд на тоталитарное государство, его осуждение за стремление подчинить себе все сферы общественной жизни и личности граждан [Нойхауз 2005: 57].

В то же время, несмотря на наличие ряда существенных сходств между политическими взглядами В. П. Астафьева, находящими отражение в выявленных мотивационных ориентирах, и принципами христианской демократии, можно обнаружить и определенные расхождения между ними. Так наиболее существенным, на наш взгляд, различием является то обстоятельство, что для В. П. Астафьева значимую роль играет мотивационный ориентир «Родина». Виктор Петрович неоднократно подчеркивает единственность и значимость в судьбе человека его Родины, указывает на различные связывающие его с родной страной обстоятельства и события. Тревога за будущее своей страны присутствует в качестве компонента многих других мотивационных ориентиров («дети», «политика», «сердце», морально-этические мотивационные ориентиры). Представители же христианской демократии достаточно нейтрально относятся к феномену Родины. Безусловно, желая блага собственным странам, они тем не менее не выдвигают сколь угодно национально-ориентированных тезисов и достаточно позитивно воспринимают тенденции к глобализации и различные интегративные процессы в Европе. Кроме того, можно заметить, что для В. П. Астафьева основанием для осуждения войны и тоталитаризма служат морально-этические представления, в то время как христианская демократия, хотя и не упускает этический компонент из виду, всё же концентрируется на политическом аспекте.

Подведем итоги. Проанализированные мотивационные ориентиры были рассмотрены как целостная система, отражающая политические взгляды В. П. Астафьева. В результате можно говорить о выявлении значительного сходства между политическими взглядами писателя и политическими принципами христианской демократии. Общность позиций обнаруживается по таким пунктам, как опора на христианские ценности милосердия и помощи ближнему в общем подходе к решению социальных проблем; ответственное отношение к труду как к сфере не только материально-предметной, но и духовной практики; признание необходимости воспитания молодежи в духе солидарности и взаимопомощи; внимание к экологическим проблемам; критика таких явлений, как война и тоталитарные режимы. При этом, однако, взгляды В. П. Астафьева нельзя полностью свести к идеям христианской демократии ввиду отличного отношения к Родине и различий в акцентах при критике войн и тоталитаризма.

Предлагаемую нами методику анализа мотивационных ориентиров языковой личности можно

применять при исследовании текстов, порожденных как индивидуальной языковой личностью, так и коллективной языковой личностью.

ИСТОЧНИКИ

1. Астафьев В. П. Собр. соч. В 15 т. Т. 14. Письма. 1961—1989 гг. — Красноярск : Офсет, 1998. С. 3—386.
2. Астафьев В. П. Собр. соч. В 15 т. Т. 15. Письма. 1990—1997 гг. — Красноярск : Офсет, 1998.
3. Астафьев В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952—2001 / сост., предисл. Г. Сапронова. — Иркутск : Изд. Сапронов, 2009.
4. Астафьев В. П. Весёлый солдат. URL: <http://vk.com/away.php?utf=1&to=http%3A%2F%2Ffilmix.net%2Fdokumentaleny%2F38044-viktor-astafev-veselyy-soldat-2010.html> (дата обращения: 22.05.2015).
5. Затеси Виктора Астафьева (фрагмент). URL: <http://vk.com/im?peers=1484851&sel=3436424> (дата обращения: 22.05.2015).
6. «И открой в себе память...» Воспоминания о В. П. Астафьеве жителей Овсянки и Дивногорска : материалы к биографии писателя. Вып. 2. — Красноярск : Краснояр. гос. ун-т : Библиотека-музей В. П. Астафьева, 2006.
7. «Не красота, а доброта спасёт современный мир» (фрагмент документального фильма «Под северным небом»). URL: <http://www.youtube.com/watch?v=VEFq3hqAne4> (дата обращения: 22.05.2015).
8. «Последние могикане» (Георгий Жжёнов. Русский крест : документ. трилогия ; ч. 3). URL: http://russia.tv/brand/show/brand_id/4724 (дата обращения: 22.05.2015).
9. Телепрограмма «Виктор Астафьев». URL: <http://www.kino.t7.ru/id1004457> (дата обращения: 22.05.2015).

ЛИТЕРАТУРА

10. Богин Г. И. Концепция языковой личности : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. — М., 1982.
11. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. — М. : Лабиринт, 2001.
12. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М. : ЛКИ, 2010.
13. Красных В. В. К вопросу о психолингвистическом анализе текста // Язык, сознание, коммуникация. — М. : Филология, 1998. Вып. 3. С. 111—118.
14. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. — М. : Смысл : Лань, 2003.
15. Морозов В. П. Невербальная коммуникация: экспериментально-психологические исследования. — М. : Ин-т психологии РАН, 2011.
16. Нестерова О. А. К инструментализации исследования языковой личности: методика психолингвистического анализа // Вопр. психолингвистики. 2015. № 4 (26).
17. Нойхауз Н. Ценности христианской демократии. — М. : Республика, 2005.
18. Романова Т. В. Социо- и психолингвистические основания для типологической характеристики русской языковой личности // Социальные варианты языка — VI : мат-лы междунар. науч. конф. (Н. Новгород, 16—17 апр. 2009 г.). — Н. Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2009. С. 23—29.
19. Синеокова Т. Н. Лингвистика измененных состояний сознания. — Н. Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008.
20. Ушакова Т. Н. Рождение слова: проблемы психологии речи и психолингвистики. — М. : Ин-т психологии РАН, 2011.
21. Фрумкина Р. М. Психолингвистика. — М. : Академия, 2008.

O. A. Nesterova
Nizhny Novgorod, Russia

PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS OF LINGUISTIC PERSONALITY MOTIVATING AIMS AS AN INSTRUMENT OF DETECTION OF THE SPEAKER'S SOCIO-POLITICAL VIEWS (by the example of publicistic discourse of V. P. Astafyev)

ABSTRACT. *The urgency of the theme is determined by the need to create and develop specific, practice-oriented methods of linguistic personality studies. These projects are of great value for political linguistics, which is aimed at analyzing texts of linguistic personalities of politicians. Methodologically, the article is based on the linguistic personality conception, which is devised in works of G. I. Bogin, Y. N. Karaulov and other noted Russian philologists, and on psycholinguistic methods of oral speech analysis. The article demonstrates how the methods of psycholinguistic analysis of linguistic personality motivating aims can be used for the purpose of revealing his/her socio-political views which are objectified in oral texts. The proposed technique combines linguistic, para- and extralinguistic and instrumental*

(acoustic) types of analysis. The empirical material consists of video interviews with V.P. Astafyev whose views concern issues, topical for the study of political discourse of modern Russia. The significant achievement of the research resides in the possibility of using the developed technique in the sphere of linguistic expertise (e.g. to reveal and compare individual's public statements and his or her true views reflected in their oral speech, in order to verify them).

KEYWORDS: linguistic personality; motivating aim; psycholinguistic analysis; political discourse; V. P. Astafyev.

ABOUT THE AUTHOR: Nesterova Ol'ga Aleksandrovna, Post-graduate Student of Department of Russian Philology and General Linguistics of Dobrolyubov Nizhny Novgorod Linguistic University; place of employment: Nizhny Novgorod Department of Investigation of Russian Investigative Committee, Nizhny Novgorod, Russia.

RESOURCES

1. Astaf'ev V. P. *Sobr. soch.* V 15 t. T. 14. Pis'ma. 1961—1989 gg. — Krasnoyarsk : Ofset, 1998. S. 3—386.
2. Astaf'ev V. P. *Sobr. soch.* V 15 t. T. 15. Pis'ma. 1990—1997 gg. — Krasnoyarsk : Ofset, 1998.
3. Astaf'ev V. P. *Net mne otveta... Epistol'yarnyy dnevnik 1952—2001* / sost., predisl. G. Saprionova. — Irkutsk : Izd. Saprionov, 2009.
4. Astaf'ev V. P. *Veselyy soldat*. URL: <http://vk.com/away.php?utf=1&to=http%3A%2F%2Ffilmix.net%2Fdokumentaleny%2F38044-viktor-astafev-veselyy-soldat-2010.html> (data obrashcheniya: 22.05.2015).
5. *Zatesi Viktora Astaf'eva* (fragment). URL: <http://vk.com/im?peers=1484851&sel=3436424> (data obrashcheniya: 22.05.2015).
6. «I otkroy v sebe pamyat'...» *Vospominaniya o V. P. Astaf'evе zhitel'ev Ovsyanki i Divnogorska* : materialy k biografii pisatelya. Vyp. 2. — Krasnoyarsk : Krasnoyar. gos. un-t : Biblioteka-muzey V. P. Astaf'eva, 2006.
7. «Ne krasota, a dobrota spaset sovremenny mir» (fragment dokumental'nogo fil'ma «Pod severnym nebom»). URL: <http://www.youtube.com/watch?v=VEFq3hqAne4> (data obrashcheniya: 22.05.2015).
8. «Poslednie mogikane» (Georgiy Zhzhenov. *Russkiy krest* : dokument. trilogiya ; ch. 3). URL: http://russia.tv/brand/show/brand_id/4724 (data obrashcheniya: 22.05.2015).
9. *Teleprogramma «Viktor Astaf'ev»*. URL: <http://www.kino.t7.ru/id1004457> (data obrashcheniya: 22.05.2015).

REFERENCES

10. Bogin G. I. *Kontseptsiya yazykovoy lichnosti* : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.19. — M., 1982.
11. Gorelov I. N., Sedov K. F. *Osnovy psikhologicheskoy lingvistiki*. — M. : Labirint, 2001.
12. Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'*. — M. : LKI, 2010.
13. Krasnykh V. V. *K voprosu o psikhologicheskoy analize teksta // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. — M. : Filologiya, 1998. Vyp. 3. S. 111—118.
14. Leont'ev A. A. *Osnovy psikhologicheskoy lingvistiki*. — M. : Smysl : Lan', 2003.
15. Morozov V. P. *Neverbal'naya kommunikatsiya: eksperimental'no-psikhologicheskie issledovaniya*. — M. : In-t psikhologii RAN, 2011.
16. Nesterova O. A. *K instrumentalizatsii issledovaniya yazykovoy lichnosti: metodika psikhologicheskogo analiza // Vopr. psikhologicheskoy lingvistiki*. 2015. № 4 (26).
17. Noykhauz N. *Tsennosti khristianskoy demokratii*. — M. : Respublika, 2005.
18. Romanova T. V. *Sotsio- i psikhologicheskoe osnovaniya dlya tipologicheskoy kharakteristiki russkoy yazykovoy lichnosti // Sotsial'nye varianty yazyka — VI : mat-ly mezhdunar. nauch. konf. (N. Novgorod, 16—17 apr. 2009 g.)*. — N. Novgorod : NGLU im. N. A. Dobrolyubova, 2009. S. 23—29.
19. Sineokova T. N. *Lingvistika izmenennykh sostoyaniy soznaniya*. — N. Novgorod : NGLU im. N. A. Dobrolyubova, 2008.
20. Ushakova T. N. *Rozhdenie slova: problemy psikhologii rechi i psikhologicheskoy lingvistiki*. — M. : In-t psikhologii RAN, 2011.
21. Frumkina R. M. *Psikhologicheskaya lingvistika*. — M. : Akademiya, 2008.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. В. Романова.

О. А. Попова
Тюмень, Россия

МОТИВАЦИОННО-ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

АННОТАЦИЯ. В данной статье автор говорит о тесной взаимной связи, взаимном влиянии языка, культуры и общества, подчеркивая объединяющую роль языка для многих наук и его антропоцентричность. Тема языка и культуры представляет огромный интерес для таких наук, как лингвокультурология, этнолингвистика, лингвоперсоналогия. В центре внимания автора находится языковая личность. На примере творчества немецкого публициста Ульриха фон Гуттена (1488—1523), яркой языковой личности элитарной речевой культуры, на лингвокогнитивном уровне можно воссоздать картину мира немецкого мыслителя эпохи Возрождения, делая акцент на мотивационно-интенциональный компонент, глубинное образование в структуре языкового сознания, служащий зарождению ментальных импульсов, побуждающих к действию. С опорой на художественное наследие немецкого публициста У. фон Гуттена автором изучен вопрос о носителе элитарной речевой культуры, который понимается как «совершенная языковая личность с рельефными языковыми чертами, с уникальной индивидуальностью», воплощающая в себе характерные черты своего времени, поколения, культуры, народа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: язык; культура; общество; языковая личность элитарной речевой культуры; картина мира; публицистические произведения; семантический анализ; гуманизм; национальное самосознание; художественное наследие; народ; культура; уникальная индивидуальность; характерные черты своего времени.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Попова Ольга Андреевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации, Институт истории и политических наук, Тюменский государственный университет; e-mail: popovauni@rambler.ru

Истинное предназначение языка как своеобразного способа укоренения человека в действительности» [Гумбольдт 2001: 172] — в качестве «органа образования мысли служить вдохновительным орудием для вновь возникающих поколений [Там же: 426]», ибо «взаимопонимание возникает не потому, что для всех говорящих на данном языке определенное слово выражает одно и то же значение, а потому, что люди «прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы» [Там же: 166]». Язык тесно переплетен с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию эволюции культуры.

Связь человека с народом, расой и всем человеческим родом осуществляется в первую очередь с помощью языка. Язык по существу «собственность всего человеческого рода», «именно в языке каждый индивид всего яснее ощущает себя простым придатком человеческого рода: язык принадлежит мне, ибо каким я его вызываю к жизни, таким он и становится для меня; а поскольку весь он прочно укоренился в речи наших современников и в речи прошлых поколений — в той мере, в какой он непрерывно передавался от одного поколения к другому, — постольку сам же язык накладывает на меня при этом ограничение. Но то, что в нем ограничивает и определяет меня, пришло к нему от человеческой, интимно близкой мне природы, и потому чужеродное в языке чуждо только моей преходящей, индивидуальной, но не моей изначальной природе. Подобно самому человеку, каждый язык есть постепенно развертывающаяся во времени бесконечность» [Там же: 171].

Нас интересует аспект «человек в отношении к обществу», т. е. личность, а если брать во внимание язык (речь) одного лица (идиолект), то нас больше интересует языковая личность элитарной

речевой культуры. Необходимость изучения человека говорящего осознавалась многими поколениями лингвистов. Идея языковой личности была подготовлена всем ходом развития лингвистической науки. Отдельные замечания по освещаемому вопросу можно найти уже в работах лингвистов XIX — начала XX в. (В. Гумбольдта, Г. Штейнталя, В. Вундта, Я. Гримма, А. Мейе, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Шахматова, Л. Вайсгербера).

Введение понятия языковой личности подготовлено различными направлениями языкознания и философии. Первое обращение к понятию языковой личности связано еще с именем немецкого ученого Лео Вайсгербера (Sprachliche Personlichkeit). Как отмечает В. Д. Лютикова, «начало поисков интегрированного лингвофилософского подхода мы обнаруживаем в XVIII веке у Э. Б. де Кондильяка и позже у И. Гердера. Пристальное внимание к личности в идеалистических направлениях философии выражалось в том числе и в особом интересе к языку индивида. Однако разброс мнений о сущности индивидуальной речи — от признания, что каждый человек говорит на своем языке (Б. Кроче), до утверждения, что человек лишь выразитель чужого сознания (Ф. Ницше, Ф. Шеллинг), — несколько снижал ценность исследований. В материалистических концепциях категория особенного, индивидуального часто занимало подчиненное место по отношению к категории общего. Речь, в частности, шла о том, как общественно-экономическая формация, класс или социальная группа влияют на определенный факт речи» [Лютикова 1999: 7].

Несмотря на то что в работах В. фон Гумбольдта, Г. Штейнталя В. Вундта, Б. де Куртене, А. А. Шахматова, Л. Вайсгербера, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова и других идея о личностном начале так или иначе высказывалась, целостная концепция языковой личности начала формироваться только в конце XX — начале XXI в., когда произошла смена научной парадигмы в языко-

знании. Сейчас мы называем парадигму языкознания антропоцентрической, так как в центре внимания находится человек, «языковая личность» (далее ЯЛ). Антропоцентрическая лингвистика, рассматривающая язык как важнейшее достояние индивида, делает одним из центральных понятие ЯЛ, о чем свидетельствует многообразие подходов к раскрытию соотношения «язык — личность» и к самому термину ЯЛ.

Обращение к теории языковой личности в наше время вызвано гуманизацией всех наук. Повышенное внимание к человеку, его проблемам делает основным объектом изучения современной лингвистики *homo loquens*. Как пишет польский лингвист Станислав Гайда, «в новой теории языка центральную позицию занимает человек с присущими ему качествами, позволяющими ему производить и принимать тексты. При этом его тексты могут различаться степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отоображения мира, а также интенциональной ориентацией» [Гайда 1999: 104].

Если до сих пор лингвисты в основном изучали язык как таковой, в отвлечении от конкретного носителя, то теперь они повернулись «лицом» к человеку. «Все это свидетельствует о важнейшем методологическом сдвиге, наметившемся в современной лингвистике — о переходе от лингвистики имманентной к лингвистике антропологической» [Рузин 1994: 79].

Язык становится объединяющим началом для столь разных областей знания о человеке, как философия, психология, социология и многие других.

Таким образом, основное внимание современных лингвистов концентрируется на человеке, носителе языка как представителе национальной культуры, определенной социальной группы, обладающем своими психологическими, социальными и другими особенностями, имеющем свой взгляд на язык, свои лингвистические предпочтения. На данный момент в лингвистической науке насчитывается достаточно много определений языковой личности, в которых представлены различные подходы к рассмотрению названного феномена. Термин ЯЛ, безусловно, относится сегодня к числу наиболее популярных, но до сих пор не существует единой его трактовки. Языковая личность определяется при этом через понятия субъекта, индивида, автора текста, носителя языка, информанта, языковой картины мира и знаний о мире, знаний языка и знаний о языке, языкового сознания, самосознания и др.

Разработка теории «языковой личности» относится к числу актуальных задач современного языкознания, в результате чего анализу подвергаются индивидуальные и социальные проявления «языковой личности», ее ценностные предпочтения. Как пишет М. М. Бахтин, «сознание складывается и осуществляется в знаковом материале, созданном в процессе социального общения организованного коллектива... Индивид как собственник содержаний своего сознания, как автор своих мыслей, как ответственная за свои мысли и желанная личность, такой индивид является чистым социально-идеологическим явлением» [Бахтин 1993: 17—40].

В этой связи любое обращение к речевому портретированию конкретного носителя любого типа речевой культуры представляет большую теоретическую и практическую ценность, а носителя высшей культурной страты — элитарной — целесообразно в особенности. Носитель элитарной речевой культуры — совершенная языковая личность с рельефными языковыми чертами, с уникальной индивидуальностью, которая вместе с тем ярко воплощает в себе характерные черты своего времени, поколения, культуры, народа.

Одним из ярких примеров языковой личности, которая не померкла с годами, хотя прошло почти 500 лет, является немецкий публицист, реформатор Ульрих фон Гуттен (1488—1523), носитель языковой традиции немецкой гуманистической среды, интеллигенции XVI в. В нашей статье мы представляем яркую уникальную языковую личность элитарной речевой культуры Германии эпохи Возрождения и Реформации, немецкого интеллектуала и представителя гуманистической среды, образованного человека, подготовившего становление немецкого самосознания, человека свободной профессии, странствующего преподавателя, поэта, воинствующего публициста, юношу, своим пылким сердцем обнимавшего все человечество, рыцаря, ставящего превыше всего кодекс чести.

Интеллектуальная деятельность немецкого публициста Ульриха фон Гуттена давно привлекает исследователей, не только историков, но и литераторов. Не только потому, что он один из лучших писателей-латинистов Северного Возрождения, «коронованный поэт и оратор» («*coronatus poeta laureatus eques auratus*»), но и потому что он страстный трибун, способный вызвать резонанс в обществе, призвать к борьбе против несправедливости, провозвестить идеи единой Германии. Он был один из немногих поэтов и публицистов XVI в., которые остро ощущали веяние нового времени. Поэтому не зря спустя много столетий девизом одного из калифорнийских университетов, в Стэнфорде, стала фраза Гуттена «*Vidētis illam spirare libertatis auram*» («Воздух свободы веет»). В эпоху гуманизма свобода понималась как возможность беспрепятственного всестороннего развития личности, кроме того, политические взгляды Гуттена подразумевали, во-первых, освобождение немецкой нации от диктата папства, от влияния Римской церкви, во-вторых, устранение княжеской тирании внутри самой Германии. Не надо забывать, Гуттен был прежде всего общественным борцом и все произведения его имеют политическую окраску и отличаются агитационной направленностью, зовут к активной борьбе.

Рассматривая языковую личность Ульриха фон Гуттена на лингвокогнитивном и прагматическом уровне, мы можем воссоздать целостную картину мира литератора эпохи Возрождения и Реформации.

Создание исчерпывающего портрета языковой личности публициста и его системное описание чрезвычайно трудно из-за необходимости полноты охвата всех созданных данной личностью текстов. Поэтому приоритетным для исследователей становится описание отдельных аспектов языковой личности писателя, которое про-

изводится с опорой на все доступные тексты. Речевое произведение является одним из многочисленных объектов, помогающих раскрыть тип языковой личности не только в языковом плане, но посредством его (характер связи между понятиями, отсылка к идеалам, образцам, стереотипам). Объектом анализа при изучении языковой личности социального мыслителя были публицистические тексты (инвективы, письма, речи, памфлеты, диалоги, трактаты), которые рассматривались как один из многочисленных способов фиксации и объективации сознания автора, а также специфические репрезентанты содержания картины мира немецкого реформатора Ульриха фон Гуттена, языковой личности элитарной речевой культуры, публициста эпохи Возрождения в Германии XVI в.

Элитарный тип предполагает «максимально полное владение всеми возможностями языка: умение использовать нужный в данной ситуации функциональный стиль, строго различать нормы устной и письменной речи, пользоваться всем богатством языка (синонимами, образными выражениями, в письменной речи возможностями пунктуации и абзацного членения, в устной — всем разнообразием русских интонаций), не нарушать орфоэпических, лексических и орфографических норм, соблюдать все этические нормы общения, а главное, всегда и все использовать в своей речи целесообразно, не злоупотребляя иностранными словами и никогда не искажая ни их значение, ни произношение при необходимом употреблении» [Сиротина 1998: 45].

Если провести семантический анализ произведений, т. е. анализ смысла текстов, то станет ясно, что произведение Ульриха фон Гуттена является своеобразной программой действий, или побуждением к действию, призывом к борьбе. Воздействующий эффект усиливается при помощи местоимения «мы», глаголов в настоящем времени и императиве. Употребление глаголов в форме настоящего времени усиливает побуждающий, призывный эффект, поскольку эти формы времени создают впечатление близкого, реально происходящего события, а не эфемерного, возможного будущего.

Литература (в том числе художественная, научно-техническая, общественно-политическая, научно-популярная, публицистическая), как известно, относится к одному из основных средств информационно-психологического воздействия на человека [Грачев, Мельник 2003: 52]. С помощью языка можно не только информировать читателя, но и манипулировать его сознанием. Именно в этом, по мнению Г. Кресса и Р. Ходжа [Kress, Hodge 1979: 157—158], раскрывается идеологическая сущность языка.

В публицистическом стиле большое значение имеют приемы убеждающего воздействия. Говоря о структуре языковой личности, мы можем выделить ментальный блок, который объединяет собственно языковую способность и мотивационно-интенциональный компонент. Последний представляет собой глубинное образование в структуре языкового сознания личности, в котором «языковое» трудно отделить от собственно психологического, когнитивного. В своей коммуни-

кативной составляющей мотивационно-интенциональный компонент непосредственно связан с модусными рамками смысла, определяющими глубинный план содержания речевого произведения и его внутреннюю форму [Гиллиген 1997: 168].

Повелительная манера, процесс влияния на поведение (манипулирование) относятся к области гипнотерапии. «Процесс влияния на поведение широко распространен: сознаем мы это или нет, своим поведением мы всегда влияем на других. В этом реальном смысле всякое поведение есть манипулирование» [Там же: 83]. Косвенные внушения, в частности, ориентируют и структурируют внимание как гипнотерапевта, так и клиента вокруг определенных идей и структур. По мнению Стивена Гиллигена, ученика известного гипнотерапевта Милтона Эриксона, «скрытые внушения являются одним из простейших и в то же время самых мощных приемов косвенного воздействия. Большинство людей удивительно восприимчивы к скрытым внушениям, особенно когда их содержание соответствует потребностям и взглядам человека. Скрытые внушения оказываются эффективными потому, что они используют стратегии переработки информации, лежащие в центре бессознательного понимания, но на периферии сознательного внимания» [Там же: 219—221]. Манипулирование сознанием людей с использованием различных средств и технологий сегодня является массовым явлением и актуальной исследовательской проблемой. Одной из формулировок понятия манипуляции, выделенной исследователем Е. Л. Доценко, является «вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, побуждение другого к совершению определенных манипулятором действий» [Доценко 1996: 45]. Существует ряд понятий, отражающих определенные способы, общие механизмы и обобщенные схемы процесса скрытого принуждения людей; к ним, в частности, можно отнести «пропаганду и агитацию». Агитация (лат. *agitation*) — приведение в движение) — пропагандистская деятельность с целью побуждения к политической активности отдельных групп или широких масс населения. Отличается разнообразием устных, печатных и аудиовизуальных средств и является распространенным инструментом политической борьбы. Пропаганда (лат. *propaganda* — подлежащее распространению) — деятельность, устная или с помощью средств массовой информации, осуществляющая популяризацию и распространение идей в общественном сознании. Воздействующие возможности языка раскрываются не только в лексике, но и в синтаксическом построении высказывания, в выборе грамматических форм.

Ульриха фон Гуттена часто называют пропагандистом и агитатором. Благодаря появившемуся книгопечатанию он стал известен во всей Германии в эпоху Реформации. Его листовки с молниеносной быстротой расходились по всей стране. Речи Гуттена копировались, циркулировали в различных кругах Германии, определенно вызвали общественный резонанс, а также волнения рыцарства в Швабии, восстание рыцарства под

руководством Франца фон Зиккингена. В диалогах Гуттена содержится ярко выраженная положительная оценка идеи насильственного свержения существующего ига Римско-католической церкви, папы римского.

Отрицательно-оценочные слова создают негативный стереотип, отрицательный образ священнослужителей — попов, а также князей-тиранов. Самого папу Юлия II Гуттен называет «жестоковым тираном». Публицист тем самым создает отрицательный образ социальной группы мирских и светских князей, а также купцов, и называет их разбойниками. В уста богов Гуттен вкладывал свои мысли, которые обладали огромной воздействующей силой и вызвали резонанс в обществе, будили сердца и умы, а также немецкое национальное самосознание. Резкая критика в произведениях Гуттена, которые не раз становились листовками, была обращена против священников, против их безнравственности: «Я полагаю, что этому народу нужно позаботиться о всеобщем исправлении нравов: нельзя терпеть столько праздных ленивцев, которые проедают чужое добро, а сами никакого доброго плода не приносят. Нужно любой ценой искоренить иноземную роскошь и как можно дальше изгнать чуждую немцам изнеженность, вернув всю Германию к прежней ее силе и старинной доблести» [Гуттен 1959: 309].

В борьбе против папства Гуттен использовал свои знания античной и раннехристианской истории, а также истории Германии. Созданный им образ Арминия, борца «за германскую свободу», он связал с острой критикой Римской курии. В «Послании к Фридриху Саксонскому» Гуттен восхищался древними херусками и хавками, которые во время войны с Римом явили образец величайшего мужества; они дали Германии Арминия — самого замечательного и самого доблестного из полководцев всех времен и народов, что признавали даже враги. Не только свой родной край, но и всю Германию вырвал он из лап римлян, которые находились тогда на вершине славы и могущества, а завоевателей, измученных и обессиленных страшными поражениями, неустанно теснил и, наконец, изгнал совсем. «Какие же чувства испытывает теперь в царстве мертвых наш избавитель, видя, что мы по-рабски служим трусливым попам и изнеженным епископам, меж тем как сам он не потерпел владычества доблестных римлян, хозяев и господ всего мира?! Разве не стыдно ему за свое потомство?» [Гуттен 1959: 309].

Характерно, что, помимо «свободы империи», «свободы Германии», «свободы отечества» (*freiheit des vaterlands*) и даже свободы земель, Гуттен говорил о свободе нации, народа, сословий; наконец, ему была известна свобода отдельных лиц; те, в свою очередь, обладали свободой слова, каковой Гуттен весьма дорожил, и свободой совести. Гарантом всех этих свобод выступала империя. «Империя» рассматривается как концепт, который вербализуется через концептосферу не только антропонимов, топонимов, мифонимов, теонимов, но и идеологем, таких как «всеобщая свобода», «общее благо», «общая польза», «справедливость», «нация», «отечество», «дело Лютера», «война против попов» и др.

Прозаический диалог (*Prosadialog*) у Гуттена стал важнейшим жанром публицистики, средством общественной полемики и дискуссии по актуальным проблемам, образцом споров реформаторов друг с другом [Seitz 1991: 343—349].

В диалоге «Наблюдатели» главными действующими лицами являются Солнце (Гелиос) и его сын Фаэтон, которые наблюдают сверху за Аугсбургским съездом имперских князей. Имена Гелиос и Фаэтон взяты Гуттеном из языческой мифологии. Фаэтон (лат. *Phaeton*, греч. «излучающий») — в греческой мифологии прозвище Гелиоса, бога Солнца. Согласно легенде, Фаэтон попросил отца разрешить ему один день управлять колесницей Солнца. Управляя колесницей, он не смог сдержать огнедышащих коней, и они бешено бросились в разные стороны, отклоняясь от обычного пути солнца, что вызвало страшный пожар. За это Зевс поразил Фаэтона молнией, а его сестры, Гелиады, были на берегу превращены в тополя. Как известно, древние германцы были язычниками и обожествляли природу, что позволяло Гуттену вкладывать свои мысли в уста языческих богов.

В чем-то суждения Гуттена послужили основанием политико-правовых принципов последующей европейской демократии, в чем-то его представления опередили время, определив парадигмы гуманистической культуры, обозначив антитезы универсалистского и националистического сознания, пробуждения в соотечественниках чувств достоинства, гордости за своих предков, свою землю. Искусство политической риторики, практика непрерывных выступлений подтверждают мысль о зарождении ментальных импульсов мыслителей эпохи Возрождения, подвигающих к действию. Способы трансляции гуттеновских идей на разнородные социальные страты, приемы воздействия на правящую элиту свидетельствуют о зарождении новой идеологии с присутствием ей инструментариума и технологией [Попова 2005: 3]. Гуттен, будучи в своих общественно-культурных воззрениях ориентированным на идеалы прошлого, активно воспринимал все современные ему средства оперирования словом, репродуцированным и тиражированным посредством «летучих листов», плакатов. В этом смысле Гуттен должен быть поставлен у истоков новоевропейских технологий воздействия на общественное мнение, проецирования и реализации предзаданного общественного действия. Этому соответствовал и поиск новых средств словесной выразительности, которые приобретали характер афористического призыва, лозунга, действенного и эффективного [Попова 2002: 121—123]. Обращаясь к современникам, Гуттен использует все возможные жанры публицистики, в том числе манифесты, инвективы, памфлеты, эпистолы. Его публицистическое творчество соединяет в себе атрибуты интеллектуального рассуждения со множеством ссылок (*dissertatio*), политического памфлета, афористического воззвания с плакатным изображением героя или антигероя и публичного выступления со всеми его аффектами и жестами.

Писал я прежде по-латыни.
Не всем ясна латынь моя?

Теперь же по-немецки я
Немецкой нации кричу:
«Пора отмстить, пора к мечу!»
И пусть я попаду в беду,
Лишившись помощи, — клянусь,
От правды я не отступлюсь!

[Martini 1991: 111—117;
Гуттен 1973: 200—202]

Читая Гуттена на немецком языке, на который он перешел с латинского незадолго до смерти, начинаешь понимать истинную ценность едва только намечавшихся идей гуманистической идеологии, которые впоследствии нашли свое воплощение в образовании, науке и культуре [Beutin 1992: 51—56].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. (Волошинов В. Н.) Марксизм и философия языка // Тетралогия / М. М. Бахтин. — М., 1993.
2. Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи. — Саратов, 1999. Вып. 2.
3. Гиллиген С. Терапевтические транссы : руководство по эриксоновской гипнотерапии / пер. с англ. А. Д. Иорданского. — М. : Независимая фирма «Класс», 1997.
4. Грачев Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью. — М. : Эксмо, 2003.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. — М. : Прогресс, 2001.
6. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. — М. : Прогресс, 1985;
7. Гуттен У. фон. Послание курфюрсту Фридриху Саксонскому // Диалоги. Публицистика. Письма / Ульрих фон Гуттен ; сост. и пер. с лат. С. П. Маркиш. — М. : АН СССР, 1959. С. 309.
8. Гуттен У. фон. «Сегодня правда спасена...». Новая песнь господина Ульриха фон Гуттена. Стихи / пер. с нем. С. Анна // Иностранная литература. — М., 1973. № 8. С. 200—202.
9. Доценко, 1996:45 Е. Л. Психология манипуляции. — М., 1996.

О. А. Попова
Tyumen, Russia

MOTIVATION-INTENTIONAL COMPONENT OF THE AUTHOR'S WORLDVIEW IN PUBLICIST TEXT

ABSTRACT. *In this article, the author shows close interconnection and interaction between society, language and culture, emphasizing anthropocentricity of the language and its unifying role for many sciences. The themes of language and culture present a greatest interest; they are studied by such sciences as linguo-culturology, ethno-linguistics, and linguo-personology. In her study, the author focuses on linguistic personality. On the example of creative heritage of the German publicist Ulrich von Hutten (1488—1523), a vivid personality of elitist language speech culture, on the cognitive level, it is possible to recreate the worldview of the German thinker of the Renaissance, emphasising the motivation-intentional component, a hidden formation in the structure of language consciousness, contributing to the origin of mental impulses that motivate to action. While studying the fiction heritage of the German publicist Ulrich von Hutten, the author investigates the question of the carrier of elite speech culture who is understood as a perfect linguistic personality with unique language features and with individuality, and who embodies the characteristic features of his time, generation, culture, and people.*

KEYWORDS: *language; culture; society; linguistic personality of elitist language consciousness; publicist works; semantic analysis; humanism; national identity; the fiction heritage; people; culture; unique individuality; characteristic features of his time.*

ABOUT THE AUTHOR: *Popova Ol'ga Andreevna, Candidate of History, Associate Professor of Department of Foreign Languages and Intercultural Professional Communication, Institute of History and Political Sciences, Tyumen State University, Tyumen, Russia.*

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. (Voloshinov V. N.) Marksizm i filosofiya yazyka // Tetralogiya / M. M. Bakhtin. — M., 1993.
2. Gayda St. Zhanry razgovornykh vyskazyvaniy // Zhanry rechi. — Saratov, 1999. Vyp. 2.
3. Gilligen S. Terapevticheskie transy: Rukovodstvo po eriksonovskoy gipnoterapii / Per. s angl. A. D. Iordanskogo. — M. : Nezeavisimaya firma «Klass», 1997.
4. Grachev G. V., Mel'nik I. K. Manipulirovanie lichnost'yu. — M. : Eksmo, 2003.
5. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu. 2-e izd. — M. : Progress, 2001.
6. Gumbol'dt V. fon. Yazyk i filosofiya kul'tury. — M. : Progress, 1985;

10. Лютикова В. Д. Языковая личность и идиолект. — Тюмень : ТГУ, 1999.

11. Попова О. А. Гуттен и общество // Синтез в русской и мировой художественной литературе : материалы науч.-практ. конф. памяти А. Ф. Loseva / под ред. И. Г. Минераловой. — М. : МГПУ, 2002.

12. Попова О. А. Политическая идеология Ульриха фон Гуттена (1488—1523) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. / Тюм. гос. ун-т. — Тюмень, 2005.

13. Рузин И. Г. Когнитивные стратегии именования: модуль перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. 1994. № 6.

14. Сиротинина О. Б. Социолингвистический фактор в становлении языковой личности // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. — Волгоград ; Саратов : ВолГУ, 1998.

15. Beutin W. Humanismus und Reformation // Deutsche Literaturgeschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. — Stuttgart : J. B. Metzlersche Verlag., 1992.

16. Hutteni U. Deutsche Schriften: In 2 Bde. / Hrsgb. von H. Mettke. — Leipzig : VEB, Bibliogr. Inst., 1972.

17. Hutteni U. Sendschreiben an den Kurfürsten Friedrich von Sachsen // Die Freiheit der Deutschen Nation / Hrsgb. von E. Gottmann. — Jena : E. Diederich, 1943. S. 47—48.

18. Hutteni Ulrichi, equitis. Germani Dialogi // Opera quae reperiri potuerunt omnia / Ed. E. Böcking. — Lipsiae, 1860. Vol. 4.

19. Hutteni, Ulrichi, equitis germani. Opera quae reperiri potuerunt omnia / Ed. E. Böcking. Lipsiae: Teubner V., 1859-1870. Vol. I-7; N. Aufl. Aalen, 1963. Bd. 1-7;

20. Kress G., Hodge R. Language as ideology. — London : Routledge a. Kegan Paul, 1979.

21. Martini F. S. Humanismus und Reformation // Deutsche Literaturgeschichte. — Stuttgart : A. Kroner, 1991.

22. Seitz D. Flugschriftenliteratur der Reformation und des Bauernkrieges // Deutsche Literatur. Eine Sozialgeschichte. In 9 Bde. — Hamburg : Rohwolt : Taschenbuch, 1991. Bd. 2.

23. Ulrichi de Hutten. Opera I. Epistolae hereis et clarissimorum quorundam virorum ad eum scriptas / Hrsgb. von Ch. J. Wagenseil. — Lipsiae, 1785. (N. Aufl. Nürnberg, 1823).

7. Gutten U. fon. Poslanie kurfyurstu Fridrikhu Saksonskomu // Dialogi. Publitsistika. Pis'ma / Ul'rikh fon Gutten ; sost. i per. s lat. S. P. Markish. — M. : AN SSSR, 1959. S. 309.

8. Gutten U. fon. «Segodnya pravda spasena...». Novaya pesn' gospodina Ul'rikha fon Guttena. Stikhi / per. s nem. S. Anna // Inostrannaya literatura. — M., 1973. № 8. S. 200—202.

9. Dotsenko, 1996:45 E. L. Psikhologiya manipulyatsii. — M., 1996.

10. Lyutikova V. D. Yazykovaya lichnost' i idiolekt. — Tyumen' : TGU, 1999.

11. Popova O. A. Gutten i obshchestvo // Sintez v russkoy i mirovoy khudozhestvennoy literature : materialy nauch.-prakt. konf. pamyati A. F. Loseva / pod red. I. G. Mineralovoy. — M. : MGPU, 2002.

12. Popova O. A. Politicheskaya ideologiya Ul'rikha fon Guttена (1488—1523) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. / Tyum. gos. un-t. — Tyumen', 2005.
13. Ruzin I. G. Kognitivnye strategii imenovaniya: modusy pertseptsii (zrenie, slukh, osya-zanie, obonyanie, vkus) i ikh vyrazhenie v yazyke // Voprosy yazykoznaviya. 1994. № 6.
14. Sirotina O. B. Sotsiolingvisticheskiy faktor v stanovlenii yazykovoy lichnosti // Yazykovaya lichnost': sotsiolingvisticheskie i emotivnye aspekty. — Volgograd ; Saratov : VolGU, 1998.
15. Beutin W. Humanismus und Reformation // Deutsche Literaturgeschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. — Stuttgart : J. B. Metzlersche Verlag., 1992.
16. Hutteni U. Deutsche Schriften: In 2 Bde. / Hrsgb. von H. Mettke. — Leipzig : VEB, Bibliogr. Inst., 1972.
17. Hutteni U. Sendschreiben an den Kurfürsten Friedrich von Sachsen // Die Freiheit der Deutschen Nation / Hrsgb. von E. Gottmann. — Jena : E. Diederich, 1943. S. 47—48.
18. Hutteni Ulrichi, equitis. Germani Dialogi // Opera quae reperiri potuerunt omnia / Ed. E. Böcking. — Lipsiae, 1860. Vol.4.
19. Hutteni, Ulrichi, equitis germani. Opera quae reperiri potuerunt omnia / Ed. E. Böcking. Lipsiae: Teubner V., 1859—1870. Vol. I—7; N. Aufl. Aalen, 1963. Bd. 1-7;
20. Kress G., Hodge R. Language as ideology. — London : Routledge a. Kegan Paul, 1979.
21. Martini F. S. Humanismus und Reformation // Deutsche Literaturgeschichte. — Stuttgart : A. Kroner, 1991.
22. Seitz D. Flugschriftenliteratur der Reformation und des Bauernkrieges // Deutsche Literatur. Eine Sozialgeschichte. In 9 Bde. — Hamburg : Rohwolt : Taschenbuch, 1991. Bd. 2.
23. Ulrichi de Hutten. Opera I. Epistolae hereis et clarissimorum querundam virorum ad eum scriptas / Hrsgb. von Ch. J. Wagenseil. — Lipsiae, 1785. (N. Aufl. Nürnberg, 1823).

Статью рекомендует к публикации д-р ист. наук, проф. А. П. Янков.

А. Г.-Б. Салахова
Челябинск, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО РЕЛИГИОЗНОГО МЕДИАДИСКУРСА (на материале сайтов Католической и Евангелической церкви Германии)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются лингвистические особенности современного немецкого религиозного медиадискурса. Главной целью религиозной коммуникации в сети Интернет признается миссионерство, поскольку Интернет как современное средство массовой информации охватывает самые широкие слои общества. Основная задача религиозного дискурса в массмедиа заключается в формировании конфессиональной идентичности посетителей религиозных сайтов. Это достигается посредством трансформации религиозной (личной) идентичности, имеющейся у каждого верующего, в конфессиональную (социальную) идентичность. Особенностью немецкого религиозного медиадискурса является его поликодовый характер, актуализирующийся как на языковом, так и на когнитивном уровне. В качестве кодов выступают аудиовизуальные коды, реализующиеся на невербальном и паравербальном уровнях, вербальный код, включающий когнитивные процессы речемыслительной деятельности индивида. Весь комплекс этих кодов воздействует на посетителя сайта с целью формирования у него необходимого, положительного образа верующего и модели социокультурного поведения, одобряемого в религиозном обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: религиозный медиадискурс; поликодовость; аудиовизуальные знаки; конфессиональная идентичность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Салахова Аделина Гюль-Балаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет; адрес: 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129; e-mail: adelina-salakhova@yandex.ru.

Бурное развитие информационного пространства и резко возрастающее значение информационно-коммуникационной среды Интернета обусловило возникновение еще одной сферы институциональной коммуникации — виртуальной коммуникации в глобальной коммуникативной сети [Асмус 2005; Калмыков 2009; Лутовинова 2009 и др.]. Церковь как религиозный общественный институт также активно использует ресурсы Интернета с конца 80-х гг. прошлого века. В условиях секуляризации современного индустриального общества характерной чертой развития личности признается кризис этнокультурной — национальной и религиозной — идентичности, который оказывает все большее влияние на социальные и политические процессы (подробнее см.: [Лингвистические аспекты... 2012]). Поэтому одной из центральных задач религиозных организаций во всем мире становится доступ к средствам массовой коммуникации и использование различных каналов СМИ для популяризации, продвижения и распространения своего мировоззрения, поиска единомышленников и новых клиентов (термин В. И. Карасика [Карасик 2004: 250]).

Традиционные способы использования религиозными организациями Германии в своих целях СМИ, в которые входят печатная периодика («Die Tagespost», «Christ in der Gegenwart», «Der Wachturm» и др.), радиостанции («Bibel.TV»), а также отдельные телеканалы и телепередачи («Katholische / Evangelische Morgenfeier — Bayern 1», «Fernsehgottesdienst — ZDF», «Kirche im SWR» и т. д.), в начале XXI в. пополняются не только за счет создания онлайн-версий, медиатек радио- и телевидения, но и путем создания религиозных интернет-ресурсов. Особое место в немецкоязычной религиозной интернет-коммуникации занимают официальные сайты христианских деноминаций: *katholisch.de* (сайт Католической церкви Германии) и *ekd.de* (сайт Евангелической церкви Германии). Это объясняется в первую очередь все возрастающим влиянием Интернета на личную и социальную жизнь каждо-

го человека, что позволяет вовлекать посетителя сайта в религиозную жизнь общины и способствует его самоидентификации.

Как отмечает К. В. Лученко, на сегодняшний день Интернет является «одним из основных каналов распространения информации о религии, важной площадкой информационно-коммуникационного обмена внутри религиозных организаций и одним из средств для осознания индивидуумом своей культурной и религиозной идентичности» [Лученко 2009: 3].

При этом следует различать религиозную и конфессиональную идентичность. Вслед за Р. В. Нуруллиной под религиозной идентичностью мы понимаем идентичность персонального уровня, под конфессиональной — социального [Нуруллина 2010: 14—15]. Данное разграничение основывается, с одной стороны, на иррациональности веры, не требующей внешних доказательств, и, с другой стороны, на рационализации веры, нуждающейся в ритуализации религиозных действий. Следовательно, религиозная идентичность представляет собой внутреннее признание существования религиозного, иррационального мира, не нуждающегося в каких-либо доказательствах. В свою очередь, конфессиональная идентичность образуется религиозными практиками и представляет собой социальную позицию индивида, формируемую в процессе его конфессионализации. Становление религиозной идентичности происходит с помощью механизма идентификации и самоидентификации, а конфессиональной идентичности — в процессе социализации личности в общественном институте церкви. Именно на формирование второго типа идентичности направлен религиозный медиадискурс. Под медиадискурсом, вслед за Н. Ф. Алефиренко, мы понимаем «речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами, что, собственно, и делает его „привлекательным“ и многообещающим для осмысления речетворче-

ских стимулов и деятельности журналиста» [Алефиренко 2009: 31].

Основными задачами религиозного медиадискурса признаются миссионерство, поддержание целостности религиозной общины, а также информационный обмен. В рамках данной статьи мы рассмотрим реализацию основных задач религиозного медиадискурса на примере сайтов Католической и Евангелической церквей Германии. В центре нашего внимания находятся проблемы коммуникативного воздействия поликодовых текстов, представленных на данных сайтах.

Под поликодовым текстом мы понимаем «текст, построенный на соединении в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих — вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [Сонин 2005: 117], т. е. знаков, выполняющих семиотические функции и воспринимаемых пятью органами чувств. Могут использоваться такие семиотические системы, как изображение, музыка и др. Традиционно различают вербальный и невербальный компоненты в поликодовых текстах. При этом под вербальным компонентом принято понимать языковые семиотические знаки, а под невербальным — аудиовизуальные знаки, сопровождающие устный или письменный текст. На большое разнообразие изобразительных компонентов в письменной и устной форме коммуникации указывает Л. С. Большакова [Большакова 2008: 50].

Итак, проанализировав структуру сайтов Католической и Евангелической церквей Германии, можно заметить общие черты, способствующие формированию конфессиональной идентичности. Основными разделами сайтов являются «Aktuelles», где представлены новости христианской общины, «Glaube(n)», содержащий основы вероучения и предназначенный как для новичков, так и для посетителей с реализованной конфессиональной идентичностью. В этом разделе содержится информация о Библии (Unsere Bibel), тексты основных молитв (Gebete), литургия (Unser Gottesdienst / Predigten). В разделе «Kirche» содержится информация об отдельных епархиях и общинах. Однако наполнение рубрик на двух сайтах неоднородно, как и организация информации. Так, более структурированным признается сайт Евангелической церкви Германии, который в рубриках имеет четкое деление по темам и направлениям. Например, рубрика «EKD & Kirchen» подразделяется на темы «Gremien», «Kirchenamt», «Kirchengerichtbarkeit», «Weitere Bereiche», «Kirchen», «Menschen», «Adressen», «Publikationen», «Reformprozess», в то время как на сайте Католической церкви есть «Deutschland» (церкви в Германии), «Vatikan» (Ватикан), «Orden» (жизнь и деятельность монахов), «Hilfswerke» (благотворительные проекты), «Verbände» (католические объединения и организации), «Medien» (СМИ). В каждой рубрике содержится информация, рассчитанная как на активного члена религиозной организации (в целях поддержания целостности религиозной общины и информационного обмена среди агентов и клиентов религиозного дискурса), так и на случайного посетителя сайта (миссионерская информация, просветительство, информационный обмен).

На вербальном уровне средствами конфессиональной идентичности выступают лексические единицы семантического поля «религия», местоимение «wir» в инклюзивной функции, лексические единицы с оценочной семантикой, как положительной, так и отрицательной, что наименее характерно для религиозного медиадискурса. Следует заметить, что как католический, так и протестантский сайты выделяют группу единомышленников по критерию приверженности к своей деноминации. На это указывают и названия сайтов: «katholisch» и «EKD: Evangelische Kirche in Deutschland». В качестве маркеров конфессиональной идентичности выступают не только прилагательные «католический / евангелический», но и преемственные имена собственные, используемые авторами статей и выполняющие декларативную, информативную и прагматическую функции. Например: *Der Ratsvorsitzende der Evangelischen Kirche in Deutschland (EKD), Heinrich Bedford-Strohm, sieht die Debatte um die Sterbehilfe als hilfreich an, um die Versorgung schwerstkranker und sterbender Menschen in Deutschland zu verbessern.* / Глава Совета Евангелической церкви Германии (ЕЦГ) Генрих Бедфорд-Штром полагает, что дебаты на тему эвтаназии помогают улучшить уход за тяжело больными и умирающими людьми в Германии [URL]. Имя главы Совета ЕЦГ известно небольшому кругу верующих, поэтому автор статьи дополнительно называет пост, занимаемый Генрихом Бедфорд-Штромом. Таким образом, читатель узнает информацию о том, что говорящий занимает высокую ступень в иерархии ЕЦГ и, следовательно, обладает высоким авторитетом среди верующих и коллег. Говоря от своего имени, он выражает точку зрения всех протестантов Германии. В качестве примера конфессиональной идентификации в католической церкви приведем следующий отрывок: *Prägend für das gesamte Stadtbild ist der heilige Johannes Paul II. Der polnische Pontifex wuchs in der Nähe von Krakau auf... Teilnehmer der Reise war auch der Speyerer Bischof Karl-Heinz Wiesemann, Vorsitzender der Jugendkommission der Bischofskonferenz / Общее представление о городе формирует святой Иоанн Павел II. Польский понтифик вырос недалеко от Кракова... Участником поездки был также епископ Шрайера Карл Ганс Висман, председатель комиссии по делам молодежи при епископской конференции* [Michalzik 2015: 1]. В данном примере маркерами католичества и католической церкви выступают имена собственные *Иоанн Павел II* и *Карл Ганс Висман*. Если имя первого известно большому количеству христиан, то авторитет второго необходимо подчеркнуть дополнительным указанием на позицию в католической церкви. Преемственное имя Папы Римского сопровождается прилагательными «heilig / святой», «polnisch / польский», а также существительным «Pontifex / понтифик», относящимся к лексико-семантическому полю «католичество». Имя Карла Ганса Висмана требует дополнительной информации, которая позволит доказать авторитетность его слов, заключаемой в приложения. Поэтому автор статьи указывает на его пост (епископ Шрайера) и место в церковной иерархии (председатель молодежной комиссии епископской конференции). Таким образом, значимость его

слов подчеркивается его профессиональными услугами в области теологии и молодежной политики католической церкви. Маркерами католичества в данном примере служат прецедентные феномены «Pontifex» и «Bischof».

В рубрике «Unsere Bibel» представлены вербальные и невербальные средства конфессиональной идентичности. Лексические единицы семантического поля «христианство» сопровождаются визуальными средствами — изображением древнего Евангелия. При этом как на католическом, так и на протестантском сайте при печати Священного Писания использовался готический шрифт (фрактур). Однако Библия на сайте ЕЦГ написана на ранневерхненемецком языке, что свидетельствует о культурной специфике аудитории и отсылает к прецедентному феномену перевода Библии Мартином Лютером, основателем протестантизма. На сайте католической церкви изображена Библия на латыни, что указывает на то, что католическая вера распространена по всему миру и основным (официальным) языком католиков признана латынь. Таким образом, в религиозном медиадискурсе возникает поликодовый характер коммуникации, позволяющий воздействовать на посетителей сайтов, формировать их конфессиональную идентичность и принадлежность к группе «своих» не только на вербальном, но и на невербальном (визуальном) уровне, воздействующем в первую очередь на подсознание реципиента.

Еще один код, который используется в религиозном медиадискурсе, — это культурный код, который необходимо учитывать при анализе лингвистических особенностей религиозной медиакommunikation. Особенностью использования культурного кода в религиозном интернет-дискурсе мы проанализируем на основе рубрики «Katholisch/ Evangelisch werden», представленной на сайте как Католической, так и Евангелической церкви Германии. Темы, предлагаемые посетителям сайта, направлены на колеблющихся и неверующих и преследуют миссионерские цели. В размещенных статьях религиозный медиадискурс выполняет в первую очередь апеллятивную функцию. Так, авторы апеллируют к общечеловеческим ценностям, традиции и чувствам. Например, в статье «Sind Sie noch unsicher?» приводятся 10 причин воцерковления (вступления в христианскую общину). Аргументируя необходимость принадлежности к христианскому обществу, автор указывает на реализацию каждого члена религиозной общины как личности, члена социально-культурного общества, живого существа.

Согласно исследованию Г. Хофстеде [Hofstede 2011: 105], для Германии характерен высокий уровень индивидуализма (индекс индивидуализма Германии составляет 67 баллов), т. е. основной ценностью общества признается самореализация и самосовершенствование. К реализации верующих как личностей автор апеллирует словами «verantwortungsbewusstes Leben / самосознательная, ответственная жизнь», «der ganze Mensch wird ernstgenommen und angenommen / человек воспринимается и признается как целое».

Одной из основных общечеловеческих ценностей является семья [Hills 2002: 5]. Принадлежность

к большой семье создает в человеке чувство защищенности, комфорта, собственной необходимости. Это самая важная функция, которую выполняет религия, — формирование в человеке чувства принадлежности к семье, социальной группе единомышленников. Апелляция к традиции и семейным ценностям достигается с помощью лексических единиц семантического поля «родственники», с семой «единство/ совместные действия», «wir» в инклюзивной функции, а также лексическими единицами с положительной оценкой. Например: *Wer die Kirche unterstützt, übt Solidarität mit den Schwachen und Benachteiligten. / Кто поддерживает церковь, тот проявляет солидарность со слабыми и обделенными* [URL]. В данном случае выражение «Solidarität üben» формирует чувство единства с социально незащищенными группами общества, что социально одобряется в современной Германии. Такую же цель преследует предложение *In Krankenhäusern und anderen sozialen Einrichtungen der Kirche schaffen viele haupt- und ehrenamtlich Engagierte ein besonderes, menschliches Klima. / В больницах и других социальных учреждениях церкви большое количество волонтеров и работников создает особую человеческую атмосферу* [URL]. В данном примере сочетаются два кода: вербальный и культурный. Культурно и социально одобряемое поведение (волонтерство — «ehrenamtlich Engagierte») сочетается с положительно-оценочными лексическими единицами «besonderes» и «menschliches», апеллирующими к одной из базовых потребностей человека — потребности в безопасности. Так, член большой христианской семьи не только сможет реализовать себя, помочь другим, но и сам не останется в беде или нужде, если попадет в трудную жизненную ситуацию. Кроме того, в статье указывается на мировой масштаб христианской религии: *Wo immer Menschen hinkommen oder hinziehen, treffen sie auch die weltweite christliche Gemeinschaft. Dazu kann jede und jeder beitragen. / Куда бы ни попали люди во время поездок, они повсюду встретят христианские общины. И каждый может внести для этого свой посильный труд* [URL]. Таким образом, реципиент (читатель) понимает глобальный масштаб вероучения, а также возможность самореализации не только в рамках своей культуры, но и универсума.

Итак, развитие глобальной сети Интернет позволило расширить сферы влияния христианской церкви в области миссионерской деятельности посредством создания сайта и ведения религиозной интернет-коммуникации. Основными функциями религиозного медиадискурса выступают приобщение к религии, просветительская деятельность, формирование конфессиональной идентичности. Основной лингвистической особенностью религиозного медиадискурса является поликодовый характер его коммуникации. В качестве кодов выступают аудиовизуальные коды, реализующиеся на невербальном и паравербальном уровнях, вербальный код, а также культурный код, включающий когнитивные процессы речемыслительной деятельности индивида. Весь комплекс этих кодов воздействует на реципиента — посетителя сайта с целью формирования у него необходимого положительного образа верующего, христианина, католика/протестанта и,

как следствие, формирования модели социокультурного поведения, одобряемого в религиозном обществе соответствующей конфессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Медиадискурс — *modus vivendi* на рубеже XX—XXI вв. // Вестн. Вятск. гуманит. ун-та. 2009. № 4 (2). С. 30—33.
2. Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2005.
3. Большакова Л. С. О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестн. Новгород. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2008. № 49. С. 48—51.
4. Калмыков А. А. Интернет-журналистика в системе СМИ: становление, развитие, профессионализация : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2009.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М. : Гнозис, 2004.
6. Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире : коллектив. моногр. / под ред. Е. Н. Азнамеевой. — Челябинск : Энциклопедия, 2012.
7. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2009.
8. Лученко К. В. Интернет в информационно-коммуникационной деятельности религиозных организаций России : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2009.

A. G.-B. Salakhova
Chelyabinsk, Russia

LINGUISTIC FEATURES OF THE GERMAN RELIGIOUS MEDIA DISCOURSE (on the material of websites of German Catholic and Evangelical Church)

ABSTRACT. *The article deals with linguistic features of the modern German religious media discourse. The main purpose of religious communication on the Internet is missionary as the Internet is the most popular mass media means which covers the broadest range of various sectors of society. The main task of religious discourse in the media is the formation of religious identity of religious sites visitors. This is achieved through the transformation of religious (personal) identity, available to every believer, into confessional (social) identity. A special feature of the German media discourse is its religious multi-code character which is actualized both linguistically and cognitively. These are audio-visual codes implemented on non-verbal and para-verbal levels, and a verbal code, as well as the cultural code, which is represented in cognitive processes of verbal and mental activity of the individual. The whole complex of these codes makes the site visitor form some special, positive image of the believer and the model of socio-cultural behavior which is accepted and approved in a religious society.*

KEYWORDS: *religious media discourse; polycode system; audiovisual signs; confessional identity.*

ABOUT THE AUTHOR: *Salakhova Adelina Gyu'-Balaevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of German, Faculty of Linguistics and Translation, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.*

РЕФЕРЕНСЫ

1. Alefirenko N. F. Mediadiiskurs — *modus vivendi* na rubezhe XX—XXI vv. // Vestn. Vyatsk. humanit. un-ta. 2009. № 4 (2). S. 30—33.
2. Asmus N. G. Lingvisticheskie osobennosti virtual'nogo kommunikativnogo prostranstva : dis. ... kand. filol. nauk. — Chelyabinsk, 2005.
3. Bol'shakova L. S. O soderzhanii ponyatiya «polikodovyy tekst» // Vestn. Novgor. un-ta im. Yaroslava Mudrogo. 2008. № 49. S. 48—51.
4. Kalmykov A. A. Internet-zhurnalistsika v sisteme SMI: stanovlenie, razvitiye, professionalizatsiya : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — M., 2009.
5. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. — M. : Gnozis, 2004.
6. Lingvisticheskie aspekty issledovaniya identichnosti lichnosti v izmenyayushchemsya mire : kolektiv. monogr. / pod red. E. N. Aznacheevoy. — Chelyabinsk : Entsiklopediya, 2012.
7. Lutovinova O. V. Lingvokulturologicheskie kharakteristiki virtual'nogo diskursa : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Volgograd, 2009.
8. Luchenko K. V. Internet v informatsionno-kommunikatsionnoy deyatelnosti religioznykh organizatsiy Rossii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2009.

9. Нуруллина Р. В. Становление конфессиональной идентичности мусульманской молодежи (на материале Республики Татарстан) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. — Казань, 2010.

10. Сонин А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. 2005. № 6. С. 115—123.

11. EKD-Ratsvorsitzender begrüßt engagierte Sterbehilfe-Debatte // Evangelische Kirche in Deutschland. News. Archiv 2015. URL: https://www.ekd.de/aktuell_presse/news_2015_07_02_2_johannisempfang.html (date of access: 01.09.2015).

12. Hills M. D. Kluckhohn and Strodtbeck's Values Orientation Theory. // Online Readings in Psychology and Culture. 2002. № 4 (4). URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1040> (date of access: 01.09.2015).

13. Hofstede G., Hofstede G. J. (2011). Lokales Denken, globales Handeln: Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management. 5 Aufl. (1. Okt. 2011). — Deutscher Taschenbuch Verl.

14. Michalzik S. "Auf Wiedersehen in Krakau". Fahrt zu Vorbereitung auf Weltjugendtag 2016 in Krakau // katholisch.de. Weltjugendtag. 2015. URL: <http://www.katholisch.de/aktuelles/aktuelle-artikel/auf-wiedersehen-in-krakau-svobodnyy> (date of access: 01.09.2015).

15. Sind Sie noch unsicher? // Evangelische Kirche in Deutschland. Evangelisch werden. URL: https://www.ekd.de/einsteiger/einsteiger_unsicher.html (date of access: 01.09.2015).

9. Nurullina R. V. Stanovlenie konfessional'noy identichnosti musul'manskoy molodezhi (na materiale Respubliki Tatarstan) : avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk. — Kazan', 2010.

10. Sonin A. G. Eksperimental'noe issledovanie polikodovykh tekstov: osnovnyye napravleniya // Voprosy yazykoznaniiya. 2005. № 6. S. 115—123.

11. EKD-Ratsvorsitzender begrüßt engagierte Sterbehilfe-Debatte // Evangelische Kirche in Deutschland. News. Archiv 2015. URL: https://www.ekd.de/aktuell_presse/news_2015_07_02_2_johannisempfang.html (date of access: 01.09.2015).

12. Hills M. D. Kluckhohn and Strodtbeck's Values Orientation Theory. // Online Readings in Psychology and Culture. 2002. № 4 (4). URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1040> (date of access: 01.09.2015).

13. Hofstede G., Hofstede G. J. (2011). Lokales Denken, globales Handeln: Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management. 5 Aufl. (1. Okt. 2011). — Deutscher Taschenbuch Verl.

14. Michalzik S. "Auf Wiedersehen in Krakau". Fahrt zu Vorbereitung auf Weltjugendtag 2016 in Krakau // katholisch.de. Weltjugendtag. 2015. URL: <http://www.katholisch.de/aktuelles/aktuelle-artikel/auf-wiedersehen-in-krakau-svobodnyy> (date of access: 01.09.2015).

15. Sind Sie noch unsicher? // Evangelische Kirche in Deutschland. Evangelisch werden. URL: https://www.ekd.de/einsteiger/einsteiger_unsicher.html (date of access: 01.09.2015).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. А. Нефедова.

Г. Н. Тельминов, Т. П. Рассказова
Екатеринбург, Россия

АПЕЛЛЯЦИЯ К ОБЩЕИЗВЕСТНЫМ ИСТИНАМ КАК СРЕДСТВО УБЕЖДЕНИЯ В ТЕКСТАХ АМЕРИКАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ

АННОТАЦИЯ. В статье представлено описание прагматических потребительских мотивов и соответствующих им рекламных методов убеждения потенциальных покупателей посредством обращения к общепринятым фактам, известным ценностям. На материале американской и российской интернет-рекламы описан и раскрыт прагматический аспект манипулярных воздействий на адресата. Метод убеждения представлен не как попытка заставить покупателя приобрести ненужный ему товар, а как честно организованная презентация, в ходе которой потенциально возможный покупатель может получить полную информацию о предлагаемом товаре и на основе этого принять решение о покупке товара. Реклама рассматривается как метод стимулирования экономического процесса, которая оказывает психологическое воздействие на общество. Текст рекламы принадлежит к сфере профессионально ориентированной коммуникации. Он направлен на коллективного (или группового) адресата и может подкрепляться фактами, ссылками на известные научные источники, которые трудно опровергнуть, не имея сильных контраргументов, или на общепринятое, устоявшееся за долгое время мнение. Общепринятое мнение преподносится как аргумент в пользу приобретения товара. Приведены прагматические установки, определяемые человеческими потребностями. Делается вывод, что текст рекламы содержит в себе, помимо главного сообщения (содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации), нечто сверх этого сообщения, то есть дополнительную информацию, которая налагается на основную. Сочетание имплицитной и эксплицитной информации несет в себе прагматическую нагрузку и требует изучения коммуникативных и собственно лингвопрагматических приемов как средства рекламного воздействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: реклама; прагматика; убеждение; аргументация; коммуникация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Тельминов Геннадий Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Институт естественных наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; адрес: 620000 г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51; e-mail: freedomliberty@mail.ru.

Рассказова Татьяна Павловна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Института естественных наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; адрес: 620051, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: trasska@mail.ru

Вслед за Интернетом появилась и интернет-реклама, которая использует важнейшие преимущества этой информационной системы. Традиционно, до появления интернет-рекламы, оповещение потребителя о товаре, фирме, услуге осуществлялось через такие СМИ, как телевидение, радио, печатные издания. Благодаря интернет-рекламе у потребителя возникла возможность моментально реагировать на изменения рынка и ориентироваться на мнения экспертов по разным видам товаров, что, в свою очередь, ускоряет процесс реализации товара.

Хорошее определение рекламы дают О. Г. Скворцов, Э. А. Лазарева, Е. В. Горина: «Реклама — прагматически направленный текст, в котором все средства направлены на то, чтобы привлечь адресата на свою сторону, побудить его совершить покупку. Основная стратегия завоевания потребителя реализуется с помощью следующих коммуникативно-речевых тактик: моделирование личности адресата и приведение аргументов в пользу приобретения товара» [Скворцов, Лазарева, Горина 2009: 110].

Данное определение перекликается с определением, предложенным В. И. Карасиком: «Реклама — это целостное речевое образование, имеющее в своем составе фактуальную информацию об объекте речи, прагматический эффект и открыто выраженную модальность отправителя речи» [Карасик 1985: 15].

Реклама требует многочисленных вложений, а рекламодатель хочет получить положительный эффект от размещенной рекламы, поэтому он старается сделать ее эффективной. Рекламная коммуникация должна оказывать программируемое, целенаправленное воздействие на адресата. Целенаправленность коммуникации посред-

вом убеждения описывается многими исследователями [Мокшанцев 2000; Яновский 1998; Шаховский 1994; Зенина 2012; Горбачевская 2000; Гольман 1996; Голоднов 2003; Глушкова 2011; Вежбицкая 2001].

Реклама содержит компоненты разных семиотических систем, а использование комплекса вербальных и невербальных средств влияет на потребительское поведение. В целом реклама стимулирует экономические процессы и оказывает огромное психологическое воздействие на общество. Потребитель невольно попадает под воздействие рекламного сообщения, обладающего огромной аттрактивностью и способностью к убеждению потенциального клиента.

Реклама как объект лингвистического анализа вызывает интерес многих филологов, однако ее прагматический аспект остается до сих пор слабо изученным. Для исследования рекламы как средства речевого воздействия необходимо детальное изучение природы рекламных текстов с точки зрения лингвопрагматики и теории и практики аргументации.

«Прагматическая теория рассматривает любое высказывание или текст как целенаправленное социальное действие говорящего, адресанта, формулирующего свое коммуникативное намерение в соответствии с ситуацией общения и происходящими событиями, с общей стратегией речевого поведения и тактиками взаимодействия с адресатом. В связи с этим прагматика считает категорию субъекта центральной категорией языка, организующей действие других языковых категорий» [Лазуткина 2003: 501].

В тексте рекламы реализуются прагматические установки, которые определяются прежде всего человеческими потребностями, отражен-

ными в знаменитой пирамиде А. Маслоу (см.: http://www.psychologists.ru/articles/view/piramida_potr_ebnostey_maslou).

На человеческих потребностях основывается и ведущая рекламная стратегия убеждения. Согласно Е. Н. Зарецкой, убеждение — одна из стратегий, способствующих эффективной продаже. Убедить — значит склонить других людей к своей точке зрения. Цель рекламы — сделать так, чтобы товар купили. Тезис — товар выгодно покупать. Прямая аргументация — товар обладает рядом достоинств. Аргументация от противного — без товара возникает дискомфорт. В целом Е. Н. Зарецкая утверждает, что убеждение в рекламе использует следующие категории логики и поэтики, конгруэнтно выступающие в вербальном и зрительном семиотических рядах:

- сходство (аналогия);
- доказательство (аргументация);
- связь идей (ассоциация);
- часть вместо целого (синекдоха);
- причина — следствие (казуально-инструментальная реализация)
- повторение;
- нагнетание (градация);
- давление (аддиция);
- определение по смыслу (семантическое определение);
- переплетение (коннексия);
- отчуждение (отрицание нормы);
- символика;
- интертекстуальность [Зарецкая 2002: 667—670].

Рекламный текст представляет собой особый тип текста, обладающий коммуникативно-прагматическими особенностями и особыми отличительными чертами, свойственными только этой разновидности текста [Теркулова 2004: 39]. Суть коммуникативно-прагматического аспекта рекламы заключается в прагматическом воздействии адресанта на адресата. Текст рекламы принадлежит к сфере профессионально ориентированной коммуникации. Он направлен на коллективного (или группового) адресата и может подкрепляться фактами, ссылками на известные научные источники, которые трудно оспорить, не имея сильных контраргументов, или на общепринятое, устоявшееся за долгое время мнение.

В настоящей статье мы рассмотрим воздействие общепринятого мнения на потенциального потребителя товара или услуг. Общепринятое мнение как аргумент в пользу приобретения товара — это прежде всего частный способ реализации стратегии вежливости: *Утверждайте общую точку зрения, мнение, отношение, знание, эмпатию (Claim common point of view, opinions, attitudes, knowledge, empathy)* с точки зрения самой вежливости и прагматики [Brown, Levinson 1987: 352]. В связи со сказанным следует подчеркнуть, что вежливость не предполагает чеглибо эпатирующего, выходящего за рамки общепризнанных норм.

Стратегия вежливости обеспечивает поддержание гармонии в общении с клиентом, улучшение взаимопонимания. В процессе коммуникации адресант демонстрирует адресату некую общность, и прежде всего — единство взглядов на определенные факты, события или явления,

сходное отношение к ним, осведомленность относительно существующей ситуации. Однако вежливость не только этикетна, но и прагматична, поэтому она очень выгодна и удобна для привлечения клиентов. Главным же является то, что рекламная вежливость тесно связана с тезисно-аргументативной структурой текста. Автор рекламы просто констатирует общеизвестные прагматические истины («в интересах» самого же клиента) — и рекламный текст, в котором прагматической стратегии вежливости соответствует фактологическая аргументация, готов. Аргументация к общеизвестным истинам часто используется в рекламе продуктов питания.

Американская реклама. Минеральная вода *Evian* следующим образом рекламируется на сайте: *Mineral water Evian. Water is life. Water is essential to life. In fact, your body is mostly of water. And about every 7 weeks, that water is renewed. Mostly by what you drink. Each day an average adult naturally loses 2.5 to 3 liters of water under normal conditions. That water must be replaced. A person can live 40 days without food. But will not survive 2 or 3 days without water. That is why it is so important to hydrate properly* (http://www.evian.com/#/en_CA/19-water-is-life).

Минеральная вода Evian. Вода — это жизнь. Вода необходима для жизни. Фактически наше тело состоит в большинстве своем из воды. И почти каждые 7 недель эта вода обновляется. В большинстве случаев от того, что вы пьете. Каждый день средний взрослый человек обычно теряет от 2,5 до 3 литров воды при нормальных условиях. И эту воду нужно заменять. Человек может жить 40 суток без пищи. Но он не выживет 2 или 3 дня без воды. Вот почему важно должным образом потреблять воду.

Какие «общеизвестные прагматические истины» автор рекламы приводит как доказательства пользы рекламируемого товара? ***Water is life. Water is essential to life*** (вода — это жизнь. Вода необходима для жизни). Каждому известно, что без воды не обойтись. Прагматические доказательства из области физиологии и медицины, запугивающие адресата: ***In fact, your body is mostly of water. And about every 7 weeks, that water is renewed. Mostly by what you drink. Each day an average adult naturally loses 2.5 to 3 liters of water under normal conditions. That water must be replaced*** (фактически наше тело состоит в большинстве своем из воды. И почти каждые 7 недель эта вода обновляется. В большинстве случаев от того, что вы пьете. Каждый день средний взрослый человек обычно теряет от 2,5 до 3 литров воды при нормальных условиях. И эту воду нужно заменять). ***A person can live 40 days without food. But will not survive 2 or 3 days without water*** (человек может жить 40 суток без пищи. Но он не выживет 2 или 3 дня без воды). Прагматический вывод, обобщающий важность потребления рекламируемого товара: ***That is why it is so important to hydrate properly*** (вот почему важно должным образом потреблять воду).

Российская реклама. В российской интернет-рекламе мы можем также найти комбинации стратегии вежливости с аргументацией к общеиз-

вестным истинам. Минеральная вода «Обуховская» (источник расположен на Урале) следующим образом рекламируется автором (прагматические аргументы для удобства выделены):

Вода заслуживает того, чтобы ей посвящали оды, ведь она основа всего живого. Известно, что организм взрослого человека на 65 % состоит из воды. Можно голодать около месяца, а жить без воды — лишь несколько суток. В среднем мы потребляем 2—4 литра жидкости в сутки.

Лечебный эффект минеральной воды „Обуховская-11“ заключается в том, что она благотворно влияет на обменные процессы в организме, обладает противовоспалительным, антисептическим, мочегонным действием, гасит воспалительные процессы, вымывает из почек соли, гной, „песок“, осколки, мелкие камушки. Назначение минеральной воды на фоне диеты и лечения втрое ускоряет сроки выздоровления больных после операции по удалению камней. Это тем более важно, что Урал стоит в числе первых в России по числу страдающих мочекаменной болезнью. Причем камни образуются и у детей, и у взрослых, в самом трудоспособном возрасте — до 50 лет.

Обуховская вода — прекрасное средство не только для вымывания, но и предупреждения образования камней в любом возрасте. Почти четверть века исследованием лечебных свойств Обуховской занимались ученые НИИ курортологии и физиотерапии (ссылка на известный источник).

Вот результаты многолетних исследований.

„Вода Обуховская-11“ рекомендуется при болезнях печени, желчевыводящих путей, при хронических гастритах, колитах, энтероколитах, неосложненной язве желудка и 12-перстной кишки, хронических панкреатитах, болезнях обмена веществ, почек. Ее бактерицидное воздействие ликвидирует воспаление при пиелонефритах, мочекаменной болезни. Вода благотворно влияет на процессы желчеобразования, на желудочную секрецию, в отдельных случаях было замечено даже снижение сахара в крови у больных диабетом (http://www.obuhovsk.sky.ru/lech_sv_pokazan.htm).

Большая часть данного рекламного текста состоит из прагматических истин (аргументов к известному), которые уже определены и проверены временем (*основа, помогает при определенных болезнях, благотворно влияет на обменные процессы*). Эти общеизвестные истины, в рекламном контексте акцентирующие заботу о клиенте, можно рассматривать как апелляцию к важнейшим человеческим потребностям, побуждающим приобрести товар.

Реклама — это искусство. Составителю текста всегда надо иметь в виду психологию воздействия рекламы на ее получателя. Реклама достигает цели, если при ее составлении учитываются особенности человеческой психики. Именно поэтому забота автора о клиенте (стратегия вежливости) и аргументы к известному в описании рекламируемого товара как бы налагаются друг на друга и представляют, пересекаясь, единое целое.

Вкратце перечислим их. В тексте упомянуты процентное содержание воды в теле, необходимость потребления определенного объема воды ежедневно, указана важность воды для обменных процессов, дается ссылка на известный НИИ. Никто не хочет болеть, и совершенно здоровых людей на свете не бывает. Прочитав вышеприведенный рекламный текст, почти каждый найдет у себя какие-либо отклонения от норм здоровья и примет точку зрения, в согласии с которой данная минеральная вода ему полезна (хотя бы в чисто профилактических целях).

Наше сознание — не простой наблюдатель происходящего вокруг, а активно действующая сущность, которая отфильтровывает нужную для стабильности существования человеческого организма информацию. Восприятие информации связано с ее переработкой в соответствии с человеческими потребностями и мотивами, и это в известной степени учитывает реклама.

Рекламный текст прагматичен — он имеет цель завоевать покупателя, побудив его к покупке товара. Поэтому в любом рекламном сообщении адресант стремится осуществить свои коммуникативные и — шире — маркетинговые задачи. Для этого он тщательно подбирает прагматические аргументы, которые облегчили бы понимание рекламы адресатом, и главное — согласие с авторской точкой зрения. Определенного рода прагматический момент есть почти в каждом из рекламных сообщений. В рекламе продуктов питания, лекарств, маркетинговых услуг прагматическая коммуникативная задача проходит через «зону» вежливости (*замечайте клиента, уделяйте внимание его потребностям*), сочетается и пересекается с аргументами ad rem («к делу»), в том числе — с аргументами к общепринятым истинам, и в таком виде доходит до адресата.

Прагматическая направленность рекламной деятельности имеет экономическую основу и реализуется в стремлении к достижению успеха. Сказанное формирует цель и форму конкретного рекламного сообщения. Однако прагматическая установка по-разному реализуется в разных сферах рекламной деятельности. Различны и приемы убеждения потребителя.

Все изложенное выше приводит нас к выводу о том, что текст рекламы содержит в себе, помимо главного сообщения (содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации), нечто сверх этого сообщения, т. е. дополнительную информацию, которая налагается на основную информацию. Сочетание имплицитной и эксплицитной информации несет в себе прагматическую нагрузку и требует изучения коммуникативных и собственно лингвопрагматических приемов как средства рекламного воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежицкая А. Сопоставление культур через средство лексики и прагматики / пер. с англ. А. Д. Шмелева. — М.: Языки славянской культуры, 2001.
2. Глушкова С. Ю. Лингвопрагматические категории вежливости в английском и китайском языках: дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 2011.
3. Голоднов А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2003.

4. Гольман И. А. Рекламное планирование. Рекламные технологии. Организация рекламной деятельности. Записки московского рекламиста. — М.: Гелла-принт, 1996.
5. Горбачевская С. И. Прагматика вежливости в немецком и русском языках // Россия и Запад: диалог культур : докл. 7-й конф. — М.: НОПАЯЗ, 2000. Т. 1, вып. 8. С. 318—324.
6. Заречкая Е. Н. Деловое общение : учеб. : в 2 т. — М.: Дело, 2002.
7. Зенина Е. В. Реализация категории вежливости в речевом жанре англоязычных директивно-инструктивных надписей : дис. ... канд. филол. наук. — Самара, 2012.
8. Карасик В. И. Модальность рекламного текста // Внешнеторговая промышленная реклама и рекламная направленность технической документации. — Челябинск, 1995. С. 15—16.
9. Лазуткина Е. М. Речевая деятельность // Культура русской речи.
10. Энциклопедический словарь-справочник. — М.: Флинта : Наука, 2003.
11. Мокшанцев Р. И. Психология рекламы. — М.: ИНФРА-М, 2000.
12. Скворцов О. Г., Лазарева Э. А., Горина Е. В. Дискурс Интернета. — Екатеринбург : Ин-т междунар. связей, 2009.
13. Теркулова Д. Р. Лингвостилистические и коммуникативно-прагматические особенности английского рекламного текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — М.: МПГУ, 2004.
14. Шаховский В. И. Эмотивность как компонент межкультурной коммуникации // Язык, сознание, культура, этнос: теория и прагматика : XI симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. — М., 1994. С. 55—56.
15. Яновский А. Влияние на потребителей с помощью не прямой рекламы // Маркетинг. 1998. № 6. С. 50—60.
16. Levinson S., Brown P. Politeness: Some universals in language usage. — Cambridge. — UK : Cambridge Univ. Pr., 1987.
- ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ**
17. URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/piramida_potrebnoy_maslou.
18. URL: http://www.evian.com/#/en_CA/19-water-is-life.
19. URL: http://www.obuhovsk.sky.ru/lech_sv_pokazan.htm.

G. N. Tel'minov, T. P. Rasskazova
Ekaterinburg, Russia

REFERENCE TO COMMON KNOWLEDGE AS A MEANS OF PERSUASION IN AMERICAN AND RUSSIAN INTERNET ADVERTISING

ABSTRACT. *The article describes the consumer motives and the corresponding methods of advertising to persuade potential buyers by means of addressing the common facts and known values. The author investigates the pragmatic aspect of manipulating the addressee on the material of Russian and American Internet advertising. The method of persuasion is not presented as an attempt to make the customer buy unnecessary goods, but as a fairly organized presentation in which a potentially prospective buyer is able to get complete information about the product and on the basis of this information make up his/her mind to purchase the product. Advertising is treated as a way to stimulate economic process which has a psychological impact on society. The text of advertising belongs to the field of professionally oriented communication. It is addressed to a collective (or group) recipient and may be supported by facts, links to well-known scientific sources that are difficult to challenge without strong counter-arguments, or a common opinion well-established in time. The common opinion is presented as an argument in favour of the purchase. Pragmatic intensions defined by human needs are also described. It is concluded that the text of advertising, in addition to the main message (content-factual and conceptual content-information), contains certain additional information that overlaps the basic one. The combination of implicit and explicit information carries a pragmatic sense and requires the study of communication and linguistic proper and pragmatic techniques as a means of advertising effect.*

KEYWORDS: advertising; pragmatics; persuasion; argumentation; communication.

ABOUT THE AUTHOR: *Tel'minov Gennadiy Nikolaevich, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Rasskazova Tat'yana Pavlovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages, Institute of Natural Sciences, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Vezhbitskaya A. Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki / per. s angl. A. D. Shmeleva. — М.: Языки славянской культуры, 2001.
2. Glushkova S. Yu. Lingvopragmaticheskie kategorii vezhливости v ang-liyskom i kitayskom yazykakh : дис. ... канд. филол. наук. — Kazan', 2011.
3. Golodnov A. V. Lingvopragmaticheskie osobennosti persuazivnoy kommunikatsii : дис. ... канд. филол. наук. — SPb., 2003.
4. Gol'man I. A. Reklamnoe planirovanie. Reklamnye tekhnologii. Organizatsiya reklamnoy deyatel'nosti. Zapiski moskovskogo reklamista. — М.: Gella-print, 1996.
5. Gorbachevskaya S. I. Pragmatika vezhливости v nemetskom i russkom yazykakh // Rossiya i Zapad: dialog kul'tur : dokl. 7-y konf. — М.: НОПАЯЗ, 2000. Т. 1, вып. 8. С. 318—324.
6. Zaretskaya E. N. Delovoe obshchenie : ucheb. : v 2 t. — М.: Delo, 2002.
7. Zenina E. V. Realizatsiya kategorii vezhливости v rechevom zhanre angloyazychnykh direktivno-instruktyvnykh nadpisey : дис. ... канд. филол. наук. — Samara, 2012.
8. Karasik V. I. Modal'nost' reklamnogo teksta // Vneshnetorgovaya promyshlennaya reklama i reklamnaya napravlennost' tekhnicheskoy dokumentatsii. — Chelyabinsk, 1995. С. 15—16.
9. Lazutkina E. M. Rechevaya deyatel'nost' // Kul'tura russkoy rechi.
10. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. — М.: Flinta : Nauka, 2003.
11. Mokshantsev R. I. Psikhologiya reklamy. — М.: INFRA-M, 2000.
12. Skvortsov O. G., Lazareva E. A., Gorina E. V. Diskurs Interneta. — Ekaterinburg : In-t mezhdunar. svyazey, 2009.
13. Terkulova D. R. Lingvostilicheskie i kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti angliyskogo reklamnogo teksta : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — М.: МПГУ, 2004.
14. Shakhovskiy V. I. Emotivnost' kak komponent mezhkul'turnoy kommunikatsii // Yazyk, soznanie, kul'tura, etnos: teoriya i pragmatika : KhI simpozium po psikholingvistike i teorii kommunikatsii. — М., 1994. С. 55—56.
15. Yanovskiy A. Vliyanie na potrebiteley s pomoshch'yu nepryamoy reklamy // Marketing. 1998. № 6. С. 50—60.
16. Levinson S., Brown P. Politeness: Some universals in language usage. — Cambridge. — UK : Cambridge Univ. Pr., 1987.
17. URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/piramida_potrebnoy_maslou.
18. URL: http://www.evian.com/#/en_CA/19-water-is-life.
19. URL: http://www.obuhovsk.sky.ru/lech_sv_pokazan.htm.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Данная рубрика выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект МК-1644.2014.6 «Методика комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа экстремистского текста и его воздействия на адресата»).

УДК 81'373:34
ББК Ш105.3+Х0

ГСНТИ 16.31.61

Код ВАК 10.02.01

О. В. Барабаш
Пенза, Россия

ПОЛЯРИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ ТЕРМИНА «АУКЦИОН» В СОВРЕМЕННОМ АНТИМОНОПОЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

АННОТАЦИЯ. Неоднозначность в тексте правовых документов нередко выступает конфликтогенным фактором, затрудняющим правовую коммуникацию. Одним из способов репрезентации неоднозначности является знантиосемия, которую мы рассматриваем как механизм порождения полисемии.

Цели данного исследования заключаются в том, чтобы показать возможности развития поляризации значения слова под воздействием экстралингвистических факторов, оценить лингво-правовые последствия трансформации однозначного юридического термина в категорию знантиосеманта, а также выявить пути дезамбигуации с учетом возможностей языка и потребностей правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений. В качестве объекта исследования выбран термин «аукцион», отражающий одно из ключевых понятий действующего антимонопольного законодательства и демонстрирующий амбивалентные семантические варьирования при функционировании как в языке права, так и других типах дискурса. При помощи компонентного анализа семантической структуры терминов «аукцион», «торги», «редукцион» выявляются возможные пути дезамбигуации, обосновывается необходимость совершенствования действующего законодательства путем уточнения дефиниций. В качестве одного из способов разграничения видов аукциона и снятия противоречий толкования нормативных предписаний предлагается внедрение в отечественное законодательство термина «реверсивный аукцион», предназначенного в международном праве для обозначения торгов на снижение цены.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аукцион; знантиосемия; семантика; язык права.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Барабаш Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального обучения, Пензенский государственный университет; адрес: 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, e-mail: olphil@mail.ru.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В настоящее время все большую остроту приобретает проблема одновременного существования нескольких различных смыслов в текстах действующих нормативно-правовых актов и иных юридических документов. Неоднозначность нередко становится коммуникативным барьером, конфликтогенным фактором, который может явиться причиной правовых коллизий, конфликта интересов правопользователей, невозможности реализации прав и свобод граждан и потребовать судебного разбирательства. В связи с этим неоднозначность как генетически обусловленное свойство языковых единиц требует системного изучения тех форм и способов ее репрезентации, которые обладают конфликтогенным потенциалом в текстах правовых документов, а также поиска эффективных путей дезамбигуации. Один из механизмов появления неоднозначности заключается в поляризации семантики слов, иными словами возникновении знантиосемии.

Цели данного исследования заключаются в том, чтобы показать возможности развития поляризации значения слова под воздействием экстралингвистических факторов, оценить лингво-правовые последствия трансформации однозначного юридического термина в категорию знантиосеманта, а также выявить пути дезамбигуации с учетом возможностей языка и потребностей правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений. В качестве

объекта исследования выбран термин «аукцион», отражающий одно из ключевых понятий действующего антимонопольного законодательства и демонстрирующий амбивалентные семантические варьирования при функционировании как в языке права, так и других типах дискурса.

Теоретическая значимость данной работы заключается в том, что исследование смыслового наполнения лексемы «аукцион» позволит уточнить и дополнить его когнитивную интерпретацию с учетом ментальных новообразований российского общества, спровоцированных социально-экономическими изменениями в его жизни. Практическая значимость предлагаемого исследования обусловлена тем, что сделанные выводы и обобщения могут быть учтены в процессе совершенствования действующего, прежде всего антимонопольного, законодательства в части формирования его терминологического аппарата.

ПОНЯТИЕ АУКЦИОНА В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ И В ЯЗЫКЕ ПРАВА

До недавнего времени слово «аукцион» фиксировалось в словарях в единственном значении: «Продажа какого-н. имущества или товара с публичного торга, причем имущество достается предложившему наивысшую цену. Продавать с аукциона (продавать за долги путем аукциона)» [Ушаков 2000]. В общественном сознании прочно закрепилось именно это значение, поэтому толкование смысла термина «аукцион» в высказываниях типа «В парижском пригороде Фонтенбло

состоялся аукцион личных вещей Наполеона» [Мусвик 2002] либо «На аукцион, уже в третий раз проходивший в Северной столице, были выставлены живописные работы известных людей» [Ве-хи 2009] не вызывает затруднений у носителей языка.

Определение, данное в словаре Т. Ф. Ефремовой, а также определения, представленные в экономических и юридических словарях и энциклопедиях, практически совпадают с приведенным выше и включают четыре обязательных смысловых компонента: *'торги как процесс'*, *'предмет торгов (товар или имущество)'*, *'наивысшая цена'*, *'победитель'*. Имплицитно в понятие аукциона входят семы 'продавец' и 'покупатель'.

Рассматриваемый термин активно функционирует в языке права. Так, в Гражданском кодексе РФ впервые упоминание аукциона встречается в главе 28 «Заключение договора», где в статье 447 устанавливается, что договор может быть заключен путем проведения торгов с лицом, выигравшим торги в форме конкурса или аукциона. Согласно пункту 4 указанной статьи, выигравшим торги на аукционе признается лицо, предложившее наиболее высокую цену. В пункте 5 установлено, что аукцион, в котором участвовал только один участник, признается несостоявшимся. Как таковая дефиниция термина «аукцион» здесь отсутствует, однако мы можем попытаться сформулировать понятие аукциона по Гражданскому кодексу РФ: «аукцион — форма проведения торгов с участием двух и более участников, при которой участники подают только ценовые предложения о предмете торгов, а победителем является лицо, предложившее наиболее высокую цену».

Подобного понимания термина «аукцион» законодатели придерживаются во многих нормативных актах: Земельном кодексе РФ (ст. 38), Лесном кодексе (глава 8), в многочисленных актах в сферах предоставления участков недр, продажи или предоставления в аренду государственного и муниципального имущества и др. [Барабаш 2015: 22]. Например, пункт 20 статьи 28 Федерального закона от 24.07.2009 № 209-ФЗ (ред. от 14.10.2014) «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» гласит, что аукцион «проводится путем *повышения начальной цены* предмета аукциона (начальной цены права на заключение охотхозяйственного соглашения) на „шаг аукциона“», а в пункте 21 победителем аукциона признается «участник аукциона, предложивший *наиболее высокую цену* за право заключить охотхозяйственное соглашение» [Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ].

Однако в сфере правового регулирования государственных и муниципальных закупок, а также закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц происходит смысловая трансформация понятия аукциона. Компонент значения «наивысшая цена, предложенная участником торгов» меняется на противоположный: «наименьшая цена». Так, согласно пункту 4 статьи 24 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и

муниципальных нужд» под аукционом понимается «способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя), при котором победителем признается участник закупки, предложивший *наименьшую цену* контракта» [Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ].

Кроме того, как следует уже из названия самого закона, расширяется сема *'предмет торгов'*, которая в настоящее время включает не только понятия товара и имущества, но и понятия работы и услуги. Как известно, рынок услуг — явление древнее, его возникновение связано с появлением обмена и движением денег. Активное же формирование российского рынка услуг происходит в 90-х гг. XX в. — период рыночных реформ и приватизации. До этого времени основным поставщиком услуг являлось государство. Утрата государственной монополии в ряде отраслей экономики и дальнейшее формирование конкурентных отношений участников различных сфер деятельности потребовали специального правового регулирования этих отношений, в том числе введения и законодательного закрепления такой процедуры, как аукцион. Таким образом, аукцион, изначально предназначенный для продажи какой-либо продукции, ценностей, ресурсов (квоты, лицензии и т. п.), приобретает новую функцию — закупки товаров и услуг, что находит отражение в действующем законодательстве.

В связи с этим, с одной стороны, изменение в семантике слова «аукцион» объясняется тем, что антимонопольное законодательство, в котором понятие аукциона является одним из ключевых, направлено на развитие добросовестной конкуренции, борьбу с необоснованными ее ограничениями, предотвращение коррупции и других злоупотреблений в регулируемой сфере. С другой стороны, термин «аукцион» обозначает одну из форм торгов, в связи с чем очевидно воздействие на его семантику смысловых компонентов лексики «торги». Так, в словаре В. И. Даля «торг или торги» определяются как «вывоз и сход в урочный день и час купцов или подрядчиков и поставщиков, торгующихся на заявленный предмет, понижая друг перед другом цену» [Даль 2001: 652].

Таким образом, под воздействием экстралингвистических факторов произошла актуализация семы 'наименьшая цена', и однозначное понятие перешло в категорию энантиосемы.

В условиях правовой коммуникации, где принципиальную важность имеет задача адекватного декодирования правопользователем воли законодателя, лексическая энантиосемия может стать причиной неверной интерпретации правового предписания. Так, к примеру, в статье 68 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в рамках обозначения одной процедуры закупки значение лексики «аукцион» меняется на противоположное в пункте 23, что затрудняет как понимание самой процедуры проведения торгов, так и интерпретацию обозначающего ее термина.

Приведем другой пример. Пункт 6 статьи 55.28 Градостроительного кодекса РФ гласит, что

«исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления, принявшие решение о проведении аукциона на право заключения договора об освоении территории в целях строительства и эксплуатации наемного дома социального использования, определяют один из способов проведения этого аукциона:

1) путем повышения начальной цены предмета аукциона (цены за право заключения данного договора), указанной в извещении о проведении аукциона, на „шаг аукциона“;

2) путем снижения начальной цены предмета аукциона (размера платы за наем жилых помещений в наемном доме социального использования по договорам найма жилых помещений жилищного фонда социального использования в расчете на один квадратный метр общей площади жилого помещения), указанной в извещении о проведении аукциона, на „шаг аукциона“» [Градостроительный кодекс]. Способ проведения аукциона, таким образом, потребует специального уточнения в контексте конкретного решения исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления.

ПОНЯТИЕ АУКЦИОНА В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

Показательно, что в настоящее время функционирование слова «аукцион» не ограничивается рамками языка права. В Национальном корпусе русского языка представлено 283 документа, содержащих 481 вхождение лексемы «аукцион». Анализ содержания и стилистической принадлежности представленных фрагментов позволяет заключить, что термин «аукцион» встречается в различных типах дискурса: художественном, общественно-политическом, правовом, медийном, где также проявляется поляризация его семантики. Это связано с тем, что понятие аукциона как торгов на понижение цены, пришедшее из сферы функционирования антимонопольного законодательства, активно входит в обиход и закрепляется в общественном сознании. При этом читатель не всегда может быть уверен в правильности понимания значения данного слова, например: «В среднем по России ежегодно проводится от 8 до 10 тыс. лесных аукционов, на которых продается 28—30 тыс. лесосек или не более трех лесосек за один аукцион» [Лесные торги сегодня 2004]. Навык систематического сравнительно-правового толкования, а также указание на процедуру продажи в данном контексте позволят специалисту (но не рядовому читателю) правильно понять, в каком семантическом варианте употреблено здесь слово «аукцион». Приведем еще примеры: «В ноябре 2003 года суд признал Rouse Industries банкротом, а в декабре „Северсталь“ выиграла аукцион по продаже ее активов» [Внешние приобретения 2004]; «В Минфине вчера РБК daily сообщили, что следующий аукцион состоится ориентировочно 20 мая, отметив, что к нему ведомство уже получило рекомендации Банка России, согласно которым максимальный объем средств предлагается установить на уровне 50 млрд руб». [Смородская 2008].

Без поясняющего контекста значение слова «аукцион» в данных фрагментах представляется

неясным, так как нет указания на то, какая именно процедура была проведена. Становится очевидным, что термин «аукцион», функционирующий в различных типах дискурса, требует унификации. Это действительно важно, так как нормативные правовые акты, а также тексты публицистических произведений, отражающих те или иные события в жизни общества, имеют социально значимый характер, адресованы широкому (неопределенному) кругу лиц и выполняют коммуникативную функцию воздействия на адресата. В связи с этим неппротиворечивость их интерпретации является необходимым условием эффективности правовой коммуникации, соблюдения прав и свобод граждан, поддержания законности в стране.

ВОЗМОЖНЫЕ СПОСОБЫ ДЕЗАМБИГУАЦИИ

Поляризация семантики правового термина вынуждает юристов-практиков использовать возможности языка для снятия/предупреждения возникающих противоречий. Так, на официальном сайте РФ для опубликования информации о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг в разделе «Реестр закупок и заказов» можно увидеть наименования документов, в которых присутствует термин «редукцион», используемый для обозначения процедуры торгов с понижением цены. Например: «ОАО „ОЗК“ объявляет редукцион на поставку сельскохозяйственной продукции (пшеница 3 класс)»; «Редукцион на поставку расходных материалов для нужд ФГУП ВИАМ»; «Открытый редукцион в электронной форме на поставку бумаги офисной для нужд УФПС Нижегородской области — филиала ФГУП „Почта России“» [Реестр].

При возникновении судебных споров термин «редукцион» неизбежно попадает и в текст судебных решений, так как судья обязан точно передавать сведения и доводы, заявленные сторонами спора. Например: «Истец взыскал с организаторов торгов убытки в виде комиссии за выдачу банковской гарантии на обеспечение заявки на участие в редукционе...» [Постановление].

В то же время употребление термина «редукцион» не предусмотрено ни одним действующим нормативным правовым актом. Его возникновение можно считать попыткой заказчиков разграничить процедуру аукциона с повышением цены от формы торгов с понижением цены. На первый взгляд, подобная попытка представляется оправданной: если слово «аукцион», произошедшее от латинского «augēre — увеличивать, умножать», используется для обозначения торгов на повышение цены, то почему бы не ввести в употребление слово «редукцион» — транслитерацию слова «reduction», этимологически восходящего к латинскому «reducere, reductum — re-, back, ducere, to lead» [Chambers Twentieth Century Dictionary] и означающего «уменьшение, возвращение, сокращение»?

В качестве контраргументов можно привести следующие предположения. Во-первых, семантическая структура слова «аукцион» (как и «auction») включает осознаваемые носителями языка компоненты 'цена' и 'торги', в то время как приращение этих компонентов к семантике слова «редукцион» в русском языке находится в на-

чальной стадии и пока не завершено. Это связано, в частности, с тем, что многозначное слово-источник, «reduction», употребляясь в англоязычной литературе правового и экономического содержания, реализует свое основное значение — «уменьшение, снижение», при этом ни компонента <цена>, ни компонента <торги> в нем нет — эти смыслы выражаются другими самостоятельными единицами в высказывании, например: «The reduction in cost amounts to \$52,811» [Campbell] — «Снижение стоимости составляет 52811 \$». Аналогичным образом эксплицируется значение в сочетаниях типа «reduction of the volume of currency» — «уменьшение объема валюты» и т. п.

Кроме того, слово «reduction» уже транслитерировалось в русском языке как «редукция», и в настоящее время оно зафиксировано словарями как полисемант, лексико-семантические варианты которого образуют термины различных отраслей знания — логики, астрономии, биологии, медицины, химии и т. д. — с прототипическим значением «уменьшение чего-либо» (следует отметить, что иноязычные слова на *-tion*, как правило, заимствуются путем транслитерации с последующим приспособлением к морфологии родного языка, при этом в русском языке *-tion* соответствует *-ция*. Например: *recommendation* — рекомендация, *demonstration* — демонстрация, *convention* — конвенция, *deduction* — дедукция и т. п. Лишь в отдельных словах наблюдается соответствие *-tion/-цион*, например: *attraction* — аттракцион). В связи с этим повторная транслитерация может стать причиной определенных сложностей при осуществлении перевода текстов, в которых функционируют слова «reduction», «редукция», «редукцион». Таким образом, использование слова «редукцион» для обозначения торгов с понижением цены снимает одни противоречия, но способствует появлению новых. В связи с этим открытым остается вопрос о том, есть ли необходимость введения в оборот нового термина для обозначения другого способа проведения аукциона или возможны иные пути дезамбигуации.

На наш взгляд, осуществить разграничение видов аукциона возможно путем уточнения дефиниций. Удачным с точки зрения снятия противоречий толкования представляется термин «*реверсивный* аукцион», предназначенный для обозначения торгов на снижение цены и появившийся в 2011 г. в «Типовом законе ЮНСИТРАЛ о публичных закупках», принятом Комиссией ООН по праву международной торговли [Типовой закон ЮНСИТРАЛ]. Внедрение термина «*реверсивный* аукцион» в отечественное законодательство позволит соблюсти единство в системе правовой терминологии и устранить противоречия, возникающие вследствие поляризации семантики термина «аукцион».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык отражает изменения, происходящие в жизни общества, экономической и правовой сферах его деятельности, что требует повышенного внимания к тем терминам и понятиям, которые являются ключевыми в той или иной отрасли. Проведенное исследование показывает, что под воздействием экстралингвистических факторов может происходить поляризация семантики единиц языка, которая выступает механизмом развития многозначности. Полагаем, что термин «аукцион», обозначающий одну из центральных процедур действующего антимонопольного законодательства, в настоящее время нуждается в переосмыслении со стороны законодателей и введении однозначных дефиниций, способствующих дезамбигуации его амбивалентной семантики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабаш О. В. Способы репрезентации неоднозначности в языке правовых актов // Язык. Право. Общество : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 13—14 мая 2015 г.) / под ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, Н. А. Павловой. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2015.
2. Вехи // Русский репортер. 2009. № 1—2 (080—081), 22—29 янв. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
3. Внешние приобретения // Металлы Евразии. 2004 17 дек. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
4. Градостроительный кодекс Российской Федерации : № 190-ФЗ от 29.12.2004 : (ред. от 31.12.2014) : (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2015). URL: http://www.consultant.ru/popular/gskrf/15_10.html#p3433.
5. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. — М. : Эксмо-Пресс, 2001.
6. Лесные торги сегодня. Будут ли уместны они завтра? // Лесное хозяйство. 2004. 17 авг. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
7. Мусвик В. Неделя 2002. 12—18 марта // Коммерсантъ-Власть. 2002. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.01.2015 № 09АП-52731/2014 по делу № А40-137938/2014. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=MARB;n=787878>.
9. Реестр закупок и заказов. URL: <http://zakupki.gov.ru>.
10. Смородская П. Минфин дал банкам 23,5 млрд рублей. 2008 14 мая. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2008/05/14/finance/342765.shtml>.
11. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о публичных закупках. URL: <http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/procurement/ml-procurement/2011-Model-Law-on-Public-Procurement-r.pdf>.
12. Толковый словарь русского языка. Т. 1 / под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Астрель : АСТ, 2000.
13. Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : № 209-ФЗ от 24.07.2009 : (ред. от 14.10.2014) : (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2015). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=168142>.
14. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» : № 44-ФЗ : от 05.04.2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157037/?fame=11.
15. Campbell J. L. The Water Supply of the El Paso and Southwestern Railway from Carrizozo to Santa Rosa, N. Mex. URL: <http://www.finedictionary.com/reduction.html>.
16. Chambers Twentieth Century Dictionary. New ed. / ed. by A. Macdonald. — Edinburgh : W & R Chambers, 1976.

O. V. Barabash
Penza, Russia

POLARIZATION OF SEMANTICS OF THE TERM "AUCTION" IN MODERN ANTIMONOPOLY LEGISLATION

ABSTRACT. *Ambiguity of texts of legal documents often acts as a conflict factor complicating legal communication. One of the ways of representation of ambiguity is enantiosemy, which is considered as a mechanism of generation of polysemy.*

The aim of this study is to show the possibilities of polarization of a word under the influence of extralinguistic factors, to assess linguistic and legal consequences of transformation of a monosemantic legal term into a unit of enantiosemy and to identify the ways of disambiguation by means of the language and the need of legal regulation of the respective sphere of social relations.

The article studies the term «auction», which reflects one of the key concepts of the existing antimonopoly legislation and demonstrates ambivalent semantic variations of functioning both in the language of law and in other types of discourse. With the help of component analysis of the semantic structure of the terms "auction", "bidding" and "reverse auction" the author identifies possible ways of disambiguation and substantiates the necessity of improving the existing legislation by clarifying definitions. As a way of distinguishing the kinds of auction and removal of contradictions of interpretation of regulatory requirements, the author proposes to use the term «reverse auction» in the Russian legislation to refer to bidding by reducing prices in international law.

KEYWORDS: *auction, enantiosemy, semantics, language of law.*

ABOUT THE AUTHOR: *Barabash Ol'ga Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Pedagogy and Psychology of Professional Education, Penza State University, Penza, Russia.*

REFERENCES

1. Barabash O. V. Sposoby reprezentatsii neodnoznachnostiv yazyke pravovykh aktov // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 13—14 maya 2015 g.) / pod. red. O. V. Barabash, T. V. Dubrovskoy, N. A. Pavlovoy. — Penza : Izd-vo PGU, 2015.
2. Vekhi // Russkiy reporter. 2009. № 1—2 (080—081), 22—29 yanv. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
3. Vneshnie priobreteniya // Metally Evrazii. 2004. 17 dek. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
4. Gradostroitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii : FZ № 190 : ot 29.12.2004 : red. ot 31.12.2014 : s izm. i dop., vstup. v silu s 01.04.2015. URL: http://www.consultant.ru/popular/gskrf/15_10.html#p3433
5. Dal' V. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya. — M. : EKSMO-Press, 2001.
6. Lesnye torgi segodnya. Budut li umestny oni zavtra? // Lesnoe khozyaystvo. 2004. 17 avg. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
7. Musvik V. Nedelya. 12.03—2002.03.18 // Kommersant"-Vlast'. 2002. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
8. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 13.01.2015 № 09AP-52731/2014 po delu №A40-137938/2014. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=MARB;n=787878>.
9. Reestr zakupok i zakazov. URL: <http://zakupki.gov.ru>.
10. Smorodskaya P. Minfin dal bankam 23,5 mlrd rubley. 2008. 14 maya. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2008/05/14/finance/342765.shtml>. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
11. Tipovoy zakon YuNSITRAL o publichnykh zakupkakh. URL: <http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/procurement/ml-procurement/2011-Model-Law-on-Public-Procurement-r.pdf>.
12. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. T. 1 / pod red. D. N. Ushakova. — M. : Astrel' : AST, 2000.
13. Federal'nyy zakon «Ob okhote i o sokhraneni okhotnich'ikh resursov i o vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii» : № 209-FZ : ot 24.07.2009 : red. ot 14.10.2014 : (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.03.2015). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=168142>.
14. Federal'nyy zakon «O kontraktnoy sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd» : № 44-FZ : ot 05.04.2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157037?frame=11.
15. Campbell J. L. The Water Supply of the El Paso and Southwestern Railway from Carrizozo to Santa Rosa, N. Mex. URL: <http://www.finedictionary.com/reduction.html>.
16. Chambers Twentieth Century Dictionary. New Ed. / ed. by A. Macdonald. — Edinburgh : W & R Chambers, 1976.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. Т. В. Дубровская.

С. В. Доронина
Барнаул, Россия

«КОМАНДИР! МОЖЕТ, ДОГОВОРИМСЯ?»: ПРИЕМЫ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕКСТОВ ПО АНТИКОРРУПЦИОННЫМ ДЕЛАМ

АННОТАЦИЯ. Обсуждаются вопросы методики анализа текстов при рассмотрении антикоррупционных дел. Главной задачей лингвистической судебной экспертизы по антикоррупционным делам является установление события по его речевому отображению. При этом лингвисту необходимо доказать, что в диалоге идет речь о передаче денежных средств, имеется связь между передачей и встречным предоставлением услуги, а также установить характер услуг, предоставляемых за деньги. Данная информация может быть использована следователем в целях выявления в тексте признаков, свидетельствующих о наличии объекта (предмет преступления), объективной стороны (общественно опасное деяние, время, место, обстановка, способ), субъекта, субъективной стороны (умысел, цель, мотив). Для решения комплекса данных вопросов наиболее пригодными являются приемы дискурсивного анализа. Целостного метода дискурсивного анализа еще не выработано, однако применение комплекса семантических и прагматических приемов дискурсивного анализа позволяет уточнить признаки разговорного диалога, значимые для правовой квалификации речевых преступлений. В частности, среди различных способов речевого воздействия оказывается возможным выделение приемов речевой провокации, а среди высказываний с имплицитным смыслом — приемов, нацеленных на маскировку их содержания. Например, провокация осуществляется, когда официальный регистр общения сменяется неофициальным, когда сообщение о последствиях каких-либо противоправных действий сменяется предложением/ просьбой об отступлении от заданных институциональных правил за вознаграждение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистическая экспертиза; семантический анализ дискурса; прагматический анализ дискурса; речевая провокация; маскировка содержания разговора.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Доронина Светлана Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и прикладного языкознания, литературы и русского языка, Алтайский государственный университет (Барнаул); адрес: 656055, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, к. 413а; e-mail: doroninasv73@mail.ru.

Главной задачей лингвистической судебной экспертизы по антикоррупционным делам является установление события по его речевому отображению. При этом лингвисту необходимо доказать, что в диалоге идет речь о передаче денежных средств, имеется связь между передачей и встречным предоставлением услуги, а также установить характер услуг, предоставляемых за деньги. Данная информация может быть использована следователем в целях выявления в тексте признаков, свидетельствующих о наличии объекта (предмет преступления), объективной стороны (общественно опасное деяние, время, место, обстановка, способ), субъекта, субъективной стороны (умысел, цель, мотив). Для решения комплекса данных вопросов наиболее пригодными являются приемы дискурсивного анализа.

Общеизвестно, что наука не выработала целостного метода дискурсивного анализа. Вместе с тем существует довольно обширная группа методов, позволяющих в различных аспектах рассмотреть «текст, погруженный в жизнь». Для указанных выше экспертных целей нам представляются релевантными методы социолингвистического анализа, анализа темы и шире семантического анализа диалога, прагматического анализа, анализа микро и макроструктур дискурса, соотносимый с выделением речевых стратегий и тактик и пр. В частности, применение приемов социолингвистического и прагматического анализа позволяет выделить лингвистические признаки, которые могут помочь следственным органам в решении правового вопроса о наличии провокации дачи взятки. Несмотря на правовой характер вопроса, обращение следственных органов для его решения за помощью лингвиста также имеет свои

объективные основания. С точки зрения закона, провокация — действия, осуществляемые «в целях искусственного создания доказательств совершения преступления» [Ст. 304 УК РФ]. Диалоги, исследуемые в рамках данной категории дел, отвечают этому определению, являясь в определенной мере искусственными (постановочными), поскольку один из участников знает о том, что идет запись, и играет заранее обдуманную роль. Поэтому экспертная задача в данном случае заключается в подробном описании речевой партитуры диалога, включая приемы речевого воздействия, оказываемые на лицо, в отношении которого ведутся следственные действия.

С позиций социолингвистики дискурс — это общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеведенческой ситуации. Дискурс, анализируемый в связи с делами о коррупции, всегда институционален. Одна из общающихся сторон наделена некими полномочиями, которые собеседник желает обратить в свою пользу. В нашей экспертной практике лингвистические признаки дачи взятки требуют обнаружить преимущественно в разговорах между сотрудниками ДПС и нарушителями дорожного движения, желающими избежать наказания. При этом эксперту приходится работать с так называемой «мягкой» [Карасик 2000: 7] разновидностью институционального дискурса, допускающей отступление от ритуала без разрушения акта коммуникации. Официальный регистр общения сменяется неофициальным, когда сообщение о последствиях каких-либо противоправных действий сменяется предложением/ просьбой об отступлении от заданных институцио-

нальных правил за вознаграждение. Самой частотной эллиптической формой выражения смены регистра выступает выражение «Командир, а может, договоримся?!». Переход на неофициальный регистр общения осуществляется нарушителем дорожного движения, и в ряде случаев оно поддерживается собеседником (сотрудником ДПС), являясь сигналом того, что сотрудник правоохранительных органов «смягчился» и готов принять высказанное в его адрес предложение:

M1: Да, ну я понимаю все, но войдите вы в мое-то положение.

M2: Ну дак, а как, допустим, мы войдем в это положение.

M1: Ну, давайте как-нибудь попроще там. Что-нибудь придумаем.

M2: Как? Что мы придумаем?

M1: Ну давай что-нибудь так. Ну серьезно, командир. Ну вы сами-то поймите, ну прикинь, меня прав лишат, или пятерку даже, мне, прикинь, за нее в натуре...

M2: Сам-то откуда Андрюх?

M1: Да барнаульский.

M2: Барнаульский? Знаешь (тут все)...

M1: А, командир?

M2: В такси давно работаешь?

M1: Да ну сколько уже, год, наверно.

M2: Год?

Как правило, передача денежных средств осуществляется после получения сигнала перехода от конфликтного общения к гармоническому, что подтверждает манипулятивный характер данного речевого приема.

Другие средства воздействия в диалоге позволяют выделить применение приемов прагматического анализа. Стремление к ограничению коммуникативной инициативы со стороны лица, проводящего оперативный эксперимент, формирует особый вид его речевого поведения: данный участник демонстрирует недогадливость, непонимание высказываний в косвенной форме, побуждая собеседника к прямому выражению своих намерений:

M1: Просто хотелось бы как-то уладить этот вопрос с Вами.

M2: А со мной как Вы его (уладите)? Как Вы предлагаете? От меня что зависит?

M1: Вы можете направлять, можете не направлять.

M2: А у меня основание какое не направлять?

M1: Ну, я не знаю.

M2: Тогда почему я не должен направлять?

M1: Ну, надеюсь на дальнейшее сотрудничество...

M2: Какое сотрудничество? Вы мне про какое-то сотрудничество все время говорите, я понять не могу, либо я что-то недопонимаю, либо Вы что-то недоговариваете.

Данное речевое поведение, будучи средством речевого воздействия, тем не менее не является лингвистическим признаком провокации к даче взятки. Несмотря на то, что на самом деле сотрудник правоохранительных органов прекрасно понимает посылаемые ему намеки и позволяет нарушителю завершить коммуникативные на-

мерения, действия оперативного сотрудника не нарушают правил проведения оперативного эксперимента (оперативный эксперимент — это способ получения информации путем воспроизведения негласно контролируемых условий и объектов для установления противоправных намерений лиц, обоснованно подозреваемых в подготовке или совершении тяжких и особо тяжких преступлений [Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»]).

Описанные речевые ходы являются разновидностью волеизъявлений в диалоге и могут быть описаны в экспертном исследовании с помощью следующих формулировок: «выражение согласия принять денежные средства», «побуждение собеседника к вербализации намерения передать денежные средства». Выделение данных приемов речевого воздействия способствует повышению объективности исследования, однако, на наш взгляд, речевая провокация проявляет себя иначе — в репликах, свидетельствующих о проявлении в диалоге коммуникативной инициативы со стороны лица, проводящего следственные действия:

M1: А, командир! Мне тоже, ну ты сам представь, мне за эту пятерку (нрзб.) полмесяца. Ладно летом, там работа, а сейчас зимой сидел бы, сутки работаем, пятихатку с пяти рублей себе заработали. Тоже бяда посиди с такой вот работой. Я все понимаю, и вас тоже понимаю, что у вас работа такая, но что сделаешь-то? У меня умысла, ладно бы я внаглую ехал, и действительно ехал...

M2: Ну, и на что мы определяемся-то?

M1: Ну давай вот пятихатку. Больше у меня нету, серьезно.

M2: Ну смотри. Ну думаешь проще так будет?

M1: Я думаю проще (нрзб.).

M2: Давай попробуем.

Выделенная реплика представляет собой прием возобновления темы, от которой отклоняется страдающий многословием автовладелец. Таким образом сотрудник ДПС, знающий о ходе записи, проявляет коммуникативную инициативу, подталкивает собеседника к осуществлению заявленного намерения — передаче должностному лицу денежных средств.

Следующий диалог также является ярким примером проявления коммуникативной инициативы.

M3: Да хоть... Есть возможность избежать всего этого?

M2: Ну как? Я вот вижу одно — составление материала. А Вы какие ещё видите пути?

M3: Да путей много на самом деле.

M2: Ну каким образом-то, скажите?

M3: Ребята, ну, правда.

M2: Ну, Вы каким образом видите решение данной проблемы, данного нарушения?

M3: То есть нельзя, да, решить?

M2: Ну вот Вы каким образом видите?

...

M2: Ну а Вы видите какие-то другие? Другое решение? Скажите, если видите какое-то другое решение данной... данного правонарушения.

Выделенные высказывания, принадлежащие сотруднику ДПС, нельзя интерпретировать как побуждение к вербализации намерения о передаче денег, ранее высказанного в косвенной форме, поскольку в речи автовладельца отсутствует какая-либо информация о вознаграждении за услугу. Вследствие этого в репликах сотрудника ДПС появляется прагматическая пресуппозиция «у проблемы существуют другие решения», иными словами, сотрудником ДПС осуществляется наведение темы «несоставление административного материала за вознаграждение».

Подобного рода промахи со стороны лиц, осуществляющих оперативный эксперимент, встречаются в том случае, когда нарушитель ведет себя осторожно или нерешительно и либо не выражает намерение о передаче денег прямо, либо не торопится с осуществлением вербализованного намерения. Любые проявления коммуникативной инициативы недопустимы в оперативном эксперименте. Для их фиксации в экспертном исследовании нами используются следующие формулировки:

- проявление коммуникативной инициативы в наведении темы «вознаграждение за услугу»,
- проявление коммуникативной инициативы в возврате к обсуждению темы,
- проявление коммуникативной инициативы в указании на размер суммы, приемлемой для получателя.

Другой нетривиальной задачей при анализе диалогов по антикоррупционным делам является обнаружение маскировки содержания диалога. Данный речевой признак может указывать на умышленный характер преступления, поскольку нежелание его выявления правоохранительными органами не может не отразиться в интеллектуальном и волевом элементе прямого умысла, когда и взяткодатель, и взяткополучатель осознают общественную опасность совершаемых действий и, тем не менее, желают их совершить. В устной разговорной речи формируются специальные приемы маскировки содержания разговора. Коммуникативно значимая информация в таких контекстах представлена в имплицитной форме. При этом в отличие от намеков и приемов языковой игры информация передается таким способом, чтобы ее случайная дешифровка посторонними лицами оказалась невозможной. Таким образом, главной чертой криптолалической речи оказывается большое число наличествующих в ней смысловых лакун [Доронина 2011: 237].

Вместе с тем указанная особенность свойственна и устной разговорной речи в целом [Русская разговорная речь 1973; Культура русской речи 2003]. В частности, появление смысловых лакун может быть обусловлено действием закона речевой экономии, в соответствии с которым общение между людьми осуществляется, согласно общеизвестному утверждению Р. Якобсона, «лишь необходимыми намеками». Поэтому при общности ситуативного контекста (когда говорящий и слушающий хорошо осведомлены о предмете речи) неполные и эллиптические предложения в диалоге являются нормой коммуникации. Ср. пример телефонного диалога между супругами

(конситуативный контекст: муж планировал посетить стоматолога):

Ж1: Ну что, сходил?

М1: Сходил.

Ж1: Ну и че?

М1: Да выдрали.

Использование ползунаменательных слов, в том числе и обсценной лексики (мата), вместо значимых смысловых элементов текста может быть обусловлено речевой небрежностью или низким уровнем речевой культуры. Ср. телефонный диалог школьников:

М1: Эта фигня виснет у меня все время.

М2: Да ты комп перезагрузи попробуй.

Специализированные языковые средства различают речь отдельных социальных групп и представляют собой жаргон (блатной, воровской, молодежный и пр.) или язык малых коммуникативных сообществ (семьи, дворовой компании и пр.). Поэтому использование специальной лексики вместо слов литературного языка может выполнять не только криптолалическую функцию, но и служить средством идентификации социальной группы. Таким образом, наличие криптолалической установки в устном диалоге однозначно устанавливается только при наличии таких речевых средств, которые не могут быть объяснены названными выше причинами. В остальных случаях установление криптолалической функции диалога носит вероятный характер. Как показывают наблюдения, криптолалическая коммуникативная установка реализуется с помощью как минимум трех приемов:

- отказ от обсуждения темы;
- эвфемистическая замена предмета речи;
- элиминация темы.

Отказ от обсуждения темы мы наблюдаем в следующих диалогах:

М1: Ну... Меньше текста, Оль. Меньше текста. Тут все слушается.

или

М2: Ну, ты че по телефону! Мы ж с тобой договорились. Как че позвонишь.

Данная интенция может быть реализована не только в прямой, но и в косвенной форме, маскируясь под другие коммуникативные установки, в частности, под коммуникативную неудачу:

М1: На твою фирму оформлять кредит, да?

М2: Давай мы лучше с тобой увидимся и поговорим. Че по телефону, я ж не пойму про че ты говоришь. Давай я это, увидимся и поговорим.

Прием эвфемистических замен предмета речи наблюдается в следующем отрывке:

М1: А вот это что такое, если не секрет?

Ж1: Ну обзор! Обзор Павел Николаевич.

М1: И сколько здесь? В обзоре?

Ж1: Двенадцать девятьсот.

...

Ж1: Платит Москва, пусть она платит, жить нам сыто и довольно.

М1: Ну почему Вы считаете, что должны все платить? Я работаю и получаю зарплату за это.

Об эвфемистическом употреблении слова «обзор» свидетельствует семантически аномальное сочетание «сколько в обзоре», «в обзоре двенадцать девятьсот», «обзор платит Москва (за

выполнение трудовых обязанностей)». Семантическая аномалия не влечет за собой корректировки формы высказывания (не является ошибкой, оговоркой), следовательно, она используется для специальных целей. Установление контекстуального окказионального значения слова «обзор» осуществляется методом подстановки маскируемого слова в диалог, обладающий цельностью и однозначно отражающий речевую ситуацию.

Прием элиминации темы заключается в последовательном исключении из речевой партитуры слов и выражений, указывающих на предмет речи. Замена маскируемых значимых элементов текста осуществляется разными средствами:

– при помощи дейктических элементов;

M1: Доедь заберу, (вновь) опять что у тебя было: и то, и то.

– при помощи полузнаменательного слова, выражающего эмоциональную оценку объекта, но не называющего его. Нередко в устной разговорной речи в данной функции выступают обсценные лексемы или вульгаризмы;

Ж1: Вот блин... Ни фига, с этой гадостью мотыляться по городу!

– при помощи эвфемистических замен;

M2: Что, ты в городе?

M1: Нет, ну я... (пауза) ... в городе, но в чужом.

M2: Ну я понял.

M1: Я тут по официалу двигаюсь (смех).

M2: А-а, ну все тогда. Как будешь в тени — так набирай (смех);

– при помощи эллиптических синтаксических конструкций.

Ж1: Я забрала, лежат.....

Как правило, в диалогах, отражающих криптолалическую интенцию, используется несколько элиминирующих приемов, последовательно устранивающих из структуры диалога лексические репрезентанты темы речи.

M2: А, ну понял. Серый, а по поводу этого, который мы второй вопрос интересовались?

M1: Говорит не это, не его.

M2: Не то, да?

M1: Не-а.

M1: Слушай че. А вот там какая цифра должна быть?

M2: Цифра? Три с половиной.

M1: Чего? Или ты про какую цифру говоришь?

M2: Про второй вариант.

M1: Про второй вариант? Там еще он сам не определился. Вот так вот.

M2: Ну понял, а то может там на запчасти че-нибудь?

M1: Ну это не то, о чем мы говорили.

M2: А, вообще не то, да?

В данном контексте средствами элиминации служат эллипсис (*не его*), обилие местоимений и местоименных наречий, эвфемизмы (*цифра, второй вариант*). Даже когда косвенное информирование провоцирует непонимание («*Или ты про какую цифру говоришь?*»), участники диалога все равно предпочитают выражаться намеками. Таким образом, тема текста (а речь в диалоге идет об оплате должностному лицу его деятельности по сокрытию реализации угнанных автомо-

билей) в рамках отдельного диалога вне взаимодействия с корпусом диалогов, принадлежащих данным дикторам, практически не просматривается. Единственный маркер темы — выражение «*на запчасти*» — является «коммуникативным недочетом», допущенным говорящим в результате ослабленного контроля за речью. Как можно видеть, наличие в тексте смысловых лакун еще не дает повод говорить об использовании приема маскировки содержания. Криптолалию необходимо отличать от диалогов устной разговорной речи, содержащих конситуативные высказывания. В рассмотренном примере замена узуальных способов передачи информации неузуальными осуществляется в нарушение коммуникативных постулатов ясности и релевантности. Полагаем, что только такие случаи могут однозначно свидетельствовать о наличии криптолалической интенции.

В целях элиминации темы нередко используются распространенные описательные конструкции, нарушающие принцип языковой экономии.

M1: Там фижня случилась... Помнишь, был (пауза) «Яичко»...

M2: Угу.

M1: ... и «Кузя» деревянный?

M2: Угу.

M1: Мы их отдали.

M2: А отдали какие, чьи: наши или оттуда?

M1: Я думаю, отняли, наверно, тот, кто в октябре... около праздников... Понимаешь?

M2: Тот, кто что?

M1: Тот, у кого в октябре праздник... и ходит в серой форме.

M2: Угу. (пауза) Не врублюсь.

M1: Не врубишься? Объясню: мы их отдавали человеку, ездили люди. Помнишь? Сразу две гнали.

M2: Ну.

M1: Ну. Их отдали человеку тому, которого мы не знаем.

M2: Ну.

M1: У которого там автосалон образовался.

M2: Это наш человек, или это его был человек?

M1: Это его был человек.

M2: Это его человек. Все, я понял.

Пространные эвфемистические замены, используемые вместо отдельных знаменательных лексем, ведут к коммуникативному сбою, о чем свидетельствуют многочисленные вопросы, требующие повторной формулировки тезиса. Объем речевых лакун явно превышающий конситуативно обусловленную недостаточность спонтанного устного диалога, дает основания полагать, что все перечисленные речевые приемы не могут быть реализованы без установления предварительной договоренности с собеседником об особом способе коммуникативного взаимодействия. В этом случае маскировка содержательных элементов диалога служит, пожалуй, главным средством распознавания темы. Использование для выражения значения неузуальных языковых средств сигнализирует собеседнику: «я сейчас говорю о том, что мы с тобой договорились скрывать». Следовательно, успешность коммуникации

такого рода сама по себе является ярким признаком наличия специальной установки на маскировку предмета речи.

Таким образом, применение комплекса семантических и прагматических приемов дискурсивного анализа позволяет уточнить признаки разговорного диалога, значимые для правовой квалификации речевых преступлений. В частности, среди различных способов речевого воздействия оказывается возможным выделение приемов речевой провокации, а среди высказываний с имплицитным смыслом — приемов, нацеленных на маскировку их содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доронина С. В. Конфронтационный текст в правовом пространстве // Текст в коммуникативном пространстве со-

временной России : моногр. — Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2011. С. 233—241.

2. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. — Волгоград : Перемена, 2000. С. 5—20.

3. Культура русской речи : энцикл. слов.-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. — М. : Флинта : Наука, 2003.

4. Гетманова А. Д. Логика. — М. : Добросвет : Книжный дом Университет, 1998.

5. Лисоченко Л. В. Высказывания с имплицитной семантикой. — Ростов н/Д : Изд-во Ростовского ун-та, 1992.

6. Падучева Е. В. Статьи разных лет. — М. : Языки славянских культур, 2009.

7. Русская разговорная речь / под. ред. Е. А. Земской. — М. : Наука, 1973.

S. V. Doronina

Barnaul, Russia

«LET'S AGREE, COMMANDER!»: THE METHODS OF DISCOURSE ANALYSIS IN THE LINGUISTIC EXAMINATION OF CORRUPTION SPEECH CRIMES

ABSTRACT. *This paper discusses the method of texts analysis on anticorruption criminal cases. The main objective of the linguistic forensic examination of anti-corruption cases is to establish the event in his speech display. This linguist must prove that the dialogue in question transfer of money there is a connection between the transmission and provision of counter services, and establish the nature of services rendered for the money. This information may be used by the investigator to identify the text indicating that the presence of an object (the object of the crime), the objective side (socially dangerous act, time, place, situation, method), subject, subjective side (the intent, purpose, motive). To solve the most complex of these issues are suitable methods of discourse analysis. Application of discourse semantic and pragmatic methods allows to specify the attributes of spoken dialogue, essential for the legal qualification of speech crimes. In particular, among the various ways of speech influence it is possible to select the methods of the provocation speech, and among the utterances with implicit meaning — techniques aimed at masking their contents. For example, a provocation carried out when the official register of unofficial dialogue is replaced when the message about the consequences of any unlawful acts replaced by a proposal / request for derogation from the given institutional rules for a fee.*

KEYWORDS: *linguistic expertise; semantic analysis of discourse; Pragmatic analysis of discourse; verbal provocation; masking the conversation.*

ABOUT THE AUTHOR: *Doronina Svetlana Valerievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of general and applied linguistics, literature and the Russian language, Altai State University (Barnaul, Russia).*

REFERENCES

1. Doronina S. V. Konfrontatsionnyy tekst v pravovom prostranstve // Tekst v kommunikativnom prostranstve sovremennoy Rossii : monogr. — Barnaul : Izd-vo Altayskogo un-ta, 2011. S. 233—241.

2. Karasik V. I. O tipakh diskursa // Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs : sb. nauch. tr. — Volgograd : Peremena, 2000. S. 5—20.

3. Kul'tura russkoy rechi : entsikl. slov.-spravochnik / pod red. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryayeva i dr. — M. : Flinta : Nauka, 2003.

4. Getmanova A. D. Logika. — M. : Dobrosvet : Knizhnyy dom Universitet, 1998.

5. Lisochenko L. V. Vyskazyvaniya s implitsitnoy semantikoy. — Ros-tov n/D : Izd-vo Rostovskogo un-ta, 1992.

6. Paducheva E. V. Stat'i raznykh let. — M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009.

7. Russkaya razgovornaya rech' / pod. red. E. A. Zemskoy. — M. : Nauka, 1973.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. В. Чернышова.

РАЗДЕЛ 5. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.1111'272:811.111'42:34
ББК ШП43.21-51+Х0

ГСНТИ 16.31.61

Код ВАК 10.02.04; 10.02.21

С. В. Власенко
Москва, Россия

ПРАВОВАЯ ЛИНГВИСТИКА В США: НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПИТЕРА М. ТИЕРСМЫ

АННОТАЦИЯ. В статье описан научный вклад в развитие правовой лингвистики крупнейшего юрлингвиста США П. М. Тиерсмы (1952—2014); перечислены его наиболее значимые публикации, охарактеризованы подходы к изучению истории и становления английского юридического языка и текстов, а также к проблематике взаимодействия языка и права, которая стала основным объектом его многочисленных исследований и научных публикаций. Научное наследие П. М. Тиерсмы, среди прочего, охватывает такие сферы, как лингвистическая (судебная) экспертиза, правовая текстология, судебный дискурс и правовая коммуникация, правовая лексикография и терминология и т. д., которые занимали внимание ученого в разные периоды его академической карьеры. Статья предваряет воспоминания Лоренса М. Солана о П. М. Тиерсме, вклад которого в исследования правовой лингвистики, учитывая международный масштаб цитирования работ ученого, трудно переоценить. Непреходящая актуальность исследований ученого подтверждается ссылками на работы юрлингвистов разных стран.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: взаимодействие языка и права, дискурсивные практики, междисциплинарные исследования, правовая лексикография, правовая лингвистика, лингвистическая (судебная) экспертиза, судебный дискурс, юридический перевод, юридический язык, юрлингвистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Власенко Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры международного публичного и частного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» при Правительстве РФ (НИУ ВШЭ, Москва); адрес: 123022, Москва, Большой Трехсвятительский пер., 3; e-mail: svlasenko@hse.ru.

Уже больше года в рядах правовых лингвистов США не досчитываются одного из наиболее ярких и заслуженно признанных представителей этого направления. Однако не только американские правовые лингвисты понесли утрату: научный вклад П. М. Тиерсмы позволяет говорить о потере исследователя междисциплинарного направления, прикладного лингвиста, лексикографа, сравнительного юрлингвиста и правоведа — ученого мирового масштаба.

Питер М. Тиерсма (Pieter M. Tiersma, 1952—2014) — американский лингвист и юрист голландского происхождения, автор большого числа научных работ, включая две монографии и грамматику фризского языка, соавтор и соредатор энциклопедий по правовой лингвистике (существует не менее двух написаний фамилии ученого в русскоязычной научной литературе — Тирсма и Тиерсма. По просьбе Л. М. Солана будем придерживаться второго варианта; подробный список публикаций П. М. Тиерсмы см. на веб-странице Лойольской школы права: <http://www.lis.edu/media/loyolalawschool/facultyandadmin/facultycv/Tiersma%20CV.pdf>). Примечательно, что лингвист по базовому образованию, выпускник Стэнфордского университета и обладатель ученой степени по лингвистике (Ph.D.), П. М. Тиерсма сделал не только успешную карьеру практикующего юриста, занимаясь преимущественно судебной практикой (среди прочего, состоял членом консультативного совета по разработке предписаний при Судебном комитете штата Калифорния, США), но также правоведа и преподавателя права, проработав почти четверть века в Лойольской школе права (Loyola Law School) при Университете Лойола Мэримаунт в Лос-Анджелесе, где читал курсы международного и сравнительного права, право-

ведения (подробнее о жизненном пути ученого см.: www.tiersma.com).

На фоне интенсивной исследовательской деятельности в сложных и фактически пионерских областях прикладной лингвистики, П. М. Тиерсма вел большую организаторскую деятельность. В частности, он — инициатор, организатор и президент Международной ассоциации языка и права (The International Language and Law Association), президент Международной ассоциации юрлингвистов (International Association of Forensic Linguists), координатор и медиатор многочисленных конференций, семинаров, круглых столов по проблематике взаимодействия языка и права, соотношению лингвистической и правоведаческой составляющей в решении реальных проблем развития законодательства и отправления правосудия.

Учитывая многогранность научных интересов П. М. Тиерсмы, широту охвата им междисциплинарной проблематики по взаимодействию лингвистических и юридических аспектов судебного дискурса, полагаем возможным использовать понятие правовой лингвистики, говоря о деятельности ученого. И хотя название «правовая лингвистика» не всегда прямо указано в названиях работ ученого, оно имплицитно подразумевается, обозначая научное направление, которое рельефно выступило в последние несколько десятилетий, ознаменовав появление сложной междисциплинарной научно-исследовательской области, в равной мере значимой и для лингвистики, и для юриспруденции.

Американская правовая лингвистика развивалась быстрыми темпами, о чем свидетельствует внушительный объем публикаций по тематике взаимодействия языка и права (см., среди про-

Материал подготовлен в ходе проведения в 2015 г. исследования по проекту 15-05-0015 в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“» (НИУ ВШЭ) с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

чих, следующие: [Ainsworth 1993, 2006; Atkinson, Drew 1979; Bix 1996; Mellinkoff 1963, 1982; Schane 2008; Shuy 1993, 1998, 2006; Solan 1993, 2006; Wydick 1978]). В этой связи вполне правомерно говорить о наличии в США сильной юрлингвистической традиции, представители которой выступали преимущественно в качестве экспертов в судах, все более осознавая растущую необходимость использования лингвистического инструментария в сфере правоприменения. Таким образом, П. М. Тиерсма был членом большого научного сообщества, служившего благоприятной средой для изучения, анализа и описания языковых фактов в широком юридическом контексте.

П. Т. Тиерсма использовал самый разнообразный лингвистический инструментарий для анализа юридического языка и речи, текстов и дискурса, работая с разными языковыми единицами: как на уровне слова, термина, так и на уровне целого текста (завещание, договор) и жанра (инструкции для суда присяжных), а также на уровне дискурса (судебный дискурс). Так, анализируя доступность речи американских судей для широкой публики, ученый применял категориальный аппарат разных парадигм: социолингвистики и психолингвистики, лингвистической прагматики, теории речевых актов (перформативы Серля) и т. д.

Правовая лингвистика, лингвистическая (судебная) экспертиза и юрлингвистика — одна или три области прикладной лингвистики?

Правовая лингвистика представляется родовым понятием по отношению к близкородственным понятиям «юридическая лингвистика», или «юрлингвистика», «судебная лингвистика», или «лингвистическая экспертиза» (укажем, что А. Н. Баранов придерживается мнения об автономии лингвистической экспертизы как самостоятельного направления прикладной лингвистики [Баранов 2007: 10—19]). Непосредственно коррелируя с понятием правового дискурса, включающего судебный, законодательный, конституционный и другие виды дискурсивных практик, правовая лингвистика стала постепенно формироваться в самостоятельный раздел прикладной лингвистической науки. Однако правовая лингвистика — это не только прикладное направление в лингвистике, но и направление, в рамках которого изучается прежде всего отраслевой язык — язык права, что позволяет говорить о терминоведении как о включенной дисциплине.

Укажем, что для названия дисциплины в английском языке используются разные терминологические сочетания: *forensic linguistics*, *legal linguistics*, *legilinguistics*, а также *jurilinguistics*. При этом трактовка дисциплины и ее охват не совпадают, поскольку ученые представляют разные национальные научные школы. Это дополнительно указывает на активный процесс развития данных направлений прикладной лингвистики, границы которых могут замыкаться судебными дискурсивными практиками, лингвистическим установлением аутентичности даваемых свидетелями показаний, диалогами присяжных заседателей с членами суда и т. п. (см., к примеру: [Coulthard,

Johnson 2007]) либо выходить далеко за пределы судопроизводства, включая законодательную, международно-правовую и другие дискурсивные практики (см., к примеру: [Galdia 2009]). В первом случае, видимо, более применимы названия *forensic linguistic* или *linguistic expertise* (о дифференциации судебной и правовой лингвистики в Германии см.: [Баранов 2007: 10—11]), а во втором — *legal linguistics*, *legilinguistics* или *jurilinguistics*, хотя в обоих случаях вопрос остается открытым и контекстно связанным. Можно констатировать, что таксономически вопрос о соотношении названных дисциплин не решен, а если и решен, то на уровне отдельных исследовательских школ и направлений (см. коллективные монографии, в которых правовая лингвистика представлена как комплексная область исследований, например: [Coulthard, Johnson 2010; Gibbons, Turell 2008]), а также работ, в которых выделен язык, используемый в системе правосудия (*language in the justice system*) [Gibbons 2003].

Юридический английский язык в синхронном и диахронном аспектах

«Язык права» (*Legal Language*, 1999) — первая монография П. М. Тиерсмы, содержащая системное исследование юридического английского, в котором описаны его формирование, развитие и структура. Эта работа явилась заметным событием в правовой лингвистике после выхода более трех десятилетий назад знаковой книги Д. Меллинкоффа «Язык права» (*The Language of the Law*, 1963). Продолжив путь именитого соотечественника, П. М. Тиерсма укрепил традицию исследования юридического языка, обслуживающего правовую коммуникацию на протяжении многих веков, при этом охват языковых фактов был расширен почти на четыре десятилетия. Увлечение ученого историей юридического английского языка позволило ему выявить много интересных диахронических связей, проследив их до современного речевого употребления англоговорящими юристами [Tiersma 2012].

Вторая монография П. М. Тиерсмы «Пергамент, бумага, пиксели: право и технологии коммуникации» (*Parchment, Paper, Pixels: Law and the Technologies of Communication*, 2010) отражает сложные вопросы эволюции права как общественного института на фоне трех технологических революций, неизбежно повлиявших на развитие правового знания и, вследствие этого, правового сознания и юридического языка представителей нескольких эпох. Книга описывает состояние правовой эпистемы, начиная с развития письменности и заканчивая прогнозами в отношении языковых форм и текстовых форматов юридических документов будущего, которые будут порождаться на фоне таких уже рутинно воспринимаемых реалий, как массовое производство идентичных авторских копий, «умные» редакторские программы на каждом персональном компьютере, и других информационно-технологических средств.

Германские языки — западный вариант фризского языка

Лингвистическое дарование и фундаментальное лингвистическое образование позволили

П. М. Тиерсме описать родной — фризский — язык в «Грамматике фризского языка» [*Frisian Reference Grammar*, 1999], которая выдержала два прижизненных издания (1985 г. и 1999 г.). Учебник охватывает не только собственно лингвистическую специфику этого германского языка в традиционных координатах: фонетика, фонология, орфография, морфология, лексика и синтаксис, но также содержит исторический и географический экскурс в становление западного фризского варианта (*West Frisian*), отражая его современный социолингвистический статус. Ученым двигало стремление содействовать сохранению родного языка, носители которого немногочисленны.

Правовая текстология

Важным вкладом П. М. Тиерсмы в развитие текстологии и в особенности правовой текстологии как междисциплинарной области исследования является формулировка понятия «правовой текст». Ученый предложил понимать правовой текст как «авторитетный текст», исходя из того, что правовые тексты «устанавливают, изменяют или прекращают юридически значимые отношения» [Tiersma 2001: 72; Tiersma 2010] (здесь и далее по тексту перевод наш. — С. В.; терминологическое предпочтение русскоязычных юристов — «правовые отношения» или «правоотношения»). Особая ценность проведенных П. М. Тиерсмой исследований правовых текстов заключается в аргументированном описании юридического текста как «текстуализированного права» [Tiersma 2001] и доказанной необходимости синтетического подхода к текстам для анализа юридического знания и механизмов его объективизации [Tiersma 2006b].

За ученым последовали юрислингвисты многих стран, предложившие определение жанра в контексте юриспруденции [Coulthard, Johnson 2007; Gotti 2012] и жанровых подходов к разным юридическим документам, таким, например, как патент [см.: Pellón 2010]. Изучая жанровое разнообразие правовых текстов, юрислингвисты предлагают определять жанр или поджанр того или иного юридического текста в зависимости от понятийных аспектов основополагающих понятий и (или) институтов права (см., например, о терминологической номинации понятия «особое мнение судьи» в судебной практике США [Крапивкина 2011]).

Не менее важны исследования методов установления аутентичности, авторства, и выявления фактов плагиата, которые отвечают изначальному замыслу текстологии как научной дисциплины. Подобные исследования в контексте современного правоприменения, осуществляемого при наличии общедоступных текстовых редакторов, проводятся в разных странах мира (см., напр.: [Sousa-Silva 2013]).

Судебный дискурс и правовая коммуникация

Правовая коммуникация — объект особого исследовательского интереса П. М. Тиерсмы, в котором наибольшее значение он придавал судебному дискурсу. Об этом свидетельствуют работы «Судья в качестве лингвиста» (*The Judge as Linguist*), «Совершенствование языка инструкций для присяжных» (*Reforming the Language of Jury*

Instructions) и «Общение с судом присяжных: как составлять понятные инструкции для присяжных заседателей» (*Communicating with Juries: How to Draft More Understandable Jury Instructions*) (см. соответственно: [Tiersma 1993a, 1993b, 2006a]). В этой связи небезыntenно указать, что последняя из названных работ всего за один год была распространена тиражом свыше трех тысяч экземпляров среди судейского корпуса и коллегий присяжных по всей территории США.

В последние годы судебный дискурс активно изучается как в разных лингвистических аспектах — от языковых средств выражения условности до паралингвистических явлений «паузации» в допросах свидетелей, — так и в самых разных юридических контекстах: от приговора присяжных по гражданским делам до приговоров международного коммерческого арбитража (среди прочих работ см.: [Wagner, Cheng 2012; Williams, Tessuto 2013]). При этом подчеркнем, что судебный дискурс продолжает вызывать повышенный интерес юрислингвистов, становится все более детально изученным объектом исследований не только самих лингвистов и правоведов [Юрислингвистика-11 2011; Bhatia et al. 2012; Gotti, Williams 2010], но и собственно судей [Пашин 2008], психолингвистов [Белянин 2011] и других представителей гуманитарного знания в разных странах.

Правовая лексикография и терминография

Наличие толковых словарей по юриспруденции — еще одно доказательство сильной юрислингвистической традиции в США (см. среди прочих: [Garner 1987; Gifis 2003]). П. М. Тиерсма успел выступить и в качестве лексикографа. Так, он принимал участие в работе редколлегии наиболее авторитетного в англоязычном мире энциклопедического юридического словаря «*Black's Law Dictionary*» (8th ed., 2004) [Garner 2004]. Учитывая, что данный словарь признается Верховным судом США в качестве вторичного источника права, участие в его научном редактировании — лучшее свидетельство междисциплинарной компетентности ученого.

Работы П. М. Тиерсмы способствовали расширению методологических подходов к изучению истории и теории правовой науки во взаимосвязи со становлением и развитием языка специальности и разных видов правового дискурса через призму лингвистики. Не удивительно, что в мировом сообществе правовых лингвистов наблюдается растущий интерес к моноязычным, двуязычным и многоязычным юридическим словарям, исследованию структуры словарных статей и качества приводимых дефиниций (см., например: [Aodha 2014; Cacchiani, Preite 2010; Mattila 2012; Ramos 2014]).

Юридический перевод

Знаменательно, что П. М. Тиерсма, непосредственно не занимавшемся переводоведением, принадлежат слова о важности юридического перевода в современную эпоху. В частности, в предисловии к «Оксфордской энциклопедии языка и права» (*Oxford Handbook on Language and Law*, 2012) он утверждает, что «одним из последствий глобализации для права является

растущая потребность перевода с одного юридического языка на другой» [Tiersma 2012: 25].

Озвучив очевидный факт, ученый подчеркнул востребованность и важность юридического перевода, продиктованные самим временем. Подтверждением прозорливости видения П. М. Тиерсмы служит растущее количество публикаций о специфике юридического перевода в самых разных языковых парах, которые описывают представители разных переводческих школ (см. среди прочих: [Biel, Engberg 2013; Cheng et al. 2014; Isolahti 2014; Šarčević 2012]).

Междисциплинарность как фактор научного мышления П. Т. Тиерсмы

Исключительность фигуры П. М. Тиерсмы в правоведении и в особенности философии и истории права как в областях, на которые наиболее заметно проецируется развитие юридического языка и юридических текстов, следует оценивать философам, историкам и правоведам. Для лингвистов значимо, что на примере языка права и правовых текстов П. М. Тиерсма доказательно проиллюстрировал корреляцию юридического термина как знака и юридического текста как макрознака с правовым сознанием, правовой культурой и правовой традицией. Наряду с этим, разнообразный лингвистический инструментарий послужил базой для анализа эволюции институтов права в разные эпохи их существования, при этом ключевым показателем оказалась динамика языковых форм и текстовых форматов, посредством которых объективируется сложное правовое знание. Особое значение имеют выводы ученого, касающиеся текстуализации судебного прецедента и онтологической природы правовых текстов, фактически участвующих в формировании правовых отношений.

Одним из свидетельств международного признания ученого является посвященная его памяти коллективная монография «Рассуждения о языке и праве: беседы о деятельности Питера Тиерсмы» (*Speaking of Language and Law: Conversations on the Work of Peter Tiersma, 2015*), где содержатся как фрагменты работ ученого, так и комментарии к ним ведущих зарубежных юрилингвистов [Solan et al. 2015]. Собранный в память об ученом том знаменателен именно тем, что показывает большой спектр возможных положений тех положений, которые развил П. М. Тиерсма в своих исследованиях, а также в коллективных проектах, масштабно и детально описывающих проблемы правовой лингвистики.

Научное наследие П. М. Тиерсмы, охватывающее значительно больший тематический спектр, чем удалось освятить в рамках данного очерка, производит большое впечатление темпоральной панорамностью, предметно-тематическим разнообразием и детальностью проработки и заслуживает самого пристального внимания. Нет сомнений, что гуманитарии разных направлений — прикладные лингвисты, специалисты в областях лингвистической прагматики, правовой текстологии, терминоведения и терминографии, герменевтики, социолингвистики, функциональной грамматики и функциональной стилистики — продолжат исследования проблем, которые вы-

явил самобытный ученый в английском юридическом языке и юридических текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. — М.: Флинта : Наука, 2007.
2. Белянин В. П. Судебная психоллингвистика // Психоллингвистика. 2-е изд. / В. П. Белянин. — М.: Флинта, 2011. С. 287—356.
3. Глинская Н. П. Язык и право: панорамный взгляд на современное состояние междисциплинарного взаимодействия // Вестн. ВГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2012. № 2. С. 218—220. — Рец. на кн.: The Oxford Handbook of Language and Law / ed. by Peter M. Tiersma and Lawrence M. Solan. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2012.
4. Крапивкина О. А. Особое мнение судьи в жанровом пространстве судебного дискурса // Юрислингвистика-11 : Право как дискурс, текст и слово : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. Н. Д. Голева и К. И. Брилева. — Кемерово : Изд-во Кемеров. гос. ун-та, 2011. С. 145—151.
5. Пашин С. А. Психология судебных прений // Юридическая психология. 2008. № 1. С. 15—18.
6. Юрислингвистика-11 : Право как дискурс, текст и слово : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. — Барнаул ; Кемерово : Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2011.
7. Ainsworth J. E. Interpreting Sacred Texts: Preliminary Reflections on Constitutional Discourse in China // Hastings Law Journal. 1992. № 43. P. 273—300. URL: <http://digitalcommons.law.seattleu.edu/faculty/377> (date of access: 21.02.2015).
8. Ainsworth J. E. In a Different Register: The Pragmatics of Powerlessness in Police Interrogation // Yale Law Journ. 1993. Vol. 103. P. 259—266.
9. Ainsworth J. E. Linguistics as a Knowledge Domain in the Law // Drake Law Review. 2006. Vol. 54. P. 651—666.
10. Aodha M. M. Legal Lexicography. A Comparative Perspective / Council of the European Union. — Farnham, UK : Ashgate Publishing Group Ltd., 2014.
11. Atkinson J. M., Drew P. Order in Court: the Organisation of Verbal Interaction in Judicial Settings. — Guilford, London, Worcester : Billing & Sons Lim., 1979.
12. Bhatia V. K., Candlin C. N., Gotti M. Discourse and Practice in International Commercial Arbitration: Issues, Challenges and Prospects. — Farnham, UK : Ashgate Publ. Ltd., 2012.
13. Biel L., Engberg J. Research Models and Methods in Legal Translation // Linguistica Antverpiensia, New Series. — Themes in Translation Studies. 2013. No. 12. URL: <https://lans-tts.uantwerpen.be/index.php/LANS-TTS/issue> (date of access: 11.05.2015).
14. Bix B. H. Law, Language, and Legal Determinacy. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 1996.
15. Cacchiani S., Preite C. Law Dictionaries Across Languages: Different Structures, Different Relations between Communities of Practice? // Gotti, Maurizio, Williams C. Legal Discourse Across Languages and Cultures. — Frankfurt am Main, Berlin : Peter Lang, 2010. P. 131—154.
16. Cheng L., Sin K. K., Wagner A. The Ashgate Handbook of Legal Translation. — Farnham, UK : Aldershot — Ashgate Publ. Group Ltd., 2014.
17. Coulthard M., Johnson A. An Introduction to Forensic Linguistics: Language in Evidence. — London ; New York : Routledge, 2007.
18. Coulthard M., Johnson A. (eds.). The Routledge Handbook of Forensic Linguistics. — London ; New York : Routledge, 2010.
19. Galdia M. Legal Linguistics. — Frankfurt am Main, Berlin : Peter Lang, 2009.
20. Garner B. A. A Dictionary of Modern Legal Usage. — New York, Oxford : Oxford Univ. Pr., 1987.
21. Garner B. A. (ed.). Black's Law Dictionary. 8-th ed. — St. Paul : Thomson West, 2004.
22. Gibbons J. Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System. — London ; New York : John Wiley and Sons Ltd., 2003.
23. Gibbons J., Turell M. T. (eds.). Dimensions of Forensic Linguistics. — London ; New York : John Benjamins Publ. Comp., 2008.

24. Gifis S. H. Law Dictionary. 5th ed. — New York : Barron's Legal Guides Inc., 2003.
25. Gotti M. Text and Genre // The Oxford Handbook of Language and Law / P. M. Tiersma, L. M. Solan (eds.). — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2012. P. 52—66.
26. Gotti M., Williams C. (eds). Legal Discourse Across Languages and Cultures. — Frankfurt am Main ; Berlin : Peter Lang, 2010.
27. Isoaho N. Tulkkauksen tarkkuus rikosoikeudenkäynnissä — saavuttamaton ihanne = Accuracy of Interpreting in Criminal Trials: An Unachievable Ideal : doctoral dissertation / Tampere Univ., School of Language, Translation and Literary Studies. — Tampere Univ. Pr., 2014.
28. Mattila H. E. S. Legal Vocabulary // The Oxford Handbook of Language and Law / P. M. Tiersma, L. M. Solan (eds.). — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2012. P. 27—38.
29. Mattila H. E. S. Comparative Legal Linguistics : Language of Law, Latin and Modern Lingua Francas. 2-nd ed. — Farnham, UK : Aldershot — Ashgate Publ. Group Ltd., 2013.
30. Mellinkoff D. The Language of the Law. — Boston, Toronto : Little, Brown and Company, 1963.
31. Mellinkoff D. Legal Writing: Sense and Nonsense. — New York : Scribner, 1982.
32. Ramos F. P. Parameters for Problem-Solving in Legal Translation: Implications for Legal Lexicography and Institutional Terminology Management // The Ashgate Handbook of Legal Translation / L. Cheng, K. K. Sin, A. Wagner (eds.). — Farnham, UK : Aldershot — Ashgate Publishing Group Ltd., 2014. P. 121—134.
33. Pellón I. A. How Does a Patent Move? Genre Analysis Has Something to Say about It // Legal Discourse Across Languages and Cultures / M. Gotti, C. Williams (eds.). — Frankfurt am Main : Peter Lang, 2010. P. 313—334.
34. Šarčević S. New Approach to Legal Translation. — The Hague : Kluwer Law International, 2000.
35. Šarčević S. Challenges to the Legal Translators // The Oxford Handbook of Language and Law / P. M. Tiersma, L. M. Solan (eds.). — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2012. P. 187—199.
36. Schane S. Language and the Law. — London, New York : Continuum, 2006.
37. Shuy R. W. Language Crimes: The Use and Abuse of Language Evidence in the Courtroom. — Cambridge, Mass. : Blackwell Publ., 1993.
38. Shuy R. W. The Language of Confession, Interrogation and Deception. — Thousand Oaks, CA : Sage, 1998.
39. Shuy R. W. Linguistics in the Courtroom: A Practical Guide. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2006.
40. Solan L. M. The Language of Judges. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1993.
41. Solan L. M. Definitions/Rules in Legal Language // Encyclopedia of Language and Linguistics. — London ; Amsterdam : Elsevier, 2006. P. 403—409.
42. Solan L. M. Linguistic Issues in Statutory Interpretation // Brooklyn Law School Legal Studies : Research Paper. No. 254. URL: <http://ssrn.com/abstract=1950310> (date of access: 22.01.2015).
43. Solan L. M., Ainsworth J., Shuy R. W. Speaking of Language and Law: Conversations on the Work of Peter Tiersma. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2015.
44. Sousa-Silva R. Investigating Plagiarism: A Forensic Linguistics Approach to Plagiarism Detection // Plagiarism Across Europe and Beyond : International Conference Proceedings. — Brno : Mendel Univ., 2013. URL: http://linguisticaforense.pt/downloads/Sousa-Silva_P047-PDF.pdf (date of access: 22.01.2015).
45. Tiersma P. M. The Judge as Linguist // Loyola of Los Angeles Law Review. 1993a. Vol. 27. P. 269—283.
46. Tiersma P. M. Reforming the Language of Jury Instructions // Hofstra Law Review. 1993b. Vol. 22. No. 1. P. 37—78.
47. Tiersma P. M. Frisian Reference Grammar. 2nd ed. — Ljouwert : Fryske Akademy, 1999.
48. Tiersma P. M. Legal Language. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1999.
49. Tiersma P. M. Textualizing the Law // International Journ. of Speech, Language and the Law. 2001. Vol. 8. No. 2. P. 73—92.
50. Tiersma P. M. Communicating with Juries: How to Draft More Understandable Jury Instructions. — Williamsburg, VA : National Center for State Courts, 2006a.
51. Tiersma P. M. The Textualization of Precedent // Notre Dame Law Review. 2006b. Vol. 82. Iss. 3. P. 1186—1278. URL: <http://scholarship.law.nd.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1304&context=ndlr> (date of access: 21.04.2015).
52. Tiersma P. M. Parchment, Paper, Pixels: Law and the Technologies of Communication. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 2010.
53. Tiersma P. M. A history of the Language of Law // The Oxford Handbook of Language and Law / P. M. Tiersma, L. M. Solan (eds.). — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2012. P. 13—26.
54. Tiersma P. M., Solan L. M. (eds.). The Oxford Handbook of Language and Law. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2012.
55. Wagner A., Cheng L. (eds.). Exploring Courtroom Discourse: The Language of Power and Control. — Farnham, UK : Ashgate Publ. Ltd., 2011.
56. Williams C., Tessuto G. (eds.). Language in the Negotiation of Justice: Contexts, Issues and Applications. — Farnham, UK : Ashgate Publ. Ltd., 2013.
57. Wydick R. C. Plain English for Lawyers // California Law Review. 1978. Vol. 66, Iss. 4. P. 726—765.

S. V. Vlasenko
Moscow, Russia

THE US LEGAL LINGUISTICS: PETER M. TIERSMA'S SCHOLARLY LEGACY

ABSTRACT. *The paper features the scholarly legacy of a prolific American legal linguist, Peter M. Tiersma (1952—2014) whose contribution to the development of this discipline is significant and highlights his scholarly works, stances on the history and formation of the English legal language and texts, as well as the interaction between language and the law — his primary research challenge elaborated on across his multiple research papers. Tiersma's significant legacy covers, inter alia, such research fields as linguistic expert analysis, legal textology, courtroom discourse and legal communication, legal lexicography and terminography, to name but a few, which were merited by the scholar's attention at different periods of his academic career. The article introduces Lawrence Solan's remembrances of the late scholar whose contribution into exploring legal linguistics and discourse, given the international outreach and worldwide citation of the scholar's works, cannot be overestimated. The ongoing topicality of Tiersma's research areas is exemplified by references to works by forensic linguists from various countries.*

KEYWORDS: *courtroom discourse, discursive practices, forensic linguistics, interdisciplinary research, language and law interaction, legal language, legal lexicography, legal linguistics, legal translation, linguistic expert analysis.*

ABOUT THE AUTHOR: *Vlasenko Svetlana Viktorovna, Ph.D. in Linguistics, Associate Professor, Public and Private International Law Department, Faculty of Law, National Research University — Higher School of Economics (NRU HSE), Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Baranov A. N. Lingvističeskaja ekspertiza teksta. Teoretičeskije osnovanija i praktika. — M. : Flinta : Nauka, 2007.
2. Beljanin V. P. Sudebnaja psiholingvistika // Psiholingvistika. 2-e izd. / V. P. Beljanin. — M. : Flinta, 2011. S. 287—356.
3. Glinskaja N. P. Jazyk i pravo: panoramnyj vzgljad na sovremennoje sostojanije meždisciplinarnogo vzaimodejstvija // Vestn. VGU. Ser. «Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija». 2012. № 2. S. 218—220. — Rec. na kn.: The Oxford Handbook of Language and Law / ed. by Peter M. Tiersma and Lawrence M. Solan. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2012.
4. Krapivkina O. A. Osoboe mnenije sud'i v žanrovom prostranstve sudebnogo diskursa // Yurislingvistika-11 : Pravo kak diskurs, tekst i slovo : mežvuz. sb. nauč. tr. / pod red. prof. N. D. Goleva i K. I. Brineva. — Barnaul ; Kemerovo : Izd-vo Kemerov. gos. un-ta, 2011. S. 145—151.
5. Pašin S. A. Psihologija sudebnyh prenyj // Yuridičeskaja psihologija. 2008. N. 1. S. 15—18.
6. Yurislingvistika-11 : Pravo kak diskurs, tekst i slovo : mežvuz. sb. nauč. tr. / pod red. N. D. Goleva i K. I. Brineva. — Barnaul ; Kemerovo : Izd-vo Altajsk. gos. un-ta, 2011.
7. Ainsworth J. E. Interpreting Sacred Texts: Preliminary Reflections on Constitutional Discourse in China // Hastings Law Journal. 1992. № 43. P. 273—300. URL: <http://digitalcommons.law.seattleu.edu/faculty/377> (date of access: 21.02.2015).
8. Ainsworth J. E. In a Different Register: The Pragmatics of Powerlessness in Police Interrogation // Yale Law Journ. 1993. Vol. 103. P. 259—266.
9. Ainsworth J. E. Linguistics as a Knowledge Domain in the Law // Drake Law Review. 2006. Vol. 54. P. 651—666.
10. Aodha M. M. Legal Lexicography. A Comparative Perspective / Council of the European Union. — Farnham, UK : Aldershot : Ashgate Publishing Group Ltd., 2014.
11. Atkinson J. M., Drew P. Order in Court: the Organisation of Verbal Interaction in Judicial Settings. — Guilford, London, Worcester : Billing & Sons Lim., 1979.
12. Bhatia V. K., Candlin C. N., Gotti M. Discourse and Practice in International Commercial Arbitration: Issues, Challenges and Prospects. — Farnham, UK : Ashgate Publ. Ltd., 2012.
13. Biel L., Engberg J. Research Models and Methods in Legal Translation // Linguistica Antverpiensia, New Series. — Themes in Translation Studies. 2013. No. 12. URL: <https://lans-nts.uantwerpen.be/index.php/LANS-TTS/issue> (date of access: 11.05.2015).
14. Bix B. H. Law, Language, and Legal Determinacy. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 1996.
15. Cacchiani S., Preite C. Law Dictionaries Across Languages: Different Structures, Different Relations between Communities of Practice? // Gotti, Maurizio, Williams C. Legal Discourse Across Languages and Cultures. — Frankfurt am Main, Berlin : Peter Lang, 2010. P. 131—154.
16. Cheng L., Sin K. K., Wagner A. The Ashgate Handbook of Legal Translation. — Farnham, UK : Aldershot — Ashgate Publ. Group Ltd., 2014.
17. Coulthard M., Johnson A. An Introduction to Forensic Linguistics: Language in Evidence. — London ; New York : Routledge, 2007.
18. Coulthard M., Johnson A. (eds.). The Routledge Handbook of Forensic Linguistics. — London ; New York : Routledge, 2010.
19. Galdia M. Legal Linguistics. — Frankfurt am Main, Berlin : Peter Lang, 2009.
20. Garner B. A. A Dictionary of Modern Legal Usage. — New York, Oxford : Oxford Univ. Pr., 1987.
21. Garner B. A. (ed.). Black's Law Dictionary. 8-th ed. — St. Paul : Thomson West, 2004.
22. Gibbons J. Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System. — London ; New York : John Wiley and Sons Ltd., 2003.
23. Gibbons J., Turell M. T. (eds.). Dimensions of Forensic Linguistics. — London ; New York : John Benjamins Publ. Comp., 2008.
24. Gifis S. H. Law Dictionary. 5th ed. — New York : Barron's Legal Guides Inc., 2003.
25. Gotti M. Text and Genre // The Oxford Handbook of Language and Law / P. M. Tiersma, L. M. Solan (eds.). — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2012. P. 52—66.
26. Gotti M., Williams C. (eds). Legal Discourse Across Languages and Cultures. — Frankfurt am Main ; Berlin : Peter Lang, 2010.
27. Isolahti N. Tulkkauksen tarkkuus rikosoikeudenkäynnissä — saavuttamaton ihanne = Accuracy of Interpreting in Criminal Trials: An Unachievable Ideal : doctoral dissertation / Tampere Univ., School of Language, Translation and Literary Studies. — Tampere Univ. Pr., 2014.
28. Mattila H. E. S. Legal Vocabulary // The Oxford Handbook of Language and Law / P. M. Tiersma, L. M. Solan (eds.). — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2012. P. 27—38.
29. Mattila H. E. S. Comparative Legal Linguistics : Language of Law, Latin and Modern Lingua Francas. 2-nd ed. — Farnham, UK : Aldershot — Ashgate Publ. Group Ltd., 2013.
30. Mellinkoff D. The Language of the Law. — Boston, Toronto : Little, Brown and Company, 1963.
31. Mellinkoff D. Legal Writing: Sense and Nonsense. — New York : Scribner, 1982.
32. Ramos F. P. Parameters for Problem-Solving in Legal Translation: Implications for Legal Lexicography and Institutional Terminology Management // The Ashgate Handbook of Legal Translation / L. Cheng, K. K. Sin, A. Wagner (eds.). — Farnham, UK : Aldershot — Ashgate Publishing Group Ltd., 2014. P. 121—134.
33. Pellón I. A. How Does a Patent Move? Genre Analysis Has Something to Say about It // Legal Discourse Across Languages and Cultures / M. Gotti, C. Williams (eds.). — Frankfurt am Main : Peter Lang, 2010. P. 313—334.
34. Šarčević S. New Approach to Legal Translation. — The Hague : Kluwer Law International, 2000.
35. Šarčević S. Challenges to the Legal Translators // The Oxford Handbook of Language and Law / P. M. Tiersma, L. M. Solan (eds.). — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2012. P. 187—199.
36. Schane S. Language and the Law. — London, New York : Continuum, 2006.
37. Shuy R. W. Language Crimes: The Use and Abuse of Language Evidence in the Courtroom. — Cambridge, Mass. : Blackwell Publ., 1993.
38. Shuy R. W. The Language of Confession, Interrogation and Deception. — Thousand Oaks, CA : Sage, 1998.
39. Shuy R. W. Linguistics in the Courtroom: A Practical Guide. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2006.
40. Solan L. M. Remembering Peter Tiersma // International Journ. of Speech, Language and the Law. 2014. Vol 21, No. 2. P. 413—416. URL: <http://www.equinoxpub.com/journals/index.php/IJSL> (date of access: 11.04.2015) ; Language and Law / Linguagem e Direito. 2014. Vol. 1 (1). P. 211—214. URL: <http://ler.letras.up.pt/uploads/ficheiros/12701.pdf> (date of access: 11.04.2015).
41. Solan L. M. The Language of Judges. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1993.
42. Solan L. M. Definitions/Rules in Legal Language // Encyclopedia of Language and Linguistics. — London ; Amsterdam : Elsevier, 2006. P. 403—409.
43. Solan L. M. Linguistic Issues in Statutory Interpretation // Brooklyn Law School Legal Studies : Research Paper. No. 254. URL: <http://ssrn.com/abstract=1950310> (date of access: 22.01.2015).
44. Solan L. M., Ainsworth J., Shuy R. W. Speaking of Language and Law: Conversations on the Work of Peter Tiersma. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2015.
45. Sousa-Silva R. Investigating Plagiarism: A Forensic Linguistics Approach to Plagiarism Detection // Plagiarism Across Europe and Beyond : International Conference Proceedings. — Brno : Mendel Univ., 2013. URL: http://linguisticaforense.pt/downloads/Sousa-Silva_P047-PDF.pdf (date of access: 22.01.2015).
46. Tiersma P. M. The Judge as Linguist // Loyola of Los Angeles Law Review. 1993a. Vol. 27. P. 269—283.
47. Tiersma P. M. Reforming the Language of Jury Instructions // Hofstra Law Review. 1993b. Vol. 22. No. 1. P. 37—78.

48. Tiersma P. M. Frisian Reference Grammar. 2nd ed. — Ljouwert : Fryske Akademy, 1999.

49. Tiersma P. M. Legal Language. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1999.

50. Tiersma P. M. Textualizing the Law // International Journ. of Speech, Language and the Law. 2001. Vol. 8. No. 2. P. 73—92.

51. Tiersma P. M. Communicating with Juries: How to Draft More Understandable Jury Instructions. — Williamsburg, VA : National Center for State Courts, 2006a.

52. Tiersma P. M. The Textualization of Precedent // Notre Dame Law Review. 2006b. Vol. 82. Iss. 3. P. 1186—1278. URL: <http://scholarship.law.nd.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1304&context=ndlr> (date of access: 21.04.2015).

53. Tiersma P. M. Parchment, Paper, Pixels: Law and the Technologies of Communication. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 2010.

54. Tiersma P. M. A history of the Language of Law // The Oxford Handbook of Language and Law / P. M. Tiersma, L. M. Solan (eds.). — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2012. P. 13—26.

55. Tiersma P. M., Solan L. M. (eds.). The Oxford Handbook of Language and Law. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2012.

56. Wagner A., Cheng L. (eds.). Exploring Courtroom Discourse: The Language of Power and Control. — Farnham, UK : Ashgate Publ. Ltd., 2011.

57. Williams C., Tessuto G. (eds.). Language in the Negotiation of Justice: Contexts, Issues and Applications. — Farnham, UK : Ashgate Publ. Ltd., 2013.

Wydick R. C. Plain English for Lawyers // California Law Review. 1978. Vol. 66. Iss. 4. P. 726—765.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Ф. Крюкова.

Лоренс М. Солан

ВСПОМИНАЯ ПИТЕРА ТИЕРСМУ

Перевод с английского Светланы Власенко

Перевод на русский и публикация с любезного разрешения автора текста Л. М. Солана

Источник:

Solan, Lawrence M. Remembering Peter Tiersma, in: *International Journ. of Speech, Language and the Law*. 2014. Vol 21, No. 2. P. 413—416. [Available online at: <http://www.equinoxpub.com/journals/index.php/IJSL> (last accessed 11.04.2015)]; and in: *Language and Law / Linguagem e Direito*. 2014. Vol. 1 (1). P. 211—214. [Available online at: <http://ler.letras.up.pt/uploads/ficheiros/12701.pdf> (last accessed 11.04.2015)].

Международный журнал *International Journal of Speech, Language and the Law* — официальное издание Международной ассоциации юрилингвистики и Международной ассоциации судебной фонетики и акустики. Журнал *Language and Law / Linguagem e Direito* — официальное издание Португальской ассоциации юрилингвистики, публикуется на двух языках — английском и португальском [<http://linguisticaforense.pt/>]

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКЕ: Власенко Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры международного публичного и частного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» при Правительстве РФ (НИУ ВШЭ, Москва); адрес: 123022, Москва, Большой Трёхсвятительский пер., 3; e-mail: svlasenko@hse.ru.

Не берусь утверждать с точностью, когда я впервые встретился с Питером Тиерсмой, но думаю, что это произошло где-то в начале 1990-х. В то время я по-прежнему занимался юридической практикой и участвовал в конференциях, на одной из которых и встретил Питера. К тому времени он уже встал на академическую стезю, оставив в 1990 г. юридическую практику и пополнив профессорско-преподавательский состав Лойольской школы права в Лос-Анджелесе. В ней он проработал 24 года вплоть до своей кончины 13 апреля 2014 г.

В то время, как, впрочем, и сейчас, область исследований по взаимодействию языка и права была открытой и привлекательной. Работая в одной из юридических фирм Нью-Йорка, я посвящал свое свободное время науке. Периодически я выступал на конференциях, докладывая о своих исследованиях — это поощряли ученые, изучавшие данную проблематику. В те годы обсуждению данной тематики на крупных конференциях, таких, например, как заседания Американской ассоциации права и общества или Лингвистического общества Америки, посвящали обычно не более одной-двух секций. Почти неизменно на всех этих конференциях кто-нибудь из участников обязательно советовал мне познакомиться с Питером Тиерсмой, так как у нас обоих было одинаковое образование — ученая степень в лингвистике (Ph. D.) и степень доктора права (J. D.), и к том же наши позиции по исследованию языка и права были схожи. На одной из таких конференций мы с Питером и познакомились, однако точно вспомнить, на какой именно, мне сейчас трудно.

Одно я помню отчетливо: мы подружились с Питером незадолго до того, как в 1996 г. я перешел работать в Бруклинскую школу права, влившись в ряды ее профессорско-преподаватель-

ского состава. В самом начале того года, уже заняв преподавательскую должность, но еще не приступив к работе, я должен был съездить в Лос-Анджелес на судебное заседание по делу, в разрешении которого я непосредственно участвовал. На том этапе наше знакомство с Питером было шляпным, но я подумал, что будет правильно остановиться в Лойоле, чтобы немного с ним пообщаться. Кроме того, мне хотелось познакомиться с деканом Лойолы, Джеральдом Маклафлином, который ранее долгое время преподавал в Бруклинской школе права. К тому времени мне уже удалось изучить некоторые работы Питера, в особенности его исследования по языку договорного права, которые были абсолютно превосходными и, возможно, самыми лучшими из всех, которые мне прежде довелось читать по этому вопросу. Итак, возможность поближе познакомиться с Питером казалась мне своевременной, и я крайне радовался этому.

Несколько часов мы провели вместе, включая приятную беседу с деканом. Чем мне запомнился тот день, так это осознанием, что Питер был очень образован в областях, о которых я знал совсем немного, в особенности в истории языка и истории права, имел отменное чувство юмора, а также тем, что наши интересы, хотя и не идентичные, во многом совпадали. Однако, что более важно, общаться нам было легко, потому что мы друг другу понравились. Я только приступал к новой карьере, и для меня имело большое значение знакомство с таким коллегой, которому можно было показать свои исследования и обсудить идеи, несмотря на то что он жил и работал на расстоянии более четырех тысяч километров от меня.

Начав преподавательскую карьеру, я участвовал в тех же конференциях, что и Питер, и мы зачастую выступали на одних и тех же секциях.

© Lawrence M. Solan, 2014.

© Власенко С. В., перевод на русский язык, 2015.

Именно в это время стало расти число конференций, посвященных тем или иным аспектам взаимодействия языка и права, а это лишь увеличивало возможности нашего общения. Прошло совсем немного времени, когда, оказываясь на таких конференциях, мы старались предусмотреть совместный ужин, и вскоре нас уже воспринимали как неразлучную пару. Питер — фигура харизматичная, что находило отражение в его проникновенных речах и прямо следовало из его преподавательских рейтингов в Лойоле, год за годом бивших все доселе установленные рекорды. В течение долгих лет, когда мы ездили на разные научные мероприятия, не нашлось человека, которому бы пришлось в голову пригласить нас на ужин по отдельности, и не уверен, что кто-то из нас двоих пошел бы в одиночку. «Лэрри, не хочешь с нами поужинать?» — «Конечно, Питер, я приду». И аналогично в обратном направлении. Вместе с тем в других вопросах Питер был достаточно скрытным человеком и, за редким исключением, не спешил открывать свое отношение.

По мере того как наша дружба крепла, у нас возникло решение написать совместную книгу. Питер как раз заканчивал важнейший труд своей жизни, «Юридический язык» (*Legal Language*, 1999) — книгу, которую опубликовало издательство Чикагского университета. Мы написали Джону Тринески, редактору этого издательства, который работал с нашими книгами (у меня также вышла книга в этом издательстве), о намерении написать работу, посвященную тематике взаимодействия языка и права. Тринески воспринял эту идею с энтузиазмом, и в 2005 г. наш проект реализовался выходом тома «Обсуждая преступления: язык уголовной юстиции» (*Speaking of Crime: The Language of Criminal Justice*, 2005). Однако во временном промежутке между идеей и ее воплощением произошло одно событие. Предложив Питеру совместно поработать некоторое время над структурой книги во время запланированного на январь 1998 г. заседания Ассоциации американских школ права и юридических факультетов университетов (AALS), я получил от него ответ, что идея ему понравилась, но воплотить ее не удастся, так как ему только что диагностировали лейкемию. Раунд 1.

Несколько последующих лет Питер боролся с лейкемией, а вместе мы все-таки работали над нашим замыслом: боролись за книгу. На самом деле борьбы между нами никогда не было, поскольку каждый работал в свойственном ему стиле, и надо было лишь научиться оставлять друг другу немного пространства. Для нас это почти не составляло никакого труда. Написание одних глав было в его ведении, других — в моем. Затем мы редактировали написанное друг другом, выверяли детали, усиливали аргументацию. Книга получилась лучше, чем если бы каждый из нас написал ее самостоятельно, и помимо всего прочего мы получили удовольствие от совместной работы. Возникла лишь одна загвоздка в процессе работы: глава о лжесвидетельстве. Каждый из нас написал свое по этой теме. Анализ понятия в чисто профессиональном смысле, казалось, отличался у нас немногим, но в результате появились расхождения, которые мы никак не могли

уладить. Ушли недели на споры по крохотным деталям (иногда с непреодолимым упрямством, которое я признаю и о котором сожалею), но в конечном итоге мы пришли к единодушному решению, давшему нам обоим повод для гордости: мы осознавали достигнутое согласие как большое достижение.

Одно из моих любимых воспоминаний связано с самым началом работы над упомянутой книгой. На одной из конференций мы встретились с Джоном Тринески, чтобы обсудить порядок завершения работы над коллективной рукописью. Джону понравилась наша позиция: он всегда решительно нас поддерживал. В конце беседы он сказал, что все-таки ответственность за окончательную стилистическую правку следует принять одному из нас, чтобы книга читалась на одном дыхании. Мне подумалось: «Ну вот. Я ни за что не стану этого делать». Питер подумал: «Ну вот. Я ни за что не позволю Лэрри всем этим заниматься». Каким-то неведомым образом Джон, сумев по выражению лиц почувствовать отношение и намерение каждого из нас, попросил Питера взять на себя ответственность за книгу. Питер согласился, хотя и без особого энтузиазма. Не прошло и часа, как мы обменялись друг с другом впечатлениями за бокалом вина, с улыбками и смехом. Даже еще совсем недавно мы с Питером обсуждали возможность издать дополнение к этой книге. Останься он в живых, мы бы собрали еще один том.

В первое десятилетие текущего века мы с Питером представляли собой успешный авторский коллектив: мы опубликовали не только «*Speaking of Crime*», но также восемь совместных статей, причем все это на фоне индивидуального творчества и написания самостоятельных работ. Назову две работы Питера — замечательную книгу «Пергамент, бумага, пиксели» (*Parchment, Paper, Pixels*) и его статью «Текстуализация прецедента» (*The Textualization of Precedent*). По моему убеждению, книга является самой лучшей его работой, которую он написал за всю жизнь. В ней содержатся ценные положения по теории права, творческий характер которых только усиливают доказательные размышления о взаимосвязи истории развития технологий и истории становления права.

Наше знакомство и сотрудничество переросло в крепкую дружбу. По телефону мы долго не общались, но никогда надолго друг о друге не забывали и в течение года виделись по несколько раз, по крайней мере в последние годы. Мы ездили друг к другу в гости, продолжали участвовать в одних и тех же конференциях, иногда в конце таких конференций вместе совершали короткие путешествия, договаривались пересечься в Европе, если случалось, что оба там оказывались по своим делам, вместе преподавали в Китае. Во время одной из таких поездок на Восток Питер расчищал лопатой снег вместе со мной. Для него это был первый опыт, для меня — нет. В Калифорнии мы любили путешествовать, изучая замечательные достопримечательности, места исторического прошлого этого штата, не пропуская и винодельческие хозяйства, где всегда пробовали вина из сорта винограда *Pinot Noir*. Питер и его жена Тейя чрезвычайно гостеприимны, и я приезжал в их гос-

тевую комнату, как в свою собственную, зная, что это не так, но так мне больше нравилось.

Эти поездки были для меня особенно приятны, поскольку Питеру ничего не доставляло такого удовольствия, как сопровождать гостя и быть гидом, даже по местам, где ему самому не приходилось бывать ранее. Перед предстоящей поездкой он обычно много читал о месте, в которое должен был поехать, всегда точно выбирал наиболее значимые культурно-исторические достопримечательности. И о чем только он не знал: был человеком сведущим и разбирался во многих вещах, особенно в явлениях и реалиях природы — от птиц до горных хребтов. После одной из конференций в Амстердаме мы заехали в провинцию Фрисландия в северной части Нидерландов, где в 1952 г. Питер родился. Там я увидел старое фермерское подворье, на котором Питер провел свои юные годы перед тем, как его семья эмигрировала в Соединенные Штаты и в конечном итоге осела в центральной части Калифорнии. Семья занималась молочным животноводством, и попутно замечу, что некоторые родственники по-прежнему им занимаются. Питеру всегда доставляло радость показать людям, что фризский был его родным языком. На самом деле он знал много языков, голландский был его вторым языком. Позже он освоил английский, испанский и немецкий; при этом хорошим владением немецким он обязан колледжу Стэнфордского университета. Затем он защитил диссертацию в Калифорнийском университете в Сан-Диего, а степень доктора права получил в Беркли.

У нас были общие друзья. Мои слова в память о Питере могут читать люди, которые узнали меня благодаря Питеру, а другие узнали Питера благодаря мне. Оглядываясь назад, думаю, что именно этой стороной наших взаимоотношений я особенно дорожу.

В 2009 г. мы начали работать над «Оксфордской энциклопедией языка и права» (*Oxford Handbook of Language and Law*), которая увидела свет в 2012 г. Питер взял на себя все руководство работой. Он был более дисциплинирован, нежели я, а проект задумывался как крупный, и для его реализации дисциплина была ключевым моментом. В конечном итоге работа была разделена

поровну, и книга была опубликована. В ней собрано много достойных глав, две из которых — плод нашего совместного труда. Это две последние работы, написанные нами в соавторстве. Именно во время этого сотрудничества, в самом начале 2012 г., у Питера диагностировали рак поджелудочной железы. Где-то за месяц до того, как стал известен диагноз, я поехал к Питеру, чтобы закончить рукопись и снять оставшиеся проблемные вопросы. Питер страдал от боли: болезнь, еще не выявленная, уже давала о себе знать. Затем мне довелось видеть его еще несколько раз, и всякий раз он героически сражался с раком, иногда страдая от боли, иногда испытывая некоторое отдохновение благодаря лечению и хирургическому вмешательству. Мы по-прежнему продолжали заходить на винодельческие фермы и в местные ресторанчики, но продолжительность таких выходов все более сокращалась по мере сокращения его жизненных сил. Он осознавал последствия, к которым мог привести рак поджелудочной железы, но продолжал изо всех сил свой жизненный путь, ценя каждый новый день как бесценный дар.

В течение прошлого года мне довелось перечитать многое из написанного Питером в связи с подготовкой книги, которая посвящена его памяти и в которой я выступаю редактором совместно с Дженет Эйнсворт и Роджером Шайем. Вклад Питера в развитие многих областей весом; эти области разнообразны и включают такие, как история и природа юридического языка, понятие клеветы и лжесвидетельства, признание вины в совершении изнасилования, противоречие между буквальным языковым выражением и прагматической инференцией в толковании юридических текстов, составление и толкование договоров, судебное производство по уголовным делам, применение материального права в уголовной юстиции, толкование законодательных актов, а также инструктаж суда присяжных.

Изначально я познакомился с Питером благодаря тому, что независимо друг от друга мы шли по очень схожей карьерной стезе, и к тому же этому способствовали близкие научные интересы. Наши пути не могли не пересечься. Все остальное стало для меня подарком судьбы.

Lawrence M. Solan

REMEMBERING PETER TIERSMA

Translated from English by Svetlana Vlasenko

ABOUT THE TRANSLATOR: *Vlasenko Svetlana Viktorovna, Ph.D. in Linguistics, Associate Professor, Public and Private International Law Department, Faculty of Law, National Research University — Higher School of Economics (NRU HSE), Moscow, Russia.*

Н. Г. Юзефович
Хабаровск, Россия

И. Г. Игнатъева
Москва, Россия

«КРЕМЛЬ И НАРОД» ДЮРАНТИ В КОНТЕКСТЕ ДВУХ ЭПОХ

АННОТАЦИЯ. В контексте отражения происходивших в 1920—1930-х гг. в Советском Союзе событий в западной прессе характеризуется деятельность известного в то время журналиста, корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс» Уолтера Дюранти. Западные советологи считают, что именно У. Дюранти придумал термин «сталинизм» для обозначения комплекса политико-экономических принципов, отличных от марксизма-ленинизма. В своих очерках У. Дюранти утверждал, что общество будущего действительно будет коммунистическим, оправдывал жестокости коллективизации необходимостью жертв во имя будущего, пытался приуменьшить масштабы охватившего страну голода, в особенности «голодомора» на Украине. За серию очерков о первой пятилетке У. Дюранти был удостоен Пулитцеровской премии. Из забвения журналиста вызвал скандал, случившийся в 2003 г., когда проходила кампания по лишению У. Дюранти высокой журналистской награды за искажение информации о голодоморе. В лингвостилистическом аспекте характеризуется книга Дюранти «Кремль и народ», которая трактуется как интерлингвокультурный текст, т. е. произведение, которое отражает представление автора-билингва об инолингвокультуре и объективируется через призму «иног» языка, адаптирующегося для актуализации «чужого» субстрата, культурно-специфических феноменов. Интерлингвокультурный текст, особенно историографического плана, во многом определяется как авторской картиной мира, индивидуальным восприятием описываемых событий, так и социально-политической ситуацией в мире и контактирующих лингвокультурах. Дюранти искусно имитирует непринужденную беседу с читателем, используя простой синтаксис, повторы на лексическом и синтаксическом уровнях. По жанру «Кремль и народ» является «историографией» макроисторического плана, т. е. отражающей воздействие политических вождей на социально-политическую ситуацию в стране и, в определенной степени, на мир в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: макроистория; интерлингвокультурный текст; фальсификация; сталинизм.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Юзефович Наталья Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Тихоокеанский государственный университет; адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. К. Маркса, 68; e-mail: nataliajuzefovich@rambler.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Игнатъева Ирина Геннадьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка №1, МГИМО(У) — Московский государственный институт международных отношений; адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76; e-mail: irene_ignatieva@yahoo.com.

Имидж России начала XX в. на Западе

Революционные изменения 1917 г. в России не могли не вызвать огромного интереса практически всех государств, и, поскольку пресса была по сути главным источником информации в тот период, редакторы западных изданий стремились в числе первых рассказывать своим читателям о российской революции, «потрясшей» весь мир. Нужны были такие журналисты и писатели, которые не побоятся приехать в Россию и стать свидетелями «строительства новой жизни» и чей рассказ о новой российской идеологии, об изменениях в жизни русского народа будет ярким и убедительным. Интерес был взаимный: российские вожди, как В. И. Ленин, так и И. В. Сталин, были заинтересованы в том, чтобы на всех континентах узнали о событиях в нашей стране, но исключительно в позитивном ключе; при этом они желали подчеркнуть важность собственной роли. К приезду западных журналистов (если их репортажи соответствовали идеологии правительства) относились очень благосклонно.

Среди писателей, лично общавшихся с В. И. Лениным и проникших к нему большой симпатией, выделяются Герберт Уэллс и Джон Рид, чьи книги получили большую популярность в нашей стране в советский период. Западные журналисты и писатели, восхвалявшие политику В. И. Ленина, а затем и И. В. Сталина, долгое время воспринимались не только советским народом, но и многими западными читателями как преданные друзья СССР.

Следует подчеркнуть, однако, что искренность таких «преданных России» деятелей культуры нередко была наигранной, на что указывали зарубежные, а в постсоветский период — и отечественные исследователи. Одобрив политику молодого социалистического государства, а позднее и СССР, западные писатели, художники, журналисты, как указывает А. Бейчман, по сути, пропагандировали один из наиболее жестоких и кровавых режимов (*ruthless and bloody tyrannies*): «Б. Шоу, Г. Барбюсс, Сидни и Беатрис Уэбб, П. Пикассо, корреспонденты типа У. Дюранти одобряли все, что требовалось, создавая впечатление „надежности нового строя, способствуя доверительному отношению к одному из наиболее жестоких и кровавых режимов, когда-либо существовавших на земле“» («B. Shaw, H. Barbusse, Sidney and Beatrice Webbs, P. Picasso and very special correspondents like Duranty, all resolved, come to approve anything, however, to be able to preserve the confident expectation that “one of the most ruthless and bloody tyrannies ever to exist on earth could be relied on to”» [Beichman 2003]).

Мона Чарен в бестселлере «Полезные идиоты: о том, как либералы ничего не поняли во время холодной войны и все еще винят во всем Америку» (2003) рассказывает «об известных левых интеллектуалах, которые на протяжении 80 лет занимались обелением коммунистического режима» [Шлейс 2003]. Ее список сторонников социалистического государства открывает Б. Шоу, восхвалявший Советский Союз за то, что он

«сделал мир безопасным для честных людей» [цит. по: Шлейс 2003].

Правду об истинном отношении западных «друзей» к нашей стране мы смогли узнать только в постсоветский период, когда уже не требовалось «оглядываться на советскую идеологию» и политические журналисты, историки и прочие специалисты получили доступ к засекреченным ранее архивным документам. В прессе и в научных изданиях публиковались статьи, раскрывающие «дружбу за деньги». Как указывает М. Соколов, известные в мире деятели искусства и науки — П. Пикассо, Р. Гуттузо, П. Робсон, Н. Хикмет, Ф. Жолио-Кюри и др. — получали валютные гонорары (в золотых рублях): «Анри Барбюс получил 400 000 франков как бы для Амстердамского антифашистского конгресса левой интеллигенции и написал восторженную книгу о Сталине. Лион Фейхтвангер перед поездкой в СССР за сценарий по роману „Семья Оппенгейм“ получил от Главкино \$ 5000 (более \$ 100 000 по нынешнему курсу). В книге „Москва 1937“, как и надо было вождю, писатель оправдал Большие процессы, судилища над Каменевым и Зиновьевым, Пятаковым и Радеком. Фейхтвангер в точности по сталинской канве рассказал о заговоре предателей и террористов, сговорившихся с нацистами. После этого СССР выплатил ему за очередной киносценарий 35 000 франков» [Соколов 2014].

В советское время популярностью в нашей стране получила историческая работа «Тайная война против Советской России» [Сейерс, Кан 1947], разоблачающая «заговор троцкистов». Следует особо отметить, что лингвисты не берутся делать какие-либо заключения о соответствии описания антитроцкистских процессов исторической правде. Учитывая, однако, год ее издания в переводе на русский язык (1947), логично предположить, что содержание, несомненно, было известно Сталину, без одобрения которого публикация такого рода была невозможна, т. е. в книге отражен официальный на тот момент взгляд на описываемые события.

Важно подчеркнуть, однако, что среди западных писателей и журналистов, представителей самых разных профессий, простых людей были и те, кто действительно искренне восхищался идеями советского коммунизма; именно они с неподдельным восторгом и симпатией рассказывали о нашем народе и нашей стране. Так, отечественные ученые отмечают публикации Луизы Брайант «Шесть месяцев в Красной России» (1918), Бесси Биттик «Красное сердце Петрограда» (1919), Альберта Р. Вильямса и др. [Будаев, Чудинов 2010: 28].

Анализируя зарубежную литературу о российской истории, в том числе о советско-германской войне, А. С. Якушевский выделяет ряд книг, написанных с уважением и симпатией к СССР и советскому народу. Например, *Mission to Moscow* («Миссия в Москву») Дж. Дэвиса (J. Davies), изданная в США в 1941 г. и ставшая бестселлером. Ее автор находился в СССР в качестве посла США во второй половине 30-х гг.; книга отличается «популярным изложением впечатлений автора о стране и доброжелательностью в отношении народа СССР. Дэвис отмечает энту-

зиазм и патриотизм советских людей и пишет, что руководители СССР, с которыми он не согласен по многим проблемам, были честными в своих убеждениях и целостными в устремлениях» [Якушевский 2014].

Немало граждан стран Европы, увлеченных идеями коммунизма, вступило в коммунистические партии, изъявляя при этом желание и готовность поехать в СССР, участвовать в созидании нового мира, что, как показывает исторический опыт, заканчивалось для них нередко печально. Так, по путевке Коминтерна в СССР приехал политолог и лингвист Жак Росси, известный сегодня как «француз из ГУЛАГа» («the Frenchman in the Gulag»). В семнадцать лет он вступил в коммунистическую партию, по заданию Коминтерна его отправили в Испанию, затем перевели в Москву, где он и был арестован «за шпионаж». Свой опыт выживания в Гулаге (1939—1969 гг.), условия жизни заключенных, их лексикон Ж. Росси обобщил в научном лингвистическом исследовании «Справочник по ГУЛАГу» [Rossi 1989].

В постсоветское время стало общеизвестно, что «тысячи иностранцев, принявших советское гражданство, сгинули в тюрьмах и лагерях»: так, в 1944 г. погиб в ГУЛАГе немецкий экспрессионист Эрих Борхерт, а французский общественный деятель Ив Фарж, получивший в 1953 г. Ленинскую премию мира, погиб в загадочной авткатастрофе в Грузии [Соколов 2014].

Основные факты творческой биографии Уолтера Дюранти

Широко известный в период Первой мировой войны как один из лучших военных репортеров Уолтер Дюранти (1884—1957; устоявшегося варианта передачи имени журналиста W. Duranty на русский язык не выявлено; встречается «Уолтер» и «Волтер»). В данном случае предпочтение отдано практической транскрипции имени, которая передает произношение имени и орфографию) выделился в качестве наиболее известного просталинского журналиста в 1920—1930-е гг., несмотря на то что изначально не симпатизировал большевикам и считался антисоветчиком. «В 1921 г. замнаркома иностранных дел Максим Литвинов лично отказал ему в визе», и только после того как журналист опубликовал «несколько статей о гениальном замысле ленинского НЭПа, въезд в Советскую Россию был открыт» [Комарицын 2012].

Впервые У. Дюранти приехал в Россию в 1921 г., а в период с 1922 г. по 1934 г. являлся корреспондентом «Нью-Йорк таймс» в Москве.

Как подчеркивают западные советологи, именно он ввел термин «сталинизм», понимая его как «основы создания советской экономики под руководством И. Сталина»: «Доминирующим в России сегодня стал принцип сталинизма, а не марксизма-ленинизма», — писал У. Дюранти в «Нью-Йорк таймс» 14 июня 1931 г. («Duranty was one of the first journalists to identify correctly the changes that Joseph Stalin was making to the Soviet economy. On 14th June, 1931 Duranty argued in the *New York Times* that “the dominant principle in Russia today” was not “Marxism or Leninism” but “Stalinism”») [Beichman 2003]).

В англоязычной советологии «широкое распространение термина „сталинизм“ в академиче-

ских кругах относится к периоду 1950—1960-х гг. Однако определенные разногласия, связанные с его значением, сохраняются в англо-американских исследованиях и поныне» [Menjkovsky 2011].

Важно подчеркнуть, что отечественные ученые, как отмечается и в научных исследованиях советского периода, большую часть XX в. выделяли работы таких журналистов, чьи публикации соответствовали идеологии КПСС, что было обусловлено идеологией власти.

Лучшие публикации 20—30-х гг., по мнению В. В. Швецова, включают «После смерти Ленина» М. Истмена, «Железный век России» У. Чемберлена, «Я пишу, как мне нравится» У. Дюранти, «Люди и политика» Л. Фишера. Все названные авторы являлись советологами, «были в свое время журналистами, некоторые из них попытались дать развернутое описание внутривнутрипартийной борьбы 1923—1927 гг., но наиболее удачны были их суждения и оценки отдельных ее аспектов. Так, говоря о сути конфликтов 20-х годов в большевистской партии, У. Дюранти писал: „В своей основе это была борьба за единство, стержень и сущность однопартийной системы. Но это также было столкновение противоположных групп и методов и, наконец, дуэль между двумя лидерами, Сталиным и Троцким... По мере развития конфликта личный элемент все более и более выпячивался...“ (Duranty Y. USSR. *The story of Soviet Russia*, 1944)» [Швецов 1990].

Очерки У. Дюранти и ряда других журналистов, которые утверждали, что коммунизм — это общество будущего, во многом способствовали тому, что период 1930-х стали называть «Красной декадой» (“Red Decade”). Считается, что термин ввел журналист Юджин Лайонс в книге, критикующей публикации У. Дюранти о Советском Союзе, *The Red Decade: The Stalinist Penetration of America* («Красная декада: Сталин проникает в Америку»): «Duranty now came under attack from a former colleague, Eugene Lyons. In his book, *The Red Decade: The Stalinist Penetration of America* (1941) Lyons criticized Duranty’s reporting on the Soviet Union» [Beichman 2003].

В 1932 г. за серию очерков о советской пятилетке У. Дюранти был удостоен престижной журналистской премии — Пулитцеровской. Он продолжает писать просталинские статьи, оправдывая жестокость коллективизации «необходимостью идти на жертвы ради нового строя». Во многих публикациях, критикующих журналиста, нередко в качестве доказательства его циничности приводят фразу «не разбив яиц, омлет не приготовить», что, как признает У. Дюранти, звучит жестоко, но является вынужденной мерой: «To put it brutally — you can’t make an omelette without breaking eggs» [W. Duranty. *New York Times*, 30 March, 1933; цит. по: Beichman 2003].

Процитированный выше очерк представляет собой полемику с Гаретом Джоунсом (Gareth Jones), который провел три недели в Советском Союзе, пешком обошел голодные деревни вблизи Харькова, разговаривал с изможденными от голода крестьянами, о чем и рассказывал в США. В отличие от него У. Дюранти, не отрицая тяжелого положения крестьян, не видел (или не хотел видеть?) катастрофичности сложившейся в стра-

не ситуации. Его статья, опубликованная в «Нью-Йорк таймс» 31 марта 1933 г., называется «Русские голодают, но от голода не умирают» (*Russians Hungry But Not Starving*).

Серьезное исследование журналистской деятельности У. Дюранти представлено С. Тейлор в книге под названием «Защитник Сталина. У. Дюранти — корреспондент „Нью-Йорк таймс“ в Москве» (S. J. Taylor. *Stalin’s Apologist: Walter Duranty: The New York Times’s Man in Moscow*. OUP, 1990). Анализируя его очерки, оправдывающие тяжелые последствия коллективизации и ликвидацию кулаков как класса, она не может не признать мастерское владение словом, отличающее стиль журналиста: «Героическая по форме и воодушевляющая проза У. Дюранти соответствовала значимости описываемых им событий. Энергетика его стиля принесла ему славу военного журналиста. Дюранти чувствовал, что интересно его читателям, что им хочется узнать» (“Duranty’s rousing prose, heroic in form to match the momentous events he was describing. The ebullience and energy of his style brought him growing fame as a page-one war correspondent... Duranty had this ability to figure out what readers would be curious about, what they wanted to know...”) [цит. по: Beichman 2003].

Именно понимание настроения читателей и писательский дар способствовали тому, что У. Дюранти создавал соответствующие ожидания читателей очерки. Именно в этом корни его успеха и популярности, именно поэтому его публикации выполняли не только информативную, но и регулятивную функцию в западном мире. В этом смысле журналистская риторика аналогична риторике политиков, в том числе высшего эшелона власти, дискурсу которых свойственны не только регулятивная и познавательная функции, но и «функция конструирования общественного мнения» [Гаврилова 2012: 17].

В начале настоящего тысячелетия У. Дюранти вновь оказался в центре внимания прессы, причем в исключительно негативном контексте. С мая 2003 г. по инициативе украинских националистов началась кампания по лишению У. Дюранти звания лауреата Пулитцеровской премии за преднамеренное искажение сведений о голоде на Украине в период, известный под названием «голодомор». С. Комарицын отмечает, что Дюранти, о деятельности которого «широкая публика Запада давно забыла, а российская никогда и не знала, превратился в главного фальсификатора истории и апологета Сталина на Западе» [Комарицын 2014]. Пулитцеровский совет отказался лишить его премии, поскольку она была присуждена за очерки о торговле, первой пятилетке и о Красной армии (14—27 июня 1931г.). При этом «вообще ничего не говорилось о голоде на Украине»; анализ «основывался в первую очередь на официальных источниках информации, и это стало причиной главного недостатка его позиции — постоянной недооценки жестокости Сталина» [Комарицын 2014].

Историческое исследование «Кремль и народ» (“The Kremlin and the People”)

В 1941 г. в США была издана историческая работа У. Дюранти «The Kremlin and the People»,

которую с большим интересом встретили читатели, а в 1942 г. эту книгу опубликовали в Лондоне, причем в течение года ее переиздавали дважды. Как отмечают отечественные историки, она написана с «симпатией к Советской стране и ее народу», однако тот факт, что «У. Дюранти оправдывал внутреннюю и внешнюю политику Советского Союза в предвоенные годы» [Якушевский 2014], в контексте современной политической ситуации воспринимается неоднозначно. Следует уточнить, что подход У. Дюранти соответствовал официальной риторике сталинского периода, которая подверглась критике после XX съезда и усилилась в период перестройки. Важно подчеркнуть при этом, что в настоящем десятилетии, напротив, наблюдается тенденция к восхвалению сталинских принципов руководства как отдельными политическими деятелями, так и простыми россиянами. Такие контрастные переходы во многом объясняются нестабильностью в обществе (сложной политической обстановкой, нерешаемыми экономическими проблемами, ухудшением жизни простого народа, его обнищанием).

С точки зрения лингвостилистического анализа тексты, написанные билингвами, в центре внимания которых выделяется освещение каких-либо событий одной лингвокультуры на языке другой, обладают своей спецификой. Автор-билингв находится на пересечении контактирующих лингвокультур, в зоне «между» — «интер» — лингвокультур, выступая при этом посредником в межкультурном общении, что позволяет назвать продуцируемое им словесное произведение интерлингвокультурным [Юзефович 2013: 147—176].

Под «интерлингвокультурным текстом» понимается произведение, которое отражает представление автора-билинга об инолингвокультуре и объективируется через призму «иного» языка, адаптирующегося для актуализации «чужого» субстрата, культурно-специфических феноменов. Создаваемый в интерлингвокультурном пространстве текст «связывает» контактирующие лингвокультуры в единое коммуникативное целое, сочетая в себе определенные качества каждой лингвокультуры. Наиболее ярко это проявляется на лексико-семантическом уровне. Естественно, что язык общения — в данном случае английский — вынужден подвергнуться определенной адаптации на когнитивном, лексико-семантическом и прагматическом уровнях, что необходимо для объективации русскоязычного мира. Интерлингвокультурный текст, особенно историографического плана, во многом определяется как авторской картиной мира, индивидуальным восприятием описываемых событий, так и социально-политической ситуацией в мире и контактирующих лингвокультурах.

Книга представляет собой документальное исследование, адресованное широкой западной аудитории времен Второй мировой войны. Стиль У. Дюранти с точки зрения современного читателя, особенно историка или политолога, может показаться упрощенным, но это далеко не так. У. Дюранти словно беседует с читателем, что и объясняет использование простого синтаксиса, повторов на лексическом и синтаксическом уровне. При этом выделяются и отдельные фрагмен-

ты, мысль в которых словно не успевает за ее письменной фиксацией; в таком случае предложение включает ряд придаточных предложений, что может затруднить понимание. Особую сложность для русскоязычного читателя представляет отсутствие определенных знаний о европейской истории, британских и американских прецедентных феноменах, несомненно известных западному англоязычному читателю того времени.

Журналистское мастерство У. Дюранти получило признание и среди простых читателей, и в профессиональной среде; он считался одним из лучших военных журналистов. Естественно, что работа в СССР в предвоенный период требовала от корреспондентов компромисса: все очерки должны были соответствовать официальной идеологии, поэтому, читая его работы сегодня, мы видим влияние советской пропаганды. Многие критики и политологи отмечали, что книга «Кремль и народ» в целом написана с симпатией к нашей стране; при этом авторская оценка политических событий не свободна от субъективности.

Наше первое знакомство с данным интерлингвокультурным произведением У. Дюранти на языке оригинала состоялось до активизации кампании по лишению ее автора Пулитцеровской премии 1932 г. Успеху книги у широкой читательской аудитории способствовала профессиональная компетентность У. Дюранти как политического журналиста: логичность и доступность изложения помогают установлению контакта с читателем. Важным фактором, способствующим созданию эффекта объективности и достоверности, является профессиональный билингвизм автора: владение русским языком на довольно высоком уровне помогало ему лично общаться с политическими деятелями, длительное время жить и работать в России. С первых страниц возникает эффект доверительного общения с читателем, которому импонирует и профессиональный опыт автора, полученный в должности корреспондента широко известного издания «Нью-Йорк таймс» (газета и журнал). Естественно, что британский журналист воспринимает русский народ достаточно субъективно, но в целом создается впечатление доброжелательности.

По жанру «Кремль и народ» является «историографией» макроисторического плана, т. е. отражающей воздействие политических вождей на социально-политическую ситуацию в стране и, в определенной степени, на мир в целом. Представляется важным подчеркнуть, что У. Дюранти, как и другие западные журналисты, находившиеся в СССР в тот период, вряд ли мог беспристрастно высказывать свое мнение. У. Дюранти опирался не только на свое личное впечатление о событиях, очевидцем которых он был, но и на официальную прессу на русском языке; причем его мнение во многом определялось как непосредственно личным опытом общения с И. В. Сталиным (довольно непродолжительным), так и советской цензурой.

Например, У. Дюранти избегает прямых номинаций для обозначения тех событий, оценка которых в западном политическом дискурсе отличается от их трактовки в советском политическом дискурсе. В ряде случаев автор эксплицирует западное восприятие, используя кавычки. Так,

говоря о том, что ряд территорий Польши, Белоруссии, Финляндии и Прибалтики вновь стали советскими, У. Дюранти использует термин, соответствующий политической конъюнктуре в СССР, но кавычками выражает собственный скептицизм: «The territory which the U.S.S.R. had “recuperated” in Poland and Bessarabia and the Baltic and South Finland...» [Duranty 1942: 20]. В данном случае кавычки маркируют западное восприятие так называемого «восстановления территорий».

Вероятно, историк не согласится полностью с трактовкой политических событий в СССР описанных периодов, но широкой читательской аудитории данная макроисториография в целом представляется достаточно объективной и достоверной. Объективности способствует категория авторитетности, реализуемая выдержками из интервью, цитатами известных политических деятелей. Прецедентные феномены актуализируются личными именами, наименованиями значимых исторических событий, датами. Следует учитывать и то, что на восприятие книги влияет индивидуальная картина мира читателя, его восприятие описываемых событий. Нельзя забывать и о том, что официальные трактовки событий ряда исторически значимых периодов в нашей стране неоднократно подвергались пересмотру.

По оглавлению книги можно получить представление не только о знаковых политических событиях описываемого периода (II; III; IV; V; VI; VII; IX; X), но и о культурологических аспектах (I; VIII):

- I. СССР: «почему так», «каковы причины» (The Whys and Wherefores of the U.S.S.R.)
- II. Убийство Кирова (Kirof's Murder).
- III. Процесс «Каменев — Зиновьев» (The Kamenev-Zinovief Trial).
- IV. Казнь «генералов» (The Execution of the “Generals”).
- V. Процесс над Бухариным и Ягодой (The Bukharin-Yagoda Trial).
- VI. Большая чистка (The Great Purge).
- VII. СССР и Мюнхен (The U.S.S.R. and Munich).
- VIII. Душа русского народа (The Hearts of the Russian People).
- IX. Период «нейтралитета» (The Period of “Neutrality”).
- X. СССР в войне (The U.S.S.R. at War) [Duranty 1942: 5].

Используя элементы количественного подсчета, мы выделили прецедентные имена и политические термины; очевидно, что основное внимание уделено Сталину. В историографии 41 045 слов, при этом имя Сталина встречается 136 раз, Ягоды — 88, Ленина — 82, Кирова — 52, Ежова — 19, Ворошилова — 17, Бухарина — 15, Молотова — 10, Буденного — 7, Тухачевского — 3. Ключевым термином, несомненно, является Purge («чистка») — 55 упоминаний.

Доверительность изложения подтверждается, например, признанием автора, что ему не удалось в полной мере познать и понять СССР и советский народ. С первых страниц читатель узнает, что ни хорошее знание русского языка, ни двадцатилетний опыт жизни в России, ни личные встречи со Сталиным, у которого журналист дважды брал интервью, не позволяют утверждать, что ему известно о России все: «I am supposed to

know about Russia, because I've been there twenty years and speak the language fluently and have interviewed Stalin twice, and ought to know about Russia. Well, I don't know all» [Duranty 1942: 7].

В подтверждение вышесказанного журналист приводит перевод фразы известного русского поэта (которую русскоязычный читатель, владеющий английским языком, несомненно, узнает), «Умом Россию не понять...»: «The Russians have a saying, “What man in his little head can compass mighty Russia?” I fear that saying is true» [Duranty 1942: 7].

Совет У. Дюранти «читать книги русских авторов, чтобы понять Россию» не потерял своей актуальности. Он выделяет переведенные на английский язык романы «Цемент» и «Тихий Дон», «Войну и мир» Толстого о Наполеоне, подчеркивая, что именно этот роман «сегодня воспринимается более точным, чем когда он был написан в 1864 г.: писатель отражает события столетилетней давности, которые сегодня снова повторяются... Чехов и Достоевский расскажут вам о России больше, чем двадцать длиннейших книг», ср.:

«...you must read Russian books, like ... *Cement* and *Quiet Flows the Don*, which have been translated; or Tolstoy's *War and Peace*, about Napoleon, which is truer today, far truer, than when it was written, in 1864, and gives you a vision seen and depicted by an artist of something which happened a hundred and thirty years ago and is being repeated, miraculously...

I say Chekov and Dostoyevsky will teach you more about Russia than twenty long-winded books» [Duranty 1942: 7—8].

Интересно отметить, что, описывая противоречивый характер русского человека непосредственно на первых страницах, У. Дюранти отмечает противоречивость русского характера, выделяя не только негативные качества, но и хорошие. Важно отметить при этом, что перечисление характеристик начинается со слова положительной окраски «добрые» (*kind*), т. е. первое впечатление о русских, которое получает читатель, является позитивным: «Каждый русский человек — это все тот же русский: добрый и жестокий, гостеприимный и завистливый, подозрительный и доброжелательный, щедрый... Русские всегда останутся русскими, и замечательное в них именно то, что они — настолько русские, настолько схожие, несмотря на то, что в СССР 79 различных основных языков и сотни диалектов. Их действия схожи, они думают одинаково, что справедливо как для эмигрантов после свержения царизма, так и для большевиков, тех русских, кто остался дома» — «The Russians are always Russians, and the wonderful thing about them is that they are so Russian, so alike in character, although there are seventy-nine different major languages in the U.S.S.R., and hundreds of minor dialects. They act alike and think alike, and this goes for the Tsarist émigrés as it goes for the Bolsheviks at home» [Duranty 1942: 8].

Автор не видит разницы между русскими до-советского периода и «новыми русскими», под которыми он понимает большевиков, сторонников социалистического строя: «Новым русским очень не нравятся, когда им об этом говорят. Они думают, что они изменились... Но это не так. Они не

могут изменить себя, поскольку они формировались на протяжении веков, мы все формируемся, переживая предыдущий опыт. Сущность русских в том, что они сохранили детскую непосредственность; они молоды и полны энергии...» — «The new Russians hate to be told this. They think they have changed their spots... But they haven't. They cannot escape what life made them, the way they were molded by life, for centuries, as we all are molded by years. The basic fact about Russians is that they're a childish people, a young people, full of strength ...» [Duranty 1942: 8].

Объясняя цель опубликованного труда, У. Дюранти особо подчеркивает свою беспристрастность как репортера, который находится вне политических учений, которого «не интересуют „измы“ и „ологии“ (“isms” and “ologies”), ведь он «стремится найти правду и о ней рассказать»: «I don't care for their “isms” and “ologies,” I want only to find the truth and write it as best I can» [Duranty 1942: 12].

Историография, особенно макроисторического плана, как представляется, тесно связана с институциональным политическим дискурсом; политические деятели находятся в центре внимания автора: они «присутствуют» в виде цитирования, описаны их действия, поведение, например, на процессах 1937 г., где журналист лично находился. Происходящее на процессах не вызывало симпатии к России, тем более что период «красной декады» в США закончился, и У. Дюранти стремился не разочаровать западного читателя.

Как отмечают в «Тайной войне против Советской России» М. Сейерс и А. Кан, «истина о московских процессах не покидала архивов государственного департамента или блокнотов московских корреспондентов, которые разделяли сформулированное впоследствии Уолтером Дюранти мнение, что «американский читатель не хочет слышать о России ничего, кроме плохого» [Сейерс, Кан 1947].

Объясняя корни ленинского марксизма, журналист обращается к его вдове, и Н. К. Крупская рассказывает о казни любимого старшего брата Ленина и о мыслях В. И. Ленина, которому тогда было всего восемнадцать лет (и он еще не стал Лениным, а был Володей Ульяновым), по поводу причин этих событий. Невзирая на юный возраст, он смог осознать, что источник всех зол — это деньги, или, точнее, любовь к деньгам. Владимир Ильич Ульянов решил стать марксистом, прочитав книгу К. Маркса «Капитал»: «My husband loved his brother. He admired and loved him dearly. He was only eighteen when it happened, but old enough to think. ...And finally he thought that the source of it all was money, or rather love of money... He had read the book of Karl Marx called *Das Kapital*... And so, his widow told us, “Vladimir Ilyich Ulianof became a Marxist”» [Duranty 1942: 10—11].

Особую сложность при создании интерлингвокультурного текста представляет орфографическая адаптация при передаче инолингвокультурных номинаций с кириллицы на латиницу. В отличие от исторических сочинений, издаваемых во второй половине XX в. и в настоящем тысячелетии, в книге (что характерно для многих изда-

ний первой половины XX в.) автор не поясняет принципы перекодировки. Поскольку общепринятой системы передачи латиницы не существовало и не выработано по сей день, авторы, как правило, следуют распространенным тенденциям своего времени.

При написании русскоязычных имен латиницей У. Дюранти использует транскрибирование, передавая разговорное фонетическое звучание. Так, фамилии, оканчивающиеся на *-ев* или *-ов*, превращаются соответственно в фамилии на *-ef* и *-of* при написании их по-английски, отражая нормативное оглушение согласных в конце слова, свойственное русскому языку: *Andreyef*, *Kirof*, *Molotof*, *Ulianof* и т. д. Следует уточнить, что в современных источниках фамилия Молотов кодифицирована как *Molotov* [Longman dictionary 1998: 876].

В отличие от современных сочинений исторической тематики, автор не комментирует ключевые для изложения политические термины, в книге нет и глоссария, при этом не поясняется содержание таких политических терминов, как the “Trials” и the “Purge”, хотя они вводятся в текст уже на 19-й странице. Веской тому причиной является то, что западная пресса того времени уделяла большое внимание событиям в СССР, что позволяло рассчитывать на информированность читателя.

У. Дюранти известен как американский журналист британского происхождения, что отражается в определенной степени на его стиле. Например, пытаясь объяснить мировосприятие простого русского народа, который не сопротивлялся долгие годы несправедливости, он возвращается к исторически сложившей в стране ситуации, когда «верховной властью для всех был царь, что и предопределило смирение как одну из характерных черт русского народа. В России не было ни Великой хартии вольностей (ограничивающей королевскую власть), ни свободы слова и печати. Вся громадная страна работала на благо пяти процентов населения, которые получали все»: «There was no Magna Charta in Russia... no freedom of press or speech. ...The will of the Tsar was law... The whole vast country was run for the benefit of about 5 per cent of its population» [Duranty 1942: 8—9].

Интересно отметить, что и в современных исследованиях западных историков выделены аналогичные черты русского народа, что подтверждают работы Ш. Фицпатрик (Sh. Fitzpatrick) [см.: Юзефович 2014]. На первых страницах книги У. Дюранти неоднократно подчеркивает, что долгие годы царизма предопределили отсутствие желания изменить свою жизнь, сформировали смирение. Так, он проводит аналогию между рабскими условиями жизни русского народа и африканских рабов, творчески используя идиомы *change the spots*, буквально «изменить свои пятна», т. е. «избавиться от пятен, измениться», и *cast the skin*, буквально «сбросить кожу», метафорически используемую в том же значении. При этом автор называет *skin* «черной кожей эфиопа» (*cast their swart Ethiop skin*): «They (the new Russians) think they have changed their spots, or cast their swart Ethiop skin. But they haven't» [Duranty 1942: 8].

Идиоматика в книге способствует легкости и доступности для массового читателя. С одной стороны, в начале XX в. в англоязычном мире использование поговорок, крылатых слов более не считалось показателем эрудированности, маркером которой служили определенная вариативность при употреблении известных фраз. С другой стороны, книга написана как своего рода беседа с читателем, поэтому в целом, на первый взгляд, может показаться упрощенной, что, однако не совсем справедливо. Судя по интертекстуальным включениям, аллюзиям на известных военных деятелей, значимые события и пр., многие из которых требуют разъяснения для русскоязычного читателя, автор уверен, что его целевой аудитории все это доступно и понятно.

В книге рассказывается также об одном из очерков У. Дюранти, где проводится параллель между Иваном Грозным и И. В. Сталиным (the parallel between Ivan and Stalin), что крайне негативно восприняли американские коммунисты. Как утверждает автор, К. Радек, «один из друзей Сталина в тот период рассказал ему позднее, что Сталин прочитал этот очерк и остался им доволен»: "I implied, pretty clearly, the parallel between Ivan and Stalin, and a Communist sheet in New York screamed its head off... But Karl Radek, who then was still friends with Stalin, told me later that Stalin had read my piece and thought it rather good" [Duranty 1942: 18].

Интересно отметить, что сравнение текстов первого издания книги (Нью-Йорк, 1941; переиздано в 1942) и публикации в Лондоне (первое издание вышло в апреле 1942, второе также в апреле 1942 и третье — в мае 1942) также иллюстрирует журналистское мастерство Дюранти, его внимание к целевой аудитории. В американском издании используется больше американских прецедентных имен, в то время как в лондонское издание они не включены. Логично предположить, что причина этого в том, что автор предвидел возможные сложности в восприятии британской аудиторией значимости таких американских имен, как Джон Купер Уайли (John Cooper Wiley) или Чарльз Мерфи (Charles Murphy).

Так, американское издание открывается эпиграфом: «Моему другу, Джону Куперу Уайли, „самому талантливому из молодого поколения американских дипломатов“, который состоял на дипломатической службе в СССР и знает Европу лучше меня, при этом редко разделяет мое мнение, как об СССР, так и о Европе» — «To my friend, John Cooper Wiley, the „ablest of the younger American diplomats“ who has served in the U.S.S.R. and knows Europe better than I do, but seldom agrees with me about either» [Duranty 1942: 5].

В американском издании образ Сталина репрезентирован, например, через сопоставление его с известным американским политиком-демократом: «Он (Сталин) ...мастерски сохраняет спокойствие, как покойный лидер демократов Чарльз Мерфи из штаба партии „Таммани Холл“ в Нью-Йорке, которого, как мне кажется, Сталин чем-то напоминает» (Charles Francis Murphy, известный также как босс Мерфи (Boss Murphy) — лидер партии демократов США в Нью-Йорке; контролировал политическую организацию «Там-

мани Холл» (1902—1924 гг.), штаб Демократической партии США, управлявшей политической жизнью Нью-Йорка. Мерфи был серьезным, немногословным, но хитрым и проницательным человеком, политиком, который сумел изменить имидж организации на сугубо положительный и поднять ее влияние с местного на общенациональный уровень) — «He ... has learned to control his hotness and master it and keep cool, like the late Charles Murphy of Tammany Hall, New York, whom I think Stalin resembles» [Duranty 1942: 18].

Выше были рассмотрены главным образом первые страницы интерлингвокультурной историографии «Кремль и народ», перевод фрагментов которой опубликован в настоящем выпуске журнала. Надеемся, что удалось заинтересовать отечественного читателя, особенно историков и политологов, чтобы продолжить обсуждение как этой книги, так и западных советологических исследований об У. Дюранти, неординарном и неоднозначном журналисте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. — М.: Большая сов. энцикл., 1998. (CD-ROM).
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Американская лингвистическая советология: начальный этап // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32) С. 26—31.
3. Гаврилова М. В. Некоторые черты речевого портрета первого президента России Б. Н. Ельцина // Политическая лингвистика. 2012. № 4. С. 17—22.
4. Комарицын С. Кремлёвский агент или полезный идиот? 2012. URL: <http://www.gornovosti.ru/> (дата обращения: 18.09.2014).
5. Ненароков А. П. Вступительное слово к русскому изданию // Карр Э. История Советской России. — М.: Прогресс, 1990. С. 9—14.
6. Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России. — М.: ГИИЛ, 1947. URL: <http://militera.lib.ru/research/> (дата обращения: 11.04.2013).
7. Соколов М. О чем забыл Кремль, вручая паспорт Жерару Депардьё. URL: <http://m.forbes.ru/article.php?id=232793> (дата обращения: 10.11.2014).
8. Швецов В. В. Англо-американская немарксистская историография идейно-политической борьбы 1923—1927 гг. в коммунистической партии Советского Союза: автореф. ... канд. ист. наук. — М., 1990. URL: <http://www.dslib.net/> (дата обращения: 28.01.2012).
9. Шлейс Э. Образ врага. URL: <http://www.vedomosti.ru/> (дата обращения: 31.08.2014).
10. Энгельштейн Л. Повсюду «Культура»: о новейших интерпретациях русской истории XIX—XX веков. 2001. URL: <http://www.guelman.ru/slava/> (дата обращения: 10.11.2011).
11. Юзефович Н. Г. Интерлингвокультурная картина мира в английском языке вторичной культурной ориентации (на материале описания российской действительности) : моногр. — Хабаровск : Изд-во ДВГТУ, 2013.
12. Юзефович Н. Г. Идеологизированный субстрат номинаций «счастье» и «тоска» в России предвоенного периода в статье Шейлы Фицпатрик // Политическая лингвистика. 2014. Вып. 1(47). С. 278—282.
13. Якушевский А. С. Зарубежная литература о советско-германской войне. URL: <http://www.kosstu.kz/static/uploads.pdf> (дата обращения: 15.03.2014).
14. Beichman A. Pulitzer-Winning Lies. URL: <http://www.weeklystandard.com/> Jun 12, 2003. (дата обращения: 25.04.2011).
15. Duranty W. The Kremlin and the People. — L.: Hamish Hamilton, 1942.
16. Duranty W. The Kremlin and the People. — N. Y.: Reynal & Hitchcock, 1942.
17. Longman dictionary of English language and culture. — Longman, 1998.

18. Menjkovsky V. I., Barbara Ul. K., Cherkasov A. A. Soviet Union of 1930s in English-Language Historiography. URL: <http://www.erjournal.ru/> (дата обращения: 26.02.2014).

19. Rossi J. The Gulag Handbook. An English Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms Related to the Forced Labor Camps. — N. Y., 1989.

I. G. Ignat'eva

Moscow, Russia

N. G. Iuzefovich

Khabarovsk, Russia

“THE KREMLIN AND THE PEOPLE” THROUGH THE LENS OF TWO EPOCHS

ABSTRACT. *The article characterizes the activity of a well known reporter of the New York Times Walter Duranty in the context of the events of 1920—1930 in the Soviet Union. Western sovietologists believe that it was Walter Duranty who invented the term “Stalinism” to designate a complex of politico-economic principles differing from those of Marxism-Leninism. In his essays, Walter Duranty argued that the future society would be a communist one, justified the cruelty of collectivization by the inevitability of victims for the sake of the future and tried to diminish the scope of hunger in the country, especially “holodomor” in the Ukraine. For a series of articles about the first five-year plan he was awarded Pulitzer Prize. He became again much spoken about in connection with the scandal, which took place in 2003 when a campaign was launched to deprive him of the prize for distorting the facts of hunger in the Ukraine (Holodomor). The authors offer a linguistic characterization of the book by Walter Duranty *The Kremlin and the People*, which is treated as an inter-linguo-cultural text, i.e. as a work of fiction that reflects the impression of the author-bilingual about a different linguo-culture and is objectified through the prism of “another” language, adapted for the actualization of an “alien” substratum and culturally specific phenomena. An inter-linguo-cultural text is to a great extent formed both by the author’s worldview and individual perception of the described events, and by the socio-political world situation and contacting linguo-cultures. Walter Duranty skillfully imitates an informal talk with the reader using simple syntax and reiteration on the lexical and syntactical levels. By its genre, *The Kremlin and the People* is a historiography of a macro-historical scale, i.e. it reflects the impact of political leaders upon the socio-political situation in the country and, to a certain extent, in the world as a whole.*

KEYWORDS: macro-history; inter-linguo-cultural text; distorting reality; Stalinism.

ABOUT THE AUTHOR: Iuzefovich Natal'ya Grigor'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of English Philology and Intercultural Communication, Pacific National University for the Humanities, Khabarovsk, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Ignat'eva Irina Gennad'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of English # 1, Moscow State University of International Relations (MGIMO), Moscow, Russia.

REFERENCES

1. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. 3-e izd. — M. : Bol'shaya sov. entsikl., 1998. (CD-ROM).

2. Budaev E. V., Chudinov A. P. Amerikanskaya lingvisticheskaya sovetologiya: nachal'nyy etap // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 2 (32) S. 26—31.

3. Gavrilova M. V. Nekotorye cherty rechevogo portreta pervogo prezidenta Rossii B. N. El'tsina // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4. S. 17—22.

4. Komaritsyn S. Kremlevskiy agent ili poleznyy idiot? 2012. URL: <http://www.gornovosti.ru/> (data obrashcheniya: 18.09.2014).

5. Nenarokov A. P. Vstupitel'noe slovo k russkomu izdaniyu // Karr E. Istoriya Sovetskoy Rossii. — M. : Progress, 1990. S. 9—14.

6. Seyers M., Kan A. Taynaya voyna protiv Sovetskoy Rossii. — M. : GILL, 1947. URL: <http://militera.lib.ru/research/> (data obrashcheniya: 11.04.2013).

7. Sokolov M. O chem zabyt Krem'l', vruchaya pasport Zheraru Depard'e. URL: <http://m.forbes.ru/article.php?id=232793> (data obrashcheniya: 10.11.2014).

8. Shvetsov V. V. Anglo-amerikanskaya nemarksisitskaya istoriografiya ideyno-politicheskoy bor'by 1923—1927 gg. v kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza: avtoref. ... kand. ist. nauk. — M., 1990. URL: <http://www.dslib.net/> (data obrashcheniya: 28.01.2012).

9. Shleys E. Obraz vruga. URL: <http://www.vedomosti.ru/> (data obrashcheniya: 31.08.2014).

10. Engel'shteyn L. Povsyudu «Kul'tura»: o noveyshikh interpretatsiyakh russkoy istorii XIX—XX vekov. 2001. URL: <http://www.guelman.ru/slava/> (data obrashcheniya: 10.11.2011).

11. Yuzefovich N. G. Interlingvokul'turnaya kartina mira v angliyskom yazyke vtorichnoy kul'turnoy orientatsii (na materiale opisaniya rossiyskoy deystvitel'nosti) : monogr. — Khabarovsk : Izd-vo DVGGU, 2013.

12. Yuzefovich N. G. Ideologizirovannyi substrat nominatsiy «schat'e» i «toska» v Rossii predvoennogo perioda v stat'e Sheyly Fitspatrik // Politicheskaya lingvistika. 2014. Vyp. 1(47). C. 278—282

13. Yakushevskiy A. S. Zarubezhnaya literatura o sovetsko-germanskoy voyne. URL: <http://www.kosstu.kz/static/uploads.pdf> (data obrashcheniya: 15.03.2014).

14. Duranty W. The Kremlin and the People. — L. : Hamish Hamilton, 1942.

15. Duranty W. The Kremlin and the People. — N. Y. : Reynal & Hitchcock, 1942.

16. Longman dictionary of English language and culture. — Longman, 1998.

17. Menjkovsky V. I., Barbara Ul. K., Cherkasov A. A. Soviet Union of 1930s in English-Language Historiography. URL: <http://www.erjournal.ru/> (дата обращения: 26.02.2014).

18. Rossi J. The Gulag Handbook. An English Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms Related to the Forced Labor Camps. — N. Y., 1989.

У. Дюранти
США

Перевод с английского И. Г. Игнатъевой и Н. Г. Юзефович

КРЕМЛЬ И НАРОД (фрагмент)

АННОТАЦИЯ. Перевод начального фрагмента книги У. Дюранти «Кремль и народ». Автор, Уолтер Дюранти, работал корреспондентом «Нью-Йорк таймс» в Москве (1922—1934); удостоен Пулитцеровской премии за очерки о СССР в 1932 г. В мае 2003 г. организована кампания по лишению его премии за искажение фактов голода на Украине (голодомора). В переведенном отрывке автор раскрывает свое отношение к России, русскому народу, создает портреты Сталина и его окружения и делает прогнозы о том, кто займет место руководителя СССР после смерти Сталина. Стиль журналиста направлен на создание доверительной атмосферы и убеждение читателей в подлинности сообщаемых фактов. У. Дюранти пишет с симпатией к русскому народу и большевистскому руководству.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русские; большевик; Ленин; Сталин; «новые русские».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Уолтер Дюранти, корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Москве (1922—1934).

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКАХ: Игнатъева Ирина Геннадьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка №1, МГИМО (У) — Московский государственный институт международных отношений; адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76; e-mail: irene_ignatieva@yahoo.com.

Юзефович Наталья Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Тихоокеанский государственный университет; адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. К. Маркса, 68; e-mail: nataliayuzefovich@rambler.ru.

СССР: «Почему» и «зачем»

Считается, что я должен понимать Россию, потому что прожил там двадцать лет и бегло говорю по-русски; я дважды брал интервью у Сталина и просто обязан знать про Россию всё. Ну так вот, всего я не знаю. Русские говорят: «Умом Россию не понять». Боюсь, что это действительно так. Я знаю достаточно об СССР, чтобы понять, как мало я знаю, потому что не могу объяснить, «какова Россия» или «как» живет. Если вы хотите получить ответы на эти вопросы, читайте русские книги, которые переведены на английский язык, такие как «На Востоке» (P. Pavlenko. *Red Planes Fly East*, Routledge & Sons, 1938; trans. Stephen Garry, NY: International Publishers, 1938) Петра Павленко^[1], «Цемент» (Fyodor Gladkov. *Cement*; trans. A.S. Arthur, C. Ashleigh. N. Y.: F. Ungar Pub. Co, 1960), «Тихий Дон» или «Войну и мир» Толстого о Наполеоне, где все правдиво, даже в большей степени правдиво сегодня, чем в 1864 г., когда роман, в котором отражен взгляд настоящего художника на события, которые произошли сто тридцать лет назад, но удивительным образом повторяются снова, был написан.

Основной вопрос в том, «почему»; только несколько книг — причем не самых коротких — могут претендовать на попытку ответить на вопрос, «какая она — Россия». И, конечно, лучше всех объясняет это художественная литература. Чехов и Достоевский расскажут о России больше, чем двадцать многословных томов. Потому что люди, как известно, не меняются, по крайней мере, не меняются быстро; человеческая природа не изменяется. Русские всегда остаются русскими. Самое замечательное в них то, что они — *такие истинно русские*, такие похожие по характеру, несмотря на то, что в СССР семьдесят девять основных языков и сотни незначительных диалектов. Все русские думают и действуют одинаково,

по-русски, и это относится как к эмигрантам периода падения царизма, так и к большевикам, оставшимся на родине. Я полагаю, что русские всегда остаются русскими, что каждый русский человек — это все тот же русский: добрый и жестокий, гостеприимный и завистливый, подозрительный и доброжелательный, щедрый; тот, кто выстрелит в тебя и глазом не моргнет, а если вдруг промахнется, тут же может расцеловать тебя в обе щеки.

Новые русские терпеть не могут, когда им такое говорят. Они думают, что поменяли окраску или сбросили свою черную эфиопскую кожу. Но нет. Они могут быть только такими, какими их сделала жизнь, такими, какими они веками формировались; мы все формируемся веками. Сущность русских в том, что они молоды, в них много ребячества; они полны силы, горячности и чепухи, свойственной юности. У них еще не было времени вырасти, потому что в течение сотен лет они более или менее охотно мирились с условиями жизни рабов. В России не было ни Великой хартии вольностей^[2], ни акта Habeas corpus^[3], ни свободы слова, ни свободы печати. Знаете ли вы то, что в 1914 г. воля царя была в России законом и для низов, и для высшего света, и никто не мог ее оспаривать? Что вся огромная страна функционировала на благо примерно пяти процентов населения, которые снимали сливки, в то время как все остальные работали на них? Что только один из пяти умел читать и писать, что высший свет жил в роскоши и блеске, затмевающей и Голливуд, в то время как все простые люди жили, словно свиньи, в грязи, болезнях и голоде?

Как я могу описать все это или все те перемены, свидетелем которых я был? Русский человек не стал другим, но процесс изменения уже начался, и он потребует значительного времени. Ленин сказал: «Дайте мне три поколения», но добавил еще кое-что: «Дайте мне пять первых

© Дюранти У., 1942

© Игнатъева И. Г., Юзефович Н. Г., перевод на рус. яз., 2015

лет детства, и тогда часы истории *нельзя будет повернуть назад*. Он сказал это именно в прямом смысле, так же, как утверждают фрейдисты и иезуиты: человеческая личность складывается в самые ранние детские годы; то, что мы познаем первым, заложено глубже всего. Основной формулой государственного управления всегда была короткая фраза — «Учите детей». Ленин, без сомнения, использовал слово «дети» в буквальном смысле; как я уже говорил, в данном случае он не имел в виду детскость своего народа, который кидается из крайности в крайность, из дружбы в ненависть, из отчаяния в безудержную радость. Ленин не согласился бы с моими высказываниями, потому что ему ребячество было несвойственно. Несмотря на татарские корни, он был настоящим русским. Родился он в Симбирске, на границе нынешней Татарской республики — сегодня в его честь город переименован в Ульяновск: настоящая фамилия Ленина была Ульянов.

В один из самых запомнившихся моментов моей жизни, на следующий день после смерти Ленина, я слушал рассказ его вдовы о том, почему он стал большевиком. Оказалось, что у Ленина был старший брат, которого он любил. Брат получил образование в Санкт-Петербурге и поддерживал — как любой мальчишка в его возрасте, а ему был всего лишь двадцать один — дружеские отношения со своими одноклассниками. Он написал одному из них письмо, обычное письмо, типа «Как дела, я делаю то-то и то-то, пиши чаще, какие у тебя планы» и тому подобное — обычное письмо. Но оказалось, что одноклассник глубоко вовлечен в подготовку покушения на царя, которое произошло примерно в то же время. Царская полиция арестовала и повесила этого одноклассника, а заодно и брата Ленина, за то письмо.

Вдова Ленина рассказывала эту историю искренне, с правдивой интонацией. Она рассказывала так: «Мой муж любил своего брата. Он очень восхищался им и любил его. Хотя ему было всего восемнадцать лет, когда это случилось, он уже был достаточно взрослым, чтобы задуматься. Он думал, что свергнет всех царей с золотых престолов, потому что все, что они делали, было неправильным и не могло, не должно существовать. Никакая власть не должна иметь право вырвать молодого человека из дома и повесить как собаку только потому, что он написал письмо». Она сказала: «Мой муж понимал это и знал, что он должен делать». Он долго думал, прежде чем принять решение. Но в конце концов понял, что источник всех бед — это деньги, или, скорее — любовь к деньгам и власть денег. Он понял, что неограниченная власть денег безнравственна и омерзительна. Он прочитал книгу Карла Маркса „Капитал“, которую лично я считаю длинной, неумной и скучно написанной — все, что Маркс хотел сказать в этой длинной, неумной книге, лучше и лаконичнее изложено в памфлете под названием „Коммунистический манифест“, написанной совместно с Фридрихом Энгельсом. И Ленин в свои 18 лет понял, где ключ к решению проблемы. «Поэтому, — сказала его вдова, — Владимир Ильич Ульянов стал марксистом», и все знают, что он превратил одну шестую часть всей земли в

марксистскую, и завтра таких стран может стать больше, если так решит Сталин.

Я объяснил, *каким был Ленин*, а не «почему» и не «как». Именно «каким». «Каким был Ленин», если на его похороны в Москве пришли 750 000 человек и стояли в снегу около пяти часов на тридцатиградусном морозе, чтобы получить честь и право зайти в комнату, где лежало тело Ленина, и попрощаться со своим вождем. Репортаж об этом писался как бы сам собой: я видел то, чему был свидетелем, и рассказывал, невзирая на требуемый объем статьи — десять тысяч слов в день. Редактор журнала *Atlantic Monthly* господин Седжвик, с которым я лично не был знаком, совершенно неожиданно прислал мне похвальное письмо: «Ваш рассказ о Ленине грандиозен». Не так часто доводится репортеру слышать такую оценку, но, когда так случается, то это очень приятно.

Если вы поняли смысл этого не совсем скромного абзаца, он заключается в том, что я *могу* объяснить, «какой была Россия», но не буду этого делать. Сейчас важно понять «почему», а единственный способ узнать это заключается в том, чтобы вернуться к истокам, понять причины того, что происходит.

Позвольте мне сейчас просто объяснить, какую книгу я стараюсь написать. После убийства Кирова в 1934 г. я наблюдал постепенное развитие активности нацистов, которая была направлена против СССР и достигла кульминации 22 июня 1941 г. Не думайте, что трибуналы и чистки отошли в прошлое, что они только абстракции. Люди, которые имеют к этому отношение, мертвы... насколько я понимаю, ...они превратились в прах; но причины, которые стоят за их безумствами, или преступлениями, или злодеяниями объясняют, почему Россия сегодня такая, какая есть, почему Россия сражается в войне столь мужественно.

В этом месте я бы хотел отвлечься и кое-что объяснить. Как вы поняли, я — репортер, и мне безразличны все «эти идеи»; мне не интересны все эти «измы» и «логии». Я просто хочу найти истину и рассказать о ней в полную силу своих способностей.

Я думал, если вам интересно узнать мое мнение, что большевики омерзительны: я был в Латвии в конце 1919 — начале 1920 г. на стороне армии, сражавшейся с красными. И победившей их — именно Латышская армия одержала победу; красные потерпели поражение единственный раз, потеряв территорию латышской провинции Латгалии, откуда они были изгнаны. Я встречался со многими людьми, которые пережили ад большевистской революции. Я считал большевиков ужасными. Более того, в последний год Первой мировой войны в ставке французского командования, где я тогда находился, все верили, что большевики чуть не убили нас, что Брестский мирный договор — предательский по отношению к союзникам, дающий возможность миллиону немцев перейти в наступление на линии фронта союзников. Что они и сделали в марте 1918 г., разбив на голову британскую армию, а это для понимающих людей означало, что дорога на Париж открыта со всеми вытекающими последствиями. С марта по июль казалось, что немцы вы-

игрывают из-за этого большевистского мира — уж мне-то этого не знать! 15 июля, в день решительного наступления, в штабе французской армии мне сказали: «Пиши очерк, но напиши его пессимистично. Американские солдаты прибывают по полмиллиона в месяц, поэтому мы не очень боимся, но мы можем потерять Париж, или Париж будет обстрелян — вот в чем проблема, поэтому пусть очерк будет пессимистичным. Опиши все в мрачных красках, чтобы твои соотечественники узнали о том, как все еще сильны немцы и как нам нужна помощь».

Так получилось, что нападение было отражено. Четвертая армия под командованием Гуро^[4] остановила немцев в месте их основного удара, а в центре фронта находились американцы, помогавшие французам выстоять. Четыре дня спустя, 19 июля, французы перешли в контрнаступление под Суассоном, но и тогда в штабе сомневались в исходе, особенно в самом начале. Они говорили: «Не называйте это контрнаступлением, можете написать, что наши войска атакуют, но не называйте это контрнаступлением». Я говорю вам правду, и это примечательно. Так они сказали в 9 утра, но в полдень они сказали: «Теперь можете написать, что силы союзников — войска Франции, Великобритании и Америки — атакуют врага на протяжении восьмидесяти миль^[5] фронта под Суассоном и потеснили немцев на всех направлениях. Впервые в этом году инициатива перешла к союзникам». Они смогли ее удержать, и через три месяца война закончилась.

Как бы то ни было, в августе 1921 г. я отправился в Москву в составе миссии Американской администрации помощи (ААП), возглавляемой Гербертом Гувером^[6], призванной оказать помощь в борьбе с ужасным голодом, который угрожал жизни тридцати миллионов людей: в самый пик голода миссия кормила одиннадцать миллионов мужчин, женщин и детей, спасая их жизни, — так вот, когда я ехал в Москву, я считал большевиков ужасными. Я думал, что они приматы-убийцы, враги Господа и человека. Да, так я думал. Но вот что странно: когда вы помогаете людям, пусть даже таким способом, как помогал им я — писал репортажи о том, что делает для русских Американская администрация помощи — так вот, когда помогаешь людям, они начинают тебе нравиться. Все сотрудники ААП чувствовали что-то подобное; им не нравились большевики, но они помогали им, во всяком случае, помогали русским в час самой безысходной нужды. Если бы не наша помощь, русские бы умирали как мухи, они и умирали, но мы помогали им выжить, и вынуждены были их полюбить — это психологическая закономерность. И тогда я сказал себе: «Ну ладно, пожалуй, мне нравятся русские. Возможно, они действительно настолько плохие, как я считал, но мне, пожалуй, русские нравятся. И, как бы там ни было, что мне за дело? Они же не моих родных убили». Таков был, если позволите так выразиться, первый этап моего обучения.

Следующий наступил позже, когда я выбрал Сталина из шести возможных преемников Ленина. Где-то в 1923 г. я понял, что на плече Ленина — рука смерти. Я знал, что он обречен, и всмотрелся в его окружение, чтобы понять, кто из них сможет

принять факел из его рук. Я выбрал именно Сталина по причинам, которые слишком долго здесь излагать; я выбрал его и поддерживал его все это время, как поддерживают лошадь на скачках. Однажды он сам сказал мне: «Ты поставил на правильную лошадь». Сталин якобы говорил о России, но и он знал, и я знал, что в действительности он говорил о себе: я выбрал его первым и поставил на него. На него, а не на Троцкого или Тухачевского, не на Ягodu или Бухарина, не на кого-либо другого.

Я оказывал поддержку Сталину, как вы поддерживаете лошадь, если вы думаете, что это — «ваша» лошадь; она может принадлежать кому угодно, но вы думаете о ней как о своей лошади, потому что всегда делали на нее ставки. Так я думал о России, так я думаю о Сталине. Меня не интересует ни социализм, ни тоталитаризм, ни какой-либо другой из их «измов». Ну, возможно, когда-нибудь в будущем это покажется интересно, но вряд ли сегодня и явно не для нас. Может, русским будет хорошо с государственным капитализмом, который не совсем социализм и который, конечно, совсем не коммунизм, но почему мы должны идти их путем? Я считаю, что наш путь ясен, мы движемся в сторону контролируемого государством капитализма, а социализм, свидетелем которому в СССР я был, на данный момент особо не работает.

Позвольте мне рассказать одну занимательную историю. Для этого придется потревожить прах тех людей, которые проиграли, исчезли и, если я не вытащу их на свет, наверное, о них забудут, но эта история также объясняет «почему» сегодняшнего дня: почему Германия воюет с Россией и почему Россия сдерживает немцев.

Сначала, однако, следует рассказать кое-что о людях, которые управляют сегодня СССР. Несомненно, что в центре — Сталин, невысокий грузин чуть более шестидесяти лет, плотного телосложения, физически сильный и с седеющей буйной шевелюрой и усами. Он получил хорошее образование в духовной семинарии, из которой был исключен за «подстрекательскую деятельность». Однажды я спросил его, почему он выбрал имя Сталин — его настоящее имя Иосиф Виссарионович Джугашвили. Я думал, что, вероятно, он когда-то проводил подпольную работу на каком-нибудь сталелитейном заводе, и поэтому взял себе имя Сталин. Равно как Ленин взял псевдоним по названию реки, поскольку был потрясен массовыми расстрелами рабочих во время забастовки на золотых приисках на реке Лена, и с тех пор в знак памяти подписывался «Ленин». Сталин пожал плечами и улыбнулся — у него очень привлекательная улыбка, но глаза могут быть холодными как сталь, что мне хорошо известно: при первой беседе с ним какая-то моя фраза его рассердила, и он на меня так посмотрел, что я почувствовал тревогу — но он сказал: «Нет, ничего подобного, имя появилось само собой, а мои друзья решили, что оно мне подходит». У него хорошее здоровье, но говорят, что у него расширены отделы сердца — не смертельно и жизни не угрожает, но требуется исключить тяжелые физические нагрузки.

Рассказывали, что несколько лет назад, прежде чем нацисты вошли в Вену, один из ведущих венских специалистов в области кардиологии

внезапно вылетел куда-то на восток. На следующий день он прибыл в Москву в Кремль. За очень большое вознаграждение его попросили дать заключение о здоровье Сталина. Он обследовал вождя очень тщательно, затем его провели в соседнюю комнату и попросили написать отчет. После того, как отчет был закончен, он решил, что на этом история закончилась, но не тут-то было. Они провели его обратно и попросили обследовать *другого* Сталина, и еще одного, и еще... Всего их было пять, и о состоянии здоровья каждого надо было написать отчет. Для него они все выглядели одинаково или почти одинаково, за исключением диагнозов. Один не должен был прожить и трех месяцев, другой был также приговорен, у одного были расширены отделы сердца, но при соблюдении осторожности он мог прожить и двадцать лет. У следующего вообще никаких проблем не было, а у еще одного обнаружился слабый шум в сердце. Профессор подготовил заключения и улетел обратно в родную Вену; но он не знал и не мог никому рассказать, который из Сталинов был болен или здоров. Думаю, что это — прелестный рассказ, но боюсь, что в нем нет ни капли правды. Профессор, о котором идет речь, действительно однажды срочно вылетел на восток, отменив все встречи, но летал он в Бухарест ради королевы Румынии Марии.

Сталин является правителем СССР; в его руках сосредоточена такая власть над огромным количеством людей, которой до него не обладал никто, за исключением разве что несравненного Александра Македонского, правителя Македонии и всего мира. Сталин скромно и говорит тихим голосом, мало жестикулируя. Во время публичных выступлений он использует записи исключительно для цифровых данных. Он — не самый выдающийся оратор, но говорит так, что каждое слово имеет особый вес. Однажды я написал заметку в «Нью-Йорк таймс», основываясь на докладе Хаклюта^[7] о визите посланника Ее Величества Королевы Елизаветы на судебное заседание времен Ивана Грозного. Я, безусловно, подразумевал аналогию между Иваном и Сталиным, и коммунистическая газетка в Нью-Йорке подняла шум, заявив, что меня надо расстрелять за *lèse-majesté* — оскорбление монарха, государственную измену или что-то в этом роде. Но позднее Карл Радек, который в то время был все еще дружен со Сталиным, рассказал мне, что Сталин прочитал мою статью и хорошо о ней отзывался. Его самые выдающиеся качества — это настойчивость и трезвая оценка людей и событий. Он — грузин, а грузины — «горячий» народ, как ирландцы, но Сталин научился контролировать свой горячий темперамент и сохранять спокойствие.

Следующий — это Жданов, крупный мужчина, слегка за сорок, который, как говорят, станет преемником Сталина; в настоящий момент он является политическим боссом Ленинграда. Самый живой ум в Кремле, теоретик марксизма, без сомнения предан Сталину, как, впрочем, и все остальные. Сталин выбирал людей, с которыми он работал в прежние времена.

Все они — Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян и остальные — в прежние времена рабо-

тали с ним под большим давлением. Они ему доверяют, а он доверяет им. Среди них есть двое молодых людей, слишком молодых, они не могли работать с ним раньше; это — Жданов и Берия, народный комиссар внутренних дел, или НКВД, известного также как ОГПУ. Я думаю, что в моем списке он — третий.

Берия — высокий, привлекательный грузин, с ученой внешностью, носит пенсне, образованный, также слегка за сорок. Он прекратил «чистки», чем, возможно, спас весь режим, что о многом говорит.

Молотов — народный комиссар иностранных дел, здоровяк, основательный человек, никогда не был гением, но на него всегда можно положиться. Когда Сталин попросил Ленина принять Молотова в Центральный комитет партии, Ленин ответил: «Почему этого? ...Хороший, скучный, трудолюбивый, если хочешь, то почему нет? ...но я не совсем понимаю... По моему мнению, он во всей Москве лучший офисный служащий».

Пожалуй, Ленин был не прав только этот единственный раз. Я имею в виду то, что Молотов, может быть, и излишне трудолюбив, и точно очень скучный оратор, но тем не менее он оказался на своем месте. Он вырос на своем посту, не блестящий, но всегда такой основательный тип человека, который необходим любому кораблю под названием «Государство» как балласт, тот, на ком лежит вся административная работа.

Каганович — единственный еврей в Политбюро; высокий, умный и довольно веселый. Некоторые иностранные обозреватели считают, что его звезда зашла за тучу, но в моем рейтинге он стоит высоко. Я встретил его однажды на обеде в честь строителей метро. Вы же слышали о Московском метро — как они строили его на энтузиазме и тяжелом труде, воплотив в жизнь крестьянскую мечту: сверкающий мрамор и море цвета, чтобы «догнать и перегнать Америку!» — они превратили этот лозунг в жизнь с помощью Московского метро, и теперь крестьяне приезжают и восхищаются. Честно говоря, на фоне Московского метро подземка Нью-Йорка выглядит как грязная монетка; Московское метро работает, может быть, не так хорошо, как Нью-Йоркское, но работает, а смотрится, как царь Соломон во всем своем великолепии. Каганович построил самое удивительное метро. Он — самый лучший кремлевский игрок, «пинч-хиттер»^[8]. Когда Каганович был назначен народным комиссаром тяжелой промышленности, она была полностью разрушена, но он ее восстановил; а сегодня он — народный комиссар нефтяной промышленности, без которой страна не может участвовать в современной войне.

Ворошилов, народный комиссар обороны, по основательности превосходит Молотова. Он популярен в армии и в стране, его инспекционная поездка по Сибири дает мне основание сравнить его речи с посланиями святого апостола Павла^[9]. Его слава вполне заслужена. Ворошилову около шестидесяти, но он до сих пор является одним из лучших стрелков из пистолета в Красной армии.

Из военных я бы выделил Шапошникова, начальника Генерального штаба, старшего по возрасту, окончившего с отличием Императорскую военную академию^[10]. Он был, я думаю, полков-

ником, в любом случае, кадровым офицером в царской армии во время последней войны.

Еще один достойный человек из окружения Сталина — Тимошенко, осмотнительный и мыслящий. Мне было непонятно, как так произошло, что, напад на Россию, немцам удалось захватить тысячи танков и самолетов и бог знает чего еще, взять в плен множество людей, что утверждалось в первых немецких коммюнике. Внешние зоны на тех территориях Польши, Белоруссии, Финляндии и Прибалтики, которые СССР «вернула себе», оказались зонами обстрела, чтобы измотать и задержать немецкие танковые силы. Я не понимал, почему маршал Тимошенко, советский генералиссимус, крепко сколоченный, упрямый украинец, мог подставить под удар свои основные военные силы и технику на этих удаленных территориях. Ответ заключался в том, что он и не подставлял. У него был свой план ведения войны, и он встретил немцев фронтальным ударом на своем «поле битвы» под Смоленском и на всем протяжении старых границ от Одессы до Ленинграда. Немцы прорвались на украинскую территорию, потому что там удобно проходить танкам: земля ровная и без леса.

Маршал Буденный является самым колоритным из советских военных: типичный казак, жестокий как смерть и крепкий как камень. У него длинные казацкие усы и особый казацкий «шик»; он много пил, много ругался, отличный наездник — настоящий воин уровня Стюарта^[11] или Мюрата^[12]. Низкорослый, коренастый, крепкий как дуб, первый боец среди равных. Много историй известно о Буденном, но у меня нет времени их рассказывать; он — великолепный партизан, но не стратег. Мозги есть у начальника штаба, а у Буденного есть то, что необходимо России этой холодной и суровой зимой: отвага человека, который никогда не признает, что проиграл.

Следующий в окружении Сталина — Микоян, пронзительный, черноглазый армянин, очень аккуратный; ему около пятидесяти лет. Он — народный комиссар торговли и чрезвычайно близок к Сталину.

Еще один важный человек в кремлевской иерархии — Андреев, совесть партии; он возглавляет Комиссию партийного контроля, которая думает, как партия должна думать. А Калинин — старый крестьянский председатель — думает, как думают крестьяне.

Теперь у вас есть представление о тех, кто управляет Россией, и, если бы я мог делать ставки, я бы распределил их в таком порядке: Сталин — первый, вторыми идут Жданов и Берия, третьими — Микоян и Каганович.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Петр Павленко (1899—1951) — советский писатель, сценарист, военный корреспондент; писал в стиле псевдореализма. В книге-утопии «На Востоке» Советский Союз захватывает Японию под вдохновляющим руководством Сталина.

W. Duranty
USA

Translation from English by I. G. Ignateva, N. G. Iuzefovich

THE KREMLIN AND THE PEOPLE (fragment)

ABSTRACT. This is a translation of a fragment from the beginning of the book by W. Duranty *The Kremlin and the People*. The au-

[2]. «Грамота, подписанная английским королем Иоанном Безземельным 15 июня 1215 г., гарантирующая права баронов» [Большая советская энциклопедия]. Считается первым документом, закрепляющим права вассалов.

[3]. *Habeas corpus*, полное название — «Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями» (т. е. вне пределов Англии), — существовавшее издревле, по некоторым данным, еще до Великой хартии вольностей, понятие английского права, гарантирующее личную свободу [БЭС].

[4]. Анри Жозеф Эжен Гурб (Henri Joseph Eugène Gouraud), 1867—1946, французский генерал, участник колониальных войн в Африке, военный губернатор Парижа. В 1914 г. назначен главнокомандующим войсками в Западном Марокко и после начала Первой мировой войны во главе 4-й бригады колониальных марокканских войск отправлен в Европу. 15.09. произведен в дивизионные генералы и назначен командиром 10-й пехотной дивизии. В январе 1915 г. император Николай II пожаловал ему орден Св. Георгия 4-й степени.

[5]. 80 миль — 128,75 км.

[6]. Гувер (в 1929—1933 гг. — президент США от Республиканской партии) в 1918—1923 гг. возглавлял American Relief Administration (ARA), оказывая помощь России продовольствием в 1921—1923 гг.

[7]. Ричард Хаклит Richard Hakluyt (встречается также написание Хаклойт, Хаклот, Гаклойт), 1552/3?—1616, — прозаик эпохи Елизаветы, идеолог английской колонизации; описал открытия англичан в сборнике «Великие географические открытия и путешествия» (*The principal Navigations, Voyages and Discoveries of the English nation*, 1589) [Richard Hakluyt]

[8]. «Пинч-хиттер» — в крикете и бейсболе игрок, выходящий на замену в экстренных случаях, обычно когда надо срочно сделать игру, набрав быстро очки.

[9]. В своих четырнадцати дошедших до настоящего времени посланиях святой апостол Павел обращался к членам различных христианских общин (галатам, коринфянам, фессалоникийцам, римлянам), разъясняя основы веры; он осуждал недопустимое поведение некоторых членов общин, выступал против внутреннего раздора и клеймил его зачинщиков.

[10]. Официальное название при создании, в 1855 г. переименована в Николаевскую академию Генерального штаба в память императора Николая I, с 1909 г. — Императорская Николаевская военная академия.

[11]. Джеймс Юэлл Браун Стюарт (James Ewell Brown Stuart), известен как «Джеб» Стюарт (J. E. B. Stuart), 1833—1864; выдающийся американский кавалерист, генерал-майор армии Конфедерации.

[12]. Иоахим Мюрат (*Joachim Murat*, по-французски произносится *Мурá*), маршал, король Неаполитанского государства в 1808—1815 гг. (награжден Наполеоном в 1808 г. за выдающуюся храбрость). Наполеон: «Не было более решительного, бесстрашного и блестящего кавалерийского начальника... Он был моей правой рукой, но, предоставленный самому себе, терял всю энергию. В виду неприятеля Мюрат превосходил храбростью всех на свете, в поле он был настоящим рыцарем, в кабинете — хвастуном без ума и решительности» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона).

ЛИТЕРАТУРА

1. Duranty W. *The Kremlin and the People*. — L. : Hamish Hamilton, 1942.

2. Richard Hakluyt // *Encyclopedia Britannica*. URL: <http://global.britannica.com/biography/Richard-Hakluyt>.

thor of the book, Walter Duranty, was a *New York Times* correspondent in Moscow in 1922—34 and was awarded Pulitzer Prize for his essays on Russia in 1932. In May, 2003 a campaign was launched to deprive him of the prize for distorting the facts of hunger in the Ukraine (Holodomor). In the given fragment, the author shows his attitude to Russia and the Russian people, creates the portraits of Stalin and his entourage and makes predictions about the future USSR leader after Stalin's death. The style of the journalist is aimed at creation of the atmosphere of trust and the feeling of authenticity of the described events. Walter Duranty writes about the Russian people and the Bolshevik leaders with evident sympathy.

KEYWORDS: *Russians; Bolshevik; Lenin; Stalin; new Russians.*

ABOUT THE AUTHOR: *Walter Duranty, 1932 Pulitzer Prize winner for his essays on Russia, was a New York Times correspondent in Moscow in 1922—34. His name has become notorious as in 2003 he was accused of distorting the Ukrainian Holodomor in his essays.*

ABOUT THE TRANSLATORS: *Ignat'eva Irina Gennad'evna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of English № 1, Moscow State University of International Relations (MGIMO), Moscow, Russia.*

Iuzefovich Natal'ya Grigor'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of English Philology and Intercultural Communication, Pacific National University for the Humanities, Khabarovsk, Russia.

REFERENCES

1. Duranty W. *The Kremlin and the People.* — L. : Hamish Hamilton, 1942.

2. Richard Hakluyt // *Encyclopedia Britannica.* URL: <http://global.britannica.com/biography/Richard-Hakluyt>.

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'42
ББК Ш105.51

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

С. А. Ерёмкина
Екатеринбург, Россия

НОВЫЕ ПРИЕМЫ ХАРАКТЕРИСТИКИ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА

АННОТАЦИЯ. Рецензия на монографию доктора филологических наук, профессора Е. В. Шустровой «Барак Обама и современная американская карикатура» (Екатеринбург, 2014). Появление работы обусловлено актуальностью обращения к исследовательскому объекту, требующему комплексного, многоаспектного изучения, в частности карикатурам, юмористическим рисункам и рекламе, сопровождаемым коротким текстом. Такие формы, называемые креолизованными текстами, помимо собственно лингвистического анализа, нуждаются в психологической, социологической и художественной оценке. На сегодняшний день не выработано общепризнанной методики анализа подобного синкретического материала. В первых главах монографии анализируются речи самого Барака Обамы, выявляются характерные для афроамериканской культуры образы и риторические приемы, восходящие к проповедям. Отдельно рассматривается метафорическое представление России посредством антитезы (союзник — враг, необъятное пространство — закрытая коробка). Метафорические модели, характерные для дискурса публичных выступлений Б. Обамы, сопоставляются с метафорическими моделями карикатур на действующего американского президента. Выявляются проявляющиеся (и трансформирующиеся) в карикатурах культурные феномены: базовые архетипы юнгианской аналитической психологии, прецедентные феномены (ситуация, имя, прецедентные поза и жест), лингвокультурные типажи (супергерой, гоблин), типичные образы афроамериканской культуры (вульгарные Руфус и Самбо, миролюбивые Бакуит и Джим, а также дядя Том, образы детей-хулиганов).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: графическая метафора; креолизованный текст; политический дискурс; политическая карикатура; Б. Обама; В. Путин.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ерёмкина Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра риторики и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет; адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: swegle@yandex.ru.

Сегодня весьма актуальным является обращение к материалу исследования, требующему комплексного изучения. Таковыми являются карикатуры, юмористические рисунки и рекламы, сопровождаемые коротким текстом. Данные формы, называемые креолизованными текстами, помимо собственно лингвистического анализа, нуждаются в психологической, социологической и художественной оценке. Существует множество методик анализа лингвистического материала, но формы анализа синкретического материала на сегодняшний день еще не отработаны и не систематизированы. В связи с этим представляется интересным ознакомиться с опытом анализа такого рода текстов в различных аспектах. Приведем краткую характеристику содержания недавней работы такого рода — монографии Е. В. Шустровой «Барак Обама и современная американская карикатура».

Монография содержит 10 глав, в которых автор в различных аспектах анализирует вербальный и визуальный ряд карикатур и предлагает различные методики анализа текстов речей Барака Обамы.

Первая глава «Дискурс Барака Обамы: приемы и образы» посвящена анализу речей Б. Обамы до выборов и после избрания на пост президента. Автор выявляет в речах президента типичные для афроамериканской культуры образы Спасителя, проповедника и хитрого животного и типичные для той же культуры приемы риторики — проповеди через аллитерацию, намек и параллелизм.

Вторая глава «Образ России в речах Барака Обамы» представлена рядом метафор, построенных на антитезе и оценивающих Россию в ключе антитезы: то как союзника, то как врага, то как необъятное пространство, то как закрытую коробку.

В третьей главе книги «Карикатурные образы Барака Обамы» автор сопоставляет метафорические модели, характерные для дискурса публичных обращений Б. Обамы, и метафорические модели в американской карикатуре на действующего президента.

Четвертая глава «Проявление языковой игры в вербальном и визуальном компоненте карикатуры на Барака Обаму» выявляет метафоры различных типов, которые являются основным способом проявления языковой игры.

В пятой главе «Основные архетипические образы в американской карикатуре на Барака Обаму» с опорой на концепцию Юнга анализируются трансформации базовых архетипов в политической карикатуре на Барака Обаму. Были выявлены доминирующие архетипы Тени, Анимы и Анимуса, Старого Мудреца, Самости, Персоны, или Маски, Великой Матери и Дитя.

В шестой главе «Прецедентные феномены в карикатуре на Барака Обаму» Е. В. Шустрова выделяет отсылки к прецедентному тексту и высказыванию, отсылки к прецедентной ситуации, отсылки к прецедентному имени и делает интересное замечание о том, что в графике используются прецедентная поза и жест.

Седьмая глава «Лингвокультурные типажи карикатурного Барака Обамы» представлена характеристикой типичных для американской лингвокультуры типажей супергероя и гоблина, а также типичным для афроамериканской культуры типажом слепца. Автор делает интересное замечание о том, что в различных национальных лингвокультурах (в рамках одной страны, США) доминируют различные типажи.

Восьмая глава «Стереотипные образы афроамериканцев в американской графике» посвя-

щена типичным для афроамериканской культуры образам. Это и вульгарные Руфус и Самбо, и миролюбивые Бакуит и Джим, а также типичные литературные и фольклорные образы дяди Тома и Мамушки, детские образы детей-хулиганов, голодных и не знающих стыда. Ряд карикатур на Барака Обаму может быть сопоставлен с этими стереотипами, но таких изображений немного.

Девятая глава «Барак Обама и выборы 2012 г. в американской графике» посвящена исследованию изменений метафорических моделей в обрисовке образа Обамы до выборов в течение его президентства. Автор обращает внимание на вербальную оценку, коррелирующую с изображением. Слоган, сопровождающий карикатуру, открывает множество смыслов и позволяет глубже понять символику картинки. Впрочем, на наш взгляд, Е. В. Шустрова иногда слишком глубоко исследует языковой материал, ища в нем различные смыслы, которые в надписях не предусматриваются. Таковыми, например, являются рассуждения по поводу карикатуры «deBates» (рисунок 320). Скорее всего, здесь сделана отсылка к известному

американскому сериалу «Мотель Бейтсов», в котором рассказывается о глуповатой и несусальной семейке, не умеющей вести дела.

Десятая глава «Барак Обама в американской графике 2014 г.» представляет анализ последнего, свежего материала, в котором воплощен образ Б. Обамы. Значимым является сопоставление стереотипных образов политиков, сложившихся в истории карикатуры, и наложение этих стереотипов на образ Обамы.

Опыт анализа карикатуры и текстового материала, безусловно, позволяет иначе посмотреть на языковые и лингвокультурные факты, оценить связь разных уровней языковых систем.

Работа имеет явно выраженную практическую направленность и будет необходима в первую очередь молодым ученым, интересующимся проблемами исследования креолизованного текста и СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шустрова Е. В. Барак Обама и современная американская карикатура / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014.

S. A. Eremina

Ekaterinburg, Russia

NEW TECHNIQUES OF CHARACTERIZATION OF CREOLIZED TEXT

ABSTRACT. This publication is a review of the book by Prof. E. V. Shustrova *Barak Obama and the Modern American Cartoon*, (Ekaterinburg, 2014).

The publication of the book is substantiated by the urgency of turning to the object under research, which needs a complex multi-aspect study of caricatures, humorous pictures and advertisements supplied with a short text. Such forms are called creolized texts and, apart from linguistic proper analysis, need interpretation from the positions of psychology, sociology and art. At present, a universal method of analysis of such syncretic material has not been worked out yet. The first chapters are devoted to the analysis of the speeches of President Obama and the description of images and rhetorical devices originating from sermon and characteristic of Afro-American culture. A separate study is devoted to the metaphorical presentation of Russia with the help of antitheses (ally – enemy, unfathomable space – closed box, etc.). Metaphorical models, characteristic of the discourse of public speeches of B. Obama, are compared with the metaphorical models of cartoons of the acting American President. The author depicts the following cultural phenomena, functioning (and transforming) in the caricatures: basic archetypes of Jungian analytical psychology, precedent phenomena (situation, name, precedent pose and gesture, etc.), linguo-cultural characters (superman, goblin, etc.), and typical images of Afro-American culture (vulgar Rufus and Sambo, peaceful Buckwheat and Jim Crow, Uncle Tom and children hooligans).

KEYWORDS: graphical metaphor; creolized text; political discourse; political cartoon; B. Obama; V. Putin.

ABOUT THE AUTHOR: Eremina Svetlana Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Rhetoric and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Shustrova E. V. Barak Obama i sovremennaya amerikanskaya karikatura / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2014.

А. П. Чудинов, Е. А. Нахимова
Екатеринбург, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ АНТРОПОМОРФИЗМ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Рецензия на монографию Руслана Джаваншировича Керимова и его диссертацию, которую молодой ученый не успел защитить, хотя диссертационный совет Уральского федерального университета принял ее к защите, назначив оппонентов, ведущую организацию и дату защиты.

В трудах Р. Д. Керимова были разработаны, обоснованы и адаптированы на конкретном языковом материале теоретические принципы метафорического моделирования в современной немецкой социально-политической коммуникации, на основе чего сделан вывод о доминантной модели метафорического антропоморфизма, выделены ее базовые сегменты. Исследователь предложил понимание политической коммуникации как совокупности речевых и узуальных номинаций, что позволяет, наравне с рассмотрением дискурсивных особенностей экспликации вторичных номинантов, обратить также внимание и на собственно языковые факты социальной субсистемы лингвокультуры. Метафорическая антропоморфизация социальной реальности в политической коммуникации проявляется системно и на регулярной основе задействует с разной степенью частотности и продуктивности все три языковых пласта, актуализирующих концептуальную метафорику.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая коммуникация; политическая метафорология; немецкая политическая метафора; метафорическая модель; военная метафора; социально-политическая коммуникация; антропоморфная метафора; морбиальная метафора; Руслан Керимов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26, оф. 219; e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Нахимова Елена Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26; e-mail: v.nakhimov@rambler.ru.

В заглавии данной публикации вынесено название докторской диссертации Руслана Джаваншировича Керимова, которая была принята к защите диссертационным советом Уральского федерального университета (председатель — профессор Людмила Григорьевна Бабенко). Талантливый ученый многое успел за 35 лет своей жизни: с отличием окончил факультет иностранных языков Кемеровского государственного университета, через три года блестяще защитил кандидатскую диссертацию в Барнауле, издал две монографии без соавторов и еще четыре монографии в соавторстве, опубликовал девять учебных пособий, 22 статьи в рецензируемых журналах из списка ВАК, а также десятки других научных трудов, успешно выступил на десятках авторитетных научных конференций.

Докторская диссертация Р. Д. Керимова по специальности 10.02.19 — «теория языка» — была начата на кафедре немецкой филологии Кемеровского государственного университета под руководством профессора Е. А. Пименова и завершена под руководством профессора Уральского государственного педагогического университета А. П. Чудинова. Было получено согласие на оппонирование от главного научного сотрудника Института языкознания РАН Наталии Владимировны Васильевой, профессора Пермского государственного национального политехнического университета Наталии Михайловны Нестеровой и заведующего кафедрой Пермского государственного университета Светланы Леонидовны Мишлановой. Профессор Эдуард Владимирович Будаев подготовил отзыв ведущей организации — Российского государственного профессионально-педагогического университета.

Руслан Керимов умер на родной кафедре во время перерыва между занятиями, не дожив до

защиты, не успев разослать автореферат. Однако хотелось бы обнародовать важнейшие положения его автореферата.

Цель диссертации состоит «в выявлении, классификации, построении типологии и описании на основе анализа языковых данных когнитивно-семантических, функциональных особенностей и количественных характеристик антропоморфной метафорики в социально-политической коммуникации (на примере современной Германии)». Молодой ученый тщательно проанализировал около 900 текстов, созданных политическими лидерами современной Германии (федеральные канцлеры и президенты, федеральные министры и депутаты, а также главы и министры земельных правительств, депутаты земельных парламентов). Еще один источник исследования — массмедийный политический дискурс (печатные и электронные источники). Эмпирическую базу исследования составили более 9300 метафорических словоупотреблений в современной немецкой политической коммуникации, в том числе более 3000 словарных лексических единиц с вторичным значением и более 6300 дискурсивно-речевых метафорических конструкций.

В отличие от многих других исследований, в работе Р. Д. Керимова последовательно дифференцируются узуальные метафорические единицы (представленные в словарях), традиционные метафорические образы (регулярно используемые в текстах) и креативные метафорические словоупотребления (оказиональные образы, отличающиеся новизной).

Теоретическую значимость своей работы Р. Д. Керимов видел «в расширении теоретической и методологической базы лингвокогнитивных исследований в современной политической метафорологии». Были разработаны, обоснованы и

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

© Чудинов А. П., Нахимова Е. А., 2015

адаптированы для конкретного языкового материала теоретические принципы метафорического моделирования в современной немецкой социально-политической коммуникации, на основе чего сделан вывод о доминантной модели метафорического антропоморфизма, выделены ее базовые сегменты. Соискатель предложил понимание политической коммуникации как совокупности речевых и узуальных номинаций, что позволяет наравне с рассмотрением дискурсивных особенностей экспликации вторичных номинантов обратить также внимание и на собственно языковые факты социальной подсистемы лингвокультуры.

Научная новизна исследования, по мнению автора, состоит «в системном подходе и многоуровневом описании антропоморфного сегмента метафорической системы современной немецкоязычной общественно-политической коммуникации в когнитивном аспекте. В диссертации предложена и использована комплексная методология лингвокогнитивного анализа метафорических единиц, контекстов, конструкций с использованием как традиционных языковедческих процедур, так и современных когнитивных и дискурсивных подходов с учетом влияния экстра- и социолингвистических факторов на процессы функционирования актуальных вторичных значений в социально-политической коммуникации ФРГ; разработана теоретическая модель атропоморфной метафоризации в когнитивном аспекте. Впервые в лингвополитических исследованиях предложено понятие когнитивных сценариев и сцен общественно-политической жизни как понятийно-концептуальной категории, репрезентирующей содержательно-тематическую сегментацию обобщенной сферы-мишени метафорической экспансии „Политика“. На основе комплексного содержательно-логического изучения корпуса метафорических наименований реконструировано и выделено пять когнитивных сценариев и 29 когнитивных сцен, установлена частотность каждой когнитивной сцены и всех сценариев при их корреляции на всех трех когнитивных уровнях исходной понятийной сферы-источника „Мир человека“. Детально охарактеризована экспликация коррелятивных моделей метафорического антропоморфизма в социосфере».

В соответствии с существующими традициями первая глава диссертации посвящена теоретическому обоснованию авторской концепции. Автора отличает удивительная эрудиция, он детально рассматривает концепции множества отечественных и зарубежных специалистов, делает обоснованные глубокие выводы и стремится учесть в своей концепции всё разнообразие существующих точек зрения. Всё это позволяет Р. Д. Керимову предложить оригинальную теорию метафорического антропоморфизма, который понимается как «фундаментальный лингвокогнитивный процесс концептуализации и категоризации в социально-политической коммуникации социальной области в семантических единицах обобщенной понятийной сферы-источника „Мир человека“, который вербализуется на регулярной основе как в узуальном, так и в дискурсивном пространстве политической культуры». Исследо-

ватель считает, что антропоморфизм отражает восприятие и экспликацию социально-политического сегмента языковой картины мира в терминах и понятиях реалий и реляций предметно-материальной, общественно-социальной и биолого-физиологической сторон жизнедеятельности человека. Теоретическая модель метафорического антропоморфизма включает в себя три базовых компонента: когнитивную структуру, вербальную репрезентацию и функциональную направленность антропоморфных метафорических единиц. Когнитивная составляющая модели метафорического антропоморфизма детерминирована понятийными сферами-источниками, фреймами и аспектами, которые образуют иерархически упорядоченную трехчастную и трехъярусную структуру. На вербальном уровне их объективируют три коммуникативно-языковые группы метафор, которые обращены в сегментированную когнитивными сценами социосферу.

В последующих главах представлено детальное описание метафорического антропоморфизма в современной немецкой политической коммуникации. Украшением исследования стал анализ когнитивных сценариев политической жизни Германии. По мнению автора, *когнитивные сценарии* представляют собой содержательный фрагмент социально-политической реальности, каждый из которых концептуализирует один из значимых сегментов общественно-политических отношений внутри государства (внутренние дела) и вне его (внешняя политика). Понимание сценария как фрагмента политической картины мира связано с тем, что в семантике этого обозначения заложены семы предопределенности, планирования, распределения ролей, что в полной мере реализуется в сфере общественной жизни государства, где все реалии, процессы, явления, субъекты и объекты находятся в тесной связи, обуславливают друг друга и в некоторой степени выполняют определенную, изначально заданную функцию. Наиболее детально охарактеризованы пять сценариев и 29 сцен общественно-политической жизни современной Германии:

- сценарий 1 — «Политические процессы в мире» (3 сцены);
- сценарий 2 — «Государственные институты ФРГ» (10 сцен);
- сценарий 3 — «Партийно-политическая жизнь ФРГ» (5 сцен);
- сценарий 4 — «Общественная жизнь Германии» (6 сцен);
- сценарий 5 — «История государства и общества» (5 сцен).

Исследование Р. Д. Керимова показало, что метафорическая антропоморфизация социальной реальности в политической коммуникации проявляется системно и на регулярной основе задеиствует с разной степенью частотности и продуктивности все три языковых пласта, актуализирующих концептуальную метафорику. Реконструируемые антропоморфные метафорические модели эксплицируются в политическом дискурсе не спонтанно — все метафорические образы (узуальные, традиционные и креативные) появляются и формируются под действием законов внутренней системы немецкого языка с учетом

влияния экстралингвистических, социально обусловленных факторов. Обобщенная модель антропоморфного метафорического переноса затрагивает несколько когнитивных уровней исходной и конечной понятийных сфер, что позволяет выявлять многоуровневые и разносистемные семантические связи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Керимов Р. Д. Метафоры метасферы человека в немецкой социально-политической коммуникации : моногр. — Кемерово : Офсет, 2013.
2. Керимов Р. Д. Метафорический антропоморфизм в немецкой социально-политической коммуникации : моногр. — Кемерово : Офсет, 2012.
3. Керимов Р. Д. Германия // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Волгоград : Парадигма, 2006. Т. 4. С. 157—176.
4. Керимов Р. Д. Архитектурный признак немецких концептов 'Германия' и 'ЕС' в политическом дискурсе // Концептуальные сферы «Мир» и «Человек» : коллектив. моногр. / отв. ред. М. В. Пименова. — Кемерово : Графика, 2005. С. 263—283.
5. Керимов Р. Д. Метафорические характеристики концептов «Европа» и «ЕС» в немецкой публицистике // Концепт, образ, понятие, символ : коллектив. моногр., посвящ. 70-летию проф. В. В. Колосова / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. — Кемерово : Графика, 2004. С. 222—237.
6. Керимов Р. Д. Артефактная метафорика в политическом дискурсе ФРГ : учеб. пособие. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008.
7. Керимов Р. Д. Метафорическое таргетирование в немецкой социально-политической коммуникации: сценарии внешней и внутренней политики ФРГ // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 129—141.
8. Керимов Р. Д., Федянина Л. И. Социальная реальность ФРГ как «игра»: метафорический аспект // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 149—163.
9. Керимов Р. Д. Когнитивные основания военной метафоры в немецком политическом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3 (36). С. 57—66.
10. Керимов Р. Д. Театральная метафора в немецком политическом дискурсе (когнитивный аспект) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2013. № 3 (24). С. 206—216.
11. Керимов Р. Д. Концептуализация социальной реальности ФРГ этологической метафорой // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». 2013. № 6 (81). С. 97—101.
12. Керимов Р. Д. Зоометафоры в языке немецкой политики (лингвокогнитивный аспект) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 2 (22). С. 58—68.

13. Керимов Р. Д., Федянина Л. И. Метафоризация библеизмов в немецкой социальной коммуникации // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2013. № 2 (54). Т. 2. С. 75—80.
14. Керимов Р. Д. Концептуальная метафора болезни в немецком политическом дискурсе // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2013. № 2 (54). Т. 2. С. 67—74.
15. Керимов Р. Д. Лингвосимволика цвета в немецкоязычной политической культуре // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 107—124.
16. Керимов Р. Д. «Тело человека» как сфера-источник немецкой социальной метафоры // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 105—123.
17. Керимов Р. Д., Федянина Л. И. Лингвокогнитивная структура немецких социальных концептов «деньги» и «политика» // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2012. № 1 (49). С. 174—185.
18. Керимов Р. Д. Концептуализация социальной реальности фитоморфными метафорами в немецком политическом дискурсе // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2010. № 4 (44). С. 136—144.
19. Керимов Р. Д. Когнитивные основания военной метафоры в немецком политическом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3 (36). С. 57—66.
20. Керимов Р. Д. Театральная метафора в немецком политическом дискурсе (когнитивный аспект) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2013. № 3 (24). С. 206—216.
21. Керимов Р. Д. Концептуализация социальной реальности ФРГ этологической метафорой // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». 2013. № 6 (81). С. 97—101.
22. Керимов Р. Д. Зоометафоры в языке немецкой политики (лингвокогнитивный аспект) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 2 (22). С. 58—68.
23. Керимов Р. Д., Федянина Л. И. Метафоризация библеизмов в немецкой социальной коммуникации // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2013. № 2 (54). Т. 2. С. 75—81.
24. Керимов Р. Д. Концептуальная метафора болезни в немецком политическом дискурсе // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2013. № 2 (54). Т. 2. С. 67—74.
25. Керимов Р. Д. Лингвосимволика цвета в немецкоязычной политической культуре // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 107—124.
26. Керимов Р. Д. «Тело человека» как сфера-источник немецкой социальной метафоры // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 105—123.
27. Керимов Р. Д., Федянина Л. И. Лингвокогнитивная структура немецких социальных концептов «деньги» и «политика» // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2012. № 1 (49). С. 174—185.
28. Керимов Р. Д. Концептуализация социальной реальности фитоморфными метафорами в немецком политическом дискурсе // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2010. № 4 (44). С. 136—145.

A. P. Chudinov, E. A. Nakhimova
Ekaterinburg, Russia

METAPHORICAL ANTHROPOMORPHISM IN SOCIO-POLITICAL COMMUNICATION

ABSTRACT. The article is a review of the book by Ruslan Dzhavanshirovich Kerimov and his dissertation, which the young scholar did not have time to defend, though it was accepted for defense by the Dissertation Council of the Ural State Pedagogical University by appointing the opponents, the leading organization and the date of defense.

In his works, R.D. Kerimov worked out, substantiated and adapted on concrete language material the theoretical principles of metaphorical modeling in the modern German socio-political communication, on the basis of which he made a conclusion about the dominant model of metaphorical anthropomorphism and singled out its basic segments. The researcher offered an interpretation of political communication as a unity of speech and usual nominations, which makes it possible to pay attention to linguistic proper facts of the social subsystem of linguo-culture alongside with discursive characteristics of explication of secondary nominations. Metaphorical anthropomorphization of social reality in political communication is manifested systematically, and on the regulatory basis employs all three language layers, actualizing the conceptual sphere of metaphor with a different degree of frequency and productivity.

KEYWORDS: political communication; political metaphorology; German political metaphor; metaphorical model; military metaphor; socio-political communication; anthropomorphic metaphor; morbid metaphor; Ruslan Kerimov.

ABOUT THE AUTHOR: Chudinov Anatoliy Prokop'evich, Doctor of Philology, Professor, Vice-Rector for Academic and Innovative Activities, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Nakhimova Elena Anatol'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of Advertising and Public Relations, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Kerimov R. D. *Metaforы metasfery cheloveka v nemetskoй sotsial'no-politicheskoy kommunikatsii* : monogr. — Kemerovo : Ofset, 2013.
2. Kerimov R. D. *Metaforicheskiy antropomorfizm v nemetskoй sotsial'no-politicheskoy kommunikatsii* : monogr. — Kemerovo : Ofset, 2012.
3. Kerimov R. D. *Germaniya // Antologiya kontseptov / pod red. V. I. Karasika, I. A. Sternina.* — Volgograd : Paradigma, 2006. T. 4. S. 157—176.
4. Kerimov R. D. *Arkhitekturnyy priznak nemetskikh kontseptov 'Germaniya' i 'ES' v politicheskoy diskurse // Kontseptual'nye sfery «Mir» i «Chelovek» : kollektiv. monogr. / otv. red. M. V. Pimenova.* — Kemerovo : Grafika, 2005. S. 263—283.
5. Kerimov R. D. *Metaforicheskie kharakteristiki kontseptov «Evropa» i «ES» v nemetskoй publitsistike // Kontsept, obraz, ponyatie, simvol : kollektiv. monogr., posvyashch. 70-letiyu prof. V. V. Kolesova / otv. red. E. A. Pimenov, M. V. Pimenova.* — Kemerovo : Grafika, 2004. S. 222—237.
6. Kerimov R. D. *Artefaktnaya metaforika v politicheskoy diskurse FRG : ucheb. posobie.* — Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2008.
7. Kerimov R. D. *Metaforicheskie targetirovanie v nemetskoй sotsial'no-politicheskoy kommunikatsii: stsennariy vneshney i vnutrenney politiki FRG // Politicheskaya lingvistika.* 2014. № 3 (49). S. 129—141.
8. Kerimov R. D., Fedyanina L. I. *Sotsial'naya real'nost' FRG kak «igra»: metaforicheskiy aspekt // Politicheskaya lingvistika.* 2014. № 2 (48). S. 149—163.
9. Kerimov R. D. *Kognitivnye osnovaniya militarnoy metaforы v nemetskom politicheskoy diskurse // Voprosy kognitivnoy lingvistiki.* 2013. № 3 (36). S. 57—66.
10. Kerimov R. D. *Teatral'naya metafora v nemetskom politicheskoy diskurse (kognitivnyy aspekt) // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv.* 2013. № 3 (24). S. 206—216.
11. Kerimov R. D. *Kontseptualizatsiya sotsial'noy real'nosti FRG etologicheskoy metaforoy // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser. «Filologicheskie nauki».* 2013. № 6 (81). S. 97—101.
12. Kerimov R. D. *Zoometaforы v yazyke nemetskoй politiki (lingvokognitivnyy aspekt) // Vestn. Perm. un-ta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya.* 2013. Vyp. 2 (22). S. 58—68.
13. Kerimov R. D., Fedyanina L. I. *Metaforizatsiya bibleizmov v nemetskoй sotsial'noy kommunikatsii // Vestn. Kemerov. gos. un-ta.* 2013. № 2 (54). T. 2. S. 75—80.
14. Kerimov R. D. *Kontseptual'naya metafora bolezni v nemetskom politicheskoy diskurse // Vestn. Kemerov. gos. un-ta.* 2013. № 2 (54). T. 2. S. 67—74.
15. Kerimov R. D. *Lingvosimvolika tsveta v nemetskoй yazychnoy politicheskoy kul'ture // Politicheskaya lingvistika.* 2013. № 2 (44). S. 107—124.
16. Kerimov R. D. *«Telo cheloveka» kak sfera-istochnik nemetskoй sotsial'noy metaforiki // Politicheskaya lingvistika.* 2012. № 4 (42). S. 105—123.
17. Kerimov R. D., Fedyanina L. I. *Lingvokognitivnaya struktura nemetskikh sotsial'nykh kontseptov «den'gi» i «politika» // Vestn. Kemerov. gos. un-ta.* 2012. № 1 (49). S. 174—185.
18. Kerimov R. D. *Kontseptualizatsiya sotsial'noy real'nosti fitomorfnyimi metaforami v nemetskom politicheskoy diskurse // Vestn. Kemerov. gos. un-ta.* 2010. № 4 (44). S. 136—144.
19. Kerimov R. D. *Kognitivnye osnovaniya militarnoy metaforы v nemetskom politicheskoy diskurse // Voprosy kognitivnoy lingvistiki.* 2013. № 3 (36). S. 57—66.
20. Kerimov R. D. *Teatral'naya metafora v nemetskom politicheskoy diskurse (kognitivnyy aspekt) // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv.* 2013. № 3 (24). S. 206—216.
21. Kerimov R. D. *Kontseptualizatsiya sotsial'noy real'nosti FRG etologicheskoy metaforoy // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser. «Filologicheskie nauki».* 2013. № 6 (81). S. 97—101.
22. Kerimov R. D. *Zoometaforы v yazyke nemetskoй politiki (lingvokognitivnyy aspekt) // Vestn. Perm. un-ta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya.* 2013. Vyp. 2 (22). S. 58—68.
23. Kerimov R. D., Fedyanina L. I. *Metaforizatsiya bibleizmov v nemetskoй sotsial'noy kommunikatsii // Vestn. Kemerov. gos. un-ta.* 2013. № 2 (54). T. 2. S. 75—81.
24. Kerimov R. D. *Kontseptual'naya metafora bolezni v nemetskom politicheskoy diskurse // Vestn. Kemerov. gos. un-ta.* 2013. № 2 (54). T. 2. S. 67—74.
25. Kerimov R. D. *Lingvosimvolika tsveta v nemetskoй yazychnoy politicheskoy kul'ture // Politicheskaya lingvistika.* 2013. № 2 (44). S. 107—124.
26. Kerimov R. D. *«Telo cheloveka» kak sfera-istochnik nemetskoй sotsial'noy metaforiki // Politicheskaya lingvistika.* 2012. № 4 (42). S. 105—123.
27. Kerimov R. D., Fedyanina L. I. *Lingvokognitivnaya struktura nemetskikh sotsial'nykh kontseptov «den'gi» i «politika» // Vestn. Kemerov. gos. un-ta.* 2012. № 1 (49). S. 174—185.
28. Kerimov R. D. *Kontseptualizatsiya sotsial'noy real'nosti fitomorfnyimi metaforami v nemetskom politicheskoy diskurse // Vestn. Kemerov. gos. un-ta.* 2010. № 4 (44). S. 136—145.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Из истории политической лингвистики» публикуются впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Научные направления:

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Дополнительная специальность: 24.00.00 — Культурология

22.00.00 — Социологические науки

12.00.00 — Юридические науки

23.00.00 — Политология

07.00.00 — Исторические науки и археология

Издательство: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 219

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Телефоны/ факс: (343) 336-15-92

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в каталог Роспечать. **Индекс 81954.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**. http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.

- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).

- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5—10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // *Вопр. философии*. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // *Ref. Libr.* 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // *Теплофизика и аэромеханика*. 2006. Т. 13. №. 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // *Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке*. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2015. ВЫПУСК 3 (53)

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 25.09.2015. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. — 36,8. Усл. печ. л. — 32,9. Тираж 500 экз. Заказ 4573.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru